

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

Феодора

Тол Уэлмен

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

*Серия романов
о великих правительницах:
галерея женских портретов
в дворцовом интерьере*

Нефертити
Изабелла Кастильская
Мессалина
Елизавета Английская
Семирамида
Клеопатра
Царица Хатшепсут
Королева Виктория
Жозефина
Феодора

Пол Уэллмен

Феодора

ЭКСМО
ПРЕСС
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
У 98

P. I. WELLMAN
THE FEMALE

Составление серии *С. Смирнова и В. Мартова*

Разработка серийного оформления
художника *А. Старикова*

Серия основана в 1998 году

У 98 Уэллмен П.
Феодора: Роман / Пер. с англ. — М.: ЗАО Изд-во
ЭКСМО-Пресс, 1999.— 528 с. (Серия «Женщина-легенда»).

ISBN 5-04-002458-4

Подобно ярчайшей из звезд взошла на исторический небосклон легендарная царица Феодора. Родившись на самом дне Второго Рима, великого Константинополя, и получив воспитание среди актеров и куртизанок, она завоевала сердце Юстиниана, наследника престола, и вместе с ним обрела власть над Византией. В их правление Империя достигла вершины могущества, несмотря на кровавые смуты, укрощенные лишь благодаря мужеству и находчивости прекрасной Феодоры.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
1999 г.

© Перевод. Издательство «Око», 1999 г.

© Вступительная статья. С. Смирнов, 1999 г.

ISBN 5-04-002458-4

Если страной правит король,
Корона давит на голову,
А если — королева,
Корона давит на сердце.

Мария-Антуанетта

Если ты хочешь бежать, царь, это твое дело; у тебя есть деньги, суда готовы, море открыто. Что касается меня, я остаюсь... Царские одежды — прекрасный саван.

Феодора

История знала несколько удивительных личностей, пороки и недостатки которых парадоксальным образом способствовали раскрытию их великих достоинств и талантов. К ним смело можно причислить царицу Византии Феодору, супругу императора Юстиниана, в правление которого Восточная империя достигла наивысшего могущества в мире, вступавшем в эпоху Темных веков...

Увы, несмотря на то, что Феодора сделала ничуть не меньше, а, возможно, и больше своего мужа для процветания империи, в памяти потомков она осталась «той самой царицей, которая была актрисой и куртизанкой...». В отношении Феодоры История оказалась заложницей обычного человеческого ханжества.

Перед Вами, читатель, большой, насыщенный напряженными коллизиями роман о жизни актрисы-императрицы. Автор прилежно следовал историческим источникам и не упустил ни одного сколько-нибудь важного события или персонажа той бурной эпохи. Монументальному портрету царицы остается только определить место в «византийском зале», то есть предвратить книгу кратким «путеводителем» по эпохе.

Слово «Византия» — довольно позднего происхождения. Уже после окончательного разделения Церковью на Восточную, православную, и Западную, католическую, так стали называть греческую империю сидевшие в Риме католики, которые в своем высокомерии считали Константинополь римским захолустьем.

В шестом же веке, когда жила Феодора, Византия именовалась Восточной Римской империей. Процесс разделения вели-

чайшего государства античности, который фактически стал необратимым разделением европейской культуры и самих духовных основ европейской цивилизации, начался в политической сфере еще при римском императоре Диоклетиане, грозном тиране и жестоком гонителе христиан. В 286 году он оставил себе более богатую и процветающую восточную половину империи, «отстегнув» западную своему соправителю, Максимилиану. Последующее противостояние их преемников все сильнее обособляло территории друг от друга.

Наконец на сцену выступил Константин I, названный впоследствии Великим и причисленный к лику христианских святых как первый император, признавший и принявший христианство. Победив всех своих «конкурентов», он стал фактически единовластным правителем обеих империй. Однако он перенес столицу из Рима в давно зачахший греческий городок Византий, на месте которого и выросла столица, получившая имя своего основателя. Вместе с Вавилоном и Римом Константинополю суждено было стать одним из величайших городов древности.

Константинополь быстро богател и ширился, становясь политическим, торговым и культурным центром цивилизации первого тысячелетия христианской эры. А в это время Рим цезарей, Рим железных легионов все чаще становился добычей варваров. Уже с конца III века его правители предпочитали жить не в Вечном Городе, а в Милане, Равенне или Трире. В 410 году Рим был захвачен германским племенем вестготов во главе с их вождем Аларихом. В 455 году Рим подвергся страшному разорению вандалами. Наконец в 476 году последний римский император Ромул Августул был низложен одним из варварских военачальников римской армии, Одоакром. Этот год считается не только годом окончательного падения древней Римской империи, но и концом всей эпохи античности, за которой последовало средневековье. Знаменательно, что Одоакр посчитал императорский титул ниже своего достоинства и отослал корону и пурпурную мантию в Константинополь, императору Зенону, признав его главенство над всей Римской империей. Но у Зенона тоже не хватало сил править всем миром, и он оставил Италию Одоакру, будто черствый кусок со своего стола. Одоакр правил семнадцать лет, пока в Италию не вторглось германское племя остготов. Их вождь, Теодорих, убил Одоакра и, оказавшись весьма незаурядным правителем, основал мощное Остготское королевство, просуществовавшее с 493 по 555 год.

Формальной датой окончательного территориального разде-

ления империи на Западную и Восточную можно считать 17 января 395 года, когда император Феодосий I, не только великий политик, но и человек высоких моральных достоинств, завещал правление своим сыновьям: на Востоке — Аркадию, а на Западе — Гонорию. Его династия правила Византией до 518 года. Затем на престол взошел император Юстин I, чья династия владела государством до 602 года, когда последний ее представитель, император Маврикий, стал жертвой военного мятежа. Выходец из Македонии, племянник Юстина I, Флавий Юстиниан (482/483—565) взошел на престол в 527 году, после смерти своего дяди.

В ту пору Византия была окружена с трех сторон света варварскими королевствами. Италией и большей частью Балкан владели остготы. Территорию Испании занимало королевство вестготов, а северо-запад Пиреней — Свевское королевство. Германцы-бургунды образовали свое государство в юго-восточной Галлии. Его столицей был Лион. В конце V века вождь франков Хлодвиг I из рода Меровингов основал первое франкское королевство со столицей в Париже. Северное побережье Африки принадлежало германцам-вандалам.

Северные пределы Византии, в Подунавье, граничили с землями гепидов. Там же начиналось «бурлящее море» множества племен, еще не готовых к государственному устройству. Общинные и племенные союзы славян, тюркских аваров, гуннов представляли для Византии реальную угрозу. Однако наибольшая опасность грозила империи с Востока, со стороны могущественной персидской державы, что находилась под властью шахской династии Сасанидов, исповедовавших зороастризм. Иран был единственным соседом Византии, способным поспорить с ней сложностью государственного устройства и своими высокими культурными традициями. Он всегда оставался ее главным соперником, но в то же время — главным источником торгового и культурного обмена.

По своей политической структуре Византия была самодержавной монархией. Вся полнота власти находилась в руках императора (василевса). Он считался высшим судьей, законодателем и командующим армией. Его власть считалась божественной, однако не являлась привилегией того или иного аристократического рода и не была узаконенно наследственной. По этой причине положение правителя регулярно испытывалось на проч-

ность, и частые перевороты не приводили к большим потрясениям в обществе.

При императоре был совещательный орган — сенат или синклит, — который совместно с военачальниками и «народом» (представителями знати и торгово-ростовщических кругов) избирал нового василевса, которого затем короновал патриарх.

Фактически страной управляла императорская канцелярия. Она контролировала всю жизнь населения, включая уплату податей, деятельность ремесленных корпораций и т.п. Централизация управления достигалась путем административного деления государства на две префектуры (Восток и Иллирик), которые в свою очередь делились на диоцезы и провинции. Во главе префектур стояли два префекта претория. Они являлись заместителями императора по делам гражданского управления. Они контролировали всю администрацию, управляли городами, организовывали снабжение армии, распоряжались финансами и налогообложением и несли ответственность за «порядок на местах». Штат чиновников в империи был очень велик. Гражданская власть была отделена от военной. Надо отметить, что государственная служба воспринималась византийцами как общественная обязанность, долг, а не «личная» служба императору или сюзерену, понимаемая как зависимость.

Византийская армия уже в V веке насчитывала полмиллиона человек и делилась на пограничные войска (часто набиравшиеся из союзных варварских племен), мобильные части и гвардию, расквартированную в Константинополе. Во главе армии стояли пять магистров. Постепенно значение рекрутского набора крестьян падало, а доля наемников в войсках все больше росла.

Важным отличием от государств Запада и Востока была особая роль Константинополя в структуре империи. Фактически это была империя одного города, подобно императорскому Риму или Вавилону. Один дворцовый комплекс обладал площадью и «населением», превышавшими площадь и население многих высокоразвитых городов того времени. Поэтому, с одной стороны, позиции провинциальной землевладельческой знати были слабы, а, с другой, значительную роль играли социальные и духовные традиции античного греческого полиса. В частности, это выражалось в политическом значении цирковых партий-димов, существовавших в столице и других крупных городах. Порой их влияние на правительство и волю самого василевса было решающим. Из четырех партий наибольшее влияние в Византии имели две — венеты («голубые») и прасины («зеленые»). Первая выра-

жала интересы земледельческой и высшей сенатской аристократии, вторая — верхушки торговых и ремесленных объединений. Между ними образовались и религиозные различия: венеты исповедовали православие, а прасины (разумеется, в большей степени в силу сложившегося политического противостояния) склонялись к монофизитской ереси, то есть к признанию только божественной природы Христа и отрицанию его человеческой природы. Иногда низы обоих димов объединялись против притеснений властей и налогового гнета. Самым грозным их выступлением было восстание «Ника» в 532 году в Константинополе, напоминавшее нашествие вандалов на Рим и ставшее, по сути, проявлением дикого варварства, кровавой люмпенской вакханалией, а не организованным путчем в пользу той или иной социальной группы. После подавления бунта значение партий упало, а спустя столетие они сошли с политической арены.

В целом социальная структура византийского общества в эпоху Юстиниана была довольно разнородной. На его вершине находились аристократы-сенаторы, в большинстве своем происходившие из древних римских фамилий и владевшие крупной земельной собственностью. Вторым привилегированным сословием были городские земельные собственники-куриалы. Ниже находились люди свободных профессий — врачи, юристы, учителя и др. Низшую ступень занимали крестьяне-общинники, колонаты (крестьяне-арендаторы, прикрепленные к земле), городской плебс и рабы. Надо заметить, что общество Византии не было строго «кастовым». Простой воин, даже из варваров, или крестьянин благодаря смелivosti и таланту мог постепенно достичь значительного положения, добиться высокого поста или даже стать императором. В качестве примера можно привести того же императора Юстина, далеко не знатного провинциала, начинавшего свою карьеру простым солдатом-наемником.

Религиозная и церковная жизнь также была полна скрытых и явных конфликтов. С разделением империи стало быстро нарастать соперничество церковных иерархов Востока и Запада за власть в «земной жизни». Причем если на Западе сложилась централизованная церковная иерархия под главенством римского папы, то на Востоке достигнуть единства не удалось и часто возникали трения между патриархами главных религиозных центров — Иерусалима, Константинополя, Антиохии и Александрии. В самом православии шла тяжелая борьба с ересями, которые порой «захватывали» целые патриархаты и временами становились государственной идеологией. К основным ересям

того времени следует отнести, кроме упомянутого монофизитства, арианство и несторианство. Ариане, напротив, не признавали божественной природы Христа, считая его творением Бога, подобным всем простым смертным. Несториане также полагали, что Христос нес в себе только человеческую природу, однако считали, что Он со временем был как бы усыновлен Богом и по Божьей воле стал мессией. Став фактом духовной жизни, эти ереси часто политизировались, когда их идеологи находили благодарную паству в тех или иных социальных группах. С другой стороны, ереси становились своего рода «эрзац-христианством» для различных варварских племен, не способных похвалиться высокой культурой. Ясно, что германцам-готам, «внезапно» оказавшимся в пределах христианского мира, было куда легче усвоить мысль о Христе как посланнике Божием, нежели о Его двуединой, неслиянной, но нераздельной Богочеловеческой природе. Потому они и приняли арианство.

Вернемся же к личности самого Юстиниана, правившего Византией почти сорок лет, с 527 по 565 год. Энциклопедии приписывают все великие достижения именно ему, говоря, что он «завоевал Северную Африку, Сицилию, Италию, часть Испании». Действительно, при Юстиниане Византия превратилась в самое могущественное государство Средиземноморья, и ее политическое главенство вплоть до возникновения империи Карла Великого, хотя и номинально, признавали европейские королевства. Ведя тяжелые войны с Ираном, Юстиниан одновременно разгромил Государство вандалов в Северной Африке (533—534), мощное Остготское королевство в Италии (535—555) и завладел юго-восточными областями Испании (554). Таким образом при нем была восстановлена единая Римская империя. Византийский золотой солид играл в ту пору роль международной валюты. Кроме того, при Юстиниане был создан «Свод гражданского права», ставший вершиной византийской юридической мысли. Многие положения Свода вошли в основы правовых систем будущих государств Европы и не потеряли своего значения до XX века. Наконец, не подлежит сомнению факт, что в VI веке византийское общество было самым высокообразованным и культурным обществом в Европе. Да и вплоть до эпохи Высокого Возрождения оно сохраняло это культурное первенство.

Вместе с тем кое-какие факты заставляют взглянуть на личные заслуги Юстиниана перед отечеством с более критических

позиций. Он вступил на трон в весьма солидном возрасте — сорока пяти лет от роду. Бурной политической активности, подобно Юлию Цезарю или Августу, он с тем, чтобы добиться престола, не проявлял. Все источники, однако, утверждают, что он был человеком очень разносторонним, умным, образованным — настоящим интеллектуалом, обладавшим высокой работоспособностью и административным талантом, но — отнюдь не политическим гением, подобным тому же Юлию Цезарю или Петру I, хотя вполне мог бы поспорить с ними своими успехами. Известно также, что с возрастом он все больше тяготел к «философскому образу жизни», к глубоким теологическим размышлениям и прочим отвлеченным предметам. Даже беззаветная привязанность его к супруге, воистину романтическая любовь, не остывшая в его сердце до самой кончины, свидетельствует о том, что для великого завоевателя и грозного самодержца Юстиниан был слишком «мягкотел»... Наконец, удивляют поразительное малодушие, беспомощность и попросту трусость, проявленные им во время народного мятежа «Ника», случившегося в 532 году, как раз перед началом великих завоеваний. И вот тут-то надо повнимательнее приглядеться к тем людям, которые в тот критический час, когда уже весь Константинополь пылал, а регулярные войска были бессильны, сумели спасти империю и самого василевса.

И тогда можно смело сказать, что Юстиниану очень повезло с приближенными. Ему служил один из величайших полководцев мира — Велизарий (490—565), в военном деле несомненно равный Ганнибалу, Юлию Цезарю и Наполеону, но, увы, оклеветанный при жизни, а по смерти и со стороны самой Истории испытывавший унижительное пренебрежение. Именно Велизарий (вероятно, славянин по происхождению) сумел подавить бунт с горсткой верных ему солдат, а потом завоевал для Юстиниана Северную Африку, разгромил остготов Италии и спас страну от персидского вторжения. Юстиниану служил маленький евнух Нарсес (ок. 478—568), армянин по национальности, обладавший не только блестящим умом политика и дипломата, но и талантом полководца. Также приняв участие в подавлении мятежа, он впоследствии завершил разгром остготов, взял Рим и присоединил к империи Северную Италию. Он одержал победу над вестготами и отразил нашествие на Италию франков и аллеманов. В числе ближайших сподвижников Юстиниана был и Трибониан (ум. ок. 545), один из виднейших юристов. Именно он был одним из руководителей кодификации римского права, а затем и

руководителем комиссии правоведов империи по составлению Кодекса Юстиниана.

И наконец Феодора... Блистательная Феодора! Та, которая в самую трудную минуту проявила мужество и стойкость Велизария, хитрость Нарсеса и спокойную рассудительность Трибуниана.

Да, именно она спасла престол.

Да, некогда она вышла из самых низов, родившись в бедняцкой семье цирковой прислуги. Ее мать была актрисой, и сама Феодора выросла среди актеров, на дне самого богатого и самого развратного города мира. Она была красива и умна. Можно ли упрекать ее в том, что она воспитывалась в атмосфере свободных нравов, а не в крестьянской глуши или среди монахов египетской Фиваиды?

Да, она всецело овладела императором. Юстиниан любил ее без памяти и исполнял все ее требования. Она любила золото — и он дарил ей бесценные сокровища. Она жаждала почестей и уважения — и он выхлопотал ей у своего дяди, в ту пору еще здравствовавшего императора, звание патрицианки. Юстиниан женился на ней, поставив под удар свое собственное достоинство аристократа и престиж наследника престола. Можно ли упрекать Феодору в том, что она была истинной женщиной, что обрела счастье быть любимой и ничем не очернила его, став опорой трона и завоевав уважение народа, жизнь которого она знала куда лучше, чем дворцовая прислуга?

В течение двадцати одного года своего царствования она ко всему прикладывала руку: к администрации, куда назначала своих любимцев, к политике, к Церкви, все устраивая по своему усмотрению. Она назначала и смещала пап, патриархов, министров и военачальников. Она с неистовым упорством добивалась продвижения для своих любимцев и столь же пылко противостояла успехам своих противников, не боясь идти наперекор воле Юстиниана и заменять его приказания своими. Во всех важных делах Феодора была деятельной сотрудницей супруга, порой более глубоко понимая интересы государства и политики империи. Кроме того, она как *правительница* обладала одним воистину редчайшим даром. Если верить большинству источников, она никогда не предавала своих соратников и верных слуг. С риском для собственного положения и с неукротимым упорством она «вытаскивала» своих людей, даже низкого положения, из самых тяжелых переплетов. Мелкие прегрешения и проступки не меняли ее мнение о человеке, ибо кому, как не ей, было по-

нимать, что люди грешны и имеют право на слабости. Тот, кто служил ей верно, был уверен, что повелительница не даст его в обиду, что бы ни случилось. И ей служили воистину — Верой и Правдой.

А что до ее якобы распутного прошлого... то пусть тот, кто сам в душе не грешен, хоть до изнеможения бросает камни. Ни дома, ни государства этим дурным занятием не построишь.

Сергей СМИРНОВ

ГЛАВА 1

Есть на свете города, характером своим подобные мужчинам, простые и грубоватые, наполненные шумом, чадом и толкотней рабочего люда. А есть города — женщины по природе, капризные и прихотливые, постоянно пребывающие в погоне за удовольствиями, полные тщеславия и легкомыслия.

Никогда еще история не знала города, столь похожего на женщину, утонченную, чувственную и прекрасную, каким был Константинополь в год 521-й от Рождества Христова.

Босфор, Пропонтис и Золотой Рог* окружали его своими водами — город-женщина словно покоился в объятиях сразу трех любовников, пресыщенный богатствами всего мира, лениво и самодовольно выставляющий напоказ свою драгоценную архитектуру, изысканный, надменный и обольстительный.

Все противоречия женской природы ощущались в этом городе. Одновременно добродетельный и тщеславный, жестокий и сентиментальный, дикий и благопристойный, Константинополь сочетал в себе лик читающей молитву почтенной матроны с ускользящим взглядом и зазывным смехом куртизанки.

Семь холмов Константинополя и долины между ними были исчерчены бесчисленными улицами, где дома лепились друг к дружке и обитало странное разноязыкое племя, говорящее большей частью на дикой смеси латыни и греческого: торговцы и нищие, артисты и бездельники, священники и безбожники, свободные и рабы, благородные и низкие, трудолюбивые и праздные — такие же, как жители

всех больших городов мира, занятые только собой и не знающие толком, что происходит на соседней улице или даже в соседнем доме.

Восточную часть города занимали богатые кварталы. Здесь находился императорский дворец, особняки богачей и знати, располагались Августеон*, колонна Константина, огромный Ипподром, Арсенал, Сенат, рынок и иные публичные сооружения; над всем этим возвышался, как бы даря свое покровительство и благословение, царственный собор Святой Софии — Вечной Мудрости. Его выстроил, посвятив добродетели Непорочной Девы, император Константин Великий*, причисленный за это христианской церковью к лику святых.

В западной части города господствовал иной культ: здесь находилась знаменитая мраморная статуя Афродиты. Языческая богиня стояла в центре площади, названной ее именем; анахронизм, последнее чудо умирающего искусства Аттики, — императорским указом все языческие боги были заменены Святой Троицей, Богородицей и синклитом святых, — прекрасная и бесстыдная, очаровывающая любого, кто смотрел на нее.

Глаза богини были полуприкрыты, губы словно готовились принять поцелуй любовника, совершенное обнаженное тело было открыто всем взорам. Гениальный скульптор щедро наделил ее плотской красотой, столь ценимой древними греками, — предметом страсти и поклонения.

С четырех сторон пьедестала резвились мраморные дельфины, напоминавшие о рождении богини из волн, здесь же были голубь — символ любви, кролик — воплощение плодovitости и козел, символизирующий похоть.

Такой являлась взорам Афродита Пандемос, богиня плотского влечения и свободной чувственности.

Взгляд мраморной статуи был обращен к улице Женщин, бравшей начало от площади и тянувшейся к бухте Золотой Рог, где раскинулись городские доки. Эта часть Константинополя пользовалась худой славой. И хотя вся знаменитая столица не отличалась добродетелью, улица Женщин словно вобрала в себя все дурные страсти и пороки города. С наступлением темноты сюда стекались толпы холеных бездельников, проводивших дневные часы в постели, взбадривавших себя холодным вином, — те, для которых смысл жизни заключался в погоне за развлечениями.

Взору путешественника, вздумавшего пройти по улице Женщин, начиная от площади Афродиты, открывалось незабываемое зрелище: торгующие своим телом сидели на крышах домов, свешивались из окон, толпились на улице; это был грандиозный спектакль, постоянно меняющееся действие, калейдоскоп женщин всех рас и народностей, удивительная череда нарядов, языков и манер далеких земель. Все это напоминало причудливый заповедник, в котором великая столица собрала экзотическую женственность со всего мира для соблазна туземцев-мужчин.

Контрасты и разнообразие ошеломляли: здесь были девушки Сирии и Армении с нежной смуглой кожей и золотыми кольцами в ушах; черные женщины Нубии и Эфиопии, украшающие юбки мелкими бриллиантами и никогда не закрывающие грудь; тонкокостные хрупкие персиянки, искушенные в любви, известные своей необыкновенной восточной чувственностью; еврейские женщины с томным взором и изящными руками; медлительные египтянки с точеными фигурами; загадочные женщины из далекой Индии с трепещущими ноздрями...

Довольно большую часть улицы занимали уроженки северных стран — создания с рыжими волосами, грудным голосом и молочно-белой кожей, стыдливые даже в разврате.

Но все это было лишь малой частью странных противоречий знаменитейшей улицы Византии.

Ее нижняя часть, расположенная ближе к докам, называлась Стабулы, или Конюшни. Здесь содержались рабы, осужденные провести остаток своих дней в мучениях и позоре. Рядом расположилась городская тюрьма, а неподалеку — невольничий рынок, куда каждый новый военный поход доставлял свежую партию невольников. Именно сюда спешили на распродажу покупатели живого товара, в особенности держатели отвратительных притонов с женщинами-рабынями.

Перед продажей рабынь тщательно сортировали, цена определялась только красотой и здоровьем, и очень часто принцесса покоренной страны стояла рядом со вчерашней прислугой, и за прислугу давали куда больше. Женщин продавали обнаженными, и каждая стояла согнувшись, стараясь прикрыть наготу руками; то тут, то там слышалось «интакта», что означало «девственница». Эти пользовались особым спросом.

Затем начинались торги: купцы громко расхваливали свой товар, их соленые шутки чередовались со взрывами хохота покупателей. Быстрее всего распродавались красивые девушки и женщины, уродливые тоже расходились неплохо — их брали для тяжелой работы. Оставшихся поглощали дешевые бордели, и несчастные создания попадали в руки жестоких хозяев, отбравших у них все заработанное и обращавшихся с ними, как с животными.

Стабулы считались самым опасным районом улицы, даже рабыни боялись появляться там ночью, не считая педан, дешевых побирушек, продающих себя любому за медную монетку или плошку еды и ночующих прямо на улице у порогов чужих домов. Ежегодно множество куртизанок погибали из-за денег и украшений. Но и нищенка в лохмотьях, не привлекающих внимания грабителей, пустившись в ночное путешествие, подвергалась смертельной опасности.

Ничего хорошего не могла сулить встреча с бандой молодых сорвиголов, называющих себя ювентами Алкиноя в честь легендарного сластолюбивого царя*. Эти юнцы предавались всевозможным порокам и пользовались полной безнаказанностью, будучи выходцами из влиятельных и знатных семей. Днем они прогуливались по городу, беспечные, ухоженные, с завитыми и напомаженными волосами, кокетничая со встречными женщинами, а ночью выходили на свою отвратительную охоту, выискивая на темных улицах несчастных жертв. Чаще всего им попадались проститутки, чьи места обитания ювенты, разгоряченные вином, избирали для ночных забав. Они устраивали засаду и ждали, пока одинокая женщина не попадется в их западню; ее тащили в темноту, насмехаясь над ее мольбами и слезами, сама идея отобрать силой то, что женщина предлагает за деньги, казалась им невероятно забавной и тешила их извращенное чувство юмора. Богатым куртизанкам удавалось порой откупиться от бандитов браслетом, ожерельем или серьгами и спастись, бедные же часто умирали от жестоких побоев и издевательств. Проститутки, стоящие вне закона и церкви, не могли искать защиты у правосудия, но и респектабельные горожанки боялись ювентов, ибо те были беспощадны и всегда выходили сухими из воды.

Верхние кварталы улицы Женщин, примыкавшие к площади Афродиты, считались относительно безопасными, по

ночам их охраняла городская стража, получавшая дополнительную плату от состоятельных куртизанок.

В отличие от несчастных обитателей Стабул, большинство проституток жили на улице Женщин по доброй воле. Следуя жестким римским нравам, дочь наследовала профессию матери, не обучаясь ничему иному и не зная ничего другого, не испытывая ни сожаления, ни стыда, а, наоборот, считая служение Афродите и Астарте* чуть ли не священным долгом.

Такова была улица Женщин, тянувшаяся через весь Константинополь, подобно змее с завораживающими драгоценными глазами, — самое большое в мире прибежище порока и свободной любви.

Пьедестал мраморной Афродиты, стоящей на площади, был всегда украшен гирляндами цветов, миртовыми ветвями и женскими безделушками: кольцами, серьгами или просто монетками. Часть украшений были дорогими, остальные же — довольно грубые поделки, свидетельство бедности их владелиц. Все эти подношения попадали сюда вместе с мольбами о защите и покровительстве из уст женщин, не желавших принимать христианскую веру и отвергавших единого Бога.

С самого своего начала христианская религия беспощадно боролась с многобожием и проституцией. Плотская любовь была объявлена позорной, а поклонение Афродите — противозаконным. Однако многие женщины тайком приходили к нагому изваянию покровительницы любви и украдкой оставляли у ее подножия свои дары, стараясь побыстрее затеряться в толпе.

В то майское утро мраморная Афродита, усыпанная цветами, была особенно прекрасна, а рядом с ее пьедесталом расположилось невероятно уродливое существо, словно подчеркивая прелесть богини своим безобразием. Прохожие поглядывали на него с нескрываемым отвращением. Существо не стояло и не сидело, как обычные люди, а лежало в корзине, похожей на клетку. Корзина была закреплена на спине крошечного ослика, часами терпеливо стоявшего со своей странной поклажей. Бесформенное тело нищего напоминало обрубок, обернутый в лохмотья, ноги были хилые, немощные и кривые, будто лишённые костей, только руки были сильные, мускулистые и длинные, с хваткими кистями, привыкшими протягиваться за милостыней.

Зато голова! Голова этого страшилища возвышалась на тонкой шее над хилыми плечами, клонясь назад под собственной тяжестью. В сравнении с тщедушным телом она казалась громадной и жуткой: ни единого волоска, лоб и подбородок изувечены, рот растянут. Но с этого безобразного лица неожиданно смело и умно смотрели пронизательные глаза, заставляющие вздрогнуть и отшатнуться, крестясь, заглянувшего в них зеваку. В них таились скрытая мощь и угроза.

«Обол! Один обол*! — без остановки тянуло существо низким, гнусаво квакающим голосом. — Пожертвуйте один обол несчастному, ваша милость! Ради Иисуса Христа, одну только монету! Господь видит, что я сам не могу зарабатывать себе на хлеб, а нужды у меня самые скромные!»

Иногда сквозь мольбы и просьбы проскальзывали слова, заставляющие многих настроиться:

«Я буду молить Господа, ваша милость, и если вы будете так щедры и не обидите несчастного калеку, он принесет вам удачу, уберезет от злых языков, спасет от лжесвидетелей и ложных обвинений!»

Эти слова заставляли кошельки открываться. Византийцы боялись собственного правительства, наводнившего город шпионами, — а этот нищий вполне мог оказаться одним из них. Нередко случалось, что удачливый купец в одно отнюдь не прекрасное утро обнаруживал свое имя в списке преступников, а свое имущество — конфискованным только потому, что не пополнил императорскую казну скромным даянием.

Нищего на ослике звали Айос, что в переводе с греческого означало «святой», однако святости этот калека был лишен начисто. Он был рожден обычным нищим, а уродом его сделал собственный отец, также живший подаянием. Ребенка изувечили в раннем детстве, специально придав телу и конечностям безобразную форму в расчете, что так ему будет легче выклянчить милостыню, вызывая жалость у окружающих. Старый нищий умер в полной уверенности, что оказал сыну неоценимую услугу и обеспечил ему верный кусок хлеба.

Что касается самого Айоса, то он давно свыкся со своей участью. Не проклиная судьбу, а скорее весело выходил он на свой ежедневный промысел. И при этом ни на минуту не уставал наблюдать.

Площадь Афродиты вбирала в себя пять самых больших улиц, тянувшихся из разных частей города, и здесь рано или поздно оказывался всякий, кто приезжал в столицу.

В это утро Айос увидел толпу фригийских моряков в остроконечных шапках, жадно глазающих по сторонам и отпускающих скабрёзности вслед каждой юбке. За ними прошагал фанатик с безумными глазами, спутанной гривой и в рваной одежде отшельника. Потом показались двое мужчин: один пожилой и статный, в старомодной тоге, другой — совсем юный, завитой и надушенный, с веточкой мирта за ухом. Оба направлялись в сторону невольничьего рынка. Молодого окликнула группа разодетых в пух и прах юнцов, толпившихся у винной лавки. Он замедлил шаг, но пожилой проворчал что-то неодобрительное о бездельниках, и юноше пришлось подчиниться. С несчастным видом он поплелся вслед за своим спутником.

Через площадь проследовал караван тощих и высокомерных верблюдов, ведомый такими же тощими и высокомерными погонщиками-арабами, презиравшими этот странный и непостижимый для них город. Проковылял на своей деревяшке одноногий Исавр, опираясь на костыль. Перекинувшись парой непонятных слов с Айосом, он поспешил прочь, заметив приближающийся отряд гвардейцев. В белоснежных одеждах, серебряных шлемах, с пиками, сверкающими на солнце, воины выглядели весьма внушительно.

С другой стороны на площадь вступила еще одна процессия — узники в ножных кандалах, глухо позвякивавших при каждом движении. Несчастных с озлобленными и затравленными лицами гнали вооруженные стражники и надсмотрщики с бичами.

Для сидевшего в корзине Айоса все увиденное имело особый смысл. Отряд воинов-эскувитов, иначе — дворцовых гвардейцев-стражников*, вместе с толпой моряков означал, что в порт вошло фригийское судно, груженное золотом для императорской казны, и солдаты должны обеспечить охрану драгоценного груза.

Пожилой человек и юноша были, разумеется, отцом и сыном. Сенатора Полемона Айос знал в лицо, а молодой человек собирался вступить в брак, об этом говорила миртовая веточка за ухом; на невольничьем рынке им необходимо было купить рабов для услужения в новом доме юно-

ши. Айосу захотелось узнать о дне бракосочетания поточнее — обычно там, где шел свадебный пир, щедро подавали.

Рабов в кандалах вели в порт, на военные галеры, где им уготовано быть прикованными к скамье и веслам до самой смерти. За последние дни Айос видел уже две такие процессии и невольно припомнил слухи о новом военном походе к берегам Персии.

Мрачный фанатик был монофизитом*, членом влиятельной религиозной секты из Египта, противостоящей православия. Скорее всего затихшие было на время стычки и распри между двумя ветвями христианства снова обострились.

Среди расфранченной молодежи у винной лавки Айос узнал кое-кого из ювентов Алкиноя. Он ненавидел их за жестокие ночные забавы и считал позором и проклятием Константинополя.

И, наконец, одноногий нищий с костылем, Исавр, сообщил Айосу кое-что полезное на том странном языке, который не был ни греческим, ни латынью. Этот жаргон, понятный далеко не всем, был языком тайной империи, языком посвященных.

Наряду с могучей Римской империей, управляемой императором Юстином*, существовала другая, невидимая, над которой император не был властен; империя, простиравшаяся от края до края древнего мира и не ведавшая национальных границ. В ней был свой язык, свои тайные знаки, свои законы, ее подданные знали обо всем происходящем в мире и умели мгновенно передавать новости: слухи о передвижениях диких гуннов или восстании на туманных Британских островах, известия о чуме скота в Месопотамии и сведения о вздорных распрях богословов в Африке — любая информация достигала ушей Айоса гораздо раньше, чем становилась достоянием столицы, и все это благодаря имперской секретной службе.

Этой скрытой от глаз империей было всемирное Братство Нищих.

Примерно в полдень на площади Афродиты Айос заметил невысокого коренастого купца. Грек по происхождению, тот с нескрываемым восхищением любовался мраморной красотой богини.

Чужеземца звали Дат. Одетый не без изящества, с тяжелой золотой шейной цепью, украшенной тремя великолеп-

ными изумрудами, с аккуратно подстриженной бородкой, он держался уверенно и посматривал вокруг живыми пытливыми глазами.

— Обол! Один обол! — проквакал Айос. — Добрый чужестранец из Египта, пожалей несчастного горемыку!

Купец перевел взгляд со статуи на калеку, его рука потянулась к кошельку.

— Вот, возьми, — коротко проговорил он, бросая нищему не жалкий медяк, а целый серебряный денарий. Айос разразился в адрес щедрого чужеземца хвалебной тирадой, но прежде незаметно попробовал монету на зуб. Бородатый купец со спокойной улыбкой смотрел на уroda, не торопясь уходить.

— Слушай, нищий, откуда тебе известно, что я из Египта?

— Я угадал это по вашей изысканной манере носить пеплум*, — отвечал Айос со лстивой гримасой. — Я всегда считал, что Египет — страна мудрости и веселья. В особенности прославленная Александрия.

— Ну, раз ты так много знаешь, — рассмеялся польщенный Дат, — скажи, кто изваял эту прелестницу?

— Некоторые говорят — Пракситель*, но никто не знает наверняка. Она появилась тут очень давно, еще до того, как Константин Великий сделал Византий своей столицей.

— Она прекрасна. Я привык ценить красоту.

— Ваша милость впервые в Константинополе?

— Да.

Этим утром Дат ступил на землю Византии в порту, куда его доставил его собственный корабль, груженный хлопком, слоновой костью, кожами и душистой смолой. Он в первый раз любовался этим удивительным городом. Все, что он видел, приводило его в восторг. Да, поистине столица была великолепна! Даже Александрия, жемчужина Египта, не могла сравниться с ней. Величественные здания, пестрая толчея на шумных улицах с многочисленными лавками и заведениями... И кого здесь только нет! Рыбаки, уличные менялы, торговцы сладостями и дичью, брадобрее, продавщицы улиток! Их крики смешиваются с грохотом повозок и экипажей, и все это сливается в сплошной мощный гул, напоминающий шум далекого океана.

Ранним утром, когда корабль Дата еще только приближался к порту, бороздя Пропончис, названный позже Мраморным морем, купец ощутил близость огромного города.

Прибрежные волны, насколько мог охватить взор, буквально кипели от обилия больших и малых судов. Тяжелые грузовые корабли со скотом, зерном, шерстью, фруктами, остроносые военные галеры, сверкающие веслами, утлые суденышки рыбаков, прогулочные лодки — все спешили в порт или прочь от него.

Дат с беспокойством размышлял о судьбе собственного товара. Будет ли на него спрос при таком размахе торговли и изобилии всякой всячины?

Но едва его корабль причалил к берегу, на борт хлынула толпа суетливых перекупщиков, старавшихся перекричать друг друга. Спустя несколько часов охрипший Дат продал все, причем прибыль превзошла самые смелые ожидания. Осталось лишь разгрузить судно с помощью рабов. Таким образом, у него впереди был целый день для знакомства с этим чудесным городом, столицей столиц.

Мысли Дата прервал нищий на осле.

— Если ваша милость даст мне еще одну монету, я, пожалуй, смогу сообщить кое-какие сведения о Константинополе.

— Какие же это сведения? — спросил Дат, улыбаясь.

— Любые. Ваша милость ценит красоту. А раз так, ваша милость должна любить и наслаждения. Я могу дать совет, где найти и то, и другое сразу.

Купец ухмыльнулся.

— Держи свою монету. Да не кусай, она не фальшивая, настоящий серебряный империял. Ну, где же эта твоя обитель красоты и удовольствий?

Айос зажал монету в кулаке.

— Прежде всего, ваша милость, перед вами лежит улица Женщин, самая известная в стране.

— Что? Бордели? — купец нахмурился. — Это я уже видел. Меня в них ничто не прельщает.

На мгновение Айос задумался. Чем бы заинтересовать бородача и выудить у него еще один денарий? Что нового можно найти на улице Женщин?

Там обитали блудницы всех рангов: педаны — самые дешевые, пристающие к мужчинам на улице; квазиллярии — бедные служанки, продающие себя за несколько медных монет, спешащие потом к своим пряткам и домашним делам; копы, или девушки из винных лавок, накачивающие клиентов вином хозяина; перегрины — иностран-

ки, обещавшие необычные услуги; сальтатрисы и фидицины, сочетающие свое ремесло с танцами и игрой на флейте, их обычно нанимали для обслуживания пиров; мимы, или актрисы цирков и театров, использующие сцену для привлечения клиентов; люпинарии, занимающие вполне приличные дома, где у каждой была комната и на дверях красовалась табличка «окупато», если внутри был гость; даже саги, уродливые старухи, бывшие проститутки, продающие теперь любовные зелья, снадобья для избавления от нежелательной беременности и занимающиеся сводничеством, гнездились здесь.

Быстро перебрав в памяти эту сложную иерархию греха, Айос смекнул, что александрийцу вряд ли все это подойдет.

— Ваша милость, вы знакомы с борделями, но ни один из них не может сравниться с улицей Женщин! — живо возразил он. — Здесь рядом находятся кварталы, где живут куртизанки, женщины высшего сорта среди продающих себя для наслаждений, равных им нет во всей империи!

— Они живут прямо в этих домах на площади?

— О, нет! — торопливо ответил нищий. — Эти дома принадлежат фамозам — самым богатым из них. Я бы не рекомендовал вашей милости входить туда. Иностранец не может попасть в такой дом без должной рекомендации, проще попасть на прием к сенатору. Кроме того, услуги фамоз страшно дороги. Вот этот дом принадлежит Македонии, известной танцовщице и актрисе, ей покровительствует племянник императора Юстиниан. Справа дом Хионы Бозцианки, которая, по слухам, берет сотню золотых только за одну ночь. И находится немало богатых глупцов, готовых раскошелиться, чтобы потом вопить на весь свет, что провели ночь со знаменитой Хионой! Да будет вам известно, ваша милость, что фамозы враждуют между собой. Ревность, зависть, вероломство, предательство — все здесь налицо. А еще бывает, что красивейшие из женщин предпочитают находить возлюбленных только среди лиц своего пола. О, это худшие из них!

— Согласен, — произнес Дат довольно сухо.

— Но если вы, ваша милость, имеете утонченный вкус и не боитесь потратиться, вы получите за свои деньги то, что нужно: сразу за домами фамоз обитают маленькие деликаты, прекрасные девушки, берушие намного меньше,

чем фамозы, зато куда более свежие и искусные в любовных делах и умеющие развлечь гостя.

Александриец, ведший дома жизнь весьма умеренную и трезвую, был все-таки человеком светским, к тому же он пребывал в том возрасте, когда мужчина начинает задумываться, долго ли ему осталось пользоваться земными радостями. У него было свободное время, его никто не знал в этом огромном городе, так что небольшое приключение ему не повредит, к тому же будет потом что вспомнить. Он бросил нищему еще денарий и, благословляемый им, зашагал по улице Женщин.

В окне, выходявшем прямо на мостовую, сидела молодая женщина с темными волосами, уложенными в высокую прическу, и слегка помахивала миртовой веточкой.

Она молча улыбалась. Трудно судить, искренней или фальшивой была ее улыбка. Большие глаза смотрели невинно — так может смотреть только юное существо, хотя за улыбкой вполне могла скрываться женская мудрость и опытность в любовных делах.

Миртовая ветка была знаком Афродиты и говорила сама за себя. Дат остановился и в упор посмотрел на девушку.

«Очень хорошенькая», — подумал он. И вслух добавил:

— Милая сестрица, кого поджидаешь?

— Кого? Разумеется, тебя.

— Меня? Разумеется? — переспросил купец, немного озадаченный находчивостью девушки. — Такая юная красавица ожидает мужчину с седой бородой?

— Мне восемнадцать, и я женщина. А что касается бороды, то несколько седых волосков вовсе не делают мужчину старым.

Ее манера говорить и улыбка пленили его.

— А как зовут тебя, милая сестрица?

— Феодора.

— Феодора? По-гречески это означает «Дар богов».

— Да.

— Тогда, любезный Дар, отопри свою дверь.

— Она не заперта, входи.

Дат тронул дверь, та легко поддалась, и он вошел. Девушка стояла на верхней ступени лестницы в белом платье, падавшем широкими складками, и в темноте прихожей напоминала призрака.

— Проходи в мою комнату, — пригласила она.

Купец поднялся по деревянной лестнице и проследовал за нею в маленькую гостиную.

— Хочешь отдохнуть? У меня есть кипрское вино и медовые пирожки. Ты можешь перекусить, — деликатно предложила хозяйка.

На свету в гостиной Дат рассмотрел, что у нее блестящие темные глаза на бледном лице и нежный рот, живой и чувственный.

— Только чашу вина, — попросил он и поспешно добавил: — Я знаю Кипр. Это остров, где родилась сама Афродита.

— И я также.

Он посмотрел на нее вопросительно:

— Так ты киприотка или киприанка?

Игра слов, где первое означало всего лишь, что женщина родилась на острове, второе же имело особый смысл, подчеркивая, что она искушена в делах любви, как уроженки Кипра.

Она ответила просто:

— Тебе решать.

От этих слов сердце купца учащенно забилося. Стараясь скрыть охватившее его волнение, он глотнул вина.

— Ты живешь здесь одна, Феодора?

— О нет, у меня есть рабыня. В этом доме живут еще две девушки со своими служанками.

— И много времени ты проводишь у окна?

— Вовсе нет.

Он кивнул. Глупый вопрос. Ему следовало бы догадаться, что у нее много любовников.

Феодора улыбнулась и спросила:

— Ты останешься у меня на ночь или твое посещение будет коротким?

Девушка говорила без тени смущения, держалась с достоинством, в ней не было ничего вульгарного, она была проста и изящна.

— Думаю, коротким, — пробормотал Дат неуверенно.

Она кивнула.

— Тогда я скажу Тее, она запрет дверь, чтобы нас никто не побеспокоил.

Дат вовсе не был распутником. В своем городе он слыл почтенным семейным человеком, занятым делами и живущим со стареющей женой и подрастающими детьми. То,

что он совершал сейчас, было ново и необычно для него, он начал волноваться и бранить себя за поспешность. Но прежде чем он успел окончательно раскаяться в своем решении, девушка вернулась. И все его страхи и сомнения мгновенно рассеялись. Она была так прекрасна, так желанна, так близка! Он почувствовал, что страстно хочет ее. Хотя он знал на своем веку немногих женщин и не считал себя опытным в подобного рода делах, он понял — того, что сейчас случится, он уже никогда не сможет забыть.

Он отставил чашу и поднялся.

Девушка тотчас приблизилась к нему.

— Поскольку твой визит будет коротким, не пора ли нам познакомиться поближе? — шепнула она. Он обнял ее, кровь застучала у него в висках. Каждая новая женщина, пусть даже куртизанка, таит для мужчины нечто непознанное, обещая неизведанные наслаждения и удивительные открытия...

Позже, когда они лежали, отдыхая, на алых простынях в маленькой комнате, он негромко произнес:

— Я передумал. Я остаюсь на ночь.

Она кивнула, ничуть не удивившись.

— Я скажу Тее, чтобы она приготовила нам ужин.

— Хорошо, но не сейчас.

— Ладно, не сейчас.

Он снова жадно нашел губами ее рот. После долгого поцелуя Дат приподнялся на локте и всмотрелся в бледное лицо девушки. Ее роскошные темные волосы разметались в беспорядке по подушке, опутав его плечо.

Некоторые женщины рождаются на свет, чтобы будоражить, беспокоить, искушать и иссушать мужчин. Инстинктивно Дат почувствовал, что в его объятиях лежит именно такая женщина, и его сердце сжалось от недоброго предчувствия. Но его опасения улетучились, как только она улыбнулась.

— Персидские мудрецы, или маги, хвастают, что умеют определять время суток по зрачку кошки.

— А ты умеешь?

— Когда я смотрю в твои глаза, я вообще забываю о времени.

Он прервал ее смех поцелуем. Иметь дело с такой женщиной — это предел человеческих возможностей. Он восторженно погружался в томные теплые волны, забывая обо

всем на свете. Нежно прижав ее к себе, он сразу же почувствовал, как она ответила на объятие, с трепетом прильнув к нему.

ГЛАВА 2

Поздно вечером усталый и довольный Дат, ужиная с Феодорой, начал расспрашивать ее, задавая обычные вопросы, которыми мужчина всегда докучает любовнице: много ли у нее было мужчин до него, как она стала заниматься своим ремеслом, и прочее тому подобное. Вопросы эти девушка слышала не раз и давно перестала считать оскорбительными или неприятными. Она отвечала спокойно, почти машинально, и хотя все, о чем она рассказывала, было чистейшим вымыслом, мысли ее снова и снова возвращались в реальное прошлое. А оно было неприглядным, как у всех, кто вышел из самых низов, ежедневно подвергаясь унижениям. Но юная куртизанка хорошо усвоила, что не следует говорить об этом мужчинам, ибо так меркнет ореол таинственности, которым женщина всегда окружена в их глазах.

Феодора вспоминала свое детство. Мать, посредственная актриса и продажная женщина — что в жизни всегда одно и то же, — была содержанкой Акакия, зрителя зверинца в Пафосе, главном городе Кипра. Кроме Феодоры, средней, в семье было еще две дочери: Комито, тремя годами старше, и Анастасия, самая младшая. Их можно было считать сводными сестрами, ибо никто не знал их отцов, вряд ли их помнила сама мать. Девочки были не похожи друг на друга, но все очень хорошенькие.

Феодора едва помнила покрытые дымкой зеленые горы Кипра и сверкающее голубое море, края столь прекрасные, что греки издревле считали их родиной самой Афродиты.

Когда Фео было четыре года, Акакий увез свое семейство в Константинополь. Он получил пост зрителя медведей в зверинце, принадлежавшем партии Зеленых.

«Синие» и «зеленые»... Так именовались две партии, постоянно враждовавшие на Большом Ипподроме*. Сколько неслыханных случаев породила эта вражда, сколько удивительных событий произошло благодаря ей в жизни древнего мира и великой империи!

Эти партии были как бы наследием старого Рима, когда сражавшиеся гладиаторы и колесничие облачались в белые, зеленые, красные или синие цвета. В те далекие времена, как пояснили Феодоре, эти четыре цвета означали просто времена года: снег зимы, зелень весны, жару лета и голубую дымку осени.

Зрители привыкли к этому и сами стали одеваться в те же тона, что и их любимцы, соперничая при этом со всеми, кто предпочитал иной цвет. Причиной этой на первый взгляд смехотворной вражды была страсть римлян к азартным играм и пышным зрелищам. Константинопольцы, усердно подражавшие Риму во всем, также оказались заражены этой болезнью.

Азарт, с которым люди стремятся получить что-то из ничего, играя и делая ставки, опасен, он толкает человека к гибели и разрушению, в бездну, откуда потом не выбраться. Игры на Ипподроме захватили беспечное и праздное население Константинополя, избалованное удовольствиями и благами столичной жизни, и стали его главной страстью. Византийцы делали ставки на все подряд, даже малыши, едва научившиеся ходить, лихо бились об заклад, подбрасывая медные монетки в пыли посреди улицы.

В Риме времен Нерона из четырех враждующих партий со временем образовались две: Зеленые поглотили Красных, а Белые примкнули к Синим. В Константинополе также поспешили принять это, усмотрев в выборе цветов извечную борьбу между зеленью земли и синевою моря.

Византийцы боготворили состязания колесниц на Большом Ипподроме. Сюда стремился каждый желающий заработать без труда, надеясь сорвать большой куш и вместе с беснующейся толпой удовлетворить темные инстинкты видом кровавого зрелища.

Гонки на колесницах велись по жестоким правилам и были весьма опасны для наездников: почти всегда тот или иной погибал или бывал изувечен копытами бешено мчащихся лошадей.

Колесничие, баловни удачи, становились фаворитами столицы и всей империи так же, как прежде гладиаторы. Удачливый наездник, побеждая, пользовался слепым обожанием толпы, в особенности тех, чьи доходы он увеличивал, ежедневно играя со смертью. Но век его был короток и судьба predetermined. Он наслаждался славой под да-

мокловым мечом неумолимого рока. Перестав быть человеком, он превращался в заложника толпы, которой был необходим. Красивейшие женщины добивались его внимания, его появление на улицах вызывало бурю рукоплесканий. Пышно одетый, сорящий деньгами направо и налево, он вел беззаботную жизнь, прекрасно понимая, что в это самое время где-нибудь в Константинополе или в провинции — далекой Антиохии, Адрианополе или Александрии — новый колесничий готовится к скачкам, намереваясь рискнуть жизнью ради восторженного рева толпы, и завтра этот, новый, займет его освободившееся место на Ипподроме.

Сам Ипподром был гордостью кичливых византийцев, любящих похвастать перед чужеземцами. Огромное сооружение из камня в форме конского копыта вмещало сто тысяч зрителей и вплотную примыкало к стенам императорского дворца.

Гигантская арена, повторяя форму копыта, замыкалась мощным строением, возвышавшимся вровень с многоярусными трибунами. На нижнем этаже его находились конюшни, помещения для колесничих и их прислуги, отсюда на арену открывалось шестнадцать ворот, над которыми располагались лучшие места для патрициев, знати и вельмож, а над всем этим была сооружена кафисма, или императорская галерея, украшенная пурпурными занавесами, откуда император и его свита следили за ходом скачек и игриш.

Кафисма соединялась с внутренними покоями дворца системой подземных переходов, чтобы император мог попасть на Ипподром, минуя шумные улицы и не сталкиваясь с чернью. Женщины не допускались на игрища, и императрице приходилось наблюдать за происходящим на арене с колокольни церкви Святого Стефана, возвышавшейся над трибунами, а витражи на окнах скрывали первую даму империи и ее свиту от взоров толпы.

Ярусы Ипподрома заполнялись живой бурлящей массой, и тогда одна сторона трибун оказывалась зеленой, а вторая — синей, в соответствии с тем, как рассаживались друг против друга враждующие партии, в то же время напоминая огромный котел, кипящий в пламени страстей. Для византийцев это место было чем-то вроде современного игорного дома, где собираются люди, охваченные лихорад-

кой азарта, готовые ради выигрыша на что угодно — предательство, убийство, мошенничество.

Зеленые и Синие ежедневно устраивали на улицах столицы жестокие потасовки, нередко заканчивающиеся кровопролитием. Каждая партия владела зверинцем, имела свои конюшни, своих любимых колесничих; фракционеры не жалели аплодисментов и восторженных криков для «своих» и с ненавистью освистывали соперников при каждом удобном случае.

Население Константинополя и всей империи вплоть до самых отдаленных ее уголков было вовлечено в это противостояние. Оно ссорило друзей, разбивало семьи, ломало законы, расшатывало императорский трон, вносило сумятицу в дела церкви, и без того запутанные...

Когда четырехлетняя Фео впервые увидела Ипподром, Зеленые были в фаворе, они занимали лучшие западные трибуны, находящиеся в тени после полудня. Старый император Анастасий*, монофизит, благоволил к зеленому цвету.

Но времена изменились. На трон взошел молодой Юстин, исповедовавший православие и открыто поддерживающий Синих. Зеленым ничего не оставалось, как перебраться на восточные трибуны и выжидать удобного случая, надеясь на милость переменчивой Фортуны и изнывая от жары под жестоким полуденным солнцем.

И молодой Юстин, и его предшественники заигрывали с чернью, добиваясь ее расположения и потакая ее низменным вкусам. Поощряя любовь толпы к зрелищам, представители царствующей византийской династии боялись ее необузданной ярости, памятуя, что по прихоти толпы лишился головы не один правитель.

Разумеется, малышка Фео ни о чем таком не подозревала. Но одним из ее самых ярких детских впечатлений был громopodobный вопль, несущийся с Ипподрома, — «Ника!», что означало — победа. Этот тысячеголосый рев, полный ненависти и торжества, поразил воображение девочки. Каждый раз он снова и снова пугал ее, словно предвестник скорого несчастья, которое неизбежно должно случиться с ней.

И несчастье не заставило себя ждать. Беда обрушилась на веселую маленькую Фео — запах смерти в доме, гру-

бость, побои, унижения, — все это было страшным ударом длямышленного и свободолюбивого ребенка.

Однажды Акакия смертельно ранил цирковой медведь. Феодора видела, как убивалась мать над телом бедняги, но не прошло и недели, как не успевшее остыть место на супружеском ложе занял другой мужчина. Мать никто не осуждал: нужно было кормить девочек. Покойный Акакий, хотя и был туповат, отличался добрым нравом и снисходительно относился к ремеслу жены. Сменивший его Ородонт, молодой левантинец, оказался жесток, вспыльчив и себялюбив. Если дети шумели и беспокоили его, он колотил их, и Феодора возненавидела отчима, научившись в то же время скрывать свои чувства и всегда быть начеку.

Вместе с женой покойного Ородонт намеревался унаследовать и должность смотрителя зверинца «зеленых». Но процветавшая в столице коррупция сделала свое дело, — несмотря на взятку, пост достался другому, более щедрому претенденту. Это оказалось катастрофой для маленькой семьи — Ородонт перестал давать деньги на содержание детей.

Отчаявшись, бедная женщина решила на крайнюю меру, казавшуюся ей единственным средством спастись от нищеты.

Феодора очень хорошо запомнила все случившееся потом. Мать, рыдая, одела девочек в чистые белые туники, украсила цветами их головки и вывела на слепящий песок Ипподрома.

Начинались состязания колесничих. Слышно было, как за воротами фыркают и бьют копытами лошади. Нервы толпы и поводья возничих были натянуты до предела. Наездники с трудом удерживали своих скакунов на месте, готовые отпустить их с первыми ударами гонга.

Девяносто тысяч зрителей заполняли трибуны, уходившие ввысь. С изумлением все эти девяносто тысяч воззрились на трех маленьких девочек, робко замерших на арене близ трибун, где помещались «зеленые». Сверху белые фигурки казались крошечными.

Над рядами пронесся ропот:

— Что это за ублюдки?

— Что они здесь делают, кто пустил их сюда?

— Лысый Вельзевул, может, это дурацкая шутка?

— Погодите, это, должно быть, новое представление!

Восьмилетняя Комито, пятилетняя Феодора и трехлетняя крошка Анастасия, исполняя то, что приказала им мать, внезапно упали на колени и, подняв вверх ручки, умоляли о милости и покровительстве.

На трибуне над кафисмой вдруг поднялся человек. Все узнали его — это был Остий, первый глашатай партии Зеленых. Он начал речь, и его мощный голос словно чеканил слова, позволяя каждому присутствующему на Ипподроме хорошо слышать его.

— Знайте, о люди... это просто уловка... дабы унижить правосудие... обращение к почтенной публике... недостойного мужа, который таким образом хочет получить пост... уже отданный другому человеку... много достойнее!..

Толпа разразилась ревом негодования. Так вот в чем дело! Глашатай тем временем продолжал:

— Это незаконно... женщины не допускаются на представления... всем известно... скачки придется отложить!..

Это стало последней каплей. Для византийцев, уже выложивших свои деньги и дрожащих от нетерпения, такой поворот событий был невыносим. Понеслись раздраженные крики:

— Вон их немедленно!

— Очистить арену!

— Кто выпустил сюда этих маленьких потаскушек?!

Вдруг кто-то злобно завопил:

— Да начинайте же скачки!

Толпа немедленно подхватила этот крик.

— Начать скачки! Начать немедленно!

О жажда зрелищ любой ценой, темный инстинкт толпы! Стоило отпустить лошадей, как три крошечных живых существа будут уничтожены, втопты в песок могучими копытами. Толпа была охвачена жадным желанием увидеть, как белый песок превратится в кровавую кашу — вот это будет забава!

Оживление у ворот нарастало. Казалось, распорядители готовы пойти на поводу у бесновавшейся толпы, а несчастные дети обречены, никто и ничто уже не спасет их.

Напуганные шумом, сестры поднялись с колен и стали медленно пятиться, держась за руки. Старшая, казалось, начала понимать угрожающую им опасность. Она побежала первой. Феодора, крепко вцепившись в ее руку, тащила за собой младшую, чьи короткие ножки едва научились хо-

дить. Анастасия упала, но Феодора упорно волокла ее по песку, стараясь не отстать от Комито.

Внезапно шум на трибунах стих. Со стороны «синих» раздался резкий голос Друба, заставивший остальных умолкнуть. Зрители затаили дыхание, стараясь не пропустить ни слова.

— Знайте, о люди!.. Поскольку Зеленые так жестоко обошлись с этими несчастными детьми... «синие» берут их под свое покровительство! Возвращайтесь домой, малышки... скажите отцу, что его ожидает должность в зверинце Синих... и не забывайте этот день... и благодеяние, оказанное вам!..

Ничего подобного Ипподром доселе не видывал. «Синих» побудило к этому шагу только желание насолить «зеленым» — но дети были спасены!

Все ждали, пока они покинут арену. С этого момента вражда между «зелеными» и их противниками усилилась, но Феодора никогда не забывала, что именно «синим» она обязана жизнью. Она помнила рев взбешенной толпы, жаждущей крови, ее крови; ее и сестер толпа хотела видеть раздавленными на арене ради собственного удовольствия!..

Их семья поселилась в своего рода лагере под форниками, или нижними галереями Ипподрома, где ютилась городская беднота и дешевые шлюхи. Подрастающей Феодоре открылись самые неприглядные стороны жизни, и она воспринимала все как должное. Здесь она была вполне счастлива, потому что чувствовала себя свободной и была предоставлена самой себе. Иногда, чтобы заработать медный обол, она носила записки куртизанкам от пылких любовников; случалось, ее услугами пользовались обитатели богатых особняков, и она могла заработать целый денарий.

Девочка была в курсе всех городских событий, знала, откуда удобнее наблюдать за триумфальным парадом войск, за пышной императорской процессией или шествием высокого церковного сановника в окружении монахов, или просто следить, как надсмотрщики гонят толпу рабов на укрепление городских стен, вечно требующих ремонта.

Часто Феодора бегала поглазеть на публичные казни, во время которых жертву обезглавливали, вешали или сажали на кол. Последнее было особенно популярно в столице, этот вид предания смерти сменил распятие, ибо считалось, что если распятие на кресте претерпел сам Господь, оно не

годится для простых смертных. Традиционная жестокость нравов не вызывала протеста в душах черни, и публичные казни собирали толпы зевак.

Изредка Феодоре сквозь шелку в воротах удавалось подсмотреть за ходом скачек; затаив дыхание, она видела, как сильные мужчины гибли на арене под копытами мчащихся лошадей, как колесницы с наездниками, утерев колесо, разбивались вдребезги о каменные стены Ипподрома.

Девочка могла свободно проникать в зверинец и бродить среди клеток со скалящимися львами, леопардами, медведями, огромными черными быками с острыми, как пики, рогами, специально отточенными, чтобы легче пронзать противника под одобрительные вопли многотысячной толпы на Ипподроме. Смертельные поединки гладиаторов были уже запрещены церковью, но бои животных, истекающих кровью, остались одним из любимейших развлечений праздных жителей столицы.

Маленькая Феодора научилась клянчить милостыню у ворот Ипподрома и постепенно подружилась с городскими нищими. Айос на ослике привлек ее внимание, Феодора находила его забавным. Их знакомство переросло в дружбу, и ребенок стал незаменимым помощником хитрого попрошайки. Побираться на Большом рынке, раскинувшемся как раз напротив Ипподрома вдоль Виа Альта, было делом небезопасным. Торговцы не любили нищих и всячески стремились избавиться от них, призывая на помощь городскую стражу. Но Айос с помощью маленькой Феодоры успешно делал свое дело. Девочка обожала проводить время вместе с Айосом на огромном столичном базаре. Рынок напоминал ей целый город под крышей, живущий удивительной жизнью, наполненный особыми красками, звуками, ароматами. Он состоял из тысяч ларьков и палаток, теснившихся длинными рядами, с распахнутыми до темноты окошками, за которыми сидели торговцы. Разложив товар, торговцы громко зазывали покупателей, некоторые шумно спорили или бранились с соседями, иные же дремали в ожидании клиентов.

Между палатками тянулись узкие кривые проходы, накрытые ветхими навесами, пропускавшими солнечные лучи и дождевые потоки.

Ряды палаток делились на кварталы в соответствии с ремеслом их владельцев. Одни из них занимали седельщи-

ки и кожевенных дел мастера, другие — булочники, третьи — горшечники, тут торговали благовониями, там — украшениями из золота, и так далее, в бесконечном разнообразии. Это был потрясающий воображение рынок, крупнейший в империи, и нищий, вроде Айоса, мог легко добыть здесь пропитание. Однако рано или поздно хозяева ларьков вызывали стражу, и тогда Феодора с удовольствием исполняла свою роль. Заметив приближающихся стражников, она бросалась к Айосу, сверкая темными глазами, с криком: «Скорее, скорее, Айос, они идут!» Пока солдаты добирались до места, где расположился нищий, он успевал юркнуть в одну из узких щелей и скрыться. Эту ее трогательную помощь и дружбу Айос никогда не забывал, испытывая что-то вроде нежности к живому и смышленому ребенку.

Часто они сидели и болтали, греясь на солнце у стены Ипподрома, нищий — в корзине на терпеливом ослике, девочка — рядом на земле. В Айосе горькая житейская мудрость сочеталась с грубоватым юмором, от него Феодора выучилась языку, на котором говорило Братство Нищих, он же показал ей потайные ходы, похожие на крысиные норы, тянувшиеся под трущобами и дворцами столицы.

С малолетства Феодора знала о ремесле матери, и оно казалось ей естественным, как любое другое занятие, дававшее деньги на еду и одежду. Детей часто оставляли следить за варевом на огне, пока мать уединялась с очередным клиентом, чтобы заработать на новую тунику или сандалии, если Ородонт проигрывал в кости или пропивал свое жалованье.

Однако настало время, когда матери пришлось оставить свое занятие. Она утратила молодость и привлекательность, и дочерям пора было начинать зарабатывать самим тем же способом. Таков был неписанный закон, по которому сын сапожника учился тачать башмаки, а сын пекаря — выпекать хлебы и булки.

Для того, чтобы юной девушке стать настоящей куртизанкой и брать приличную плату за свои услуги, необходимо было пройти специальное обучение и усвоить правила, диктуемые профессией. «Новообращенных» учили игре на арфе или флейте, искусству танца, декламации и сценическим приемам, чтобы вернее завлечь мужчину и завоевать его.

Существовала специальная школа — Дидаскалион*, где старые опытные куртизанки обучали девушек искусству

любви. В те дни общество не осуждало такие заведения, наоборот, даже состоятельные семьи охотно отдавали туда дочерей, чтобы, пройдя курс обучения, молодые женщины могли составить себе удачную партию и чувствовать себя уверенно и счастливо в супружеской жизни.

Но мать Феодоры была бедна и беспечна. Жалованья Ородонта и ее случайных заработков на Дидаскалион не хватало, их дочери не умели ни петь, ни танцевать, не знали нот и не были обучены бесчисленным маленьким хитростям, складывавшимся в искусство возбуждать страсть в мужчине... Когда старшей, Комито, исполнилось пятнадцать, она первая начала зарабатывать, торгуя собой. Привлекательная и развитая физически, Комито надеялась на успех; ей очень хотелось иметь рабыню, прислуживающую ей, как было заведено у настоящих куртизанок. Впрочем, денег на покупку рабыни у семьи не было, и роль прислужницы досталась средней сестре. Одетая в грубую тунику, Феодора покорно исполняла все, что от нее требовалось.

Капризная и эгоистичная Комито наслаждалась новой для нее ролью госпожи. Она осыпала сестру оскорблениями, пинала и щипала за нерасторопность, и девочка покорно сносила все ее выходки. Вскоре Комито стали приглашать на ночные пирушки в богатые особняки, а маленькую «рабыню» запирали в подвале вместе с настоящими рабами. Наверху в ярко освещенных покоях звучала музыка, слышался смех и звон посуды, Комито была занята очередным любовником и не вспоминала о несчастном создании, томящемся в темной клетке вместе со сбродом, утратившим человеческий облик, ожесточившимся и понимающим только язык кнута и цепей. Ужас, пережитый Феодорой в душных и тесных подвалах, где она обычно забивалась в самый дальний угол, навечно остался в ее памяти. Она никому не рассказывала о страшных сценах, свидетелем которых ей пришлось стать среди полулюдей-полуживотных. Между тем она подрастала, ее тело утратило детские линии и приобрело женскую привлекательность. Невозможное случилось, когда Феодоре было тринадцать лет. Грязный раб изнасиловал ее в одном из мрачных подвалов. На следующий день маленькая рабыня впервые не подчинилась сестре. Швырнув в нее скамеечкой, которую повсюду носила за своей госпожой, Феодора навсегда покинула дом.

Начались самые тяжелые месяцы в ее жизни. Для начинающей проститутки не нашлось места в лупанарии, где она имела бы по крайней мере крышу над головой. Ей пришлось перебраться в другой район столицы, на улицу Женшин, и начать зарабатывать как педана, прячась по темным закоулкам, кутаясь в тряпье и дрожа от холода, замерзая ночью у чужих порогов, рискуя быть избитой за медную монету. Она очутилась на самом дне, все ее существо протестовало против этих скотских условий, но гордость не позволяла ей вернуться домой. Там она не была нужна никому. Она сделала свой выбор, теперь оставалось бороться за жизнь или умереть в константинопольских трушобах.

Здесь она столкнулась с маленькими дешевыми педанами, вроде нее самой, какими были полны бедные кварталы. Большинство этих несчастных быстро умирали от дизентерии, неудачного выкидыша или побоев. Феодоре удалось выжить, в ней была заложена неистребимая тяга к жизни, какая-то таинственная сила придавала этому худенькому хрупкому телу стойкость и упорство. В самые голодные и черные дни жизнелюбие спасало ее, придавая живой блеск темным глазам и свежесть бледному личику.

Она пережила трудную зиму и весной начала работать как копа — при винной лавке, заманивая подвыпивших мужчин. У нее появились деньги на новую одежду и обувь, она даже сняла маленькую комнатку рядом с лавкой. Казалось, самое страшное уже позади. Феодоре исполнилось пятнадцать, когда новый удар судьбы обрушился на нее. Она забеременела.

Болезни и беременность — две главные опасности, лишаящие женщину заработка и толкающие ее в нищету. Средства, предохраняющие от беременности, вроде специально обработанного рыбьего пузыря, были дороги, Феодора надеялась только на удачу, до поры хранившую ее от обезображивающей проказы, дурных болезней и нежелательной беременности. Почувствовав неладное, девушка пришла в отчаяние. О том, чтобы родить, и помыслить было нельзя. Она не сможет прокормить младенца, да и как зарабатывать все это время?

Охваченная ужасом, Феодора кинулась к старой саге, торговавшей снадобьями. Средство для прерывания беременности имелось, но стоило пять золотых монет — сумма, немислимая для бедной копы. Старая карга пространно

объяснила Феодоре, что это зелье может убить не только нерожденного младенца, но и мать, поэтому всегда есть риск оказаться осужденной по византийским законам за двойное убийство. Несчастливая девушка, еле волоча ноги, отправилась домой, всерьез подумывая о самоубийстве. Нужно было на что-то решиться.

На следующий день Феодора попыталась выкрасть деньги у одного из своих клиентов. Но посетитель лавки не был настолько пьян, как ей показалось. Он очнулся как раз в тот момент, когда она срезала кошелек с его пояса, и поднял крик. Феодору, пытавшуюся спастись бегством, схватили прямо на улице.

Это был конец. Ее ожидали тюрьма, публичная порка и клеймо — а ворам его выжигали на щеке, — и это значило, что больше она не сможет зарабатывать. Оцепенев от ужаса, Феодора не сопротивлялась окружившим ее преследователям.

Внезапно на улицу у винной лавки свернула процессия, состоявшая из восьми рабов, несших богатые носилки в сопровождении нескольких стражников. Привлеченная шумом, хозяйка носилок велела рабам остановиться и тотчас заметила бледную девушку со спутанными волосами и безумным взглядом, удерживаемую разъяренными мужчинами. Толпа притихла, когда высокая, изысканно одетая, привыкшая повелевать женщина вышла из носилок, и все узнали Македонию, богатую фамозу. Ходили слухи о ее дружбе с племянником императора Юстина. Немного денег хозяину лавки, еще горсть меди толпе, дабы умерить ее пыл, — и пленница на свободе. Взмах руки — и процессия двинулась дальше, унося константинопольскую фамозу и никому не известную маленькую копу. Когда подоспели городские стражники, носилки давно уже скрылись из виду.

Доброта и сердечность Македонии покорили Феодору. Богатая и влиятельная куртизанка спасла ее просто так, как спасают маленького беззащитного котенка от рук мучителей. Вспоминая пережитое, Феодора плакала по ночам и благословляла свою новую покровительницу. Ребенок не явился на свет...

Когда Феодора поправилась, Македония продолжала помогать ей, устраивая небольшие роли на сцене. Девушка обнаружила недюжинный комедийный талант. Она не умела петь и декламировать, но у нее было удивительно живое

лицо, прирожденная пластичность, она так умело изображала известных в городе лиц, что публика покатывалась от хохота. Феодора остроумно импровизировала по ходу представления, и это всегда вызывало бурю оваций. Юная актриса быстро приобрела популярность и деньги. Она выучилась читать по-латыни и по-гречески и упорно совершенствовала свое мастерство, оттачивая жесты и движения, стала брать уроки декламации.

Македония поселила маленькую протезе в своем роскошном особняке на площади Афродиты. В салоне фамозы собиралось изысканное общество. Дома известных гетер посещали сливки столицы, точно так же, как во времена Бурбонов французские аристократы отдыхали и развлекались в особняках фавориток королей, герцогов и кардиналов.

Два года девушка прожила в гостеприимном доме фамозы, помогая хозяйке в постановке маленьких представлений для гостей, сервировке обедов и пиров, даваемых в доме беспрестанно. Юная актриса обладала живым воображением, тонким вкусом и быстро обучилась изящным манерам и умению вести светскую беседу.

Ей исполнилось семнадцать. Чувствуя себя вполне способной самой зарабатывать на жизнь, она оставила гостеприимный дом своей покровительницы и поселилась в квартале деликат неподалеку, сняв маленькую удобную квартиру. В ее жизни начался новый этап.

У нее было достаточно денег, чтобы не отдаваться за гроши первому встречному, низкие грубые простолюдины были напрочь исключены вместе с опасностью заразиться дурной болезнью. Купить ее услуги могли только состоятельные мужи, богатые молодые повесы или купцы вроде этого александрйца. Она считала себя счастливой, ее существование омрачали разве что долги, в которые она иногда залезала, тратясь на драгоценности и духи...

Такова была подлинная жизнь прелестной деликаты, о которой она и не думала рассказывать Дату за ужином. Никому и никогда не говорила она об отвращении и страхе перед нищетой, мысль о том, что она снова может оказаться на улице, приводила ее в содрогание. Красота ее вполне расцвела, восемнадцатилетняя обольстительница была окружена аурой божественной глупости, скрывавшей трезвый, ясный ум и горький опыт от посторонних глаз. Она ничего не забывала и не прощала, но извне вся ее жизнь на-

поминала игру, и обладавшие ею мужчины не могли обнаружить никакой логики в ее поступках и словах. Она все подвергала испытанию — себя, свои порывы и желания, своих любовников, их слабые и сильные стороны, все анализировала и оттачивала искусство брать верх над мужчиной, доводя его до совершенства.

Дат из Александрии счел себя счастливейшим из смертных, встретив подобное создание, но недаром в глубине его души мелькнул страх перед этой необычной женщиной.

ГЛАВА 3

На пятый день утром Феодора медленно приходила в себя после очередной бурно проведенной ночи. Попытки напрячь мозг и тело вызывали легкую дурноту, она чувствовала себя крайне истощенной.

Тея, боясь гнева госпожи, старалась не побеспокоить ее даже звуком, в доме стояла тишина. Ставни были приоткрыты, сквозь них доносился шум большого города.

Лежа на боку с закрытыми глазами, Феодора машинально вслушивалась в отдаленный городской гул. Девушка спала обнаженной, вытянувшись на алых простынях, которые выгодно оттеняли белизну ее нежной кожи.

Феодора, любившая свое великолепное выносливое тело, ненавидела вялость и ощущение бессилия в нем. Однако в то утро она была слишком слаба, всякое напряжение физических и душевных сил казалось ей мучительным. Наконец она сделала усилие и перевернулась на другой бок. Соседняя подушка была пуста, но еще хранила вмятину от головы. Феодора снова расслабилась и закрыла глаза. Потом, точно пытаясь вспомнить что-то, провела рукой по лицу, спустилась к шее. Пальцы нащупали ожерелье: тяжелая золотая цепь с тремя крупными изумрудами, мерцавшими зеленым огнем. Она окончательно проснулась, и лицо ее просияло. Ожерелье стоило не меньше тысячи золотых солидов — дорогой подарок, намного более дорогой, чем деньги. С тех пор, как появились фальшивомонетки, в деньгах нельзя быть уверенным, к тому же они часто не соответствовали своему номиналу, люди «стригли» их, стараясь украсть хоть немного сплава от краев монеты.

Изумруды были подарком Дата из Александрии, кото-

рый провел с Феодорой не одну, а целых четыре ночи. Каждое утро он спрашивал ее, какую плату она потребует, и каждый раз она прерывала этот разговор. И вот результат: он снял с шеи это великолепное золотое ожерелье с камнями и преподнес ей...

Это был первый по-настоящему дорогой подарок, полученный Феодорой. Купец, будучи уже не первой молодости, выказал себя, однако, хорошим любовником. Может быть, еще и потому Феодора вспомнила о нем с теплотой, в то время как ко всем остальным клиентам она испытывала презрение, смешанное с брезгливостью.

Обычно куртизанка видит мужчин далеко не с лучшей стороны. Одни слишком много пьют, другие вечно грязны, третьи грубы и жестоки с женщинами.

Большинство из них вели себя одинаково: сначала — глупые слова, затем — жеребьячья страсть и, наконец, — слабость, испуг и пристыженное выражение лица, словно их унизили или застали на месте преступления. Феодора еще не до конца осознала свою силу, но уже имела возможность убедиться в ее действии. Ее всегда забавлял контраст между тем, каким человек казался, и каким он был на самом деле. В особенности это касалось сильных мира сего.

Военачальник, сенатор, богатый владелец загородной виллы, философ, поэт — все они были нелепы на алом ложе Феодоры. В любви она всегда выходила победительницей, и триумф ее женственности давал ей ощущение могущества. Результаты не всегда были пропорциональны затраченным усилиям, однако чудесное изумрудное ожерелье явилось свидетельством того, что ей удалось околдовать этого зрелого мужа, преуспевающего в торговле.

В комнате было светло. Несмотря на открытые ставни, греческий светильник на столе все еще горел. Утро выдалось жарким и безветренным. Феодора почувствовала, что тело покрылось легкой испариной, и решила искупаться. Она протянула тонкую белую руку к столику у кровати и постучала по лампе бронзовым молоточком в форме фаллоса.

Тотчас в комнату вошла Тея. Рабыня была на два года старше Феодоры, с влажными голубыми глазами и золотистыми волосами, уложенными в прическу, походившую на шлем.

— Что, александриец ушел? — спросила Феодора.

— Да, госпожа. Перед рассветом. Его корабль отплыл с утренним приливом. Вы спали, и господин не велел будить вас. Просил передать, что никогда вас не забудет. Он сказал, что вы принесли ему удачу: ему очень повезло в торговле слоновой костью.

Существовало поверье — женщина, в чьи объятия попадает мужчина, приносит ему удачу или несчастье. Феодора не верила предрассудкам, но всегда радовалась, если ее клиенту везло: это шло на пользу ее карьере.

Рабыня пожирала глазами изумрудное ожерелье. Она была вышколена, поэтому молча ждала распоряжений хозяйки.

— Ты спала, Тея?

— Да, госпожа.

— Комнаты в порядке?

— Да, это я всегда делаю в первую очередь.

Феодора слабо кивнула.

— Как ванна?

— Все готово, госпожа.

Феодора пошевелилась, превозмогая вялость. Немного помолчав, она спросила:

— Кто-нибудь заходил?

— Был молодой Герон.

— Я же приказала больше не пускать его!

— Я и не пустила, он оставил вам цветы и вошаную дощечку.

Феодора раздраженно заворочалась на ложе.

— Гони его прочь! Он знает, что с ним покончено! Нет, погоди, цветы выброси вон, а дощечку дай мне. Уверена, этот болван не мог написать ничего путного... Ладно, в конце концов давай ее сюда, это развеселит меня.

Тея подала хозяйке сложенную пополам дощечку. Та развернула ее, прочла и, состроив гримаску, отшвырнула в угол. Вот что писал молодой человек:

«Ты отказала мне, жестокая Феодора! Сколько раз я пытался поговорить с тобой — все тщетно, ты не хочешь слушать меня. О небеса, сейчас я сделаю то, на что толкает меня мое горе. Когда ты прочтешь эти строки, будет уже слишком поздно. Мое сердце, бившееся только для тебя, умрет. Герон».

Записка окончательно разбудила куртизанку. Она села на ложе, собрала темные густые волосы, рассыпавшиеся по

плечам, потом потянулась и вскочила, прогнувшись и выпрямившись. Когда она зевнула, нежный рот стал похож на маленькое «о».

Стоя рядом с Теей, она казалась статуэткой. Каждая линия обнаженного тела была чиста и совершенна. Ее кожа была нежна и шелковиста, талия тонка, бедра и грудь изумительной формы, губы напоминали лепестки розы. Феодора походила на цветок — удивительный бессмертный цветок. Это была поистине прекрасная представительница человеческой породы, которой в ее дни не нашлось лучшего применения, чем продавать свое восхитительное тело.

Тея набросила на плечи хозяйки тонкую шелковую накидку, и Феодора села завтракать. Отрезая хлеб и фрукты маленькими ломтиками, она макала их в вино, разглядывая свое лицо в серебряном зеркале. Невольница занялась ее волосами.

Древние мудрецы твердят, что порочная жизнь оставляет на человеческих лицах неизгладимые следы. Однако лицо куртизанки было таким же безупречным, как и ее тело; ни разочарования, ни житейская грязь не оставили на нем своих отпечатков. Возможно, потому, что Феодора и не считала свою жизнь порочной.

— Ну-ка, дай мне еще раз эту дощечку.

Феодора прочла записку вслух.

— Как ты считаешь, Тея, что он задумал?

— Наверное, самоубийство, — осторожно предположила рабыня.

— А-а, у него не хватит на это смелости!

— А что думает госпожа?

— Пока не знаю. Он несносен, он требует, чтобы я принадлежала только ему, и никому больше. Бестолковый, чего он ждет от куртизанки — целомудрия? Пусть идет на невольничий рынок и купит себе интакту!

— Все мужчины бестолковы, — изрекла Тея.

— Знаешь, что я слыхала? Герон — один из этих презренных ювентов, я их ненавижу. Меня они не трогали, но на прошлой неделе им попалась Госсия, маленькая флейтистка. Бедное дитя до сих пор не может прийти в себя...

— Ужасно! — прошептала Тея, содрогнувшись. Разнужданные юнцы наводили ужас на всех обитательниц улицы Женшин.

— Герон запутался в долгах, — продолжала Феодора, —

он уже не может сам себя содержать, стать его женой сейчас — хуже не придумаешь. Я люблю свободу. Я так ему и сказала.

— И что он ответил?

— Он был пьян и ударил меня. Это случилось за три дня до появления александрийца. Хорошо, что в это время явился другой посетитель — ростовщик Мирон, такой худой, лысоватый, ты его знаешь. Мы вдвоем еле вытолкали Герона из дому. Пришлось подарить Мирону любовь бесплатно, и это при том, что я и так на мели! А этот болван пишет... Господи, как много я получаю посланий, в которых мужчины собираются умереть из-за меня! И хоть бы один сдержал обещание!

— А Тимон, письмоводитель?

— Чепуха! Он был пьян, когда его переехала колесница. Несчастный случай.

— А Кальций?

— Да нет же! Этот принял сок болиголова*, чтобы избежать долгой тюрьмы. Долги, а не я довели его до отчаяния.

— Моя госпожа слишком строга к себе.

— Твоя госпожа просто хорошо знает людей. Любая куртизанка в состоянии рассеять все горести и печали подобных мужей за полчаса. Кроме Герона кто-нибудь был?

— Если вы спрашиваете о торговцах...

— Продолжай.

— Снова был хозяин мебельной лавки. И ювелир с базара, насчет сережек, говорил, что пойдет жаловаться в магистрат. И еще продавец шелка очень торопился и угрожал...

— Кредиторы показывают зубы, — помрачнела Феодора. — Как назло. Уже заложены все дорогие вещи, кроме тебя, Тея. Мне бы очень не хотелось тебя продавать.

Рабыня побледнела. Она знала, что если ее продадут с молотка, она попадет в Стабулы, славившиеся ужасной жестокостью. Хозяйка, хоть и была строга, никогда не била девушку и даже разрешала ей обслуживать своих клиентов, когда сама была слаба или нездорова. Златокудрая Тея приятно оттеняла прелесть своей темноволосой госпожи.

Заметив тень ужаса на лице невольницы, Феодора смягчилась.

— Завтра все может измениться. У меня есть план, и это ожерелье поможет его осуществить.

План только начинал складываться у нее в голове. Жи-

вой ум Феодоры никогда не бездействовал, она была решительна и всегда находила выход из любой неблагоприятной ситуации. Часто само провидение, казалось, приходило ей на помощь. Большинство ее сверстниц, девушки из бедных семей, жили пассивно, влача уготованное им жалкое существование и даже не пытались спорить с судьбой, чтобы изменить ее к лучшему.

Феодора рано осознала, какое это несчастье — родиться женщиной. У женщины практически нет шансов утвердиться в жизни. Жестокая судьба то возвышает, то унижает ее, она — игрушка в руках мужчины, истинного хозяина жизни. То, что мужчина порой теряет из-за женщины рассудок, в конце концов оборачивается против нее же.

Феодора не считала себя обделенной или несчастной. Она была куртизанкой и служила мужчинам, вкладывая в свою службу всю врожденную пылкость. С любовником она была воплощением женственности, она отдавалась до конца, и после ночи любви обычно спала целый день, свернувшись калачиком. Мужчины, хоть раз познавшие ее любовь, не хотели с ней расставаться...

Например, тот же юный Герон, сын сенатора Полемона. Любовь куртизанки, да еще такой прекрасной, как Феодора, считалась особым шиком, недаром она воспевалась поэтами в двенадцатистопных греческих стихах. Разумеется, на куртизанках не женились — для этого существовали женщины из приличных семей, с хорошей репутацией и богатым приданым. Юнцу нужно перебеситься до свадьбы — и поэтому ничего удивительного не было в диких клятвах, вздохах, слезах и проклятиях злой судьбе, приведшей его на улицу Женщин...

Закончив завтрак, Феодора направилась в купальню в сопровождении рабыни, которая несла благовония, притирания и свежие простыни.

В доме вместе с Феодорой обитали еще две куртизанки: Антонина и Хризомалло. Ванная же комната была общей для всех. Феодора издали услышала голоса девушек и, распахнув дверь, увидела славную сценку. Пухленькая белокожая Хризомалло только что вышла из воды, служанка вытирала ее пушистым полотенцем. Хризомалло стояла спиной к Феодоре, изящно изогнувшись, на ее нежных полных бедрах были заметны ямочки, привлекательные для мужского глаза. Хризомалло выглядела чуть старше Феодоры,

а другой куртизанке, Антонине, было около двадцати. У нее были дивные золотисто-каштановые волосы и зеленые глаза; в этот момент Антонина лежала на массажной скамье, рабыня-нубийка занималась ее спиной. Рабыня была одета в короткую светлую юбочку, ее черная кожа блестела, груди раскачивались в такт каждому движению. Феодора про себя отметила контраст между розовым телом Антонины и склонившимся над ней эбеново-черным мускулистым телом рабыни.

Хризомалло вслух провозглашала формулу красоты, которую недавно узнала:

— Высота лба должна соответствовать расстоянию от центра нижней губы до нижней части подбородка, брови должны начинаться над внутренним углом глаза и кончаться над наружным углом, зрачку следует располагаться над углом рта, губы не должны быть ни слишком полными, ни слишком тонкими...

В этот момент Антонина заметила Феодору.

— Наконец-то! — вскричала она, прерывая Хризомалло. — Четыре дня тебя не было видно! Что, твой гость ушел?

— Сегодня утром.

— И что это был за мужчина, продержавший в объятиях нашу Феодору целых четыре дня?

Вместо ответа Феодора жестом велела Тее снять с себя накидку. Подруги разом завизжали.

— Новое ожерелье! — кричала Хризомалло.

— От него? — допытывалась Антонина. Одна вырвалась из рук служанки, другая вскочила со скамьи, и обе кинулись к подруге.

— Изумруды! — воскликнула Антонина. — Они должны быть настоящими — да, да! Чудеснейший камень! И в Эфиопии, и в Бактрии каждый знает, что это самый лучший камень!

— Удивительный подарок, — подтвердила Хризомалло.

Нельзя было не заметить, что три нагие девушки являли собой восхитительную картину, именно с таких прекрасных женских тел Фидий* ваял своих знаменитых Трех Граций.

Нетерпеливые пальцы ощупали ожерелье, были оценены и качество работы, и стоимость.

— Кажется, ты неплохо провела время, — вздохнула Антонина. — А мы-то удивлялись, что ты могла делать че-

тыре ночи напролет с этим бородатым козлом, старым и грубым!

Феодора улыбнулась.

— Дат, конечно, немолод. Но он не делал ничего плохого и не требовал ничего особенного. А что касается его бороды, то неплохо бы вспомнить диалоги Лукиана*, в которых он дает советы куртизанкам.

И она начала декламировать строки греческого сатирика:

— Одевайся элегантно, будь веселой и любезной, не хихикай глупо, а улыбайся, это выглядит куда пристойней. Будь проникательной, но не хитри с тем, кто берет тебя в свой дом или добивается тебя. На пиру не ешь и не пей слишком много, иначе потом не сможешь помочь своему любовнику. Никогда не обсуждай подарки, не говори лишнего и не остри попусту. Смотри только на того мужчину, который платит тебе. В любви избегай непристойностей, будь внимательной и заботливой и позволь мужчине выказать себя хорошим любовником. Будь особенно любезной с некрасивым или уродливым, ибо если он состоятелен, то заплатит тебе вдвойне. Помни все это, и ты преуспеешь в своем деле...

Когда она закончила, Антонина вздохнула.

— О, да, я знаю Лукиана. В Дидаскалионе* мы учили это наизусть. Но никакие слова не сделают старика приятным тебе.

Хризомалло усмехнулась:

— У Антонины не зря позеленели глаза. Она завидует — ведь правда, дорогая?

— Завидую? Я? — вспыхнула Антонина. — Это просто смешно. Я вполне довольна. К тому же, — добавила она мрачно, — что проку в деньгах? Люстральный налог* опять повысили, сборщики податей вьются вокруг, как туча саранчи. Если так пойдет и дальше, мне останется только вновь вернуться к добродетели.

— Ты намерена вернуться к добродетели, дорогая? — улыбнулась Феодора. — Это будет великое чудо, вроде падения луны на землю. Предсказатели сочтут, что близится конец света!

Это позабавило Антонину, и она рассмеялась, встряхнув кудрями. Прозвучавшая в ее словах горечь была понятна каждой куртизанке. Современному читателю трудно представить себе нравы и обычаи шестого столетия, в том

числе и положение куртизанки в обществе. Христианская церковь все более активно преследовала торговлю телом, но все эти попытки сталкивались с традиционным отношением народа к древнему ремеслу. Общество не выказывало к жрицам любви ни ненависти, ни презрения, куртизанки жили свободно, открыто занимаясь своим делом, многие из них преуспевали и были вполне независимы, а мужчины считали удачей добиться благосклонности знаменитой фамозы.

В Константинополе, где проституцией занимались около тридцати тысяч женщин, богатые куртизанки пытались возродить славу гетер Древней Греции, где имя Аспазии* произносилось вместе с именем великого Перикла*, Сафо* царила среди современных ей поэтов, а Фрина не только без колебаний обнажала свое совершенное тело, но и была так богата, что за свои деньги восстановила разрушенные стены Фив.

Красота Феодоры и текущая в ее жилах греческая кровь как нельзя лучше способствовали преуспеянию в ее ремесле. Она родилась на Кипре, где, по преданию, появилась на свет Афродита, храм которой на Пафосе был когда-то одной из самых любимых и почитаемых святынь. Любовь во всех ее проявлениях считалась в Древней Греции высшим чувством. На знаменитом острове существовал веселый обычай, следуя которому каждая женщина, даже самая добродетельная по натуре, должна была хоть раз в жизни послужить Афродите и отдаться незнакомому мужчине. Это расценивалось как жертва божеству любви, могучей покровительнице всего живого на земле, и женщины Кипра не спешили расставаться со старыми традициями вопреки унылым христианским заповедям. Слово «киприанка» звучало для женского уха как тонкий комплимент и похвала ее искусству в любви.

Константин Великий приказал разрушить храм богини на Пафосе и построить на его месте христианский храм. Но старые обычаи не умирают вместе с разрушенными зданиями и не рождаются с написанием новых законов. Обворожительные женщины Кипра служили культу любви, как и раньше, и Феодора, не видя ничего предосудительного в ремесле куртизанки, гордилась красотой, доставшейся ей от предков, и возможностью продавать свою любовь за

деньги назло нудным проповедникам и ханжам, предающим Афродиту поношению.

Между тем обитательниц улицы Женщин огорчали не только нападки толкователей Экклезиаста*.

— Почему они опять повысили люстральный налог? — спросила Хризомалло в тон невеселым словам подруги.

— Не знаю, — отвечала Антонина. — Этот налог берут только с куртизанок, он растет с каждым днем, сборщики податей просто совесть потеряли. Кончится тем, что они уничтожат нас всех непомерной жадностью.

— Ты думаешь, они хотят нас разорить?

— Не знаю, но все это просто ужасно, — вздохнула Антонина. — Всею виной старая императрица, помяните мое слово. Сейчас она называет себя Евфимией, как будто мы не знаем, что ее настоящее имя Лупициана и когда Юстин купил ее на рынке, она стоила куда меньше, чем эти изумруды. Поэтому она и ненавидит нас.

Феодора покачала головой.

— Я тоже считаю, что во всем виновата женщина, но совсем не императрица. Она несчастна, стара и глупа.

— Но ни у кого нет такой власти! — возразила Антонина.

— Почему же? Я знаю такую женщину.

— Кого?

— Куртизанку.

— Да ты шутишь! — Антонина и Хризомалло удивленно воззрились на подругу.

— Я имею в виду Хиону Бозэцианку. Не она ли сейчас любовница префекта* Иоанна Каппадокийца?

Обе девушки молча кивнули. Феодора сняла ожерелье и протянула его Тее.

— Хиона требует все новых и новых подарков от префекта, а тот увеличивает налоги. Толстая Хиона с желтыми крашеными волосами грабит нас, она получает деньги, рабов, драгоценности — и все это оплачиваем мы!

Феодора спустилась по ступенькам в теплую ароматную воду и поплыла. Дно маленького голубого бассейна украшал дельфин, искусно выложенный из мозаики. Теперь в купальне слышались только всплески воды — подруги медлили, молча обдумывая слова Феодоры. Когда она наконец вышла из бассейна и дала Тее обтереть себя, Хризомалло направилась к массажной скамье, а Антонина стала надевать украшения.

— Я уверена, что это Хиона! — повторила Феодора. — Жирная корова! С каждым днем ей хочется иметь больше и больше. Пора остановить ее, а то она разорит нас, и мы окажемся на улице!

— Она иногда нанимает нас, чтобы мы обслуживали ее гостей на банкетах, — задумчиво произнесла Хризомалло.

— Вот-вот, нанимает, — фыркнула Феодора, — она платит нам, как обыкновенным служанкам, мы все равно что блюда и вина для ее гостей! И за это мы удостоены особой привилегии — платить люстральный налог ее любовнику, этому мерзкому Каппадокийцу. Налог растет каждый месяц, и если так пойдет и дальше, они действительно сломают нам хребет!

Феодора улеглась на массажную скамью, отдаваясь опытным рукам Теи.

Наверное, никогда в истории женские тела не подвергались стольким манипуляциям, как в шестом веке! Забота о красоте собственной плоти была единственной обязанностью Феодоры, и ей она следовала неукоснительно, соблюдая все обряды и правила.

Тея начала растирать хозяйку смесью оливкового и миндального масел: умелые пальцы массировали каждую мышцу, каждый изгиб, каждую складочку, даже пальцы ног не остались без внимания. Феодора закрыла глаза и полностью расслабилась. Спустя двадцать минут, когда белокурые волосы Хризомалло были уложены, а нубийка подкрасила Антонине ресницы смесью из яичных белков и жженой пробки, Тея закончила массаж и мокрой простыней сняла остатки масла с тела хозяйки. Теперь пришел черед благовоний, и Тея снова принялась за работу, расставив вокруг себя набор алебастровых шкатулочек.

Капризные византийские модницы любили придавать каждой части своего тела различные запахи. Благовония считались незаменимыми помощниками любви, и константинопольские красавицы достигли необычайного искусства в применении душистой косметики; каждая имела свои излюбленные ароматы, идеально соответствовавшие ее типу кожи, внешности и темпераменту.

Вкус Феодоры можно было назвать отчасти консервативным. Тея растерла ей грудь и лицо настойкой крокуса, смазала волосы и веки экстрактом сладкого майорана, в кожу стоп и коленей втерла отвар тимьяна с добавлением

лепестков жасмина, ладони и плечи смазала миррой*, а губы, шею и внутреннюю сторону бедер растерла розовым маслом и вытяжкой из цветков лотоса. Ни один из запахов не был резким или тяжелым. Изысканные сочетания благоуханий поддерживали очарование куртизанок, самых чистых женщин своего времени.

— У тебя неплохое сочетание, — заметила Антонина со знанием дела. — Запах не острый и не слишком сладкий. Я предпочитаю мускус, он стимулирует мужчин, но с мускусом надо быть осторожной, сладкие запахи его сразу заглушают.

Она помолчала.

— Кстати, насчет Хионы, — мне говорили, что она пользуется едва ли не двадцатью пятью благовониями, к тому же она владеет секретом персидского царского бальзама, который дороже золота.

Феодора молча перевернулась на живот, подставив Тее ягодицы и спину. Она нежилась под руками служанки, в этот момент даже имя Хионы не раздражало ее.

— Что ж, она может себе это позволить, — зевнув, проговорила Феодора. Антонина не выдержала.

— Да чем она лучше нас?! Кожа у нее желтая, как шафран, волосы крашеные, грудь, как у старой кормилицы, и хотя поэт Мендес и воспевает ее стан в одах, Хиона попросту толста! К тому же ей уже около тридцати пяти.

— Тридцать шесть, — уточнила Хризомалло, — я случайно узнала, что оружейник Фосиан выкупил ее из борделя одиннадцать лет назад, тогда ей было двадцать пять.

— Из Стабул до фамозы за одиннадцать лет, — пробормотала Феодора, — головокружительный успех, следует признать.

— Фосиан отдал за нее все свои сбережения, а она сразу же бросила его ради первого встречного, который дал больше. И так она карабкалась вверх, пока не подцепила Иоанна из Каппадокии — это мерзкое животное. Я его хорошо знаю. Год назад на пиру у Гергемона я была с ним. Праздновали его день рождения, и мне достался городской префект. Он вряд ли помнит меня, потому что напился, как боров. Не хочу больше видеть это гнусное существо со вставными зубами, лысиной и поросячьими глазками. Отвратительный тип! А Хиона постоянно ищет его расположения.

Хотя в голосе Антонины и звучало презрение к город-

скому префекту, и ей, и ее подругам оставалось только завидовать хитрости и ловкости знаменитой куртизанки.

— И Каппадокиец помогает ей становиться все более богатой, — заметила Феодора. — Дайте мне такую известность, как у Хионы или Македонии, и я не буду зависеть ни от одного мужчины! — вдруг заявила Феодора.

— Если тебе так по душе слава, почему ты не осталась в театре?

— Это совсем не то. Чего можно добиться, стоя на сцене? Да, они будут хохотать, когда я стану кривляться и декламировать с завываниями, но разве любовь смеется? Любовь должна стонать и лить слезы, но когда мужчина смеется над женщиной — она пропала!

— Как же может молодая деликатка, вроде тебя, прославиться? — задумчиво спросила Хризомалло.

— Не знаю. Смотря по обстоятельствам. Я верю в удачу. Кроме того, нужны красота, смелость, решительность, может быть, даже жестокость. И чтобы нужные люди все это оценили.

— Нужные люди — это, конечно же, мужчины?

— Разумеется, кто же еще интересуется мнением женщин?

Антонина фыркнула.

— Тогда, моя дорогая, примиришься с мыслью умереть деликатой.

— Это еще почему?

— Допустим, ты совершишь что-нибудь выдающееся, потрясающее воображение, но где ты найдешь свидетелей своего триумфа? В наших-то крохотных комнатках? Или в купальне? Даже если у тебя будут деньги, ты не сможешь собрать массу гостей, нужных тебе. Ты — никто, моя дорогая, тогда как Хиона — фамоза, предмет сплетен и пересудов всего города.

— Может, ты попросишь ее дать пир в свою честь? — спросила Хризомалло, и они с Антониной расхохотались.

Но Феодора отказывалась признать себя побежденной.

— В жизни происходят и не такие вещи, — проговорила она упрямо.

Девушки снова рассмеялись, но Феодора даже не улыбнулась.

Массаж и умащивание благовониями завершились.

Феодора уселась перед зеркалом, набросив на плечи шелковую накидку. Манипуляции Теи и теплая вода сняли ночную усталость. Служанка расчесывала темные густые волосы хозяйки, сооружая прическу при помощи множества гребней и заколок. В конце концов получилось нечто замысловатое, с волнами, локонами и тяжелым узлом на затылке. Теперь дошла очередь и до лица. Каких только средств не существовало в то время для удаления веснушек, морщин и пятен на женских лицах: серная паста, рыбий клей, порошок из панцирей крабов, смешанный с медом... Излишние волосы на лице удаляли смесью мышьяка и лимона, кожу отбеливали свинцовыми белилами с винным уксусом. Но кожа Феодоры не нуждалась во всем этом. Тея положила легкие тени на веки хозяйки и провела штрихи темным мелком, удлиняя глаза. На щеки был нанесен легкий румянец, а во внутренних уголках глаз поставлены два красных пятнышка — для большей выразительности. Наконец Феодора взяла в руки мягкий жирный стерженек, похожий на современную помаду, и искусно подкрасила губы.

Ее взгляд сделался глубже, рот мягче и нежнее, лицо приобрело чарующий нежный оттенок.

Феодора поднялась и сбросила накидку. Теперь оставалось нанести последние штрихи. Тея припудрила красноватой пудрой ее грудь и ягодицы, кисточкой из верблюжьей шерсти подкрасила соски, чтобы они были заметны через тонкую одежду. Все складки тела и кончики пальцев Тея обработала кисточкой с розоватой пудрой.

Тем временем Антонина и Хризомалло закончили туалет и удалились со своими служанками.

— Мое одеяние, Тея, — приказала Феодора.

Рабыня принесла маленькие сандалии с позолоченными застежками и прозрачную белую тунику. Феодора застегнула на талии тонкий золотой поясок, надела на запястья браслеты, мочки ее ушей украсили ажурные золотые серьги. Взглянув на себя в зеркало, она надела новое ожерелье.

Глаза молодой деликатсы сияли, как ее украшения. Тонкая фигурка казалась одновременно и хрупкой, и гибкой. Теперь Феодора была божественно хороша. Она никогда не выходила из дома иначе, как в полном блеске.

ГЛАВА 4

Прямо по Виа Альта, широкой улице, тянувшейся от Стены Константина Великого до императорского дворца, медленно двигались носилки. Айос из своей корзины на спине ослика, расположившись подле мраморной богини, лениво наблюдал, как процессия приближается к площади Афродиты. Носилки, или октофорон, несли восемь рослых эфиопов, специально отобранных по росту и стати. Черные тела, прикрытые только ярко-желтыми набедренными повязками, блестели от пота. Эфиопы грузно ступали в такт, носилки плыли над головами прохожих; позади тащилась толпа молодежи — городские повесы, комедианты, актеры, отпуская шутки и остроты, стараясь привлечь внимание красавицы, томно раскинувшейся на шелковых подушках под балдахином октофорона. Айос знал ее: это была Хиона Бозцианка, знаменитая фамоза, царившая в элегантном, благоухающем и насквозь продажном мире куртизанок и ее воздыхателей. Ее светлые волосы были перевиты жемчужными нитями, прозрачные одежды цвета лепестков чайной розы едва прикрывали пышные формы. Хиона держала в руке зеркало в позолоченной оправе и то и дело поглядывала в него, любуясь своими классическими чертами.

— Обол, один обол! — закаркал Айос на всю площадь. — Помни, о прекрасная, об императоре Зеноне*, когда помогаешь беднякам!

Нищий, в жизни не переступавший порога церкви, охотно использовал благочестивые изречения и намеки, чтобы разжалобить публику. Упоминание имени Зенона было понятно. Предшественник старого Анастасия влюбился однажды в добродетельную девицу и силой принудил ее к сожителству. Мать Зенона, набожная вдова, пришла в ужас и молила Пресвятую Деву наказать сына за тяжкий грех. Небеса оказались милостивы к ней, и вдова услышала голос, обещавший прощение Зенону, лишь только он подаст милостыню своей рукой.

Хиона приказала остановить носилки. Ее не волновали христианские догматы, она не молилась Пресвятой Деве, но она была суеверна, а раздача милостыни могла смягчить участь смертного на страшном суде небесном. Айос завопил еще громче, свесившись из корзины и вытянув шею.

Хиона глядела на него, выражение ее матового лица не изменилось. Наконец, передав одному из своих поклонников вышитый кошелек, она знаком приказала бросить его нищему.

Не обращая внимания на элегантных ухажеров Хионы, Айос ловко подхватил свою добычу и прохрипел благословение куртизанке.

Свита была удовлетворена увиденным, щедрость Хионы снискала несколько цветистых комплиментов, и октофорон с надменной фамозой двинулся дальше по Виа Альта. Нищий нетерпеливо развязал шнурок и вывернул содержимое кошелька на ладонь.

— Золото или медь? — раздался голос за спиной Айоса.

— Одни медяки! — прорычал Айос. — Я так и знал! Она швырнула кошелек так, будто в нем полно золотых монет, а на самом деле все его содержимое дешевле этой шелковой тряпки!

— На-ка, возьми это, оно не нуждается в кошельке, а твои настоящие друзья не нуждаются в благословении!

Айос поймал сверкнувший на солнце золотой и повернул голову. Его лицо — если можно было назвать лицом уродливую маску с зелеными губами и редкими желтыми зубами — озарилось улыбкой.

— Это ты, маленькая Феодора, — взгляд Айоса потеплел. Он знал деликату почти всю жизнь. Как и он, она вышла из городской бедноты и не раз испытывала жестокость жизни, хотя зло и не оставило следов на ее внешности.

— Откуда едет Хиона, Айос?

— С площади Августа, — отвечал нищий, вертя монету между большим и указательным пальцами. — Она наконец-то дорвалась до особняков богачей и теперь меряется красотой с истинными патрицианками. Хиона ликует — у нее и наряды, и поклонники, звать оказывает ей внимание, о ней говорят в городе, ее прямо распирает от гордости. Сейчас она двинулась домой, чтобы писать приглашения на пир.

— Как ты все это узнал?

— А-а, пустяки.

— Расскажи-ка про пир. Наверняка меня тоже пригласят, будет работенка и для моих подруг. Когда Хиона устроивает его?

— На следующей неделе.

— А повод?

— Как же! Хиона празднует победу — Македония, ее главная соперница, повержена...

— Македония? Что с ней? — Из голоса девушки исчезли игривые нотки, кровь отхлынула от лица.

— Ты что, ничего не знаешь? Ничего не слышала?

— Я... я была очень занята последние четыре дня...

— Тогда слушай. Самое главное произошло сегодня утром, в двух шагах отсюда, в соседнем квартале.

— Да что же случилось с Македонией? Она — моя лучшая подруга!

— Т-с-с, не кричи! Македония арестована.

— Боже, в чем ее обвиняют? Где она сейчас?

— Говорят, в ее доме плелся заговор в поддержку наследников императора Анастасия.

Мозг Феодоры лихорадочно работал. Обвинения смехотворны, заговор в доме Македонии — нелепость. Всем известно, что нынешний император Юстин, взошедший на трон после Анастасия, не является прямым наследником. Анастасий не оставил завещания, оба его племянника, тихие, безобидные, недалекие, не претендовали на императорскую корону, и власть перешла в руки Юстина. Естественно, любого, кто осмелится выступить против Юстина, ожидают пытки и смерть.

— А кто замешан в заговоре?

— Больше ничего не известно. Осведомитель указал на дом Македонии.

— И больше никого не схватили? В тюрьме одна Македония? Айос, это смешно — куртизанка устраивает заговор и ее обвиняют в государственной измене!

Нищий молчал.

— Айос, тут что-то не так! Слушай, этот осведомитель подкуплен Хионой, проклятая кошка подослала его к Иоанну Каппадокийцу, префекту, своему любовнику. А этот мерзавец приказал эскувитам схватить Македонию. Во всем виновата Хиона, поверь мне, эта подлая тварь всегда ненавидела Македонию и завидовала ей. Если бы заговор действительно существовал, представь, какая кровавая каша заварилась бы сейчас! Айос, ты же не настолько наивен!

Вместо ответа Айос подобострастно кинулся под ноги прохожему и начал кланяться, пока тот не затерялся в толпе.

— Слушай меня, маленькая Феодора. Будь осторожна. Государственная измена — это такой предмет, о котором лучше вообще не говорить вслух. Я только сообщаю тебе, что Македония в тюрьме, все ее имущество конфисковано, и после захода солнца за нею закроются городские ворота. Она больше никогда не вернется в Константинополь под страхом смерти.

Феодора закусила губу. Македония, блестящая, великолепная, ее обожаемая Македония в опасности, в тюрьме, а может, ее уже и нет в живых! И все из-за Хионы, мерзкой негодяйки, не сделавшей за всю жизнь ни одного доброго дела! Фаворитку префекта не любили многие. В эту минуту Феодора была готова растерзать ее.

Феодора вздохнула и внезапно спросила как можно более равнодушно:

— Слушай, Айос, ты знаком с молодым Героном?

— Сыном сенатора Полемона, бездельником из ювентов Алкиноя? Немного, но я не пользуюсь его благосклонностью.

— Он влюблен в меня.

— Да? — вежливо поднял брови Айос. — Молодые люди частенько влюбляются в куртизанок.

— Я его выгнала из своего дома.

— Если он влюблен в тебя — зачем?

— Он вел себя недостойно.

— Да, я понимаю, — кивнул Айос, пытаясь сообразить, куда клонит маленькая деликата.

— Сегодня я получила от него письмо. Сплошные клятвы, он грозит, что покончит с собой из-за меня. Не думаю, что Герон способен на такие вещи, как ты считаешь, Айос?

Айос оскалил зубы и почесал грязный живот.

— Несколько дней назад я видел Герона с отцом, они шли на невольничий рынок. Герон и не думает расставаться с жизнью. Его «самоубийство» — это предстоящая женитьба. Теперь они заняты покупкой слуг и мебели для нового дома.

— Герон женится? Я не верю своим ушам!

— Тем не менее это так. Полемон мечтает породниться с Сильвием Тестором, разбогатевшим на сборе налогов в провинции Галатея. У него незамужняя дочь — Тиспаса, и...

— Как, эта чернушка? — воскликнула Феодора. Мысль

о том, что мужчина, познавший ее, способен любить другую, никогда не приходила ей в голову. — Я видела ее. Она похожа на сушеную сливу! Бедный Герон! Старая дева, при взгляде на нее исчезает всякая мысль о браке!

— Наверное, поэтому Герон и называет свой брак самоубийством, — заметил Айос.

Феодора помрачнела.

— Я хочу вернуть Герона!

— Но дочь Сильвия Тестора богата, — напомнил Айос.

— Ну и что? Какое это имеет значение? Стоит мне поманить его пальцем — и он мой! Он мне не нужен, но зачем бедному юноше жениться на этой старой деве и потом раскаиваться всю жизнь?

Феодора встряхнула кудрями. Маленькая деликата была готова к борьбе. Она полностью овладела собой, план действий уже сложился в ее хорошенькой головке. Щеки Феодоры порозовели.

— Да, я намерена встретиться с Героном, и мне нужна твоя помощь.

— Моя? Что может Айос? Мы, нищие, так слабы и беспомощны...

— Так ты поможешь мне?

— Что я должен сделать? — спросил Айос осторожно.

— Я хочу проучить жирную свинью Хиону!

— Яд?

— Нет-нет, смерть — это не унижение для женщины, я придумала для этой гадины наказание похлеще!

Айос только покачал головой. Если девчонка что-то задумала, ее не переубедишь, своего она добьется наверняка. И пообещал, что сделает для нее все, что она пожелает, хотя ни для кого в мире он не пошевелит бы и пальцем, не получив вперед солидный куш. Феодора поблагодарила его и заспешила через площадь, изящная фигурка в белом через несколько минут скрылась из виду.

Айос в задумчивости сидел без движения, рассматривая пьедестал мраморной богини. Каждое утро этот пьедестал бывал пуст: все подношения исчезали бесследно. Жительницы города никогда не спрашивали, куда деваются драгоценности с мраморного пьедестала — видимо, Афродита милостиво принимает их, и можно не сомневаться, что божество услышало их мольбы. Айос же отлично знал, куда деваются драгоценности — они достаются нищим, это за-

конный доход Братства, на который не осмеливались посягать ни стражники, ни городские воры. Да, нищие слабы и беспомощны поодиночке, но вместе они были грозной силой, под покровом темноты обрушивающейся на противника, внушающей ужас и становящейся невидимой поутру, словно таясь от дневного света.

В 521 году Константинополь славился двумя мощными оборонительными стенами, протянувшимися через полуостров от Золотого Рога до Пропонтиса. Первая, носившая имя Константина Великого, окружала старый город. Стена Феодосия, воздвигнутая позднее, охватывала пригороды и поселения вокруг столицы. Севернее реки Ликус находились Царские ворота, главные ворота города. Через них шла дорога во Фракию, разделявшаяся потом на два пути — к Галлиполи и Геллеспонту, откуда можно было на пароме переправиться на азиатский берег.

Царские ворота обычно запирались перед заходом солнца. В этот день незадолго до закрытия из города вышел отряд эскувитов. Воины, рослые и одетые в расшитые серебром одеяния, выглядели весьма внушительно. Тем не менее в народе эскувитов прозвали «школярами» за их лень, развращенность и полную непригодность к военной службе. Возле ворот толпилась чернь, разглядывая отряд.

Эскувиты сопровождали женщину. Сразу за воротами командир приказал воинам развернуться и следовать обратно в город. Женщина осталась одна. Она неподвижно стояла посреди дороги.

— Убирайся! — крикнул офицер. — И не смей возвращаться!

Женщина явно была в отчаянии. Она беспомощно смотрела в лицо офицеру.

— Куда же мне идти?

— Откуда я знаю, Македония? — офицер поморщился. — Уж и не знаю, что спасло тебя от смерти, но если бы меня обвинили в заговоре против императора, мне бы вырвали язык и разрезали бы остальное на куски, а тебя всего лишь выслали из столицы! Так что считай, что тебе повезло, ступай себе, не задерживай нас!

Женщина вскинула голову.

— Спасибо за совет. Благодарю тебя и твоих людей за все, что вы сделали со мной, пока я была пленницей в собственном доме.

Она медленно пошла по дороге. Великолепная Македония, изящная, нежная, привыкшая к роскоши, теперь была в грубой шерстяной тунике, без украшений, с неприбранными волосами. Офицер догнал солдат, и отряд вернулся в город, сожалея, что представление окончено. Арестованным женщинам, тем более красивым, приходилось проводить время с воинами, и знаменитая фамоза была лакомым кусочком. Сегодня эскувитам повезло, они обменивались сальными шуточками, вспоминая прошедший день. Их жертва брела по дороге, за ней увязались несколько оборванцев. Один из них, колченогий, набрал полную пригоршню грязи и швырнул в изгнанницу. С криками и смехом остальные тоже принялись бросать в нее комья земли. Внезапно над ухом Македонии просвистел камень. Она поняла, что находится в опасности, и побежала, закрывая голову руками. Вслед ей понеслись оскорбления, чернь ненавидела беззащитную красоту.

В это время с башни над воротами раздался сигнал, означающий, что ворота закрываются на ночь, и никто не покинет город без специального пропуска. Толпа вернулась в город, и ворота с железными цепями захлопнулись.

Македония продолжала бежать, спотыкаясь и рыдая, потом замедлила шаг. Жизнь для нее, похоже, кончилась. Еще вчера она была богата, окружена друзьями, поклонниками и льстецами, ее знали многие в столице, она была вхожа во дворец. И вот она потеряла все — друзей, дом, состояние, чернь забрасывает ее грязью — ее, самую знаменитую фамозу; все это произошло так внезапно, она до сих пор не в силах оправиться от удара судьбы. Сейчас она не знала, куда направляется и чем завтра утолит голод.

Вдруг кто-то окликнул ее. Она не поверила ушам. Голос снова тихо произнес ее имя. Женщина остановилась, вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

— Это ты?.. Не может быть!.. Ты, Феодора?

Тонкая фигурка белела в темноте у придорожной изгороди.

— Иди сюда, — позвала она.

Македония сделала несколько неуверенных шагов навстречу. Почувствовав прикосновение нежных рук, она не выдержала и, медленно опустившись на колени, дала выход своему горю.

— Ты... — рыдала Македония, — ты одна пришла, одна ты!..

Она захлебывалась слезами, хватая ртом воздух, ее тело сотрясалось в объятиях подруги. Феодора беззвучно глотала слезы, глядя плечи и спутанные волосы несчастной изгнанницы. Наконец рыдания стихли, девушка вытерла шалью распухшее лицо Македонии и усадила ее рядом с собой под изгородью. Они сидели, обнявшись и прижавшись друг к другу, прямо на земле, деликата задумчиво и печально смотрела на свою бывшую покровительницу.

— Все кончено, — тихо сказала Македония. — Мне кажется, что я уже умерла. Эти солдаты, восемь человек... под конец я будто оцепенела и ничего не чувствовала. Иногда быть женщиной ужасно, невыносимо...

Феодора молча кивнула. Потом сказала просто:

— Постарайся забыть этот день, дорогая. Немного времени — и ты полностью справишься. Это проходит.

— Я знаю. Но я опозорена и разорена. Я многое видела в жизни и должна быть готовой ко всему. Но чтобы все сразу — тюрьма, ссылка, насилие... Это так несправедливо, так жестоко...

— Для женщин вроде нас с тобой нет справедливости, — мрачно произнесла Феодора.

Каменные башни сторожевых ворот заслоняли городские огни. Опустилась ночь. Высокая изгородь спасала подруг от холодного ветра. Они сидели рядом в полной темноте, обе прекрасные, изнеженные, созданные для роскошной и беззаботной жизни, но сейчас беспомощные, вынужденные противостоять суровому и бесчеловечному миру.

— Нам надо подумать о твоём будущем, — сказала Феодора после продолжительного молчания.

— Какое будущее у меня может быть? — Македония опять зарыдала.

— Довольно, — оборвала ее Феодора, — будущее есть всегда!

Македония через силу улыбнулась, понимая, что Феодора просто пытается остановить приступ ее отчаяния.

— Я слишком стара, чтобы начинать все сначала. Должна признаться — мне скоро тридцать пять, хотя все думают, что мне нет и тридцати. Ты удивлена?

Даже сейчас ей хотелось услышать подтверждение — она, как и все куртизанки, тщательно скрывала свои годы.

— Я никогда не давала тебе больше тридцати, — ласково промолвила Феодора, хотя сидевшая рядом с нею женщина, убитая горем, выглядела сейчас гораздо старше своих лет.

— Все равно, слишком поздно. У меня ничего нет, совершенно ничего! Они сняли даже мое маленькое золотое колечко, то, что я всегда носила на мизинце. Мне подарил его мой первый любовник, мне было тринадцать, а ему пятнадцать, он был славный мальчик... Ты знаешь, я никогда не снимала это кольцо. С годами мои пальцы стали толще, и я уже не могла снять его. А они стащили, посмотри, вместе с кожей...

Она поднесла руку к лицу Феодоры. Даже в темноте было заметно, что мизинец со следами засохшей крови сильно распух. Македония опять всхлипнула, но, овладев собой, продолжала:

— Слушай, у меня, кажется, найдется защита и покровительство.

— Что ты имеешь в виду?

— Пять лет назад сенатор Драгон давал пир, и я была в числе приглашенных. Одна очень известная персона, высокий гость... он выбрал меня и потом несколько раз посылал за мной. Я очень понравилась ему, он всегда был нежен со мной и щедро вознаграждал.

— Принц-правитель Юстиниан? — перебила Феодора, слышавшая и раньше об этой связи.

Македония кивнула.

— Сейчас он в отъезде, в столице его нет. Юстиниан часто выполняет какие-то дипломатические обязанности...

— Да, разумеется, ты права, мужчины не хотят нас помнить. Как только мы исполняем их желания, они сразу же отчаянно стремятся нас забыть!

— Иногда они помнят нас — так же отчаянно.

— Нет, ничего не выйдет. Юстиниан — один из избранных, он на вершине власти, он фактически правит империей. Глупо надеяться, что царственная особа пошевелит хотя бы пальцем, чтобы спасти несчастную куртизанку, даже если когда-то она дарила ему наслаждение. Мне так не хочется закончить свои дни за прялкой, как проститут-

ки, оставляющие под старость свое ремесло! Я так люблю жизнь! И теперь... теперь...

Она снова заплакала.

Тем временем ветер стих. Наверху ярко и холодно мерцали звезды. Ночной воздух посвежел, и подруги согревали друг друга в объятиях. Македония выплакала свое горе и, наконец, задремала.

С первым лучом солнца Феодора разбудила ее.

— Я спала и была так счастлива. Мне снилась моя прежняя жизнь, а весь вчерашний день был словно дурной сон...

Она попыталась вскочить на ноги, но тело онемело и не слушалось ее. Македония застонала от боли.

— Я тебя разбудила, чтобы ты успела уйти до того, как откроют ворота. Иди этой дорогой, потом свернешь на юг, к Галлиполи, там есть паром.

— А что на севере?

— Если отправишься на север, попадешь во Фракию, грубую крестьянскую страну. А на сирийском побережье, на юге, лежит Антиохия, великолепный город. Там есть театр, а ты — отличная актриса, они с радостью примут тебя в труппу...

— Меня? В этом тряпье?

Вместо ответа Феодора поднялась, сняла с себя шаль и без колебаний расстегнула драгоценное ожерелье, подаренное Датом.

— Держи. Оно твое. Оно стоит тысячу золотых солидов — я узнавала. Разбери его на звенья, тебе хватит на еду, одежду, жилье; думаю, этого будет достаточно, чтобы устроиться.

Македония широко раскрыла глаза.

— Ты даришь это мне? Я не могу принять его, ведь это твое будущее! — Слезы снова потекли по ее щекам.

— Македония, дорогая, всю жизнь я плачу добром за добро, злом за ненависть и зло, и я клянусь, что отомщу Хионе за тебя! Разве ты забыла, что спасла мне жизнь? Это — не весь мой долг, а лишь часть. Бери ее!

Она сама застегнула изумрудную цепь на шею Македонии. Подруга посмотрела на нее глазами, полными слез. Внезапно обе они крепко обнялись и заплакали.

— Ну, теперь ступай. Прощай, дорогая. Пусть впереди у тебя будут светлые дни.

Македония медленно зашагала навстречу поднимающемуся солнцу.

Когда сторожевые ворота распахнулись, Феодора уже дожидалась рядом. Стражник ухмыльнулся:

— Где это ты шлялась, неряха? Ночевала со свинопасом?

С утра он был в хорошем расположении духа и пропустил девушку в город, не задавая лишних вопросов.

ГЛАВА 5

Герон с отцом, беседуя, медленно шли неподалеку от здания Сената, по улице, ведущей прямо к Босфору, как вдруг юноша почувствовал, что кто-то торопливо сунул ему в руку вошаную табличку. Герон инстинктивно зажал записку в кулаке. Он сделал несколько шагов, совершенно не слыша, о чем говорит ему сенатор.

Однако Полемон, похоже, ничего не заметил. Юноша осторожно обернулся, чтобы взглянуть на удаляющихся прохожих. Кто же сделал это?

Улица была полна народу, и тот, кто сунул ему записку, давно уже затерялся в толпе. Герон и представить не мог, какой путь проделала с утра эта вошаная табличка, прежде чем очутилась в его ладони: белокурая рабыня с улицы Женщин передала ее нищему на осле, а тот — хрому Исавру, потом она попала в руки уличного игрока в кости, который и вручил ее Герону, тут же растворившись в уличной сутолоке.

— Ты видишь эти галеры на рейде, Герон? — спросил сенатор. — Они совсем новые. Пятнадцать. Да-а, думаю, скоро им предстоит поработать.

Взгляд Полемона был прикован к галерам, блестящим мокрыми веслами, и Герону удалось незаметно сунуть табличку за пазуху.

— Завтра нужно будет пойти на рынок, чтобы закупить пшеницу и масло, — продолжал Полемон. — Если начнется война, цены подскочат, и мы будем с барышами. Дай-ка подумать — кто же может знать?.. Пожалуй, префект. Неплохой куш можно сорвать. С утра сразу же загляну в префектуру.

Поняв, что разговаривает сам с собой, сенатор оглянулся на замешкавшегося Герона.

— Слушай, сынок, давай-ка вернемся к тому, о чем мы говорили с тобой утром. Вилла на побережье, та, что возле Хейрона, с виноградниками, станет твоей, как только ты подаришь мне внука. — Он хихикнул. — Можно и внучку, я не ставлю условия, у девочек ведь свои преимущества, а?

Он подтолкнул сына локтем и хитро подмигнул.

— Хорошо, отец, — сказал Герон. Маленькая дощечка за пазухой, казалось, жгла ему грудь.

— О долгах твоих я позабочусь, — продолжал сенатор, — но во имя святого Юлиана, покровителя гуляк, скажи мне, как ты ухитрился залезть в долги за такое короткое время! Я же недавно дал тебе пять тысяч золотых, негодник!

Сегодня сенатор был настроен благодушно, он радовался, что сын наконец послушался его и, кажется, берется за ум.

— Разумеется, молодой человек должен до свадьбы перебеситься, в этом нет ничего плохого. Я и сам в юности был не промах, но это между нами, матери об этом ни слова! — Пожилой сенатор немного побаивался своей Фаустины, солидной матроны старой закалки.

— Конечно, отец, — пообещал Герон.

Полемон сменил тему.

— Тебе нужно будет завтра пойти со мной в префектуру. Я представлю тебя некоторым полезным людям, и ты убедишься, что при дворе не одни дураки, как тебе кажется. Можно оставаться респектабельным и при этом не отказывать себе в житейских удовольствиях. Кстати, что ты думаешь о государственной службе, ну, скажем, — дипломатический пост? Прекрасная карьера! Быть знакомым с великими людьми всех стран, знать важные политические секреты, всегда оставаться в гуще событий! Я мог бы похлопотать, разумеется, начнешь со скромной должности, но я гарантирую тебе быстрое продвижение по службе, особенно если ты понравишься Юстиниану. Уже ни для кого не секрет, что старый император болен — свищ в ноге, воспаленные суставы и тому подобное, — и его племянник Юстиниан ведет практически все дела государства сам.

Так рассуждал Полемон. Высокий, тучный и добродушный сенатор достиг того возраста, когда мужчина интересуется лишь политикой и торговыми делами, и не подозревал, какие мысли обуревают сейчас его сына. А тот был поглощен одним желанием — поскорее прочесть загадочное

послание. Кто автор записки? Таинственность, с которой она была вручена, только разжигала любопытство.

Герону шел двадцать первый год. Он был среднего роста, строен, с нежным женственным лицом. Внешностью юноша пошел в мать, не унаследовав, однако, твердости ее характера; в нем не было также ничего от солидности и представительности отца. Как и большинство отпрысков аристократических фамилий, Герон слишком рано познакомился с вином, азартными играми и прелестными деликатесами. По своей природе он не был жесток, и участие в ночных выходках ювентов являлось для него мучительным. Слабая воля и влечение к чувственным удовольствиям — вот что руководило им в жизни, так что следовать трезвым и скучным советам отца было выше его сил.

Вскоре отец и сын достигли своего семейного очага — внушительного каменного строения в римском стиле, с внутренним двориком и садом. Дом делился на две половины: верхнюю — женскую и нижнюю — мужскую. Окна всех помещений выходили во внутренний двор, а от входа в особняк открывался живописный вид на море.

— Поднимемся к матери? — предложил Полемон.

— Не стоит. Она сейчас отдыхает. Лучше не беспокоить ее.

— А что ты собираешься делать?

— Пойду к себе. Я немного устал, тем более что завтра мне придется отправиться с тобой по делам.

Отец кивнул. Наконец-то у сына появились здравые мысли.

Герон поспешно заперся в своей комнате и дрожащими руками извлек табличку из-за пазухи. Вот что значилось на ней:

«Ваше письмо пробудило жалость в одном сердце. Сегодня, спустя три часа после захода солнца».

Ни подписи, ни адреса. Но Герон тут же догадался, чья рука писала это, и кровь бросилась ему в голову.

Сегодня, после захода солнца...

Внезапно Герон пришел в ярость. Значит, она соизволила простить его? Она просит его явиться? Она снисходит до него? Это же смешно, он, сын сенатора, получает подобные послания от какой-то шлюхи! Он поклялся, что никогда больше не будет иметь с ней ничего общего! На днях он женится на дочери сенатора Тестора, его будущее предоп-

ределено: дипломатическая карьера, спокойная, размеренная жизнь. Или она полагает, что он пожертвует всем этим ради ее прекрасных глаз?

Он презрительно улыбнулся, сломал табличку и швырнул обломки в окно. В конце концов, чего она хочет? Сначала она выбрасывает его из дома, потом просит прийти — видите ли, она поняла свою ошибку и хочет вернуть его. Она ждет, что он приползет на коленях, умоляя простить его и целуя ей руки? Просто удивительно, какого высокого мнения о себе некоторые женщины...

Час спустя старый Траз, садовник в поместье Полемона, наткнулся на молодого хозяина, копошившегося в кустах под окнами своей комнаты. Слуга тактично кашлянул.

Герон моментально выпрямился и, увидев Тразу, нахмурился.

— Я... Я кое-что здесь потерял, — пробормотал он.

— Да, хозяин.

— Мелочь, ничего важного.

— Да, хозяин.

Старый Траз заметил, что Герон прячет за спину сломанную дощечку, а тот тем временем поспешил вернуться в дом.

В назначенное время Тея услышала стук в дверь. Госпожа, которая пропадала где-то всю прошлую ночь, целый день проспала, но к этому времени была уже одета, причесана и подкрашена с особой тщательностью. Когда утром Феодора появилась на пороге дома, рабыня онемела от удивления: изумрудного ожерелья не было на шее хозяйки. Но Тея, как обычно, не проронила ни слова. Увидев Герона, служанка также ничуть не удивилась, — Феодора предупредила ее заранее.

Юноша задыхался от волнения, поднимаясь по ступенькам. Он надел новую тогу с пурпурной каймой, уложил кудри по последней моде.

Тея распахнула дверь в маленькую гостиную. Феодора стояла у стола, пристально глядя на Герона. Лампа, находившаяся позади нее, подсвечивала ее прозрачное платье. На бледном лице сверкали темные глаза.

— Феодора... — хрипло произнес юноша.

Она молча смотрела ему в глаза. Герон сделал два шага вперед, и Тея закрыла за ним дверь.

— Я получил записку, там назначено время...

Его робость раздражала Феодору. Заурядный юнец, безвольный, слабый, к тому же глуповат. И на два года старше ее. Но у нее за плечами опыт, ум, сила, а он просто неловкий и неопытный мальчишка.

Вот он, перед нею. Стоило нацарапать заурядное послание, как он бросил все и примчался. Она может упиваться своей властью над ним. Все получилось слишком легко. Что ж, еще одна маленькая победа. Пусть он мямля, но он нужен ей сейчас, она поставила на него и не отступит от своего плана, ведь она — куртизанка, а значит, мужчины — ее естественная добыча.

— Я слушаю, — произнесла она, видя, что Герон совсем оробел.

— Феодора, нет ничего гнуснее моего отвратительного поступка! Я пришел просить о прощении...

Феодора почувствовала жалость к этому слабому существу, но тут же овладела собой.

— Простить не трудно, особенно если ты раскаялся, но я хочу быть уверенной, что ты действительно раскаялся.

— Как мне убедить тебя в этом? — голос Герона дрожал.

— Как? Очень просто. Какой-нибудь выдающийся поступок, подвиг...

— Ради тебя я готов на все — только прикажи!

— На все?

— На все!

Таким она еще не видела его. Истинно рабская покорность... Феодора села и с нежностью в голосе произнесла:

— Так ты любишь меня, милый?

— Я обожаю тебя, клянусь, ради тебя я пойду на смерть!

Герон бросился на колени и зарылся лицом в складки ее платья. Сейчас она одна владела его мыслями, он желал ее и не мог думать ни о чем другом, надеясь вернуть ее расположение.

Феодора почувствовала, что платье на бедрах промокло от его слез.

— Что ж, тогда я попрошу тебя кое о чем, но это будет нелегко сделать.

— Чем труднее, тем лучше, мне необходимо доказать тебе...

— Хорошо, хорошо, я знаю...

Она закрыла ему рот душистой ладонью. Излюбленный и безотказный женский прием — нежная ладонь на губах.

Он снова и снова покрывал ее поцелуями, подтверждая, что прием сработал и на этот раз. Феодора отбросила всякую щепетильность.

— То, о чем я попрошу, можешь исполнить только ты, Герон.

Голос Феодоры зазвучал интригуяюще, Герон поднял голову с ее колен. На его ресницах дрожали слезы.

— Я сделаю это! Ты же знаешь, я сделаю все! Я люблю тебя!

— Я знаю, что ты постараться, но дело это требует осторожности и осмотрительности, никто не должен знать о нем...

Она перешла на шепот, ее пальцы нежно перебирали кудри юноши. Сейчас она была настоящей волшебницей, Цирцеей*, вечной Женщиной, которую мужчина никогда не постигнет до конца, и это давало ей магическую власть над ним; Клитемнестрой, следящей за Агамемноном, Клеопатрой, отправляющей ложное послание Антонию, ставшее причиной его самоубийства, Далилой, обрезающей кудри Самсону*, доверчиво уснувшему на ее коленях...

Герон же был просто инструментом в ее руках. Будь он даже настоящим мужчиной, а не жалким скулящим щенком, она, не колеблясь, продолжила бы осуществлять свой план. Она думала о Хионе, и ею владело одно желание — отомстить. Даже если ее план провалится и ее ждет смерть, она все равно найдет способ рассчитаться с этой жирной себялюбивцей за Македонию. В конце концов Герон ничем не рискует, немного вероломства, не так уж и страшно...

Герон коснулся дрожащей рукой груди Феодоры, прикрытой только тонкой тканью.

— Я хочу тебя, — прошептал он.

Она нежно отстранила его руку.

— Феодора!..

— Нет, не теперь. Сначала дело.

— А потом?..

— Потом я надену для тебя мою лучшую тунику, причешусь, как тебе нравится, мое тело будет умашено твоими любимыми благовониями — и все это только для тебя одного...

Она склонилась и приникла к его губам долгим поцелуем, а затем быстро оставила взволнованного юношу в одиночестве.

Поутру в дом Феодоры постучался раб с бледным лицом и непомерно длинными руками. Взглянув на него, Феодора сразу поняла, что за существо стоит перед нею.

Жители столицы сталкивались с евнухами повсюду. В Константинополе их было около семидесяти тысяч. Они как бы символизировали бездумную жестокость, попирающую права и достоинство человека. Операция, которой подвергался ребенок, была несложной, но ее последствия оказывались роковыми, превращая будущего мужчину в бесполое создание с тонким голосом, нескладным телом и меланхолическим нравом.

Жители Эфиопии кастрировали пленных мальчиков особым образом, зарывая жертву в песок по самую шею, чтобы она не могла прикоснуться к источнику боли. Многие умирали от кровотечения, инфекции или шока, но за оставшихся в живых на рынке давали втрое больше, чем за обычного раба. Богатые и умные домоправительницы охотно покупали евнухов для личных услуг. Лучшие парикмахеры, массажисты, секретари, как правило, были бесполоыми. Они были чрезвычайно удобны, обладали мягким характером, никогда не становились соперниками мужьям или любовникам, им доверяли самые интимные тайны и поручения.

Разумеется, не все евнухи были рабами. В столице существовала специальная школа и что-то вроде сообщества таких людей. Некоторые занимали весьма высокие должности, как, скажем, покойный Амантий, служивший императору Анастасию и имевший огромное влияние на государственные дела. Не секрет, что бедные семьи специально подвергали мальчиков оскоплению, пытаясь этим обеспечить ребенку место на государственной службе. Постепенно в Константинополе сформировалась многочисленная и влиятельная община евнухов, и ее члены вели свои дела гораздо успешнее обычных горожан, потому что никогда не терпели неудач из-за женщин и были избавлены от тех безумств, на которые толкает мужчин любовь.

Феодора испытывала брезгливую жалость к подобным созданиям, но побаивалась их. С рабом, появившимся у двери, она держалась холодно.

— Что тебе нужно?

Он поднял на девушку печальные глаза.

— Хиона, моя госпожа, приказывает тебе явиться к ней.

Да, Хиона никогда не просила, а приказывала и повелевала, и Феодора ожидала услышать именно такой приказ. В последние месяцы ее не раз звали в дом фамозы, чтобы помочь в подготовке различных торжеств. Девушка обладала хорошим вкусом, особым театральным чутьем, живым воображением — жизнь у Македонии пошла на пользу маленькой деликате. Хиона ни разу не похвалила ее, признавать чужие достоинства было не в ее характере, зато Феодора успела приобрести в городе репутацию умелого строителя всяческих увеселений.

В ненависти к Хионе девушка поклялась ни разу больше не переступать порога ее дома. Однако визит евнуха и приказ Хионы внезапно изменили ее намерения, способ отомстить явственно представился ей.

Она сказала слуге:

— Передай госпоже, что я уже иду.

Наспех подкрасившись без помощи Теи, Феодора заспешила по направлению к особняку фамозы на площади Афродиты. Она приготовилась долго ожидать в приемной, но ее тут же провели прямо в купальню.

Хиона относилась к тому сорту людей, которыми безраздельно владеют алчность и тщеславие. У нее было роскошное чувственное тело и холодный расчетливый ум. Иногда она тоже посылала подарки на пьедестал мраморной Афродиты, но при этом просила богиню помочь ей найти старика с кучей золотых солидов, а не пылкого молодого любовника. Безумия настоящей любви она не испытывала никогда, но умела мастерски изображать экстаз и воодушевление, и многие были от нее в восторге.

Если она не была занята с любовником, то посвящала остальное время своему телу. В заботах о коже и фигуре она дни напролет терпела голод и жажду, предаваясь массажам, умасливанию и причесыванию.

Сейчас над нею трудились армянские парфюмеры-евнухи, которые тщательно обрабатывали ее кожу, участок за участком. Хиона лежала, раскинувшись на кушетке, нагая, с закрытыми глазами, рабы же, словно механизмы, разминали и массировали ее плоть.

Когда Феодора вошла, работа не прекратилась ни на миг, Хиона приоткрыла глаза и лениво повернула голову.

— А-а, это ты...

— Да, я.

Хиона перевернулась на живот и снова опустила веки. Феодора еще полчаса стояла посреди комнаты, наблюдая за происходящим и не напоминая о себе. Наконец евнухи закончили и за работу взялись парикмахеры. Теперь Хиона сидела на кушетке и могла удостоить Феодору взглядом.

— Ты выглядишь неплохо, милая.

— Спасибо.

— Если бы ты знала, какое несчастье родиться брюнеткой! Тебе не повезло. Мужчины предпочитают блондинок. Но, надеюсь, ты своего не упускаешь.

Феодора кивнула. Контраст между ними был разительный: крупная, роскошная блондинка и хрупкая миниатюрная темноволосая девушка. Но истинный ценитель красоты без колебаний остановил бы свой взгляд на брюнетке с блестящими глазами, бриллианте чистейшей воды, в то время как зрелая матрона напоминала ремесленную поделку. Однако, хотя Антонина в порыве гнева и сравнила Хиону с перезрелой кормилицей, фамоза обладала пропорциональной, пусть и чересчур массивной фигурой, и была по своему привлекательна.

— Я надеюсь, ты слыхала, что я даю пир через неделю?

— Разумеется.

— Да и как было не слышать? Об этом толкует весь город.

Хиона упивалась сознанием собственного величия и значительности.

Феодора промолчала.

— Я пригласила гостей, — продолжала Хиона, — немного, соберется только самое изысканное общество. Человек двадцать. Самые богатые и влиятельные мужи столицы. Понадобятся и девушки. Как насчет твоих подружек, Антонины и Хризомалло? Пять золотых солидов за вечер их устроят? Ну и подарки, которые они сумеют заслужить.

— Думаю, они придут с радостью.

— Очень хорошо. Что касается тебя, то я хочу, чтобы ты помогла мне все это устроить. Это должно быть нечто необыкновенное, выдающееся, поэтому я и послала за тобой. Десять солидов.

— Спасибо, вполне достаточно.

Тем временем рабыня занялась лицом Хионы.

— Ты кое-что понимаешь в этом деле, — продолжала

Хиона покровительственным тоном. — Постарайся же, пусть будет необычный спектакль.

— Музыканты и танцоры?

— Конечно.

— Может быть, фокусники, если я отыщу что-нибудь новое? А как насчет борцов или акробатов?

— Нет, их не надо. На маленьких пирах они ни к чему. Запах пота, много шума, они обязательно покалечат друг друга, лишние хлопоты. Мое пиршество должно быть элегантным, в чем-то подобным хозяйке.

Последнюю фразу Хиона произнесла с глубокой серьезностью.

Феодора подумала, что каждая куртизанка столицы платит из своего кармана за удовольствия ненасытной фамозы. Вслух же она произнесла:

— У меня есть одна идея — необычные живые картины.

— Какие?

— Из греческой мифологии. Афродита, богиня любви, рождающаяся из морской пены. Мне кажется, это подойдет для самого изысканного общества.

— Афродиту буду изображать я?

— Только вы и сможете сыграть эту роль.

— Мне придется заучивать что-то на память? Я этого не люблю.

— Нет-нет, ничего не надо заучивать, репетиций тоже не потребуется, разве что для невольниц. Танцорами я займусь сама. Ваша роль будет чрезвычайно проста.

— И я буду главной фигурой в этой картине?

— Конечно! Все глаза будут устремлены только на вас.

— Великолепно!

— Позвольте, я расскажу подробнее, как я это себе представляю...

— Детали меня не интересуют. Ты сама справишься.

— Благодарю за доверие. Итак, музыкантов, танцоров и все репетиции я беру на себя. Девушек для ваших гостей тоже подобрать мне?

— Нет, я уже решила, кого пригласить. Из ста лучших в Константинополе я уже отобрала двадцать.

— Очень хорошо. Вы можете быть уверены, что представление будет иметь грандиозный успех.

Хиона самодовольно засмеялась и прикрыла глаза, а рабыня принялась подкрашивать ее светлые ресницы.

— А ты неглупа, Феодора, кое-что понимаешь в своем деле. Разумеется, в городе найдется не меньше сотни девушек, которые справятся с этим не хуже, но я доверяю именно тебе.

Хиона поднялась, и началось подкрашивание и припудривание других частей тела. Покровительственный тон фамозы бесил Феодору, она едва сдерживалась, так хотелось ей запустить ногти в пухлую шею Хионы. Но лицо девушки оставалось непроницаемым.

— Тебе бы побольше таланта, и ты могла бы стать знаменитой куртизанкой. Но для этого надо знать, как пленить мужчину, как выманить у него денег побольше, как удержать его возле себя. Ты еще слишком молода, костлява, да к тому же и брюнетка. Больше всего мужчины любят женское тело, ум тоже не вредит, а ты просто глупенькая маленькая деликатка.

Феодора не возражала.

Тем временем парикмахер заканчивал сооружать прическу Хионы. Было использовано множество золотых булавок, гребней, искусственных локонов и цветов; губы, веки, грудь, ягодицы, колени Хионы были подкрашены и надушены. Невольница поставила перед ней коробочку из слоновой кости, и фамоза принялась выбирать бриллиантовые кольца, серьги и ожерелье. Никто в этот миг не смог бы отрицать, что Хиона может поражать воображение и быть неотразимой для мужчин.

Кипевшая от гнева и бешенства Феодора с трудом дождалась окончания аудиенции.

В последующие пять дней Феодора работала так, как никогда в жизни. словно полководец, собравший все свои силы и резервы, она тщательно отработывала детали грядущего представления, увлекая всех участников своим замыслом.

ГЛАВА 6

Сенатор Полемон, тяжело отдуваясь и вытирая пот, пересекал Августеон. Он не заходил в префектуру, так как напрасно прождал сына все утро. Герон появился дома за полночь и на заре снова исчез, не сказав ни слова. Сенатор, обычно снисходительный к проделкам юноши, сейчас пре-

бывал в ярости. Это уж слишком! Попадись ему Герон сейчас под руку, шалопаю не поздоровилось бы. Полемон обещал друзьям, что явится на дворцовый прием вместе с сыном, там будут сенатор Тестор с супругой Софронией и дочерью Тиспасой, которую Полемон уже считал своей невесткой. Теперь начнутся ненужные расспросы и пересуды. Обескураженный сенатор не знал, что и говорить, а Фаустина наотрез отказалась сопровождать мужа, и Полемону не на кого было излить свое раздражение и недовольство.

После нескольких теплых дней выдалось сырое и холодное утро, к полудню из-за туч наконец пробились солнечные лучи, осветив дворцовый парк и великолепные постройки.

Дворцовый комплекс занимал почти треть старой столицы, его окружала высокая каменная стена, днем и ночью охраняемая эскувитами. Здесь находились несколько дворцов и множество хозяйственных построек — контор, жилых помещений для челяди, казарм, хранилищ. Всего здесь обитало около пяти тысяч человек — солдат, чиновников, евнухов, офицеров, не говоря уже о рабах и прислуге; их целью было поддержание роскоши и величия, подобающих правителю великой империи.

Дворцовый квартал имел четыре входа: ворота, ведущие с Августеона ко дворцу Халк, где императорская чета устраивала приемы; ворота Святого Стефана, названные так из-за расположенной рядом церкви; ворота Гормизды — южный вход на дворцовую территорию, рядом с которыми стоял небольшой изящный дворец Гормизды, служивший резиденцией принцу Юстиниану; и, наконец, Водные ворота с запада, где Пропонтис подступал прямо к каменным ступеням причала и суда доставляли грузы и пассажиров непосредственно во дворец. Существовал еще один выход — на кафисму Ипподрома, откуда двор мог наблюдать за скачками, но этот выход был почти всегда закрыт, старый Юстин из-за болезни редко посещал конные ристания.

Проникнуть на территорию дворца без специального пропуска было практически невозможно, но сенатора Полемона эскувиты знали в лицо и никогда не останавливали его. Возле ворот Халк Полемон нагнал двух молодых людей, неторопливо продвигавшихся в том же направлении.

— Привет тебе, Трибониан! — окликнул сенатор одного, замедляя ход и принаравливаясь к их шагу. Тот оглянул-

ся. Ему было лет тридцать — высокий, элегантный, со смуглым лицом, которому нос с горбинкой придавал ястребиное выражение. Поверх туники на мужчине была ярко-красная накидка, заколотая на плече дорогой фибулой*, на руке — золотой браслет с крупным аметистом. Наряд дополняла трость с набалдашником из слоновой кости, как и полагалось дворцовому щеголю. Трибониан, помощник императорского квестора*, был известен как блестящий знаток римского права.

— А, сенатор! — любезно улыбнулся юрист. — На аудиенцию? Разрешите представить вам моего спутника. Экебол из Тира, он впервые в столице, прибыл, чтобы получить пост наместника Киренаики*.

Полемон насторожился. Пост заметный, лакомый кусок. Весьма полезное знакомство. Теперь сенатор старался быть как можно любезнее.

— Я надеюсь, пребывание в столице доставляет вам удовольствие? — осведомился он, после того как Трибониан представил приезжего.

— Я наслаждаюсь, благодарю, — отвечал гость.

Ему было около сорока. Коренастый, невысокий, с иссиня-черными кудрями левантинца и семитским носом, Экебол имел умное, энергичное лицо и чувственный рот, выдававший ценителя наслаждений. Однако близко посаженные глаза немного портили облик будущего проконсула. Одет он был, как столичный щеголь: слишком много красного и желтого, золотой пояс, золотые цепочки на шее, по браслету на каждой руке, пальцы украшены крупными драгоценными камнями.

Троица прошла через ворота, и Полемон про себя отметил, что гость приятно удивлен тем, что эскувиты молча подняли свои внушительные копья в знак приветствия. Очувтившись на дворцовой территории, Экебол остановился, пораженный: перед ними раскинулся великолепный ландшафт с лужайками, мраморными статуями, постройками, скрытыми среди деревьев цветниками и фонтанами.

— Приемы обычно проходят здесь, во дворце Халк*, — заметил Трибониан, указывая на внушительное строение неподалеку от входа, сверкавшее на солнце бронзовой черепицей. К зданию вели широкие мраморные ступени, на которых застыли эскувиты в парадном одеянии.

— Так здесь пребывает император?

— О, нет, — поспешил ответить Полемон. — Император здесь не живет. Здесь даются официальные аудиенции, находится тронный зал, казармы эскувитов и помещения суда. В подвалах содержатся те, кого обвиняют в государственной измене, и, разумеется, эта тюрьма специально приспособлена для них.

Экебол понял, что речь идет об орудиях пыток. По слухам, узники, обвиненные в государственной измене, попадали в руки императорских палачей — бывших рабов с вырезанными языками, неспособных повторить то, что они могли услышать от своих жертв. Впрочем, из тюрьмы под дворцом Халк живым не вышел еще ни один узник.

— Я покажу вам императорскую резиденцию, — улыбнулся Трибониан. — Видите, вон там высится здание из желтого мрамора? Это дворец Дафны. Чуть дальше, за ним, — он указал тростью, — виднеется небольшое строение из зеленого мрамора. А от него тянется галерея к строению побольше. Вот там и живет Юстин, это дворец Сигма.

— Благодарю вас, вы чрезвычайно любезны. Расскажите же мне и об остальных зданиях.

— Дом с плоской крышей, чуть южнее дворца Дафны, занимают евнухи...

— Слишком много их развелось, — недовольно проворчал Полемон, — кишат в императорских учреждениях, словно вши, к тому же пользуются куда большими привилегиями, чем заслуженные люди.

— Большой квадратный дом справа, — продолжал Трибониан, — это главная казарма эскувитов. Здесь же живет городской префект, их начальник, кроме того, он имеет собственную виллу в Сике. Немного южнее, за стеной, находится дворец Гормизды, его крыша видна отсюда. Это резиденция наследного принца Юстиниана. Он много работает и не любит придворной суеты. Я полагаю, Юстиниана ждет большое будущее.

— Сейчас нет времени, чтобы показать вам все интересное, — снова вставил Полемон. — Но, полагаю, одно маленькое строение покажется вам забавным. Видите — оно вон там, под ярко-красной черепицей, позади дворца Сигма?

— Да, вижу.

— Это знаменитый Порфиновый дворец. Каждая императрица должна разрешаться от бремени только там, и все

наследники появляются на свет «в порфире». Любопытно, не правда ли?

Экебол вежливо улыбнулся.

— Не знаю. Такова традиция, а я сторонник традиций.

— В таком случае, — проговорил Трибониан, — вы получите удовольствие от аудиенции, чего не могу сказать о себе.

Полемон пропустил собеседников вперед и замешкался на ступеньках. Трибониан, понизив голос, обратился к Экеболу:

— Прием будет скучен, зато потом, насколько я понял, городской префект приглашает нас на пирушку, где соберется весьма изысканное столичное общество.

— Да, Иоанн говорил об этом. Куртизанки, не так ли?

— Это не просто куртизанки, мой друг! Речь идет о Хионе — она фамоза, известнейшая личность в столице! Каппадокиец часто навещает ее, поскольку истинный ценитель наслаждений только там найдет то, что ему нужно.

Экебол слегка пожал плечами.

— У нас тоже есть куртизанки.

— Куртизанки бывают разные, так же, как и женщины вообще.

— В отношении женщин не могу с вами согласиться.

— Мой друг, вы что-то упустили в жизни. Я советую вам уделить женщинам больше внимания, и вы не пожалеете. Это как изысканные стихи, смысл которых понимаешь не вдруг. Я считаю, что женщины — увлекательнейший предмет для изучения.

— Вы женаты, Трибониан?

— О, нет! Когда я приглашен на обед, то пробую все блюда постепенно, отдельно закуски, отдельно десерт. Не могу же я есть одно и то же весь вечер!

— Под вашим руководством, дорогой Трибониан, я далеко продвинулся в науке наслаждений! — рассмеялся Экебол.

Трибониан тонко улыбнулся.

— Вы, мой друг, не нуждаетесь в руководстве. Главное занятие Хионы и ее подруг — дарить нам удовольствие. И за это мы и все прочие горожане должны быть им особенно благодарны.

— Почему же?

— Потому что удовольствие стало необходимостью в наши дни. Когда-то жизнь римских граждан была до краев

наполнена волнующими событиями. Велись нескончаемые войны, и каждый был солдатом. Необходимо было усмирять мятежные провинции, создавать новые законы и обычаи, а это, в свою очередь, давало толчок литературе и искусствам. Постоянное чувство опасности, мгновения триумфа или поражения — все это делало жизнь драгоценной. Страх заставлял по-особому ощущать полноту бытия. Ведь поистине лучше испытать бурю чувств за короткое время, чем прожить долгую пресную жизнь.

— А что же теперь?

— Вот уже целое столетие, как нам не хватает перемен и свежих впечатлений. Провинции управляются без нас, войны ведутся наемниками, законы установлены раз и навсегда. У каждого свое место в жизни, свои повседневные обязанности, все мы скованы цепями рутины. Единственное, что остается нам, чтобы не умереть со скуки, — зрелища на Ипподроме и любовь. А любовь, мой друг, — это всегда приключение.

Трибониан улыбнулся.

— Всем этим я оправдываю собственное сластолюбие, о котором неодобрительно отзываются некоторые мои праведные друзья, например сенатор Полемон, и матроны императорской свиты, хотя, Бог свидетель, проституция у нас не ограничивается улицей Женщин, и я мог бы назвать вам имена знатных патрицианок, которые образцово выполняют домашние обязанности и соблюдают приличия, но никогда не упускают удобного случая, и зачастую их любовниками становятся мужья лучших подруг.

Они вошли в просторный зал с мраморным полом, богато украшенный мозаикой и бронзовыми скульптурами. Константин ограбил не одну державу, чтобы украсить свой дворец и столицу, и в парадном зале были выставлены поистине бесценные сокровища. Мраморные ступени вели к дверям, инкрустированным слоновой костью и завешенным пурпурным шелком, за которыми находился тронный зал, или консисторий.

— Судя по звукам, — заметил Трибониан, — у императора музыканты. Давайте войдем. Боюсь, ваше представление несколько затянется, но у вас будет время осмотреться...

В отличие от своего предшественника Анастасия, чей двор собирался почти ежедневно, кроме религиозных празд-

ников, император Юстин давал аудиенции только по четвергам.

Тронный зал, олицетворяющий могущество и богатство империи, был величествен. Высокий потолок и стены украшали мозаики, изображающие сцены из жизни Христа. Одна из них представляла картину Рождества Христова. Богоматерь и Младенца в яслях окружало стадо любопытных коров, отодвигая на задний план пастухов, мудрецов и ангелов, не говоря уже о святом Иосифе*. Другая изображала Крещение: Бог-Отец восседал на облаке, позой и внешностью очень напоминая греческого Зевса, Сын скромно стоял по пояс в воде, Святой Дух в виде голубя опускался ему на голову, а Иоанн Креститель в одеянии из леопардовой шкуры стоял на камне, готовясь совершить священное омовение.

Сцены такого рода украшали стены, а пространство между ними заполняли сонмы святых с нимбами над головами, и хотя позы их были несколько неестественны и чопорны, сами фигуры, составленные из разноцветных кусочков смальты, образовывали прелестную композицию, весьма приятную для глаза.

В дальнем конце консистория под золотым пологом располагался высокий помост, крытый красным бархатом. К возвышению вели семь ступеней, покрытых такой же тканью, а на мраморном полу перед помостом лежали три порфиновые плиты, отмечающие те места, где даже власти других держав должны были падать ниц, прежде чем приблизиться к императорскому трону.

Повсюду стояли изящные ложа и кресла, покрытые затейливой резьбой, на полу там и тут лежали восточные ковры и вышитые подушки. Но все это было только видимостью, ибо никто из присутствующих и не думал садиться.

На помосте, на тронах с высокими спинками, украшенными драгоценными камнями и пурпурным шелком, восседали оба императорских величества. Юстин в державной мантии сидел справа. Одутловатый старик, страдающий от многочисленных болезней, был уже утомлен и боролся с дремотой. Лицо императора хранило выражение туповатого безразличия.

Императрица Евфимия, толстая и неуклюжая дряхлеющая женщина, с раздражением наблюдала за залом. Невероятно дорогое одеяние, затканное золотом, и драгоценная

диадема не могли скрыть деревенскую топорность облика ее величества.

У ступеней помоста несколько египетских музыкантов наигрывали простую заунывную мелодию. Тронный зал постепенно заполнялся сенаторами, чиновниками, иноземными гостями, церковными сановниками, придворными, патрицианками. Тут были изможденные аскеты и дородные жизнелюбцы, военачальники и послы других стран в диковинных нарядах; вдоль стен застыли неизменные эскувиты, беспрерывно сновали туда-сюда евнухи и секретари. Пестрая толпа все время пребывала в движении: одни медленно прогуливались от группы к группе, другие болтали, сойдясь вместе, но все старались сохранить проход от дверей зала к помосту, чтобы просители и придворные могли свободно проследовать к императорской чете.

Египетские музыканты играли без умолку. После нескольких недель ожидания у них появилась возможность выступать во дворце, и они старались изо всех сил.

Евфимии давно надоела их музыка, и она с нетерпением ждала, когда главный евнух остановит музыкантов взмахом серебряного жезла. Императрица хмуро поглядывала на гостей в тронном зале. Простоту и невыразительность черт ее лица еще больше подчеркивали нити драгоценных камней, свисающих с головного убора. Ей казалось, что предметом обсуждения этих людей является именно она. Евфимия не сомневалась, что весь двор смеется над ней, шушукаясь по углам, и не только двор — но и весь город, и вся империя. Она стеснялась своей необразованности, неуклюжести, ей были тяжелы и неприятны дворцовые обязанности. Дочь простого земледельца с горечью сознавала, что история их с Юстином отношений у всех на устах.

Сорок лет назад Юстин, деревенский пастух из Македонии, отправился служить в армию императора. Получив после боя свою часть награбленной добычи, он позволил себе роскошь, о которой давно мечтал: приобрел наложницу.

Это произошло в годы правления Зенона, во времена нашествия остготов*, когда варварские орды, периодически нарушавшие покой империи, встали у границ Далмации, решая, вторгнуться ли в Иллирию или податься на запад, на Апеннинский полуостров. Хитрая политика Зенона и стойкость его пограничных отрядов заставили-таки лавину варварских всадников покатиться на запад. Восточ-

ная империя счастливо избежала опасности, трофеи Далматинской кампании доставили в Константинополь. Ничего особенного: оружие, домашний скот, нехитрый скарб и рабы.

Юстин, неотесанный воин тридцати лет, не имевший не малейшего желания обзаводиться семьей, пришел на невольничий рынок за наложницей, и его поразила одна девушка из варварского племени. Она стояла на помосте, здоровая, с бело-розовым цветущим телом, ее лодыжки и запястья были толстоваты, но Юстин не отличался утонченным вкусом, — и с необыкновенными золотистыми волосами, ниспадавшими почти до колен. Эти волосы так пленили Юстина, что он не заметил грубоватых черт лица их обладательницы. Обычная деревенская девушка, стыдливая и неопытная, захваченная в плен императорской кавалерией, стояла сейчас перед глазами на нее мужчинами совершенно голая! Трогательными незаметными движениями плеч и бедер она старалась перекинуть вперед хотя бы несколько прядей своих роскошных волос, чтобы прикрыться ими. Эти жалкие попытки испуганной невинности спрятать свою наготу и золотящиеся волосы так поразили сурового солдата, что он тут же купил ее, заплатив значительно больше, чем намеревался вначале. Позже он не упускал случая напомнить супруге об этом.

Юстин назвал свою наложницу Лупициной — «светом любви» или «возлюбленной». Она понимала, от какой страшной участи он спас ее, перекупив у владельца стабулы*, и всячески старалась угодить своему господину. Наложница по римским законам принадлежала хозяину, словно вещь, и выбора у нее не было. Все последующие сорок лет Лупицина так и оставалась наложницей. В последнее время ходили слухи, что она стала официальной супругой императора, но старый рубака и слышать не хотел о церемонии бракосочетания. В его-то годы! К тому же наследников у них все равно нет!

С годами великолепные золотистые волосы стали грязно-серыми, а стареющую Лупицину постоянно терзала мысль, что она — незаконная жена и все окружающие потешаются над нею. Безо всякого волнения и интереса следила она за драматическими событиями, кипевшими вокруг нее. Она знала, как ее Юстин вззошел на престол три года назад.

Старый Анастасий умер, и двором фактически управлял Амантий, хитрый и влиятельный придворный евнух, обладавший богатством и властью. Однако официально взойти на трон он не мог и намеревался сделать императором своего ставленника. Выбор пал на некоего Феокрита.

План Амантия был прост. Когда у покойного императора не оказывалось прямых наследников, решающее значение при выборе главы империи имели голоса эскувитов, дворцовой гвардии. Амантий передал начальнику эскувитов крупную сумму из государственной казны с условием, что его солдаты поддержат кандидатуру Феокрита. Командовал в ту пору эскувитами старый Юстин, которого евнух давно знал и считал беспросветным тупицей. Проницательный Амантий не мог и предположить, что у Юстина хватит ума и смелости пойти ему наперекор. Этот просчет стоил Амантию жизни.

Юстин распорядился деньгами так, что солдаты единогласно поддержали своего командира, и он перебрался из скромного жилища прямо во дворец. Амантий был поражен таким вероломством, хотя и сам ловко упражнялся в бесконечных предательствах и изменах, однако ему вместе с незадачливым Феокритом пришлось навсегда исчезнуть в подземельях под дворцом Халк.

Пожилая крестьянка очутилась на троне. Она сменила имя — теперь ее звали Евфимией, «доброй вестью». Это был ее первый и последний самостоятельный поступок. Она безвыходно жила во дворце Сигма, с огромной неохотой изредка выбираясь на богослужения в собор Святой Софии и на официальные церемонии. Для нее эти выходы были пыткой, и она подолгу изливала свое недовольство Юстину, оставаясь с ним наедине в дворцовых покоях.

Из-за утреннего тумана в тронном зале было холодно и сыро. Придворные дамы в легких туалетах мерзли, не переставая ворчать и жаловаться.

— Здесь словно в могильном склепе, — заметила Софрония, жена сенатора Тестора, бледная худощавая женщина, дрожа от холода и кутаясь в алую шаль.

Невысокая полная дама, к которой она обращалась, брюзгливо ответила:

— Императрица — скупердяйка. Она говорит, что слишком дорого без конца жечь древесный уголь в жаровнях.

Женщину звали Флора, мужем ее был известный пол-

ководец Милон, чьей главной воинской доблестью было стремительное отступление в Дакии*. Полководец бежал с поля боя так резво, что оказался одним из немногих уцелевших в кровавой резне, учиненной готами.

— Можно только молить Бога, чтобы этот прием поскорее закончился, — продолжала Софрония. — Когда наконец эти проклятые египтяне перестанут брэнчать? Если я не простужусь сегодня, это будет истинное чудо. Да и у нашей Тиспасы слабые легкие.

Ее дочь, невзрачное создание со смуглой кожей и печальными глазами, стоявшая рядом, закашлялась, как ребенок, надеющийся привлечь к себе внимание. Тиспаса была так некрасива, что один ее вид отбивал всякую охоту говорить с ней. За всю жизнь у нее не было ни одного поклонника.

Флора взглянула на девушку с плохо скрываемым презрением и не удержалась от ехидного вопроса:

— Кстати, дорогая, а где же Герон?

— Я не знаю, — уныло отвечала Тиспаса.

— Радостное событие не за горами, и нам хотелось бы видеть вас вместе, воркующих, как два голубка. Ты совсем не видела его сегодня?

— Нет, — выдавила Тиспаса.

Ей хотелось разрыдаться от досады. Жених так и не появился, хотя и обещал. Только потому, что Герон должен был прийти, ее мать настояла, чтобы она тоже присутствовала на приеме. Тиспаса вовсе не была влюблена в Герона, она видела его всего несколько раз, и то мельком, но его отсутствие было сейчас унижительным для нее. Будущий брак сулил ей респектабельное положение матроны, и вдруг жених накануне свадьбы повел себя так вызывающе!

— Должно быть, задерживается, — хмыкнула Флора. — Ну что ж, скоро юные возлюбленные окончательно соединятся после долгой разлуки.

Тиспаса не нашлась что ответить, а Софрония помрачнела, как грозовая туча. Холодно улыбаясь, Флора отошла от них, покачивая пухлыми бедрами под голубой туникой.

— Бедняжка, — обронила она, глядя через плечо на Тиспасу. — Она с каждым днем становится все более костлявой и жалкой. Просто не представляю, что с ней будет, если она не выскочит замуж и не родит парочку детей. Высох-

нет, как щепка. Посмотрите на меня! Я могу похвастаться, словно Корнелия, мать Гракхов, своими отпрысками!

— Да, нельзя не согласиться, глядя на вас, дорогая, что вы ни в коей мере не высохли, — заметила одна из дам.

— Иначе и быть не могло, милочка. Супруг не позволил бы мне этого. Как и все мужчины, он ценит только тех женщин, у которых есть кое-что поверх костей!

Флора гордо отошла к следующей группе, не услышав ответной реплики: «Если бы военачальник Милон ускользнул из ее объятий, как он сумел ускользнуть от готов, она бы высохла куда сильнее, чем Тиспаса».

В это время в другом углу тронного зала Полемон заметил городского префекта и устремился к нему.

Иоанн из Каппадокии, среднего возраста, внушительный, грузный, двигался медленно, словно бык, собравшийся бодаться. Наружность он имел довольно неприятную, одевался всегда очень богато, хотя его манера носить накидку выдавала провинциала. Отсутствие волос на голове Иоанна возмещалось чрезмерной волосатостью других частей тела: брови были подобны настоящим черным зарослям, такая же поросль торчала из ноздрей; руки, ноги и грудь покрывала косматая шерсть, а подбородок от постоянного бритья казался иссиня-черным. Хитрый взгляд из-под тяжелых век, темные мешки под глазами; во всем его облике сквозила звериная сила.

Он был одним из самых влиятельных императорских чиновников, командовал эскувитами, ведал всеми делами города, его огромная власть простиралась даже на провинции. Префект добился своего поста без чьей-либо помощи и протекции, у него не было ни образования, ни изысканных манер, ни внешнего благообразия. Преуспел он исключительно благодаря своей напористости и хитрости. Его родная провинция граничила с Персией. Там он угодил в армию и случайно оказался в столице. Никто не знал его настоящего имени, Иоанном он стал, приняв крещение; злые языки болтали, что на его вилле в Сике до сих пор стоит алтарь сирийской богини Астарты, поклонение которой состоит в буйных оргиях и кровавых жертвоприношениях.

Иоанн умел льстить и угождать, как никто. Он делался совершенно необходимым, потворствуя всем желаниям, прихотям и слабостям начальника. Войдя в доверие, он пре-

давал его при первой же возможности и спешил занять освободившееся место.

Сенатор знал необычайную жадность Иоанна, однако начал издалека, с расспросов о здоровье и обычной придворной лести. Префект слушал рассеянно, поглядывая на кучку просителей, столпившихся в дверях, и прикидывая, какую мзду он получит с них, допустив на прием к императору.

— Я заметил новые корабли на рейде, — перешел наконец Полемон к делу. — Отличные корабли.

— Да, неплохие. Корабельщики поработали на славу, — отозвался Каппадокиец.

— Уже снаряжены?

— Не все. Но готовы рабы-гребцы и экипажи. Часть судов уже способна к пробному походу.

— А когда же на них установят боевое снаряжение?

— Мой дорогой сенатор, откуда мне это знать?

Полемон покачался на пятках, заложив руки за спину и подняв глаза к потолку.

— До меня дошли слухи о морских операциях на Эвксинском побережье Персии. Если бы некто узнал, где именно они будут разворачиваться, это могло бы оказаться очень выгодным.

— Выгодным? Кому именно? — Иоанн наконец сосредоточился.

— Гм... Предположим, некто собирается вложить в это дело кругленькую сумму в надежде получить неплохие барыши, и он был бы весьма признателен тому, кто... скажем, сообщит ему кое-какие сведения...

— Что ж, предположим. И в какую же сумму оцениваются подобные сведения?

— Не менее чем в тысячу золотых.

— Дорогой сенатор! — осклабился префект, обнажая желтые зубы. — Это не слишком заманчивое предложение.

— А, допустим, пять тысяч?

— Еще лучше — половина всей прибыли!

— И без всякого риска?

— Конечно!

— Но предприятие может оказаться неудачным. Вместо прибыли — огромные убытки, и тогда...

— Тогда, разумеется, не о чем и толковать. Но лучше бы заранее выдать расписку.

— Половина? И рискую только я? Но, дорогой префект, это немилосердно!

Каппадокиец расхохотался.

— Мы ведь рассуждали сугубо теоретически, а вы все-таки перешли на личности!

Полемон натянуто улыбнулся.

— Такова моя манера говорить, не более. Что касается суммы — сначала она показалась мне непомерной, но, пожалуй, мы договоримся. Если информация окажется полезной.

— Поскольку мы попросту рассуждаем, я осмелюсь предположить, что мирный договор с Персией может быть нарушен в самое ближайшее время. Кроме того, наш флот мог бы, я подчеркиваю — мог бы — появиться еще в одном месте...

— Где?

— Эфиопы создают напряженность на южной границе Египта.

— Эфиопия? Ничего не слыхал об этом. Карательная экспедиция? Когда же?

— С точки зрения теории военное снаряжение устанавливают на галерах в течение месяца после укомплектования команды.

— Ого! Целый месяц! Время у нас есть.

— И сколько вы намереваетесь выручить на этом деле, сенатор?

— Рассчитываю на сто тысяч золотых от продажи пшеницы и масла.

— Что ж, опять-таки теоретически, прибыль выйдет куда больше.

— Благодарю вас, дорогой префект.

— Не стоит, сенатор, я всегда к вашим услугам. Завтра мой распорядитель зайдет к вам в контору. — Иоанн понизил голос. — Сюда идут Трибониан и мой протеже, Экебол из Тира, я вам его с удовольствием представлю.

— Мы уже знакомы, тем не менее почту за честь.

Теперь Полемон знал, каковы политические связи его нового знакомца, и поспешил придать своему лицу самое любезное выражение. Префект тоже улыбался, так что подошедшие молодые люди ни за что бы не догадались, о чем шла речь минуту назад.

— Кстати, сенатор, — заметил префект, — я что-то не вижу вашего сына.

— Понятия не имею, где он. Обещал быть, но, видно, где-то болтается со своими приятелями, — раздраженно ответил Полемон.

Трибониан улыбнулся.

— Может, все дело в женщине, сенатор?

— Вряд ли, у него свадьба на носу! — буркнул Полемон, втайне опасавшийся именно этого.

— Ну и что с того? — возразил юрист. — Это вполне естественно для возраста Герона. Последнее увлечение. И это едва ли предосудительно по отношению к браку, имущественной сделке, которую не стоит путать с романтическими чувствами. Женатый мужчина отнюдь не становится монахом, вы должны это помнить. Кто из почтенных мужей в этом августейшем зале обходится без любовницы? Я полагаю, вы не настолько старомодны, чтобы требовать от такого юноши, как Герон, полного отказа от приятного времяпрепровождения ради... — он отыскал глазами унылую фигуру Тиспасы, — ради светских приличий, — закончил Трибониан с легкой гримасой.

— Я-то не настолько старомоден, как вы полагаете, — фыркнул Полемон, чувствуя подвох, но не вполне улавливая иронию собеседника, — но вот Сильвий Тестор — наверняка. Едва ли бы он это одобрил. Да, кстати, вот и он. Пойду поприветствую его.

И грузный сенатор заторопился навстречу маленькому лысому человечку. Трибониан задумчиво проводил его взглядом.

— Неужели Полемон не знает, что Сильвий Тестор — один из самых отъявленных наших распутников, хотя и весьма осмотрителен в своих похождениях? — проговорил он. — Вы еще увидите его у Хионы, Экебол.

— Уж он-то непременно будет там, — подтвердил Каппадокиец, усмехаясь, — и коль скоро разговор зашел о Хионе, я обещаю вам что-то совершенно особенное. Она сама сказала мне об этом.

— По крайней мере, там будет с кем поговорить. Здесь это абсолютно невозможно, — заметил Трибониан.

— Почему же невозможно? — поинтересовался Экебол.

— Из-за характера императрицы. Она исключила из

своего окружения всех женщин, наделенных молодостью, красотой или остроумием. Патрицианки, выбранные для императорской свиты, слишком пресны и благоразумны, чтобы быть интересными. Беседы же с куртизанками столь же восхитительны, как и все остальное, что они предлагают.

— А вот наконец и Юстиниан! — прервал их Иоанн.

Экебол уставился на принца с любопытством провинциала.

Юстиниан, племянник императора, прибыл с опозданием, задержавшись из-за очередных дел. Как обычно, он был одет очень просто: скромная белая туника и пурпурная мантия. Это был рослый мужчина лет сорока, со свежим цветом лица, вьющимися густыми волосами и врожденным благородством осанки. Несмотря на любезную улыбку на губах, лицо его оставалось бесстрастным, так что невозможно было понять, что у него на уме. Он был вежлив и внимателен к каждому.

— Приветствую вас, ваше высочество, да пребудете вы в неизменном здравии! — проговорил префект.

— И да увенчаются успехом все ваши труды на благо империи! — добавил Трибониан.

— Благодарю вас, друзья, — отвечал Юстиниан.

Ему представили Экебола, которого он прежде никогда не видел.

Хотя Иоанн Каппадокиец беспрестанно льстил принцу-регенту, втайне он был невысокого мнения об умственных способностях его высочества. Все знали, что старый император доверил любимому племяннику управление империей, и подразумевалось, что именно Юстиниан станет преемником своего дяди на троне.

Но у Каппадокийца были кое-какие соображения, столь тайные, что он никогда не поделился бы ими ни с кем. Смена царствующих особ всегда непредсказуема. Разве не был Юстин простым начальником стражи? Другой начальник императорской гвардии тоже мог бы воспользоваться случаем и последовать его примеру. Конечно, у Юстина есть племянник, но и у старого Анастасия было целых два племянника, до сих пор, между прочим, живущих в столице, но это нисколько не повлияло на возвышение Юстина.

Иоанн, сделавший свою карьеру, шагая по трупам, вынашивал самые черные намерения в отношении наследника.

Однако сейчас он был сама доброта, забота и преданность.

— Мы так редко видим вас при дворе, дорогой принц. Боюсь, вы переутомляетесь.

— Слишком много дел, — коротко ответил Юстиниан.

В его манере говорить слышалась некоторая отчужденность.

— Вы должны позволять себе больше отдыха, благородный правитель.

Юстиниан пожал плечами. Он был здоровым, крепким холостяком, не отказывающим себе ни в каких удовольствиях, хотя его увлечения никогда не бывали чрезмерными. Можно даже было сказать, что наследник чересчур умерен во всем: у сильных мужских натур обычно обнаруживается какая-нибудь необыкновенная страсть, уравновешивающая силу. Юстиниан же имел репутацию человека холодного и невозмутимого.

То, что преподнес ему престарелый дядя, целиком поглотило его силы, ибо он в высшей степени серьезно относился к своим обязанностям. Юношей он попал ко двору из небольшой деревушки в Македонии, и сам император стал его наставником. В отрочестве его звали Юст — «честный» или «справедливый», и ему было легко принять латинское имя Юстиниан, которое оказалось созвучным и его македонскому имени, и имени его дяди-благодетеля. Ум его, не отличаясь ничем выдающимся, был, однако, тверд и настойчив, и состояние дел империи глубоко волновало его.

— Едва ли это возможно, — ответил он на замечание Иоанна. — Какой может быть досуг в моем положении?

— Империя вполне способна управляться сама по себе какое-то время, — пошутил Трибониан.

— Иногда мне кажется, что она управляется сама по себе уже слишком долго. В некоторых делах я сталкиваюсь с поразительной некомпетентностью! — нахмурился Юстиниан. — Все разъедено коррупцией снизу доверху!

— Так было всегда. Разве вы в состоянии изменить цвет пятен на шкуре леопарда или отложить восход солнца? — спросил Иоанн, чувствуя неприятное волнение при упоминании о коррупции после разговора с Полемоном.

— Но, по-моему, дела никогда не были так плохи, как теперь, — с горечью проговорил наследник. — Дорогостоя-

шие войны сократили границы империи от всего Средиземноморского мира во времена Константина до теперешнего жалкого клочка, включающего лишь Грецию, кусочек Азии, Египет и Киренаику. Мы потеряли Рим, Италия захвачена остготами, Галлия — франками, Испания — вестготами, Африка — вандалами. На севере — дикие племена гуннов, на востоке — Персия. Иногда, глядя на всех этих могущественных врагов, я чувствую себя Атлантом, которого заставили держать небо. Но эта задача — не по моим силам.

— Мы все сочувствуем вам, — проговорил Иоанн, — и все же я советую вам дать себе передышку ради одного скромного удовольствия.

Юстиниан вежливо, но без особого энтузиазма улыбнулся. Развлечения Константинополя уже давно потеряли для него былую притягательность. Иногда он даже спрашивал себя, является ли это признаком усталости, возраста или просто пресыщения. Временами это беспокоило его: кого может обрадовать потеря интереса к жизни.

Но Каппадокиец был настойчив, ибо стремился заинтересовать наследника пиром Хионы, так как присутствие Юстиниана придавало бы особый блеск этому событию.

— Я знаю, как нелегко отвлечься от столь важных дел, — угодливо гнул он свое, — но могу ли я предложить вам нечто необыкновенное?

— Что именно?

— Пир и представление, на которые я имею честь пригласить вас от имени самой прекрасной женщины Константинополя.

— В Константинополе много прекрасных женщин.

— Я имею в виду несравненную Хиону.

— Хиону? — наследник казался озадаченным.

Немного погодя он спросил:

— Вы имеете в виду куртизанку?

Даже Юстиниан слышал об этой фамозе, но ему и в голову не пришло оскорбиться подобным приглашением. Почти все мужчины высшего света были завсегдаями салонов известных куртизанок. Женщины, посвятившие себя развлечениям, являли собой приятный контраст скучному домашнему однообразию. Но Юстиниан был не в духе.

— Я не люблю шумных сборищ, — проговорил он.

— Ничего подобного и не будет, ваше высочество. На-

оборот, все очень конфиденциально. Приглашенных не более двадцати, это самые благородные мужи империи. Хиона, чья репутация хозяйки безупречна, всеми силами стремится сделать это событие памятным для всех.

— А что за событие?

— О, женские капризы, — желтые зубы Каппадокийца обнажились в ухмылке. — Она празднует победу над соперницей. Знаете, как все эти женщины любят вонзать свои коготки друг в друга, строя всякие мелкие козни.

— Кто же ее соперница?

— Куртизанка по имени Македония. Ее недавно выслали из столицы.

— Македония?

— Да, ваше высочество.

— Знакомое имя, имя моей родной провинции. Помоему, я даже знал эту женщину когда-то. Высокая, изящная, с восхитительным профилем? Да, точно, это она. Я заинтересовался ею поначалу из-за имени и только потом обнаружил, что она превосходит многих и многих куртизанок. Но почему же она сослана?

— В ее доме собирались заговорщики.

— Почему тогда она не наказана? — нахмурился Юстиниан.

— Не удалось доказать, что она сама была вовлечена в заговор.

Юстиниан помрачнел еще больше:

— Но почему я ничего не знаю об этом?

Каппадокиец понял, что совершил ошибку.

— Но это совсем малозначительный... — начал он торопливо оправдываться.

— Любой заговор важен! — резко перебил его Юстиниан. — Немедленно доставьте мне отчет о деле Македонии с именами всех так или иначе причастных к нему! — Он посмотрел на префекта и откашлялся. — Что же касается вашего приглашения, то я чересчур занят.

С этими словами он отвернулся и направился к возвышению в конце зала.

Экебол прислушивался к разговору с удивлением и некоторой тревогой — его интересы были тесно переплетены с интересами Каппадокийца, его патрона.

— Надеюсь, вы не обидели его? — начал было он.

Иоанн пожал плечами. Он не переставая клял себя за то, что упомянул имя Македонии.

— Я должен был помнить, — с досадой сказал он, — что эта женщина какое-то время прожила у наследника не-сколько лет тому назад.

Трибониан лениво усмехнулся:

— Вы заметно побледнели, благородный префект. Выбросьте это из головы. Юстиниан не настолько пылкий любовник, чтобы начать расследование дела какой-то куртизанки, какой бы восхитительный профиль у нее ни был.

— И то правда, — ответил Иоанн, оживляясь. — Я знаю, как нужно повернуть дело, Экебол. Если я попал впросак с первого захода, второй удар несомненно поразит цель. Однако нам, кажется, пора продвигаться вперед.

Египетские музыканты окончили игру и покинули зал. Вслед за этим должны были начаться представления ко двору.

Трибониан обратил внимание Экебола на разговоры придворных, которые велись полупрошепотом.

— Вот вам, мой друг, маленькая зарисовка столичной жизни, — с улыбкой заметил он. — Здесь больше сотни женщин, жен и дочерей самых благородных семейств империи во главе с самой императрицей на троне. Но по всему дворцу под самым носом этих матрон порхает имя Хионы, куртизанки, фамозы. Для них она — грязь под ногами. Но она же и самая влиятельная женщина в столице, влиятельней, между прочим, ее величества.

ГЛАВА 7

Как и предполагалось, пир столичной фамозы должен был поразить своей расточительностью и великолепием.

Однако действительность превзошла все ожидания. Прибывающих на носилках гостей в вестибюле встречали рабы, снимали с них сандалии и омывали им ноги и руки из серебряных сосудов, затем окропляли благовониями и надевали на головы венки из живых цветов.

Трибониан, явившийся одним из последних, с удовлетворением знатока наблюдал за этими действиями, сулившими в дальнейшем еще большую роскошь и сюрпризы. Покончив с омовением, Трибониан проследовал в комнаты.

Считалось дурным тоном направляться сразу к столу, поэтому юрист вышел во внутренний двор полюбоваться цветами, побродил по комнатам, восхищаясь мебелью и кланяясь гостям, и наконец вступил в обеденный зал.

То, что он увидел, вызвало самое искреннее восхищение даже у такого сибарита, как Трибониан. Пять висячих бронзовых ламп, украшенных фигурками нимф и сатиров, каждая с шестнадцатью плашками ароматного масла и дорогими фитилями из карпатского льна, так освещали зал, что в нем практически не оставалось теней.

В алькове несколько музыкантов наигрывали приятную музыку. Вдоль стен через равные промежутки стояли обнаженные красивые мальчики, которые должны были прислуживать гостям за столом. Большие и удобные лежа со множеством мягких подушек были расставлены по всему залу. Рядом с каждым из них стояла девушка.

Лица деликат сияли приветливыми улыбками, на каждой были надеты самые лучшие ее украшения, головы празднично убраны, все они были поистине очаровательны в своих облегающих нарядах светлых тонов; все вместе создавало очаровательную гармонию, улаждающую глаз. Трибониан с удовольствием созерцал эту картину взглядом художника. Девушки были словно на подбор: молоды, свежи и красивы.

Хиона встречала гостей у дверей, одетая роскошнее, чем когда-либо, — в платье персикового цвета, с тремя драгоценными ожерельями на груди, в ослепительно сияющих браслетах, кольцах, серьгах; она просто поражала великолепием.

— Добро пожаловать в мой скромный дом, благородный Трибониан, — проговорила она.

— Но это истинное совершенство! — воскликнул юрист. — Я восхищен той гармонией, которую вам удалось так искусно создать: сладостные звуки для уха, восхитительные ароматы для обоняния и, наконец, захватывающее зрелище для глаз.

Хиона наградила его самой обольстительной из своих улыбок: оценка Трибониана льстила ее тщеславию.

— Девушки — лучшие, что есть в Константинополе, — доверительно сообщила она, — уверяю вас, не так-то просто было заполучить их сюда. Все до одной владеют искусством обольщения и любовных игр, и ни одна не откажется

удовлетворить даже самое причудливое желание. Выбирайте же себе ложе, дорогой Трибониан, и ту, которая вам по вкусу.

Выбирать ложе было привилегией для гостя: вместе с ним выбиралась и девушка, стоявшая рядом, она-то и будет развлекать мужчину и на пиру, и ночью. Исключением было лишь возвышение в центре, которое предназначалось для Хионы и Каппадокийца.

С легкой улыбкой Трибониан отошел от хозяйки и двинулся вдоль зала, любезно заговаривая с юными куртизанками и интересуясь их именами.

— Меня зовут Дио, — застенчиво улыбнулась стройная блондинка.

— Тепсис, — проговорила девушка с рыжеватыми волосами и прекрасной фигурой.

— Хлоя, — откликнулась третья.

— Мелисса, — четвертая.

Каждой Трибониан отпускал какой-нибудь комплимент.

— Когда вы все так божественно прекрасны, как можно сделать выбор? — улыбнулся он, как бы приходя в замешательство от такого разнообразия красавиц.

Наконец его взгляд остановился на миниатюрной фигурке с сияющими глазами. Девушка, самая невысокая из всех присутствующих в зале, была в белом платье, туго обтягивающем ее талию и ниспадающем грациозными складками к крошечным ножкам.

— Твое имя, малышка? — спросил он.

— Феодора, — она чарующе улыбнулась в ответ. — Не соблаговолит ли знаменитый Трибониан провести вечер со мной?

Законовед был поражен.

— Откуда тебе известно мое имя?

— По слухам.

— И что же говорят эти слухи?

— Что Трибониан — самый красивый мужчина при дворе императора.

Он засмеялся, очарованный:

— Маленькая выдумщица! Ты, должно быть, слышала, как Хиона приветствовала меня. Но у тебя неплохо получилось, и я остаюсь с тобой. Я должен познакомиться с такой находчивой девушкой поближе.

Другие гости поудобнее устраивались на своих ложах, принимая полулежачее положение, опираясь на левое предплечье и оставляя свободной правую руку. Взгляды всех были устремлены к центру зала, ноги вытянуты вдоль ложа, образуя, таким образом, круг. Деликаты изящно расположились рядом с каждым гостем.

Наконец Хиона и Каппадокиец заняли свои места на центральном ложе. Острый глаз Трибониана отметил, что префект весьма походит на дикого вепря из его родной варварской провинции.

Он перевел взгляд с хозяйки и префекта на других гостей. В общем кругу он заметил смуглое лицо Экебола, вытянувшегося рядом с белокурой девушкой, которую звали, как сообщила Феодора, Хризомалло. Был здесь и Сильвий Тестор, уже пьяный, со своей всегдашней вкрадчивой улыбкой, поглаживающий округлые бедра спутницы, которую, как выяснилось, звали Антонина. Он заметил здесь и старого Гермогена, ведавшего дворцовыми церемониями, и философа Филона, поэта Менда, и многих сенаторов, эстетов, военных — со всеми Трибониан был знаком.

Это было действительно избранное общество, и юрист почувствовал себя польщенным — приглашение на такое исключительное торжество много значило.

Внезапно вновь зазвучала музыка. Двое кравчих в набедренных повязках внесли меха с вином, и обнаженные мальчики немедленно покинули свои места у стен.

По древнему обычаю, хозяйка должна была первой испробовать вина, чтобы убедиться, что оно не отравлено. Хиона наполнила первый кубок, высоко подняла его и осушила до дна. Затем были наполнены кубки гостей, и мраморные тела мальчиков замелькали между ложами, разнося гостям и их подругам первые чаши.

По мере того, как они пустели, беседа оживилась, музыканты продолжали играть, мальчики поднесли к каждому ложу небольшой столик для яств.

Первое кушанье подавалось на блюдах уже разделанным так, чтобы его можно было есть одной рукой; это был лобан, рыба, считавшаяся самой изысканной, приготовленная в таком неопишимо пикантном соусе, что вызвала общий восторг. К рыбе, как и к прочим блюдам, на протяжении всей трапезы подавались ломтики хлеба, о которые

можно было вытереть пальцы, а при желании — обмакнуть в соус.

Музыка продолжала звучать, разговоры и смех не умолкали. Блюда с рыбой унесли, и мальчики подали каждой паре чаши с ароматной водой и салфетки, о которые следовало вытереть пальцы, чтобы на них не осталось ни малейшего запаха, мешающего оценить следующее блюдо, которое представляло собой искусно приготовленных куропаток и уток.

Еще одна смена чаш с ароматной водой — и настала очередь третьего блюда: жареный барашек и говяжье филе в подливе, вкус которой мог поразить воображение любого эпикурейца.

Было бы чересчур утомительно описывать каждое кушанье. Достаточно сказать, что в эту ночь Хиона подала гостям пятнадцать различных блюд, и к каждому полагалось свое вино, как нельзя более гармонирующее с яством.

— Настоящий лукуллов пир! — воскликнул Экебол, обращаясь к Сильвию Тестору. — Клянусь святой Македонией, покровительницей куртизанок, нам будет что вспомнить!

Рука Экебола, по мере того как разогревалась его кровь, все смелее поглаживала восхитительные выпуклости Хризомалло. Девушка не сопротивлялась, а, скорее, поощряла эту откровенную ласку, улыбаясь ему через плечо.

— Нам позавидовали бы даже во дворце, — отозвался сборщик налогов, целуя Антонину.

— Во дворце никогда бы не смогли подняться до таких высот, — улыбнулся им Трибониан, — а что думаешь ты об этом вечере, маленькая Феодора?

— Что вы еще и не начинали наслаждаться всеми его прелестями, — отвечала она.

— Какими же это? — спросил Трибониан только для того, чтобы услышать, что она ответит.

— Всеми!

— Ты имеешь в виду любовь?

— Если вам так будет угодно... — из-под длинных ресниц блеснул призывный взгляд.

В эту минуту Экебол, уже достаточно разгоряченный, распростер Хризомалло на ложе и с жадностью припал к ее губам. Другие гости вели себя так же: открыто ласкали девушек, посмеивались, нашептывали им всякие любезнос-

ти, пошлепывали, пощипывали их, в то время как девушки потворствовали самым бесстыдным поплзновениям.

Пик неприличия был достигнут в тот момент, когда опьяневший и уже не владеющий собой Иоанн Каппадокиец начал открыто домогаться Хионы и настаивать, чтобы она отдалась ему прямо здесь, в центре зала, на глазах у гостей. Но фамоза, чей рассудок никогда не затуманивался ни вином, ни страстью, знала, как можно справиться с мужчиной, ублажив его лестью и посулами; смеясь, она отклонила притязания Каппадокийца.

Насупившись, префект снова налег на вино, но хорошее настроение вновь вернулось к нему, когда он увидел, как старый Гермоген, неуклюжий и грузный, свалившись со своего ложа, взбирается на него, поддерживаемый деликатой, поднимая при этом сначала свой необъятный зад, словно вол на пастбище.

Трибониан с усмешкой наблюдал все это. Хоть он и высоко ценил удовольствия, у него был утонченный вкус, и гораздо больше, чем остальных, его интересовала девушка, сидевшая рядом, в которой он угадывал что-то особенное, отличающее ее от остальных. Однако он не принял ее осторожного предложения удалиться с ним в одну из многочисленных спален, а, напротив, повел шутивную беседу.

— Любовь? — повторил он, подхватывая ее игру. — Ну и что же такое, по-твоему, любовь?

— Это венец чувства, высший экстаз.

— Сильнее, чем религиозный?

Видя, что он расположен к разговору больше, чем к чему-либо другому, Феодора повернулась к нему и устроилась поудобнее.

— Я знаю о религии совсем немного, — ответила она, — но человек, которому она необходима в жизни, по-моему, достоин жалости. Он либо неумен, либо у него пустая душа.

— Любопытное замечание, особенно из уст куртизанки.

— Куртизанке платят за ее тело. А за свою душу она могла бы получить вдвое больше, поскольку и православие, и монофизиты хотели бы завладеть ею.

Трибониан засмеялся:

— Богословие — опасная тема. Давай-ка вернемся к любви, с которой мы оба знакомы поближе.

Феодора рассмеялась, и ее смех показался ему обворожительным.

— Любовь — это прекрасно, но это еще более опасная тема.

— Почему же, Феодора?

— Потому что люди считают ее чересчур возвышенной. По крайней мере, мужчины убеждены в этом.

— А женщины думают иначе?

— Мужчины стараются убедить женщин в этом, и женщины им подчиняются, нередко к собственному разочарованию. Но я все же уверена, что женщины гораздо более трезвы в своих суждениях о любви по сравнению с мужчинами. Хотя, надо отдать должное, мужчины более влюбчивы, а в женщинах всегда преобладает материнское начало. Первичные инстинкты, в обоих случаях.

— Но первый обычно воспринимается как отрицательный, а второй — как положительный, не так ли? — заметил юрист.

— Не знаю. Просто принято прославлять женщину за ее материнские чувства, которые для нее так же естественны, как дыхание, и в то же время осуждать мужчину за его не менее естественный и слепой инстинкт — тягу к продолжению рода. Но как одно может существовать без другого? И что более важно для людей?

— Интересный вопрос, — заметил Трибониан, совершенно заинтригованный.

— Я совсем не уверена, — продолжала Феодора, — что чувство отцовства у мужчин, которое философы считают величайшим преимуществом человеческих существ перед животными, имеет большее значение, чем ответное влечение женщин, которое животным практически недоступно, за исключением коротких периодов. Но без этого ответного влечения в нас та самая чувственная любовь, что известна всем, была бы попросту невозможной.

— Я просто поражен такой занятной и своеобразной философией, да еще в устах такого юного и привлекательного существа! Откуда ты набралась этих мыслей?

— Это моя собственная теория.

— Филон, вон тот тип, в половину менее умен, чем ты, Феодора. И к тому же он уродлив.

Она улыбнулась, польщенная:

— Не забывайте, что у куртизанок достаточно времени для размышлений о любви, так как любовь — единственное их занятие.

— Ну и к каким еще выводам ты пришла?

— Что большинство мужчин, помимо простейшего удовлетворения своих желаний, совершенно не способны к любви. Чтобы заниматься этим, требуется гораздо больший талант, чем для командования легионом. Это хорошо известно женщинам, и недостаток таких талантов среди мужчин вызывает их тайную досаду.

— Ну а что дает это умение?

— Оно заставляет женщин, в частности куртизанок, уделять любви больше внимания. Любовное действо — та же драма, но с очень короткими актами и длинными антрактами. Женщина, знающая в этом толк, понимает, что промежутки должны быть чем-то заполнены, и таким образом находит применение своим талантам.

— Ты все более и более изумляешь меня, малышка!

— Потому что я болтаю?

— Потому что ты говоришь разумные вещи.

— Ну, если вы находите их разумными, вот еще одна: по-моему, гораздо лучше быть любимым, чем любить самому.

— Как же так, если любовь — это венец чувств?

— Потому что тот, кого любят, обладает влиянием, в то время как тот, кто влюблен, — не более чем пассивный инструмент движущей им силы любви.

— Но ты торгуешь любовью!

— Я же женщина!

— Ты хочешь сказать, что все женщины торгуют ею?

— Конечно, даже самые добродетельные. Вы могли бы сказать, что куртизанка продает любовь в розницу многим мужчинам, но ведь и порядочная женщина, выходя замуж, продает ее, только оптом, причем не всем мужчинам, а одному. Однако, в конечном счете, это одна и та же сделка, верно?

Он опять рассмеялся:

— Ах ты, маленькая софистка*! Я пришел к выводу, что ты невысокого мнения о женской добродетели.

Она надула губы, но тут же улыбнулась:

— Что касается женской добродетели, то это всего лишь декорация. Она подобна честности, которая есть не что иное, как нежелание быть пойманным. А женское сопротивление — вовсе не доказательство добродетели, а скорее доказательство слабости. Если бы женщины были

искренни, большинству пришлось бы признаться, что они готовы подчиниться, а сопротивляются только по привычке или из страха.

Трибониану все более нравились ее смелые и не лишённые остроумия замечания. Он наклонился вперед, чтобы шепнуть Феодоре на ушко, что вполне готов покинуть вместе с ней обеденный зал и отправиться в одну из спален, специально приготовленных для гостей.

Но едва он коснулся ее уха, грянула музыка, и Трибониану захотелось взглянуть, что последует за этим.

Только что подали последнее блюдо — различные закуски, вызывающие жажду: сыры различных сортов, жареный лук, пряные колбасы, соленые анчоусы и оливки. Теперь посуду убрали, обнаженные мальчики принесли большие кувшины с водой и вином, смешали вино с водой в огромной серебряной посудине, добавив туда пряности по древнему рецепту, и начали разносить напиток в больших чашах с двойными ручками. С этого момента и должна была начаться оргия, а с нею и обещанное представление.

Момент для Трибониана был упущен.

Вместе с громкими звуками труб в зале появились десять танцовщиц в коротких туниках, таких прозрачных, что они казались легкой дымкой на их совершенных фигурах. Оркестр заиграл ритмичную живую мелодию, и все девушки, ни одна из которых не достигла семнадцати, хотя просвечивающие одеяния не скрывали их вполне развитых форм, проплыли в центр зала и начали танец.

Что могло сравниться с нежным сладострастием их движений? Грациозные бело-розовые тела соединялись, разъединялись, образовывали скульптурные группы и сплетались снова в некое подобие букета цветов.

Музыка зазвучала громче, девушки задвигались быстрее.

Внезапно, ударив в ладоши и притопнув стройными ножками, танцовщицы единым движением развязали пояса, и их легкие туники соскользнули на пол.

Обнаженные тела неопишущей красоты неистово двигались теперь, словно охваченные лихорадкой страсти, наклоняя станы то в одну, то в другую сторону, изящно изгибая руки, резко отклоняя спины назад, напрягая и расслабляя мышцы живота. Их груди колыхались, лица пылали, на них появилось страдальческое выражение возбуждения,

переживаемого юными женщинами, прекрасно осознающими силу своего воздействия на зрителей.

Опьяненные сенаторы, полководцы и патриции разразились аплодисментами. Там и тут легкая летящая фигурка танцовщицы выхватывалась из круга, обнаженное тело распростиралось на ложе, и какой-нибудь старый сатир покрывал ее раскрасневшееся личико поцелуями. Весь зал наполнился аурой лихорадочного желанья и обворожительным ароматом обнаженных женских тел.

Музыка оборвалась одним слитным аккордом. Подхватив с пола одежды, юные танцовщицы убежали, даже те, которые были схвачены и опрокинуты.

Место танцовщиц заняли акробаты и фокусники. Трибониан оценил эту весьма искусную перемену: сначала пробудить чувственность гостей, доведя их почти до исступления, а затем дать небольшую передышку, чтобы остыть — переживаемое возбуждение не могло поддерживаться слишком долго.

Затем последовали другие танцы: одни — комичные, другие — не без непристойностей. Один из них вызвал особое одобрение публики. Это была вариация на классическую тему — преследование нимф сатирами, исполненная танцорами с рогами на головах и волосатыми козлиными ногами и невинными девушками, весь наряд которых состоял из венка цветов на распущенных волосах. На редкость динамичный танец завершался самым недвусмысленным образом: сатиры настигали нимф, а дальнейшее изображало похоть мифических существ, не оставляя ни малейшей скрытой детали.

Даже Трибониан, обычно сдержанный, почувствовал биение крови в висках от непреодолимого желанья и обернулся к своей собеседнице, дабы потребовать от нее то, что она сама предлагала ему немного раньше.

К его удивлению, Феодора не оказалось на месте.

С центрального ложа сползла косматая туша упившегося Иоанна Каппадокийца, в ту же минуту Хиона поднялась и покинула зал. Из этого Трибониан заключил, что близится кульминация вечера.

Было уже далеко за полночь. Феодора, незаметно скрывшись от Трибониана, убежала в задние комнаты, чтобы принять участие в подготовке последней части представления, которой Хиона должна была увенчать свое торжество.

Миновав задние комнаты, она на мгновение задержалась у решетчатого окна, выходящего на улицу, и медленно покачала из стороны в сторону зажженной масляной лампой.

В темноте она уловила неясное движение темных фигур и мгновенную ответную вспышку — словно кто-то вынул светильник из-под одежды и тут же спрятал снова.

С невозмутимым лицом Феодора возвратилась в зал. Рабы, изображавшие тритонов, опутанные зелеными сетями, с зелеными плавниками на руках и ногах, с трубами в виде морских раковин, уже стояли наготове. Танцовщики, мужчины и женщины, спешно меняли костюмы для главного номера программы, и она принялась помогать им.

Было все готово, когда внезапно появилась Хиона.

— Ну как? — осведомилась фамоза. Ее раздурманенное лицо выражало ликование, она была уверена, что подобного триумфа не знала еще ни одна куртизанка. Но удовлетворенное тщеславие не смягчило ее сердца, и она продолжала обращаться с девушкой, которой была обязана этим блестящим представлением, как с простой служанкой.

— Готово, — отвечала Феодора, — за исключением главного персонажа наших картин.

В этот момент из задних комнат дома, из той его части, где размещались рабы, донесся какой-то крик. За ним слышались еще и еще крики, проклятия, звуки ударов, словно там завязалась яростная схватка.

— Это что еще такое? — раздраженно бросила Хиона.

— Судя по звукам, похоже на ссору между рабами, — сейчас же ответила Феодора.

— Рабы?! Как они посмели в такой момент? — Хиона вскинула голову, ее ноздри расширились от гнева.

Снова громкие вопли и топот ног.

— Может быть, они не знают... — начала было Феодора.

— Не знают! Да они просто отбились от рук! Такой шум! Они перепугают моих гостей! — Хиона побледнела от бешенства. — Где надсмотрщик? Бичи сюда! О, клянусь, их будут сечь до крови за такое дерзкое поведение!

В приступе ярости она даже не заметила, как Феодора торопливо распахнула перед ней двери, чтобы пропустить ее на половину рабов, и как быстро эта дверь захлопнулась за нею.

Хиона громко окликнула надсмотрщика:

— Деметрий! Деметрий!

Но Деметрий не мог слышать ее: он лежал без сознания с разбитым черепом, и какая-то фигура в плаще склонилась над ним.

— Отзовись немедленно, Деметрий! — закричала Хиона. — Или ты отвоедаешь плетей первым!

В гневе она сделала несколько шагов по направлению к строению, где содержались рабы; в темноте ночи ее фигура в светлых одеждах казалась светящейся.

И вдруг фамоза остановилась. Какие-то темные тени приближались к ней.

— Кто, кто вы? — произнесла она, запинаясь, с дрожью испуга в голосе, пытаясь разглядеть фигуры в темноте.

Ответом ей был громовой хохот:

— Друзья, которые давно хотели познакомиться с тобой.

— Ювенты Алкиноя?.. — выкрикнула она, ужаснувшись догадке.

— Кажется, нам повезло. Прекрасная Хиона сама бросается нам в объятия, — насмешливо произнес чей-то голос.

— О нет, умоляю, не надо! — жалобно проговорила она, пытаясь назад и пытаясь скрыться.

Но было поздно.

Сильные руки схватили ее. Хиона пыталась кричать и сопротивляться. Но бороться было бесполезно. Молодые негодяи подняли ее и перенесли через ограду, теперь она знала, что ей предстоит вынести. Она только жалобно спросила: «Сколько вас?»

— Ну, это ты узнаешь сама, красотка. Не волнуйся, ты пересчитаешь нас всех, одного за другим.

Тем временем в пиршественном зале гости начали выказывать первые признаки беспокойства. Прошло уже минут десять, как хозяйка покинула зал, и без нее все остановилось. Из-за громкой музыки шум в задних помещениях не долетал сюда, а музыканты пытались заполнить тягостную паузу индийскими и сицилийскими мелодиями.

Наконец послышались резкие хриплые звуки раковин. Это был условный сигнал. Оркестр заиграл новую музыку, и гости, одобрительно кивая, оживились, устраиваясь поудобнее для дальнейшего зрелища.

Появились танцовщицы, одетые, как Нереиды*, мифические дочери моря, русалки классических времен. Они были без рыбьих хвостов, но, начиная от бедер, их ноги были закутаны в прозрачные длинные сети, сквозь которые

обнаженные тела казались ослепительно белыми, а в волосы были вплетены морские водоросли.

Танцовщицы входили в зал парами, каждая последующая красивее предыдущей; всякая пара исполняла свой танец, и вместе они образовывали совершенную симфонию движений. По мере того как они входили, музыка становилась все более дикой и волнующей.

Мужчины-танцовщики в виде морских духов начали вклиниваться между Нереидами, дикими прыжками и резкими движениями изображая морские волны.

Музыка достигла апогея.

Гости пребывали в восторге. Они догадались, что готовится сцена рождения Афродиты, одно из самых волнующих событий мифологической древности.

Окруженная скачущими и мечущимися морскими существами и опирающаяся на плечи шести тритонов, в зал вплыла огромная морская раковина великолепной формы, искусно изготовленная так, что ее внутренняя поверхность, подобно жемчужине, отражала опаловые блики множества сияющих в зале огней.

И подобно прекрасной жемчужине, нежащейся в своей раковине, в ней покоилась Афродита, богиня любви и красоты.

Она пренебрегала всяким подобием одежды, способным скрыть ее прекрасное тело, точно так же, как и в тот легендарный миг, когда настоящая богиня была доставлена на берег Кипра морскими существами.

Вопль восторга и восхищения вылился в бурю всеобщего одобрения и гром аплодисментов, несмотря на то, что в зычных приветствиях и восклицаниях слышалось некоторое удивление и вопросительные интонации.

Потому что гости взирали не на божественно-пленительную Хиону, клонящуюся к ним из раковины, как следовало ожидать, а на Феодору.

Преисполненные достоинства и невозмутимой красоты, ее лицо и фигура резко контрастировали с бешеной пляской остальных персонажей. Она одна была достойна той роли, которую взяла на себя, оставаясь неподвижной. Нужно было встать выше всего житейского, чтобы произвести фурор, подобный тому, что произвела эта девушка, поразившая воображение каждого мужчины в этом зале и заставившая присутствующих забыть обо всем на свете.

Это сверхъестественное существо, плывущее в необыкновенной раковине, пьянило их своим очарованием. Почтенных мужей пробрала дрожь, и они в едином порыве привстали со своих мест. Жар страсти, волна острейшего вожделения захлестнули комнату, останавливая дыхание, заливая краской лица и странным образом искажая черты. Ни у одного из присутствующих не возникло желания задуматься о тех обстоятельствах, по воле которых центральной фигурой этого ослепительного действия стала не Хиона, хозяйка пира. Им было достаточно того, что перед ними была несравненная Феодора.

Совершенная фигура, прекрасное лицо, сияние глаз, нежная улыбка полуоткрытых губ воспламеняли желание, поглощавшее целиком мысли, пробуждавшее инстинкты, примитивные, как сама жизнь.

В этот момент Феодора могла управлять ими малейшим движением пальца. Их тела дрожали, языки облизывали пересохшие губы, потные руки были вытянуты, словно стремились схватить богиню.

Только Трибониан вполне владел собой. Он осознавал невероятную власть этой девушки, но ему было очень любопытно наблюдать ее воздействие на других.

Он видел Сильвия Тестора, трепещущего от возбуждения, с глазами, налитыми кровью, всегдашняя полуулыбка исчезла с его лица; Филона, философа, смертельно побледневшего и кусающего губы, старого толстощекого Гермона, хватающего ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег; Иоанна Каппадокийца, моментально очнувшегося и уставившегося на девушку, разинув рот, его лысая голова блестела в свете ламп, венки съехал набок, лицо пошло багровыми пятнами не то от ярости, не то от страсти; Экебола, смотревшего на девушку в раковине, словно она была настоящей Афродитой, — он весь, казалось, был охвачен огнем, а глаза сверкали, как уголья.

Трижды под оглушительную музыку проплыла богиня по залу, окруженная все возрастающими волнами неистовства Нереид и морских духов. И с каждым кругом публику охватывало все большее возбуждение, пот бисером усыпал лица гостей, они глотали слюну и пучили глаза; зал, казалось, готов взорваться, зрители задыхались, погружаясь в пульсирующую магию, источаемую плотью удивительного женского создания, с которого они не спускали глаз.

Наконец, когда все это стало просто невыносимым и человеческие нервы, казалось, не в состоянии вынести дальнейшего нагнетания страсти, танцовщики установили громадную раковину в центре зала и удалились.

Афродита покинула раковину и на мгновение застыла перед гостями в грациозной позе, блистая совершенной наготой.

Сластолюбцы повскакивали со своих мест, вновь разразившись бурной овацией.

Девушка смотрела на них, слегка улыбаясь шквалу эмоций, вызванному ею.

Но она перестаралась. Пьяные, полностью потерявшие контроль над собой мужчины начали, спотыкаясь, продвигаться к ней, простирая руки.

Улыбка мигом исчезла с лица Феодоры. Она почувствовала опасность и съезжилась перед этой сумасшедшей похотью, озираясь в поисках места, где можно было укрыться. Но вокруг были только налитые кровью лица, изменившиеся до неузнаваемости, и все они приближались к ней, словно загоняя в ловушку...

Внезапно произошло непредвиденное — в зале появилась Хиона.

Она была в таком виде, что все внимание гостей тут же обратилось к ней. Не так уж и долго занимались ею Герон и его молодчики, но и в это короткое время они весьма преуспели.

Несчастливая была покрыта грязью, одежда ее изорвана, прическа растрепана, волосы закрывали все лицо, драгоценности исчезли, синяки покрывали все тело, грим размазался, на щеках чернели потеки от слез. Возле собственного дома, в каком-то темном закоулке, она подверглась зверскому изнасилованию и, несмотря на то, что была опытной куртизанкой, теперь едва держалась на ногах. Юнцы, с такой дерзостью выкравшие ее, освободили ее как раз вовремя, чтобы она могла увидеть триумф Феодоры.

Теперь, в ярости и унижении, Хиона совершенно вышла из себя.

— Вон отсюда! — завопила она гостям, — уходите все!!!

Приглашенные уставились на нее, недоумевая. Куртизанка теперь уже вовсе не казалась ослепительной, а была нелепа и вызвала жалость.

Кто-то воскликнул, осененный догадкой:

— Ювенты!

Это было как озарение. Хорошо осведомленные об опасностях улицы Женшин, распутники в зале прекрасно поняли, что произошло с Хионой. Самая высокая по положению в столице куртизанка в минуту своего торжества разделила участь самой низкой из своих сестер!

— Они похитили ее с собственного пира! — воскликнул кто-то.

— Ну и дьяволы! Нет, каковы! — отозвался другой.

— Зато даром, — заметил третий.

И вдруг их сдержанные смешки перешли в гогот. Подвыпившие мужчины хлопали себя по ляжкам, не переставая веселиться и тыкать пальцами в несчастную, потерпевшую поражение женщину.

Губы Хионы, вся помада с которых размазалась по подбородку, шевелились, но взрывы оглушительного смеха перекрывали ее голос. Забыв всю важность момента, забыв о том, что за люди были перед нею — забыв обо всем на свете в страстном желании поскорее остаться одной и без промедления расквитаться с Феодорой, этой дьяволицей, Хиона яростно кричала, чтобы гости сейчас же убирались.

Она полностью утратила контроль над собой. Схватив с подставки греческую вазу, подаренную Иоанном Каппадокийцем, она швырнула ее в гостей. Тяжелый сосуд пролетел, едва не задев лоб Филона, ударился о стену и разлетелся на мелкие черепки.

В припадке бешенства Хиона метнула следом небольшую мраморную статуэтку Эроса, которая могла бы причинить серьезное увечье, если бы достигла цели.

Странное это было зрелище: разъяренная, взлохмаченная, полуголая женщина, бросающая драгоценные вещи в медленно отступающих, ошарашенных мужчин — ее гостей.

Однако удивление уступило место всеобщему гневу: как достойные мужи могут мириться с подобным обращением, да еще от куртизанки.

Настала очередь Хионы съежиться от страха.

Угрозы сотрясли зал:

— Вышвырнуть ее на улицу!

— Нет! На кухню! Запереть ее в собственной кухне!

— Прочь отсюда, гнусная шлюха!

Мужчины начали наступать. Хиона заслонила руками и попыталась бежать, но тут же была схвачена.

К ее счастью, вся эта погоня вернула мужчинам чувство юмора, так что Хиона не получила новых увечий. Но ночь, которая должна была стать триумфальной, обернулась для нее горчайшим унижением. Запертая в кухне, Хиона провела несколько часов в темноте и одиночестве, среди котлов и прочей утвари, проклиная все на свете, беспомощная, а тем временем ее дом оглашался неистовыми криками развратников, приглашенных ею же самой.

У тех все шло давно заведенным порядком.

Сначала — торги. Каждую девушку выставляли и продавали, как на рынке, с молотка, причем деньги получала она сама. Ни одной не удалось избежать этой участи: и Нереиды, и подруги пирующих, и сама Феодора — все участвовали в этом чувственном безумии.

Так как женщин было больше, чем мужчин, к друзьям присутствующих были отправлены гонцы с приглашениями принять участие в оргии. Новоприбывшим достались танцовщицы и те деликатсы, которые остались без пары.

Хиона слышала, как ее жилище буквально сотрясается от взрывов смеха, беготни, треска сокрушаемой мебели, звона разбиваемых ваз, временами до нее доносился шепот, настойчивые просьбы, мольбы, вздохи и стоны: звуки преследования, пленения и экстаза, симфония сладострастия.

Но Феодора не задумывалась об этом, потому что для нее это было обычным проявлением византийских нравов, прекрасно ей известных. В роскошной постели Хионы она отдавала себя Экеболу, только что назначенному наместником и заплатившему за нее сумму, достаточную, чтобы купить пожизненные услуги рабыни-наложницы. Теперь будущий наместник пытался получить за свои деньги все, что только возможно за одну ночь.

Трибониан посмеивался над собой — он упустил шанс быть с девушкой, которая казалась ему столь желанной. Теперь он проводил время с маленькой танцовщицей, которую приобрел «на торгах», цитируя ей Валерия Флакка, латинского поэта, и Вакхилида, древнего грека, чьи стихи казались ему особенно подходящими к случаю, до тех пор, пока бедное дитя с прекрасным телом и почти полным отсутствием мозгов, не уснуло, оставив безуспешные попытки понять, о чем идет речь.

Филон, философ из Пергама, не думал ни о чем, бормоча нечто невнятное во сне. Вся его высокая философия была

принесена в жертву чудовищному опьянению, так что он не заметил даже, как куртизанка стащила его кошелек и сбежала еще до наступления рассвета.

Сильвий Тестор перестал помышлять о чем бы то ни было после того, как обнаружил, что вино лишило его основной мужской способности, к тому же в купленной им девушке он обнаружил сходство с собственной женой, Софронией, которую терпеть не мог. Прийдя в бешенство, он покинул пиршественный зал, приказав слугам подать носилки и отнести его домой.

Иоанн Каппадокиец ни о чем не думал. Всю ночь он прохрапел на полу возле ложа, предназначенного для него и Хионы.

ГЛАВА 8

В одну-единственную ночь Феодора прославилась на весь Константинополь. Дворцовые щеголи, никогда не слышавшие о ней, останавливали друг друга в императорских покоях, чтобы посплетничать и кое-что разузнать о храброй деликате. В присутствии дюжины придворных Трибониан позабавил принца-правителя рассказом о событиях в доме Хионы. Язвительный законник преподнес случившееся как дуэль соперниц, пустивших в ход изощреннейшие средства женского искусства мстить — хитрость, предательство, коварство, — и заставил слушателей хохотать до слез, не пощадив ни гостей, ни хозяйку дома.

Слухи о злополучном пире просочились из дворца и кварталов знати в город, обрастая пикантными подробностями. Богатые матроны напускали на себя равнодушие и кисло улыбались, их мужья посмеивались, простые граждане, евнухи и слуги горячо обсуждали последние столичные сплетни. Имя деликаты было у всех на устах. На улицах, базарах, площадях, в лавках и банях горожане смаковали свежие новости, касающиеся улицы Женщин. Сами ее обитательницы не упустили ни одной мелочи: как Феодора долго скрывала ненависть к фамозе и сумела завоевать ее доверие, как гениально все подстроила, как удалось ей заручиться поддержкой ювентов, соблазнив Герона и сделав его своим общником, как надменная Хиона сама угодила в ловушку, а в финале праздника деликата поразила воображение всех

мужчин, представ перед ними богиней любви, Афродитой-обольстительницей. Судачили, что Феодора теперь непременно выкупит дом Македонии и станет новой фамозой, затмив прочих роскошью и великолепием.

Куртизанки Византии, мастерицы на всяческие пакости и шпильки в адрес соперниц, с восхищением произносили имя дерзкой маленькой деликатсы, не побоявшейся отомстить за Македонию любовнице могущественного префекта.

Улица Женщин не любила добившихся в жизни слишком большого успеха, и со временем те, кто прославлял Феодору, так же станут завидовать ей и так же ненавидеть ее.

Но сейчас Феодора была в зените славы — о ней говорил весь город. Сама она никуда не выходила, вяло отвечая на бесконечные расспросы удивленных Антонины и Хризомалло. Ненависти к Хионе она больше не чувствовала. Подруга была отомщена, дело сделано. Крашенная толстуха получила по заслугам. У нее остались рабы, дом, драгоценности, но фамоза больше не была фамозой, краски ее поблекли, она вышла из моды. Ни один мужчина не сможет увлечься женщиной, над которой хохочет весь город. Бозцианка безвозвратно утратила репутацию. Одинокая, она безвыходно сидела в доме на площади Афродиты, рыдала, бранила и колотила слуг, срывая на них бессильную злость, и на всей улице Женщин, от Стабул до мраморной богини, не нашлось никого, кто пришел бы утешить ее.

Феодора знала, что Хиона попытается мстить, но сейчас это ее не волновало. Деликате доставляли вороха писем, букеты, вошанные таблички от знакомых и незнакомых мужчин, среди подписей мелькали известные имена.

Читая очередное послание, Феодора улыбалась.

«О, великолепная, несравненная, безжалостная Феодора!» — писал Трибониан.

Однако, перебирая письма, девушка раздумывала, как заплатить ростовщикам и отдать долг ювелиру. Из слуг у нее одна Тея, имущество заложено. Как бы пригодилось сейчас ожерелье александрийца! Но она не жалела о том, что отдала драгоценность Македонии. Придется потерпеть и выкручиваться самой. Конечно, можно воспользоваться деньгами пожилого и богатого патрона, хоть бы и Трибониана. Но нет... ей ни с кем не хотелось быть связанной надолго, ни одному мужчине она не могла довериться до кон-

ца. Феодора высоко ценила свободу и свои честолюбивые планы хотела осуществить без чьей-либо помощи, полагаясь только на себя.

Помочь деликате сделаться ослепительной фамозой мог сейчас только один человек — тот, кто храпел в пиршественном зале Хионы, раскинувшись на полу среди битой посуды и остатков ужина...

Иоанн Каппадокиец, всесильный префект, очнулся наконец после бурно проведенной ночи. В голове стучала сотня молотов, желудок резало, в глазах стоял туман. Префект с усилием поднялся, сделал несколько шагов, и его стошнило. Он уселся на ложе, поджав колени и обхватив голову руками. Никогда еще ему не было так скверно после попойки. Он застонал, снова повалился на пол и вытянулся, пытаясь устроить поудобнее разламывающуюся голову.

Через несколько минут Иоанн услышал странные звуки. Он прислушался — в покоях кто-то рыдал. Монотонные завывания раздражали префекта. Проклятие, кому тут еще плохо? Неужели кто-то страдает больше, чем он? Каппадокиец в сердцах помянул Юпитера, кряхтя, поднялся, стиснул зубы и поплелся в комнаты.

Хиона лежала на ложе, вокруг нее хлопотали две трясущиеся рабыни, меняя холодные компрессы. Она уже приняла ванну, но была явно не в форме — лицо бледное, без косметики, глаза опухли от слез, волосы всклокочены.

Челядь пребывала в смятении. Госпожа обрушивала свой гнев на каждого, кто подворачивался ей под руку. Щека одной рабыни горела, спины обеих были исполосованы кнутом, евнухи едва держались на ногах после порки. Деметрий, надсмотрщик, так и не приходил в себя и не мог поведать хозяйке, как ювенты проникли во двор. Хиона вопила, что призовет его к порядку и, если он останется жив, собственноручно разделается с ним.

Увидев префекта, рабыни забились в угол. Хиона открыла глаза и обнаружила, что в комнате находится некто, кого она не успела угостить кнутом. Заросший черной щетиной префект скалил желтые зубы, словно медведь, и морщился от боли.

— Иоанн! — закричала Хиона. — Иоанн, почему ты не защитил меня?

— Что? Что случилось? — прохрипел префект. — О, моя голова!..

Он сжал виски ладонями.

— Они схватили меня, они вытащили меня на улицу, и все это она, эта маленькая волчица! О, я разорву ее на куски!

Каппадокиец тарашил глаза, ничего не понимая. Рабыня попыталась приблизиться к хозяйке, но та в гневе отпихнула ее и разразилась рыданиями. Потерявший терпение префект взорвался.

— Да в чем дело? — гаркнул он так, что стекла задрожали. — Что с тобой?

Хиона вздрогнула и перестала рыдать.

— Ты ничего не знаешь? Они сделали со мной ужасную вещь... пока ты спал... И теперь еще ты кричишь на меня? — губы ее дрожали.

— Ужасную? Какую еще ужасную вещь? Объясни толком!

Хиона долго и сбивчиво повествовала своему любовнику о ночной оргии, то впадая в ярость, то всхлипывая и поскуливая.

Иоанн наконец понял, что произошло.

— Так ты говоришь, они заперли тебя в камере для мытья посуды? Они смеялись над тобой?

— Да, ты бы только слышал...

— Проклятие! — внезапно вскричал он. — Знаешь, что теперь тебе надо делать?

— Мне? Что мне делать? Что ты имеешь в виду?

— Ты сделалась посмешищем сама и делаешь посмешищем меня! Это все твои дурацкие затеи, этот пир, все знают, что ты его затеяла на мои деньги! Да надо мной теперь будут потешаться, как над последним идиотом!

— Иоанн! Как ты смеешь обвинять меня! Как ты можешь так говорить!

И Хиона вдруг поняла, что префект смотрит на нее не так, как раньше. Исчезла прекрасная фамоза, жрица любви, он видел перед собой жалкую женщину, немолодую, располневшую, с опухшим лицом. Иоанн махнул рукой, поморщился и двинулся к выходу.

— Куда ты? — закричала Хиона. — Иоанн, вернись, не уходи! Не оставляй меня сейчас, ты мне так нужен! Помоги мне! — Хиона вскочила с кровати и повисла на нем.

— Чем? Чем я могу помочь тебе?

— Ты можешь наказать их! Отомсти им! Я их всех узнала, хотя было темно. Там был Герон, этот молокосос, сын Полемона, и еще другие... Самая отвратительная — это Фе-

одора вместе со своими маленькими замарашками... Отомсти им!

Несмотря на головную боль, префект рассмеялся.

— Ты это серьезно? Ты считаешь, что префект столицы будет заниматься склоками двух шлюх? Значит, в мои обязанности входит мстить какой-то проститутке?

— Шлюхи? Проститутки? Ты никогда раньше не называл меня так, Иоанн, ты же говорил, что любишь меня!

— Посмотри на себя! Ты — просто старая корова! Оставь меня, пусти!

Он оторвал от себя несчастную женщину и вышел из покоев.

Хиона долго стояла в дверях, не проронив больше ни слова. Потом упала на ложе и вновь зарыдала. Рабыни жаллись друг к дружке, не зная, что делать, и ждали, пока хозяйка, наплакавшись, не уснет.

Но Хиона уже решила, что необходимо сделать. Больше она не будет стегать рабов кнутом, их следует продать как можно выгоднее. Дом и мебель тоже следует продать сегодня же. Себе она оставит пару слуг и драгоценности. Сутки у нее есть, раньше эскувиты сюда не доберутся. Она хорошо знала бывшего любовника. А ночью — бежать из столицы.

Так Константинополь за неделю лишился двух знаменитых фамоз. Не то чтобы их исчезновение наделало в городе много шума, но на улице Женщин об этом судачили весьма оживленно. Здесь было немало претенденток на вакантные места, и вскоре новые обольстительницы получили заветные титулы, а жизнь в столице потекла своим чередом...

Среди цветов и воцаных табличек Феодора обнаружила поблание Экебола. Новоиспеченный наместник Киренаики писал:

«Божественная Феодора! Я должен видеть тебя и говорить с тобой! Я буду у тебя сегодня вечером. Вечно твой раб, я целую твои ручки. Экебол».

Девушка почувствовала легкую досаду: Экебол ей не нравился — кожа сальная, нос слишком длинный, глаза близко посажены. Ей приходилось спать с мужчинами куда уродливее, чем он, но он оставил ее холодной, и встречаться с ним ей не хотелось. Но дело есть дело, Экебол проговорился, что знаком с префектом, а куртизанке всегда следует быть любезной с влиятельными мужами.

Феодора приняла ванну, убрала волосы, подкрасилась и села ждать гостя.

Экебол явился довольно поздно.

— Извини, я не мог быть раньше, — церемонно поклонился он. — Неотложные дела. Нужно было проследить за погрузкой моего багажа на корабль.

— Вы нас покидаете?

— Да, завтра с утренним приливом. — Он пристально смотрел на нее, но ей казалось, что Экебол рассматривает кончик собственного носа. Это позабавило Феодору, и она улыбнулась.

— Я желаю вам удачи и счастья.

— У меня не может быть счастья без тебя. Только ты можешь дать его мне.

— Что я могу дать будущему наместнику?

— Ты можешь сделать меня счастливейшим из смертных! Феодора, прелестная Феодора, я хочу тебя!

Экебол вдруг упал на колени и стал покрывать поцелуями руки девушки.

— Уедем со мной! Я умоляю, Феодора, уедем! Я холост, ты будешь жить в моем доме, ты будешь властительницей! Скажи только — и я исполню любое твоё желание!

Феодору удивил этот порыв. Но прозябать в глухой провинции, когда она может царить в Константинополе? И с этим вульгарным Экеболом? Она с трудом удержалась от смеха.

Экебол не унимался:

— Ты не будешь больше куртизанкой. Если захочешь, я женюсь на тебе, и ты станешь хозяйкой моего дома. Подумай о своем счастье, подумай! Соглашайся, умоляю тебя!

Любая деликата сочла бы такое предложение лестным. Стать постоянной любовницей знатного и богатого мужа, обладавшего властью, очень заманчиво. Положение любовницы ни к чему не обязывало, можно было сбежать от постылого и надоевшего — подарки и драгоценности останутся; супруга же, по римским законам, принадлежит мужу. С другой стороны, брак дает право наследования имущества. И все же честолюбивой деликате совершенно не хотелось тащиться в забытую Богом Киренаику, но и недвусмысленно отказывать было не в ее правилах. Она медлила.

— Вы оказали мне честь своим предложением. Но я не могу решить сразу. Я должна подумать.

Экебол поднялся с колен, держа ее за руки.

— Ты будешь счастлива, клянусь!

— О, я и не сомневалась, но...

Экеболу не терпелось. Удача шла к нему в руки, он получил долгожданный пост, и ему казалось, что для полного счастья ему недостает одного — этой девушки.

— У меня совсем мало времени, — умолял он. — Когда же ты решишь?

— Мне необходимо кое-что уладить. Ваше предложение так неожиданно... У меня были другие планы...

— Оставь все, любимая! Оставь все, уедем! Твой муж, твой раб исполнит все твои капризы и прихоти...

Он опять принялся целовать ее руки. Феодора осторожно высвободила их и вежливо проговорила:

— Я просто не в состоянии ответить сейчас.

— Но когда же?

Когда? Да никогда. Но Феодора кокетливо улыбнулась:

— Скоро. Мой ответ удивит вас.

Это могло значить все. Или ничего. Экебол удалился довольный. Он не получил прямого отказа, которого боялся, и теперь был полон надежд и планов на будущее.

Вечером после ужина Тея обнаружила кусочек папируса, просунутый кем-то в дверь.

Феодора собралась отдохнуть, вовсе не ожидая гостей. Тея отнесла записку хозяйке. Там было нацарапано одно слово: «Немедленно» и внизу — силуэт ослика. Феодора спокойно свернула папирус и бросила в огонь. Она знала, что это послание от Айоса и что дело не терпит отлагательства.

— Принеси мне накидку, — приказала она рабыне.

— Госпожа уходит? — тревожно спросила Тея.

— Да.

— Но это опасно...

— Я должна идти. Запри дверь и никого не впускай, поняла?

— Да, госпожа...

Феодора захлопнула дверь перед испуганной Теей и шагнула в темноту.

Днем Айоса можно было легко найти на площади, но сейчас деликата быстро пошла вниз по улице Женщин.

Ночь, окутавшая эту улицу и тесные кварталы, примыкавшие к ней, таила смертельную опасность для одинокой путницы. Не только бесшабашные и распутные ювенты, но и грабители, убийцы, иные ублюдки готовы были наброситься на несчастную жертву из-за медной монеты или дешевых серег. По утрам в узких каменных переулках находили задушенных или зарезанных женщин, но виновников их гибели отыскать было невозможно.

Феодора упрямо спешила вперед, прячась в тени стен домов. Маршрут был знаком ей с детства: она знала здесь каждый камень, сидела в пыли рядом с Айосом, бродила с нищими возле этих порогов, убегала от стражников. Она знала, что Айос ждет ее, чтобы сообщить что-то необыкновенно важное, и это придавало ей решимости.

Вдруг она почувствовала, что ее преследуют. Она ускорила шаг. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, ладони стали влажными. Феодора добежала до угла и нырнула под каменную арку. В лицо ей ударил запах нечистот, летучая мышь задела волосы крылом. Девушка едва не вскрикнула.

Преследователь догонял. Инстинктивно Феодора прижалась к стене. Черный силуэт перекрыл выход, обдав запахом пота и перегара, грубые пальцы впились в плечо.

— Куда спешишь, малышка? — грабитель приблизил к ней обезображенное лицо с бельмом на глазу.

— Никуда... я по поручению...

— Хо, поручение подождет!

— О, нет, пусти меня, мне нужно идти! — она попыталась вырваться.

— Ах ты, маленькая шлюха! — прорычал он.

Пальцы сжали ее горло. Феодора отчаянно завизжала.

В этот миг сразу с нескольких сторон раздался крик: «Братья! Братья! Братья!» Гулкое эхо заметалось по переулку, послышался топот нескольких пар ног. Под покровом темноты невидимые тени спешили на помощь Феодоре. Грабитель вскрикнул, получив удар палкой по темени, отпрянул и исчез.

Девушка была близка к обмороку. Она боялась пошевелиться. Все мгновенно стихло. Трудно было поверить, что несколько секунд назад она едва не погибла.

«Братья!» — клич Братства Нищих. Они охраняли Феодору и без колебаний проломил бы череп грабителю. Раз-

бойник упустил добычу, но был рад, что благополучно унес ноги.

— Спасибо, братья! — Феодора не узнала собственный голос.

Из темноты донеслось:

— Иди спокойно, маленькая сестра. Мы следим за тобой. Иди, он ждет тебя.

— Спасибо! Спасибо вам и ему.

Ответа не последовало. Феодора кинулась дальше. Дорога вела вниз, к городским докам. Проход сузился, теперь девушка могла коснуться влажных стен, расставив руки. Снизу потянуло морской сыростью. Теперь предстояло преодолеть те четыреста двенадцать ступеней, которые она любила считать в детстве. Днем эта выщербленная тысячами ног лестница кишела грузчиками и купцами, сновавшими вверх и вниз, но сейчас тут не было ни души. Феодора ощупывала каждую ступеньку ногой, опасаясь упасть.

Наконец она одолела лестницу и свернула в мрачный проход, миновав кучи мусора и полуразрушенные склады. Услышав приглушенный свист, она остановилась. Рядом с ней распахнулась дверь низкого каменного строения, и Феодора без колебаний шагнула в темноту проема. В крошечной черноте она вытянула руки вперед и нащупала дверь, которая легко поддалась, и девушка оказалась в тесной клетушке, похожей на склеп. Напротив входа на скамье стояло блюдо с маслом, плавающий фитиль давал тусклый свет, отбрасывающий причудливые тени на облупленные стены. Прямо под этим светильником, на полу, на куче лохмотьев сидело существо с огромной головой на тонкой шее.

Не мигая, Айос смотрел на вошедшую.

ГЛАВА 9

— Ты пришла быстро.

— В записке было сказано «немедленно». Я знаю, ты не стал бы меня звать по пустякам ночью.

Айос кивнул.

— Хорошо. Здесь ты в безопасности.

— Я понимаю, что после пира у Хионы мне следует

ждать неприятностей. Но что случилось? Что тебе стало известно?

— Завтра утром в твой дом нагрянут эскувиты, чтобы арестовать тебя. Приказ об аресте отдан сегодня, но гвардейцы ленивы и отложили дело до рассвета.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Слухи, девочка. Слухи доходят до меня окольными путями, но очень быстро. При дворе есть евнухи, слуги, мусорщики — кое-кто из них помогает нам.

Айос помедлил. Феодора нетерпеливо встряхнула кудрями.

— Я раньше тебе не говорил, меня здесь называют «про-томендикус»*, это что-то вроде царя нищих, забавно, правда? Ко мне стекаются новости из разных источников, я обязан принимать важные решения, отдавать распоряжения, разбирать тяжбы, словом, следить за порядком в Братстве.

— Да-да, я только что почувствовала это. Твои люди спасли мне жизнь. Спасибо тебе, Айос. Я даже и не подозревала, что меня охраняют всю дорогу от самого дома. Когда какой-то бродяга пристал ко мне в темном переулке, действия твоих людей заставили его отступить.

Айос едва заметно ухмыльнулся, и его лицо на мгновение стало угрожающим.

— Его счастье, — проворчал он, — иначе ему выпустили бы кишки, выбили глаза и проломил череп дубинками и костылями. Мы слабы и убоги, даже последние бедняки испытывают к нам сострадание, но иногда и с нами приходится считаться.

— Я знаю это лучше, чем кто-либо, и вновь благодарю тебя за спасение.

Айос кивнул.

— Вернемся к тому, о чем мы говорили: окольными путями до меня дошли слухи, что некий важный сановник вернулся во дворец с пиршества с сильнейшей головной болью...

— Это, должно быть, Иоанн Каппадокиец.

— Что тебе о нем известно?

— Только то, что он грубый и низкий мужлан, который даже не способен разгадать притворства такого ничтожного создания, как Хиона.

— Знай же, что он невероятно тщеславен и к тому же

злюбен. Человек, который при удобном случае отомстит всякому, кто ему перечил или вызывал неудовольствие. Но он же примет любой нагоняй от того, кто стоит над ним, с улыбкой и рабской угодливостью.

— Охотно верю.

— Случилось так, — продолжал Айос, — что при этом во дворце были такие люди, как Трибониан, законник, а также правитель Юстиниан, они были свидетелями его похмелья и посмеялись над тем, что увеселение, им оплаченное, вышло ему же боком. Ему нечего было возразить, но самолюбие его уязвлено, и сейчас он мечет громы и молнии и жаждет крови.

— Ты имеешь в виду, что он обратил свой гнев на меня? — спросила Феодора упавшим голосом.

Айос мрачно кивнул.

— Но разве это не унижительно для столь великого мужа — обращать внимание на столь ничтожное существо, как я?

— Собака обязательно отыщет и прихватит на зуб крошечную блоху, укусившую ее, — отвечал Айос. — Даже если эта собака из императорской псарни.

Феодора обдумывала услышанное.

— А что станет делать дальше эта собака?

— Пустит в ход закон. Закон о добродетельном поведении.

У Феодоры остановилось дыхание.

— Против меня одной?

— Да, именно. Даже городской префект не решится потревожить такое гнездо шершней, как улица Женщин.

Несправедливость всего этого была вопиющей, опасность — смертельной.

С глубокой древности, еще до первых цезарей, нормы, регулирующие поведение и одежду куртизанок, включались в своды законов. Так, римский сенат запрещал блудницам носить такие достойные одежды, как стола*, головная повязка и любые цвета, кроме всех оттенков желтого. Были и другие запреты и ограничения, и одно из наиболее существенных состояло в том, что куртизанки, чтобы заниматься своим ремеслом открыто, обязаны были зарегистрироваться в магистрате.

Однако эти законы так давно не соблюдались, что считались как бы умершими. Куртизанки в Константинополе,

если хотели, одевались так же, как самые достопочтенные матроны, и никто их за это не призывал к ответу. Обычно они все же предпочитали одеяния Сирии или Вавилона, которые, хотя и были самых разнообразных оттенков, в одном походили одно на другое — были сшиты из таких легких и прозрачных тканей, что, казалось, существуют только для того, чтобы подчеркивать прелести. Это предпочтение было совершенно добровольным, и законы тут были совсем ни при чем, поскольку женщины с прекрасным телом всегда стремятся продемонстрировать его из инстинктивного женского тщеславия. Еще более важным это является для куртизанок, поскольку вид обольстительной фигуры, лишь слегка прикрытой дымкой ткани, лишает мужчину благоразумия.

Почти каждый день Феодора, как и тысячи других, нарушала все эти законы, нисколько о том не задумываясь. Она одевалась так, как заблагорассудится, и никогда не утруждала себя регистрацией в книгах магистрата.

Теперь же забытые установления были готовы обратиться против нее одной, и она знала, что, по воле мстительного префекта, кара могла оказаться ужасной — от конфискации имущества вплоть до тюремного заключения и продажи в рабство.

На минуту ее захлестнуло отчаяние. Она знала, как немолима и беспощадна длань римских законов.

Однако, немного опомнившись, Феодора успокоилась. Действительно, опасность велика, а значит, следует обдумать все как можно лучше. Айосу она сказала:

— Так вот почему твое послание было спешным. Я вновь благодарю тебя. Но это значит, что мне нельзя возвращаться в собственный дом. О, Айос, что же мне теперь делать?

— Здесь ты в безопасности, — напомнил нищий.

— Но я не могу вечно оставаться здесь!

— Я переодену тебя, и ты сможешь идти куда захочешь.

Никто тебя не узнает.

— Как последняя педана или нищенка? Нет, уж лучше пусть я умру.

— Именно нищий дал тебе сегодня убежище, Феодора.

— О, Айос! Умоляю, прости меня! Я глупая, неблагодарная девчонка. Занятая собой, я обидела друга!

— Мне не на что обижаться. Юность торопится сказать, не успевая подумать. Твою добрую душу я знаю давно, но

ты должна научиться терпению. Так вот, у стены есть соломенный тюфяк. Ложись и попытайся уснуть. Тебе необходимо отдохнуть.

Но ей не спалось. Тревога не давала ей сомкнуть глаз, и во мраке подземной каморки, едва освещаемой болезненным желтым светом масляной лампы, по щекам ее ползли слезы.

Наконец она услышала голос нищего:

— Ты спишь?

— Нет, — она едва удерживалась, чтобы не разрыдаться. — Но я пытаюсь.

— Пожалуй, сейчас это нелегко. Тогда давай поговорим, это немного развлечет тебя.

— Но ведь тебе тоже нужно отдохнуть.

— Не беспокойся обо мне. Нередко я не сплю по многу ночей подряд. А днем на спине моего осла я неплохо отдыхаю. Что мне еще там делать? О, маленькая Феодора, я бы с радостью разделил беду с тобой, если бы у меня были твоя юность и сила.

Она услышала его хриплый вздох. О, эта тайная мольба всех увечных, которую мир так редко желает слышать!

— Мой бедный друг! — вскричала она. — А я-то донимаю тебя своими нелепыми проделками! Ну конечно, давай побеседуем.

— О чем же станем говорить? — спросил Айос.

— За неимением лучшего — о твоей повседневной жизни.

Он задумался.

— О моей жизни? Что же, дитя, жизнь нищего не так уж плоха. Конечно, мы жалки и несчастны, но, по крайней мере, мы свободны, как не свободен и самый знатный в Константинополе, ибо мы никому не нужны. И при всей своей бедности мы находимся в безопасности: мы слишком незначительны, чтобы нас тревожить. Мы сыты. Даже те, кто не просит милостыню, не голодают. Хотя временами мы едим требуху и кишки, которые выбрасывают с боен, иногда мы наслаждаемся изысканнейшими яствами роскошных празднеств, когда попрошайничаем у домов, где их устраивают. Мы многое видим, оставаясь незамеченными, мы слышим все, потому что никто не следит за своими словами в нашем присутствии, как в присутствии уличной двор-

няжки. А между тем разница между нищим и патрицием лишь в тоге.

— Ты философ, Айос.

— Я нищий. Но смотрю на вещи с их лучшей стороны.

— Ты говоришь, что как протомендикус ты утверждаешь законы?

— У нас много законов, дитя. Немногие знают, что Братство Нищих строго руководствуется неписаными установлениями, которые обязательны для всех его членов.

— Расскажи мне об этих законах. — Феодора всегда живо интересовалась всем новым, что попадало в поле ее зрения.

Айос поразмыслил.

— Я не вижу в этом вреда. Ты держала в руках чашу для подаяния. Я сам учил тебя словам попрошайки. Да, в известном смысле ты одна из нас, а обсуждение законов поможет нам скоротать время.

Феодора приготовилась слушать, и он начал:

— Суть нашего закона — в защите нищих от их собственных слабостей. Каждый член Братства должен нести его в своем сердце. Я назову тебе главные положения, чтобы ты сама могла судить о них.

Тени скрывали мрачную подземную нору. Пламя фитиля трепетало во тьме, и девушка едва различала громадную лысую голову Айоса, его лицо, изборожденное отвратительными шрамами, и ничего более.

Айос торжественно провозгласил:

— Слушай же великий закон Братства Нищих!

Первое. Поскольку разные народы по-разному говорят и по-разному просят подаяние, каждый член Братства обязан знать язык нищих, дабы он мог общаться со всеми членами Братства в любом краю земли. Никто чужой не поймет того, что услышит. Тот же, кто не имеет этого знания, не будет посвящен в члены Братства.

Второе. Все члены Братства должны вести себя сдержанно, не сквернословить, не богохульствовать, всегда держаться так, чтобы не быть замеченными и не вызывать недовольствия властей.

Третье. Все братья — мошенники и нищие — должны держаться в своих кварталах, не вторгаясь в чужие владения, кроме случаев, когда дается всеобщее разрешение: это

великие пиршества, царственные бракосочетания и тому подобное.

Четвертое. Занимая места для сбора милостыни у монастырей, церквей или ворот дворцов, должно соблюдать правило приоритета: никто не смеет захватить или получить обманом место, принадлежащее другому по праву старшинства.

Пятое. Ни один из членов Братства не может вступить в соглашение ни с одним мошенником, слепцом, священнослужителем или монахом, если те не приняты в Братство.

Шестое. Никто из нищих не может носить нового одеяния, за исключением того дня, когда оно было ему даровано. Должно без промедления продать новую одежду и всегда появляться в изношенных вещах с дырами и заплатами.

Седьмое. Ни один нищий не может спать после восхода солнца, ему следует бродить повсюду, собирая милостыню. Нищий может позволить себе утром съесть свой кусок, но тогда ему следует тщательно очистить рот, дабы не появляться с запахом вина или лука на людях, давая понять, что он сыт. Иначе он будет признан негодным и не имеющим права нищенствовать.

Восьмое. Никому не следует иметь оружия, кроме ножа. Можно также носить посох или дубинку, чтобы защитить себя при случае.

Девятое. Все нищие должны извещать других о домах, где щедро подают или происходят события, располагающие к дарам или подношениям.

Десятое. Никто не должен соглашаться, чтобы его дети работали или прислуживали кому-либо и признавали его хозяином, если плата низка, а работа тяжела. Но нищим, имеющим детей, следует учить их искусству просить, и они обязаны посылать детей попрошайничать у прохожих на улицах.

Одиннадцатое. Никто из членов Братства не должен опускаться до преступлений, таких, как грабеж, кража кошельков, отнимание одежды у детей или прочих мерзостей, которые могли бы обратить гнев толпы против нищих. И если кто-либо позволит себе это, он должен быть исключен из Братства. О нем следует донести властям, чтобы он был схвачен и достойно наказан.

Двенадцатое. Любой член Братства, который изобретет новый трюк или ловкий прием, делающий подаяние более

щедрым, должен для общего блага сообщить об этом Братству, чтобы все узнали об этом. Однако в течение года только сам изобретатель трюка может его использовать и никто без его разрешения не смеет делать то же.

Тринадцатое. В каждом городе члены Братства должны избрать правителя; в случае споров правитель решает, какая из сторон права, и если кто-либо остается неудовлетворенным, он может обратиться к протомендикусу Константинополя, чье решение и будет окончательным.

Четырнадцатое. Под страхом навлечь проклятие Братства, а также суровой кары за содеянное, которая уместна в данном случае, никто не смеет выдавать секреты и таинства нашего ремесла нечлену Братства. Они могут быть раскрыты только должным образом подготовленным людям, знающим язык Братства и готовым подчиняться его законам...

Айос остановился.

— Вот главные наши законы. Есть и другие, не менее важные, но эти четырнадцать — основа жизни нищих не только здесь, но и в других странах, даже у готов и франков, даже в Персии и Индии.

— И ты установил эти законы? — живо поинтересовалась Феодора.

— Не все. Такие, как первый, третий и четвертый, свято блюдутся нищими с незапамятных времен.

— Поистине, Айос, ты мудрейший из людей! Я думаю, что устанавливать законы — это высшее, на что способен человек.

— И я думал бы так же, если бы жизнь не научила меня другому. Изредка короли и императоры обретают титулование «великий», издавая мудрые законы. Куда быстрее они могут достичь этого, став завоевателями или строителями укреплений, дорог, дворцов или флотилий кораблей.

— А как же справедливые и мудрые законы?

Айос покачал головой.

— Для властителей они ничего не значат. Милосердие и справедливость быстро забываются, зато окровавленный меч помнят всегда.

— Айос, тебе надо было стать государственным деятелем!

По лицу нищего пробежала тень.

— Все мы прикованы к колесу Фортуны. Мне предписано быть нищим, и ни на что другое я не гожусь. Ты только

посмотри на меня — могу ли я делать что-либо, кроме выклянчивания милостыни, если даже для того, чтобы передвигаться по этой комнате, я должен использовать руки, как обезьяна, и никуда не могу добраться без моего осла.

— О, мой друг, у меня сердце разрывается от жалости, — едва слышно проговорила Феодора.

Он натянато улыбнулся.

— Пусть оно не болит из-за меня, дитя. Я таков, каков есть. Сейчас мы должны думать о тебе.

— Я уже думала, но пока не нашла ответа.

— Ты можешь жить здесь сколько захочешь. Помнишь, как когда-то здесь топотали твои крохотные ножки, бегая по поручениям старого калеки?

— Благодарю тебя. Но я не могу оставаться в этой клетке, Айос. Я сойду здесь с ума!

Нищий кивнул:

— Певчая птица умрет в норе крота.

Он на минуту глубоко задумался, а затем произнес:

— Если бы нашелся какой-нибудь способ выбраться из города этой ночью. Но увы, все ворота закрыты, а к утру по всей стране разнесется повеление схватить тебя. Тогда уже будет слишком поздно.

Внезапно девушка воскликнула:

— Айос, ты подал мне мысль!

Она запнулась. Лицо ее выражало сильнейшее напряжение ума.

— Да, я должна попробовать сделать это! У меня есть только один шанс, и я не могу терять время! Милый Айос, есть ли у тебя принадлежности для письма? Мне понадобится клочок пергамента и кто-нибудь, кто быстро доставит мое послание...

Женщина обладает таинственной способностью, практически ничего не обещая, заставить мужчину питать неоправданные надежды.

Для мужского воображения всякая загадка — практически непреодолимое искушение. Весь женский род знает это, и когда женщина видит, как другая очаровывает мужчину тайной, существующей только в его воображении, это для нее совершенно очевидно. Сами женщины говорят — иногда со злобой, иногда с изумлением, — что они не могут понять, почему бедный глупец не видит ее уловок насквозь,

хотя в то же время сами они абсолютно уверены, что он и не в состоянии ничего увидеть.

Так, слово, случайно брошенное девушкой, двусмысленное или вовсе бессмысленное, даже молчание с бесстрастным лицом — все это позже возродится в мужской голове. Он будет думать о нем, поворачивая так и этак, выстроит целое здание размышлений, столь причудливое, что девушка — как правило, пустоголовое маленькое создание, — пришла бы в изумление, узнав, что она является причиной всего этого. Это происходит из-за того, что мужчины упорно убеждают себя в том, что все женщины — это обольстительные сфинксы, и всячески пытаются истолковать их загадки.

Когда же, при таком естественном преимуществе, истине умная и тонкая женщина берется осуществить тщательно продуманный план, результат зачастую оказывается потрясающим для мужчины. Даже если он не одарен воображением или способностью оценить божественное искусство.

Экебол только что получил именно такой знак внимания, от которого могла кругом пойти голова. Взойдя на корабль еще затемно, чтобы пораньше отплыть в Киренаику, и дрожа от пронизывающей предутренней сырости, он в последний раз с раздражением и тоской взглянул на темные стены Константинополя, возвышающиеся над набережной.

Он сожалел, что приходится так скоро покидать столицу, и не сделал бы этого, если бы не срочное повеление, потому что здесь оставалось некое незаконченное дельце — эта маленькая куртизанка Феодора.

С легкой досадой Экебол вспоминал о том, как потрагился на нее. В разгар веселья у Хионы, во время «торгов», когда Феодора-Афродита, сверкающая звезда живых картин, стояла на постаменте, вино и желание захватить главный приз праздника настолько затуманили его голову, что он предложил за нее целую сотню солидов еще до того, как другие выбыли из состязания.

Сотня солидов! Это немалые деньги, а Экебол, как и все левантинцы, становился скуповат, когда дело касалось золота. Он не так высоко ценил любовь, как иные мужчины, а вот утрата такого количества монет волновала его. И тем не менее следовало признать, что эта девушка, смесь пла-

мени и восхитительного искусства, по части женских прелестей была непревзойденной и не шла ни в какое сравнение с тем, что он знал ранее. Но сотня золотых за одну ночь — это, разумеется, непростительное мотовство.

Однако девушка поистине была хороша, как богиня, и Экебол испытывал такое же желание обладать ею, какое испытывал порой, глядя на вещи необычайной ценности, — такие, как драгоценные украшения или скульптуры, в которых он считал себя искушенным знатоком. Кроме того, он был назначен правителем провинции, а кому не известно, как растет престиж мужчины, если он обладает женщиной, вызывающей всеобщее восхищение.

Эти причины, связанные скорее с тщеславием, чем с чрезмерной страстью, заставили его умолять Феодору отправиться с ним в Киренаику. В эти краткие минуты затишья в суматохе дел, связанных с отплытием, он думал о том, что показал себя не так хорошо, как мог бы. Феодора оказывала ему знаки внимания, но без особого тепла, почти равнодушно. Она улыбалась ему, но он чувствовал, что не может постичь значения этой улыбки. Когда он сделал свое предложение, девушка поблагодарила его, но без восторга, а ведь оно было весьма лестным для любой куртизанки. Но, похоже, Феодора так не считала, и когда он стал настаивать на ответе, то услышал нечто двусмысленное.

«Мой ответ удивит вас...» — это все, что она сказала. Эти слова продолжали звучать в его мозгу, несмотря на многочисленные заботы. Время бежало так стремительно, что он не успел даже попрощаться со своим покровителем, Иоанном Каппадокийцем. И хотя он все-таки заглянул в резиденцию, оказалось, что Иоанн невероятно занят делами большой спешности, о которых Экеболу ничего не было известно, а так как перед отплытием надлежало отдать последний визит еще и правителю Юстиниану, это было служебной необходимостью, ему пришлось уйти, не повидав Каппадокийца. Таким образом, ему не довелось узнать, что недоступность префекта связана именно с той девушкой, которая кое-что значила и для самого Экебола.

Словом, почти очевидный отказ Феодоры несколько отравлял предвкушение почестей и власти, которые ожидали Экебола. Эта деликатата... И все же до самой последней минуты он надеялся получить весточку от нее. Даже сей-

час, когда он уже находился на борту своего корабля, готового поднять якорь.

Разочарованно махнув рукой, он отвернулся от темных громад укреплений и прошел в каюту, которая была убрана и обставлена для него.

Едва он коснулся ручки дверей, у него на миг возникло странное предчувствие, но даже и тогда он не был готов увидеть Феодору сидящей в каюте и ожидающей его.

— Ты?.. — у него разом перехватило дыхание.

Девушка поднялась.

— Ты все-таки пришла?!

— Разве я не здесь?

— Но я уже оставил всякую надежду!

Она улыбнулась.

— Я сказала, что мой ответ может удивить тебя.

— Да, я помню. Ты сказала это. Но я просто поражен.

Он прикрыл за собой дверь. Феодора стояла, глядя на него и не произнося ни слова, улыбка все еще играла у нее на губах, но в мозгу уже зрело сомнение. Экебол не бросился к ней, как сделал бы любой мужчина. Напротив, он остался стоять, разглядывая ее, хотя дверь была уже закрыта.

— Где твой багаж? — спросил он.

— Я ничего не взяла.

— Даже одежду?

Такой вопрос в эту минуту озадачил ее. Она снова почувствовала смутную тревогу. Этот человек реагирует вовсе не тем привычным образом, с которым она была знакома.

Ее улыбка медленно гасла.

— Кроме туники, что на мне, — ничего.

— Почему ты не дала мне знать? Я бы послал носильщиков.

— Это решение пришло в последнюю минуту. Ты сказал, что отплываешь с утренним отливом. Времени у меня не было.

Это примечательное заявление могло вызвать подозрения, но сейчас тщеславие Экебола работало на нее. Он расценил ее поступок как дань чувствам, вызванным его личной привлекательностью.

— Я мог бы отложить отплытие на час, — проговорил он, все еще колеблясь.

Это было именно то, чего она никак не хотела. Теперь было очевидно, что он еще не знал о том, что ее разыски-

вают. Совершенно необходимо выйти в море, пока известие об этом не достигло доков.

Она опустила глаза, как бы из скромности, на самом деле размышляя о том, как наиболее полно использовать свое влияние на этого человека. Когда она подняла глаза, Экебол все еще стоял у дверей.

— Разве время отплытия не так важно? — спросила она. — Для меня это всего лишь короткая прогулка, к тому же в Киренаике тоже есть лавки, не так ли?

Внезапно с палубы донеслись крики. На мгновение глаза ее расширились, но Экебол не мог знать, что за этим движением — страх. Однако это были всего лишь вопли матросов, отводящих судно от причала и поднимающих треугольный парус. В это время первые лучи утреннего солнца позолотили верхушки башен Константинополя. Через минуту пол каюты заколебался, указывая на то, что корабль отплывает. Жребий брошен: теперь уже не о чем толковать.

— Я полагаю, об этом не стоит беспокоиться, — проговорил он.

— Ты даже не сказал, что рад видеть меня здесь, — Феодора скорчила гримаску.

— Разумеется, рад. Разве я не просил тебя прийти? — Это были не совсем те слова, которые произносит мужчина, поглощенный страстью, и тем не менее девушка успокоилась и бросила на него взгляд, показавшийся Экеболу долгим и ласковым. Губы ее призывно дрогнули в легкой улыбке. Экебол швырнул свой плащ на скамью и направился получать первый процент со своего вклада...

Долгий взгляд, который перед этим бросила Феодора и который Экебол истолковал как исполненный любви, на самом деле был наполнен размышлениями.

Мужчины важны для женщин, но совершенно не так, как женщины для мужчин; и каждая женщина неизменно оценивает каждого нового мужчину, даже если это всего лишь случайная встреча, когда не может быть и речи о какой-либо его роли в ее жизни. Эта оценка производится особенно тщательно, если обстоятельства могут предполагать даже отдаленную перспективу более близких отношений. И если для мужчины любовь состоит из близости и наслаждения, то для женщин она значительно интимнее и важнее, поскольку для нее последствия неизмеримо более существенны.

Женщина, идущая по жизни обычной дорогой, на которой она, естественно, ожидает ухаживания, проявлений дружбы и заботы, а затем и настоящей любви, приводящей к предложению достойного замужества, может позволить себе не спешить с окончательным решением: есть ли в мужчине что-либо достойное восхищения.

Другое дело — куртизанка. Она находится в условиях, с которыми остальные женщины не знакомы. Главное из них — это то, что она занимается любовью с мужчиной, которого до этого никогда не видела. И тут почти всегда нет места никаким прелюдиям, игре нежных взглядов и слов, нерешительности, отчаянию и надежде — всему тому, что составляет смысл наслаждения быть понятой в любви. Вместо этого куртизанка практически сразу включается в примитивную схватку полов, впустую растрачивая свое чувственное богатство из-за эгоизма, недостатка воображения и грубой похоти мужчины.

Поэтому женщина, которая вынуждена иметь много любовников, приобретает привычку мгновенно, почти бессознательно оценивать каждого мужчину. Феодора всегда искала лучшее, затмевающее недостатки и пороки. Чересчур костлявый мужчина мог иметь красивые глаза, и на них-то она и сосредоточивала внимание. Тот, у кого плохие зубы, обладал сильными, выразительными руками, а толстяк — мужественным лицом. Таким образом она находила привлекательными почти всех мужчин, а с тем, чем природа с избытком наградила ее саму, ей почти нравилось быть куртизанкой, особенно с тех пор, как она стала деликатой и начала принимать мужчин, выбирая, а иной раз и отказывая любовникам. Теперь ситуация была иной: единственный любовник, которому она должна хранить верность.

Она осознала, что придется пожертвовать не чем иным, как свободой мыслей и тела. Ее на мгновение охватила паника. Но какой бы ни была цена, разнообразие, которое всегда так возбуждает в любви, должно быть отныне забыто.

С той ночи у Хионы она узнала, каким любовником был Экебол — жадным, требовательным, самодовольным, падким на похвалу и неизменно чувственным.

Но было что-то еще. Смутный вопрос, который она даже не могла выразить, блуждал в подсознании и беспокоил ее. Нечто в особе Экебола намекало, что есть в нем некий доселе скрытый порок.

Что бы это ни было, оно ожидало ее в будущем, и с этим предстояло справляться. Она надеялась, что сумеет заставить Экебола полюбить ее, раз уж она вверила ему свою судьбу, но теперь больше не была в этом уверена. Новый характер отношений с женщиной ставил ее в тупик.

Их первые объятия в этой каюте ни на йоту не изменили ее мнения о нем.

Но спустя полчаса у Феодоры появилась возможность поразмыслить в одиночестве. Экебол плохо переносил плавание, и даже зыбь на море заставила его позеленеть и схватиться за горло. Его стошнило, едва только он добрался до таза.

— Ступай, пошли за Линнеем, моим лекарем, — просипел он, хватая воздух ртом. Рабы наместника размещались под палубой в носу корабля, и Феодора, распахнув двери каюты, приказала мальчику на палубе сбегать и передать поручение.

Линней вошел в каюту, направился к ложу, где скорчился Экебол, и положил руку на лоб наместника. Стоя у входа, Феодора окинула лекаря быстрым взглядом.

Это был грек лет тридцати, с умным худощавым лицом, густыми бровями над слегка изогнутым носом, с чувственным ртом благородных очертаний. Приятная внешность, хотя Линней всего лишь раб.

Поняв, что лекарь прекрасно справится без нее, Феодора вышла на палубу.

Даже исключительно привлекательный мужчина, страдающий от морской болезни, много теряет в обаянии, а несчастный Экебол был особенно жалок и смешон. Голова его была обернута влажным платком, глаза закрыты, а губы скорбно поджаты.

Феодора же совершенно не ощущала качки. Она стояла у поручней на вздымающейся палубе, не обращая внимания на алчные взгляды моряков, которые липли к ней всякий раз, когда ветер очерчивал ее фигуру, подхватывая платье. Но она так привыкла к этим сверлящим и раздевающим взглядам, считая их чем-то неизбежным для женщины, что не испытывала ни малейшего смущения.

Однако заговорить с ней никто на палубе не осмелился. Всем было известно, что она принадлежит наместнику, а мужчины обычно сильнее ревнуют своих подруг, чем жен.

Спустя четверть часа Феодора приказала подать ей завтрак на палубу.

Этот и следующий день корабль плыл вдоль берегов континентальной Греции, и с наступлением второй ночи они вошли в Эгейское море. Большую часть времени Феодора проводила в отведенной ей каюте, которая была расположена рядом с каютой Экебола, иногда слыша его стоны и вздохи. Наместник очень медленно приходил в себя, когда ему вновь становилось худо, он не хотел видеть даже прелестную новую любовницу, одного только лекаря-раба.

Раз или два она обращалась к Линнею, когда тот выходил из каюты, справляясь о здоровье хозяина. Отвечая, раб не поднимал глаз. Его очевидные ум и образованность привлекали ее. Поскольку Линнею явно было не по себе в ее присутствии, она быстро отпускала его, но не могла не поинтересоваться его судьбой. Этот человек не был обычным тупым рабом, и хотя за свою жизнь она привыкла видеть рабов и ее не занимала их участь, ей стало жаль Линнея.

Иногда она наблюдала за морскими птицами, скользящими над бегущей волной, или вглядывалась в почти неразличимый в дымке остров, проплывающий вдаль, и перебирала в памяти последние часы, проведенные в Константинополе. Лишь один свой поступок она вспоминала с удовлетворением. Даже в лихорадочные минуты поспешного бегства она нашла время позаботиться о бедном создании, зависящем от нее и связанном с ее судьбой, — о Тее. Это ради Теи она просила Айоса дать ей пергамент и чернила, которые у него на всякий случай были припасены.

Когда придут солдаты и обнаружат, что деликата сбежала, они конфискуют всю ее собственность, включая и девушку-рабыню. Тея несомненно будет продана, как и другие рабы, и очутится в стабуре — судьба, которой Феодора не пожелала бы и злейшему врагу. Поэтому она подписала документ о передаче всего своего имущества Антонине, а кроме того, умоляла ее приютить Тею и хорошо с нею обращаться. Можно было рассчитывать на то, что Антонина примется действовать быстро, тогда как Хризомалло, в силу своего характера, стала бы колебаться и медлить.

Когда миновали первые дни, путешествие стало однообразным. Дул попутный ветер, и корабль быстро шел вперед, прыгая с волны на волну. Экебол продолжал хворать и не требовал ее любви. Он стал раздражителен, беспрерыв-

но жаловался и придирался к мелочам, всячески понося Линнея.

Феодора понимала, как ему скверно, и изо всех сил старалась угодить наместнику, но тот явно предпочитал сейчас одиночество. После короткого утреннего визита девушка предпочитала проводить остальное время, держась подальше от каюты Экебола.

То, что он не требовал ласк, она объясняла болезнью, однако не переставала пускаться на разного рода ухищрения ради поддержания своей красоты. Но на корабле, где она была единственной женщиной, у нее имелось только одно платье, что на ней, не было даже гребня, а только маленький гребешок, скреплявший ее волосы, не было также никакой косметики.

Каждую ночь она стирала тунику и вешивала ее просушить в каюте. По ночам же она принимала ванну, несмотря на жалобы капитана, что она безоглядно расходует пресную воду. Она обнаружила, что красный пояс Экебола из иллирийской кожи, если потереть об него мокрый палец, отдает немного краски. Этот пояс очень кстати оказался в ее каюте: он стал источником цвета ее губ и легкого румянца на щеках. Увидев ее по обыкновению привлекательной и свежей, никакой мужчина никогда не догадался бы о ее заботах.

Но однажды плотный северный туман, висевший над морем, рассеялся, и перед ними открылось побережье Африки, сверкающее в солнечных лучах. Вдали виднелась гряда лиловых гор, ближе — склоны холмов, покрытые густой растительностью, и залив; группа белых строений, словно выточенных из мягкой слоновой кости, отражалась в заливе.

Услыхав крик вахтенного, Экебол поднялся на палубу. Лицо его было мрачным, глаза ввалились, но в этот миг его уже не мучили боли в желудке, так как море стало гладким, как зеркало.

Он стоял, глядя на далекий берег. Капитан отдал приказ — и флаг империи взвился на верхушку мачты.

— Почему ты поднимаешь флаг? — спросил наместник.

— Это Аполлония, ваше превосходительство, — отвечал бородатый мореход. — Когда я выходил отсюда два месяца назад, Фратес, начальник порта, просил меня поднять

знамя империи, если я вернусь с новым наместником, чтобы они были готовы.

— Готовы к чему? — спросил Экебол.

— Ну как же, ваше превосходительство, чтобы приветствовать нового наместника должным образом. Им еще повезло, что нам потребуется два часа, чтобы добраться до пристани. У них будет достаточно времени, чтобы подготовить почетное сопровождение и завершить другие приготовления, необходимые для встречи правителя провинции.

— Хм! — буркнул Экебол. — Сопровождение, говоришь?

— Разумеется. А поскольку нас ждали примерно в это время, здесь уже собрались магистраты пяти городов, чтобы встретить вас на пристани, ваше превосходительство.

Экебол кивнул и отпустил капитана.

— Аполлония — наша столица, — сказал он Феодоре, — один из пяти городов Киренаики, которые вместе зовутся Пентаполисом. Я рад, что снова вижу твердую землю после этого проклятого моря!

Когда минутой позднее он повернулся к ней, лицо его выражало вопрос и смущение.

— Пожалуй, я не знаю, что дальше делать, — внезапно проговорил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Это... ну, наместничество... совсем ново для меня. Я понял, что, пожалуй, не знаю... чего от меня ждут. Должен ли я произнести речь?

Феодора была несколько изумлена.

— Я думаю, что они не ждут от тебя речей, — сказала она. — Скорее, они сами примутся ораторствовать. Если они намерены вести себя так, как принято в Константинополе, то тебе следует только нарядиться как можно богаче и, сохраняя значительный вид, позволить им приблизиться и почувствовать, что ты заслуживаешь уважения и покорности. Конечно, эти провинциалы уже расписали всю церемонию, и тебе остается только следовать регламенту, поскольку, я уверена, самая важная роль в нем отводится тебе, и ты услышишь, возможно, куда больше лести, чем заслуживаешь, потому что эти люди хотят снискать твое расположение.

Его лицо прояснилось.

— Значит, мне нужно только держаться с достоинством?

— И принимать приветствия как первое лицо провинции.

Экебол кивнул.

— Хорошо. Я знал все это, однако хотел выяснить, понимаешь ли ты, что здесь происходит.

Девушка улыбнулась.

Минутой позже он сказал:

— Приготовься сразу же сойти на берег.

— Сейчас? — У нее перехватило дыхание. — Но я не могу! Это невозможно!

Он повернулся к ней с недовольным видом.

— Почему?

— Ты только взгляни на меня! Мне необходима достойная одежда. Я не меняла ее в продолжение всего путешествия...

Наместник нахмурился сильнее. Очевидно, воззвав к состраданию, она ошиблась. Феодора мгновенно изменила тактику:

— Хотел бы ты явиться здесь впервые в качестве правителя с дамой, одетой, как нищенка?

Экеболу и не приходило в голову, что она одета, как нищенка. Но обращение к его тщеславию попало в цель. Возможно, внешность любовницы можно улучшить и таким образом явить себя в еще более выгодном свете.

— Сколько времени тебе на это потребуется? — спросил он.

— По меньшей мере три часа.

Он нахмурился снова.

— Три часа? При том, что депутаты городов ждут, чтобы приветствовать меня?

— Пусть ждут! Разве ты не для того здесь, чтобы управлять провинцией? Произведи на них впечатление! Им полезно научиться терпеть и смиряться, чтобы доставить тебе удовольствие.

Он еще хмурился, но последняя фраза решила исход спора. Ворча, что эта задержка неразумна, Экебол приказал исполнить желание девушки — добыть в городе подходящую одежду и доставить на корабль особу, которая помогла бы Феодоре сделать прическу и надеть украшения. Чем больше размышлял он о том, что заставляет депутации городов ждать, тем больше эта мысль нравилась ему. С этим он и удалился в сумрак своей каюты.

Таким образом, после того, как корабль наместника бросил якорь у набережной, толпа встречающих из пяти го-

родов, состоящая из военачальников, гражданских сановников, землевладельцев, аристократов и прочих, кто счел необходимым присутствовать при этом событии, а также две центурии всадников, три центурии тяжелой пехоты и военный оркестр, все в парадном облачении или держащие в руках столько железа, меди, кожи и дерева, из которых изготавливаются оружие, снаряжение и музыкальные инструменты, что можно было полностью загрузить небольшой корабль, — стояла, парилась и потела под жгучим африканским солнцем в течение трех убийственных часов в ожидании, пока молодая женщина приведет свою внешность в соответствие со всеми представлениями о должном виде.

Когда же Феодора появилась, то почти оправдала это ожидание: на ней было белоснежное, украшенное золотым шитьем платье, которое очень шло ей, глаза и губы девушки ярко горели, фигура была полна волшебной грации, волосы неподражаемо уложены — все вместе представляло собой столь очаровательное зрелище, что разгоряченные и сердитые сановники, выдающиеся мужи и воины, забыв о своем гневе и мучениях, с восхищением воззрились на нее.

Она положила свою хрупкую руку на запястье Экебола, пышно вырядившегося в пурпур и золото, и вместе они двинулись между рядами встречавших.

Военный оркестр громогласно затрубил. Множество холеных и роскошно одетых людей, выступив вперед, преклонили колена перед наместником, а затем произнесли пространные речи, восхваляющие правителя и заверяющие его в совершенной преданности. При этом маленькая возлюбленная наместника оставалась как бы в стороне от происходящего и молча ждала. И хотя на ее долю досталось больше косых взглядов, чем полагалось по ее роли, церемония встречи показалась ей нескончаемой.

В конце концов она оказалась в предназначенном для нее паланкине, и восемь носильщиков одним мощным движением вскинули его на плечи. Феодора расслабилась, ощущая себя драгоценностью в достойной оправе.

Оркестр грянул походный марш, и процессия пришла в движение. Впереди следовала сотня всадников в стальных шлемах, латах и алых плащах, затем оркестр с барабанщиками, руки которых летали в воздухе, отбивая ритм, затем пешие воины со склоненными копьями, затем паланкин

наместника, а сразу за ним — паланкин его возлюбленной, окруженные с обеих сторон колоннами гроыхающих доспехами пехотинцев; далее шли сановники, и, наконец, вторая сотня всадников в алых плащах замыкала шествие. Хотя это и нельзя было сравнить с процессиями в Константинополе, здесь тоже было на что посмотреть.

С моря Аполлония показалась Феодоре красивой: белые постройки, стоящие на террасах или взбегающие по склонам холмов, длинный мол, вытянутый, как рука, и корабли, бросившие якоря в заливе. Однако вблизи эта иллюзия быстро рассеялась.

Узкие улицы оказались еще уже из-за своеобразной архитектуры зданий, у которых вторые этажи, поддерживаемые колоннами из кедра или камня, почти смыкались над мостовой. Все дома были каменными, выбеленными известью, с плоскими крышами и без окон, которые заменяли узкие щели, защищенные решетками из железа или дерева, что превращало их в подобие маленьких крепостей. Все улицы были, кроме того, чудовищно грязны. Мухи тучами роились над разлагающимися в канавах отбросами. Повсюду на улицах, у зарешеченных окон и на крышах домов толпились горожане. Некоторые возгласами приветствовали процессию, но Феодоре их крики и рукоплескания казались искусственными и лишенными подлинного энтузиазма.

Теперь ей предстояло новое испытание. Впервые в жизни она играла важную роль в публичной процессии, привлекая внимание огромной толпы — это вовсе не то, что случайные взгляды мужчин, к которым она привыкла.

Везде она видела обращенные к ней лица — тысячи лиц. Лица греков, римлян, евреев, левантинцев и кочевников-берберов. Она чувствовала на себе взгляды сотен глаз, которые приводили ее в смущение и вызывали беспокойство, особенно взгляды женщин. Ей казалось, что ее оценивают, судят по женским меркам, а этого боится каждая женщина, что эти люди уже враждебно настроены и ищут только недостатки и, как только процессия отдалится, собираются кучками, чтобы поделиться впечатлениями и посостязаться в умении отпустить самое убийственное замечание о ней. Один из кварталов, через который двигалась процессия, она узнала сразу — это был квартал проституток. Здесь городские шлюхи, сидя на крышах, вели непрерывный

словесный огонь, комментируя, выкрикивая, бранясь и зазывая свистом ухмыляющихся солдат почетного сопровождения. Но эти женщины умолкали, когда мимо пронесли пышные паланкины, и снова Феодора чувствовала десятки пристальных женских взглядов. Знают ли они что-нибудь о ней?

Нижний город остался позади, и процессия стала неторопливо подниматься по крутым улицам, лежащим на склонах. Начали появляться общественные здания, более внушительные, чем нагромождения лачуг, теснящихся у воды. Феодора увидела базилику и акведук, бассейны, маленький ипподром, общественные бани и театр. Хорошо бы разузнать, разрешат ли ей посещать театр? Сейчас, во всяком случае, она чувствовала то, что чувствует актер перед тысячей толпой.

Увенчивая холм, раскинулось белое здание с красной черепичной крышей, а вокруг него — ухоженные сады, окруженные стеной. Перед воротами выстроилась двойная цепь почетного караула.

Тириец Экебол волею Юстина, императора ромеев, новый наместник Киренаики, со своей юной возлюбленной вышли из носилок и вступили во дворец, их новую резиденцию.

ГЛАВА 10

Исходя из того, что с самого начала не оправдывались ни ее ожидания, ни надежды, Феодора решила, что ее положение в Африке довольно шатко.

Она тосковала по Константинополю, климат был скверным, событий — не много. Но с этим еще можно было бы смириться, если бы не Экебол. Она знала, как обращаться с мужчинами, или думала, что знает. Но до сих пор ей никогда не приходилось подолгу заботиться об одном любовнике. Кроме того, ей не доводилось встречаться ни с кем, кто до такой степени напоминал бы забальзамированную египетскую мумию, а с мумией, как известно, бесполезно вести обычную женскую игру.

С самого начала их отношений она совершила роковую ошибку, хотя, вспоминая происшедшее, понимала, что не могла ее избежать.

Из-за того, что она вынуждена была бежать от опасности, хоть Экебол и не знал об этом, она была слишком озабочена тем, чтобы угодить ему. Во время путешествия при всех обстоятельствах она была одинаково покорной. Даже в краткий миг ее самоутверждения, когда она задержала высадку на берег, Феодора добились успеха не потому, что хотела этого, а потому, что Экеболу понравилась идея заставить депутацию дожидаться его. Таким образом, он привык к ее покорности, как к чему-то само собой разумеющемуся, когда же впоследствии она попыталась отступить от этого, последовал взрыв мужского гнева, с которым она не сумела справиться, еще более усугубив свою зависимость.

Здесь было над чем поразмыслить. Время наибольшей власти женщины над мужчиной — в самом начале отношений, когда для него все еще внове и он жаждет угождать возлюбленной. Кроме того, непредсказуемость — одно из сильнейших орудий женщины.

Пока она резвится за гранью досягаемости, она кажется мужчине самой драгоценной вещью в мире и он не жалеет никаких усилий, чтобы завладеть ею и удержать. Это время, когда она еще не полностью завоевана, лучшее для того, чтобы побольше выторговать в свою пользу. Но когда женщина полностью познана, а любовь становится рутиной, ей неизмеримо труднее добиться каких-либо преимуществ для себя, потому что нет ничего хуже, чем когда что-либо воспринимают как само собой разумеющееся.

Но даже при таком жалком начале Феодора верила, что могла бы завладеть Экеболом, будь он обычным мужчиной. Не в том смысле, что он имел особые достоинства или исключительные качества, а в том, что он был непостижим и в высшей степени странен.

Иногда, уединившись, она пыталась разобраться в нем, что также было для нее новым — до сих пор она делала выводы о мужчинах инстинктивно и моментально, но Экебол вновь и вновь ставил ее в тупик.

Он поместил ее в гинекее, женской половине, а сам жил в противоположном крыле дворца. Поначалу он нередко посещал ее поздно вечером. Физически он не был для нее привлекательным — сальная кожа и уныло висящий нос не придавали мужественности его чертам.

Но и с этим можно было мириться. А вот другие его черты иной раз ее даже пугали. Напримёр, у него была тяга к

жестокости. Он всегда был самодоволен и жаден, но раболепие, которое выказывали жители провинции, разожгло в нем высокомерие и низкие страсти. Теперь он никогда не забывал напомнить Феодоре, что подобрал ее в публичном доме, и все чаще играл на этой струне, ибо ему нравилось унижать ее.

В беседе он был невыносимо скучен. Без усталости толкуя о себе, он, бывало, так утомлял ее этим, что у нее едва хватало терпения сдерживаться.

Иногда на протяжении всей ночи ей только и приходилось, что выслушивать хвастовство Экебола и не забывать восхищаться им. Это стало привычным ритуалом, и она знала все его тонкости, как бы они ни были ей противны.

— Когда ты увидела меня, ты, наверно, и не думала, что будешь жить во дворце наместника, не так ли? — спрашивал он.

— Да, светлейший. Я даже и не мечтала об этом, — с готовностью отвечала она.

— Повезло же тебе, что ты поехала со мной!

— Моя удача превзошла всякие ожидания, светлейший.

Он мог бы уже заметить, что она никогда не говорит нежностей, обращаясь к нему. Теперь она не могла себя заставить это делать.

— Надо заметить, я высоко вознесся, — продолжал он самодовольно. — Наместник в сорок лет — это тебе не что-нибудь, знаешь ли...

Это повторялось по многу раз, и Феодора терпеливо произносила то, чего от нее ожидали:

— Я все время восхищаюсь вашими поразительными успехами.

— Не легко, знаешь ли, управлять огромной провинцией. Люди пытаются обмануть меня, обойти закон и извлечь выгоду любым способом. Но я знаю, как обращаться с собаками. Необходимо вселить в них страх Божий. Только сегодня я поймал одного сборщика налогов, пытавшегося утаить от меня кое-что. Ты ведь знаешь, они должны отдавать часть товаров в виде натурального налога...

У него была привычка подолгу растолковывать простые вещи, будто она была не очень способным ребенком, хоть многое она понимала, пожалуй, лучше его. Но она только кивала, благодарая за науку.

— Этот парень, — продолжал он, — скрыл от меня целую

деревню — кажется, его семья живет в ней и вроде бы у них случился неурожай. Он вообразил, что из-за этого они могут не платить налог. А я недолго размышляю, когда дело касается денег. Взял список поселений и вычислил его. Видела бы ты его лицо!

Он наконец перестал потешаться над незадачливым чиновником.

— Что ты сделаешь с ним? — спросила Феодора.

— Естественно, он умрет. Завтра увидишь, как ему отрубят голову, если дашь себе труд спуститься вниз к окружной тюрьме. Ну а деревня исчезнет с лица земли, если не будет уплачен налог в двойном размере. Это научит их прямоте и добросовестности!

Такая неоправданная жестокость была ей противна. Но она могла лишь проговорить:

— Конечно, любой будет выглядеть глупцом, если станет пытаться сравниться умом со светлейшим.

Такая грубая лесть — Экебол не чувствовал фальши — наполняла его самодовольством.

А иногда, хотя и редко, он вообще не желал говорить, а только валяться в постели и получать наслаждение, не считаясь с ее желаниями и чувствами. То, что она, возможно, презирает его, подчиняясь против своей воли, не приходило ему в голову, либо не имело для него значения.

Эти нечастые всплески его мужской природы обычно происходили, когда он был пьян и, следовательно, вел себя особенно оскорбительно. В такие минуты он получал особое удовольствие, грубо насмехаясь над ней и при этом требуя со странной настойчивостью, чтобы она восхваляла его мужественность, словно не будучи сам в ней уверен.

— Где бы ты была, похотливая крошка, — бывало, начинал он тотчас после ее объятий, — если бы я не подобрал тебя прямо на улице Женщин?

— Я бы сгинула в безвестности, — обычно отвечала она, что доставляло ему неизъяснимое удовольствие.

— А ты ведь и сейчас потаскушка — ты знаешь это? Маленькая сучка с хорошеньким личиком, но в конце концов все равно сучка. Тебе крупно повезло, что я люблю сучек.

— Я очастливлена, светлейший.

— А что, если ты мне надоешь? — Его лицо злорадно искажалось, черные глаза съезжались к длинному горбату-му носу.

— Я не знаю, что тогда случилось бы со мной, — говорила она тихо.

— Ну, тогда поцелуй меня, — он с минуту слюнявил ее губы. — Я люблю сучек, как я уже сказал. Особенно если они любят меня. Ты ведь любишь меня, не так ли?

— Да, светлейший, — соглашалась она, хотя ей хотелось закричать.

— Как сильно?

— Больше всего на свете.

Это было отвратительно, но что она могла поделать?

— Но почему?

— Потому, что ты — великий человек и мудрый правитель.

— Будь честной со мной. Наверняка потому, что я хороший любовник, разве не так?

— М-м... да... — она колебалась.

— Ну скажи, ведь я замечательный любовник?

Феодора кивала, опуская глаза.

— Никто не усомнится в этом.

— Лучший из тех, что были у тебя?

— Непревзойденный. Намного лучше других.

Еще одна ложь, но он проглатывал ее, испытывая странное удовлетворение.

Но его грубая натура не могла обойтись без грязи.

— Это все, что вам, женщинам, требуется, не так ли? — толстые губы складывались в скверную ухмылку. — Вы живете плотью. Вам и дела нет до того, что у человека выше пояса. Но мне это нравится. Я обожаю бабенок, у которых в голове ничего, кроме постели.

Последнее звучало и дико, и хвастливо, хотя хвастать было особенно нечем. В то же время это была насмешка над всеми женщинами.

Ей стали отвратительны его визиты. Иногда, когда она думала о нем, у нее пробегал по коже холодок страха. Что она станет делать, когда наместник действительно отвернется от нее?

С болезненной силой она поняла, что одна вещь, в которой она когда-то убедила себя, — право любовницы прервать связь с мужчиной, когда ей захочется, — здесь не действует. Она была пленницей во дворце. Никто во всей провинции не защитит ее из страха навлечь на себя гнев Экебола.

Иногда она принималась тосковать по старым временам, когда была куртизанкой в Константинополе. Но Боже упаси вновь стать ею здесь. Она видела квартал блудниц в Аполлонии, и одна мысль о нем заставляла ее содрогаться.

Гинекей, находящийся в западной части дворца, поначалу казался Феодоре довольно роскошным. Ее спальня была богато обставлена, у нее была купальня, достаточно просторная даже для двух десятков молодых женщин, если бы они решили понежиться в бассейне одновременно. У нее были двор и сад, окруженные стеной и, можно сказать, принадлежащие ей, собственная кухня и столовая, помещения для прислуги и рабов.

Ей служили пять евнухов и вдвое больше рабынь. Впервые в жизни ей приходилось иметь дело с евнухами, и когда в первое утро она принимала ванну и трое из них, явившись, назвались массажистами и парикмахерами, она неприятно удивилась. Ей вовсе не пришлось по вкусу то, что они будут прислуживать ей в таких интимных вещах, больше того, эти лжемужчины вызывали у нее неловкость и раздражение.

В конце концов она определила евнухов на другие работы, а для интимных нужд держала только женщин. И впредь, когда бы ей ни приходилось иметь дело с евнухами, она использовала их только как секретарей или работников по дому.

Вскоре ее новая жизнь стала нестерпимо скучной. Кроме тех случайных появлений в обществе, когда ее хозяину хотелось выставить ее напоказ, она не видела никого, кроме Экебола.

Поначалу они посетили один за другим несколько официальных пиров. Алчность Экебола проявлялась и в его любви к роскоши. Демонстрация произведений искусства, нарядов или чего-либо иного, свидетельствовавшего о его богатстве и вызывавшего восхищение и зависть других, шекотала его тщеславие. Одной из таких дорогих вещиц, которой можно было подразнить других мужчин, стала и его молодая любовница.

В первый раз, когда он приказал Феодоре подготовиться к пиру, она постаралась одеться и украсить себя так, чтобы Экебол остался доволен. Она испытывала некоторую робость, опасаясь, что женщины на пиру найдут в ней слишком много недостатков, за которые ее можно осудить.

Но ее окружила атмосфера всеобщего поклонения, несмотря на присутствие жен первых лиц провинции. Разумеется, она моментально стала объектом всяческих пересудов, но ее не презирали и не избегали.

— Так это и есть дама наместника? — шептала супруга начальника порта Фратеса жене командира гарнизона Ультора.

— Довольно хорошенькая, — отвечала жена военачальника без всякого энтузиазма, — но несколько переусердствовала, вам не кажется?

— Ну и прическа! — восклицала ее подруга. — Если это последняя столичная мода, то не могу сказать, что я в восторге от нее.

— Я тоже. Но мужчины, по-моему, так не думают. Посмотрите на них. Они с трудом могут отвести от нее взгляд.

— Не удивительно. Чего стоит это платье! Это просто непристойно! Вырез так глубок, что можно рассматривать все, что у нее там имеется. А этот разрез на бедре, чтобы показать ноги! Ну как после этого винить мужчин, что они глядят во все глаза?

— Любая может заставить мужчину таращиться, если ей безразлично, каким способом это достигнуто.

И обе матроны целомудренно фыркали, несомненно противопоставляя увиденному достоинства собственных нарядов.

Но ни у кого не вызывало вопросов то обстоятельство, что Феодора живет с наместником не в браке. Киренаика держалась римской традиции, а институт любовниц был одним из древнейших в Римской державе. Женщина, которую Экебол желал выделить, могла не опасаться испытать оскорбительное пренебрежение со стороны общества.

Таким образом, язвительные замечания упомянутых дам были вполне безобидны. Другие дамы в это время были заняты тем, что запоминали детали прически и костюма, чтобы затем скопировать то, что критиковали другие, ведь и в самом деле это наверняка было последней модой в столице. Сходились на том, что любовнице проконсула недостает здоровой полноты, которая приличествует всякой честной матроне, однако в ее лице практически не было найдено изъянов.

Что же касается мужчин, то их взгляды выражали откровенное восхищение. Платье Феодоры тесно облегалo ее

фигуру, ее безупречные плечи оставались обнаженными, а ожерелье из миндалевидных гранатов, казалось, уводило взгляд прямо к очаровательной ложбинке между грудей. Ступни в позолоченных туфельках казались миниатюрным совершенством, а разрез на платье — мода, недавно завезенная из Египта, — тянулся от середины икры вниз и являл бегло брошенному взгляду скульптурное великолепие точеной лодыжки.

Отлично известно, что явное поклонение и тайное злословие женщин является двойным доказательством женского успеха, и это вселяло в Феодору некоторую уверенность.

Однако за исключением выходов в свет с Экеболом, которые становились все более редкими, жизнь любовницы наместника оставалась крайне однообразной. Даже болезнь на этом фоне воспринималась как событие.

Примерно через месяц после их прибытия в Африку у Феодоры разыгралась легкая лихорадка. Дворцовый лекарь, грек Линней, приплывший в Аполлонию на том же корабле, был, как и прочие слуги, рабом, но при этом не был евнухом. Феодора сразу поняла это. Видеться и говорить с мужчиной, пусть даже и низкого звания, было для нее большим облегчением. К тому же у него были красивые глаза, чувственный рот, а его скупая, лаконичная речь была умной, хотя в ней и звучала некая отчужденность. Ей хотелось подольше беседовать с ним, но Линней явно смущало ее общество. Он приходил еще дважды, осматривал ее, прописывал лекарства и торопливо удалялся. Когда она окончательно выздоровела, он больше не появился.

Однажды Экебол заявил Феодоре:

— Пришла пора посетить четыре остальных города Пентаполиса — Арсиною, Птолемаиду, Беренику и Кирену. Я желаю, чтобы ты сопровождала меня. Назови, кого из слуг ты намерена взять с собой, и приготовь наряды на неделю, если не больше. Ты должна произвести хорошее впечатление.

Феодора пришла в радостное возбуждение.

— Я все сделаю, вы увидите, все будет как нельзя лучше! — вскричала она и тотчас загрузила слуг работой, готовясь к тому, что представлялось ей долгожданным праздником в ее монотонной жизни.

Путешествие, которое началось на следующий день,

было неторопливым. В пышных паланкинах они объезжали один за другим города провинции, проводя ночь в каждом из них в домах самых богатых граждан, которые соревновались в пышности приемов. Где бы она ни появлялась, Феодора вызывала всеобщее восхищение, которое принималось Экеболом как дань его вкусу и умению разбираться в женщинах.

Больше других ей запомнился день, когда они посетили древнюю Кирену, бывшую когда-то главным городом провинции, но теперь представляющую собой нагромождение руин.

— Но ведь это был знаменитый город! — воскликнула она, когда они стояли рядом с Экеболом на горе, увенчанной остатками акрополя. Свита, чиновники, сверкающая латами стража, слуги и рабы с паланкинами ожидали их поодаль.

— Видимо, так, — согласился Экебол равнодушно.

С огромным интересом смотрела она вокруг. Вдалеке неясно вырисовывались горы африканской пустыни — граница цивилизации. Прямо перед ними скалистый склон круто спускался к равнине, а несколькими милями далее виднелось океанское побережье, где располагалась Аполлония, ныне столица провинции, а когда-то морской порт Кирены, как Пирей для Афин или Остия для Рима.

Склоны холмов были усеяны развалинами: храмы без крыш, рухнувшие колонны, дворцы и общественные здания, словно пережившие землетрясение, акведуки и даже гробницы были разрушены и разграблены.

Среди нагромождений руин встречались небольшие дома и хижины более поздней постройки, в которых обитали какие-то люди. Однако они только усиливали впечатление грандиозности бедствия, постигшего этот край.

— Что могло вызвать такое опустошение? — спросила девушка.

— Откуда мне знать, — ответил Экебол.

— Но разве это тебе не интересно? Хотя бы как правилу этой провинции?..

Всякий намек на критику раздражал Экебола.

— У меня есть дела поважнее, — резко оборвал он Феодору. — Я не могу беспокоиться о том, что случилось много веков назад!

Гравий заскрипел под подошвами его сандалий, когда

он повернулся и направился к свите, приказав подготовить паланкины для продолжения путешествия. Феодора уже привыкла к его отталкивающему высокомерию, но тупое отсутствие любознательности в этом человеке никогда не переставало удивлять ее.

Молча она последовала за ним к носилкам. На следующий день, когда они вернулись во дворец в Аполлонии, она послала за человеком, который мог бы просветить ее и который был интересен сам по себе.

Линней явился и встал перед ней, сидящей на террасе в окружении нескольких женщин.

— Мне нужно не твое искусство, лекарь, а кое-что иное.

— Твой раб, лучезарная, по крайней мере сделает все, что в его скромных силах, чтобы ответить на вопрос, который ты благоволишь задать.

Как всегда, в его поведении сквозила собачья покорность.

— С чем связано разрушение Кирены? — спросила она.

Он помолчал, удивленный вопросом, а затем проговорил:

— Это страшное и скорбное событие, лучезарная, случилось много столетий назад, так много, что ничтожный раб знает об этом не многое. Мне известно, что это был мятеж еврейских поселенцев в Киренаике, где находилась большая колония этих людей. Все это произошло во времена правления императора Траяна*.

Он умолк. На секунду его темные глаза поднялись к ней, затем опустились снова, и он продолжал:

— Но если лучезарная хочет узнать об этом все, то может прочитать пергаментные свитки, хранящиеся в библиотеке дворца. Они поведают об этих событиях гораздо лучше, чем я, раб, которому не позволено вторгаться в твое благородное общество иначе как для исполнения его прямых обязанностей.

Услышав почти умоляющие интонации в его последних словах, она позволила Линнею уйти.

Любопытство проснулось в Феодоре. Когда она еще куртизанкой оказывалась в обществе умных и опытных людей, она не упускала возможности поучиться у них в промежутках между занятиями любовью. Это было одной из ее привлекательных черт, поскольку мужчины любят женщин, задающих неглупые вопросы, касающиеся их интересов и достижений, к тому же и выслушивающих их ответы

с неподдельным интересом. Эта тонкая форма лести приносит, к тому же, пользу слушателю.

Она послала в библиотеку за упомянутыми манускриптами и с радостью обнаружила, что большинство из них написано на греческом и латинском языках, на которых она могла читать, а не на коптском или персидском.

Ее глазам предстал ужасающий отчет Диона Кассия*, римского историка, описавшего восстание киренайцев в 115—116 годах по Рождеству Христову. Мерным слогом историк повествовал, как еврейские поселенцы, ожесточившиеся от унижений, перенесенных при завоевании Палестины и разрушении Иерусалима римлянами, попытались основать новое государство на севере Африки, уничтожив всех, кто там обитал, не будучи иудеем. План был тщательно и умело разработан и со зверской жестокостью осуществлен. Он практически увенчался успехом, поскольку иудеи удерживали в своих руках провинцию в течение двух лет. Временами резня принимала ужасающие формы. Феодора читала: «Иудеи области Кирена выбрали себе в предводители некоего Андрея и истребили всех римлян и греков. Они варили их в масле живьем, делали пояса из их кишок, носили их кожу вместо верхней одежды. Многих они распиливали надвое сверху донизу. Других же бросали диким зверям на съедение или заставляли сражаться друг с другом, как гладиаторов. Таким образом, двести двадцать тысяч жителей Киренаики погибли».

Но вскоре из Рима явилось возмездие. Траян, который был поглощен войнами с персами, послал в Африку одного из своих полководцев, Луция, вместе с войском. Несмотря на отчаянное сопротивление иудейских воинов, легионеры разгромили их и окружили в двух цитаделях — Арсиное и Кирене. Особенно яростным было сражение в Кирене, но римская дисциплина и осадные машины взяли в конце концов верх. Кирена была взята. В результате мятежа и последующей осады, как стало ясно Феодоре, город и был разрушен.

Римская месть была столь же ужасна, как и предшествующая резня. На протяжении десяти миль от Кирены до Аполлонии вдоль дороги стояли кресты, на которых были распяты еврейские повстанцы. Тысячи других были зарублены на месте или погибли от опустошительных пожаров. Оставалось невыясненным, относилась ли цифра, упомя-

нутая историком — двести двадцать тысяч погибших, — только к жертвам резни, устроенной иудеями, или включала также тех, которые были зверски убиты при взятии города. В любом случае еврейская колония прекратила свое существование. Уцелевшие женщины и дети были безжалостно проданы в рабство.

Ужас событий, даже в сухом изложении старого римлянина, произвел на Феодору неизгладимое впечатление. Ей навсегда запомнились картины мятежа и безумия, которое охватывает восставшую толпу и превосходит по жестокости и разрушительности даже войны.

Шли месяцы, и она видела Экебола все реже. Вначале она испытывала облегчение, но когда он на протяжении целых недель не заходил и не обращался к ней, она поневоле спрашивала себя — почему?

Неволью напрашивалась мысль — появилась соперница.

Это огорчало ее, хотя Экебол и был неприятен. А что, если он решил вышвырнуть ее из дворца и завести новую фаворитку?

Самолюбие Феодоры было уязвлено. Напрягая воображение, она попыталась представить себе предполагаемую соперницу.

Неизбежные вопросы возникали у нее в голове. Молода ли та, другая? Хороша ли собой или наделена какой-то необычной грацией? Что она знает такое, чего не знает Феодора? И главное — где Экебол ее держит? Наверняка не во дворце, иначе Феодора знала бы об этом. Вероятно, это жена какого-то важного лица в провинции, купца или политика, ищущего расположения наместника, который смотрит сквозь пальцы на амурную связь Экебола ради того влияния, которое он сможет получить. Такое часто случается при дворах, погрязших в грехе.

Внезапно явилась мысль: а не чернокожая ли она? Некоторые распутники испытывают извращенную тягу к негритянкам, у которых, как говорят, в крови жар джунглей. В Аполлонии было много негритянских девушек, некоторые весьма хорошенькие, с эбеновой кожей, удивительными глазами, узкими бедрами и пышной грудью. Обычно предпочтение отдавалось белым женщинам, но и негритянки были порой недурны для разнообразия.

Но как правило — только для разнообразия. А ведь пред-

полагаемое увлечение Экебола было постоянным, что служило лишним подтверждением ее поражения. За недолгую жизнь Феодора не было случая, чтобы женщина похитила у нее мужчину, если она сама не хотела этого. Роль победенной была невыносимой для ее гордости, но больше всего ее угнетала совершенная беспомощность.

Экебол пристрастился бродить по городу в поисках развлечений. Окруженный толпой услужливых льстецов и прихлебателей, он теперь частенько покидал дворец по ночам. Аполлония могла предложить на выбор несколько экзотических и насквозь пропитанных пороком заведений, берберийских и негритянских. Особенно часто он посещал дома, в которых исполнялись туземные танцы, в которых девушки из пустыни замысловато извивались под аккомпанемент визгливых труб и глухой ритм барабанов.

В таких местах процветали таинственные и отвратительные пороки. Один или два раза, когда Феодора сталкивалась с Экеболом после посещения такого места, она замечала лунатический блеск его глаз и странности поведения. Она заподозрила, что наместник отведал привозимое из Индии губительное зелье, которое называли маджун и готовили из семян мака и дурмана, растопленного масла, меда, а также настоя травы, которую по-латыни называли каннабис, а по-арабски — гашиш.

Зелье вызывало у его поклонников сон, пестрые видения и совершенную развязность в порочных забавах. Иногда оно даже приводило к помешательству, и девушка невольно думала: «Что станется, если провинцией начнет править безумец?»

Становилось все жарче. Теперь палящее дыхание пустыни чувствовалось и на самом побережье.

Однажды Феодора не могла уснуть из-за духоты и в неурочное время поднялась с постели. Минул час после полуночи. Какое-то время она стояла у распахнутого окна опочивальни, всматриваясь в ночь и молясь про себя, чтобы подул прохладный бриз, который сейчас едва колыхал занавески.

Раскаленный воздух был абсолютно неподвижным и густым от обилия запахов трав и цветов; внизу лежал город, белый в свете полной луны. Тени были резкими и черными. Сквозь ажурную сеть пальмовых листьев она видела огни, все еще горящие в отдельных домах. Ее слух уловил отда-

ленный бой берберийских барабанов и гнусавый плач рожков, которые сливались в мелодию настолько варварскую, что она невольно задрожала.

Внезапно она услышала голоса, шумные выкрики пьяных, пожелания доброй ночи и лягз шита часового, который встал навтыжку у наружных ворот. Экебол снова побывал в городе и теперь возвращался домой с кутежа.

Ее окно выходило на дворцовый двор, и она видела, как наместник миновал ворота. Его сопровождал неизвестный ей человек.

Силуэты этих двоих отчетливо вырисовывались в лунном свете, и какая-то странность в их позах привлекла ее внимание. Присмотревшись, она обнаружила, что Экебола сопровождает юнец, двигаясь неровной походкой и держась за руку наместника. Прозвучало какое-то слово, и юнец захихикал, как девушка, и положил голову на плечо Экебола.

Оставаясь невидимой в темном проеме, Феодора, затаив дыхание, наблюдала, как спутники исчезли во дворец.

Она должна убедиться... Дворец спал. Сейчас она делает то, чего никогда прежде не делала. Феодора бесшумно прокралась по коридору в другое крыло, к покоям наместника.

Снова голоса. Она слышала, как они говорили оба разом, и вдруг чудной юнец странно захныкал.

Она подошла к двери и остановилась, глядя на них. Никто ее по-прежнему не замечал. Она видела, как дергалось смуглое лицо Экебола, видела его как бы разорванные, нечеткие движения — так обычно действовал маджун. Вторым был молод и безбород. Умашенный благовонными маслами, как женщина, с накрашенными губами и нарумяненными щеками, с длинными локонами, он бросал на Экебола кокетливые взгляды, которые были лишь жалким подобием подлинного женского кокетства.

Они стояли друг против друга. Внезапно Экебол схватил юнца за руки.

— Экебол! — проговорил тот почти женским голосом.

Экебол схватил его в объятия и впился в губы. Поцелуй был полным и долгим — это было лобзание любовника.

Юнец снова захныкал, как если бы уже испытывал боль, смущенно поежился и вздохнул.

Внезапно лицо его застыло: теперь он смотрел мимо наместника, прямо на дверь.

— Там женщина! — завизжал он, указывая на Феодору. Экебол обернулся. Лицо его, все еще дергающееся от наркотика, потемнело.

— Что ты здесь делаешь? — громко спросил он.

— Скорее это я должна спросить, что ты здесь делаешь, — ответила Феодора.

— Убирайся! Это тебя не касается! — прорычал он.

Феодора отступила в темноту, ощутив приступ тошноты, и заторопилась в гинекей. Теперь она имела ответ. Разумеется, кое-что можно было предположить заранее, и тем не менее это был шок. Так вот кто стал ее соперницей! Она чувствовала себя так, как будто чья-то влажная и дурно пахнущая рука с размаху отвесила ей оплеуху. Худшее оскорбление для женщины невозможно придумать.

Пылая, она вошла в спальню, села на ложе и задумалась. Когда же ей удалось успокоиться, она поняла, что в случившемся нет ничего удивительного.

Она слишком хорошо была знакома с испорченностью нравов в Константинополе. Там существовал целый класс мужчин-проституток, которые у некоторых изошренных развратников пользовались куда большим успехом, чем куртизанки-женщины. На улице Женщин их звали ганимедами, презирали и ненавидели.

Одни из них были евнухами, другие — нет. Некоторых заставляли принять позор в рабстве, другие приходили к этому, следуя изгибам своей природы. Эти создания имели даже свое языческое божество — Гермафродита, мифическое двуполое порождение Гермеса и Афродиты. Она видела его статую перед термами Зевксиппа — ни женщина, ни мужчина, с грудью кормилицы и мужскими гениталиями, с чертами и инстинктами обоих полов.

И хотя в течение последних месяцев она замечала охлаждение чувственности Экебола, ей не приходило в голову, что тот опустился до таинственных глубин гомосексуального извращения.

С другой стороны, она не могла не почувствовать, что увиденное вернуло ей уверенность в себе. И в самом деле, ведь ее женственность осталась непобежденной, просто она, сама того не ведая, столкнулась с аномалией. Ею объяснялась холодность, тяга Экебола оскорблять женщин, его желание ежеминутно получать подтверждения своей мужественности и даже жестокость.

И все же она чувствовала себя как бы причастной к извращенности Экебола: ее бесчестили, ее позорили, ее унижали.

В темноте она упала на ложе и долго лежала без сна, глядя в пустоту, ее кулаки были сжаты так, что ногти впились в ладони.

Это произошло незадолго до того, как по дворцу поползли слухи о скандальной связи Экебола с его ганимедом. Нарумяненного юнца звали Алкивиад, он был родом с Крита, и наместник нашел его в одном из туземных домов танца. Теперь он обитал в покоях Экебола, получив фиктивную должность секретаря. Одна из служанок Феодоры как-то в разговоре намекнула об этом, как бы желая открыть истинное положение вещей. Но Феодора притворилась, что ничего не знает о тайной связи.

Размышления об этом вызывали головную боль, причем столь сильную, что однажды она послала за Линнеем.

Лекарь явился и приготовил смесь из розовой воды, молока и лука-порая. Этой жидкостью он пропитал мягкую ткань и приложил к вискам и лбу Феодоры.

Пока он занимался этим, девушка расспрашивала его наугад о людях, живущих в столице провинции — без особого любопытства, а лишь потому, что ей нравилось его общество.

Он отвечал вежливо и серьезно:

— В Киренаике смешались все расы. Эта колония, как, возможно, знает лучезарная, основана в древние времена греками, но позднее управлялась Карфагеном, Римом и Египтом, а в иные годы даже варварами. Их кровь течет в жилах здешнего народа, а также кровь иудеев, сирийцев, готов и негров, многие из которых были рабами, захваченными в глубине Африки.

— Кто же был здесь до греков?

— Берберы. Это полудикие кочевники, живущие в разбросанных по пустыне оазисах, которые порой приходят на побережье для торговли, а порой устраивают засады на караванных путях и грабят купцов, а затем уносятся на своих быстроходных верблюдах и скрываются в крепостях в пустыне.

— Представляют ли они какую-либо опасность для провинции?

— Нет, лучезарная. Но на западе, за Киренайским зали-

вом, действительно затаилась опасность — королевство вандалов.

— Кто они, эти вандалы?

— Когда-то они были свирепыми варварами, которые имели обычай пить мед из черепов своих врагов. Теперь они довольно цивилизованы, но предаются арианской ереси и жестоко преследуют инаковерующих, в особенности православных. Потому-то они и являются врагами империи.

— Они в состоянии напасть на Киренаику?

— Мнение твоего раба таково, что до тех пор, пока вандалы не получают хороший урок, эта часть империи никогда не будет в безопасности.

Он чувствовал себя очень неловко, проводя время от времени языком по пересохшим губам и держа глаза опущенными к полу. Во время беседы он тщательно соблюдал дистанцию, постоянно подчеркивая свое рабское положение.

Феодора отослала его. Но теперь в ее маленькую праздную головку вдруг пришла некая безнравственная мысль, возникшая из-за обиды на Экебола.

Спустя несколько дней она снова призвала лекаря, но на этот раз ее жалобы на головную боль были только предлогом. Через одну-две минуты она была убеждена в том, что он разгадал ее уловку. Мысль о том, что девушка использовала обман для того, чтобы заставить его прийти к ней, привела Линнея в трепет, хотя он ничего не сказал на это и с непроницаемым видом прописал тошнотворную микстуру, которую она выплеснула за окно, едва он вышел.

На этот раз он задержался всего на несколько минут. Но теперь она уже знала, что лекарь равнодушен к ней.

Феодора улыбнулась про себя и сказала: «Почему бы и нет? Линней — раб, но он ведь еще и мужчина. К тому же он не всегда был рабом...»

Внезапно улыбка исчезла и ее взгляд стал ясным и отчужденным. Теперь она была готова отплатить Экеболу той же монетой.

Ее план не был ни оригинальным, ни логичным. Его веками применяли женщины. И поразительно — измена мужчине, который был неверен, всегда казалась им наиболее справедливым возмездием, даже если тот, кому они мстили, никогда не узнавал об этом.

Но вначале надо было соблазнить раба. Линней обладал

многими качествами, которые она уважала, лишь иногда раздражаясь из-за его подчеркнутого раболепия. Оно казалось ей оскорбительным, поскольку любые неестественные обстоятельства, даже рабство, не должны заставлять мужчину, полного достоинства и физической силы, изменять себе. Однако экспериментировать с мужчинами было для нее так же естественно, как дышать, а сдержанность грека делала цель еще более привлекательной.

В последующие недели настойчиво и коварно она стала испытывать на Линнее свои маленькие уловки — для того, чтобы просто посмотреть, насколько далеко простирается его сдержанность. При этом она вряд ли задумывалась о том, как жестоко преднамеренно разжигать любовь в таком человеке, как Линней.

На это требовалось время, но она знала, что продвигается к цели, замечая некие знаки, которые женщины всегда видят и понимают.

В один из дней она приняла ванну, нарядилась и вдруг снова пожаловалась на сильнейшую головную боль. Ее служанки забеспокоились. Феодора велела одной из них сходить за лекарем, а другим приказала оставить ее одну и не беспокоить, пока она не позовет.

Как обычно, явился Линней и встал у ложа, где томно раскинулась девушка.

— Ты звала меня, лучезарная? — осведомился он.

— Да.

— С какой целью?

— Неужели ты не видишь, что я больна?

На мгновение его темные глаза взглянули прямо, как бы исследуя ее душу, а затем вновь опустились.

— При всем желании оберегать твое здоровье, лучезарная, я... — он заколебался.

— Продолжай, — приказала она.

Он снова взглянул ей в глаза.

— Я не думаю, что ты больна.

Феодора лежала абсолютно неподвижно, молча закинув руки за голову. Для женщины это опустошающе — напрямую предлагать себя, а сейчас предложение было абсолютно очевидным. Она осознавала, что представляет собой соблазнительное зрелище: легкое платье мягко обрисовывало контуры тела, холмики груди, линию талии, округлости бедер и впадинку между ними.

Но его глаза снова смотрели в пол — он даже не желал взглянуть на нее.

— Линней, — проговорила она, — разве тебе не доставляет удовольствия видеть меня, даже если я не больна?

— Я не тот, кому надлежит получать удовольствия, сверткаящая, — сказал он негромко. — Я раб.

Феодора была готова вспылить и отослать его, но внезапно избрала другую тактику.

— Ты говоришь, что ты раб, — произнесла она с легкой грустью в голосе. — Ты думаешь, мне неизвестно, что это значит, Линней? Ведь я тоже рабыня!

— Ты? — он метнул на нее быстрый взгляд. — Тебе, лучезарная, нравится забавляться мною?

— Как мало ты знаешь! — бросила она в ответ. — При всей этой роскоши я живу в заточении. Я не могу назвать себя принадлежащей себе! О, Линней, разве твое положение хуже?

Линней не поднимал глаз — и тогда Феодора разрыдалась.

Лицо лекаря медленно обратилось к девушке. И пока его взгляд скользил по ее телу, краска заливала его щеки. Ее красота проникала в его сердце, вызывая неудержимый трепет. Она плакала, и он страстно жалел ее — он, низкий раб. Но гораздо сильнее он любил ее.

Она почувствовала осторожное прикосновение губ на щеке и открыла влажные глаза.

У него перехватило дыхание, и сквозь слезы Феодора увидела, как лицо Линнея исказилось.

— Боже милосердный, помоги мне! — простонал он. — О моя госпожа, вырви мой язык, прикажи меня сечь до смерти, но я не могу этого вынести. Ты не больна, но я болен! Я болен любовью к тебе!

— Линней! — Ее слезы прекратились, и она едва заметным жестом поманила его к ложу.

Он пал на колени, схватил ее руку в свои и начал осыпать поцелуями. Его слова хлынули потоком.

— С той минуты, как я впервые увидел тебя — с самой первой минуты на корабле, — я жил только для того, чтобы увидеть тебя еще раз...

Она почувствовала, как его губы, свежие и нежные, слегка коснулись ее губ.

— О богиня моей жизни!

Ее сердце билось, как у зверька.

Теперь то, к чему она стремилась и что стало воплощаться в жизнь, вдруг испугало ее.

— Линней, это безумие, — начала она робко.

— Я безумец, я окончательно утратил разум из-за твоей красоты...

Ее кровь гудела, голова кружилась, и она не могла бороться с этим. У нее вырвался тихий вскрик — не протеста, а страха. Страх перед силой, которая жила в ней, а теперь вышла из повиновения.

Этот слабый звук утонул в страстных, хриплых, мятущихся словах, льющихся из уст раба. Он привлек ее тело к себе и, потрясенный его нежностью, на миг перестал дышать. Огни померкли, и комната закружилась.

В сознании Феодоры зазвучал голос, жесткий и осуждающий.

Но она осталась глуха к нему. Сейчас ничто не было важным, только одно — принять его, облегчить его страдания.

Как и было начертано судьбой, он овладел ею. Теперь его поцелуи горели, словно пылающие факелы.

ГЛАВА 11

Феодора знала, что должна раскаиваться. Но хотя она и покрыла себя позором, сожительствуя с рабом, она не стыдилась ни себя, ни своего деяния.

У нее было совсем другое ощущение: она обрела новый, по-своему волнующий жизненный опыт.

Первоначальный мотив — женская месть Экеболу, побудившая ее соблазнить Линнея, который оказался более чем легкой добычей, — был на время забыт. Наоборот — впервые, сколько она себя помнила, она отдала себя мужчине не за деньги или другие дары, которыми он мог бы вознаградить ее, а за любовь. Она обнаружила, что отдавать себя, не получая за это никакой мзды, — глубоко волнующее чувство.

Линней был так покорен, настолько принадлежал ей и был так благодарен за каждое слово и улыбку и при этом так пылок и мужествен, что она чувствовала себя очищенной, исцеленной и согретой. Почти все, что могла, она отдала этому рабу: душу и тело. Но Феодора слишком долго была

куртизанкой. Она не верила, что мужчина может привести ее к божественному просветлению.

Она испытывала не ликование, а покой, и была благодарна Линнею, словно это он отдал ей себя.

Но это была лишь одна сторона медали. С другой стороны царил страх. Не было ни одного свидетеля того, что происходило на ее ложе. Обстоятельства визита Линнея были обыденны, а сам визит столь краток, что вряд ли мог вызвать толки и догадки среди слуг или евнухов гинекея.

Но Феодора вскоре поймала себя на мысли, что хочет видеть его снова. Это было опасно. Если визиты лекаря возобновятся и станут частыми, пусть даже под предлогом болезни, то наверняка пойдут пересуды среди прислуги. Все женщины умирают от любопытства, если речь идет о чем-либо, что может быть связано с любовью, а евнухи, лишённые пола и, следовательно, любопытства, любят болтать о тех вещах, которые им недоступны, даже больше, чем женщины. Все это неизбежно достигнет ушей наместника, и тогда она больше не увидит Линнея.

Связавшись с женоподобным юнцом, надушенным и нарумяненным, как куртизанка, Экебол, однако, не утратил тщеславия, а следовательно, оставался ревнивым и подозрительным. Даже при том, что он совершенно не интересовался Феодорой как любовницей, если она совершит нечто, уязвляющее его самолюбие, Экебол способен на любую жестокость.

Правда, Линней оставался вне подозрений по двум причинам. Первая — он был раб, а значит, безусловно недостойн ее внимания, и вторая — он пользовался доверием, которым люди всех возрастов наделяют всех представителей медицины, словно сама природа их ремесла ставит их выше обычных слабостей.

Теперь ей случалось видеть Линнея только на редких официальных приемах. Экебол периодически требовал присутствия Феодоры на таких торжествах — это было странным образом связано с его жеманным фаворитом Алкивиадом. Наместник старался не слишком явно демонстрировать свою страсть к ганимеду, а присутствие неоспоримо женственной любовницы за пиршественным столом сводило на нет толки, которые не могли не возникнуть.

Еще большее удовольствие доставляло ему видеть, как женщина такой необычайной красоты повинуется его ма-

лейшему движению, говорит только тогда, когда ей разрешается, расцветает или становится подавленной по его прихоти. Но никто, за исключением одного человека, не мог заподозрить, что эти перемены настроения — всего лишь тонкая игра, а Феодора есть нечто большее, чем исключительно нарядная и, пожалуй, глуповатая девица, у которой кружится голова от такого подарка судьбы, как улыбка наместника.

Этим единственным исключением был Линней, который как дворцовый лекарь присутствовал на всех празднествах. Он стоял у стола проконсула и, в соответствии со своими обязанностями, отведывал каждое блюдо и каждую чашу вина, прежде чем Экебол дотрагивался до них, чтобы убедиться, что они не отравлены.

Такое снятие пробы было обязательным ритуалом. Среди смеха и застольных бесед по одному вносили блюда, и Линней съедал добрый кусок от каждого так, чтобы все могли видеть. Спустя определенное время, за которое, как считалось, яд мог подействовать, пищу ставили перед наместником.

Прежде Феодоре никогда не приходило в голову, что лицо, отведывающее блюда, подвергается огромному риску. Близость с тем, кто в опасности каждый раз, когда Экеболу подают еду (а к тому времени в провинции было уже более чем достаточно ненавидящих его людей), заставляло ее отчасти испытывать то, что Линней должен ощущать при каждой перемене блюд.

Порой Экебол грубо обращался с ней, и в такие минуты она ловила в глазах Линнея муку ненависти и беспомощности. Он боготворил ее, но ничего не мог сделать, чтобы защитить.

Из-за того, что она жалела его, она все чаще делала так, чтобы он приходил к ней еще и еще. Экебол отчасти и сам был вовлечен в эту интригу, ничего не зная о происходящем.

С каждым днем наместник делался все более занятым — не только низменными наслаждениями с ганимедом, но и делом, которое интересовало его больше всего на свете: выжиманием последнего из подданных. Чтобы получить золото, он, не колеблясь, применял плеть и пытку, при которой кожаный ремень закручивали вокруг черепа до тех пор, пока жертва не начинала корчиться от невыносимой боли. Из-за своей все возрастающей алчности он разрушал де-

ревни, разорял богатых купцов, взимая мзду за каждый тюк товара, короб утвари или безделушек, привезенных в провинцию, и привел в повиновение даже сборщиков налогов, известных своей вороватостью, которые теперь стали честно вести свои счета.

Конечно, речь шла не о том, чтобы усиленно пополнять казну империи. Экебол не знал никаких других интересов, кроме собственных, и в этом у него было полное взаимопонимание с Иоанном Каппадокийцем: с одной стороны, наместник находился под высоким покровительством при отсутствии всякого контроля, а с другой — периодически отсылал в столицу тайные подношения, что прекрасно устраивало обоих. Таким образом сундуки правителя провинции с каждой неделей становились все тяжелее.

А в это время девушка, которую он держал взаперти в своем гинеее, продолжала осуществлять свою женскую месть.

Иногда она со страхом думала о том, что ее связь с греком крепнет и становится все более опасной. Ей все трудней становилось обузывать эту страсть. Помимо наслаждения, которое доставлял ей Линней, Феодора, как существо, наделенное необычайной пылкостью, которая бывает особенно сильна в ее возрасте, когда эмоции и чувства руководят всем, находила в их свиданиях средство от монотонности жизни — классическое оправдание женщин всех времен и народов.

Из-за ненависти к Экеболу измена стала для Феодоры формой протеста. У нее не было никаких колебаний. Будучи всю жизнь куртизанкой, она совершенно не считалась с общепринятой моралью, подобно молодому животному, что меняет одного самца на другого, который больше ей нравится. Отдаваясь рабу, который душой и телом принадлежал наместнику, она чувствовала, что наносит ему сокрушительный удар.

Но наиболее коварным было обаяние риска ради риска, что для некоторых натур является чрезвычайно притягательным. Опасность делала захватывающими краткие мгновения ее любви с лекарем, придавая особую остроту всем ощущениям.

Никто лучше самого Линнея не знал о грозящей ему опасности. Ему не было еще и тридцати, и, как предполагала Феодора, он не всегда был рабом. Родившись в бедной

семье, он был самоучкой, но настолько незаурядным, что привлек внимание стареющего Филемона из Севилии, который взял его к себе учеником и помощником.

После смерти Филемона, едва Линней начал собственную практику, его постигло несчастье. Вспыхнуло восстание диких исавров* в горах Малой Азии. Войска, посланные из Константинополя, подавили мятеж. Затем началась охота за повстанцами, и в общей неразберихе Линней был схвачен, в частности за то, что лечил некоторых раненых из числа беглецов-исавров, которым случалось проходить через те места, где он жил. Линней не принимал участия в восстании, но прекрасно понимал бессмысленность всякой апелляции. Таким образом он оказался в рабских колодках, утратив дар речи от изумления и отчаяния. С тех пор он старался не падать духом ни при каких обстоятельствах. В конце концов он был продан Экеболу и привезен в эту отдаленную провинцию как личный медик наместника.

Обязанности его были вовсе не обременительны, и он ни о чем не беспокоился, если бы ему не было предписано поставить свою жизнь преградой против любого мыслимого яда, содержащегося в пище или питье, предназначенных для его хозяина. Самоуглубленный по натуре, Линней был большим любителем чтения и имел доступ в библиотеку дворца, где мог забыться среди книг и свитков.

Если бы не молодая любовница проконсула*, Линней мог бы чувствовать себя относительно сносно. Но вместо этого он осознавал себя безнадежно несчастным, жалким и беспомощным в своей всепоглощающей страсти к удивительному созданию, обитающему в гинекее. Эта любовь была величайшим событием в его жизни.

Зная о страшной опасности, он все же не мог не отвечать на ее призывы так же, как не мог не дышать. Иногда, впрочем, они были действительно связаны с его профессиональными обязанностями. Женщины более или менее склонны к недомоганиям, а их было более десятка в свите Феодоры; евнухи также не слишком крепки здоровьем, это всем известно. В таких случаях он давал лекарства больным, а затем уходил, иногда даже не повидав той, на которой были сосредоточены все его помыслы, сны и мечты. И всякий раз, когда это происходило, он испытывал разочарование и облегчение одновременно.

Их объятия были страшно редки, но когда это случа-

лось, Линней испытывал восторг и вдохновение сродни божественному. И еще — растерянность. Она полностью отдавалась ему, но обостренным чутьем любящего он ощущал, что в каком-то смысле она не отдает ему ничего. При мысли, что он не в состоянии пробиться сквозь преграду этой ее красивой плоти, он испытывал отчаяние, ибо стремился к ее душе так же сильно, как и к телу.

Однажды, после пылкого свидания, он прижался лицом к ее коленям и заплакал. Она нежно взъерошила его волосы, понимая то, что печалило его, и в порыве сострадания слезы навернулись на ее глаза. В этот миг ее любовь была почти совершенной, но Линней не смотрел на нее и не видел ее мягкого взгляда, а минутой позже к ней вернулось самообладание. Он никогда так и не узнал, как близко был к тому, чтобы сломать незримый барьер между двумя существами.

Гораздо позднее, размышляя об этой минутной слабости, Феодора поняла, что поистине любила Линнея, но это не было любовью женщины к мужчине в полном смысле. Скорее, это было материнским чувством, смешанным с состраданием к его безысходному положению.

Пять месяцев спустя после того, как началась ее связь с лекарем, Феодора сидела одна, погруженная в тягостное раздумье.

В моменты страсти оба любовника начисто забывали о последствиях. Но теперь вмешалась природа, извечно преследующая одну цель — продолжение рода.

Феодора никогда серьезно не задумывалась о возможной беременности. Как куртизанка она имела одно неоспоримое преимущество перед подругами — трудность зачатия. Это случилось с ней только один раз, когда ей было пятнадцать. Именно тогда Македония спасла ее от пьяной толпы.

Другие девушки часто бывали вынуждены обращаться к знахарям, к их страшным зельям и испытывать боль и ужас искусственных выкидышей. Некоторые из ее подруг умерли от этого, другие предпочли пройти через все, родить ребенка и пытаться как-то прокормить его. Это случилось и с Антониной, у которой был маленький сын, и с Хризомалло, у которой была дочь. Дети воспитывались старой нянькой, которая жила у городской стены за милую от улицы Женщин, поскольку деликатности не могли держать их при

себе — это считалось серьезным препятствием в их профессии.

Теперь Феодора сама столкнулась с этим. После долгих размышлений она наконец решилась послать слугу за Линнеем.

Он явился и выслушал ее. Его темные, горящие под густыми бровями глаза выразили изумление.

— Я знала и раньше, — добавила Феодора после того, как сообщила новость. — По крайней мере, чувствовала. Сейчас я абсолютно уверена.

— Когда?.. — спросил он.

— Должно быть, прошло уже два месяца...

— Ты думаешь?.. — Его голос дрогнул.

Она кивнула.

— Время совпадает, но, конечно, я не могу быть уверена, потому что он тоже приходил ко мне в тот месяц. Для разнообразия, я полагаю, чтобы отвлечься от этой своей другой любви. Он давно отвратителен мне, и я ему совсем не отвечала. Поэтому я уверена — это ты.

— Что ты хочешь от меня, о богиня моей души?

— Ты лекарь, ты должен знать, как приготовить зелье...

— Нет!

— Почему нет?

— Во-первых, это смертельно опасно для тебя. Если что-нибудь случится с тобой, я умру. Во-вторых, если ребенок мой — я тем более не могу этого сделать.

— Ну а как насчет Экебола?

— Он всегда будет уверен, что это его дитя.

Она поднялась. В порыве чувств он схватил ее руку.

— Если бы он был моим, возлюбленная, если бы только он был моим!..

Она видела пламя в его глазах и, отвечая ему, позволила их губам соединиться, слиться, сплавиться вместе. Их дыхание в этот миг забытья остановилось...

Этот беспечный поступок повлек трагические последствия. Именно в эту минуту в покой вошел Экебол.

Вначале он не сумел понять, что происходит, или не был готов поверить в то, что увидел. Наместник остановился, покачиваясь на своих коротких толстых ногах и выпучив глаза, а расплывшиеся черты его лица начали каменеть от осознания смысла происходящего и ярости.

Спотыкаясь, Линней отступил от Феодоры. Она взглянула на него. Его лицо в секунду как бы подернулось пеплом.

Экебол резко хлопнул в ладоши. При этом звуке сразу послышался грохот тяжелых сандалий, и отряд вооруженных стражников, бряцая железом, ввалился в покой.

С изумлением Феодора спрашивала себя о том, как наместник сумел обнаружить ее измену. Все внутри нее кричало, протестуя против несправедливости.

— Возьмите раба! — приказал Экебол.

Бесполезно было сопротивляться и оправдываться. Линней знал это, и когда солдаты схватили его, остался стоять, опустив голову на грудь.

Экебол повернулся к девушке с ядовитой усмешкой.

— Та, что была шлюхой, ею и останется! Нет ничего, что было бы для тебя слишком позорным — так я говорю, дрянь? Сколько раз ты спала с этим рабом?

Она молчала.

— Сколько? — Экебол повернулся к Линнею.

Тот стоял молча, его голова оставалась опущенной.

Начальник стражи ударил его в челюсть, и голова Линнея откинулась назад.

— Отвечай светлейшему! — проревел он.

Но Линней стоял безмолвно, только тонкая струйка крови сочилась из уголка его рта.

Начальник взглянул на Экебола, тот кивнул.

— Отведи его в подземелье. Надо слегка помочь ему развязать язык.

Глаза Линнея расширились, выражая безграничный ужас. Он послал Феодоре последний взгляд, а затем его увели.

Она вскрикнула от отчаяния, взывая к милосердию. Но Экебол грубо отшвырнул ее, и она закрыла глаза. Теперь только наместник и два солдата оставались в комнате.

— Отведите ее ко мне, — приказал он и повернулся на каблуках. Солдат подтолкнул Феодору.

В покоях наместника она села, откинувшись, в кресло напротив стола, за которым восседал Экебол, с любопытством изучая ее неподвижным взглядом. Рядом с креслом встал стражник.

— Что они там возьятся?! — спустя некоторое время рявкнул наместник.

— Наверно, раб заупрямился, — осмелился предположить один из стражников.

— Пытка уже должна бы выжать из него признание, — заметил Экебол.

Он ударил в гонг. Дверь отворилась, и появился его секретарь, женоподобный Алкивиад. Он окинул взглядом Экебола, стражников, Феодору, и в его глазах промелькнуло выражение торжества.

Экебол сказал ему:

— Ступай в тюрьму и узнай, долго ли нам еще ждать.

Когда Алкивиад ушел, он снова взглянул на Феодору.

— Может быть, ты скажешь нам, как долго это продолжалось?

Она устало подняла голову.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Это совершенно очевидно. Твою низкую и противоестественную страсть к презренному рабу!

Она ощутила истерическое желание расхохотаться. Как этот человек может говорить о низкой и противоестественной страсти?

Но она даже не улыбнулась, потому что страх захлестнул все ее существо. Она была уверена, что вскоре умрет.

Ей хотелось только знать, каким образом это произойдет: быстро или в долгих мучениях. Но пока Экебол продолжал поносить ее в словах столь же грязных, как и он сам, ее страх отступил. А вместо него вдруг неожиданно вспыхнула гордость.

Она спросила:

— Чего ты намерен добиться своим допросом, Экебол?

От такой дерзости он на мгновение утратил дар речи.

— Ты не получишь ответов, которые удовлетворят тебя, — продолжала она. — И если я солгу тебе, как узнаешь ты правду, сможешь ли быть уверен, что я не лгу? Ты теряешь драгоценное время, светлейший. Делай то, что собирался сделать со мной, но не сиди здесь, лопоча, как последний умалишенный!

Стражники разинули рты. Немыслимо! Эта девчонка, сидя в покоях всемогущего наместника, называла его умалишенным!

И то сказать — достопочтенный наместник Киренаики выглядел сейчас вполне по-дурацки: отвалив челюсть, немоторашился на нее из-за стола. Даже солдаты понимали,

что в словах девушки была своя правда, хотя трудно с уверенностью сказать, когда женщина говорит правду.

Однако свое мнение они держали при себе.

Вскоре явился наряд стражи, волоча за собой Линнея. Феодора была потрясена. Непостижимо, как можно так преобразить человеческое существо за столь короткое время! Лекарь был совершенно сломлен. Казалось, он состарился на десятки лет, тяжело болен и измотан настолько, что стражники были вынуждены поддерживать его тело в вертикальном положении. Даже голос Линнея был едва слышен и надтреснут. У висков и вокруг лба виднелись следы федикулы, страшного кожного ремня, который закручивают все туже и туже, пока глаза не вылезут из орбит, кожа на черепе не начнет лопаться и сходить клочьями. В мучениях Линней утратил себя и теперь молил только о пощаде.

Они швырнули его на пол, и он упал на колени. Слезы градом катились по его лицу.

— Я думаю, теперь раб готов сказать свое слово, светлейший, — мрачно проговорил начальник стражи.

— Итак? — произнес Экебол. После минутного молчания Феодора услышала слабый жалобный стон и с трудом поняла, что он принадлежит Линнею.

— Я виновен... я сделал то, в чем меня обвиняют...

— Ты лежал с этой женщиной? — потребовал Экебол.

— Да... я лежал с ней... — губы Линнея дрожали. Струйки свернувшейся крови спускались с уголков рта. Он не поднимал глаз.

— Сколько раз?

— Я... я не помню... я...

Экебол нахмурился:

— Возможно, пара оборотов федикулы освежит твою память?

Со слабым криком ужаса Линней вдруг рухнул лицом вниз, стуча лбом по плитам и хлопая по ним ладонями.

— Нет... о нет! Нет... не надо федикулы! Сжался, господин... — Он плакал.

Вид человека, превратившегося в комок обнаженных нервов, боли и животного страха, подавлял Феодору.

Она вдруг проговорила:

— Оставьте его! Разве не видно, что вы перестарались? Он потерял память. Я расскажу все, что вы хотите знать. Пять раз подряд я отдавала себя этому мужчине, Экебол.

Пять раз, но сделала бы это еще и еще, если бы могла. И ты знаешь, почему? Потому что меня тошнит от одной мысли о тебе!

Раб лежал на полу, испуская стоны. Стражники переминались с ноги на ногу, чувствуя себя не в своей тарелке. Девушка вызывающе выпрямилась в своем кресле.

Большинство женщин при таких обстоятельствах лили бы слезы, истерично отрицая все и умоляя о милосердии. Но эта, видимо, была лишена всякого страха перед могущественным наместником.

В замешательстве солдаты спрашивали себя — что им следует делать. Может быть, светлейший ждет, чтобы они заставили эту девку выказывать больше уважения? Но он не подал им никаких знаков, и они оставались на местах, ожидая приказаний.

Спустя некоторое время Экебол проговорил:

— Уберите раба.

— Как с ним поступить, светлейший? — спросил начальник стражи.

— Поступить? Обезглавить, разумеется!

Начальник отсалютовал мечом и подал команду. Двое стражников рывком подняли Линнея на ноги и поволокли на встречу со смертью.

Когда они скрылись, Экебол некоторое время еще сидел молча, хмуро глядя на Феодору.

Сама ситуация приводила его в бешенство. Но было и другое обстоятельство, известное только ему.

Он мог бы казнить эту женщину так же, как и раба, — оба сознались в своей вине, — но его одолевали сомнения. Случилось так, что Экебол отправился в гинекей, ведомый вовсе не подозрением, что Феодора и Линней находятся вместе. У него было дело совсем иного сорта, но тоже связанное с судьбой девушки. И то, что он обнаружил любовников в своей спальне, было совершенно случайным и поразило его, ибо у него не было ни малейшего представления о том, что происходит во дворце.

Его тщеславие невероятно страдало при мысли о том, чем занимались его любовница с рабом у него за спиной, несмотря на то, что у наместника была новая страсть и теперь девушка почти ничего не значила для него. Но были и другие, более важные обстоятельства.

На его столе лежало только что полученное послание.

Его доставили прямо с корабля, бросившего якорь в гавани Аполлонии около часу назад. Содержание его касалось Феодоры и его самого.

Покидая Константинополь, Экебол считал, что исполнил все, что надлежало исполнить вновь назначенному правителю. То, что он обнаружил на корабле девушку, готовую отправиться вместе с ним в Африку, слегка удивило его, но, в конце концов, он сам пригласил ее. Ему и в голову не приходило, что Феодора может быть связана с весьма важными событиями.

Он даже не счел необходимым упомянуть о ней в своих письмах в столицу в первые месяцы правления. То, что он прихватил с собой хорошенькую деликату с улицы Женщин, по его мнению, вовсе не заслуживало упоминания. По чистой случайности в неофициальной записке, отправленной с оказией его патрону Иоанну Каппадокийцу несколько недель назад, он отвел абзац Феодоре, назвав ее по имени и изложив историю ее появления на корабле. Послание, которое он только что получил от Иоанна, было ответом на эту записку.

В нем говорилось буквально следующее:

«Ты пишешь, Экебол, что имеешь на попечении женщину из публичного дома, известную как Феодора? Очевидно, до тебя не дошли известия о том, что ее преследуют по закону. Воспользовавшись твоим расположением, она избежала справедливого наказания за совершенное преступление. Его Почитаемому Высочеству Принцу Юстиниану и мне не хотелось бы придавать значение твоей роли в ее бегстве, но смотри, если впредь ты не желаешь подвергнуться опасности обвинения в пособничестве, женщина должна быть изгнана из твоего дома немедленно. Запрещено давать ей убежище или оказывать помощь как в Киренаике, так и где бы то ни было».

Экебол не мог знать, что Юстиниан упомянут префектом лишь для придания веса собственным распоряжениям, не подозревал он также о том, что с принцем никто никогда не заговаривал о Феодоре. Если бы ему были известны действительные обстоятельства, при которых Феодора попала в немилость к Каппадокийцу, он мог бы и сам решить, что с нею делать. Если бы он даже отрубил ей голову — и это было бы одобрено начальством.

Его связь с префектом была, однако, сравнительно хруп-

кой. Она осуществлялась через его семью, которая была весьма влиятельной в Тире, хотя они с Иоанном и без того неплохо понимали друг друга. Однако перед отплытием у него не было возможности даже попрощаться с Иоанном. Вот почему он ничего не знал о плачевном состоянии своего патрона после пира у Хионы...

Во всяком случае, Экеболу было очевидно одно — перед ним дело не из тех, когда легко принять окончательное решение.

В этот момент вошел начальник стражи и, салютуя, проговорил:

— Раб умер, как было приказано, светлейший.

Но Экебол отмахнулся от него. Все это сейчас было совершенно не важно. Главное — обдумать две вещи. Первое — упоминание Юстиниана в письме. Если правитель и в самом деле лично заинтересован в Феодоре, Экебол поступит правильно, если станет действовать в строгом соответствии с инструкциями. Второе — существо инструкций. Ему приказано изгнать Феодору, но ничего не сказано о том, чтобы казнить ее. Она вполне заслуживает смерти, и если бы он, отклонившись от указаний, умертвил бы девушку, то должен был бы подать рапорт, а рапорт мог бы быть утвержден лишь на основании расследования, проведенного чиновником-инспектором из столицы империи. Но именно расследование больше всего страшило Экебола, ибо в ходе его могли всплыть несоответствия между суммами собираемых налогов и поступающих в столицу.

Вдруг ему в голову пришла неплохая мысль. Он прикажет сослать ее. В конце концов, что такое изгнание? Об этом ничего не сказано, а значит, решение остается на его усмотрение. Он облизал губы. А что нужно ему? Чтобы женщина умерла, и какая разница, каким образом...

Однажды Феодора уже стала свидетельницей изгнания, когда жертвой его была другая женщина. Обстоятельства ее собственного преступления были неизмеримо более серьезными, чем те, с которыми пришлось столкнуться Македонии. Только в одном отношении у нее было преимущество — ее не насильовала солдатня. Но за это она должна была благодарить извращенное тщеславие Экебола. Поскольку она принадлежала ему, наместник считал нецелесообразным позволять другим мужчинам развлекаться с ней. Это спасло ее от тяжкого и постыдного надругательства.

На этом преимущества и заканчивались. У нее самой не было другой маленькой Феодоры, чтобы сказать слова утешения или просто подарить ожерелье. Все обстояло гораздо хуже. Она была выслана без промедления, в единственном грубом холщовом платье, к самой дальней границе цивилизации, лежащей за городом Арсиноя. Ей было приказано отправляться в одиночку в дикую ливийскую пустыню.

Позади нее остались последние оливковые рощи и крохотные орошаемые поля самого отдаленного поселения Киренаики. Перед Феодорой простиралась обнаженная и грозная в своей бесплодности величайшая пустыня мира.

Экебол не проявил ни на драхму милосердия. Это не было обычным изгнанием. Ее можно было посадить на корабль, готовый к отплытию, или каким-то другим образом дать ей шанс выжить. Вместо этого она была обречена на ужасную участь: смерть от истощения, жажды и немилосердно палящего солнца.

Даже солдаты, огрубевшие за годы службы в империи, с жалостью смотрели на одинокую фигурку, двигавшуюся среди горячих скал, засыпанных песками равнин, черных, разрушенных солнцем выходов вулканической лавы.

Поглощенная своим несчастьем, Феодора сперва не обращала внимания на окрестности. Она ни слова не сказала Экеболу о своем положении, а раб, очевидно, даже под пыткой не сознался в этом. Кто был отцом ее ребенка — она не знала и, возможно, никогда не узнает. Но она была убеждена, что ни за что не доставила бы удовольствия этому тирийскому скорпиону узнать о ее самой сокровенной тайне.

Итак, она шла в одиночестве по пустынной каменистой дороге, ощущая усталость и слабость и чувствуя, как слезы наполняют ее глаза и бегут по щекам. Но после того, как слезы кончились, она стала смотреть вперед и больше ни разу не оглянулась.

Впервые в жизни она столкнулась с настоящей пустыней. Живя в Киренаике, она все эти месяцы провела, фактически не покидая дворца. Со слов других людей, пустыня представлялась ей плоской, бескрайней и состоящей из сплошного желтого песка. Но вместо этого она видела высокие плоскогорья, широкие равнины, покрытые окатанной галькой, и отдельные глыбы, которые лежали здесь еще

с тех времен, когда на месте пустыни плескалось море, фантастические утесы и голые пики вдалеке — и все это в диких и ярких красках, не знающих полутонов.

Под ее сандалиями стелилась караванная тропа, тысячелетняя магистраль через пустыню, обрамленная выбеленными солнцем останками лошадей и верблюдов. Казалось, все эти животные погибли в одно мгновение, хотя на самом деле это была записная книжка смерти за многие столетия.

Феодора продолжала свой путь. Через час после того, как караванный путь обогнул подножие диких вулканических нагромождений и начал виться по дну глубокого ущелья среди крутых откосов, жар, отражаемый ими, стал невыносимым. Вокруг исчезли всякие признаки жизни.

Она была одна и близилась к смерти. Воины разрешили ей надеть сандалии, иначе ноги ее были бы изодраны в клочья острыми камнями. Из лоскута своей грубой одежды она сделала подобие покрывала и поддерживала его руками над головой, хотя от усталости не раз роняла его.

Медленно и неумолимо жажда охватывала все ее существо. Сначала это была обыкновенная сухость во рту, на языке и в горле, мучительная, но терпимая. Затем она проникла в тело, охватила все тело, все мягкие ткани — будто гигантский вампир высасывал из нее все соки. И наконец она почувствовала, как сами кости стали терзаться свирепой жаждой влаги.

Она больше не плакала: она не могла себе позволить терять жидкость.

На второй день около полудня она услышала позади голоса людей и рев верблюдов. Она тотчас опустилась на скалу, хотя та и была раскаленной, и стала ждать.

Это мог быть только караван. Впервые у нее вспыхнула надежда. Может быть, эти люди дадут ей напиться, но возможно и большее — они отвезут ее туда, где она сможет укрыться...

Дно ущелья, где она находилась, было покрыто песком и камнями, среди которых попадались колючие пустынные растения. Феодора видела, как караван обогнул скалу и оказался весь перед ней. Он был невелик, не более двадцати верблюдов, большинство из которых были навьючены товарами, а два или три несли на себе вооруженных людей.

Теперь Феодора сбросила с головы покрывало и слегка

взбила волосы. Она была грязной и изможденной, но надеялась, что не совсем утратила привлекательность. Когда караван приблизился, ей даже удалось изобразить на лице улыбку.

Наконец первые верблюды поравнялись с ней. Они цепочкой двигались мимо, но ни один из погонщиков даже не взглянул на нее, словно она была прозрачна для зрения.

Только верблюды чуяли ее. Один или два повернули к ней свои уродливые головы. Но люди смотрели вперед.

Она вскочила на ноги. Это было страшно. Эти люди ехали мимо, не произнося ни слова. В неистовстве она побежала за ними, спотыкаясь о камни и крича.

В ее голосе звучали отчаянная мольба и страдание. Она обещала все, что имела: себя саму, свое тело...

Не пробежав и стадии, она споткнулась и упала, распростершись на каменистой дороге. Там, почти утратив сознание, она пролежала какое-то время.

Когда она с трудом подняла голову, караван уже скрылся из виду. Последний из вереницы верблюдов поднялся на возвышенность и наконец исчез. Никто даже не обернулся.

Она собрала силы и поднялась на ноги. Ее душили сухие рыдания. Только теперь она постигла всю глубину ненависти, которую испытывал к ней Экебол. Эта ненависть простиралась даже в пустыню. Немилость наместника была обещана всякому, кто поможет или даже заговорит с Феодорой, повстречав ее на караванной тропе. Более того, были посланы вперед вестники, чтобы предупредить о том же караваны, шедшие с другого края пустыни. Она должна была умереть, умереть в муках от истощения и жажды.

Время шло, и рыдания девушки прекратились. Спотыкаясь, она снова двинулась вперед. Инстинкт подсказывал ей, что необходимо беречь голову, хотя ткань на лице душила ее и делала наполовину слепой.

Проходили часы. Медленно садилось солнце, но жара только усиливалась и становилась еще более гнетущей. Феодора все еще шла вперед.

День умирал. В ее мозгу билась смутная мысль — может быть, и она умрет вместе с этим днем? Она принялась думать о смерти. В конце концов, сказала она себе, жизнь вовсе не та вещь, которой стоит так страстно желать, уж слишком она быстротечна. Единственное, что есть в жизни, — это

боль. Смерть милосердна. Вечный сон — это отдых. Почему она до сих пор не умерла?

Наконец ее покинули даже эти мрачные мысли. Она страдала и без них. Солнце утонуло за горизонтом, и пришла благословенная темнота.

Она забралась в какую-то выемку между скал, поскольку в пустыню вместе с тьмой пришел холод. День мучил ее невыносимой жарой, но ночь принесла такое же невыносимое страдание. Она завернулась в свою одежду так плотно, как могла, и в течение нескольких часов дрожала, стуча зубами.

До нее донесся отдаленный вой дикого зверя. Шакалы. Что, если они доберутся до нее? Допустим, они найдут ее и поволокнут к смерти, терзая смрадными челюстями. Будет ли эта смерть желанной?

Затем она вспомнила, как ей рассказывали, что шакалы слишком трусливы, чтобы нападать на людей, и, к своему удивлению, испытала облегчение. Даже в таком отчаянном положении искра жизни все еще тлела в ней.

Она не переставала дрожать до тех пор, пока не поднялось солнце и не согрело ее. Какое-то время она лежала на песке рядом с углублением, в котором провела ночь, насыщая исстрадавшееся тело теплом. В конце концов она уснула, на время забыв о горе и боли.

ГЛАВА 12

Ее вновь разбудила жара. Почувствовав опасность, Федора попыталась подняться. Это усилие причинило ей боль. Ей едва удалось повернуться на бок. Все тело одеревенело, мучительно ныло и было таким слабым, словно лишалось последних остатков сил. А жажда стала непереносимой.

Наконец, собрав всю волю и уцепившись за выступ ближайшей скалы, она подтянулась и подняла себя. Краткий сон и ночной холод до некоторой степени освежили ее, и она снова начала продвигаться вперед по пустой караванной тропе, но теперь это движение было неизмеримо более медленным и вялым, нежели вчера.

Белая, как кость, тропа продолжала виться среди утесов и ущелий, которые оживили бы любой ландшафт, но толь-

ко не эту мертвую землю. Здесь, среди бескрайних пространств безводной земли, под безоблачным небом, они казались куда менее значительными.

Ни один караван не прошел мимо нее в тот день. Язык во рту Феодоры распух до такой степени, что касался нёба и болел от этих прикосновений. Временами ей становилось трудно дышать, а сердце билось так часто, что его неистовые удары отдавались в висках. Это был сигнал тревоги, и она поплотнее оборачивала ткань вокруг головы, стремясь уберечься от солнечного удара.

На горизонте плясали и разрастались миражи. Иногда они принимали облик, хорошо знакомый всем, кто видывал их — озер и водных потоков — и жажда ее становилась еще более сумасшедшей. Она знала, что это всего лишь обман, но порой наваждение почти побеждало разум, и она готова была ползти на ощупь к этой атмосферной фантазии. Но вновь и вновь к ней возвращалось самообладание, и она находила силы переставлять распухшие ноги по караванной тропе.

В каком-то смысле миражи были не худшим из того, что принес этот день. Боль непрерывно билась в висках, и порой ей казалось, что глаза застилает туман, когда же она протирала их, чтобы вернуть ясность зрения, то видела яркие вспышки света. Из-за этого тумана, возникавшего все чаще и чаще, она спотыкалась.

Раз или два она падала. Но в последний раз ей потребовались такие нечеловеческие усилия, чтобы подняться, что Феодора поняла: она может позволить себе это только еще раз. Он и будет последним.

Она едва плелась, качаясь, как пьяная, и ее разум слабел. Ее одолевали смутные воспоминания о воде: холодная, изумительно чистая вода, которую она так беспечно тратила в обычной жизни, не ведая ее ценности. Вода в бассейне ее дома в Константинополе, рядом с площадью Афродиты, выложенном голубой мозаикой с изображением дельфина в центре. О, сейчас она могла бы выпить всю эту воду, лишь бы она оказалась рядом.

Она переставляла ногу, затем другую, и все это бесконечно повторялось, всякий раз требуя мучительного напряжения всех сил. Теперь ее вел только инстинкт. Казалось, ее дух и тело продираются сквозь пустыню не вместе, а порознь, держась друг от друга на некотором отдалении и

связанные только ниточкой жизни, такой слабой, что она могла лопнуть в любой миг.

День тянулся бесконечно долго, и каждая минута казалась неделей, а каждый час — годом адских мучений.

Теперь у нее не было ни малейшего представления о том, где она находится. В конце концов караванный путь привел ее к краю каменистого плато. Вокруг вздымались скалы, самые выжженные и голые из тех, что ей приходилось встречать. А впереди дрожал и колебался новый мираж.

Странно, что этот мираж являл собой зеленую рошу, а не водные пространства, но она знала, что это обман, и там ничего нет, кроме раскаленного воздуха.

Она не обратила на него внимания и начала спускаться по склону вниз, в долину, глядя перед собой. Ее озадачила устойчивость этого видения. Оно продолжало колебаться, но не менялось и не исчезало, как должно было быть. Теперь оно плясало прямо перед ней, а караванная тропа шла прямо через него. Так нередко случалось с миражами, как она успела заметить, и поэтому продолжала тащить свое тело вперед.

Как медный раскаленный молот, висело над ней солнце.

Она старалась не замечать мираж, но через какое-то время не смогла удержаться и взглянула на него. Видение оставалось на месте. Это озадачило и обеспокоило ее. А что, если это реальность? При такой мысли она засмеялась, но внезапно оборвала смех.

Казалось, этот хриплый, клокочущий звук исходит из уст другого существа.

Феодора долго смотрела на каменистую землю под ногами, и только после этого разрешила себе поднять глаза. Наверняка эта мучительная иллюзия теперь рассеется.

Перед нею в тени деревьев стояла хижина.

Маленькая глинобитная постройка, но все же жилье. А вокруг высились финиковые пальмы. Это был оазис.

В то же мгновение ноги отказали ей. Усилием воли ей удавалось в течение нескольких последних часов держаться вертикально, но сейчас она рухнула плашмя как подкошенная.

Падение оглушило ее, и какое-то время она лежала неподвижно. При других обстоятельствах Феодора, возможно, просто осталась бы там, где упала, пока не умерла бы от

истощения. Однако спустя всего несколько минут она слегка пошевелилась и подняла голову. Она действительно видела оазис. Он все еще был на месте. Феодора попыталась прикинуть расстояние — выходило что-то около римской мили.

Ей показалось, что вокруг заколыхался красный туман. Она снова закрыла глаза. Усталость и перенесенные страдания приковали ее к пустынной дороге.

Но даже в этом отчаянном положении упрямая искра жизни внутри отказывалась угаснуть. Она не должна умереть!

Спустя долгое-долгое время Феодора снова открыла глаза, собирая остатки сил и воли для последней попытки.

Как ей удалось подняться на ноги в этот раз, для нее навсегда осталось загадкой, как и то, каким образом она преодолела эту бесконечную милю до оазиса. В последней сотне локтей каждый шаг был отдельной зверской пыткой.

Она ощутила тень — пальмы. Как в клубящемся мраке было ее сознание, но она смутно сознавала, что находится там, где живут люди.

Оазис был крошечным. Несколько десятков финиковых пальм, дюжина хижин из глины, колодец, обложенный камнем. Все население едва насчитывало четыре десятка душ.

Феодора оказалась на единственной грязной и кривой улочке. Темные лица, лица жителей пустыни, смотрели на нее. Это были берберы*, часть дикого народа, обитающего в сердце песков, вдоль караванных путей, и совершающего набеги на путников.

Шатаясь, она двинулась к ним.

— Воды! — хрипела она, не будучи в состоянии произнести ни слова членораздельно.

Смуглые лица отвернулись от нее. Даже здесь приказ Экебола имел силу.

Она почти вслепую двинулась к колодцу, туда, откуда слышалось легкое журчание воды. Но теперь бородатые берберы смотрели на нее с ненавистью.

— Уходи! Убирайся прочь! — кричали ей.

— Я хочу пить! — умоляла она шепотом.

— Ты хочешь пить? Что нам до этого? Ты пришла погубить нас? Убирайся! Проваливай отсюда!

Они угрожающе шагнули к ней, женщины присоеди-

лись к мужчинам в общем желании избавиться от нее, движимые только страхом вызвать немилость правителя Киренаики.

Она сделала усилие и почти вслепую прошла дальше, почти в агонии, не понимая, куда движется. В тени глинобитной стены она смутно различила какую-то скорченную фигуру в рваных лохмотьях. Слепой старик с белыми глазами, впалой высохшей грудью, редкими волосами на подбородке и губами, бормочущими бессмысленные слова. На пыльной земле возле него валялась бронзовая миска, он просил милостыню, но никто ему ничего не подавал.

Проходя мимо слепого старца, сидящего на краю деревни, она попыталась в отчаянии заговорить с ним. Но слова не могли прорваться сквозь ее опухшие губы. Она попыталась снова, и ее рот исторг скрежет: «мендици...»

Грязное существо в лохмотьях не обратило на нее ни малейшего внимания и продолжало бормотать, подняв незрячие глаза к небу. Она поняла, что нищий был не только слеп, но и глух. Слабо замерцавшая было надежда угасла. Даже если бы он услышал ее слово, слово Братства, он вряд ли отнесся к ней как брат. Скорее всего, он не был связан с другими нищими и зависел только от милости своей деревни, которая и поддерживала слабую жизнь в его старых костях.

Она двинулась дальше, в пустыню, ведомая только отчаянием.

Теперь идти было некуда. За спиной остались сладкая тень пальм и журчание чудесной воды.

Как далеко ей удалось продвинуться, она не знала, но в конце концов произошло неизбежное — она упала. На этот раз она больше не шевелилась: судьба потребовала от нее слишком многого.

С ясного неба к добыче скользнула черная тень. За ней еще одна, столь же зловещая, и еще, еще... Стервятники пустыни слетались и рассаживались на скалах, отбрасывающих черные тени на неподвижно распростертое тело. Они собрались на страшный пир, который вскоре должен был начаться...

Это было как море — смертельная апатия, баюкавшая и уносившая сознание. Феодора страдала, но это страдание было уже не таким сильным, как прежде.

Там, где она лежала, было темно, но неподалеку мерцал

свет. И еще — была вода. Кто-то разжал ее челюсти, и несколько капель пролилось на ее опухший язык. Она жадно проглотила их и слабо застонала — еще.

Но воду отняли у нее надолго. Потом дали еще немного. Так продолжалось, пока ее распухший язык, не помешавшийся во рту, не начал постепенно принимать нормальные размеры. Тело девушки поглощало животворную влагу, и сухой жар начал покидать ее обезвоженные ткани. Затем она получила еще воду — большие глотки, один за другим.

Теперь она спала. Когда же к ней вернулось сознание, ее по-прежнему окружала темнота. Но она открыла глаза и со слабым удивлением увидела каменный свод над собой. Грубая поверхность камня порой становилась отчетливо видна, а порой исчезала, когда меркли отсветы пляшущего неподалеку пламени.

Она долго оставалась без движения. Наконец, пошевелившись, обнаружила, что лежит на песке, покрытом кучей тряпья. «Как я могла оказаться здесь?» — мысль мелькнула, но сейчас же угасла, так как мышление требовало слишком больших усилий.

Казалось, ее разум выжат полностью. Пустота. Единственное, что она сознавала, — головная боль, которая, казалось, раскалывает череп.

Феодора повернула лицо. Пламя принадлежало маленькому костру примерно в двадцати локтях от нее. Там же, вероятно, был и выход из пещеры, в которой ее приютили. У костра корчилась изможденная фигурка: старик с жидкой бороденкой что-то помешивал в глиняном горшке.

Боль в голове росла, почти ослепляя ее. Феодора испустила тихий стон.

Фигура у костра поднялась и стала гигантской, заслонив свет костра.

Девушка попыталась сосредоточиться. В темноте, в тусклом свете костра ей показалось, что она узнает лицо старика. Но разве это могло быть?

Надтреснутый стариковский голос спросил:

— Ну как ты, дитя?

— О, голова! — простонала она.

— Потерпи.

У огня стоял широкогорлый глиняный кувшин, побольше того горшка, в котором старик что-то помешивал. Он взял тряпку и окунул ее в кувшин, в котором, очевидно,

была вода. Затем вернулся к Феодоре и положил влажную ткань на ее лоб и виски. Прохлада была невыразимо приятной, казалось, она уносит боль.

Она опять закрыла глаза и долгое время лежала неподвижно. Она слышала, как старик возится у костра.

Вероятно, прошел час, а может, и больше. Она опять подняла веки. Боль в голове утихла. У огня все еще сидела на корточках согбенная фигура.

— Старик! — позвала она. Скелет вздрогнул, очнувшись от дремы, и, спотыкаясь, приблизился к ней.

— Ты звала, дитя?

Феодора слабо кивнула.

Каждое слово давалось ей с болезненным усилием.

— Как я очутилась здесь?

— Ты сказала Слово.

Так вот почему она знала его! Он был нищим из того проклятого оазиса.

— Но ведь ты был слеп и глух, — пробормотала она в замешательстве.

Старик слегка усмехнулся.

— Выучиться заводить глазные яблоки так, чтобы были видны только белки, требует времени и практики, но прикинуться глухим совсем не трудно. А теперь помолчи. Я принесу еще воды.

Она снова пила, а затем стала смотреть, как старик вернулся к костру и растянулся на каменистом полу пещеры. Огонь угасал. Темнота стала полной.

Она дремала и просыпалась, потом засыпала вновь. В следующий раз, когда она открыла глаза, серый полусвет сменил кромешную тьму. Начинаясь день.

Зашевелилось тряпье старого нищего, он поднялся и стал раздувать угли, воскрешая костер и подкармливая его сухим верблюжьим пометом. Вскоре он снова начал помещивать в горшочке над пламенем.

— Как твоя голова?

— Лучше. Только тупая боль. Но намного лучше.

— Съешь немного овсяной каши?

— Сначала вода.

— Конечно, вода.

Он дал ей напиток из тыквенной бутылки.

— Кто познал большую жажду, тот ценит воду больше дорогих камней и золота, и ему кажется, что никогда он не

сможет напиться вдоволь. Так всегда бывает. Но у нас достаточно воды, дитя, смотри, здесь есть еще, если ты захочешь. А сейчас отведай доброго варева.

Это была жидкая каша из овсяных зерен, разваренных в воде вместе с нарезанными финиками. Она не чувствовала голода, но проглотила немного пищи. Это подкрепило ее.

Позже Феодора смогла поесть еще, и к тому времени, как свет проник в пещеру, свидетельствуя о том, что солнце уже высоко, она с помощью нищего смогла сесть. С этого часа силы стали быстро возвращаться к ней, хотя в последующие дни она сильно страдала от периодически возвращающейся головной боли.

В этот день старый нищий не покидал пещеру. Его обиталище представляло собой одну из тех полостей, что встречаются повсюду, где есть нагромождения вулканической лавы. Внутри них всегда относительно прохладно, и Феодора была благодарна ему, что у нее есть такое укрытие.

Уже днем она спросила старика:

— Как тебя зовут?

Он подобрался поближе и сел, скрестив ноги.

— Меня зовут Вавва. Вот уже шестьдесят лет как я нищий, с детства, которое прошло в Александрии.

— Ты спас мне жизнь, Вавва. Знаешь ли ты, кого спас?

Он кивнул, и его жидкая седая борода легла на впалую грудь.

— Вестники объявили в оазисе, что может прийти женщина, которая приговорена к изгнанию, и всякий, кто поможет ей, подлежит смертной казни. Они дали твое описание.

— И ты оказал мне помощь, несмотря на то, что это запрещено под страхом смерти?

Он снова кивнул.

— Я не знаю, откуда ты знаешь Слово, дитя, поскольку не кажешься мне нищенкой, но члены Братства не оставляют без внимания Слово, от кого бы оно ни исходило.

— Я думала, ты не слышал меня.

— Рядом было слишком много людей, поэтому я не мог дать знать, что понял тебя. Они бы стали выслеживать меня, поскольку вся деревня может пострадать из-за того, что сделает один, пусть даже это и нищий. Позднее я последо-

вал за тобой, обнаружил тебя там, где ты упала, и принес сюда. Что ты сделала, если тебя постигла такая участь?

— Оскорбила мужское самолюбие. Меня зовут Феодора, я куртизанка из Константинополя, которая была наложницей Экебола, наместника Киренаики.

С легкой тревогой он посмотрел на нее:

— Но ведь ты одна из нас?

— Была.

— И помнишь закон?

— Я попытаюсь припомнить.

Она порылась в памяти. Это казалось почти невозможным, поскольку всего раз она слышала закон Братства Нищих. И все же на мгновение ей показалось, что она вновь видит тускло освещенную простой масляной плошкой громадную голову, лицо, изборожденное шрамами, и слышит гнусавый голос Айоса. Слова возвращались к ней. Она заговорила:

— Слушай же теперь великие законы Братства Нищих. Первый. Поскольку все народы имеют свои способы просить подаяние и говорят на множестве языков, каждому члену Братства следует изучить язык нищих, чтобы...

Старик поднял руку.

— Достаточно! Именно эти слова. Я думаю, что ты знаешь и остальное. То, что ты произнесла, дитя, освобождает меня от опасений.

— Но почему?

— Рисковал ли бы я жизнью из-за чужака?

С удивлением Феодора подумала, что в то время, когда никто не проявил милосердия к истерзанному созданию, страшись гнева наместника, этот самый слабый и одинокий из людей отважился спасти ее. Кроме того, Вавва не стал заставлять ее излагать Закон целиком, видимо, подозревая, что она не помнит всего, но вместе с тем и не желая отказаться от помощи ей. Это было поразительно.

— Вавва, — спросила она — бывал ли ты в Константинополе?

Он покачал головой:

— Никогда моя нога не ступала за пределы Африки.

— Но тебе, может быть, случалось слышать о некоем Хагге, протомендикусе.

— О протомендикусе я, конечно, слышал, как и все наши люди, хотя и никогда не говорил с ним и не видел его.

— Я друг Айоса. Еще ребенком я просила милостыню вместе с ним.

— Это действительно так? Тогда я несказанно рад, что помог тебе.

На следующее утро Вавва ушел рано, вероятно, чтобы продолжать клянчить подавание в оазисе, который, насколько Феодора поняла, находился всего лишь на расстоянии лиги от пещеры.

Теперь она заметно окрепла и могла передвигаться по их убежищу. С трудом она преодолела расстояние до большого глиняного кувшина, в котором хранилась вода. Все шло так, как и предсказывал нищий. Хотя она и не чувствовала большой жажды, вода в эти дни имела для нее особую ценность. При любой возможности она пыталась завладеть влагой на случай новой пытки жаждой. Но когда Феодора склонила голову над широкой горловиной сосуда, она отшатнулась, словно почувствовав удар. В спокойной темной воде отражалось ее лицо. Это было ужасно! Неужели это чудовищное существо, изможденное и покрытое волдырями, с потрескавшимися, вздутыми губами и провалившимися глазами — она сама? Потрясенная увиденным, Феодора бросилась на тюфяк и разрыдалась. Как много для нее значила ее красота... которой больше не существовало.

Спустя несколько часов, ближе к закату, вернулся Вавва. Он привел с собой приятеля, калеку, передвигавшегося при помощи двух тростей, на которые он опирался сильными руками, передвигая высохшие ноги с изъязвленными стопами. Он был моложе Ваввы, но уже миновал середину жизни. Из-под лохмотьев виднелось хитрое лицо, длинный нос и широкий беззубый рот.

— Так это та девушка? — спросил он.

— Да, — ответил Вавва, — она знает Слово и Закон. И к тому же она друг протомендикуса.

Калека подтащил свое тело ближе, посмотрел на Феодору подозрительно и изверг поток какой-то тарабарщины, очевидно, не имеющей смысла, но при этом выстраивающейся в некое подобие стихов. Бесплезно пытаться передать ее современным языком, поскольку она состояла из перевернутых и чудовищно искаженных слов греческого, латинского, арамейского, коптского и даже готского наречия.

И снова Феодора возблагодарила судьбу за те дни, ко-

торые провела в обществе Айоса на столичном базаре и в притонах. Это был язык нищих. Калека всего лишь спросил ее, может ли она говорить на нем.

Она немедленно ответила утвердительно на том же странном жаргоне.

Калека кивнул.

— Хорошо. Теперь ни у кого не возникнет вопросов.

Вавва, очевидно, поручившийся за нее, выглядел очень довольным.

— Я сказал, что ты убедишься, и ты сам слышал, — сказал он, а затем обратился к Феодоре: — Это Курбан, очень мудрый нищий. Он будет старшим над нашими людьми в предстоящем путешествии.

— Путешествии? — переспросила она.

— На восток, к Египту, — сказал Курбан.

— Эта пещера — место сбора членов Братства, — пояснил Вавва. — Случилось так, что я оказался в этой несчастной деревушке, когда ты пришла. Этот оазис — вовсе не моя территория, но появившись здесь раньше других, я решил выяснить, что можно здесь выпросить. Оказалось — меньше, чем ничего. Эти берберийские собаки скупы, как пустыня.

Феодора кивнула. Подумав минуту, она спросила:

— Если братья сойдутся, значит, у них есть какая-то цель?

— Ничего определенного, — отвечал Курбан. — Деревни и поселения близ караванного пути, что тянется вдоль побережья к Египту, столь бедны и удалены друг от друга, что мы считаем разумным посещать их лишь через длительные промежутки времени и большими компаниями. Мы работаем все вместе в одном селении и сразу уходим в другое.

— Не лежит ли на вашем пути Александрия?

— Возможно.

— Я тоже хотела бы пойти с вами.

Курбан и Вавва коротко посоветовались, затем калека заявил:

— Никто не может путешествовать с компанией нищих, если у него нет каких-либо особых навыков и хитростей. Что ты умеешь делать? Может быть, гадать?

— Я не знаю этих таинств, — отвечала Феодора.

— Приворотные зелья?

— Нет.

— Тогда, может быть, у тебя есть побрякушки, приносящие удачу, или амулеты?

— Мне нечего продать.

Курбан сказал:

— Мы не связываемся с проститутками. Это особое ремесло.

— Но, может, у вас найдется местечко для подражателя, который может заставить людей смеяться?

— Ты владеешь этим искусством?

— Я была комической актрисой в Константинополе.

Курбан тщательно обдумал сказанное и наконец изрек:

— Пятый закон Братства запрещает вступать в соглашения с шарлатанами, лицедеями и им подобными, но только в случае, если таковые не являются одним из нас. Следовательно, запрет не распространяется на тебя.

Казалось, он принял решение.

— Если ты та, за кого себя выдаешь, яви свое искусство.

Он уселся рядом с Ваввой на пол пещеры, и Феодора поняла, что они ожидают представления немедленно. Она послушно поднялась со своего тюфяка.

Вероятно, за всю историю театра не было более странной публики, чем та, что собралась на спектакль в одной из пещер Ливийской пустыни: куртизанка, обреченная на страшную смерть, и двое нищих — скрюченный калека и живой скелет в отвратительных смердящих лохмотьях.

Феодора еще чувствовала слабость, лицо ее было покрыто струпьями, губы воспалены. Но она отважно начала свое выступление, перемежая то, что помнила, мгновенными импровизациями. Это была пантомима — изысканная, но прозрачная, с метко угаданными и безумно смешными характеристиками.

Она начала с изображения сенатора, гордого своими доходами, самовлюбленного, но тупоголового. Этот образ никогда не подводил ее, неизбежно вызывая смех. Но ее зрители сидели с каменными лицами, оставаясь безучастными.

Она перешла к другому персонажу — жеманному евнуху, который все ищет потерянное, но никак не вспомнит — что. Предполагалось, что публика отлично знает, что потеряно всеми евнухами, и этот намек вызывал взрывы хохота. Но сейчас она не услышала ни звука, лица зрителей в пещере даже не дрогнули.

Отсутствие какого-либо отклика было обескураживающим. С отчаянием она переходила от одного персонажа к другому: неверная жена сборщика податей, уличенная мужем, высокопарный и тщеславный воин, пострадавший от собственного хвастовства, и, наконец, — высокомерный, грубый и алчный правитель провинции — поистине выдающаяся импровизация, подлинный портрет Экебола, его нелепых и отвратительных привычек и жестов.

Несмотря на все это, публика, состоявшая из двух нищих, сидела неподвижно, не выражая никаких чувств, никаких знаков удовольствия или похвалы. Феодора совсем отчаялась. Она сделала все, что могла, она превзошла себя, чтобы завоевать их расположение, но ей не удалось вызвать ни тени улыбки, ни проблеска живого чувства.

Для нее это было вопросом жизни и смерти — необходимо, чтобы ей позволили сопровождать нищих. Наконец, истощив силы, она оставила свои попытки и вернулась к своему тюфяку, закрыв лицо руками. Она дрожала от слабости, и ее ладони, касающиеся лица, ощущали грубую шероховатость вздутых губ и волдыри на коже. Да, она была отвратительна. И в этом было все дело. О, если бы только она была хорошенькой! Слезы навернулись на ее глаза, слезы горя и разочарования.

Она слышала, как Вавва спросил у Курбана:

— И что ты думаешь?

В пещере минуту висела тишина. Затем Курбан со скорбным, как у совы, выражением проговорил:

— Девушка изумительна. На улицах она заставит толпу реветь и рыдать от хохота. Я и сам едва не улыбнулся!

— И я тоже, — согласился Вавва с той же суровой торжественностью. — Там, где евнух искал свои мужские принадлежности, я не мог удержаться от смеха, пока не ушипнул себя за ногу и не напомнил себе о том, что я нищий.

С тяжелым вздохом Феодора открыла лицо. Величайшее облегчение охватило ее. Как могла она забыть о том, что член Братства обязан при любых обстоятельствах сохранять печальное лицо?!

Она даже немного всплакнула, но это были слезы радости. Теперь она знала: ее возьмут с собой.

Наступила осенняя пора. Прошел месяц с того дня, когда Феодора, изувеченная пустыней, продемонстрировала свои таланты Вавве и Курбану.

В Александрии, в восьмидесяти милях от пещеры, в пустыне, вечером прошел ливень. Зажглись огни в бесчисленных домах, владельцы лавок стали закрывать свои заведения на ночь; внизу, у пристаней, которые тянулись вплоть до мола, защищавшего бухту, забитую судами, запирались до нового дня склады и конторы.

Александрия была жемчужиной Египта. Здесь была самая лучшая гавань, а в масштабах торговли Александрия соперничала с самим Константинополем. Здешние купцы были широко известны своей оборотистостью и добросовестностью и занимали в обществе положение куда более высокое, чем в других частях империи, составляя местную аристократию. Благородство по крови было здесь относительно редким, и богатство занимало его место.

В тот вечер некий купец наблюдал, как его управляющий запирает тяжелую дверь его конторы, затем он взял ключи у этого человека и отправился домой, держась с большим достоинством. На то были основания — это был хорошо известный на бирже человек, уважаемый и имеющий заметный вес в финансовых кругах.

В гавани качался на якорях целый флот его добротных кораблей, их зеленые флаги трепетали на мачтах. Караваны верблюдов, принадлежащих ему, шли вверх и вниз вдоль берегов Нила, на запад, к Киренаике, и на восток — к Сирии. Они перевозили его товары. Его кладовые трещали от всякого добра в тюках и ящиках; ему служило великое множество рабов и свободных граждан.

Об этом человеке шептались, что он никогда не совершает ни единой ошибки, а все его коммерческие сделки необыкновенно удачны, что в короткое время он выстроил гигантскую пирамиду богатства, хотя до недавних поездок в столицу его капитал казался более чем скромным.

А когда рабы проносили мимо него кресла с его знакомцами, те приветствовали его с глубоким почтением:

— Доброго вечера тебе, Дат! — воскликнул один купец.

— И тебе тоже, друг Джаред, — отвечал Дат. — Пусть Христос дарует тебе мир и благословение.

— Как обошлось рискованное предприятие с двумя кораблями, ходившими на Крит? — другой собеседник остановился, чтобы услышать ответ; рабы опустили кресло на землю.

— Превосходно, Тимеон. Просто превосходно, — ска-

зал Дат. — Мои корабли вошли в порт этим утром. Теперь я могу продать тебе оливковое масло и шерсть дешевле.

Тимеон дернул себя за бороду, поморщился и подал знак носильщикам следовать дальше.

— Всегда удачлив, — проворчал он и крикнул, обернувшись: — Вероятно, мы могли бы образовать товарищество для наших новых поставок, Дат? С тобою во главе, конечно, поскольку ты держишь меня словно щипцами для орехов.

— Не исключено, — Дат добродушно засмеялся. — Мы обсудим это завтра, если ты готов предложить условия, которые устроят меня.

Тимеон уже двигался вниз по улице.

Большинство его друзей и помощников не ходили пешком: их разносили по домам в креслах, которые ташили на плечах двое дюжих рабов, но Дат предпочитал прогулки. Попрошавшись с управляющим, он взглянул на небо, где неслись клубящиеся облака, суля еще один ливень, и двинулся дальше: энергичный бородатый человек, седеющий, но еще крепкий.

От конторы Дата на набережной до его дома, находящегося в Бруциуме, греческом районе, самом великолепном в городе, было добрых полчаса ходьбы. Это давало ему возможность подумать, спланировать, какие шаги надлежит предпринять завтра в делах, а также полюбоваться прекрасными зданиями своего города: Антониумом, воздвигнутым Марком Антонием, музеем, библиотекой, театром, мавзолеем Птолемеев*, Цезариумом с двумя обелисками, известными как Иглы Клеопатры, превращенным теперь в церковь монофизитов — ту, к которой, как и все верующие в Христа жители Александрии, принадлежал Дат.

Это был хороший, удобный мир, и в нем жил Дат, преуспевающий в делах, супруг пожилой, но очень уважаемой женщины, отец троих сыновей, помогающих ему, и дед дюжины внуков, радующих его сердце, поскольку он любил детей.

И вдруг в одно мгновение все это благополучие и спокойствие улетучилось.

Едва он начал свою прогулку, до него донесся голос:

— Дат!

В этот миг он шел по аллее вблизи своей конторы, осторожно ступая, поскольку мостовая в этом месте была скользкой после ливня, окончившегося несколько минут

назад. Резко остановившись, он заметил отпрянувшую в сумрак фигуру женщины.

— Ты произнесла мое имя? — спросил он.

— Да.

— Что ты хочешь от меня?

Женщина выступила из тени. Он смотрел на нее, а она с любопытством разглядывала его лицо. В нем зашевелилось воспоминание — из тех, что нелегко извлечь на свет.

— Могу ли я поговорить с тобой? — спросила она.

Он отступил назад и с беспокойством огляделся. Это было не принято, выходило за рамки приличий и обескураживало: к нему обращалась незнакомая женщина, к тому же не слишком почтенная, судя по ее виду. Он искренне надеялся, что никто из его друзей не станет свидетелем их разговора. К счастью, улица в это время была практически пуста, почти все купцы уже возвратились в свои дома.

Странно, она произнесла его имя так, будто была хорошо с ним знакома. Он должен немедленно отделаться от нее. Вероятно, ему даже не следует слушать эту женщину. Но он уже слышал голос инстинкта, шепчущий, что нужно по крайней мере узнать, кто она такая и что ей от него нужно. Женщина иногда может представлять опасность даже для добродетельного и честного гражданина, если она решила, что у нее есть повод для недовольства.

Он прочистил горло.

— Ну, говори, если тебе есть что сказать.

В этот момент он выглядел так, будто готов броситься наутек.

Женщина спросила:

— Дат, неужели ты меня не помнишь?

Трудно представить, сколько миллионов раз в истории человечества мужчины слышали этот вопрос от женщин, которых они забыли или пожелали забыть. Дат ощутил тот же внезапный холодок, легкую дрожь вины и страха, которую испытывают все его собратья в такой ситуации. Ибо теперь он узнал ее.

— Феодора... — он едва не добавил: куртизанка, но спохватился, — Феодора из Константинополя?

— Да, — сказала она.

Как ясно он помнил ее! Но как же она изменилась! За время скитаний с нищими ее лицо зажило, исчезли борозды и рубцы, появившиеся в результате тяжелого испытания

в пустыне, кожа ее все еще оставалась темной от избытка солнца. И было еще что-то, от чего он с трудом сдержал волнение. Он помнил эту девушку как воплощение грации и легкости. Теперь же ее тело в грубой шерстяной накидке (откуда ему было знать, что она потратила на нее те несколько медяков, что заработала за дорогу с нищими) стало бесформенным, спина прогибалась, чтобы уравновесить огромный выпирающий живот, а походка стала неуклюжей.

Он тяжело вздохнул. Женщина из прошлого... и к тому же в тягости! Какая страшная несправедливость! Совершить единственный неосторожный поступок, всего один за всю жизнь, и вот чем это обернулось!

В прошедшие месяцы он время от времени позволял себе тайное наслаждение — воспоминания о тех четырех днях, проведенных с этой девушкой в Константинополе, о тех четырех нескончаемых, ушедших в забвение, восхитительных днях. Но ведь он с лихвой заплатил за них, а вернувшись в Александрию, стал еще более безупречным, еще более преданным семье, усердным прихожанином, жертвующим церкви и монастырям монофизитов, которых было множество в городе и за его пределами.

И вдруг, словно гром среди ясного неба — Феодора!

— Ты помнил, — проговорила она, подойдя ближе.

Эти женщины, кажется, получают удовольствие, пробуждая мужскую память. Еще бы он не помнил ее! Но сейчас эти четыре дня, проведенные с ней, вовсе не казались такими восхитительно сладостными.

— Зачем ты здесь? — нелепейший в этих обстоятельствах вопрос. Но это было все, что пришло ему в голову.

— Мне подсказали, где находится твоя контора, и я ждала в надежде увидеть тебя.

Теперь Дат решил прибегнуть к решительным мерам.

— У нас с тобой нет ничего общего! — резко проговорил он. — Ты слышишь?

— Однако ты говорил, что никогда не забудешь...

— Ты не можешь ничего требовать от меня. Тебе хорошо заплачено!

— Я принесла тебе удачу, ты сам сказал мне это, — грустно проговорила она.

— Ты хочешь погубить меня? Ты охотишься за деньгами? Вот, возьми, и я не хочу больше видеть твое лицо!

Он бросил золотую монету. Она завертелась на мокром камне и легла сверкающим пятном.

Феодора не сделала никакого движения, чтобы поднять ее. Вместо этого она спрятала лицо в накидке и заплакала.

Дат, собравшийся было уходить, остановился. Его взгляд стал смущенным и испуганным. В сущности, он был добрым человеком, а девушка не подняла монету. Он всегда сочувствовал человеческой беде, когда ему приходилось столкнуться с нею.

Кроме того, ему действительно сопутствовала удача с тех пор, как он узнал эту девушку. Дат не был суеверен, но игнорировать факты не мог.

— Что случилось? — спросил он резко. — Скажи, в чем дело?

Он подошел к ней и отвел ее руку от лица. Оно было мокрым от слез, как мостовая под ногами от недавнего ливня, а ее одежда под его рукой тоже была мокрой. Девушка дрожала, и этого оказалось достаточно, чтобы тронуть его сердце.

— Чего ты от меня хочешь, Феодора? — спросил он и добавил: — Прости меня за эту монету и за то, что я сказал... — Он освободил руку и нагнулся, чтобы поднять золотой.

Она снова спрятала лицо и дала волю безудержным рыданиям. Ледяная морось начала сыпаться с неба. Минуту назад Дат думал об этой девушке, как об отвратительном порочном существе, представляющем опасность для него, но сейчас он неуклюже погладил ее по плечу.

— Ну, ну, — проговорил он. — Позволь мне помочь тебе.

Внезапно она перестала плакать и затаила дыхание.

— Вот! — пробормотала она.

— Что?

— Они приходят все чаще...

— Что ты имеешь в виду?

— Эти боли! О, добрый Дат, будь снисходителен ко мне. У меня будет ребенок, время почти пришло, а ты единственный, кого я знаю во всем этом городе...

Последнее слово, казалось, вытолкнуто судорогой горла. Дат тарашил глаза и теребил бороду. То, что она сказала, исключало опасность шантажа, но и заставляло задуматься. Как и любой человек на его месте, он был в высшей степени взволнован и озадачен ее положением.

— Почему же мы все еще стоим здесь! — вскричал он. — Нельзя терять ни минуты! Скорее! Я знаю, что делать. Но ведь тебе нельзя идти! Подожди, я сейчас найду носильщиков и кресло!..

ГЛАВА 13

Это были ужасные часы! Тело Феодоры терзалось и рвалось в страшных муках. Она осознавала, что находится в комнате с каменными стенами, в которой темнота лишь слегка рассеяна тусклыми лампами. Она лежала на столе, а круглолицая косоглазая повитуха сидела между ее вытянутыми ногами.

Там были и другие женщины, облаченные в серое, с лицами, скрытыми капюшонами; одни удерживали ее на столе, когда она корчилась и визжала, другие выполняли какие-то поручения повитухи, некоторые молились на коленях.

Одна женщина ей особенно запомнилась — белолицая и сухопарая; был там и единственный мужчина, также закутанный в плащ с капюшоном, но только черный — высокий, с горящими глазами. Вместе с белолицей женщиной они обрушились на девушку, страдающую на столе.

— Шлюха! — твердил мужчина. — Язычница! Сознайся в своих отвратительных грехах и все равно будь проклята Богом!

— Ты не можешь иметь ребенка, даже если он выживет! — настойчиво повторяла женщина. — Он принадлежит Богу! Согласись отдать дитя святому ордену!

Это длилось часами до тех пор, пока Феодора, не представляя, что делает, не кивнула в знак согласия. В конце концов, какое это имеет значение? Она так страдала, что для нее сейчас ничто не имело значения.

Казалось, миновало не одно столетие, пока сквозь последний свирепый спазм боли она услышала пронзительный крик младенца и почувствовала в своем измученном теле облегчение. словно сквозь плотную ткань она слышала восклицания — женщины всегда издают восклицания, даже если они монахини, когда появляется на свет крохотная мокрая вопящая жизнь.

Как только Феодора согласилась уступить ребенка мо-

настырю, монах в черном исчез. Женская радость по поводу появления на свет младенца была для него непостижимой. Для этого аскета и сами женщины были непостижимы и греховны, поскольку являлись воплощением самого ужасного искушения, самой изощренной угрозой для целомудрия.

Повитуха, которая не принадлежала к ордену и была единственной женщиной, допущенной извне для выполнения своих обязанностей, смеялась и восторгалась, какой замечательный родился ребенок. Феодора слегка повернула голову.

— Девочка... или мальчик? — прошептала она.

— Прекрасная маленькая девочка!

Повитуха вопросительно взглянула на белолицую начальницу, и та сдержанно кивнула.

— Пусть смотрит, но только одну минуту, — проговорила начальница. Так Феодоре разрешили взглянуть, но не прикоснуться к ее новорожденной дочери. Крохотное существо, завернутое в тонкую ткань, лежало на руках у повитухи, глаза девочки были открыты, будто она уже осматривалась, пытаясь познать новый мир, в который входила.

— Какая хорошенькая... — пробормотала Феодора. Ее глаза наполнились слезами.

— Не беспокойся о ней, дитя, — добродушно сказала старая повитуха. — Сестры-монахини позаботятся о ней. У нее будет кормилица, чистая и имеющая достаточно молока, ее вынячат, а потом обучат, и ее будущее как на земле, так и на небесах вполне обеспечено.

В глубине души старая женщина считала, что отнимать новорожденную у матери, тоже еще, в сущности, девочки, — жестоко. Но монастырь кормил ее, и поэтому она произнесла благочестивые слова, которых от нее ожидали, и удалилась восвояси.

Когда дитя унесли, Феодора молчала, зная, что всякие слова бесполезны. Единственный взгляд, брошенный на личико новорожденной, сказал ей нечто важное для нее: дитя имело правильные тонкие черты лица, обещающие в будущем красоту. Это не мог быть ребенок грубо скроенного, словно вытесанного топором Экебола. В малышке не было ни капли крови этой подлой и жестокой твари.

Бедняга Линней был ее отцом, и она была рада этому, даже несмотря на то, что он был рабом. Став причиной его

смерти, Феодора обязана была продлить существование его души через плод их любви. Сейчас же она испытывала некое печальное удовлетворение...

Иногда Феодора принималась плакать и плакала до тех пор, пока у нее не оставалось слез.

Она тосковала о младенце. Отсутствие его порождало пустоту, зияющую, невыносимую пустоту. Этот материнский голод, временами казалось, разорвет ее сердце на части.

Иногда она, словно очнувшись от забытья, с ужасом озиралась по сторонам, ища крошечное существо, рожденное ею. Порой она с мольбой всматривалась в лица ухаживавших за нею женщин в серых одеяниях. Но их черты оставались каменными. Они приближались к ней лишь тогда, когда этого требовали их обязанности, поскольку для них она была самым отвратительным из земных существ. Для тех, чьи жизни были полны самоотречения, эта девушка, безудержно предававшаяся плотским наслаждениям, была воплощением того врага, с которым они вели свою бесконечную и изнуряющую борьбу за святость.

Не получая никакого ответа от монахинь, Феодора прятала лицо в свои длинные волосы, отдаваясь безудержным приступам отчаяния.

Но время шло, и к ней возвращалась ее природная решимость. Она глотала слезы, борясь с ними, давясь и задыхаясь, и в конце концов побеждала. Затем следовали долгие часы оцепенения или сна, но и впад в забытье, она вскоре тревожно вздрагивала и просыпалась.

Больше она не спрашивала о своем ребенке, потому что осознала бесполезность этих попыток. Казалось, она забыла о девочке, поскольку больше не говорила о ней. Это вызывало брезгливые ухмылки у окружавших ее каменных женщин, ибо она казалась им еще более отвратительной, потому что не страдала так сильно, как того заслуживала.

Но Феодора все помнила. В ее сердце постоянно ныл грубый рубец, подобный тому, который остается на теле от глубокой раны.

От пищи она не отказывалась, стараясь побыстрее восстановить силы. Дата, приведшего ее в приют, она больше не видела, но знала, что монахам заплатил именно он. Еще он обещал взять ее на корабль и увезти в Константинополь. Что она станет делать, когда туда вернется, она не знала, но там был ее дом, там она была счастлива — пусть и недолго.

Тем временем она стала поправляться, и у нее появился интерес к тому, что происходило вокруг. Она находилась в приюте Святой Дионисии, мученицы времен императора Диоклетиана*, устоявшей перед жестокостью римских солдат, заставлявших ее под пыткой отречься от веры Христовой. Во славу Дионисии монахини отказывались от мирских соблазнов, ели горькие травы и коренья, пили только воду, спали прямо на каменном полу в тесных кельях. Днем они ухаживали за больными, а вечера проводили коленопреклоненными в часовне, обращаясь к Господу с молитвами и распевая псалмы.

Феодора сравнивала их с нищими, с которыми ей выпало скитаться по пустынной Северной Африке. Оборванцы приняли ее, ни о чем не спрашивая, никто не узнавал любовницу наместника в уличной девке с грубо размалеванным лицом, в дешевых цветных тряпках. Странствующие актеры давали представления в маленьких прибрежных городках и селениях, торговали приворотными зельями, играли на цитрах и рожках, понемногу подворовывали и побирались. Кроме Ваввы и Курбана, в их компании было еще пятеро мужчин и две женщины. Приближаясь к какому-либо селению, компания рассыпалась, бродяги старались не привлекать внимания. Феодора выступала с пантомимой на главной улице под аккомпанемент цитры и рожка, а остальные тем временем просили подавание и обшаривали карманы зрителей. После они снова собирались и делили добычу. Местность была бедной, добыча оказывалась страшно скудной. Но Феодора всегда получала свою долю, даже тогда, когда ее беременность стала заметной и она не могла больше плясать.

Сравнивая монахинь с бродягами, далеко не святыми, Феодора понимала, что нищие были куда человечнее. Монахини лишили себя простых удобств и удовольствий, считая их порождением дьявола, они жили в уверенности, что мир вокруг полон зла и демонов и спастись можно только постясь и истязая собственную плоть.

Ежедневно настоятель, тощий монах Абад, яростно обрушивался на православие в своих проповедях. Он без устали слал проклятия императору Юстину и громил православную доктрину. Феодора недоумевала. Что заставляло церковников так ненавидеть друг друга? Ум девушки не занимали богословские распри и ухищрения, а тем временем

вокруг кипели страсти, шла сложная, малопонятная жизнь, захватывавшая и обитателей приюта.

Иисус Назарянин проповедовал смирение и братскую любовь, но его последователи очень скоро сделались агрессивными и нетерпимыми. Короли и императоры крестили свои народы, насаждая силой учение человеколюбивого мудреца из Галилеи. Мученики превратились в мучителей — они преследовали иноверцев и воевали друг с другом из-за мелких разночтений в священных книгах. Император Юстин объявил православие единственно правильной религией, но не вся империя подчинилась ему. В провинциях плодились секты, враждующие между собой. Жители Александрии, перенявшие у римлян любовь к публичным дискуссиям, бросали все дела и часами препирались на улицах из-за какой-нибудь цитаты из Священного Писания, и нередко дело доходило до рукопашной.

Монофизиты представляли собой самую влиятельную секту. Они оспаривали двойственность природы Спасителя, на чем так же горячо настаивали православные. Феодора в монастыре целыми днями выслушивала злобные выпады против официальной церкви и ее служителей. В чем же крылся источник этой непримиримой ненависти? Серые монахини удивляли ее. Она наблюдала, с каким рвением они молятся, с каким болезненным восторгом обращаются к своему Богу, но потусторонняя мистическая сила, владевшая их душами, отталкивала Феодору.

Больше всех поражал ее Абад, всегда державшийся особняком. Однажды, сопровождаемый белолицей сестрой Бенефицией, тощий монах явился к Феодоре. Он произнес гневную филиппику*, называя девушку чудовищем, дьявольским отродьем и погубительницей мужчин. Затем внезапно начал призывать ее спасти бессмертную душу, покайтесь и посвятите себя тяжкому труду искупления.

Феодора молча выслушала сумбурную речь странного монаха. Он был ей противен, как и сестра Бенефиция. Это их угрюмые лица она увидела перед собой, когда очнулась после тяжелых родов, это они отняли ее ребенка, не дав даже прикоснуться к нему, подержать малютку на руках...

Теперь Абад часто пытался увещевать Феодору. Охваченный лихорадочным возбуждением, с горящими глазами, этот монах, казалось, ненавидел молодую грешницу, но не мог устоять перед соблазном приблизиться к ней...

В это время император Юстин, подстрекаемый влиятельными константинопольскими сановниками, исчадиями ада, по мнению монофизитов, принял ряд законов, направленных против секты, и сместил ее патриарха Северия.

В провинции начались волнения, перекинувшиеся в Александрию и достигшие глухих стен монастыря. На улицах происходили стычки между горожанами и солдатами, усмирявшими непокорных, в приюте же текла размеренная жизнь. Однако Феодора замечала озабоченные, хмурые лица монахинь и Абада, переставшего наконец пугать ее своими яростными речами.

Феодора уже полностью поправилась и была готова покинуть приют, когда в Александрию внезапно прибыл опальный патриарх. Решив посетить все богоугодные заведения столицы, он появился в приюте Святой Дионисии вместе с епископом Тимофеем и его свитой. Преосвященный Северий являл собой полную противоположность главе местной церкви, массивному осанистому Тимофею. Он был маленьким, сухопарым, невзрачным старичком и обладал тихим, ласковым и вкрадчивым голосом.

Монахини собрали больных в трапезной, заставив всех опуститься на колени. «Ниже, ниже кланяйтесь его преосвященству!» — беспрестанно шипела сестра Бенефиция. Феодора украдкой разглядывала патриарха из-под опущенных ресниц.

— Я приветствую вас, мои возлюбленные чада, всех, кто собрался здесь после долгого пути и страданий за нашу веру! — Затем Северий коснулся нынешнего тяжелого положения церкви и добавил: — Но мы останемся твердыми в нашей вере. Ибо что означает жизнь земная в сравнении с жизнью вечной? Разве поклоняться Спасителю не означает постичь до конца его божественную природу?

Он пустился в длинные рассуждения, которые Феодора пропустила мимо ушей, разглядывая старика. Северий ей нравился, его речи не раздражали ее.

— Нам кажется невероятным, — лился тихий медоточивый голос, — что мы, обладая слабой и грешной плотью, можем постичь высокую и непорочную суть Творца. Достоин ли этого ничтожный человек? Бессмертная природа Господа не есть таковая же человеческая, как это утверждают путаники-православные...

В таком же духе Северий произнес еще пару сентенций

и закончил проповедь энергичным призывом к раскаянию и добродетели. Осенив присутствующих крестным знаменем, он двинулся к выходу, за ним степенно потянулась свита. Во дворе уже ожидала толпа почитателей с пальмовыми ветвями в руках.

Ночью, ворочаясь на жесткой кушетке, Феодора размышляла над словами Северия. Она успела хорошо узнать людей — их жестокость, похоть, алчность, их слабости, их пороки — чего стоили Экебол, например, или Иоанн Каппадокиец. Где же их другая, божественная сущность? Они отвратительны, а значит, поклоняться человеку — абсурд! Иное дело — поклоняться духу, неощутимому, бестелесному и святому, это не вступало в противоречие с ее жизненным опытом...

Близилась к концу третья неделя ее пребывания в монастырском приюте. Деньги, которые дал Дат сестре Бенефиции, были на исходе. Феодора поправилась, и настоятельница теперь приказывала ей мыть полы и стелить постели для больных. Девушка безропотно скребла каменные плиты, это занятие нравилось ей куда больше, чем долгие молитвы в темной часовне. Ползая с тряпкой и щеткой, Феодора приглядывалась к окружающим и раздумывала о том, что ей пришлось пережить.

Сестра Бенефиция и остальные монахини считали ее проституткой. Откуда им это стало известно? Дат не мог проговориться, здесь никто не знал о ее прошлом. Что выдавало в ней куртизанку? Выражение лица? Глаза? Она недоумевала. В конце концов она пришла к выводу, что все дело в том, что она родила внебрачного ребенка. Один этот факт ужасал монахинь. Принявшие безбрачие, они считали плотскую любовь омерзительной. Эти убогие существа убили в себе женское начало, изнуряли себя постами и лишениями. А может, они попросту ненавидели ее за красоту и чувственность? Ей стало жаль добровольных узниц приюта, отказавшихся от любви и земных радостей.

Она познала доброту и милосердие нищих, рабов, падших женщин, но ни капли милосердия не нашла у священнослужителей. Жестокий мир считался с ней, пока она оставалась молодой и красивой, красота — вот ее главное оружие. Но молодость пройдет, красота также не вечна. Что станет с ней, когда ее дивные волосы поседеют, а лицо увянет? Ее охватывал страх, она предпочла бы смерть, чем

влачить остатки дней в каком-нибудь монастыре. Она размышляла и о смерти. Линней умер, ее также ждала мучительная смерть, но чудом ей удалось спастись. Ее ребенок... где он теперь? Бог справедлив и милостив, твердили ей. Но где же эта справедливость, где милосердие? Где праведный Божий суд? Но подобные мысли она не смела высказывать вслух.

Холодно простившись с монахинями, она вышла за ворота приюта без гроша в кармане. С ее лица сошел загар пустыни, она еще более исхудала, волосы больше не струились по плечам, а были стянуты в пучок грубой бечевкой.

Абад не пришел, чтобы проститься с ней, хотя и знал, что она навсегда покидает монастырь. Вероятно, потому, что хотел еще раз подчеркнуть свое презрение к юной грешнице. Печально брела Феодора по городу, ее сердце терзала боль, когда она думала о своем ребенке. Никогда она не увидит этого малыша... У нее оставалось одно желание — поскорее уехать из чужой и ненавистой Александрии, и одна надежда, что Дат сдержит свое обещание и на его судне она доберется до Константинополя. Как ей прокормить себя? Плести корзины? Прясть? За такую работу платят жалкие гроши. Вернуться в театр? Снова продавать свое тело? Феодора потрогала грудь. Роды не испортили ее. Можно было бы, конечно, опять заняться прежним ремеслом, но в нем она достигла предела — она была любовницей наместника провинции. Неужели придется начинать все сначала? Продавать себя отбросам общества, рискуя подхватить дурную болезнь? От одной мысли об этом ее передернуло.

Внезапно кто-то окликнул ее. Феодора очнулась от размышлений и огляделась. Она забрела в какой-то сад. Среди ухоженных деревьев журчал маленький фонтан, дорожки окаймляли живые изгороди. В высоком кустарнике виднелась какая-то нескладная фигура.

— Отец Абад, это вы? — поразилась Феодора.

— Подойди ко мне, — произнес монах странным утробным голосом.

Она машинально повиновалась. Монах схватил ее за руку и потащил за собой в глубь сада.

— Что вам нужно? Что вы делаете? — Феодора попыталась вырваться.

— Я должен сказать тебе что-то важное. Чем ты собираешься заниматься? Опять примешься за старое?

— Я... я не знаю...

— Ты снова намерена торговать собой? Ты шлюха, я был прав, ты действительно шлюха... Отвечай же!

— Я... почему вы спрашиваете меня об этом? Я не понимаю... чего вы от меня хотите... — испуганно лепетала Феодора.

— Я хочу спасти тебя! Мне было видение, и я должен спасти тебя от сетей дьявола! Ты пойдешь со мной, я знаю некое место на берегу Нила, где обитают только отшельники. Мы поселимся в пещере...

Феодора смотрела на Абада с ужасом.

— Да-да, мы будем жить в пещере, соединившись, и...

— Соединившись? Как это — соединившись?

— Соединившись душой и телом!

— А как же?... — Она приоткрыла рот от изумления. — Ведь вы — святой отец, связанный обетом...

Абад впился в ее запястье. Глаза его горели, тощая грудь вздымалась:

— Да, я допускаю это. Я гнусен, я отвратителен. Но это ты сделала меня таким. Из-за тебя я рыскаю, как голодная гиена, я прикован к тебе, ты — низкое создание, похотливая обезьяна! В аду окажутся души тех, кто прикасался к тебе! О, пожалей меня! — вдруг вырвалось у него. — Я люблю тебя! Когда я вижу тебя, меня охватывает черное пламя! Что ты со мной делаешь!..

— Я... ничего. Я никогда бы и не подумала... — бормотала пораженная Феодора.

— Проклятая, ты погубила меня, ты пробудила во мне низменное вождление, но я спасу тебя, я спасу нас обоих! Ты пойдешь со мной?

— Нет!

— Ты будешь мне повиноваться?

— Нет!

Феодора вновь попыталась вырвать руку, но монах крепко держал ее.

— Значит, ты не хочешь идти со мной? Тогда я вынужден исполнить свой долг!

— Какой долг? — Феодора похолодела.

— Раз ты сгубила душу Абада, ты погубишь и души многих других мужчин. Я не могу этого допустить!

От страха Феодора отчаянно закричала. Он сумасшедший, этот фанатик! Костлявые пальцы монаха сжали ее горло. Феодора лихорадочно пыталась освободиться. В пылу борьбы ее рука нащупала связку ключей у пояса рясы Абада, и она с размаху ударила ею монаха в висок. Пальцы, державшие за горло, разжались, монах стал медленно оседать. Феодора взглянула ему в лицо — на нем застыло идиотическое выражение — глаза выпучены, рот разинут. Оттолкнув своего мучителя, Феодора бросилась бежать. Ветки хлестали ее по лицу, царапали ноги и рвали платье. Но она этого не замечала. Скорее, скорее туда, где он не сможет ее настигнуть.

Ее никто не преследовал.

Торговое судно «Самос», принадлежавшее александрийскому купцу, медленно подходило к пристани. Феодора стояла на палубе, с тревогой вглядываясь в город, раскинувшийся перед нею на берегу. Зеленели сады, в тени деревьев прятались виллы и особняки. Это была Антиохия. Дат сдержал свое обещание и с видимым облегчением посадил ее на корабль. Женщина, вносящая смуту и беспокойство в его жизнь, покинула наконец Александрию.

Судно пришвартовалось, и Феодора ступила на твердую землю. Она протиснулась между тюками с товарами на причале, выбралась на главную улицу и вскоре разыскала городской театр. Шумная Антиохия была не менее красива, чем столица Египта: широкие мощеные улицы, каменные дома, дворцы, высокие стены, башни, разодетая пестрая толпа на площадях и базарах. В прохладном портике городского театра Феодора остановила мужчину средних лет с раздраженным и усталым лицом.

— Прошу вас, одно слово!..

Он недружелюбно покосился на нее.

— Что вам нужно? Если хотите попасть в труппу, то она уже и без того переполнена. Ступайте к Кадмеону, изучайте танец у него. Господь всемогущий, почему каждая девица в этом городе мнит, что родилась актрисой?

— Но я не ищу работу, я хочу спросить...

— Короче, — огрызнулся он, — скоро начнется представление.

— Известна ли вам актриса по имени Македония?

— Македония? Да ты что, шутишь, детка? Знаю ли я

Македонию? Она — лучшая из лучших в театре и самая известная фамоза Антиохии. Зачем она тебе?

— Я ее подруга, я хочу ее видеть.

— Ты? С каких это пор Македония водится с оборванцами?

— О, прошу вас, скажите, где ее дом!

— Ну, ладно. Ступай вверх по дороге Сульпиция до колоннады. Повернешь налево и увидишь белый особняк с мраморными портиками...

— Это ее дом?

— А чей же еще?

— О, спасибо! — Она улыбнулась мужчине так ослепительно, что его плохое настроение сейчас же улетучилось.

— Прости, что я был несколько груб, малышка. Слушай, если тебе не повезет с Македонией, приходи ко мне. Меня зовут Лисандр, я театральный художник и живу здесь. Сегодня вечером я как раз свободен...

Но Феодора уже не слушала. Без труда она разыскала дом подруги. Ее сердце учащенно стучало, когда она взяла в руки бронзовый молоток у калитки. Как-то встретит ее Македония? Они не виделись так давно. Верность дружбе и благодарность встречаются все реже.

Калитку отворил толстый чернокожий привратник.

— Чего тебе?

— Хочу поговорить с хозяйкой!

— Убирайся, она никого не принимает!

— Передай госпоже, что ее хочет видеть первая владелица трех изумрудов.

Слуга поколебался, недовольно ворча, однако ушел с докладом.

Спустя минуту Македония обнимала подругу.

— Я не поверила своим ушам! Как? Ты здесь? Но откуда и почему? Входи же, входи, дорогая!

Обняв гостью за талию, Македония провела ее через покои во внутренний дворик.

— Садись здесь, напротив меня, дай я как следует взгляну на тебя. Ты останешься у меня? Конечно, ведь мы будем говорить всю ночь! Ох, ведь у меня сегодня спектакль, мы даем комедию Плавта, подожди, я сейчас распоряжусь...

Она вышла отдать приказания слугам. Феодора огляделась. Дом был богато обставлен, везде стояли вазы с доро-

гими цветами, удобная мебель. Дела у Македонии, похоже, шли неплохо. Через несколько минут хозяйка вернулась.

— Ну, все улажено. Хозяин труппы вырвет на себе все волосы. Вместо меня будет играть Ашена. Роль хорошая, у нее будет шанс. Хотя звездой ей не бывать, она слишком глупа. А мы с тобой будем ужинать, и ты мне все-все расскажешь!

Великолепная Македония не изменилась. Две-три едва заметные морщинки залегли у глаз, но фамоза была по-прежнему обворожительна.

— Македония, ты все так же прекрасна! Ты выглядишь даже лучше, чем прежде!

— Твои слова сбылись, — улыбнулась актриса. — Я преуспела в Антиохии. И всем этим я обязана одной тебе. Каждый камень в этом доме, рабы, мебель, украшения — все это благодаря тебе, дорогая!

— Нет, что ты! Это благодаря твоему таланту, который не имеет равных!

— Феодора, твои изумруды спасли меня. Я у тебя в неплатном долгу, скажи, что я могу сделать для тебя?

— Мне нужны только твоя дружба и любовь. Я хочу немного заработать в театре, устрой меня на какую-нибудь незначительную роль.

— Как, здесь? Но зачем?

— Я хочу вернуться в Константинополь.

— Расскажи все по порядку, с самого начала, как ты прожила эти два года и почему оказалась здесь, в Антиохии?

И Феодора перенеслась в те дни, когда она, пылая ненавистью к Хионе, готовилась к банкету и вынашивала свой хитроумный план. Она подробно поведала подруге о злополучном пире и о том, что за ним последовало. Часы пробили полночь. Македония так и не притронулась к блюдам. Она плакала и смеялась, слушая удивительную историю маленькой деликаты. Наконец она произнесла:

— Невероятно! Что тебе пришлось пережить! Это по плечу разве что солдату или какому-нибудь искателю приключений, выносливому и грубому, а ты тонкая, хрупкая, изнеженная женщина. И послушай, ведь ни один — ни наместник, ни раб, ни монах — не устояли перед тобой. Ты всех покорила! Феодора, что за сила живет в тебе?

Девушка печально улыбнулась:

— Это не сила, а скорее проклятие.

— Да нет же, это великий дар! Что может сравниться с влиянием, которое имеет женщина на влюбленного в нее мужчину! Оно может быть и добрым, и злым.

— Как это понять, Македония?

— Я старше тебя, дитя мое, и много думала об этом. Ответь мне, для чего все женщины, и мы с тобой также, одеваются в изысканные наряды, в прозрачные туники, для чего нужны им прически, благовония, украшения? Зачем им кокетство и уловки?

— Как — зачем? Чтобы покорять мужчин, разумеется!

— Правильно. Но для чего их покорять?

— Для любви.

— Истинно! Женщина — это любовь, любовь — это женщина. Но разве это все?

— Я не знаю. Что же еще?

— О, маленькая глупышка Феодора! Ты же сама недавно подарила миру дитя. Именно для этого женщина завоевывает мужчину, ведомая слепым женским инстинктом. Поэтому добродетельные женщины и ненавидят нас, куртизанок. Мы — враги семьи, материнства, очага. Мы вводим мужчину, отвоевывая его для бесплодных удовольствий и развлечений. Феодора, на свете есть два вида любви. Если женщина любит по-настоящему, она счастлива тем, что отдает, а не берет, она подчиняется велению своего сердца. Часто это заканчивается трагически, но пока она испытывает такую любовь, она подобна божеству, она прекрасна.

— Не знаю, смогу ли я ощутить такую любовь, — задумчиво проговорила девушка.

— Если встретишь настоящего мужчину — сможешь! А может, и не встретишь никогда. Мне не повезло. — Она помолчала и добавила: — Мне кажется, что ты — избраница судьбы.

— Я не понимаю, Македония...

Но та пристально смотрела на свою подругу.

— На свете нет такого мужчины, если, конечно, он нормален, который устоял бы перед тобой. Даже если это император...

Она вскочила на ноги.

— Феодора! У меня есть план, безумный, головокружительный план! Риск огромен, но выигрыш стоит того. Послушай, дорогая, я не намерена устраивать тебя в наш провинциальный театр на жалкие роли, нет! Наоборот, я дам

тебе дорогие наряды, духи, драгоценности, денег, я хочу, чтобы ты стала снова прекрасной обольстительницей, хотя и в этом простом платье ты просто восхитительна!

— Я не смею догадываться, что ты задумала, но...

— Не перебивай меня! Я дам тебе все это, и ты вернешься в Константинополь. Вдобавок я дам тебе письмо, которое могу написать только я. Мы должны рискнуть. О, мне страшно от одной мысли, что может случиться с тобой и со мной. Но, Феодора, я иду на риск ради тебя, потому что я люблю тебя, и еще потому... потому, что я так хочу!

ГЛАВА 14

Ласковое солнце согрело город на семи холмах, его шумные улицы, камни домов и мостовые, дворцы и башни. Ночью корабль, приплывший из Антиохии, доставил Феодору домой. Устроившись в ванной, она собиралась провести весь день дома, наслаждаясь комфортом и болтая с подругами. Она начисто отвыкла от столичной суеты, от городского гула, похожего на отдаленный рокот океана, от пьянящей радости ощущать себя частичкой пестрой разноязыкой толпы.

Холмы Хейрона покрывали изумрудные виноградники, под ними отливала сапфиром Босфор. Буйно цвели фруктовые сады, на площади Афродиты ворковали голуби. Женщины сменили темные зимние одежды на яркие весенние туалеты и, словно огромные цветы, оживляли залитые солнцем улицы.

Все было, как прежде, как два года тому назад...

Первым делом Феодора спросила о своей служанке. Антонина удивленно вскинула брови:

— Тея? О, это очень интересная история!

— Вы получили тогда мою записку?

— Да, ее принес какой-то нищий, мерзкое существо. Кривлялся и не уходил, пока я не бросила ему серебряную монету. Ты написала, что Тея угрожает опасность, и я тут же спрятала девушку.

— Спасибо, Антонина, я у тебя в долгу, и как только...

— погоди, я еще этим воспользуюсь, — усмехнулась рыжеволосая девушка, — так вот, утром к нам вломились эскувиты и учинили допрос, но мы не знали, где ты. Одно-

му из них приглянулась Хризомалло, и он задержался у нас на ночь, — ну, это так, к слову. Твою комнату перевернули вверх дном, но про Тею не спрашивали. Кстати, ты не слишком рискуешь, вернувшись сюда? Это не опасно?

Феодора покачала головой.

— Вряд ли. Официального обвинения против меня не выдвигали. Так где же Тея?

— Я продала ее.

— Как? Этого не может быть!

— Почему? Я продала ее еще в прошлом году.

— Но я была к ней так привязана, вы должны были позаботиться о ней!

— Успокойся, я сделала это по ее же просьбе.

— Что это значит?

— Это случилось после того, как у нас гостили торговцы вином из Адрианополя. Они заключили выгодную сделку и отпраздновали это у нас. Помнишь, Хризомалло?

— Вот это была ночка! — воскликнула белокурая Хризомалло. — Все женщины в доме оказались при деле, даже рабыни.

— Моя чернокожая Зенубия уж на что уродлива, но и ей пришлось потрудиться.

— Виноторговцы хорошо заплатили, мы за ночь получили столько, сколько не зарабатывали и за месяц.

— И еще подарки, даже рабьям перепало, — добавила Хризомалло.

— Мы потом неделю приходили в себя. Я думала, что не смогу больше смотреть на мужчин. Господи, это были просто похотливые сатиры!

— Так что же с Теей? — Феодора начала терять терпение.

— О да, Тея! Она провела эту ночь с мужчиной по имени Морп. Уже немолодой, лысоватый, с бородавкой на щеке. Владелец виноградников близ Адрианополя. Так вот, похоже, наша маленькая Тея открыла в Морпе нечто такое, чего он не знал о себе раньше. В конце концов, она твоя рабыня и ученица, и, как оказалось, способная ученица. Виноторговец был от нее без ума. Он заявил, что хочет купить ее в наложницы и увезти ее с собой.

— А она хотела этого?

— Я спросила ее, и она согласилась. Не всякой рабыне удастся стать наложницей богатого человека. К тому же я выгодно продала ее.

— За сколько же?

— За сто золотых. Мне следовало просить и больше за такую красивую девушку...

Антонина взглянула на Феодору, ожидая, что та потребует вернуть ей часть денег. Феодора же негромко проговорила:

— Ну что ж, главное, чтобы винодел хорошо к ней относился.

Она вздохнула. Тея пристроена, со временем, скорее всего, станет супругой... Она подумала об Экеболе. Да, быть наложницей богатого человека не так уж плохо. Взять хотя бы нынешнюю императрицу...

Гостей не предвиделось, и девушки разошлись по своим комнатам. На следующее утро они опять собрались у бассейна.

— Расскажите-ка мне городские сплетни и новости, — попросила Феодора.

— Улица Женщин вздохнула с облегчением. Люстральный налог снизили. Иоанн Каппадокиец больше уже не городской префект.

— Какая-нибудь неприятность, не иначе?

— Ничего подобного, его повесили. Он теперь префект претория.

Феодора изумилась. Головокружительная карьера! Каппадокиец теперь заправляет всеми чиновниками и имеет прямой доступ к государственной казне. Это громадная власть!

— Но он же свинья, настоящая свинья! Как же так могло случиться?

— Свинья он или нет, но наследный принц его любит, а он теперь единовластно правит империей, ибо дядя его совсем плох.

— А кто же ныне городской префект?

— Велизарий, земляк Юстиниана. Принц привечает всех, кто родом из Македонии. Ты помнишь свою приятельницу, фамозу с этим же именем?

— Да, припоминаю.

— Велизарий популярен, он настоящий воин, народ его любит. У Велизария большие боевые заслуги.

— А Юстиниан — он будет императором?

— Кто знает? Все зависит от эскувитов, вспомни, как вышло с Анастасием. Они выберут того, кто больше заплатит.

— Иоанн Каппадокиец теперь распоряжается имперской казной! И такой негодяй оказался совсем рядом с троном!

Антонина улыбнулась — случаются и более странные вещи...

Феодора немного помолчала.

— А что за человек принц?

— Ты никогда его не видела?

— Никогда.

— Вскоре после того, как ты исчезла, принц вздумал представиться народу и проехал через весь город. На вид ему лет сорок, плотный, коренастый, светловолосый.

— И недурен собой, — вставила Хризомалло. — К тому же неплохо держится в седле, ибо ехал верхом, а не в карете рядом с дядей.

— В обращении сух, — продолжала Антонина, — говорят, очень много работает и избегает развлечений. Ходят слухи, что ему не нужны женщины. Я не могу в это поверить. Любому мужчине нужны женщины! — заключила она.

— Не любому, — задумчиво проговорила Феодора. — Может быть, он дал какой-то обет?

— Нет, не думаю. Скорее, он предпочитает мальчиков.

Феодора содрогнулась, вспомнив Экебола и его причудливого ганимеда.

— Еще я слышала, что прежде у принца водились женщины, но сейчас у него такая уйма дел, что он потерял вкус к любви.

— Мне жаль таких мужчин, — заметила Феодора. Она-то знала, что Македония делила с принцем ложе и осталась весьма довольна. Феодора поспешила переменить тему.

— А кто жил в моей комнате?

— Индара, хорошенькая глупышка.

— У нее красивая грудь, бедра и неплохой цвет лица.

— Ноги коротковаты, портили ее.

— А где она сейчас?

— Переехала вместе со служанкой. У нее проблемы — она беременна.

— Индара всегда была беззаботной и забывала предохраняться. Глупо, если хочешь зарабатывать.

— Она едва не умерла, этого зелья было достаточно, чтобы убить не только ребенка, но и ее. Мы с Антониной ухаживали за ней, сделали все, что могли...

— Она капризничала, как дитя. Хорошо, что она съехала, меньше хлопот. С тех пор мы ее больше не видели.

— Ты займешь свою комнату? — оживилась Хризомалло. — Я тебе дам свое ложе на первое время. Ты хочешь мужчину на сегодняшнюю ночь?

— Нет-нет, не сегодня.

Антонина пристально посмотрела на подругу.

— Ты выглядишь усталой, дорогая. Тебе следует отдохнуть.

Феодора пропустила это замечание мимо ушей. Действительно, она похудела, но неделя в доме Македонии пошла ей на пользу: Феодора хорошо питалась, много спала, пользовалась услугами массажиста и парикмахера. Свежесть, живость и красота вернулись, ее тело снова было гибким и подвижным. Зеркало подсказывало, что ее глаза ясны, волосы густы, она — само совершенство. И Феодора не ответила на маленькую шпильку подруги.

— Чем ты намерена заниматься? — поинтересовалась Хризомалло.

Феодора коротко ответила:

— Прясть.

— Нет, только не это! — хором вскричали девушки.

Строгие римские законы предписывали это занятие проституткам, решившим оставить свое ремесло. Прядение было чем-то вроде испытательного срока или покаяния — рутинный, монотонный труд, требующий упорства и терпения. Не все женщины выдерживали испытание веретеном и возвращались к прежней жизни.

Платили прядильщицам мало, их работа шла на нужды армии. Женщины могли работать дома, могли устроиться в какую-либо мастерскую. Феодора решила отправиться в мастерскую.

В тесном помещении трудились десятка два женщин, рассевшись рядами на скамьях. Хмурая начальница неопределенного возраста покосилась на девушку. Было очевидно, что молодость и красота новой прядильщицы ей вовсе не по душе.

— Еще одна метит в святые, а? — проворчала она.

— Это так, — смиренно отвечала Феодора.

— Уверена, что ты тут не задержишься. Месяц, не больше. Решись, что барахтаться в постели какого-нибудь во-

нючего козла куда веселее, чем честно трудиться. Мы таких уже видели.

— Я хочу попробовать, — сказала Феодора покорно, и тогда начальница спросила сердито:

— Умеешь прясть?

Феодора отрицательно покачала головой.

— Мы должны еще и учить тебя? Этого недоставало! Берись, пробуй, но если не получится — придется тебе убраться, поняла?

— Да.

Когда ее раздражение улеглось, начальница подвела Феодору к женщине с печальным и бледным лицом, сидевшей в углу.

— Это Миола. Она глухонемая. Смотри, как она работает. Пока не научишься, твоя работа будет числиться за ней. Давай, усаживайся рядом.

Феодора опустила на пол у ног Миолы. Раньше она много раз наблюдала, как трудятся прядильщицы, но впервые видела прялку и веретено так близко. Сноровка, с которой работала глухонемая, поразила Феодору. Миола, погруженная в мир тишины, не поднимала головы, ее ловкие пальцы отщипывали пряди отмытой шерсти с прялки, формировали нить и пропускали под крючок на острие веретена. Потом Миола запускала веретено. Она подправляла его правой рукой, а левой придерживала прялку, пуша на ней чесаную шерсть.

От природы сообразительная, Феодора через несколько дней научилась сучить тонкую ровную нить и не нуждалась больше в наставнице. Из-под проворных пальцев девушки выходила пряжа высокого качества. Она решила остаться в мастерской, но быстро поняла, что лучше быть наедине со своими мыслями, чем часами слушать глупую болтовню товарок. Феодора сняла домик за Большим базаром, неподалеку от городской тюрьмы. Неожиданно она обнаружила, что получает удовольствие от работы. Прядение пришлось ей по душе. Тонкие пальцы Феодоры часами сучили нить и вращали веретено, а мысли летели далеко-далеко.

По улице Женщин прошел слух, что Феодора вернулась, но оставила свое занятие. Одни говорили, что она обратилась к вере, другие утверждали, что она собирается замуж, третьи — что она больна и не может больше принимать мужчин. Сама она помалкивала. Это было частью их с Ма-

кедонией плана. Ей нельзя было появляться на улице Женщин, там она могла встретить своих прежних любовников, и слухи о ее возвращении быстро бы дошли до ушей Каппадокийца. Феодора боялась, что тогда ей придется опять исчезнуть.

Иногда к ней заходили поболтать знакомые куртизанки. Феодора жила в бедном шумном квартале, среди ремесленного люда, их сварливых жен и чумазных детей. Соседи неодобрительно косились на гостей странной молодой особы. Эти женщины, увешанные драгоценностями, в дорогих туниках, откуда они?

Пару раз сюда заглядывали Антонина с Хризомалло и уговаривали ее вернуться домой.

— Я не могу тебя понять, — возмущалась Антонина. — Ты — первая куртизанка города. Что тебе мешает быть с нами? Ты потратишь впустую несколько лет, а потом все равно вернешься.

— Что ж, может, и так.

— А что ты будешь делать, когда кончится твой «испытательный срок»? — грустно спрашивала Хризомалло.

— Еще не знаю. Время покажет.

Подруги ходили в недоумении. Но они не оставили без внимания то обстоятельство, что их бывшая компаньонка одета слишком изысканно для простой прядильщицы — дорогая туника, тонкие благовония, косметика. Наверное, решили они, Феодора ждет кого-то или чего-то. И оказались недалеко от истины.

Феодора действительно ждала. Она теперь умела ждать. Но ей выпало самое худшее — ожидание неизвестного, почти несбыточного. Она бережно хранила письмо Македонии. Лицо, которому письмо было адресовано, находилось так высоко и было так недосыгаемо, словно обитало на небесах.

По утрам Феодора ходила к воротам Халк, надеясь встретить там кого-либо из влиятельных людей, знавших ее. Тогда появилась бы возможность передать письмо в канцелярию наследного принца. Однажды она заметила разодетого и напوماженного молодого человека, с торжественным видом направлявшегося во дворец. Феодора узнала его и радостно бросилась навстречу, размахивая письмом.

— Герон! Герон!

Он взглянул в ее сторону и торопливо юркнул в ворота.

Феодора остолбенела. И это был Герон, когда-то рыдавший у ее ног, унижавшийся перед ней, мальчишка, которым она помыкала? Ошибки быть не могло. Щенок узнал ее и поспешил скрыться. Боже, какое унижение — прежний любовник пренебрегал ею!

Позже она узнала, что юноша женился на некрасивой дочери сенатора Тестора, получил должность в иностранном департаменте и теперь мечется, как загнанный, между своей прежней беспутной жизнью, унылой супругой и суровой тещей.

В растерянности Феодора замешкалась у дворцовой стены с письмом в руке.

— Что это у тебя, детка? — раздался голос прямо у нее над ухом. Феодора спрятала письмо за спину.

— Ничего... так, обычная записка.

— Кому? — эскувит попытался схватить девушку за руку.

— Никому, пустяки, ничего интересного...

— Дай-ка мне эту записку, детка!

— Нет, нет!

— Ну, так я сам возьму!

В панике Феодора пустилась наутек. Эскувит схватил ее за платье, тонкая ткань затрещала. Догнать девушку не составляло труда. Но в эту минуту ворота распахнулись и оттуда выплыл октофорон. Эскувит выругался и неохотно вернулся на свой пост. Девчонка, скорее всего, шлюха, и записка — для ее любовника, кого-нибудь из дворцовых слуг.

Феодора долго не могла прийти в себя. Она не должна так рисковать, весь план мог рухнуть из-за слепой случайности. Платье, подарок Македонии, было безнадежно испорчено, их осталось у нее всего два.

На следующее утро Феодора появилась на площади Афродиты. Айос восседал в своей корзине у ног мраморной богини. Он ослабился, завидев старую приятельницу.

— Святой Лазарь, покровитель всех нищих! Неужто это ты, малышка? Когда ты вернулась?

— Совсем недавно.

— Как ты поживаешь?

— Неважно. Длинная история, я тебе как-нибудь расскажу. Твои люди очень помогли мне.

— Да, до меня дошли слухи.

— Айос, я хочу попросить тебя кое о чем. Еще об одной услуге.

Нищий заерзал в корзине.

— Обращаться к нищему все равно что обращаться к ветру, — повторил он городскую поговорку.

— Я такая же нищая, Айос, ты же знаешь.

— Что за услуга?

— У меня есть письмо. Его нужно передать.

— Кому?

— Принцу-правителю.

Глаза нищего сузились.

— Юстиниану?

Феодора кивнула.

— Письмо написано Македонией.

— Понимаю, — нищий лукаво улыбнулся, — Македония написала, ты передаешь. Захотелось в спальню принца?

— Македония считает, что я могу ему понравиться.

— А ты не слишком ли высоко метишь, девочка?

— Айос, это моя единственная возможность. Умоляю, помоги мне!

— Возможность! — проворчал Айос. — Нелепая выдумка! Ты считаешь, что принц, который может выбрать любую, станет посылать на улицу Женщин за неизвестной деликатой?

— Я не живу на улице Женщин!

— Надо же! А где?

— Я теперь скромная пряха.

— Хм, пряха... Неплохо придумано. Принцу куда удобнее послать за пряхой, чем за куртизанкой. Это решила Македония?

— Да.

— Что ж, ей виднее, она знает вкусы его высочества.

— Она сказала, что принц очень чувственный.

— По слухам, как раз наоборот. У него нет времени на женщин, его едва хватает на сон и еду.

— Но можно же попробовать! — настаивала Феодора. — Разве я не хороша собой? Я знаю, как доставить наи-высшее удовольствие, и я не обманула ожидания ни одного мужчины. Если я понравлюсь принцу...

— Это непросто. Это очень и очень непросто.

— Айос, я прошу тебя, ради нашей дружбы, помоги. Я боюсь Иоанна.

— Он знает, что ты вернулась? — Айос нахмурился.

— Скорее всего, нет. Экебол послал ему рапорт, сообщив, что меня изгнали в пустыню, лишив воды. Каппадокиец считает меня мертвой. Но в городе полно шпионов, рано или поздно он узнает.

Айос задумчиво поскреб подбородок.

— Ты надеешься, что принц защитит тебя?

— Да. О, Айос, ты поможешь мне?

— Я сделаю все, что смогу. Допустим, письмо попадет в руки Юстиниана. Ты уверена в успехе?

— Я ничего не знаю! — в ее голосе прозвучало отчаяние.

Айос взял письмо. Проходили дни, потом недели, но Феодора все еще боялась признаться себе, что все надежды напрасны.

Упорно, как автомат, она придерживалась заведенного распорядка дня, работая до темноты. Платы едва хватало на дешевую еду и жилье. Вечером Феодора ходила в общественные бани — термы. Таких терм насчитывалось восемь во всей столице, и горожане мылись там бесплатно. Лучшими считались термы Зевксиппа, с колоннами и статуей Константина на фасаде, отделанные мрамором и бронзой, подобно роскошнейшим термам Рима. Залы украшали статуи богов — Аполлона, Зевса, Афродиты, вперемежку с фигурами знаменитостей, тут были Перикл и Юлий Цезарь, Сафо, Платон, Еврипид и Пифагор.

Феодора опасалась показываться в этих термах, где столичные жители собирались, как в клубе, часами отдыхая на мраморных скамьях, болтая и нежась под ручищами банщиков. Она посещала маленькие термы на площади Быка. Сюда стекался небогатый люд, мелкие торговцы и чиновники с семьями. Девушка быстро и тщательно мылась, закутывалась в накидку и спешила домой. Ей нужно было беречь цвет лица и хорошо высыпаться. Ночных часов на это едва хватало. На рассвете она поднималась, завтракала и брала в руки гребень — непросто было уложить копну вьющихся волос без помощи служанки. Она делала высокую прическу, скалывая пряди золотыми шпильками, — таких причесок не носили обитательницы соседних домов. Потом аккуратно наносила грим перед маленьким бронзовым зеркалом и обрызгивала себя духами.

Но время шло, и она с грустью замечала, что с каждым днем благовоний и притираний становится все меньше.

Как пополнить их запас? Деньги Македонии были на исходе; прядением она зарабатывала гроши. Продать дорогие платья она не могла — это ее оружие в предстоящей борьбе. Феодора гнала от себя отчаяние и мрачные мысли. С первыми лучами солнца она усаживалась за работу у открытой двери. И ждала.

ГЛАВА 15

А время шло и шло... Но ничего не происходило. Ничто не нарушало однообразия нескончаемых дней, проведенных за прялкой. И Феодора, при всей твердости духа и закаленности в житейских невзгодах, в конце концов стала погружаться в отчаяние.

Ей против собственной воли стали мерещиться всевозможные препятствия на пути письма к той сиятельной особе, на которую были возложены все ее упования. Это какие же могучие укрепления предстояло этому письму преодолеть: стражники, слуги, секретари, чиновники... А как велик риск, что его перехватят: любая промашка, любая из тысячи мелочей способна повлиять на судьбу послания. Стычка со стражником, едва не ставшая для письма роковой, постоянно приходила ей на ум.

В такие минуты величайшего уныния и подавленности она часто задавалась вопросом: а каковы, собственно, шансы, что ее письмо, даже достигнув именитого адресата, заинтересует его?

Да, к Македонии Юстиниан когда-то благоволил и, значит, к ее письму должен отнестись внимательно, но ведь с тех пор, как Македония виделась с ним в последний раз, столько воды утекло, да и не секрет, что пресловутая мужская память коротка. Впрочем, женщины тоже склонны переоценивать собственное влияние на мужчин.

Невольно закрадывалась мысль — верно, женщины правителю ни к чему. А если это так, то, выходит, ей не на что надеяться, ведь всяческие извращения не по ней.

Феодора была женщиной до мозга костей, к тому же разборчивой, и поэтому до любви однополой ей не было никакого дела. В этом вопросе дальше знания фактов об отвратительной связи Экебола ее опыт не шел. При этом, однако, она понимала, что среди столичного населения явле-

ние это куда как распространено. В придворной среде нередко были также случаи и неестественной женской любви, а совсем неподалеку от улицы Женщин находился пользовавшийся дурной славой квартал ганимедов, которых, в соответствии с их особой практикой, презрительно называли «катамити» и «амасси».

Допустим, Юстиниан подвержен этой чудовищной и пагубной склонности — хотя, по словам Антонины, об этом нигде не говорят, а такое быстро становится всеобщим достоянием. Тогда что еще, кроме смеха, может вызвать у него письмо, повествующее о девушке, которая могла бы доставить ему высокое наслаждение?

Случалось, что ей самой становилось смешно от нелепости собственных ожиданий, и она усмехалась, но смех выходил горьким.

И тогда она принималась крутить веретено; взор ее при этом туманился, хотя глаза продолжали машинально следить за ссучиваемой нитью.

Возле дверей домов, что тянулись вдоль бедной улочки, бывало, собирались соседки — жены каменщиков, носильщиков, пекарей, уличных торговцев, поденщиков, чтобы посудачить, перемыть косточки хотя бы той самой женщине, что прядет у входа в дом на углу.

Она — соглашались кумушки — скорее всего шлюха. Шлюха, это как пить дать. Только вот корчит из себя невесть что. Из кожи лезет вон, чтобы казаться приличной. Истинно! — поддакивали другие, — только поглядеть, как она нос дерет! Можно подумать, что мы не хороши для нее, а сама хуже грязи в сточной канаве, торчит целый день напролет — и хоть бы слово кому сказала! Словно по-прежнему поджидает мужчин и, как паучиха, с помощью своего веретена прядет сети, чтобы ловить этих кобелей проклятых, а если у нее такое на уме, то лучше пусть она эти свои штучки сразу бросит, поскольку, что бы ни говорили об этом квартале, но это пристойный квартал. И всегда таким был. Люди здесь гнут спину до седьмого пота и живут просто, перебиваясь с хлеба на воду, но честно и достойно.

И соседки добродетельно одергивали собственные замызганные одежды, бросая свирепые взгляды в сторону открытой двери дома пряжи.

Однако никто, по чести сказать, не мог утверждать, что девушка с веретеном и в прозрачной одежде когда-либо об-

ратила хоть малейшее внимание на проходящих мимо ее двери мужчин. И если не принимать во внимание ее манеру одеваться, то вела она себя скромно и смиренно. Но это вовсе не развеивало опасений соседок.

Но ни обитатели этой улицы, ни сама Феодора, отчаяние которой становилось все более безысходным, ни малейшего понятия не имели о том, что в эти дни происходит нечто совершенно невероятное.

Айос, опекавший, как и прежде, Феодору, внял ее просьбе и по-своему попытался помочь ей. Он передал письмо колченогому Исавру, который был у него чем-то вроде заместителя, с самыми подробными и хитроумными инструкциями. В последовавшие за этим дни Исавр сидел у ворот Халк, низко кланяясь и назойливо кланча милостыню у входивших во дворец, при этом терпеливо высматривая, не появится ли один его знакомый, водивший дружбу с дворцовым стражником и частенько, бывало, приходивший к воротам — поболтать с приятелем, стоящим на часах. Вот этому-то человеку, когда тот наконец появился, Исавр и сунул письмо, с подробнейшими указаниями и обещанием, что если послание достигнет адресата, то все, связанные с его доставкой, от первого до последнего в цепочке, получат хорошее вознаграждение. Позже, когда стражник освободился от службы, в винном погребе у рынка, пропустив пару кувшинчиков вина с добрым приятелем, он передал письмо дальше. После чего в движении письма наступила пауза. Дело в том, что стражник из наружного караула квартировал в казарме у дворцовой стены с внешней стороны, так что ему пришлось ждать дня, когда часы его караула совпадут с дежурством другого эскувита, стражника во внутренних покоях, обитавшего в пределах дворцовых стен. И вновь пришлось ждать, пока свернутый и запечатанный клочок папируса, уже изрядно замусоленный, можно будет скрытно передать этому эскувиту.

Оказавшись в стенах дворца, письмо, хоть и не сразу, переходя из рук в руки, начало приближаться к цели. Эскувит оказался на короткой ноге с одним евнухом дворцовой службы, у которого, в свою очередь, был знакомец евнух, занимавший более высокое положение — должность подсекретаря в канцелярии. А подсекретарь знался с помощником камерария, который пользовался благосклонным расположением важного канцелярского чиновника, а уж

тот мог бы взять на себя смелость тайно и учтиво представить послание принцу-правителю Юстиниану.

Таким образом в течение многих недель письмо Македонии, хоть и медленно, но упорно пробивалось к цели, в то время как Феодора в домишке на бедной улочке томилась в ожидании, крепясь из последних сил, чтобы не дать угаснуть хрупкой надежде.

О том, какой риск заключался в самом факте существования письма, и тех приключениях, которые сопутствовали его пересылке, можно судить хотя бы по следующему эпизоду.

На южной окраине города, в лачуге, выходящей единственным оконцем на Пропонтис, жил старик по имени Никия, который зарабатывал на пропитание себе и толстой старухе жене тем, что резал деревянные статуэтки, игрушки, мастерил ящички, шкатулки и тому подобное. Брал сухую чурку, строгал ее, пилил, долбил, резал, точил, короче, придавал законченную форму, а потом ловко раскрашивал. Никия был резчик весьма искусный, от ремесла своего получал удовольствие, а случалось, добивался и заметных результатов.

Однажды, пребывая в игривом настроении, в полене замечательного испанского кедра, над которым он как раз трудился, резчик углядел уже почти готовую фигурку: из чурки прямо на него глядела неуклюжая пожилая толстуха, вся закутанная в одежды, с шалью на голове, с широкоскулым крестьянским лицом. Под его искусным резцом, и уж давным после раскраски, лицо старухи приобрело выражение глуповатое и самодовольное настолько, что заставило самого мастера расхохотаться.

Но фантазия его в тот день устремилась далее. Немного поразмыслив, он отделил голову от туловища, насадил ее на колышек с шарниром, так что, когда он толкал фигурку пальцем, ее голова подпрыгивала и склонялась набок. Радуюсь результату, он добавил еще один шарнир и колышек в том месте, где ноги выглядывали из-под широкой юбки. Теперь деревянная женщина совершала двойное движение: голова с глуповатой и самодовольной ухмылкой подавалась вперед и склонялась набок, а тело, казалось, покачивается широкими бедрами из стороны в сторону, как, случается, делают деревенские кумушки, когда конфузятся

или дичатся. Резчик Никия расхохотался. Фигурка и впрямь получилась очень потешная.

И жена его, увидев фигурку, тоже рассмеялась, хотя и не так чистосердечно: в сердце ее закралось смутное чувство, что, пожалуй, существует не очень лестное сходство между нею и этой кряжистой деревянной старухой, потому что, бывало, и сама она точно так же глуповато хохотала, пошевеливая толстыми бедрами и колыхая оплывшими телесами. Но сказать старая карга ничего не сказала, а, отсмеявшись, пошла по своим делам.

Ни ей, ни резчику Никии даже присниться не могло, что предмет столь ничтожный и никчемный, как деревянная фигурка старухи, может удивительным образом повлиять на ход истории. Впрочем, им об этом и знать дано не было. И все же в свой час эта колышущая бедрами фигурка еще сыграет свою роль.

На следующий день Никия понес фигурку на большой рынок близ Ипподрома, где обычно и выставлял свои изделия на лотке, поскольку был слишком беден, чтобы снимать постоянное место. В то утро торговля шла вяло, но вскоре после полудня высокий господин со светлой улыбкой, не сходявшей с его худошавого умного лица, и глубокой задумчивой складкой на переносице, величественно и неторопливо приблизился к его лотку и мельком взглянул на работу резчика.

Никия тотчас же приподнял свой лоток со словами:

— Не желаете ли безделицу для забавы вашей милости? Есть также блюда, ложки, солонки...

Никия резко дернул лотком, и это привело вчерашнюю фигурку старухи в движение: она закачала головой и затрясла бедрами. Высокий господин, взгляд которого до сих пор довольно небрежно скользил по товару, внезапно заинтересовался. Видно, эта статуэтка напомнила ему что-то забавное, потому что он улыбнулся, причем весьма приятно, как с надеждой отметил про себя Никия.

— Сколько это стоит? — спросил мужчина, указывая на фигурку.

Никия мгновенно принялся набивать цену.

— Вот эта? О-о, ваша милость, чтоб ее сделать, понадобилось немало времени и мастерства. Видите, как искусно она устроена. Все деревянные игрушки способны лишь на одно движение, а эта...

— Так сколько же?

— Эта фигурка... она так мудроно устроена... что я должен... выручить по крайней мере...

— Этого хватит?

Высокий мужчина положил на лоток крупную золотую монету — солид с изображением Юстина на нем. Это было раза в три-четыре больше, чем Никия надеялся выторговать даже в самых необузданных мечтах. Резчика переполнила необычайная радость.

— Само собою, благородный хозяин! Она ваша. А не заинтересуют ли вас и другие мои изделия?

— Нет, благодарю. Мне приглянулась только эта старуха.

И с фигуркой в руке он отошел, пробираясь сквозь базарную сутолоку. На лице его по-прежнему блуждала странная улыбка. Многие узнавали его, хотя Никия был не из их числа.

Этим высоким господином был законник Трибониан.

Государь Юстиниан, Его Превосходное и Восхитительное Величество, Его Сиятельное и Благолепное Высочество, пользовавшийся только одним или двумя титулами из числа тех, с которыми к нему обыкновенно обращались, сидел за письменным столом во дворце Дафны, досадливо глядя на кучу грамот и донесений перед собою.

Нынче он не чувствовал себя ни благолепным, ни восхитительным, скорее наоборот, им владело горькое чувство безнадежности и собственного бессилия. Попробовать изменить что-либо в деятельности, а вернее, в бездеятельности многочисленных управлений, расплотившихся в правительстве империи за столетие, было сродни попытке бежать, провалившись по грудь в болото, когда вязкая тина связывает ноги и тянет на дно. Невольно поморщившись, он прикинул в уме, сколько же секретарей только в одной его канцелярии. Во главе каждой палаты стояли четыре скриния, каждая насчитывала по сто сорок восемь подсекретарей. По самым приблизительным подсчетам, выходило человек шестьсот. Шесть сотен чиновников вели лишь переписку империи да снимали копии с бесконечного потока донесений и сообщений, поступающих ежедневно.

А ведь канцелярия — одно из самых малолюдных ведомств. У Гермогена, престарелого министра двора, целая армия чиновников, а квестор Прокл с каждым днем создает все новые синекуры для молодых людей со связями. А «учет-

чик священных щедрот» — чиновник, ведавший налогами и сборами империи! У него имелось не только собственное полчище секретарей и прочих служащих, но в придачу и три десятка налоговых ведомств в провинциях, каждое со своим раздутым штатом!.. Далее — армия и флот: на шее у тех, кто действительно нес службу, сидел целый легион писарей и им подобных. Да, еще и пропозитий — главный управляющий дворцовыми службами, евнух, у которого под началом не одна сотня бесполох. И над всем этим сонмищем стоял префект претория, который чем только не ведал... Ясное дело, в его службах было еще больше народу — одних только фискалов и доносчиков состояло на жалованье никак не меньше десяти тысяч, не говоря уже о штатных чиновниках и писарях.

Юстиниану порой казалось, что не в человеческих силах предпринять что-либо при такой прорве чиновников, которые были большею частью заняты тем, что мешали друг другу, зато взятки брали исправно и неукоснительно. И тем не менее свои должности они занимали по императорскому указу, так что сместить кого-либо из них было мудрено.

К этому времени уже в течение полутора лет Юстиниан непосредственно возглавлял управление империей, и хотя он отдавался этому делу с завидной энергией, тем не менее у него все чаще и чаще опускались руки. Он устал, устал от рутинной работы, от бремени, которое ему пришлось взвалить на свои плечи, от двора, устал от сановников и слуг, перед которыми постоянно должен был выглядеть решительным, энергичным и мудрым. Старый император, его дядя, хотя и сохранял по отношению к нему внешнее расположение, тем не менее все меньше и меньше был способен принимать какие-либо решения и даже советчиком был неважным. К тому же существовала еще и Евфимия с ее вечными жалобами, завистью и раздражительностью.

Ежедневно Юстиниан наносил визиты стареющей чете во дворец Сигма, соединенный коротким переходом с административным зданием. По отношению к Юстину он ничего иного, кроме чувства огромной ответственности, не испытывал, но Евфимия своей вздорностью и мелочностью временами приводила его в бешенство.

С отвращением он оглядел стол, заваленный папирусными и пергаментными свитками и воцанеными табличками

с письмами, уведомлениями, предписаниями. Именно в это время Юстиниан предпринял попытку сосредоточить в своих руках и централизовать управление государством, но с разочарованием обнаружил, как и многие другие до него, насколько это трудно, почти невыполнимо.

Он брезгливо взял пергаментный свиток и принялся просматривать. Это было прошение наместника Цезареи, обвиняемого в растрате. Этот субъект благодаря своему привилегированному положению не подлежал юрисдикции местного суда и настойчиво требовал, чтобы Юстиниан самолично выслушал его. Такого рода делам не было счета. И если бы Юстиниан выслушивал всякого, кто считает себя вправе апеллировать прямо к нему, то на другие дела у него просто не осталось бы времени. В раздражении он швырнул свиток на поднос, где копились документы, предназначенные для рассмотрения префектом претория.

В это время дверь покоя отворилась и вошел Флавий, его личный секретарь. Сутулый, с большими темными глазами, он двигался вкрадчиво, как-то нерешительно. Нерешительность эта была вызвана тем, что он побаивался Юстиниана, который из-за того, что переутомлялся в последнее время, постоянно находился не в духе и не раз срывал дурное настроение на секретаре.

— Ну что там еще? — буркнул правитель.

— Одно письмо, — отвечал Флавий. — Меня просили передать его вашему величеству лично в руки.

— Кто? — свирепо оборвал Юстиниан, не терпевший никаких недомолвок.

— Велено было сказать, что от друга, о рожденный небесами.

— Дай-ка сюда, — повелительно простер руку Юстиниан.

Письма от «друзей» — набившая оскомину история. На основании «старой дружбы» вечно кто-то кланчил что-либо, предлагал или требовал. Такие послания почти неизменно отправлялись в мусорную корзину.

Юстиниан заметил, что свернутый папирус запечатан и усеян многочисленными следами пальцев — письмо, очевидно, прошло через множество рук. Он сорвал печать и принялся читать:

«Наидостойнейшему и Всемиловитому Правителю Юстиниану привет!

Умоляю тебя, Наиблагороднейший, не сочти за оскор-

бление, что к тебе обращается столь ничтожная и не достойная твоего внимания особа, как я, ибо пишу к тебе из любви и благодарности, и ничего не прошу, будь только счастлив и знай, что из всех людей ты самый величественный и самый великодушный...»

Обычное цветистое и полное лести вступление. Юстиниан хотел было мельком взглянуть на подпись, прежде чем отбросить письмо, как вновь отворилась дверь.

— Подквестор Трибониан! — объявил Флавий.

— Проси войти, — кивнул Юстиниан.

Непрочитанное письмо он рассеянно отложил на угол стола и тотчас позабыл о нем. Вечером придут слуги, чтобы убрать, и сметут его вместе с другими клочьями папируса и пергамента в корзину для всякого хлама. Сейчас визит Трибониана был важнее всяких посланий. Юстиниан всегда бывал рад видеть этого истинного знатока права. Пусть он и несколько циничен, но с ним никогда не бывает скучно; к тому же он считал Трибониана настоящим другом. Законник вошел, произнес обычные приветствия.

— Что привело тебя, о Трибониан? — спросил правитель. — Надеюсь, не просьба о дополнительных ассигнованиях на квесторские службы? Знаешь, эти молодые правоведы опустошают казну похлеще саранчи.

— Нет, наибогороднейший, я пришел из прихоти, если можно так выразиться. Но, может быть, я злоупотребляю твоим временем?..

— Входи, дружище. И что это за разговоры о злоупотреблении? Ты ведь знаешь, что я тебе всегда рад. Ты что-то хотел мне рассказать?

Вместо ответа Трибониан поставил на стол перед правителем деревянную фигурку старухи и, толкнув пальцем, привел ее в движение: старуха закивала головой и затрясла бедрами. Какое-то мгновение Юстиниан пристально смотрел на фигурку, затем выражение его лица изменилось, и на нем появилась легкая усмешка.

— Тебе эта фигурка случайно никого не напоминает? — спросил он, глядя на Трибониана.

Ухмылка на губах подквестора послужила ответом.

— Заметить это сходство было бы с моей стороны чересчур бесцеремонным, — ответил Трибониан, опуская глаза.

Юстиниан вновь бросил взгляд на фигурку.

— Это поразительно! — воскликнул он. — Невероятное сходство... — Юстиниан захохотал.

Теперь и Трибониан присоединился к нему. Оба, довольные, так и покатывались со смеху.

Удивительным образом резчик Никия, который и в глаза-то не видывал старую императрицу, в своей резной фигурке передал совершенное сходство с Евфимией, но еще точнее ему удалось скопировать ее манеры.

Когда они закончили смеяться, к Юстиниану вернулось доброе расположение духа. Он пару раз потрогал пальцем фигурку, чтобы удостовериться, закивает ли она точно так же головой и затрясет ли вновь пышными бедрами. Затем он поставил фигурку на край стола, на отброшенный папирус, и повернулся к Трибониану, чтобы обсудить с ним тонкости какого-то закона...

Трибониан ушел, но теперь Юстиниан ощутил прилив энергии. После разговора с энергичным и дельным человеком ему всегда становилось легче на душе.

Он вернулся к работе. День уже подходил к концу; в окно заглядывали косые лучи заходящего солнца, ярко освещающая фигурку. Правитель улыбнулся и машинально подтолкнул статуэтку: толстая старуха вновь проделала свой трюк. Вылитая ее императорское величество.

Взгляд его упал на папирус, на котором стояла фигурка. Что это за бумага? Видел ли он ее уже? Юстиниан извлек свиток из-под статуэтки и развернул его. Ах, да, это все то же письмо, что он читал, когда вошел Трибониан. Он взглянул на подпись внизу. Там значилось: «Македония».

Македония? Именно из этой провинции он приехал когда-то мальчишкой в столицу. Кроме того, так, кажется, звали одну особу... Точно! Теперь он ее вспомнил. Высокая, темноволосая куртизанка, которую он знал много лет назад. Она родом из тех же краев, что и он. Насколько он помнил, в течение нескольких вечеров она составляла ему неплохую компанию. А потом ее след затерялся. Что с ней приключилось? Скорее всего, ссылка. Заговор какой-то... Что-то смутное всплывало в памяти. Тогда он просил его проинформировать, но никаких сведений не получил, а потом в суете все как-то забылось. Надо бы выяснить, что там было, пусть даже и минуло несколько лет.

Теперь Юстиниан принялся читать письмо. После витиеватого приветствия в нем содержалась всего лишь про-

сьба к нему — давать передышку уму, обремененному горами государственных дел, и немного отвлекаться как ради собственного блага, так и ради блага империи. Далее автор предлагал и способ — девушку по имени Феодора, которую он, возможно, нашел бы «поистине замечательной». А внизу другой рукой был приписан адрес. Нет, вовсе не на улице Женщин, а в скромном, но вполне пристойном квартале Константинополя.

Юстиниан в досаде готов был уже отбросить письмо, но взгляд его опять упал на деревянную фигурку старухи. Смех, который она у него вызвала, облегчил душу. О, теперь он вспомнил Македонию гораздо отчетливее, и эти воспоминания были приятны. Внезапно ему пришло в голову, что в ее предложении содержится нечто здоровое. Похоже, ее действительно заботят его труды, по крайней мере она определено не ищет для себя никакой выгоды, предлагая другую. И адрес... Ведь послать императорский паланкин на улицу Женщин это одно, а в скромный, но приличный квартал — совсем другое дело. Юстиниан с годами стал считаться с приличиями и не любил возбуждать ненужные слухи и пересуды.

«Да, давненько я не отвлекался, — подумал он. — В конце концов правителю империи это необходимо точно так же, как и простому смертному. Это верно замечено, что в последнее время я переутомился — наверное, старею».

— Феодора, — задумчиво проговорил он, — это означает «дар Божий».

Имя возбудило в нем любопытство. И он позвонил в колокольчик, вызывая Флавия...

Пронзительно и назойливо кричали дети, их матери перепуганно выглядывали из дверей, когда на узкой улочке загрохотали кованные металлом сандалии. Для убогого квартала явление было необычайное: в блеске серебра и золота чеканил шаг отряд эскувитов; восемь рабов в парадных одеяниях несли паланкин, пестро раскрашенный, с выпуклым металлическим орнаментом, с пурпурными занавесями по сторонам. Царские носилки! Никакого сомнения! От удивления глаза у женщин лезли на лоб.

И тут случилось величайшее из чудес. Девушка, которая каждый день сидела с прялкой в дверях своего домика, вышла навстречу, словно только и ждала всю эту великолепную процессию. Одета и украшена она была, как обыч-

но, словно постоянно готовилась к этому явлению. Позднее это многие отметили.

С почтением, в которое трудно было поверить, стройную девушку в изумрудной тунике подвел к паланкину сам надменный командир эскувитов. Разве могла она быть подлого происхождения, как считали на улице? Ее обитатели видели, как она села в паланкин; видели, как опустились пурпурные занавеси, скрыв ее; видели, как рабы вскинули носилки на плечи. Раздалась команда, и эскувиты, сверкая копьями, мерно зашагали, сопровождая великолепный паланкин, уносивший пряху прочь...

Феодора вышла из своего домика с высоко поднятой головой, уверенно улыбаясь. Но и улыбка, и гордо поднятая голова были только видимостью. На самом деле она боялась, боялась до полного онемения.

Первая часть ее плана — доставить по назначению письмо Македонии, судя по всему, осуществилась. Но теперь ей предстояло воплотить и вторую часть, что было величайшим испытанием для нее самой.

Вспомнились ее собственные слова, сказанные Айосу: «Если я ухитрюсь встретиться с правителем, то не упущу возможности завоевать его сердце». Теперь же Феодоре вдруг показалось, что это самое трудное из всего, что она когда-либо намеревалась предпринять.

Высокое положение особы, к которой ее несли, пугало ее. Принц, словно орел, парит высоко: станет ли эта птица иметь дело с крошечным уличным воробышком? Может, он позабавится тем, что разорвет воробышка когтями — орлы ведь так и поступают...

Размеренному покачиванию и топоту ног по мостовой, казалось, не будет конца. Она попыталась вычислить время, необходимое для того, чтобы добраться до дворца. Затем подняла краешек занавеси и испуганно выглянула. Они двигались вблизи смутно вырисовывающейся громады Ипподрома. На некотором расстоянии показалась колонна Константина, воздвигнутая на постаменте белого мрамора и возвышающаяся на сотню локтей, неся на себе могучую фигуру великого императора, видимую из любой точки города. Наверное, они приближаются к воротам Халк. Феодора опустила занавесь и затаила дыхание. Она ждала, что вот-вот они остановятся, последует окрик часового, и они направятся в императорский дворец. Но ничего этого

не было: гвардейцы по-прежнему мерно чеканили шаг, но теперь, кажется, процессия повернула на юг, вдоль внешней дворцовой стены.

Куда они ее несут? Она все еще боялась взглянуть, поэтому время текло невыносимо медленно.

Наконец они остановились. Послышалось шарканье множества ног и приглушенный говор. Потом паланкин опустили на землю и чья-то рука откинула занавеску.

— Прощу вас, госпожа, выходите, — раздался голос. К ней обращался ожиревший евнух с отвисшим задом. — Я Дромон, дворецкий его бесподобного высочества, — представился он. — Следуйте за мной, я буду вас сопровождать.

Она вышла из паланкина. Перед нею, рядом с дворцовой стеной, возвышалось какое-то здание: небольшое, светлого мрамора, выходившее, очевидно, фасадом на море. Она узнала его — дворец Гормизды. Говорили, что именно здесь резиденция Юстиниана.

Она молча последовала за Дромоном в дом, миновав атрий*. Дверь распахнулась.

— Подождите здесь, — бросил евнух. И закрыл дверь за собою.

Теперь она осталась одна.

Поначалу девушка просто неподвижно стояла, ожидая, что сейчас кто-то войдет. Но никто не появлялся, и она стала прохаживаться по залу, с робостью осматривая его убранство.

Если это жилые палаты правителя, то они отличаются скорее простотой, чем роскошью. Комнат, по-видимому, было несколько; мебель и драпировки, мозаичные орнаменты, ковры — все было добротное, но даже не столь пышное, как на половине Экебола во дворце наместника в Аполлонии. От увиденного ей стало легче. Пристрастие к роскоши и пышности выдает изнеженность и слабость характера. А это почти спартанское жилье принадлежало мужчине, чьи вкусы, судя по всему, были просты, если не аскетичны. По крайней мере, он был настоящим мужчиной.

Ей вспомнились рассказы о сдержанности правителя, его сухости, педантичности и ревностном отношении к делам, и ее вновь охватила паника. Что может найтись у них общего?

С такими мыслями стояла она перед огромным сереб-

ряным зеркалом, рассматривая себя в нем. Нет более критического взгляда, чем тот, каким в такие минуты женщина окидывает свое собственное отражение. Может, кто и польстил бы ей, но только не она сама.

«Вид у меня несколько утомленный, — отметила Феодора, всматриваясь в полированную гладь. — Да и волосами следовало бы заняться: немного взбить, немного подравнять — и достаточно». Она достала из маленькой сумочки мягкий стерженок-ойсик и подвела губы. Изумрудно-зеленая туника — решила она — великолепно идет к смуглому тону ее кожи. Она не выглядит ни вульгарно, ни дешево, пусть даже на одежду и украшения потрачено немного. Ее маленькая фигурка на фоне строгой обстановки выглядела женственно и грациозно. Даже сама Феодора вынуждена была признать, что все не так плохо в конце концов, как ей казалось. Этот вывод придал ей уверенности. Она входит в новый для себя мир: мир роскоши и учтивости, это чудесный мир, который весьма отличается от всего, что знакомо ей, как небо отличается от земли... Она прошла к дивану и опустилась на него. Вечереет, вскоре кто-нибудь обязательно должен появиться.

Никого. А время идет. Она меняет позы, выбирая наиболее грациозные, поправляет тунику, чтобы та лежала наиболее выгодным образом... Близится ночь. Слуги, молчаливо и почти не глядя на нее, зажгли светильники. Другие слуги принесли еду и вино, поставили перед нею столик. Феодора давно чувствовала голод и немного поела. Когда она закончила трапезу, слуги бесшумно убрали блюда и исчезли, вновь оставив ее в одиночестве.

Теперь она уже недоумевала: прошло столько времени, а с ней никто даже не заговорил, кроме этого евнуха Дромона! Неужели они думают, что девушка должна оставаться во дворце совершенно одна, никем не замеченная?

Она едва сдерживалась. Даже правитель не смеет так обращаться с женщиной.

А время тянулось так бесконечно, что даже негодование постепенно забылось.

Раз-другой Феодора ловила себя на том, что зевает.

И вышло так, что она уснула. Уснула во дворце Гормизды, в жилище правителя Юстиниана, наследного принца империи ромеев.

Разбудил Феодору голос, доносившийся из атрия. Се-

кундой позже хлопнула дверь, потом послышались шаги по мраморным плитам зала. В отчаянии она поспешила привести себя в порядок: протерла глаза, взбила волосы, поправила на груди тунику — все это одним скользящим движением.

Он уже стоял в проеме дверей.

Молодая женщина, а в особенности красивая молодая женщина, едва ли догадывается, что она как никогда очаровательна именно в час утреннего пробуждения, застигнутая врасплох, слегка растрепанная. Вот такой он ее впервые и увидел: в солнечном луче блестит густая копна волос, горящие глаза удивленно вскинуты, и юные припухшие губы полураскрыты от внезапного испуга.

Феодора же видела перед собой рослого и сильного мужчину в простой вишневой тунике, белой накидке с пурпурной каймой и без всяких украшений, если не считать крупный золотой аграф в виде римского орла, которым накидка скреплялась на плече. Это был человек в самом расцвете сил: крупная, но благородно посаженная голова, вьющиеся волосы коротко острижены, свежий цвет лица, мощный нос, широкие скулы. Еще она заметила, что он предельно погружен в себя, держится сухо и недоступно. Она сразу почувствовала эту стену сдержанности, о которую может понапрасну биться любая женщина, поэтому взглянула на него едва ли не с опаской.

— Я Юстиниан, — назвался он. — Прошу простить, что заставил столь долго ждать. Возникли срочные дела, и я потерял счет времени.

Он извинялся перед нею самым учтивым образом, словно она была влиятельной дамой.

— Я... я немного задремала, — проговорила она, слегка запинаясь, и вскочила с дивана, лихорадочно соображая, что следует делать дальше, как вести себя в его присутствии. Может быть, следует опуститься на колени?

Однако все решилось само собой после того, как он проговорил:

— Пожалуйста, седи.

Все еще смущенная, она подчинилась. Юстиниан подошел к ней и опустился на большое ложе напротив.

— Так это ты Феодора? — спросил он. — Приятельница Македонии из Антиохии?

— Да, ваше высочество...

Он что-то обдумывал. Лицо его было непроницаемо. Наконец правитель произнес:

— Знай же, что я послал за тобой из чистого любопытства.

Начало ничего хорошего не предвещало, но она все же ответила:

— Слушаю, ваше высочество...

— С какой это стати Македонии, которую я знал давно и недолго, взбрело в голову рекомендовать тебя мне?

В его вопросе сквозила подозрительность, и она это почувствовала. Ответ ее был совершенно искренен и недвусмыслен:

— Потому что она, ваше высочество, знала, что вы не только правитель, но также и... мужчина.

Она произнесла это таким образом, описать который трудно, но который всякий, кто общался с истинными женщинами, в силах вообразить. Звучало это так, словно, назвав принца мужчиной, она одновременно отпустила ему величайший комплимент из всех имеющихся в ее распоряжении, и в то же время поставила его, так сказать, на некую общую доску, где мужские качества ценны сами по себе: вне чинов и прав рождения.

Замечательно это равенство полов! Мужчина, обладающий большой властью и богатством, почтенный годами и увенчанный славой и почестями, вправе ожидать и действительно получает от всякого встречного подобающие знаки уважения, подчас приближающиеся к благоговению и трепету. И все же миру хорошо знакомо зрелище, когда некая девушка, еще даже не женщина, без образования и заслуг, имеющая мозгов ровным счетом столько, сколько требуется для того, чтобы украсить себя, дерзко фамильярничает именно с таким высокопоставленным мужчиной, дуется на него и помыкает им, да так, что он готов из кожи лезть, лишь бы она снова улыбнулась.

Вот такого рода власть любая женщина, даже ничтожнейшего ума и самой обыкновенной наружности, способна употребить, конечно, если обстоятельства будут ей благоприятствовать. Однако Юстиниан столкнулся с существом необыкновенных умственных способностей и чувственности, которое обладало редкой интуитивной проницательностью.

Он не мог не реагировать на тонкий комплимент, обе-

шавший блаженство, и ответил улыбкой, но, поймав себя на этом, сдержался.

И в эту минуту, когда и слов-то никаких особых сказано не было, произошло одно событие. Их положения неопи-сваемым образом полностью поменялись. Мужчина внезапно растерялся, а девушка обрела уверенность. Классическая перестановка: женщина, очень желанная, всегда капризна и своенравна и требует ухаживаний; мужчина, не уверенный в ее благосклонности, безрассудно стремится ей угодать.

Феодора от сознания этого маленького успеха радостно затрепетала. Она добилась главного — она желанна. Ей вспомнилось известное изречение Лукиана: «Когда занимаешься любовью, думай только о том, чтобы завоевать мужчину и превратить его в постоянного любовника».

Возможно ли это? До сих пор об этом она почти и не помышляла... Чаще всего первый шаг делает мужчина.

— Ты очень красива, моя дорогая. Знаешь ли ты об этом? — спросил он. Теперь он взял инициативу в свои руки. С этой минуты ей надо было только отвечать ему, оставаться привлекательной и манить его: сначала — ослепительная благодарная улыбка, а потом — взгляд, и обещающий, и уклончивый, и возражения, в которых нет возражений, и притворная робость, и застенчивость, которые и не робость, и не застенчивость. Даже куртизанка — чьи цели, в общем-то, всем очевидны — может прекрасно использовать эти средства, коль она пленила мужчину.

Юстиниану она показалась необычайно прелестной: изящество стройного и гибкого тела, почти не скрываемого облегающим нарядом; лицо с глазами сирены, обрамленное роскошными волосами, слишком пышными, казалось, для ее хрупкой фигуры, полные губы, влекущие и беззащитные.

Ему хотелось прикоснуться к этим губам, он внезапно почувствовал, что охвачен трепетом, и рассердился на себя, не будучи в состоянии отвести от нее взгляда.

— Феодора... — начал он, склоняясь к ней, словно влекомый какой-то силой. Он ощутил тонкий чарующий аромат ее кожи.

— Феодора... — Он взял ее за руку, и она замерла. Ее затрудненное дыхание словно пробудило его. Он вскочил, грубо подняв ее на ноги.

Лицо ее было обращено к нему. На нем застыл немой вопрос... Вопрос, на который только он мог дать ответ.

Обнимая ее, он почувствовал волнующую упругость ее плоти. Кровь прилила к его вискам, он слегка запрокинул ее лицо и страстно поцеловал. В этот миг Юстиниан впервые открыл для себя, чем может быть женский поцелуй.

В жизни он не знал такого поцелуя: он одновременно и давал, и брал, в нем были и сладость, и пламя; Юстиниану казалось, что из его груди вынимают душу...

Он вдруг осознал, что сидит на ложе, женщина лежит у него на коленях, а их губы сливаются в одно. Неожиданно Феодора гибко подалась в сторону. Продолжая оставаться у него в объятиях, она словно сверхчеловеческим усилием воли оторвала свои губы и прошептала:

— Нет... нет... не сейчас.

— Почему?! — яростно потребовал он таким же шепотом.

— Не знаю... просто мне кажется... нельзя так сразу.

Вот она, подлинная суть женского искусства: притворное сопротивление, никак не вяжущееся с логикой, при бесспорном желании уступить; притворство, вызываемое в женщине скорее инстинктом, нежели сознанием, и призванное раздражить, усилить страсть мужчины до исступления.

И хотя на нем были царские одежды, он был прежде всего мужчиной и действовал теперь как мужчина: подхватив ее на руки, отнес в спальню и бросился рядом с нею на ложе.

Это было то самое мгновение. Высший взлет. Притворство было больше ни к чему. Она была охвачена подлинной страстью, огромным и сильным чувством.

Замечательно сказал один великий поэт: ни восход и закат солнца, ни величие храма, ни ярость бури не достойны удивления того, кто видел, как в момент высочайшего экстаза в объятиях возлюбленного меняется женщина.

ГЛАВА 16

Секретари канцелярии принца обратили внимание на то, что Юстиниан, всегда занимавший место за своим столом прежде других, на следующий день в первый раз не приступил с рассветом к исполнению своих обязанностей.

Когда же он наконец появился, все, кто знал его, увидели совсем другого человека — едва ли не легкомысленного, смешливого и на протяжении всего того дня непоседливого, не способного, как бывало, сосредоточиться на работе.

В то утро принц засиделся во дворце Гормизды с маленькой прелестницей за утренней трапезой, и весь день он только о ней и думал, не в силах вполне владеть своими мыслями.

Прежде женщины всегда оставались для Юстиниана не более чем игрушками, походившими друг на друга, как одна монета на другую. Когда в звоне такой монеты он замечал изъян, делавший ее недостойной его, она выбывала из обращения. Так происходило со всеми женщинами, которых он знал. Это было в нравах Востока, к которому все больше тяготели в империи: если не считать удовлетворения любовных потребностей и произведения потомства, женщина нисколько не заслуживала мужского внимания.

В тот день, однако, Юстиниан постоянно мысленно возвращался к девушке, которая осталась у него в доме. Он не мог не думать о живом взгляде ее блестящих глаз, ее веселом смехе и о том, как она отвечала ему во всех поворотах любовной игры, длившейся всю ночь, увлекаясь этой игрой так же, как он был увлечен ею самой.

Уже этим одним она выделялась среди большинства его прежних подруг, которые обычно утомлялись и охладевали и уже не стремились к продолжению в союзе с партнером новых поисков и попыток до полного иссякания самых родников наслаждения, когда мужчина и сам рад успокоиться в благодарной беспомощности.

В этот день Юстиниан не стал задерживаться в канцелярии и рано вернулся в свой дворец. Проведя без новой своей подруги несколько часов, он теперь почти убедил себя, что всего лишь позволил разыгаться воображению и приготовился к разочарованию при встрече. Тем не менее, оказавшись перед порталом Гормизд, где его приветствовали стражники, он ощутил поднимавшееся в душе волнение.

Что же касается Феодоры, в прошлую ночь она играла свою женскую роль, то есть соображала и строила планы, тогда как мужчине положено лишь слепо следовать своим желаниям. И даже когда ее тело пылко повиновалось в объятиях царственного любовника своим инстинктам, как то бывает со всякой настоящей женщиной, и уже как будто не

стремилось ни к чему, кроме их удовлетворения, — даже и тогда в мыслях у нее не было ни малейшего смятения.

Юстиниан прислал к ней дворцовых прислужниц, и с их помощью она посвятила все утро купанию, уходу за собой и отдыху утомленной плоти. Она с жадностью, хотя и умеренно, поела и вздремнула после полудня. Когда же, по ее предположениям, приблизился час возвращения Юстиниана, она сделала кое-какие приготовления: опять поплескалась в бассейне, тщательно убрала волосы, прикоснулась в последний раз там и сям к лицу, кое-где втерла в кожу немного благовонного масла и облачилась в свежую, извлеченную из сумки тунику мягкой розовой ткани, собрав ее в бесчисленные складки, благодаря чему это одеяние подчеркивало линии ее тела и делало его еще более грациозным.

Женщина — это иллюзия, и эту иллюзию создает в себе мужчина. Едва он влюбится в нее, как ей остается лишь помогать ему время от времени в сотворении иллюзии. Когда Юстиниан увидел в тот вечер Феодору, она являла собой высшую степень совершенства, на какую только было способно искусство ее самой и ее камеристок, но в его глазах она превосходила любое мыслимое совершенство. Все, что он пытался в течение дня придумать, дабы приготовить себя к разочарованию, оказалось ненужным. Она походила на богиню — вернее сказать, на прекрасную нимфу, из тех, которые, как утверждают мифы, бывали иной раз доступны любви смертных.

Но хотя она настолько очаровала Юстиниана, что он, пожалуй, видел ее теперь не иначе как через призму собственных иллюзий, у нее самой не было никаких иллюзий относительно себя. Когда он пылко обнял ее и стал покрывать ее лицо и грудь поцелуями, она отвечала ему с не меньшим жаром, но и тогда ее не оставляли мысли о главной ее цели и предмете устремлений.

Юстиниан был пленен. Она превзошла все его ожидания. Феодора это знала. Но она также знала, что никакая женщина не сможет удержать такого мужчину, как Юстиниан, на долгое время, если не проявит бесконечного воображения и выдумки. Он уже не юноша, заботящийся в любви лишь о своих ощущениях, которого женщине легко опутать своей паутиной. Это зрелый муж, привыкший к повинности других людей, ежедневно занятый делами огромной

важности, и, возможно, расцвет его жизненных сил уже позади. По этим причинам сохранить власть своих чар над ним гораздо труднее. Приходилось помнить и о том неприятном обстоятельстве, что она всего лишь маленькая куртизанка, что она оказалась во дворце на короткое время и пребывание ее здесь может не продлиться долее еще одной ночи.

Хотя о человеке, которого она боялась больше всего, речи пока не заходило, Иоанн Каппадокиец нет-нет да и возникал мрачной тенью в ее памяти. Она особенно надеялась на то, что сможет оградить себя от злобы префекта претория, даже когда ей придется покинуть дворец, и думала об этом, готовясь принять Юстиниана во второй вечер.

Женщины часто бывают подобны облаку и не воплощаются в законченные формы, а потому бездумная переменчивость для них естественна. Однако Феодора довела эту особенность женского естества до совершенства. Натура ее была необычайно многообразна, но мысли у нее были заодно с интуицией, и перемена в ней привела принца в замешательство.

Он ожидал от нее половодья страсти, но никакого половодья поначалу в ту ночь не было. Было много смеха, игры, были обещания и отказы, движущееся в его руках упругое тело, губы, внезапно отводимые в сторону, неожиданные прикосновения и поцелуи в минуту разочарования, веселые шалости на обширном ложе принца, длившиеся до тех пор, пока он уж и сам не знал, смеяться или гневаться в бесплодных попытках добиться вожденной награды.

Женщины, достаточно смелые для такой игры, должны знать таящуюся в ней опасность: им необходимо точно предугадывать, как долго можно ее вести, и тонко чувствовать тот момент, когда многократно получивший отказ мужчина перестанет разделять радость игры, начнет чувствовать утомление, злиться и не захочет ее продолжать. Кокетство иной раз грозит зайти слишком далеко.

Однако Феодора была достаточно искусна, чтобы не совершить такой ошибки. В тот самый момент, когда она успевала уже истомить его и подвести к черте, за которой наступает охлаждение, но когда он еще полон желаний и сил, она позволяла овладеть собой как бы случайно или как будто она не в силах больше сопротивляться. И они соединялись, охваченные небывалым прежде жаром.

Потом они приняли ванну, резвясь и хохоча в воде, как дети, затем оделись и принялись за ужин, поданный слугами-евнухами.

Ужин был отменный, но Юстиниан почти не чувствовал вкуса еды. Отнюдь не гурман вообще, в тот вечер он был настолько увлечен своей подругой, что просто не замечал, что кладет в рот.

Ее болтовня была весела и остроумна, но и чистосердечна. Ему нравилось слушать ее, потому что ее голос был так же приятен для уха, как ее тело для прикосновений. Особенно нравилось ему, когда она рассказывала о себе. И она отвечала на его вопросы прямо и откровенно, как бы доверяя себя ему и тем самым давая ему право на все, что он желал бы получить от нее.

Юстиниан всегда интересовался образом мыслей других людей, и в последнее время его внимание привлекали дебаты по религиозным вопросам. Хотя церковь безусловно осуждала таких женщин, как его прелестная подруга, а также — следует признать — и таких мужчин, как он сам, то есть распутников, благодаря которым только и могла существовать профессия куртизанок, тем не менее собственное его положение не вынуждало его исповедовать строгие и унылые воззрения наиболее ортодоксальных богословов. Однако склонность к религии, в частности к ее метафизическим аспектам, все более возрастала и впоследствии всецело овладела им.

— Когда я послал за тобой, ты не жила на улице Женщин, а ведь она, по твоим словам, служила тебе домом много лет, — сказал он.

— Я пряла, — ответила она.

— Пряла? Почему ты решилась на эту перемену?

— Я вовсе не думала о перемене. Мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями, подумать о будущем. А в перемене я не чувствовала необходимости.

Он улыбнулся.

— Вот как? Что же, верю. Но у меня возник любопытный вопрос.

— Какой же? — спросила она.

— Ты не считаешь себя, насколько я понимаю, порочной женщиной?

Она взглянула ему прямо в глаза.

— А ты думаешь, что я такая?

Несколько мгновений он раздумывал.

— Нет, вовсе нет. Видимо, все это естественно для тебя, и, как бы ни выглядело с точки зрения церкви, ты не делаешь ничего худого, в отличие от тех, кто сознательно и намеренно пренебрегает общепринятыми установлениями. Скажи, Феодора, как ты понимаешь грех?

Такой поворот беседы и характер вопроса захватили ее врасплох. Она заколебалась в смущении, не понимая, к чему клонит правитель.

Он опять улыбнулся.

— Ты, должно быть, знаешь, что проповедники в храмах проклинают тебя и тебе подобных.

— О! — воскликнула она, поняв, в чем дело. — Это потому, что я получаю плотскую радость там, где нахожу ее? По мне, это не такой уж большой грех, раз радость достается и другим. Я примечала, что некоторые считают греховным то, что просто доставляет радость кому-нибудь другому. А я не так смотрю на это: грех — это то, что причиняет другим вред, боль или же оскорбляет их, делает несчастными. Скажи, так ли уж несчастлив мужчина, обнимающий женщину?

Он рассмеялся, услышав этот простодушный довод.

— Нет, моя маленькая сладострастница, вовсе не несчастлив — во всяком случае, обнимая тебя! Но ты не вполне понимаешь взгляд аскетов на этот вопрос.

— Каков же он? Я всегда считала, что они просто разобщены на жизнь.

— Ты несправедлива к ним. Некоторые из аскетов — великие мыслители и глубоко исследуют вопросы абсолютного добра и абсолютного зла. Они заняты не столько тем, что доставляет наслаждение другим, сколько тем, что доставляет недостойное наслаждение им самим. Они считают, что, отказывая себе в плотских наслаждениях, они возвышают душу и обеспечивают себе вечное блаженство в грядущей жизни.

Она ответила чисто по-женски:

— Да пусть их, если им так хочется. Но почему же они навязывают свои взгляды другим? Мне-то жизнь в радость, и я не хочу отказываться от всего того, ради чего стоит жить.

Он подумал немного и кивнул, как бы соглашаясь.

— Однако эти люди заботятся о душах других так же, как и о своей, — заметил он. — Все связанное с любовью

находится в центре их внимания — потому, вероятно, что в ней заключаются величайшие соблазны и величайшее наслаждение. Именно это делает некоторых из них фанатиками, как, например, монахов-валезианцев.

— Валезианцев? Я ничего о них не слыхала.

— Это последователи Валента из Бает-Метрокомии. У них борьба против всяческих проявлений половой жизни доходила до того, что они оскопляли не только себя, но и своих учеников, считая это средством освобождения от плотских желаний.

Ее передернуло от отвращения.

— Какой ужас! В глазах этих монахов все женщины — средоточие зла и порока. Так ли они думают о собственных матерях, родивших их? Такое изуверство, по-моему, гораздо порочней любого естественного греха!

Юстиниан кивнул.

— Церковь и сама вынуждена была осудить этот безумный обычай, — сказал он. — Первый же канон, утвержденный Никейским собором*, установил, что человек, превращенный в евнуха врачами в случае болезни, либо варварами, либо же еретиками, может остаться священником, но тот, кто подверг себя такому увечью сам или подвергся ему по собственному согласию, священства лишается.

— Не понимаю такого фанатизма! — воскликнула она. — По-моему, это не от стремления человека к добродетели, а от его страха перед своей собственной слабостью или, может быть, от безумного стремления управлять жизнью других. В конце концов, какая доблесть в сопротивлении соблазну, если соблазна-то и нет?

— Но он был — по крайней мере, до тех пор, пока они не совершили над собой то, что совершили. Таким путем, причинив себе огромное страдание, они искупают грехи или же хотя бы считают, что это так.

— По-моему, неправильно так думать, это непоследовательно, — отвечала она.

— Ты так считаешь? — с интересом спросил принц.

— Мне всегда казалось, что мужчина, достойный этого имени, никогда не должен становиться рабом своих влечений, он должен подчинять их, чтобы они не мешали ему в достижении успеха в том, чего он добивается. Но подчинение естественных побуждений своей воле и отречение от них — не одно и то же. По-моему разумению, крайний ас-

кетизм — это прибежище посредственностей. Можно обходиться без любви, без пищи, без питья — как и мне приходилось — в силу необходимости. Но только если иначе нельзя. Как только исчезает обстоятельство, вынуждающее к ненормальному воздержанию, человеку естественным образом следует вновь предаться наслаждениям и утехам.

— Ты говоришь — предаться? Но почему?

— Потому что для отказа от плотских желаний не требуется никаких способностей — гораздо чаще они требуются как раз для удовлетворения этих желаний, ведь для этого нужно уметь и подумать, и потрудиться. Значит, предаваясь аскетизму, те, кто поплоче, как бы добиваются превосходства, ведь они попросту не заботятся об умиротворении созданных природой страстей. Это все равно, как если бы претендовать на похвалы от людей за то, что лежишь на земле, а не стоишь на ней. Лежать ведь всегда легче. Так и аскет отказывается от всяких стремлений, только он не прибегает к оскотлению.

Юстиниан невольно восхитился живостью ума девушки, выразившей свои мысли так, как это было недоступно ни одной из женщин, которых он знал до сих пор. Однако он не вполне был согласен с ней.

— Я и сам живу довольно воздержанно, — проронил он.

— Но не настолько, чтобы кого-нибудь этим поразить, мой принц! Ты держишь себя строго, но ведь не отказываешь себе в проявлении чувств. Или у меня сложилось неверное впечатление?

Она склонила набок голову и едва заметно лукаво улыбнулась, а он весело рассмеялся.

— Мне больше по душе добродушная терпимость древних, — продолжала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Рассказывают об Аспазии, известной афинской гетере, что как-то раз на рынке на нее набросилась жена историка Ксенофонта*, обвиняя ее в том, что она вредит законной любви. Но куртизанка, отнюдь не растерявшись, положила ей руку на плечо и с улыбкой спросила: «Если бы золотые украшения твоей соседки оказались лучше твоих, какие тебе нравились бы больше — собственные или принадлежащие ей?» — «Допустим, принадлежащие ей», — отвечала разгневанная поборница добродетели. «А тогда, — спросила Аспазия, — если бы муж другой женщины был

лучше твоего, то разве ты не полюбила бы его больше своего?» Жена Ксенофонта, как рассказывают, не отвечала и лишь завернулась с головой в свое покрывало.

Принц улыбнулся, но сказал:

— Боюсь, софистика Аспазии в этом диалоге не может считаться настоящей аргументацией.

Феодора посерьезнела, поскольку в его словах крылся намек на ее собственное положение. И хотя связанные со знатью куртизанки Константинополя все еще пытались поддержать славу прославленных гетер древней Греции, эти попытки были обречены. Им предстояло превратиться в носительниц тайного и постыдного порока.

Юстиниан не мог знать ее мыслей, но он пожалел о том, что девушка приуныла. Меньше всего он намеревался гасить горевшую в ней искру.

— А у меня есть для тебя маленький подарок, — внезапно сказал он, улыбнувшись. — Я собирался приберечь его на завтра, но...

Тут он заколебался, и его улыбка исчезла. Он не хотел касаться этого вопроса сейчас. Феодора молчала, потупившись, с трепетом ожидая, что он скажет. А потом произнесла это сама:

— То есть... я... я... завтра должна уйти.

В замешательстве он отвечал:

— Да, тебе придется вернуться. Я не могу поступить иначе.

Ее голова опустилась, глаза потухли.

— Но ты знаешь, почему? — спросил он. — По причине того, что мне слишком хорошо с тобой. Ты понимаешь, что я хочу сказать, Феодора? Слишком хорошо! По той же причине, по которой я хотел бы, чтоб ты осталась здесь, я должен отослать тебя. Это проклятье моего положения. Ты... Ты мешаешь мне работать...

Он проговорил все это с глубокой серьезностью, отчетливо понимая, что за время их краткого знакомства он для нее не сделал ничего, тогда как она для него — все. Он непрерывно брал, она — отдавала. Он получал наслаждение, позволял ей с непревзойденным воображением и разнообразием ублажать его, а сам же нимало не старался доставить ей радость. И его поразило, что за всю ее щедрость он вознамерился наградить ее лишь самым холодным и не-

притязательным подарком, какой только можно придумать.

Однако, не зная, что еще теперь сказать, он продолжал:

— Это никоим образом не может выразить моей благодарности за то счастье, которым я обязан тебе.

И он извлек из шкатулки ожерелье. Чудесное ожерелье из жемчуга, от которого у любой женщины перехватило бы дух. Оно стоило целое состояние. По сравнению с ним изумрудная цепь Дата была сущей безделицей. Однако девушка скользнула по дару принца равнодушным взглядом.

— Благодарю тебя... — начала было она, но даже не сделала движения, чтобы принять жемчуг, который он протягивал ей.

Затем совершенно неожиданно одним стремительным движением она бросилась в его объятия. Она припала лицом к его плечу, и он привлек ее к себе, донельзя изумленный: Феодора рыдала.

— Не нужно мне этого! — всхлипывала она. — Не надо дарить мне... ничего! Ты... ты... так хорошо обращался со мной... никого добрее я в жизни не встречала... никогда...

— Но все же... хоть что-нибудь... — пробормотал он в ее пышные надушенные волосы.

— Не надо! — скорбно повторила она. — Я знаю, я... я куртизанка. Но я все-таки женщина! А женщина не может... не может делать это... одним умом, будто работу! Ведь для нее главное — это сердце!

Он теснее прижал к себе рыдающую девушку. Наконец она тихо заскулила, словно обиженный щенок.

— Я уйду. Завтра утром я уйду. И не буду больше... мешать тебе работать. Но мне не нужно этого жемчуга... и ничего другого!

Юстиниан, тронутый, как никогда ранее, поцеловал ее и ощутил вкус слез у нее на щеках — они были солоньки, как море.

Ни одна куртизанка, ни одна женщина еще не проливали слез из-за него.

На следующее утро она проснулась немного раньше его. Какое-то время она неподвижно лежала, прислушиваясь к его глубокому ровному дыханию.

Потом она повернулась. Лицо Юстиниана в забытьи казалось почти детским. Она видела его массивный подбородок повелителя, мощные кости лба, крупный мужест-

венный нос. Но рот, днем привычно выражавший суровость, сейчас смягчился, а темные волосы были взерошены, как у мальчишки. Чувства нахлынули на нее. Ей хотелось поцеловать его губы, пригладить растрепанные кудри. Но в то же время она не хотела будить его.

Она удивилась этой нежности в себе, этому желанию приласкать и защитить.

И одновременно вспомнила, что сегодня ей придется вернуться к себе на улицу. Она ощутила в сердце тупую боль. Мысль об этом была невыносима, с тоской и беспомощностью она думала о том, что ничего изменить нельзя.

Конечно, придется смириться с неизбежным. Этим утром, однако, ей было даже более горько, чем тогда, когда солдаты бросили ее одну в Ливийской пустыне или когда у нее отняли ребенка.

Она стала думать о Юстиниане. Не так давно он был для нее просто мужчиной, и тогда этого было достаточно. Затем последовали эти безумные два дня и две ночи.

Но теперь она знала, что не вполне оценила его. Он был более чем мужчина. Он был — Государство.

Соображения и стремления, которые для простых смертных значили все, для него не значили ничего. Огромная, все более расширяющаяся империя, миллионы людей, бесчисленные малые и большие города — все это находилось во власти того, кто дремлет сейчас рядом с ней и кажется во сне столь кротким. Она знала его железную решимость и то, что принятые им решения окончательны.

Она попыталась смирить себя. В конце концов, подумала она, ей все же удалось кое-что, с чем можно себя поздравить. Ни одна куртизанка не могла похвастать двумя ночами подряд, проведенными во дворце принца.

Далее она попыталась обдумать, как поступить дальше, убеждая себя, что нет причин для уныния, поскольку все это может оказаться в конце концов началом большого успеха. Но сердце не верило, и она вскоре отбросила пустые мечтания. Замыслы и надежды словно утратили аромат.

Когда Юстиниан проснулся, она уже встала и принимала ванну.

Этим утром он был в превосходном расположении духа, подшучивал над своими канцеляристами, которые два дня кряду занимали свои места за столами спозаранку, как он и сам всегда делал, но обнаруживали, что его еще нет.

— Но теперь я все наверстаю, — бодро заявил он. — Никогда не чувствовал себя столь свежим и готовым работать. Ты, дорогая, оказалась укрепляющим средством для меня.

Служить укрепляющим средством, подумала Феодора, это не очень много, но все-таки кое-что.

Во время завтрака о ее уходе они не заговаривали: она — потому, что ей это было крайне неприятно, он — потому, вероятно, что такую безделицу не стоило и обсуждать. Однако пока они беседовали о множестве посторонних предметов, она все ждала, что с минуты на минуту он объявит о носилках, ожидающих ее.

— Чувствую себя прогульщиком, — сказал он наконец, когда они лакомились сикейскими смоквами, которые были поданы последними. — В эти два дня мне следовало посвятить работе много больше часов, а не ублажать себя, ведь я занят сейчас весьма важным дипломатическим казусом.

Она ничего не сказала, потому что услышала в его словах скрытый упрек себе.

Помолчав, он спросил:

— Хочешь узнать, в чем он состоит?

— Разумеется, мой принц. Хотя я ничего не смыслю в дипломатических делах — это выше моего разумения...

— Я и не надеялся, что ты разбираешься в дипломатии. Я и сам часто не понимаю ее. Но, может быть, мне удастся разъяснить...

— Мне всегда интересно то, что касается тебя.

— Очень хорошо. Постараюсь изложить все попроще. Не так давно поступило предложение о мире и союзе от Персии. В ведомстве иностранных дел считают его наиболее важным событием во взаимоотношениях двух империй за всю историю, оно может означать начало новой эры, эры безопасности и процветания, поскольку Персия на протяжении долгого времени остается нашим самым опасным врагом, который противостоит нам вдоль всего восточного рубежа и мощь которого основана на неисчислимом населении, огромных богатствах и религии, делающей персидских воинов свирепыми и фанатичными.

— Я и не знала, что Персия так грозна.

— Двадцать лет назад, — сказал он, — во время войны с Персией нашим военачальникам пришлось туго. Персид-

ские орды переходили горы, опустошали наши восточные провинции и грабили самые крупные из тамошних городов. Благодаря весьма ловкой дипломатии императора Анастасия, подкупившего белых гуннов к северу от Персии, чтобы они совершили набег на ее границы, удалось принудить персов отвести свое войско и восстановить status quo на границе.

Впервые слышала Феодора о ходе грандиозных событий из уст одного из тех, кто сам занимался этими делами. Государства торговались друг с другом, играя судьбами миллионов людей, как лавочки на базаре торгуются из-за нескольких медяков. Она не могла вполне постигнуть масштабы того, о чем ей пришлось услышать, но была настолько заинтригована, что на время напрочь забыла о том, в каком положении находится сама.

Наконец она спросила:

— Как же может быть заключен такой договор о дружбе?

— Сасанидский царь Персии Кавад* выступил с удивительным предложением. Его доставило на этой неделе особое посольство. Мой дядя, император, разумеется, поручил это мне, а у меня пока не было времени как следует его изучить. Но я могу разъяснить тебе его суть.

Она кивнула, не сводя с него глаз.

— Оказывается, у царя Кавада трое сыновей, — начал он. — Старший из них, он же законный наследник, — это Хасус, распутник и безвольный человек, насколько я понимаю, а кроме того — злобный и жестокий. Отец ненавидит его. Второй сын, Джамспес, говорят, способный воин, но, к несчастью, потерял в сражении с белыми гуннами глаз, в связи с чем не может, по персидским законам, наследовать престол, ибо это воспрещено тем, кто страдает уродством или увечьем.

— Это могло бы стать препятствием для многих хороших военных, — заметила она.

— Такова их религия, — пояснил он. — В ней большое значение придается совершенству, поскольку царь считается божеством, равным солнцу, которому они поклоняются.

— О! — только и произнесла она.

— Но есть еще третий сын, — продолжал Юстиниан. — Его имя Хосров*, и царь благоволит ему, отчасти потому, что он сын любимой жены — у персидских правителей,

знаешь ли, бывает много жен; иногда они даже женятся на собственных сестрах.

Она кивнула. Всем было известно, что персы многоженцы, так же как и то, что у них в обычае кровосмешение и правителям дозволяется жениться на родных сестрах и иметь от них детей, дабы сохранялась чистота священного царского рода. Таким же образом поступали египетские фараоны в прежние века, и непохоже было, что дети, рожденные в браке братьев и сестер, заметно ослабляли царские семьи, как должно было бы случиться при кровосмешении.

— Царь Кавад, — продолжал Юстиниан, — хочет сделать Хосрова своим наследником. А поскольку наследники царского дома Персии, согласно обычаю, убивают всех своих братьев, заняв престол, чтобы предотвратить гражданские войны, то царь предлагает, желая обеспечить Хосрову надежное, а равно и почетное убежище, чтобы его сын приехал в Константинополь и поселился при дворе и чтобы мой дядя, император Юстин, усыновил его и покровительствовал ему, пока тому не придет время царствовать в Персии.

— Не слишком ли много он просит? — спросила девушка.

— Как ни странно, прецедент есть. Я об этом не слышал, но ссылка на него имеется в послании персов. Я навел справки. Более ста лет назад император Аркадий*, будучи при смерти, был озабочен судьбой своего сына и наследника Феодосия, которому было семь лет от роду. В то время в государстве было много инакомыслия, персы, предводительствуемые Джездергидом, бряцали оружием. Аркадий смело обратился к персидскому царю, поручил сына его заботам и, в сущности, отдал ему власть над ромейским миром до тех пор, когда Феодосий вырастет и сможет занять трон.

— И что из этого вышло?

— Когда время наступило, Джездергид, к чести его надо сказать, возвел своего подопечного на престол Константинополя и возвратил всю власть новому императору — Феодосию.

Это было незаурядное деяние, и Юстиниан полагал, что, не говоря уж о соображениях мира и дружбы, на великодушные персидского монарха былых времен, оказавшего покровительство византийскому наследнику, следовало ответить поступком столь же благородным.

Но Феодора, с ее женским умом, отмела все прекраснодушные рассуждения и соображения и сосредоточилась на том, какое влияние это может оказать на судьбу того, кто был ей теперь всего дороже.

— Был ли Феодосий усыновлен Джездегидом? — спросила она.

— Нет, он пребывал под его покровительством.

— Но Кавад хочет, чтобы Хосров был усыновлен Юстином.

— Да, это так.

И сам собою у нее возник вопрос:

— А как это скажется на тебе?

Юстиниан удивился.

— Никак, насколько я понимаю. Иноземный царевич, живущий при нашем дворе, не может повлиять на мое положение.

— Ты уверен? — воскликнула она. — Я предвижу опасность.

— Какую же?

— Я ничего не смыслю в этих делах, принц, но не будет ли Хосров в качестве законно усыновленного Юстином иметь — хотя бы в глазах персов — законное право на императорский трон?

Он удивленно взглянул на нее.

— Понимаю. Если у персов будет основание для претензий на трон, они могут оказаться гораздо опаснее, чем если этого основания у них не будет.

Юстиниан замолчал, размышляя о водоворотах недовольства, бурливших в государстве. Многие в Константинополе так и не примирились с властью Юстина. Средоточием этой смуты была партия Зеленых при Ипподроме, а основой — монофизитская ересь. В провинциях также были непокорные народы, такие, как исавры в Малой Азии, и от них постоянно исходила опасность. Никто лучше принца не знал, как тонка нить лояльности, привязывающая к империи непокорные ее части, или насколько легко какой-нибудь державе, будь у нее хотя бы формальные права на трон и помани она обещаниями переметнувшихся на ее сторону, спровоцировать мятеж и, воспользовавшись восстанием для поддержки вторжения, ускорить падение империи.

Потребовался живой ум девушки, не мыслившей кате-

гориями государств и народов, но заинтересованной судьбой одного мужчины, чтобы ему открылось, сколь велика опасность.

Он резко встал.

— Я должен сейчас же уйти, — проговорил он.

Она также поднялась и стояла перед ним, снова потупившись.

— Тогда... наверное... пора прощаться?

— Прощаться? — он удивленно взглянул на нее. — Почему?

— Ты сказал... вчера вечером...

— А! Вчера вечером... Помню, — несколько мгновений он смотрел на нее. — Есть ли у тебя причина, Феодора, уйти сейчас?

— Н-нет.

— Тогда, может быть, останешься? Хотя бы еще на одну ночь? Я хотел бы побеседовать с тобой.

Всякое придворное общество — это сплошной водоворот злословия. Отнюдь не лучшая из склонностей людей совать нос в чужую жизнь, перемывать косточки другим и копаться в интимных — в первую очередь неблагоприятных — делах здесь особенно заметна из-за значительности лиц, составляющих это общество. Самые видные из них находятся под особо пристальным надзором. Ни один взгляд, ни одно слово, ни одно их движение не остается незамеченным и не может не стать общим достоянием, и всякий из записных мудрецов суеты толкует их на свой лад.

Невозможно было, чтобы пребывание девушки во дворце Юстиниана осталось незамеченным. Когда же она не ушла, как обычно, после первой ночи, а осталась и на третий, и на четвертый день, это стало главной темой дворцовых сплетен, предметом бесчисленных скабрёзных шуточек остроумцев и лукавых намеков блестящих придворных дам.

Этот кусочек оказался для сплетников столь лаком, что совершенно отвлек внимание общества от обстоятельства гораздо более значительного, а именно — от того бурного ликования, с каким было встречено предложение Персии об усыновлении царевича Хосрова императором Юстином.

Переговорив с дядей, Юстиниан созвал государственный совет. Мудрые мужи восхищались впоследствии тем, что принцу удалось первым обнаружить ловушку, коварно

скрытую в бесхитростном и почти сердечном, на первый взгляд, предложении царя Кавада.

Но государственные дела требуют тонкого подхода. Ни в коем случае нельзя было ответить прямым и грубым отказом на дипломатическое предложение, сколь бы злонамеренно оно ни было. Такая невежливость не допускалась, она к тому же могла повлечь за собой международный скандал.

Поэтому Юстиниан, опираясь на помощь квестора Прокла и подквестора Трибониана, подготовил ответ, который вызвал всеобщее восхищение своей находчивостью.

Император Юстин, говорилось в этом послании, существо которого было скрыто за бесконечным множеством цветистых фраз, лстивых титулований и заверений в вечной дружбе, будет чрезвычайно рад усыновить царевича Хосрова. Поэтому, как только царевич соизволит прибыть в Константинополь, он дарует ему этот священный и почетный титул посредством «обряда оружия».

Хитрость заключалась в следующем. «Обряд оружия» представлял собой обычай, заимствованный у готов и прочих варваров-тевтонов*. Согласно ему, будущий «отец» в обстановке высокой торжественности дарил «сыну» коня и полный, изысканно выполненный доспех, произнося при этом церемониальную речь, в которой провозглашалось, что, начиная с этого дня, он становится подлинным его отцом и считает его кровью от крови своей, а друзей, врагов и родню общими и обещает навсегда свою отцовскую любовь и покровительство. На это «сын» отвечал изъявлениями сыновнего почтения, преданности и повиновения.

Это было отличное средство оказания почестей и укрепления дружбы между варварскими племенами, и нередко к этому обычаю прибегали даже знатные семейства цивилизованных народов. Но он отличался от акта усыновления по римскому гражданскому праву тем, что не давал тех оснований претендовать на имущество отца или его титул, какие можно было бы предъявить в суде после его смерти.

Лукавое это послание и было немедленно отправлено Юстинианом царю Каваду, который вместе с сыном, царевичем Хосровом, уже находился на границе, поблизости от крепости Дараса, получив от своего посла заверения в том, что его предложение будет с восторгом принято.

Как сказал в тот вечер Юстиниан Феодоре, теперь очень

скоро должно выясниться, насколько искренен был персидский монарх.

— Если он действительно ищет лишь дружбы между нашими странами да почестей и покровительства для Хосрова, воплощению столь достопохвальных намерений «Обряд оружия» не может помешать, — говорил он. — Но если у него иные замыслы, наш ответ вряд ли придется ему по вкусу, поскольку поставит перед шекотливой дилеммой. Ведь все бремя принятия решения лежит на Каваде, и что бы он ни думал о нашем предложении, вряд ли он посмеет открыто выразить гнев.

Юстиниан был доволен собою, но он также был благодарен и девушке, поскольку это она первой указала ему на опасность, скрытую в дипломатическом демарше персов.

Внезапно он проговорил:

— Феодора!...

— Да, принц?

— Сколько времени ты уже находишься у меня?

— Четыре дня.

— В самом деле? — казалось, он удивлен. — Время так быстро летит, что я и не заметил. Что же ты собираешься делать дальше?

— Ну... ничего, до тех пор, пока принцу будет угодно... принимать мои услуги...

— А потом?

— Я... я пока не думала... — слова ее растворились во вздохе.

Некоторое время он серьезно смотрел на нее. Как все-таки странно вышло с этой девушкой. Письмо от Македонии — он и не обратил бы на него особого внимания, не будь оно получено в тот момент, когда он, отчасти из-за Трибониана и смешной вырезанной из дерева старухи, принял необычное решение. Послать за куртизанкой, чтобы поразвлечься, — в этом не было ничего необычного. Он и раньше делал это не раз, хотя, разумеется, не в последнее время. Но с куртизанками развлекались, потом им платили, и они исчезали. Эта же девушка была совсем не такой, как ее предшественницы. В любви она оказалась восхитительна сверх всяких ожиданий, и никого равного ей Юстиниану встречать не приходилось. Но это обстоятельство было лишь началом. Он был обворожен в ней всем: смехом и поцелуями, блестящим остроумием и подчас про-

ницательными высказываниями. И даже если отбросить все остальное, то и просто видеть ее — уже было радостью, так как красота ее словно возрастала с каждым брошенным на нее взглядом.

Юстиниан чувствовал с удивлением, как не хочется ему отпустить ее.

— Ты хочешь уйти? — спросил он.

Она опустила глаза.

— Н-нет, пока... пока принцу угодно, чтобы я оставалась...

Опять наступило долгое молчание. Девушку едва ли не испугало выражение его лица — ей казалось, он раздумывает над каким-то решением, которое раньше не приходило ему в голову.

Неожиданно он поднялся с египетского кресла резного дерева на ножках в виде сфинксов.

— Не могу и думать об этом! — воскликнул он.

— О чем? — спросила она.

— О твоём возвращении... туда... — он поколебался, словно ему было отвратительно произносить то, что он собирался. Внезапно он подошел к ней и взял ее руку, лежавшую на коленях. Она встала и стояла, потупившись, не решаясь взглянуть на него; ростом она была не выше его подбородка.

— Феодора, — сказал он, — ты осчастливила меня. Но осчастливишь ли ты меня еще больше?

Никакими средствами она не могла бы успокоить свое неистово колотящееся сердце.

— Как же... как такое незначительное существо... могло бы осчастливить тебя, мой принц? — пробормотала она так тихо, что он едва расслышал ее слова.

— Отказавшись от всего прежнего! Одарив меня всем тем бесценным, что только есть у тебя. Этот чудесный дар — ты сама! Я хочу, чтобы ты принадлежала мне одному, хочу владеть тобой, заботиться о тебе, восхищаться тобой...

Ей хотелось броситься в его объятия и закричать: «Да, да! Я готова на все, на все, чего ты захочешь от меня!»

Но в этот решающий момент своей жизни она уже владела собой.

Некоторые уроки прошлого не забывались. Экеболу она когда-то отдала все слишком поспешно и тем уронила

себя так, что не смогла уже восстановить свое положение в его глазах.

Этот мужчина — Юстиниан, который только что сделал ей ошеломляющее предложение стать его постоянной любовницей, во всем отличался от Экебола. Тем не менее даже лучшие из мужчин, если женщина не покажет, чего стоит, и не даст им почувствовать этого, никогда не оценят ее, как должно.

И Феодора подавила неистовое желание с радостью сложить к его ногам все сразу и, мгновение спустя, спросила:

— Если я соглашусь, куда ты поместишь меня?

Юстиниан был, казалось, озадачен, словно этот вопрос и не приходил ему в голову. Гормизды имели репутацию дворца холостяков, и поселить в нем женщину без осложнений было вряд ли возможно. Юстиниан не чувствовал себя готовым к столь решительному шагу. Ему лишь хотелось, чтобы Феодора жила где-нибудь неподалеку, где было бы удобно посещать ее, либо же принимать ее у себя, когда он пожелает.

— Что ж, — проговорил он, — это нетрудно устроить. Разумеется, мой дворец вряд ли...

— Тогда где же?

— Я тебе скажу! — воскликнул он с воодушевлением. — Я устрою для тебя превосходные покои в гинекее, тут же, при дворце, у тебя будут свои рабы и служительницы...

— Нет! — сразу же отрезала она.

— Как?

— Ни за что!

Он недовольно нахмурился. Больше всего она боялась потеряться в толпе женщин, боялась, что он станет звать ее к себе лишь по случайной прихоти и ей предстоит день ото дня все глубже уходить в тень, пока он не забудет о ней окончательно.

— Ты обещал заботиться и восхищаться! — страстно воскликнула она. — А теперь просишь меня поселиться с женщинами из дворцовой челяди! Чтобы мне пришлось терпеть поношения от этих тварей? Я нужна тебе? Так устрой меня здесь, в Гормиздах! Жить в гинекее? Никогда!

Его челюсть угрожающе выдвинулась вперед.

— Если ты останешься во дворце, то будешь жить там, где я прикажу.

— Ты принц. Если прикажешь, я должна буду подчи-

нитья, — она обратила на него свой бездонный взгляд. — Но неужели ты это сделаешь? Мне кажется — нет.

Она не сводила с него глаз — необыкновенных, темных и в то же время сверкающих, в эти мгновения словно бы усталых, но притом поразительно внимательных и полных надежды, окруженных мохнатыми ресницами и чудесно и неожиданно вспыхивающих отблесками то ли огня, то ли отчаяния — он уж и не знал, — которые играли у нее на лице.

— Ведь это все равно, как если бы ты взял меня силой, без моего желания, — продолжала она, не повышая голоса. — Ты жаждешь удовольствия для себя, но ты жаждешь и моего удовольствия — ведь оно венец твоего. Страсть невозможна под принуждением. Разве это тебе нужно?

Ее глаза не менее слов завораживали его. Какое-то мгновение он молчал. А потом произнес:

— Нет, я не хочу брать тебя силой. Мне нужна твоя страсть.

Феодора беззвучно перевела дух. Это все-таки шаг вперед — совсем небольшой, но шаг.

— Тогда сделай меня хозяйкой Гормизд, — сказала она.

А вот это уже наглость! Он стряхнул с себя чары, и гнев снова поднял голову в нем.

— Если таковы твои условия, можешь уходить!

— Если ты так хочешь, принц, я готова — прямо сейчас.

Она принялась собирать свои немногие вещи, и он заметил, что его подарков, разбросанных тут и там, даже жемчуга, она не взяла.

Он мрачно наблюдал за нею. Казалось, воздух полон электричества. Оба знали: это прощание навсегда.

Она подошла к нему и остановилась, глядя, как и раньше, в пол, и он увидел светлый прямой пробор в ее чудесных волосах.

— Вот я и готова, — сказала она. — Ты можешь вызвать носилки. Или я должна идти домой пешком?

Этот вопрос прозвучал столь жалобно, а сама девушка показалась ему такой маленькой и беспомощной, что Юстиниан вдруг рассмеялся.

— Нет, какова! — воскликнул он. — Найдется ли в мире еще хоть одна, которая не приняла бы любви принца — разве что на ее собственных условиях?

И тогда она позволила ему поцеловать себя, ибо она одержала победу.

Подобно немногим другим мужчинам, он сумел с улыбкой взглянуть на ситуацию. Он смог ответить на нее смехом — и благодаря этому обрел великодушие, которое и дало ему возможность воздержаться от решения, которое ему очень не хотелось принимать.

Ему не хотелось, чтобы Феодора ушла. Она была так молода, так очаровательна. И так приятно было смотреть на нее, прикасаться к ней, целовать ее и держать ее в объятиях.

ГЛАВА 17

Любое придворное общество обожает сплетни, и ничто не может сравниться с любовницей властителя в качестве темы для этих сплетен.

Едва ли во всей истории найдется хоть один случай, когда она не была бы главным предметом пересудов и не подвергалась бы осуждению больше всех.

Несомненно, эта девушка в Гормиздах сумела стать чем-то большим, нежели приходящая блудница. Во дворце это стало общеизвестным немногим позже, чем Юстиниан сам это осознал.

И первые известия об этом разнесли, конечно, дворцовые евнухи.

Евнухи играли зловещую, хотя и внешне скромную роль. При императорском дворце Константинополя они незримо действовали как скрытая и хорошо отлаженная система связей и интриг. Они нечасто привлекали к себе внимание, но ни одна сплетница, как бы ни обожала она совать свой нос в чужие дела и судачить о них, не могла сравниться с представителями этого женоподобного и тщеславного искусственного пола в стремлении разнюхивать, что происходит, и сеять слухи, могущие подорвать чью-нибудь репутацию, в особенности если дело пахло скандалом на почве любовных приключений, поскольку именно они возбуждали у евнухов лихорадочный и завистливый интерес.

Хотя евнухи считались не более чем лакеями, прислуживавшими в гардеробах и спальнях знатных дам, или секретарями и дворецкими при высокопоставленных мужах, их нашептывания могли существенно влиять на решения государственных учреждений, а иной раз они оказывались

способны погубить того, против кого обращалась их злоба, для чего шли в ход порочащие наветы и инсинуации, которые лучше их никто не умел распространять.

От евнухов стало известно, что Юстиниан завел любовницу. И вскоре уже было очевидно, что его дворец обустроивается для новой фаворитки, а кроме того, появилась целая армия каменщиков, которые занялись наращиванием окружавших дворец стен, чтобы Гормизды были полностью скрыты за ними. Двор охватил сладкий зуд, так как все уже давно пришли к убеждению, что принц, которому шел сорок первый год, — убежденный холостяк, то есть почти то же самое, что давший обет безбрачия монах.

Все жадно засыпали друг друга вопросами. Кто эта женщина? Какова она, если смогла поразить воображение степенного человека средних лет?

Какое-то время, поскольку Феодора не появлялась в обществе, любопытство оставалось неудовлетворенным. Наконец, однако, выяснились подробности. Она, как передавали, удивительно молода и удивительно хороша собой, а кроме того, она — куртизанка.

Уличная девка! За это мгновенно ухватились почтенные матроны и нежные девы. Невозможно поверить, говорили друг другу дамы, что Юстиниан — любезный в манерах и строгий в привычках — дал себя увлечь такой твари!.. Но мужчин не поймешь, даже мужчин царственного достоинства, особенно если они попадут в нечистоплотные руки ловкой интриганки.

При этом дамы многозначительно вздыхали. И если какой-нибудь из них припоминалась ее собственная давнишняя шалость, отношение к нынешней ситуации от этого не менялось — ведь в конце концов то были романы между уважаемыми людьми, и никакого распутства не было... по крайней мере, в этом они себя уверяли.

Но как не пожалеть Юстиниана! Можно было лишь надеяться, что это смехотворное увлечение не продлится долго. Ему, возможно, предстоят — тут дамы переглядывались с выражением взаимопонимания — нелегкие времена.

Мужчины же — сенаторы, полководцы, чиновники и другие придворные, мужья шокированных патрицианок — смотрели на дело иначе. С усмешками опытных распутников выслушивали они сплетни о том, что водворившаяся в Гормиздах женщина заключает в себе неугасимый жар,

грозящий, может быть, ее повелителю неисчислимыми бедами, но сколь же желанный в любой дочери Евы!

Любопытно, что вся эта шумиха была вызвана не столько пикантностью ситуации, сколько предположениями о том, насколько важную роль станет играть новая любовница принца в делах двора. Возможное влияние фаворитки правителя, ожидающее ее будущее, выгоды и слабости ее положения оценивались двором со всех точек зрения — политической, дипломатической, финансовой и даже моральной, но почти никогда с точки зрения чисто человеческой.

Политика подчас играет немаловажную роль в любви венценосцев: известно немало случаев, когда честолюбивые придворные толкали очаровательную женщину в объятия любвеобильного властителя только для того, чтобы позднее использовать ее в качестве инструмента для снискания милостей. Однако, несмотря на самое усердное расследование, появление во дворце новой прелестницы не удалось связать ни с чьим влиянием.

Одним из первых дознался о происходящем Иоанн Кападокиец. В последние два года дела этого грубоватого, но способного префекта претория шли превосходно. Продвижение из городских префектов на вторую по значимости должность в империи, где он подчинялся лишь принцу-правителю, было огромным взлетом для того, кто начал жизнь деревенским мальчишкой в отдаленной провинции.

На префекта претория возлагались обязанности по отправлению правосудия и управлению финансами, чеканке монеты, содержанию главных дорог, почты, государственных житниц, мануфактур, по налоγοобложению, деятельности провинциальных правителей, организации сложной системы должностей, образовывавшей имперский чиновничий аппарат, а также ответственность за все эти дела перед своим повелителем, принцем.

Действительно высокий пост, и примечательно, что Иоанн был назначен на него по весьма странной причине — он был пойман на неблагоприятной сделке.

Некоторое время назад он с огромной прибылью для себя передал сенатору Полемону государственную тайну, относившуюся к походу галерного флота, направленному против эфиопов, благодаря чему сенатор завладел монополией на некоторые стратегические припасы и продал их

правительству по колоссальным ценам, разделив прибыль с Каппадокийцем.

Юстиниан раскрыл нечестную сделку. Со стороны Полемона она была законна, хотя и неблаговидна, и сенатор отделался тем, что стал *persona non grata* при дворе и теперь проводил большую часть времени в своем поместье в Вифинии. Но для Иоанна дело могло кончиться смертной казнью.

Принц, однако, умел обнаруживать в людях скрытые таланты и использовать их. И поступил он, как это с ним нередко бывало, повинувшись внутреннему голосу. Поставив Каппадокийцу на вид его преступление и вынудив его на коленях молить о пощаде, Юстиниан не стал предавать его палачу, а назначил своим главным администратором, будучи теперь совершенно уверенным в его преданности, поскольку угроза наказания за непрощенную провинность оставалась реальной.

Иоанн же, чувствуя себя под пристальным надзором принца, все равно не перестал втайне лелеять замыслы и строить коварные планы. Едва он услышал о новой слабости Юстиниана, как наострил уши.

Вскоре ему стало известно и имя женщины. Так, значит, это Феодора?

Он был задет за живое — ему припомнилась нестерпимо унижительная для него ночь у Хионы и насмешки, еще долго преследовавшие его при дворе и в столице.

Он не забыл, как Феодора ускользнула от него и как он дознался о ее местопребывании — в Аполлонии, в гинекее его же клиента, наместника Экебола, ни больше ни меньше! Ему-то казалось, что ее уже нет в живых, ведь он знал о том, как ее изгнали в пустыню.

Как же она сумела уцелеть?

Она выжила — это несомненно, как и то, что ныне она здесь и стала любовницей Юстиниана. Иоанну следовало ожидать новых опасностей для себя в таком повороте событий. У Феодоры есть причины для ненависти к нему. Другие могут гадать, к добру или нет для них ее возвышение, но Каппадокийцу нечего ждать от нее, кроме несчастий. Всякий — даже венценосец — в объятиях женщины бывает склонен обещать ей все, чего она ни пожелает...

Но Иоанн не утратил присутствия духа. Знал он дурные времена и раньше. Может быть, и на этот раз все сло-

жится в его пользу... если приняться за дело с умом. Каппадокиец был человеком неумного честолюбия, для которого ничто не было слишком и ничто не казалось недостижимым.

Есть лишь два пути, думал он, — нужно лишь настолько сблизиться с Юстинианом, чтобы девица не смогла подкопаться под него, либо уничтожить ее самое. Второе, по его мнению, и быстрее, и приятнее, да и не потребует больших усилий, если выказать малую толику ловкости.

Юстиниан, пренебрежительно рассуждал префект, всегда был ни рыба ни мясо. Если содержать женщину оказывалось чересчур затруднительно, он вскоре склонялся к мнению, что она не стоит ни затрат, ни усилий.

А коль скоро в силу каких-либо обстоятельств Юстиниан проявит упрямство и не захочет отказаться от своей новой любовницы даже и под давлением, то ведь могут последовать и иные, громадной важности события. В конце концов принц — всего лишь племянник императора, а императору недолго осталось жить. Эскувиты по-прежнему многое решают в деле воцарения нового правителя после смерти старого, у которого нет прямого наследника, и префект претория, по совокупности надзирающий за государственными финансами, мог изыскать немало возможностей, чтобы справиться с дискредитированным претендентом на престол.

Обдумывая все эти дела, Иоанн Каппадокиец прикидывал, кто бы мог оказаться полезен ему в столь необычных обстоятельствах.

Евфимия, престарелая императрица, была удивлена и раздосадована, когда Василий, главный дворецкий, доложил, что во дворец явился и просит ее всемилостивейшее величество об аудиенции префект претория.

Ее величество, правду сказать, не была сейчас особенно милостива. Час был еще довольно ранний, и Евфимия, всю жизнь поднимавшаяся, словно простой солдат, на заре, теперь тешилась хотя бы той наградой за немилосердные передряги, которые претерпела по пути к трону, что от нее не требовалось начинать день в спешке.

В то утро она как раз заканчивала поздний завтрак, а следовательно, до сих пор не была даже одета как следует. Царственный ее лик изборождали морщины и складки, оставшиеся после сна, на царственной голове нерасчесанные

седины были в беспорядке упрятаны под своего рода косо сидящий шелковый платок наподобие тюрбана, кряжистую фигуру царственной дамы облекала неряшливая ночная рубашка, а ее ноги... Евфимия так и не отвыкла от крестьянской привычки шлепать босиком, когда обстоятельства не требовали соблюдения приличий, и сейчас пошевеливала растопыренными пальцами не стесненных обувью крупных ступней.

— В такое время? — раздражительно воскликнула она в ответ на доклад Василия.

— Да, о великолепная, — проговорил величавый евнух.

— Не могу я принять его, еще рано... Почему он не предупредил меня о своем приходе?..

Однако префект претория — это префект претория. Даже императрица вряд ли может отказаться принять его по делам службы, и, очевидно, немаловажным, если он явился столь неожиданно и в столь необычное время.

— Н-ну... пусть подождет, — запинаясь, проговорила она. — Мне надо одеться.

Посему Иоанну Каппадокийцу пришлось терпеливо дожидаться в атрии в течение часа или около того, пока евнухи и камеристки скакали, будто взбесившиеся обезьяны, туда и сюда по императрицыным покоям — таща то одно, то другое одеяние, пытаясь совладать с неопрятной седой шевелюрой на ее голове, принося и унося сандалии и косметику, ленты и ожерелья, браслеты и кольца, гребни и булавки и все то поразительное множество украшений и прочих безделушек, без которых пожилая дама считала абсолютно невозможным появиться на людях. Все это происходило под аккомпанемент пронзительных восклицаний и криков, исходивших от нее самой и напоминавших более всего кудахтанье растревоженной наседки.

В конце концов префект претория был все же допущен в приемный покой императрицы, облик которой показался ему не более отталкивающим, чем обычно.

— Величественная и изумительная! — обратился он к ней, преклонив колени. Он был в великолепном одеянии, как приличествовало важному сановнику, но на голове Иоанна сияла обширная плешь, а стоявшие торчком по ее краю темные волосы напоминали шерсть на загривке дикого животного.

— Приветствую тебя, славный префект, — отвечала им-

ператрица, взглянув на него с подозрением. Похоже было, что Каппадокиец собирается просить о милости, а она по характеру своему терпеть не могла оказывать милости.

— Осмеливаюсь, о восхитительнейшая звезда творения, явиться перед тобою, чье великолепие ослепляет человеческие глаза, по некоему делу, о котором, как я считаю, тебе необходимо услышать.

Восхитительнейшая звезда творения склонила седую голову и поджала пепельные губы. Потом она несколько смягчилась, но все еще сохраняла бдительность. Дело, о коем ей необходимо услышать, вряд ли дело государственное. Речь идет, очевидно, о поведении какой-нибудь из женщин двора, безраздельной властительницей которого Евфимия себя считала.

— Продолжай, — сказала она.

— Достигло ли твоего слуха известие, о милостивая, что во дворце Гормизды появилась любовница?

— Любовница? Полно, префект! Разумеется, я слыхала, что Юстиниан развлекается с какой-то девушкой. Я, как ты знаешь, не одобряю такой распушенности. Но временная подружка — еще не любовница...

— Тысяча тысяч извинений, о величественнейшая, но это отнюдь не временная подружка. Мне все известно об этой женщине — она себе на уме и опасна. Кроме того, как ни прискорбно, согласно моим сведениям, принц без памяти влюблен в нее!

Евфимия вытаращила глаза, забыв о царственном достоинстве.

— Юстиниан? Влюблен? — наконец воскликнула она. — Не верю! Да в нем любви не больше, чем в прошлогодней брюкве!

— Уверяю тебя, прославленная повелительница, я знаю, что говорю. Мне известно ее имя — Феодора. Она с улицы Женщин!

— С улицы Жен... публичная девка? Смотри, префект, не завирайся, твои слова могут обернуться против тебя.

— О величественнейшая! Твой недостойный слуга готов в любое мгновение подвергнуться опасности ради пользы государства, славы императора и доброго имени любимой императрицы. А в этом деле он готов попросту рискнуть головой!

Евфимия нахмурилась. Несмотря на свои медвежьи ух-

ватки, грубость речи и манер, Иоанн Каппадокиец обладал талантом преподносить известия так, что они вызывали доверие.

— Как же возникло это увлечение? — спросила она.

— Да разве кто-нибудь может знать, о великолепная? Возможно, это какое-то колдовство. Кто знает?

— Не становись смешным, префект! Колдовство? Обычная уличная девка на минуту вскружила голову моему племяннику!

Евфимия обычно называла Юстиниана племянником, хотя на самом деле он приходился племянником лишь Юстину, а она не могла претендовать даже на свойство с ним, так как в законный брак с императором так и не вступила.

— Я почел своим долгом известить тебя как можно скорее, — сказал Иоанн. Он пристально уставился на нее из-под своих густых бровей, чтобы убедиться в произведенном впечатлении, при этом лоб у него покрылся морщинами до самой лоснящейся плечи. Судя по помрачневшему лику императрицы, его цель была достигнута, и он откланялся, произнеся все положенные этикетом комплименты и льстивые титулы.

Какое-то время после его ухода Евфимия, нахмурившись, сидела неподвижно.

Да, похоже, разразился позорнейший скандал, и поскольку он затрагивал царствующее семейство, он затрагивал и ее. Помыслить только — уличная блудница во дворце!

По лености, а также стесняясь своего происхождения и прошлого, Евфимия обычно не вмешивалась в дела, не связанные с ее непосредственным окружением во дворце Сигма. Но на этот раз она решила проявить твердость.

Во дворце Гормизды в те первые дни царило настроение, очень близкое к отчаянию.

Нет никого более одинокого, нежели женщина, лишенная друзей, оказавшаяся во враждебном окружении, не имеющая возможности приобрести положение, имущество, репутацию и вынужденная полагаться единственно на свое влияние, подчас весьма эфемерное, на непостоянное, переменчивое, ненадежное существо, которое именуется мужчиной.

У Феодоры было такое чувство, будто она кончиками пальцев рук и ног цепляется за крутой утес, испытывая

ужас от того, что при любом случайном порыве ветра сорвется и полетит вниз, навстречу гибели.

Этот страх она тщательно скрывала. Но он не оставлял ее, и временами ей казалось странным, как это она еще в состоянии совершать все эти бесконечные усилия, которые все равно так или иначе закончатся ее поражением, тем более горьким, что она была так близка к большой цели.

В минуты глубочайшего упадка духа лишь одно удерживало ее от полного отчаяния — врожденное упрямое мужество, которое никогда не иссякало и помогло ей выжить, когда она бездомной умирала от голода и ночевала в холодных подворотнях улицы Женщин, которое провело ее через ад Ливийской пустыни, где каждый шаг казался ей последним.

Она собиралась с силами, и каждый вечер, когда Юстиниан возвращался к ней из своей канцелярии, старалась очаровать его по-новому.

Иногда она заводила беседу на какую-нибудь новую забавную тему, иногда изменяла свой облик посредством нового наряда или прически, а иногда вносила что-нибудь неизведанное в любовную игру.

Ей нужно было выиграть время, и она это знала. Из того, чем женщина может завоевать мужчину, едва ли не сильнее всего привычка — с нею приходит к нему ощущение довольства и покоя от ее присутствия рядом. Привычка не возникает за несколько часов или даже дней, для этого нужны недели, может быть, месяцы, а то и годы.

Однако, обнимая своими прекрасными руками голову принца или привлекая ее к своей груди, девушка нисколько не лицемерила.

Женщина зачастую влюбляется в мужчину, проницательно угадывая то, что он собой представляет. Иначе не объяснить, почему бесконечно повторяется сюжет, в котором очаровательные, блестящие, великолепные женщины выходят замуж за толстых, лысых, близоруких и вовсе ничем не примечательных мужчин, которых часто преданно любят. Эти мужчины — люди действия. Именно за способность к деятельности и достижению цели и любят их женщины, и потому для них оказывается возможным закрыть глаза на все остальное.

Юстиниан был не особенно хорош собой. Наружность его была по-мужски привлекательна, но с годами эта при-

влекательность поблекла. Умственные его способности также были не блестящи, хотя должностные обязанности он исполнял с фанатической добросовестностью. Но для Феодоры он был — Принц. И он всегда был с нею добр, добрее всех остальных мужчин в ее жизни.

Эта девушка, всю жизнь продававшая любовь, узнала, как можно щедро дарить ее, не зная даже, нужна ли эта любовь.

Юстиниан был влюблен в нее — в этом у нее не было сомнений. Но его влюбленность, как она опасалась, была совсем не такой, как ее чувство к нему. Он не полюбил — он был лишь очарован, а очарованность может иной раз совершенно неожиданно смениться охлаждением.

В том-то и заключались трудности Феодоры — ведь любовь женщины, изливаемая на мужчину, если он не отвечает на нее равноценным чувством, становится приторной и требует пряных приправ и театрального разнообразия.

И Феодоре не было покоя. Она все время должна была сохранять бдительность, подстегивать фантазию и размышлять тогда, когда ей больше всего хотелось бы помечтать и понежиться.

До сих пор ей удавалось неизменно давать Юстиниану почувствовать, что он все более постигает смысл любви, а не просто существует. Он не был безразличен к этому и не оставался неблагодарным.

Однажды он сказал ей:

— Ты настоящий парадокс!

— Почему? — спросила она.

— Ты неизменно и щедро даришь себя мне, и все только ради удовольствия дарить. Мое блаженство для тебя важнее своего. Ты радуешься оттого, что даришь радость мне.

— Такова женщина, — сказала она, улыбнувшись своей легкой улыбкой.

Она могла бы выразиться несколько иначе: «Таково женское искусство»; но одно из искусств женщин и заключается в том, что они не признают за собой никакого владения искусством.

Иногда в промежутках между любовными играми она рассказывала ему что-нибудь, подобно Шахразаде, жившей в более поздние времена. Например, о мертвом городе Кирене и о том, как узнала его страшную историю. Или о

своих скитаниях по пустыне. Или о проповеди престарелого Северия, патриарха монофизитов.

— И что же, Северию было что сказать? — спросил в тот раз Юстиниан.

— Он говорил прекрасно и показался мне добрейшим человеком.

Его лицо приняло непроницаемое выражение.

— Северий закоренелый еретик и враг истинного учения церкви.

Такое проявление религиозной нетерпимости удивило ее, оно так резко контрастировало с его обычно почти циничными взглядами. Этому настроению суждено было в будущем усиливаться в Юстиниане, но в тот момент Феодора ничего не сказала.

Однажды вечером он вернулся во дворец с новостью.

— Гонцы только что принесли с границы известие, что царь Кавад и Хосров, получив наше предложение об усыновлении посредством «Обряда оружия», тотчас же сняли шатры и ушли в глубь Персии вместе с войском.

— Что же это означает? — спросила она.

— Этим доказывается, что их намерения не были добрыми! Как ты верно все угадала! Тебя бы следовало ввести в государственный совет.

Он произнес это шутливо, и она засмеялась.

— Не удастся. Я женщина. Разве смогу я быть советником, или военным, или законником, или хотя бы привратником в совете?

— Да, — сказал он и привлек ее к себе. — По-моему, ты можешь быть только подругой для любящего мужчины.

Он поцеловал ее, а затем она сказала:

— И все-таки я чувствую, что у меня как бы два ума. Один для женских мыслей и чувств. А другой тем временем строит всякие теории...

— Какие же теории возникли в твоей милой головке?

— Наступит день, когда ты станешь императором и окажешься в самом центре подмошток истории. Именно история рассудит, останется ли твое имя жить в веках или нет.

— Ах, скажите, пожалуйста! — воскликнул он со смехом. — Ради Бога, как же мне добиться, чтобы мое имя жило в веках?

— Следует снискать славу великого правителя.

— Это не так просто, милая. Не многие правители ста-

новятся великими. Если бы я носил порфиру — как мне достигнуть того, что оказалось недоступным ни одному из моих предшественников за два столетия, минувших со времен Константина, прозванного Великим?

— Удача и обстоятельства иной раз сопутствуют правителю, — отвечала она, — но я полагаю, что громкую славу может стяжать и политическая деятельность.

Он перестал посмеиваться и спросил уже с интересом:

— Скажи мне, каким путем, по-твоему, может правитель добиться, чтобы его звали великим?

— Мне случилось однажды поговорить об этом с одним весьма умудренным человеком, — ответила она медленно и серьезно. — Это был нищий.

— Нищий? Что может знать нищий об искусстве правления?

— Мудрость может пребывать там, где ее не ищут. Этот нищий был также и философом. Разве Диоген* не принимал подаяния?

— Допустим. — Он кивнул. — Каковы же советы твоего нищего императорам?

— Прежде всего я хочу сказать тебе, что в бытность мою в Киренаике я развлекалась преимущественно чтением исторических сочинений, которые брала в дворцовой библиотеке. И тогда я убедилась в правоте мудреца, который говорил, что правителей называют великими по различным причинам, а не по какой-то одной.

— По каким же?

— Во-первых, это грандиозные завоевания. Мне кажется, это самый быстрый путь. Им пошел Александр Македонский. Затем — законотворчество. В нем величие Моисея, вождя Израиля. Далее — строительство величественных общественных сооружений, таких, как укрепления, дороги, акведуки, храмы, дворцы и даже флоты военных кораблей. Именно это принесло величие Августу.

— Ну а как с мудрым и великодушным правлением?

— Я задавалась и этим вопросом, — отвечала она. — Именно так ты сейчас правишь народом. Но поверь мне, для истории это не имеет большого значения. Человек бывает велик не столько по свойствам души, какими может обладать и нищий, сколько по власти над мыслями и воображением людей. Сколько было монархов, которые прави-

ли со справедливостью и добротой? Тысячи, наверное. Однако их имена навеки затерялись в летописях.

Он спросил, медленно выговаривая слова:

— Значит, ты считаешь, война — это лучший путь?

— Я сказала — самый быстрый. Он также и самый опасный, ибо войну можно проиграть. Но, принц, почему бы не сочетать все три способа, о которых я сказала?

Услышав эти слова, он прищурился и впоследствии много раздумывал над ними. Так была заложена, без преувеличения, политическая основа всей его жизни и деятельности.

Всегда после серьезных разговоров такого рода его подруга увлекала его жаркими любовными утехами. И когда он, обласканный, забывал о больших делах, то бесконечно расспрашивал ее о ней самой — он хотел знать обо всем, ничего несущественного для него не было.

Большинство женщин стали бы лгать. Но Феодора была умнее. Если она хочет удержать Юстиниана, то пусть это произойдет несмотря на то, что он о ней узнает, а поскольку он принц, то, конечно, узнает многое. Сейчас самое время все рассказать ему, пока он влюблен, пока у него не возникло ложных представлений, могущих привести к разочарованию. Необходимо, чтобы очарованность не оставляла его, пока он не проглотит и не переварит то, что может оказаться не слишком аппетитным, зато впоследствии будет приниматься как данность.

Поэтому по большей части она говорила ему правду. Она не стала упоминать о ребенке, который был у нее в Египте, или о любовном эпизоде с рабом. Кое-что еще она предпочла держать про себя, но, в общем, не скрывала от него своего прошлого.

И она не ошиблась. Поскольку она была куртизанкой, Юстиниан ничему в ее предшествующей жизни не удивлялся, ничто не вызывало у него отвращения, и прежде всего потому, что говорила она откровенно, всегда с деликатностью, часто с юмором и ни в чем не раскаивалась.

Он смеялся с нею над тем, как она поспособствовала падению Хионы, переживал с нею ее мытарства в пустыне, сочувствовал ей во всех других несчастьях.

Таким вот образом, возбуждая его же собственное воображение, она становилась все более близкой ему, пока Юстиниану не стало казаться, что никого на свете он не знает

лучше ее, и одновременно она завоевывала его уважение, проявляя временами удивительную проницательность и ум. Более того, она — хотя и не рассчитывала на это — сни-скала молчаливую благодарность мужчины не первой мо-лодости к девушке, чья молодость не презрела его лет в делах любовных.

По-прежнему охваченной тревогой за будущее, Феодо-ре пока невдомек было то, чего не осознал еще и сам Юс-тиниан, а именно, что вследствие живейшей его заинтере-сованности уже сделан немалый шаг к чему-то гораздо большему, нежели простая страсть.

И это стало вдруг отчетливо видно при неожиданных и угрожающих обстоятельствах.

Однажды вечером Дромон, главный евнух Гормизд, принес Юстиниану свернутый и запечатанный пергамент. Он сломал печать, прочел, хмураясь, послание, а затем про-тянул его Феодоре.

Оно было от императрицы, написано по-гречески и, очевидно, под диктовку, ибо Евфимия, как, впрочем, и сам император, так и не овладела таинством письма и чтения. Послание заключало в себе следующее:

«Ее Великолепнейшее и Благороднейшее Величество Евфимия, императрица ромеев, — Юстиниану. Повелева-ем тебе явиться перед нами во дворце Сигма завтра в три часа пополудни».

Феодора подняла глаза на Юстиниана, стараясь прочесть выражение его лица.

— Это из-за меня, не так ли? — спросила она.

Он кивнул.

— Должно быть.

— Что будешь делать?

Он приказал принести принадлежности для письма, написал ответ и дал ей прочесть, прежде чем поручил Дро-мону отдать ожидавшему курьеру. Там было вот что:

«Юстиниан — Ее Высочайшему Величеству императ-рице Евфимии. Повинуюсь твоему повелению и буду у ног твоих в означенный тобою час».

Ужин в тот вечер прошел в молчании. Для Феодоры на-ступило время большой тревоги.

Ей было неизвестно, кто в действительности властвует во дворце. Говорили, будто император впал в детство, что он то и дело задремывает и клует носом, а то капризно жа-

луется на больную ногу. По всей вероятности, старая женщина, его супруга, отлично умела управляться с ним, немощным и недужным. Так, может быть, Евфимия и есть теперь верховная власть?

Это была ужасная мысль. Мужчин Феодора в большинстве случаев не боялась. Но женщина, старая, мстительная женщина...

Когда на следующий день, едва солнечные часы показали указанное Евфимией время, Юстиниана проводили в приемный покой императрицы, и та, судя по его исполнительности и почтительности, заключила, что он готов повиноваться ее воле, она сурово начала:

— До нас дошли странные известия о тебе, Юстиниан.

Принц взглянул на придворных дам, числом в сорок, выстроившихся у кресла Евфимии, в котором она восседала, как на своего рода троне в своем приемном покое. Было хорошо известно, что императрица неизменно удаляет из своего окружения веселых, жизнерадостных и красивых женщин и держит лишь совершенно безупречных и безжизненных. Эти сорок явили взору принца исключительно безрадостное зрелище — внушительный возраст и, вероятно, единодушное неодобрение его поступков.

Позади них и вдоль стен стояли наготове многочисленные евнухи, некоторые с оружием; это были одновременно и слуги, и охранники женской части дворца. Ничего не скажешь, в предстоящей беседе слушать его будут скорее враги, чем друзья. Юстиниан медлил.

— Какие же известия, о великолепная?

— Что ты в порочных и безнравственных целях держишь во дворце Гормизды женщину.

Сорок пар глаз дам окружения императрицы переглянулись, сорок пар бровей приподнялись. Императрица сердито уставилась на принца.

— В самом деле, величественная? — спросил Юстиниан.

— Тебе отлично известно, что держать такую женщину для удовлетворения порочных плотских страстей, — Евфимия любила подчеркивать такие слова, — есть большой и постыдный грех. Столь злостный и противный святому учению церкви, что ты рискуешь своей бессмертной душой — даже если бы эта женщина и была из хорошего семейства и имела положение в обществе.

Юстиниан побагровел. Он был единственным мужчи-

ной здесь, и ему не пришлось по вкусу, что его распекают, будто школяра, в присутствии всех этих женщин и евнухов. Однако он лишь проронил:

— Возможно.

— Но что еще хуже, — продолжала императрица, — и должна заметить, я не поверила своим ушам от удивления и возмущения, когда услышала, что эта женщина — простая куртизанка.

— Была таковой, — поправил он.

— Была или есть — это все равно! — перебила она.

— Да простит меня всемилостивейшая, я полагаю, это не вполне так.

Снова переглянулись сорок дам, послышался шепоток, легкий, словно дуновение ветерка.

— Ты хочешь сказать, что она не блудница, ведущая дурной, распутный образ жизни? — строго спросила императрица.

— Разве не может женщина порвать с прошлым? — парировал он.

— Уличная девка? Вздор! Она одурачила тебя — и это в твоём-то возрасте!

Он призвал на помощь все свое самообладание и постарался сохранить примирительный тон, чувствуя себя крайне неуютно под пристальными взглядами сорока дам и надеясь избежать открытого столкновения. Он знал, что Евфимия не обладает реальной властью, однако опасался ее влияния на императора, влияния, какое любая настырная женщина может оказывать на больного и дряхлого мужчину.

Она вперила в него свирепый взгляд.

— Приведи же ее сюда, я хочу видеть ее!

— Покорнейше прошу простить, но я почитаю за благо воздержаться, — отвечал он.

— Тогда, Юстиниан, я повелеваю тебе избавить себя и дворец от присутствия этой женщины!

Теперь настало время принять решение и, возможно, серьезное. К его удивлению, это решение уже сложилось само собой, ясное и определенное.

— Против этого, с твоего милостивого согласия, я должен возразить, — спокойно заявил он.

Возмущенный ропот среди дам стал громче. Сердито взглянув на них, Евфимия заставила их замолчать.

— А если я настаиваю? — осведомилась она.

— О великолепнейшая, я всегда старался следовать твоим желаниям во всем, о чем ты просила меня. Но эта женщина дорога мне. Я не хотел бы расстаться с ней.

— Ты отказываешься повиноваться моему повелению?

Впервые за все время на лбу у него запульсировала вена — верный признак нарастающего в нем гнева.

— Я ли первый держу во дворце любовницу? — спросил он.

Сорок пар глаз широко раскрылись, сорок пар ртов разинулись, а императрица откинулась на подушки своего кресла. Придворные дамы не хуже Евфимии расслышали в его словах намек на ее собственное унижительное положение. В нем были одновременно вызов и оскорбление.

Несколько мгновений императрица не могла выговорить ни слова, но когда слова пришли, в них звучали ярость и угроза:

— Это еще не конец разговора, Юстиниан! А пока можешь удалиться — немедленно!

Низко поклонившись и покинув приемный покой императрицы, принц не стал сразу возвращаться в Гормизды. Он направился по галереям в канцелярии, располагавшиеся в соседнем дворце Дафны, поскольку в тот день его ждали трудные и неотложные дела.

Когда несколько часов спустя он наконец встретился с Феодорой, его лицо было мрачно.

Ее день прошел в волнениях, в озабоченности его судьбой, так же как и собственной, и теперь она пыталась прочесть что-нибудь на его лице, но тщетно.

Юстиниан не поцеловал ее, как обыкновенно делал, переступив порог. Отметив это про себя с замиранием сердца, она какое-то мгновение молча смотрела на него.

Наконец она проговорила:

— Я должна уйти?

— Нет! — воскликнул он с почти пугающим неистовством.

— Императрица приказала — и ты отказался?

— Именно так. Она распекала меня, как напроказившего мальчика, перед этими сохлыми старухами, которых она называет своим двором. Но я не поддался.

— Юстиниан...

— Постой. Это еще не все.

— Что же еще?

— Когда я уходил из канцелярии, мне доставили второе императорское послание. Прочти.

Она взяла тонкий пергамент с императорской печатью и прочитала:

«Юстиниану. Под угрозой кары повелевается тебе высочайшей властью твоего господина Юстина, императора ромеев, явиться вместе с женщиной по имени Феодора перед Его Высочайшим Императорским Величеством во дворец Сигма завтра в пять часов пополудни».

Послание было подписано с помощью известного трафарета со словом «LEGI», означающим «прочел и одобряю», которым император пользовался, чтобы поставить официальную подпись, поскольку не умел написать свое имя.

Феодора и Юстиниан обменялись взглядами, их глаза округлились.

— Ты будешь вынужден прогнать меня, — сказала она наконец дрогнувшим голосом.

— Не прогоню.

— Даже если император прикажет?

— Ни за что. — Губы и подбородок Юстиниана выразили крайнюю степень упрямства.

— Это может значить конец твоей власти, крушение всех твоих надежд, — воскликнула она.

— А хоть бы и так.

Она горестно воскликнула:

— Но, дорогой, я не стою империи!

В ответ он заключил ее в страстные объятия.

ГЛАВА 18

Когда Юстиниан покинул приемный покой, Евфимия тотчас отпустила фрейлин и евнухов. Она кипела от возмущения, которое он в ней вызвал, и поэтому вдвойне гневалась на ту, которую он отказался привести к ней или выгнать, как она велела. Эта женщина тем самым стала косвенной причиной ее унижения.

Прежде всего она укрепила себя беседой со своим духовником, отцом Поликратом; то был киликийский монах со строгим нравом, очень длинной бородою и весьма ортодоксальными взглядами. Проявив обычную свою расторопность, церковные иерархи одними из первых дознались

об увлечении Юстиниана и произвели незамедлительное и тщательное расследование прошлого водворившейся в Гормиздах женщины. Она куртизанка — это было установлено моментально. Но это обстоятельство с точки зрения прелатов было несущественно в сравнении с тем, что Феодора была, весьма вероятно, связана с ненавистными монофизитами. Проникновение такой ереси во дворец их тревожило, хотя и не было доказано, и церковь приготовилась воспользоваться любой возможностью, чтобы избавить двор от столь пагубного влияния.

Поэтому отец Поликрат, как и всякий другой слуга церкви, занимавший стратегически важное положение, получил исчерпывающие указания и был вполне подготовлен ко встрече с императрицей. Относительно подозрений в ереси он покамест ничего не стал говорить, так как церковь предпочитала косвенные меры, однако, прибегнув ко множеству цитат из Библии и расхожих фраз, а также сделав один-два хитроумных намека, он в значительной степени укрепил решимость императрицы, утвердив ее в уверенности, что ее дело правое, — а именно таким способом проще всего поддержать себя, когда собираешься сделать то, на что все равно уже решился.

Окончательно убедив себя, старая дама могла проявить немалое упорство. Пора уже, считала она, Юстину узнать от нее все про своего племянника и «эту особу».

При нынешнем правлении дворец Сигма был разделен на три части: приемный зал, где проводились официальные заседания в узком кругу, когда не было необходимости пользоваться большим тронным залом дворца Халк; жилые покои, занимаемые Евфимией, поскольку императрице всегда требуется больше помещений и прислуги, нежели императору, в особенности если последним оказывается старый воин, сохраняющий непритязательность во вкусах, и наконец покои самого Юстина, более скромные по размерам и убранству.

После беседы с отцом Поликратом Евфимия отправилась к Юстину и застала императора за игрою с Виницием, глупым старым солдатом, ординарцем его с той поры, когда самого Юстина произвели в офицеры, а ныне одним из немногих близких его друзей.

Виниций, почти ровесник императора, был лыс и беззуб, причем настолько, что подбородок у него почти касал-

ся носа. Игроки лениво метали кости при крошечных ставках, так как император не ставил много из скупости, а его ординарец — по бедности. Чуть поодаль стояли два стражника и помощник дворецкого.

Едва увидев Евфимию, Юстин понял, что она явилась для беседы с глазу на глаз, что было для него чем-то вроде испытания огнем.

— Ну что тебе еще? — спросил он брюзгливо.

Евфимия бросила раздраженный взгляд на его широкое лицо с почти благородными чертами, которые должны были бы свидетельствовать о более высоких умственных качествах и способностях, чем она за ним знала, и его бело-снежную голову без малейших признаков облысения. Но хотя лицо императора и его голова производили благоприятное впечатление, он сидел в своем кресле в далеко не величественной позе, согнувшись и положив больную ногу на табурет с подушкой, а в глазах у него читался мучительный вопрос.

Юстин надеялся, что приход супруги не означает требования новых изменений в дворцовых помещениях, а в особенности перестановок в его собственных покоях. Такие дела всегда утомительны для мужчины, будь он даже императором. И они же занимают несуразно важное место в мыслях женщины, будь она даже императрицей.

Между ними долго тянулась распря из-за его апартаментов, которые она считала слишком убогими для его императорского достоинства. Но ему претила идея представительности ради представительности, и пока он успешно отражал ее поползновения. Зная, однако, сколь неукротима она в достижении своих целей, он страшился неизбежного, как ему казалось, столкновения.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, — сказала она.

Он устало пожал плечами и отослал Виниция и прочих. Затем он сказал:

— Что ж, Лупицина, если речь снова идет о моих покоях...

Она сердито взглянула на него — она терпеть не могла, когда ее называли Лупициной, но Юстин неизменно употреблял это имя, ненавистное и отвергнутое ею, так что она больше и не пыталась бороться с этой привычкой.

— Твоя обстановка тут пока ни при чем, — не без желчи ответила она, — хотя мне было бы совестно жить так, как и базарный торговец почел бы недостойным.

— Что же здесь не так? — раздражительно спросил он. — Терпеть не могу всех этих безделушек — ты же знаешь.

— Сейчас это не имеет значения. Дело куда более важное.

— Нога болит сегодня сильнее, чем обычно, — захныкал он. — Я как раз собрался послать за аптекарем, чтобы сменить повязку...

— Юстин! — резко оборвала его Евфимия. Он покорно умолк. — Речь идет о твоём племяннике, — продолжала она.

Император знал, что Евфимия всегда говорит о Юстиниане как о своём племяннике, за исключением тех случаев, когда недовольна им.

— Что еще учудил парень? — спросил он. Хотя принцу было за сорок, для старика он все еще оставался «парнем».

— Дело в женщине, — сказала Евфимия с мрачной значительностью.

— В женщине? Пора бы, пожалуй. Он уже не первой молодости, знаешь ли... — Юстин хихикнул. — Кто же она? Небось не какая-нибудь из ворон твоей стаи?

Она поджала губы, и его усмешка исчезла.

— Мои дамы, — холодно проронила она, — возможно, и не отличаются теми качествами, какие, по-видимому, ценят распутники, но мне не нравится, когда их называют воронами.

— Уф, проклятая нога! — проговорил он, чтобы сместить тему. — Продолжай. Что же Юстиниан?

— Он держит в Гормиздах какую-то девицу.

— Вот как?

— Уличную девку!

— Неужели? А она хорошенькая?

— Я не хотела бы высказываться об этом.

— Значит, не хотела бы, — император поджал губы. — Ну и что же я, по-твоему, должен делать?

— По-моему, ты должен это прекратить!

— Ты видела ее?

— Нет.

— Но тебе ее описывали. И ты не хочешь ничего сказать о ней? Она, должно быть, необыкновенно хороша. — Он бросил на нее злой взгляд. — Отлично, Лупицина. Я займусь этой парочкой.

— Что же ты собираешься делать?

— Призвать их сюда.

— Ко мне, — заметила она с обидой, — твой племянник привести ее отказался.

— Отказался, говоришь? — престарелый император фыркнул, словно старый боевой конь, отпущенный на выгон и слышавший в отдалении звук трубы и бой барабана. — Пришли-ка ко мне моего секретаря. Посмотрим, откажет ли он императору ромеев!

После этого он и продиктовал то послание, которое вызвало вечером того же дня беспокойство во дворце Гормизды.

Готовясь к предстоявшему ей испытанию, Феодора оделась тщательно, но исключительно просто. Тунику она выбрала белую, с бесчисленными мелкими складками, но без шитья. На шею она надела одну-единственную жемчужную нить — подарок Юстиниана, уши украсила маленькими, также жемчужными серьгами, а волосы не стала тщательно укладывать, но просто расчесала их так, что между ними пролег прямой и чистый пробор, как у незамужней женщины.

Это совершенно преобразило ее — она стала как бы гораздо меньше ростом, скромнее и смиренней, что Юстиниан заметил с удивлением, какое неизменно испытывают мужчины, видя такие перемены в женщинах. Она показалась ему столь миниатюрной, столь юной и беззащитной, что он был глубоко тронут.

— Я прикажу, чтобы тебя отнесли в Сигму на носилках, — сказал он.

Она бросила на него взгляд. Хотел ли он скрыть ее от глаз людей, потому что стыдился показаться рядом? Но в его глазах она не нашла ни отчуждения, ни холодности. Им двигала лишь забота. И благодарность теплой волной поднялась в ней.

— Спасибо за то, что ты хочешь избавить меня от взглядов любопытных, — сказала она. — Но я пойду рядом с тобой, гордо подняв голову.

В этот момент в дверях показался с докладом Дромон.

— Велизарий, начальник эскувитов, и благороднейший Трибониан.

— Скажи — пусть немедленно войдут! — велел Юстиниан с просветлевшим лицом.

Но Феодора радости не ощутила. Имя Трибониана заставило ее затрепетать от предчувствий.

Трибониан... сластолюбец, с которым она делила ложе

на достопамятном пиру у Хионы! Он многое знал о ней — слишком многое: она тогда предложила ему себя и лишь по случайности не досталась ему. Что он скажет? Даже брошенный украдкой взгляд мужчины способен сообщить женщине бесконечно много. От Юстиниана она знала, что законник один из ближайших его друзей, а друзья мужчины могут укрепить положение женщины при нем или повредить этому положению бесчисленным множеством коварных способов, в особенности когда оно двусмысленно или непрочно.

Трибониан вошел в сопровождении своего спутника, и она мгновенно узнала его — изысканность в одежде, небрежность в манерах, насмешливая полуулыбка.

— Рад видеть вас, мои добрые друзья! — воскликнул Юстиниан.

— Мы хотели бы отправиться во дворец Сигма в твоей свите, если ты окажешь нам эту честь, — произнес Трибониан.

— Милости прошу! — ответил принц. — Позвольте представить вам обоим госпожу Феодору.

Трибониан поклонился, и она взглянула ему в глаза.

— Мы когда-нибудь встречались? — спросила она. Это был вызов.

Трибониан улыбнулся, и его улыбка была на редкость обаятельна.

— Никогда, о блистательная. Клянусь всеми святыми, если бы моим глазам когда-либо прежде явилась красота, подобная твоей, я ни за что не забыл бы ее до самого смертного часа.

Это была, разумеется, речь придворного, но также и проявление доброй воли. Ей вспомнилась его записка к ней, полученная после падения Хионы: «О безжалостная, о несправедливая, о великолепная Феодора!»

Замечательно во всем этом было то, что Юстиниану отлично было известно все о пирушке у Хионы. Он сам поведал принцу об этих веселых приключениях, и принц с этой девушкой, несомненно, также обсуждали их между собою. Теперь он словно бы говорил ей: «Что касается дел прошлого, любезная госпожа, то в памяти у меня не сохранилось ровно ничего о тебе».

Она поняла его ответ и улыбнулась ему лучезарной улыбкой.

— Приветствую тебя, благородный Трибониан, и благодарю за изъявление дружбы.

Слова Феодоры относились как бы к его предложению сопровождать Юстиниана и ее в пути между дворцами под неприязненными взглядами двора, но Трибониан понял их скрытый смысл: она оценила тонко выраженное им заверение в дружественных намерениях.

Велизарий, спутник Трибониана, был человеком крупным и нескладным, он носил по обычаю военных того времени бороду, руки у него были большие, неуклюжие, как нельзя лучше приспособленные для владения оружием, а сложением он словно предназначался для ношения доспехов. Волосы и борода были цвета дубленой кожи и чрезвычайно густы, глаза же — небесно-голубые и холодные. На нем был нарядный сагум эскувитов и золотой пояс военачальника.

Феодоре он показался скорее забавным, чем привлекательным. Поклон его был скован, словно ему было трудно сгибать спину из-за жесткой военной выправки. И улыбался он необычно: наморщивал лоб, закатывал глаза и показывал сквозь светлую бороду блестящие и острые, как у собаки, зубы. Это несколько походило на оскал зверя, остающегося диким, даже когда он притворяется ручным.

Она мгновенно поняла, что для нее не было бы ничего проще, чем покорить его. Однако очевидное восхищение Велизария не порадовало, а обеспокоило ее и встревожило.

Впрочем, их с Трибонианом приход был как нельзя лучшим доказательством преданности Юстиниану. Все во дворце знали, что над головой принца сгущаются тучи. Идти вместе с ним на виду у всех туда, где Юстиниана ждал своего рода суд, значило разделить с ним все несчастья, которые могут постигнуть его, окажись приговор не в его пользу. Все четверо, покидая Гормизды, понимали это.

Снаружи, у стен дворца, застыл в строю эскорт гвардии. Этот отряд привел Велизарий, и неспроста, поскольку он придавал весомость и достоинство их визиту.

— Какой дорогой направимся? — спросил Велизарий.

Кратчайший путь из Гормизд в Сигму проходил наискосок через площадь, в стороне от главных зданий, а значит, и той толпы, которая заполнит аллеи и лестницы, чтобы увидеть ту, что должна прошествовать вместе с Юсти-

нианом на аудиенцию у императора. Юстиниан вопросительно взглянул на Феодору.

— Как обычно — по аллеям и под колоннадой, — отвечала она.

Она пронесет перед всеми свои знамена. Юстиниан почувствовал гордость за нее.

— Пусть будет так, — произнес он.

В сопровождении эскувитов, выстроившихся впереди и позади них, Юстиниан под руку с Феодорой, а также Трибониан и Велизарий следом в молчании прошли по мостовой, проложенной мимо церкви Святого Стефана и в тени стены Ипподрома, далее они свернули под прямым углом там, где поворачивала и аллея под колоннадой, которая вела мимо казарм эскувитов через небольшой двор ко дворцу Дельта и наконец ко входу во дворец Сигма, расположенный на противоположной стороне и выходящий на море.

Среди обитателей дворцов, как и предвидел Юстиниан, в мгновение ока распространилась весть, что наконец можно будет увидеть новую фаворитку принца, и сотни любопытных собрались кучками по всему их пути.

В этот переломный момент своей судьбы Феодора была спокойна, хотя внутренне и съеживалась от направленных на нее беззастенчивых взглядов, шепотов, от недоброжелательного любопытства и открытой враждебности придворных.

Она взглянула на застывшее лицо Юстиниана. Какие мысли сейчас владеют им?

С давних пор у монархов и наследников престола имелись любовницы, и все это считали нормальным. Но неизменным остается тот факт, что любовница знатного лица, просто из-за всеобщего внимания к ней, чаще оказывается объектом враждебности по сравнению с любовницами мужчин пониже рангом. Что бы она ни делала, она не способна противостоять захлестывающему ее потоку лжи и клеветы.

Когда-то Феодора столкнулась с этим в отдаленной провинции Киренаика, но здесь, в Константинополе, где церковь и церковные запреты были особенно сильны, а сама она вызвала жгучую неприязнь у императрицы, Феодора впервые почувствовала, как глубоки корни социальных различий.

Думая обо всем этом, девушка шла позади высоких эскувитов, стараясь не обращать внимания на бросаемые на нее косые взгляды, плотоядные ухмылки, разинутые рты и замечания обитателей дворца, столпившихся на их пути.

Она быстро устала от испытываемого унижения, однако шла все так же ровно, размеренно, ни разу не споткнувшись и ничем не выдавая своего страха.

На ее хрупкие плечи была возложена ответственность за судьбу Юстиниана и его друзей. Это она подвергла их страшной опасности, и поэтому она же должна их спасти.

Наконец они достигли мошеного двора, окруженного ухоженным цветником с фонтаном, за которым виднелся восточный вход во дворец Сигма, резиденцию императора.

Охрана оттеснила любопытных, оставив проход для официальных лиц, чтобы они находились в относительной безопасности. Со всех сторон расположились шеренги эскувитов: сделав шаг назад, они подняли копыя и с грохотом опустили их тупые концы на каменные плиты мостовой.

Натянуто улыбаясь, Юстиниан сказал, обращаясь к Трибониану и Велизарю:

— Ну, друзья мои, сейчас нам предстоит сделать решительный шаг.

Перед ними появился дворецкий императора Василий со своим серебряным жезлом в руке вместо трости. Евнух был высок и величествен, с обвислыми щеками и характерной для всех мажордомов гордой осанкой мастифа. Он подождал, пока они приблизятся, затем, ни слова не говоря, развернулся и повел их за собой через атрий, постукивая жезлом по мраморному полу и шурша жестким от золотого шитья одеянием; звук их шагов повторяло эхо, а стража, расставленная вдоль проходов, провожала их взглядами.

Внимание Феодоры привлекла задрапированная богатой тканью дверь, когда же она подошла ближе, то смогла увидеть в ее проеме зал, заполненный людьми.

— Правитель Юстиниан! — объявил дворецкий.

Никакого упоминания о девушке. Официально ее не существовало.

Вся сжавшись от сильнейшего внутреннего напряжения, Феодора вдруг осознала, что ее царственный любовник привел ее сюда с целью представить императору ромеев...

Хотя зал аудиенций во дворце Сигма был невелик и не столь внушителен в сравнении с тронным залом дворца

Халк, на девушку он произвел достаточно сильное впечатление. Казалось, он переполнен людьми сверх всякой меры.

Здесь было необычайно много женщин — со строгими манерами, богато одетых и надменных — женщин императорского дворца, ее природных врагов. Она увидела также нарядных придворных, военачальников, послов и церковных сановников, а также должностных лиц империи, одного из которых она узнала. Он стоял вблизи от того места, где восседала императорская чета, глядя на нее с темным, как у дикого вепря, блеском в глазах: Иоанн Каппадокиец, префект претория.

Трибониан и Велизарий остались у дверей, и Юстиниан с Феодорой одни направились к трону в такой глубокой тишине, что слышны были их шаги по толстому ковру. Наконец они остановились, и Феодора обнаружила, что перед ней невысокое, покрытое пестрым ковром возвышение, на котором находятся два массивных, с высокими спинками, кресла, украшенных витиеватой резьбой и золотом.

В правом кресле восседал старик с вьющимися седыми волосами. В левом — старуха с необычайно внимательным выражением на широкоскулом морщинистом лице.

Император и императрица!

Легким, полным грации движением Феодора опустилась на колени. Вслед за нею, почтительно наклонив голову, то же проделал и Юстиниан. И тут же она услышала голос — старческий, скрипучий голос:

— Встаньте и подойдите к нам!

Она поднялась с колен и впервые увидела императорскую чету совсем близко.

Удивительно, как резко изменяется взгляд, когда то, что было мифом, слухом или игрой воображения, внезапно оживает, обретает плоть и кровь.

Феодоре показалось, что она давно знает их обоих. У нее было такое ощущение, будто она встречалась с ними сотни раз.

Император показался ей обычным стариком с ослабевшим по причине преклонного возраста умом, похожим на тех, каких она часто видела греющимися на солнышке везде — и в Константинополе, и в Африке.

То же произошло и с императрицей: она была похожа на крепкую крестьянку из дальней провинции, которая как раз собралась подоить корову или почистить одежду и, по-

видимому, была бы более довольна, если бы именно этим и занималась.

Между тем императрица Евфимия бесцеремонно разглядывала девушку, с неохотой признавая, что она чрезвычайно привлекательна. А в то время, как императрица и дитя улицы смотрели друг на друга, каждый из присутствующих в зале невольно сравнивал их.

Евфимия была во всем великолепии расшитых золотом одеяний, в шелках и пурпуре... но пурпур не слишком подходил к цвету ее лица. Ее одеяние было усеяно бесчисленными золотыми блестками. В отличие от Юстина, седая кудрявая голова которого была обнажена, на голове у Евфимии красовалась императорская диадема, а по обеим сторонам ее широкого розового лица свисали нанизанные на нити бриллианты и различные геммы. Она была буквально увешана драгоценными камнями: изумруды, рубины, алмазы и золото в огромном количестве были повсюду, где только имелась возможность их поместить — на одежде, прическе, шее, руках и плечах. Поистине вопиющая безвкусица!

На стоящей у трона девушке не было почти никаких украшений. Одета она была в простое белое платье, плечи ее были обнажены... и — божественны. В каждом брошенном на нее взгляде можно было прочесть восхищение ее пленительностью, невесомой фигурой, изяществом манер.

Словом, сравнение было явно не в пользу императрицы.

Сидящий рядом с Евфимией дряхлый Юстин поднял голову и соизволил-таки наконец взглянуть на Феодору. Слегка покачав своей величественной седой головой, что должно было означать приятное удивление, он своим трескучим голосом спросил у Юстиниана:

— Так это и есть твоя возлюбленная?

— Да, ваше величество.

Старый Юстин посмотрел на нее уже более внимательно. «Изумительные глаза, — подумал он. — Не слишком большие, но какой разрез! Во всяком случае, очень необычные». Да-а! Будь он на тридцать или хотя бы на двадцать лет помоложе...

Евфимия заметила, как девушка смотрит на императора. Это был именно тот взгляд, перед которым не мог устоять ни один мужчина, и императрица, достаточно хорошо знакомая с этим оружием и его убийственной силой, по-

чувствовала такую же бессильную ярость, какую ощущают в подобных обстоятельствах и женщины куда более низкого положения.

Ей так и хотелось влить затрещину Юстину — старый дурак! Этот взгляд сразил его. Она буквально окаменела от гнева, увидев, как он простер вперед руку, и хотя это и была рука старика, но еще достаточно крепкая, с сильными пальцами и широкой ладонью. На указательном пальце сверкал перстень с крупным рубином.

Девушка выступила на шаг вперед, опустила на колени и поцеловала перстень.

Император заговорил с ней:

— Тебя зовут Феодора?

— Да, ваше императорское величество, — ответила она.

— Давно ли ты живешь во дворце?

— Всего двадцать дней, ваше величество.

— Гм! Всем ли ты довольна в Гормиздах?

— О, конечно, великий и достолавный...

Искренне удивившись последнему вопросу, она подняла опущенные до этого момента вниз глаза. Император улыбался ей — улыбался! Она обратила внимание, что у старика почти все зубы на месте.

— Встань, дитя! — повелел он. Когда она поднялась с колен, он добавил: — Нам всегда приятно познакомиться с близкими друзьями нашего племянника и наследника.

Всего несколько слов, а какая в них таилась исключительная сила! Наш племянник и наследник...

Одним махом старый император своим высказыванием уничтожил всякие сомнения по поводу грядущего положения Юстиниана и распространил свое расположение на его молодую возлюбленную.

По залу аудиенций пробежал едва уловимый шепот, который выскользнул наружу и почти тотчас же разнесся по всему дворцу. Враждебные, холодные или ничего не выражающие лица мгновенно преобразились в едва ли не приветливые, и только у бедной Евфимии оставался все тот же суровый и безжалостный вид.

Император еще некоторое время беседовал с девушкой. Он поинтересовался, сколько ей лет, откуда она родом и какое впечатление на нее произвел дворец. При этом вид у него был доброжелательный, почти отеческий. И когда она,

немного робея, отвечала ему, все отметили, что у нее приятный голос.

Наконец Юстин слегка кивнул своей седой бородой.

— Надемся еще увидеться с тобой, Феодора.

— Премного вам благодарна, ваше величество!

Аудиенция была окончена.

Юстиниан не произнес ни слова, и весь двор пребывал в изумлении, еще не в силах поверить в полную победу этой девушки, но уже начиная готовиться к новым, более решительным действиям.

Он выразил признательность дяде за его великодушие. Вместе с Феодорой они снова, в знак почтения, опустились на колени, а затем оба покинули зал.

На обратном пути в Гормизды — который, по сути, превратился в триумфальное шествие, — Трибониан и Велизарий безудержно ликовали.

Однако сам Юстиниан был более сдержан в проявлении чувств. Он никак не мог прийти в себя от изумления. Предполагая возможное осуждение или даже опалу, он вдруг увидел, что император буквально пожирает глазами изящную ручку избранницы Юстиниана.

Он взглянул на стройную фигуру Феодоры, которая скромно шла рядом с ним. В ней ощущалась какая-то необычность, нечто внушающее благоговейный страх. Лишь теперь он стал догадываться, какая сила таится в ней. И в то же время она выглядела такой хрупкой, такой грациозной, такой изысканно-женственной, что он никак не мог поверить своим новым, еще не вполне оформившимся мыслям о ней...

После завершения аудиенции между императором и императрицей, которые остались одни, произошел короткий разговор.

— Полагаю, ты вполне осознаешь, что ты только что сделал! — сердито начала Евфимия, едва зал опустел.

— Ну... — начал было Юстин. — Я ведь не совсем...

— Не будь полным идиотом! Ты фактически согласился с тем, чтобы Юстиниан содержал эту девку!

— Да ну? А что мне оставалось делать? Ведь нет закона, который бы запрещал мужчине иметь любовницу...

— Юстин! Я уверена, что единственной причиной их приглашения сюда было твое желание поглазеть на эту... эту шлюху.

Он хихикнул со стариковской зловредностью:

— А ведь это ты утверждала, что не могла бы сама ее прогнать...

— Разве? А не ты ли постарался показать мне, что у тебя с самого начала не было никакого намерения положить этому конец? Разве не хотелось тебе посмотреть, как выглядит эта бесстыдная маленькая потаскушка?

Нисколько не смутившись, даже с довольным видом, он закивал своими серебристыми кудрями:

— Верно! Она этого заслуживает. Я никогда еще не видел такой хорошенькой девушки. Разве плохо иметь рядом кого-нибудь, на кого можно было бы посмотреть с удовольствием? Знаешь что, Лупицина? Эта малышка — хе-хе — заставила меня на минуту почувствовать себя снова молодым.

— Юстин!

Ее восклицание прозвучало так громко, что он вздрогнул.

Когда она повышала голос, это только злило его, и теперь он это продемонстрировал.

— А что в этом плохого? — спросил он раздраженно. — В чем дело? Юстиниан завел себе девушку. Разве это ненормально? Надолго уезжая из дома, тем более туда, где есть девушки, мужчины, моя старушенция, обычно обзаводятся ими. Мужчина имеет на это право, а вот юношам лучше не торопиться с этим делом. Почему бы нам не пригласить их как-нибудь вечером? Эта отважная малышка очаровательна...

— Ноги ее не должно быть впредь в этом доме, если уж мне позволено высказать свое мнение!

— Это еще почему?

— Но ведь она — потаскуха!

— Мне кажется, что для тебя каждая женщина, которая тебе не нравится, — потаскуха, — заметил он с резкостью в голосе.

— Это неправда...

— Или что-то в этом роде.

— Но эта маленькая шлюха...

— Замолчи! — рявкнул он и угрожающе поднял руку.

Юстин был стар и болен. Обычно, во избежание скандалов, он соглашался почти со всем, из-за чего Евфимия поднимала шум. Однако сейчас на какое-то время он снова

почувствовал себя отважным воином. Устрашившись его гнева, императрица умолкла.

— А теперь выслушай меня внимательно! — прорычал он. — Если Юстиниану нужна любовница, он может выбрать девственницу, или проститутку, или кого угодно, если она ему подходит. Это тебе ясно? А что касается тебя, женщина, — позволь мне торжественно тебе заявить, что это не твоего ума дело!

Когда Юстин высказался таким образом, возражений не последовало. Огорченная своим поражением, переполненная гневом и яростью, Евфимия оставила его в одиночестве.

Но, как оказалось, существуют границы, которые даже император не имеет возможности переступить. Несмотря на высказанное Юстином желание, ему так и не удалось заставить свою супругу пригласить к себе обоих обитателей Гормизд. И, будучи прежде всего мужчиной, не выносящим ссор в своем доме, а тем более ссор совершенно бесполезного свойства, император не стал бороться с сопротивлением Евфимии.

Многое теперь изменилось. Юстиниан открыто представил свою любовницу, и в этой связи подробно обсуждался тот факт, что старый император не только улыбнулся девушке, но даже и потрепал ее за подбородок.

Лыстецы и блюдолизы, пытавшиеся добиться расположения особ, могущих, как им казалось, захватить власть в том случае, если б Юстиниан оказался в опале или вообще был изгнан из дворца из-за своего безрассудного увлечения, кинулись обратно, подыскивая себе местечко потеплее в свите наследника.

С поразительным цинизмом государственные мужи, высокопоставленные особы, послы, а равно важные сенаторы и патриции стали осыпать подарками новую царственную любовницу, между прочим нередко пытаясь оплатить их за счет казны.

Те, кто присутствовал на воскресном богослужении в церкви императорского дворца, имели возможность хорошенько рассмотреть новую фаворитку. Она пришла вместе с Юстинианом, и было замечено, что будущий наследник оказывает ей все те на первый взгляд незначительные знаки внимания и преклонения, которые сопутствуют глубокому чувству любви. Все сошлись на том, что она была самой

эффектной из женщин и вела себя вполне достойно, хотя и прошел слух, что она до сих пор не приняла святого Крещения.

Радуюсь своей победе, Феодора занялась близкими ей делами. Взять, к примеру, дворец Гормизды — ведь совершенно очевидно, что его необходимо полностью преобразить. Каждой женщине присуща инстинктивная страсть к перемене всего, что ее окружает, причем как можно более полной и скорой, поскольку только так она и может продемонстрировать свою индивидуальность и эстетический вкус. К тому же глубоко в ее подсознании гнездится подозрение, что новое место все еще хранит след другой женщины, бывшей здесь до нее. Малейшее напоминание о такой женщине должно быть уничтожено, поэтому невозможно мириться даже с ее тенью.

Феодора оказалась в таком положении, о каком женщина может только мечтать: в ее распоряжении был и дворец, который предстояло переделать по своему усмотрению, и неограниченные средства для этого. Через несколько месяцев грандиозного переустройства выяснится, сколь огромны оказались затраты, но Феодора, даже если бы ее заранее предупредили о неприятных последствиях, не смогла бы отказать себе в удовольствии.

Как и большинство женщин, она любила деньги: не копить их, а с веселым мотовством тратить. Она обожала красивые вещи и расходовала на них такие суммы, от одного лишь упоминания которых раньше только глаза округлила бы в удивлении. И это чувство обладания несметным количеством золота, с легкостью просачивающимся сквозь ее пальцы, было настолько чудесным, что она радовалась как ребенок.

Не все, конечно, шло гладко. Феодоре пришлось столкнуться и с враждебностью, которую проявляли в особенности придворные дамы. В конце концов они были прежде всего женщины, а женщинам трудно заставить себя хорошо относиться к тем, кто заставляет их чувствовать себя старыми и невзрачными по сравнению с собой. Феодора оказалась готовой к борьбе с неприятелями в юбке. Она научилась защищать себя на самом известном в мире ристалище — на улице Женщин. После нескольких стычек, которые заставили уважать ее бритвенноострый язычок, не многие рисковали вступить с ней в перебранку.

Но эта женская вражда была не более чем невесомой пеной на поверхности чего-то куда более серьезного и грозного. Феодора была слишком беспечной, слишком неопытной, чтобы догадываться об этом, так как в те счастливые для нее дни жила весело и беззаботно и ей не приходило в голову, что против нее тайно строятся такие козни, что, узнай она обо всем этом тогда, в тот безоблачный период, ее обуял бы ужас.

Трудно установить, что явилось основной причиной этой свирепой враждебности. Возможно, толчком к ее проявлению послужила уверенность в том, что император Юстин, принимая во внимание его преклонный возраст и очевидную немощность, должен вот-вот перейти в мир иной. В таком случае на трон должен был взойти новый император, а это предоставляло неограниченные возможности для осуществления честолюбивых планов.

Хотя Юстиниан и считался наследником, он был всего лишь племянником императора, а законом подобное престолонаследие не предусматривалось. Таким образом, для замысливших крамолу требовалось время, чтобы подготовить почву для замены наследника.

Плетущим козни умам было очевидно, что самым уязвимым местом Юстиниана является его страсть к Феодоре. Это и легло в основу их расчетов. С тех пор, как Юстиниан передал в распоряжение Феодоры дворец Гормизды, он оказался в немилости у старой императрицы. А поскольку Евфимия была на десять лет моложе императора и на здоровье не жаловалась, все считали, что она переживет своего дряхлого супруга. Исходя из этого обстоятельства, было кое-что предпринято. Использовалась малейшая возможность для разжигания враждебности императрицы, и одновременно делались такие шаги, чтобы превратить любовницу Юстиниана в объект насмешек и проклятий, вызвать в народе такую ненависть к ней, которая окажется способна изгнать, а то и погубить Феодору, которой Юстиниан, видимо, просто околдован.

А затем подоспел бы момент для занятия трона новыми людьми, если не самими заговорщиками, то хотя бы их ставленниками, такими, например, как Ипатий или Помпей, которые были племянниками последнего императора Анастасия. Глуповатые, немощные и уже престарелые, они

тоже имели некоторое подобие права на престол и все сделали бы так, как им прикажут.

Кроме этого источника враждебности, коренившегося в амбициозных планах разных клик, у Феодоры имелся другой грозный враг — церковь. В Александрии она подверглась неистовым нападениям ее служителей, которые сочли ее недостойной для воспитания собственного ребенка. В Константинополе эти нападки были усилены и раздуты при посредстве слухов о том, что любовница Юстиниана является еретичкой-монофизиткой.

Непосредственно из дворца Гормизды высшим церковным иерархам направлялись донесения, что Феодора открыто выражает несогласие с ортодоксальными взглядами Юстиниана. Утверждалось при этом, что иногда споры между любовниками бывают довольно жаркими.

Церковные посланники вкрадчиво нашептывали Юстиниану, что из-за подобных разногласий он должен был бы, с Божьего благословения, оставить Феодору. Однако их хитроумные попытки привели лишь к тому, что Юстиниан отверг обвинения в адрес Феодоры, объявив их недостаточно серьезными. Церковь, тонко разбирающаяся в натуре человеческой, на время оставила его в покое.

В то же время высокое духовенство принялось гневно клеймить снижение суровости наказаний по отношению к монофизитам, особенно в Сирии и Египте. По всей империи прошел слух, жестоко оскорбляющий государственную церковь, — о том, что у исповедующих веру в Единосущного есть друг в императорском дворце.

Существовал, наконец, еще один тайный и достаточно сложный источник интриг против Феодоры: незримая сеть евнухов.

Вскоре после того, как Феодора стала хозяйкой Гормизд, она убрала всех евнухов из купален и спальни. Дворецкий Дромон, как главный их представитель, пожаловался Юстиниану.

— Мы, евнухи, твои верные слуги, о дар небес, — заявил он, — самые смиренные и преданные среди тех, кто тебя окружает. И нам всегда, в соответствии с установившимися обычаями, разрешалось находиться в некоторых помещениях и покоях, дабы выполнять свои обязанности. Мы просим тебя оставить все так, как было раньше.

— Я разберусь с этим делом, — пообещал Юстиниан.

Он знал, насколько тесно спаяно братство бесполох, и понимал, как опасно вызвать его озлобление. Он так и сказал Феодоре. Однако та заупрямилась.

— Я не могу их терпеть рядом с собой! — вскричала она. — Мое тело принадлежит одному тебе, любовь моя! И там, где его ласкали твои руки, я не могу выносить прикосновений вялых, липких рук этих бесполох существ. Если мне потребуются массажисты, парикмахеры, прислуга в купальне или в опочивальне, я бы предпочла иметь для этого женщин, поскольку нам легче понять друг друга. Оставь евнухов для других дел, к которым они больше подходят. Когда я раздета, я не желаю видеть возле себя этих созданий!

Это была опять-таки инстинктивная реакция истинной женственности, которой требуется в дополнение истинная мужественность. Мужчины женоподобные и слабые оскорбляют женственность.

Юстиниан уступил Феодоре, и евнухи не забыли этого. Среди многочисленных своих обязанностей они превыше всего ценили одну — оказание услуг в будуарах знатных дам, и по причине весьма примечательной. Там у них всегда имелась прекрасная возможность удовлетворять свою патологическую страсть к интимным тайнам, вынюхиванию и подслушиванию всего, что связано с интригами и скандалами. Из купален и спален знатных дам выползало большинство слухов и сплетен, которые постоянно циркулировали как в самом дворце, так и по городу и которыми евнухи пользовались порой с целью кому-нибудь навредить, а то и погубить.

Теперь Феодора стала врагом всего племени евнухов. Пока они ничего еще не предпринимали в отместку, но мысль об этом их не покидала. И хотя они и были лишены мужской агрессивности, зато научились на своей службе бесконечному терпению паука, способного надолго застыть в ожидании момента, когда можно без промаха нанести разящий удар.

ГЛАВА 19

Сперва в связи с затеянным во дворце грандиозным переустройством и нежеланием Юстиниана слишком часто демонстрировать свою любовницу, вызывая неудоволь-

ствие императрицы Евфимии, никаких официальных приемов в Гормиздах не устраивалось. Однако иной раз Феодора выступала в качестве хозяйки дома в небольшой компании друзей или знакомых Юстиниана, которых он приводил к себе поужинать.

Раз или два в этой компании оказывался префект претория, и Феодора вновь стала опасаться Иоанна Каппадокийца. Хотя он и обращался к ней почти подобострастно, она постоянно ощущала на себе взгляд этого человека и была совершенно уверена, что, подвернись ему возможность, он бы с удовольствием ее уничтожил. Но когда она поделилась этими мыслями с принцем, Юстиниан встал на его защиту.

— Согласен, что у Иоанна нет многого, чего требует от человека этикет, — сказал он. — Он низко наклоняется к столу и жаден в еде, употребляет грубые выражения и никогда не научится сидеть или ходить, как положено достойному мужу, а не запряженному быку. Но я уверен, что у тебя сложилось о нем превратное представление. При всех его недостатках он предан мне — и вообще он гениальный администратор. Никогда еще финансовые дела империи не складывались так удачно — он умеет находить деньги там, где и не подозревают об их существовании. Тебе нравятся Трибониан и Велизарий — и мне тоже. Это лучшие мои друзья. Однако вот что я тебе скажу: для империи Иоанн Каппадокиец представляет ценность куда большую, чем оба они вместе взятые.

— Почему ты так уверен в его преданности? — спросила она.

— У меня есть на то основания. — Он помолчал. — И даже если бы он захотел доставить тебе неприятности — во что я никак не могу поверить, ибо он никогда не отзывался о тебе иначе, как в самых теплых и дружественных словах, — что бы он мог предпринять? — Он взглянул на нее и добавил с налетом строгости в голосе: — Умоляю тебя, дорогая, занимайся дворцом, нашими друзьями, нашими развлечениями. А управлять империей предоставь мне.

Феодора не стала больше касаться этой темы, и хотя Юстиниан считал, что переубедил ее, молчаливая неприязнь между нею и Иоанном Каппадокийцем сохранялась.

К тому же наиболее частыми гостями в Гормиздах были Трибониан и Велизарий, и Феодора всегда рада была их ви-

деть, поскольку оба они выдержали серьезное испытание в преданности.

Трибониана она выделяла из прочих. С женщинами он вел себя, как правило, несколько цинично, и по этой части даже Феодора не могла его перещеголять, хотя он с достаточным уважением воспринимал ее дерзкий склад ума. Он был одним из тех, скорее даже единственным, кому она позволяла временами развлекать себя в этой чуть грубоватой манере, которая ее не злила и не раздражала. Ей нравилось его слушать, ибо он был блестяще образован и не только сыпал эпиграммами, но и мог безукоризненно точно, иногда с едким сарказмом, но неизменно удачно и к месту цитировать поэтов, причем как древних, так и современников. Подчас он бывал сама деликатность, но иногда его цинизм принимал такие формы, что это даже шокировало.

В один из вечеров, за ужином, разговор коснулся пира, который устроил Гермоген, министр двора, где присутствовала почти вся знать.

— Мне кажется, это было довольно любопытное событие, — заметил Велизарий, который с удовольствием принимал участие в подобных делах.

— А по-моему, скучища невероятная, — возразил Трибониан. — Не было ничего нового или необычного. Осторожествующие танцовщицы, разные шарлатаны и фокусники. Гермогену, хотя ему и не надоедает без конца устраивать пирушки, недостает фантазии придумать что-нибудь веселое или занимательное. Я умираю от скуки на его приемах. Но, поскольку он министр, никто не решается проигнорировать приглашение и не явиться. Ему стоило бы прислушаться к дельному совету кого-нибудь из тех, кто способен видеть на несколько шагов дальше той мертвящей обыденности, в которую, кажется, скатываются пиры в столице.

На какое-то мгновение его взгляд задержался на Феодоре, как если бы он вспоминал событие, которое произвело сильное впечатление.

— Ну а блюда — разве не замечательны они были? — заметил Велизарий. — По мне, так соус к куропаткам был необыкновенно изысканным.

— Блюда были хороши. Но их было уж слишком много.

— И конечно же, Трибониан, — улыбнулась Феодора, которая не присутствовала на этом пиру, — там непременно велась какая-нибудь остроумная беседа — ведь там был ты.

Юрист улыбнулся ей в ответ.

— Если это насмешка, о прекраснейшая, я ее прощаю тебе. Если это комплимент, я благодарен тебе за него. Что же касается бесед, то о каком остроумии могла идти речь при таком обилии блюд? По-моему, их было тридцать пять.

— Тридцать, — уточнил Велизарий.

— Пусть будет по-твоему, военачальник. Я не считал. К концу пира я, клянусь, почти уже засыпал от пресыщения. Мне даже стало грустно из-за этого.

— Я еще могу допустить, что ты скучал, — вступил в разговор Юстиниан, — но только не грустил — это на тебя непохоже.

— Когда я вижу всех вас, жадных, постоянно обжираться — может быть, не считая вашего высочества, — то это всегда мне напоминает о бренности и бессмысленности жизни и всех устремлений человека.

— Почему вдруг так? — спросила Феодора.

— Потому что я помню строки, написанные сатириком Агафием при созерцании им отхожего места под Смирной.

— Прочитай их, — попросила она.

Он, чуть улыбнувшись, посмотрел на нее.

— Боюсь, они настолько же непристойны, насколько и циничны.

— Неважно! Я уже приготовилась слушать. Позволь мне самой судить о нем.

— Ну что ж, прекрасно. Я тебя предупредил, о прелестная, — сказал он и начал декламировать:

Все явные излишества людей
И все их дорогие яства,
Извергнувшись, здесь сразу же теряют
Былую прелесть и очарованье.
Фазаны золотистые, и рыбы,
И смеси, в ступке перетертые искусно,
И поваров труды, и кулинаров —
В зловонное дерьмо здесь обратились.
Все то, что глотка жадно пожирала,
Желудок в скверну превращает равнодушно.
И человек, прозрев, вдруг понимает,
Что, повинувшись алчным устремленьям,
Напрасно богател — смерть наступает,
Все обращая в прах.

Закончив, он вопросительно взглянул на Феодору.

— Ну что ж, — проговорила она, — ведь ты меня предупреждал. Но как ты считаешь, неужели и все другие уст-

ремления человека, кроме потребления пищи, ведут к такому же мерзкому финалу?

— Временами меня это просто ужасает, — ответил Трибониан.

— В некоторых случаях, я уверена, этого не происходит, — возразила она. — Что же касается тебя лично, другой, то в этом случае у меня нет твердой уверенности.

Обратив все в шутку, чтобы не продолжать спор на столь пессимистическую тему, она перевела разговор.

В то же время Феодора раздумывала над некоторыми моментами, открывшимися ей в споре. Прежде всего, она всегда чувствовала в Трибониане некий дар проникновения в суть вещей. При всей его праздности и неизменно циничном поведении, его суждения были глубже суждений большинства известных ей мужей, включая и Юстиниана. А под сардонической манерой Трибониана вести беседу скрывалось исключительное уважение перед законом и правом — это было делом его жизни, и он постоянно шлифовал и углублял свои познания в этой области. Расточать впустую такой дар просто глупо, и Феодора надеялась каким-либо образом использовать мощный ум законника.

Велизарий был совершенно иным: главным достоинством был не разум, а грубая физическая сила. Временами его лицо утрачивало всякое выражение, глаза у него были водянисто-голубые и холодные, нос крупный и широкий в основании. Челюсти постоянно были напряжены, а небольшая бородка, обрамлявшая его лицо, подрагивала и шевелилась, будто он постоянно что-то жевал. У некоторых это обычно является признаком волнения, у Велизария же не означало ничего.

Велизарий был по-военному опрятен и подтянут, всегда облачен в военную одежду, так что даже когда он сидел без оружия за столом, было такое ощущение, что он готов в любую минуту выхватить меч из ножен.

Однажды Феодора, приглашая Велизария к столу, тронула его за плечо. Он строго, даже, пожалуй, сурово взглянул на нее, и она внезапно почувствовала кончиками пальцев, что ткань его туники скрывает нечто похожее на переплетение железных тросов — это были его мышцы, столь развитые, тугие и напряженные, что казались принадлежащими сверхчеловеку.

— Ты очень сильный, военачальник, — заметила она негромко.

— Да, — просто ответил он.

С тех пор он стал для Феодоры просто олицетворением силы, грубой силы. Но это была сила могучего животного, которая не требуется разумному человеку.

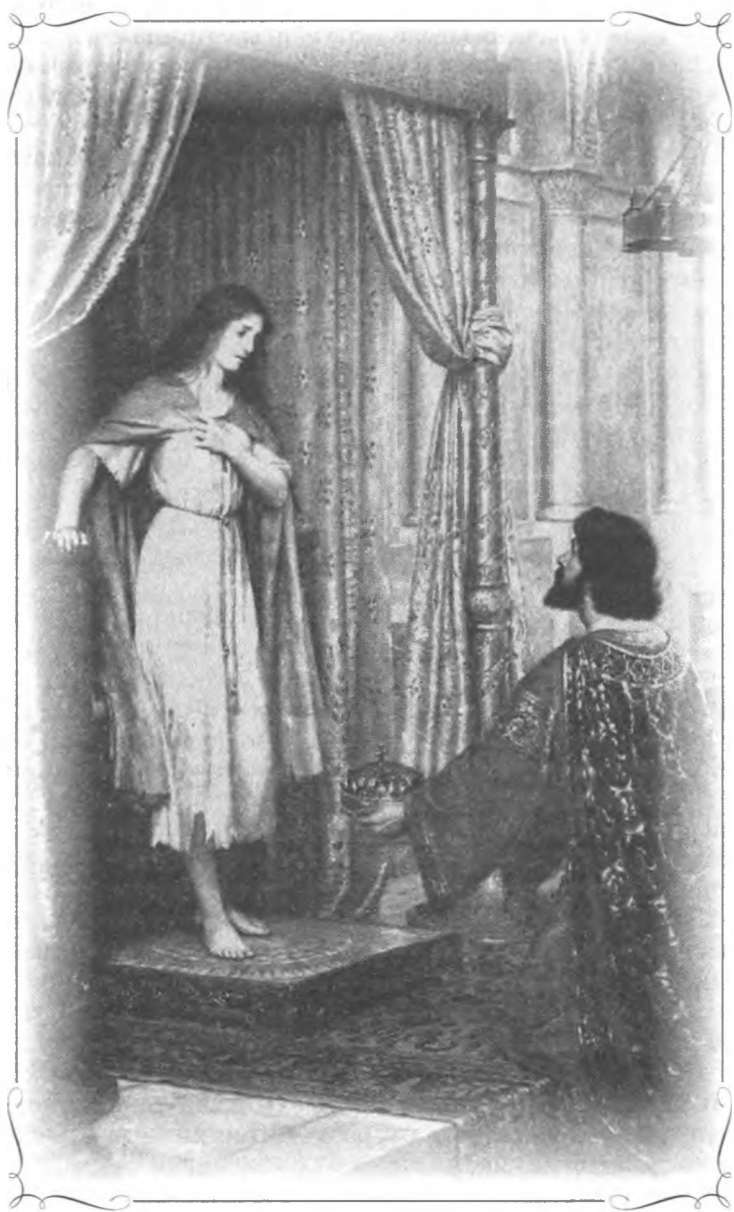
Бросалось в глаза, что Велизарий почти не принимает участия в разговоре. В зале, наполненном смеющимися, болтающими людьми, он мог просто сидеть, глядя прямо перед собой немигающим взглядом. Только когда разговор касался военных тем, он оживлялся. По этим вопросам он также высказывался достаточно лаконично, хотя и крайне определено.

Военачальник был довольно молод, не многим старше Феодоры. Он одновременно и привлекал ее, и вызывал тайное отвращение. Иногда она испытывала такое же чувство, глядя на льва в клетке: любопытно, как повел бы себя зверь, если его выпустить на волю. Она ясно представляла себе всю силу и жестокость животного, именуемого Велизарий, и то, каким оно может стать опасным, если с ним не обращаться умело и умно.

Велизарий привлек внимание Юстиниана способностью превращать неопытных, случайно собранных наемников в вышколенных воинов. Обычно, получив в свое распоряжение толпу бестолковых новобранцев, командиры подразделений, чтобы привить им чувство порядка и уважение к воинской власти, широко использовали такие меры, как наказание плетью или арест. У Велизария была собственная теория: он догадался, что главной слабостью большинства мужчин является страх выглядеть смешными, и с успехом этим пользовался.

Если он замечал, что воин плюнул на пол казармы, то вместо наказания поркой приказывал ему в течение недели ходить с постоянно подвешенной к его шее миской с опилками, в которую должны были плевать другие новобранцы. Это навсегда избавляло несчастного от скверной привычки.

Подобных нововведений было великое множество, и все они оказывались исключительно успешными. Его воины, которых Велизарий называл комитатами — товарищами, — впервые вкусившие крови в сражениях с северными варварами, показали себя лучшим боевым соединением в армии империи. Эти комитаты, хотя и расквартированные

за пределами дворца, находились в непосредственном распоряжении Велизария и были его любимцами, в то же время под его началом были и эскувиты. Иногда последние выражали недовольство им как начальником: их раздражало, что голова Велизария постоянно занята одним — как усилить военную мощь империи.

Как-то вечером, излагая одну из своих военных идей, Велизарий заявил:

— Я считаю, что в нашей армии воины должны быть обучены одновременно искусству владения и мечом, и луком.

— Ты это серьезно? — спросил в удивлении Юстиниан. — Ведь лучников никто не считает настоящими воинами.

— Мне известно общее пренебрежение к луку, твое высочество. Но разве достойны презрения стрелы парфян или гуннов, которые погубили тысячи наших лучших пехотинцев?

Трибониан, со своей саркастической ухмылкой, тут же процитировал «Илиаду» Гомера:

Нагие юноши, ступив на землю перед Троей,
Став за плиту могильную или за друга шит,
Тугою тетивой груди своей коснулись...

— А чем был поражен неуязвимый Ахилл? — тут же возразил Велизарий, обращаясь к тому же источнику. — Стрелой, выпущенной из лука Париса! Что же касается моих лучников, то они бы у меня оседлали лошадей и выучились править ими, пользуясь только коленями или голосом. И они не были бы нагими, имели бы шлемы, панцири и щиты. Они были бы вооружены мечом и луком с колчаном стрел, а также умели бы обращаться с копьем. Лук у них был бы прочным и тяжелым, а так как я научил бы их натягивать тетиву не до груди, а до правого уха, то потребовались бы довольно крепкие доспехи, чтобы выдержать мощные удары их стрел!

Это была подлинная ересь в военном деле. С тех пор, как легионы римлян в пешем строю захватили едва ли не весь мир, тяжеловооруженный пехотинец стал основой всякой армии; кавалерия и лучники считались не более чем вспомогательными войсками, от которых мало зависит успех сражения.

Однако Феодора поддержала Велизария.

— В военном деле я мало что смыслю, — сказала она, —

но мне кажется, что ничего нельзя утверждать наверняка без проверки. Почему бы не дать возможность Велизарию проверить его теорию — скажем, на его собственных комитатах?

Юстиниан на короткое время задумался.

— Думаю, что можно, — сказал он после небольшой паузы. — Ладно, попробуй все это с ними. Я отдам распоряжение оружейникам. Посмотрим, что у тебя получится.

Велизарий был совершенно доволен.

— Благодарю покорнейше, твое высочество! Я так боялся, что ты предложишь мне эскувитов. Если хочешь знать мое мнение, то скажу по чести: они ни на что не годятся, кроме парадов. Смотры да строевое обучение — из такой породы вояк еще не вышло ни одного истинного воина.

Всех развеселила его серьезность, он же обратился к Феодоре:

— О прекраснейшая, — сказал он, — за оказанное мне благодеяние я готов сделаться твоим рабом.

В его голосе послышалось нечто такое, что вовсе не понравилось ей, потому что она прекрасно знала противоречивый мир чувств мужчин. Велизарий был очарован ею, а она не могла допустить, чтобы он долго пребывал в таком состоянии.

С другой стороны, она не могла и пренебречь им. Он друг Юстиниана, а женщина всегда ищет возможность проверить свою способность очаровывать на каждом мужчине, оказывающемся рядом. Такой легкий флирт, составляющий непоколебимую основу женственности, сам по себе инстинктивный и пленительный, был характерен и для Феодоры. Отвергнув как совершенно неприемлемое грубое или холодное отношение к Велизарию, она ощущала настоятельную потребность оставаться для него обаятельной и в то же время с беспокойством видела, как растет его восхищение ею, а это могло в конце концов стать опасным для обоих.

Важное и незначительное события случились почти одновременно.

Сначала произошло нечто важное.

В один из вечеров Юстиниан пригласил на ужин Велизария и Трибониана, и, хотя Феодора надела самый лучший наряд и самые яркие украшения к нему, и зеркало подтвердило, что она просто ослепительна, она не дождалась

ни от кого из них хотя бы самого незначительного компли-
мента.

Это привело ее в замешательство. К тому же Трибониан не позволял себе ничего циничного, Велизарий ни слова не уделил военной теме, а Юстиниан вообще почти не разговаривал.

— Что вас беспокоит, господа мои? — наконец не выдержала Феодора.

— Почему ты спрашиваешь? — поинтересовался Юстиниан.

— Потому что никогда еще у меня не было такой унылой компании. — Она вопросительно улыбнулась.

Трибониан и Велизарий сидели молча, будто не зная, что сказать, а Юстиниан ответил сразу:

— Мы оказались в серьезной — даже чересчур серьезной — дипломатической ситуации, — сказал он.

— О! — воскликнула Феодора. Ей хотелось узнать подробнее о причинах, но не в ее правилах было вторгаться в ту сферу деятельности, которую мужчины считали слишком сложной для женского ума.

Юстиниан, однако, кое-что объяснил ей — возможно, только для того, чтобы немного разгрузить свой напряженно работающий мозг.

— Мои посланники и шпионы в один голос сообщают, что складывается сильный союз, направленный против империи, — сказал он угрюмо.

— В самом деле? — спросила Феодора, все так же проявляя сдержанность к предмету разговора.

— И главная движущая сила в этом союзе — Персия, — продолжил он.

Ее тут же осенило.

— А не в том ли причина, что царь Кавад взбешен провалом плана в отношении своего сына?

— Совершенно верно, — ответил Юстиниан.

— Это была та неудача, с которой трудно смириться, — добавил Трибониан, — в особенности потому, что, оказавшись в проигрыше, наш друг монарх вспомнил, что всегда кичился своей хитростью и удачливостью в делах.

— Но... — Феодора запнулась. — Ведь и раньше образовывались различные союзы, разве не так? Почему же именно этот представляет такую страшную опасность для нас?

Юстиниан взглянул на Трибониана.

— Все это ерунда, главное — в другом, — сказал он, по-медлив.

Трибониан и Велизарий согласно кивнули.

Юстиниан снова повернулся к Феодоре.

— Главная опасность этого союза, дорогая, состоит вот в чем. Мы могли бы уничтожить Персию, начни она войну против нас. Однако Кавад ведет переговоры о помощи еще с двумя крупными государствами и несколькими поменьше. Если эти переговоры завершатся успешно, он начнет войну с нами.

Феодора вопросительно подняла брови.

— Что это за государства?

— Вандалы Африки и остготы Италии — это серьезные силы. Кроме того, Эфиопия, жаждущая вторгнуться в южный Египет, и варварские народы к северу от наших границ — эти кровожадные дикари германцы, герулы*, гепиды*, болгары с аварами*, которые сродни гуннам.

— Но если они все так враждебно настроены, почему же они не выступили против нас раньше? — спросила Феодора.

— Потому что они были разделены как разногласиями, так и расстоянием, — пояснил теперь уже Трибониан. — Вандалы и остготы вечно соперничают друг с другом, а между ними лежит море. И те, и другие отделены от Персии империей ромеев и теми варварскими народами, которые перечислил его высочество.

— Как же они могут устранить эти разногласия теперь?

— Кавад обещает варварам немало золота за то, что они нападут на нас, а его послы в Равенне, столице вандалов, сулят ни больше ни меньше как раздел империи ромеев между ними.

— Успешно вести войну против такого союза просто невозможно, — зловеще прогудел Велизарий. — Наши недруги могли бы обрушиться на нас сразу с нескольких сторон. Вандалы повели бы наступление на Киренаику, где мы плохо подготовлены к обороне, остготы могли бы вторгнуться в Иллирию и Грецию. Диким народам вообще ничего не нужно, кроме грабежа и кровавой резни. Персы же двинулись бы своими ордами с востока, они давно мечтают захватить всю Малую Азию и, в частности, столицу империи.

Феодора молча внимала этой словесной вспышке, осветившей смутно угадывавшиеся угрозы и страшные последствия их осуществления.

Однако она была дитя улицы, и что-то во всем этом показалось ей не соответствующим ее женскому опыту.

Пару мгновений спустя она отважилась поделиться своими мыслями.

— Мне кажется, что при таком союзе персы могли бы рассчитывать получить львиную долю добычи.

Юстиниан согласно кивнул.

— А как бы к этому отнеслись другие союзники? — упорствовала Феодора.

— Для нас совершенно безразлично, как они к этому отнесутся, — угрюмо сказал Юстиниан, — если к этому времени они захватят наши земли, разрушат наши города и истребят наш народ.

Девушка заговорила снова:

— На площади Афродиты дети играют в свои игры. Я часто наблюдала за ними.

Столь явная непоследовательность не понравилась Юстиниану.

— Какое отношение ко всему этому имеют детские игры? — спросил он почти раздраженно.

— Это, если угодно, притча, — сказала она. — Играют втроем, поочередно угадывая, какой стороной выпадет медный обол. Выигрывает один — например, если он называет «решку», а у оставшихся выпадает «орел», тот, у кого «решка», забирает монеты у обоих. Но это такие мерзкие мальчишки, они так и норовят обмануть друг друга.

Увлеченные ее идеей, мужчины не прерывали Феодору.

— Вскоре я заметила, что двое могут объединиться против третьего, договорившись, что один из них всегда будет держать монету в руке кверху «решкой», а другой — наоборот, «орлом», — и таким образом, поскольку третий мальчишка может открыть только одну сторону из двух сторон монеты, он никогда не сможет выиграть, и сговорившаяся пара его просто обчистит.

Юстиниан согласно закивал. В детстве он тоже был знаком с этой простейшей формой жульничества в азартной игре на деньги.

— Однако часто случается, — продолжала Феодора, — что в конце концов один из двоих в этом маленьком союзе замечает, что его партнеру слишком везет. Хотя их жертва и проигрывает, но более удачливый из сговорившейся пары обогащается не только за счет жертвы, но и за счет парт-

нера. Вскоре все монеты оказываются у него, так что игра заканчивается и один становится очень богатым — по детским меркам, а двое других оказываются очень бедными.

Они продолжали слушать ее лишь потому, что им было приятно наблюдать за выразительной мимикой ее лица. Наконец Юстиниан поинтересовался:

— Что ты хочешь всем этим сказать?

— Довольно интересно видеть, — продолжала Феодора, — как проигрывающий партнер в такой момент вступает в соглашение с жертвой заговора и благодаря новой тактике начинает выигрывать у своего прежнего партнера.

У Юстиниана лицо было уже не таким хмурым, как прежде.

— Кажется, мне становится ясно, куда ты клонишь, — заметил он.

— Это просто иллюстрация, раскрывающая природу человека, в игре детей она проявляется очень ярко, — уже вполне серьезно сказала Феодора. — Думаю, что завистливы и жадны не только дети...

— ...И подобные принципы можно применить к гораздо более взрослым субъектам, — подхватил Юстиниан.

— Или даже к целым странам, — предположил Трибониан, впервые за вечер улыбнувшись.

Только Велизарий сидел молча, какое-то время «соль» притчи продолжала ускользать от него.

— Я подумала, — заключила Феодора, — что если такое поведение является распространенным, то при образовании коалиции против одного врага самым главным вопросом будет всегда следующий: как разделить добычу между собой. В конце концов зависть разрушит любой союз, потому что непременно кто-то получает больше, чем другие.

Наконец-то Велизарий все понял или решил, что понял.

— Для их жертвы такой разлад ничего не значит, — высказал он свое мнение. — Ведь она-то и есть та добыча, из-за которой возникнет впоследствии спор.

Феодора обвела всех взглядом.

— Я лишь подумала... — Она запнулась, будто подыскивая слова. — А что, если бы зависть можно было вызвать до, а не после нападения...

Трое мужчин переглянулись.

— Продолжай, — велел Юстиниан.

— Мне... мне кажется, — проговорила она с робким видом, — что если бы я управляла империей и опасалась бы

образования коалиции других стран против меня, то я бы направила своих шпионов и лазутчиков в столицы каждой из враждебных стран...

— И вместо того, чтобы пытаться привлечь их на свою сторону, следует указать им как можно скорее на угрозу, которую представляет собой персидский тигр! — воскликнул Юстиниан.

— Тигр, который уничтожает все в пределах досягаемости его стальных когтей! — добавил Трибониан.

— Для них втрое более опасным было бы, — сказал Велизарий, — позволить персидскому царю овладеть природными богатствами и людскими резервами империи и таким образом оказаться в соприкосновении с западными странами!

Лицо Юстиниана озарилось вдохновением.

— Она права! — вскричал он, ударив кулаком в раскрытую ладонь. — Зависть обладает такой же силой, как и алчность, а страх — еще сильнее. Если бы мы смогли заставить страх и зависть работать на нас! Алчность слабеет, если возникает риск, к тому же...

— Некоторые свидетельства о вероломстве персов были бы весьма полезны, — вставил Трибониан.

— Такие, как подкуп эфиопов и северных варваров для своей же собственной выгоды? — высказала предположение Феодора.

— Именно! — воскликнул в восторге законник. — Зависть и страх могут быть усилены еще и чувством обиды. Эти три вещи могут сделать для нас больше, чем верность слову и надежда получить добычу!

Подперев рукой подбородок, Юстиниан замер в глубокой сосредоточенности, все остальные смотрели на него. Это был момент исключительной важности.

Когда он наконец поднял голову, то глаза его сразу же остановились на Феодоре.

— Ты вселила в меня надежду, радость моя, — сказал он. — Благодаря твоим мальчишкам, играющим на площади в азартную игру, я внезапно обнаружил, что могу быть уверенным в своих возможностях!

Не столь значительное событие произошло следующим образом.

Большинству известных истории знаменитых любовниц удавалось влиять на своих царственных любовников;

но среди царственных любовниц Феодора заслуживает того, чтобы быть особо выделенной. Хотя благодаря своей красоте и обаянию она в определенной степени и оказывала влияние на Юстиниана и, как и многие другие красавицы, требовала и получала намного больше, чем ей было необходимо, однако она никогда не забывала, что самой главной и самой важной ее целью было сделать своего возлюбленного бесконечно счастливым. Этой единственной цели она отдавала себя полностью.

Чтобы уловить мужчину в силки, от женщины особого искусства не требуется. Главным союзником в этом деле является физическая близость, а мелкие уловки и хитрости настолько естественны даже у неопытных девушек, что в большинстве случаев желаемая цель достигается с невероятной простотой.

Не требуется особого таланта и для того, чтобы удержать мужчину при себе. В большинстве случаев для этого необходимы только определенный уровень взаимопонимания и фантазия, способность прощать и, конечно же, любовь. Это все — плюс желание использовать упомянутые качества.

Последнее для многих является камнем преткновения. Существует огромная разница между способностью что-то сделать и наличием энергии и желания действительно это выполнить. Вот почему многие женщины из-за лени или боязни открытого проявления чувств остаются всего лишь свидетельницами того, как их соперницы, не считающие зазорным привлекать к себе внимание и вызывать восхищение, отбивают у них мужчин.

Подобная леность для Феодоры была совершенно не свойственна. Она скорее гордилась своим полом, чем стыдилась его. Он был источником ее силы. Если Юстиниану хотелось любви, она неизменно бывала к ней готова, всегда разная, игривая, желанная и страстная, принося ему не только телесное наслаждение, но и душевное, с богатейшими эмоциональными оттенками. Помимо занятий любовью, она старалась стать для него всем — стимулируя его энергию, если она ослабевала, давая ему новое вдохновение, если он его терял, вызывая у него улыбку, когда он бывал угрюм, окружая его очарованием и покоем, когда он был утомлен или впадал в уныние.

Ко всем этим чудесным проявлениям женственности

Юстиниан относился как человек, которому все это безразлично. Возможно, он не обладал поэтическим даром и развитым воображением. Однако и он ощущал поэтичность и фантазию своей возлюбленной.

Феодора все же не была до конца уверена в том, что Юстиниан любит ее так, как она его. С обычным мужчиной она могла бы обрести уверенность, но тут не могла забыть, что имеет дело не только с мужчиной высокого положения, но и с целой империей. Какая женщина может быть твердо уверена в любви правителя страны? Временами, ощущая беспомощность, она задавалась вопросом — как долго это может продолжаться. Как скоро она сможет лишиться своей власти над ним из-за других, более существенных для него интересов или забот?

Всякая женщина является пожизненным узником своего зеркала. С самого утра, едва проснувшись, она долго и терпеливо причесывается и приводит себя в порядок, а затем на протяжении дня бесконечное число раз изменяет свою наружность, и редко бывает так, чтобы ее не терзали сомнения относительно то ли какой-то детали наряда, с трудом выбранного из великого множества, то ли чего-то еще, мешающего ей выглядеть безупречно.

Уж если это характерно для обыкновенных женщин, то для красавиц — втройне. Феодоре настолько привычно было прибегать к услугам зеркал и, следовательно, прихорашиваться, что она даже не задумывалась об этом, тем более что зеркала почти всегда сообщали ей приятные новости, и она с удовольствием вглядывалась в них.

Иногда, однако, она подходила к зеркалу, чтобы убедиться в том, что не появились первые намеки на что-либо неприятное. Нет ли хоть малейшего признака морщин? Не стали ли совершенные черты ее лица менее совершенными? И хотя она была еще совсем молода, Феодора уже начала испытывать страх перед возрастом, этим главным врагом женщины. Ее красота была исключительно важна для нее, поскольку являлась первоосновой всего того, чем она стала и чего достигла. Она была как бы верным другом Феодоры, составляя сердцевину ее гордости. Как она уже неоднократно говорила себе, жизнь стала бы невыносимой, если бы ее красота начала увядать.

Именно поэтому то, что случилось с ней, она восприняла как подлинную катастрофу.

Прошло двенадцать месяцев с того дня, как Юстиниан сделал ее своей любовницей, и несколько дней после беседы, связанной с заговором персов, когда Феодора обнаружила нечто такое, что было для нее и важнее, и ближе, чем судьба империи.

Поначалу она была не совсем уверена. Однако после того, как она дважды получила очевидное подтверждение, никаких сомнений не осталось. Она вновь была беременна.

Осознание случившегося сначала вызвало у нее легкую панику, затем — отчаянное сопротивление неизбежному, и наконец — покорность судьбе, чувство, которое женщина всегда испытывает в таком состоянии.

Но если чувство безысходности обычно притупляет все остальные чувства, с Феодорой все происходило иначе. Она не хотела этого ребенка. Ее приводила в ужас сама мысль о нем.

Поразительно, как могут влиять на отношение к этому внешние обстоятельства. Если такое случается в молодости с бедной девушкой, она стремится избавиться от беременности; но даже забеременев впервые, с клеймом обесчещенной любовницы, Феодора не чувствовала себя такой несчастной, как сейчас. Ее радовала, занимала и волновала ее новая жизнь, со всеми ее проблемами и опасностями. Но теперь эта беременность может все разрушить!

Сперва она не позволяла себе даже подумать, что это правда. С самого начала связи с Юстинианом ее не оставляла мысль о возможности подобного исхода, но она почему-то была уверена, что с ней этого не случится. И вот неизбежное произошло.

Ее захлестнули отчаяние и страх. В ее разгоряченную голову пришла мысль о том, что Юстиниан до сих пор оставался холостяком по вполне понятной причине. Если ему и нужна была женщина, то лишь как веселый, чувственный и красивый партнер в любви и развлечениях. Что он подумает о женщине, которая вдруг возложит на него нежелательную ответственность отцовства и одновременно лишит из-за своего материнства того, что он более всего ценил в ней?

К тому же ее ребенок родится внебрачным, поскольку закон запрещает браки между представителями столь различных общественных слоев, как те, к которым относились

Юстиниан и Феодора. А это вызовет еще большие осложнения и трудности.

Ужасное положение. С мужчиной простого звания она могла надеяться добиться своего, возможно, даже сделать его счастливым. Но государственные мужи... политика, с которой связано каждое действие правителя, требует подчас холодных, непредсказуемых и даже жестоких решений. Куртизанка, осмелившаяся родить ребенка от наследника, безусловно, вмешивается в дела империи.

Страшило ее и другое.

Она могла лишиться своей красоты. Ее почти безупречно тонкая талия, которой она так гордилась, может стать бесформенной и отвратительной; ее грудь обвиснет и станет уродливо большой; с огромным колышущимся животом и толстым, как у коровы, задом она вынуждена будет ходить, переваливаясь и отдуваясь.

Даже если бы Юстиниан и смирился с ребенком, он попросту разлюбил бы ее, превратившуюся в уродину!

Подобные мысли были вызваны истерическим состоянием, которое довольно часто возникает у женщин в начале беременности. Это состояние, разумеется, омрачает жизнь женщины и заставляет ее чувствовать себя несчастной.

Иногда она пыталась взять себя в руки и все спокойно обдумать. Она убеждала себя, что Юстиниан любит — должен любить ее. Возможно, он, как и она, уже думал об этом. Возможно, он даже был бы рад этому...

Но через некоторое время она с такой же энергией уверяла себя, что все это одни лишь беспочвенные мечтания. Она представляла, какой будет его реакция, если она ему все скажет: сначала удивление и испуг, затем жалость, после — пренебрежение, и в конце концов — ненависть.

Порой ей казалось, что она ненавидит и его. Почему он так с ней поступил? Ну почему мужчины не считаются ни с чем, кроме собственного удовольствия, в отношениях с женщинами?

Она понимала, что рано или поздно должна будет все рассказать. Конечно, наступит момент, когда он и сам догадается. По ее подсчетам, она беременна уже больше месяца. К концу третьего она настолько изменится, что, несмотря на известную слепоту мужчин в таких вещах, он должен будет понять, что с ней что-то не в порядке...

Да, лучше всего сказать сразу. Придя к такому реше-

нию, она настроилась поделиться с ним новостью в ближайшую ночь. Но в самый последний момент не решилась.

А когда он ушел от нее, она расплакалась. Бывали у нее и минуты полнейшего отчаяния, когда она подумывала об отвратительном ядовитом питье, являлась даже мысль покончить с собой...

Все осложнялось также и тем, что в это время Юстиниан был невероятно занят. Государственные и дипломатические проблемы буквально поглотили его, он был настолько одержим ими, что забросил все остальное, даже его любовница отошла на второй план. Маленькая притча Феодоры об играющих детях легла в основу блестящей и ловкой политической игры, разработанной с помощью Трибониана, которую Юстиниан использовал против угрожающей империи коалиции.

Ее целью было разрушить вражеский союз до того, как он будет создан, используя для этого всевозможные способы дезорганизации, которые предопределили в конце концов полное разрушение союза в дальнейшем: подозрительность, страх, эгоизм и алчность.

На галерах, верхом, в колесницах спешили послы империи во все крупные города, во все лагеря и поселения варваров. У каждого из них были с собой послания, исключительно искусно составленные Трибонианом и рассчитанные на то, чтобы возбудить в головах вождей и правителей, которых посещали послы, подозрения по отношению к образующейся на Востоке огромной мощи.

В результате правители и государственные советы этих стран принялись рассматривать складывающееся положение совершенно по-новому: благоразумно ли помогать этой силе захватывать все больше богатств и стран, что ведет к созданию еще более мощной военной машины, которая действительно может оказаться в состоянии подчинить весь мир.

Для правителей и их советников прежний план коалиции становился все менее и менее привлекательным. Тут как раз и вспомнилось, что империя ромеев всегда привлекала внимание других народов своим зерном, шерстью, кожей, тканями, металлами, маслом, крупным рогатым скотом и овцами и другими товарами. Не за этим ли тянется Персия на запад? Сомнительно, чтобы персы оставались в пределах границ своего государства, для нужд которого

беспрестанно закупаются товары у купцов и посредников самых разных мастей — готов, вандалов, франков.

Что касается варваров — и жестоких светлоусых гепидов, и герулов, и диких узкоглазых аваров и булгар, и темнокожих эфиопов, — они, кажется, стали понимать, что, если потребовать выкуп, правители Константинополя согласятся уплатить больше всех. К тому же они помнили, что в армии империи в качестве наемников служит множество их собственных лучших воинов. В конце концов, не много выгоды в том, чтобы скрещивать меч со своими соплеменниками.

Но план Юстиниана оказался еще более глубоким.

В то время как послы и посланники с церемониальной пышностью устраивали дипломатические приемы и были заняты на совещаниях и переговорах при царских дворах, целая армия шпионов под личиной странствующих купцов, торговцев или священников шныряла в массе простого народа этих же стран.

Их задачей было распространение намеков и сомнений, которые оседали в головах лавочников, землевладельцев и даже крестьян. Снова и снова расписывались ужасы предстоящей войны: налоги непременно взметнутся вверх, превысив даже теперешние, и так уже нестерпимые, безусые юноши будут вынуждены оставить свои дома и отправиться воевать с перспективой оказаться зарубленными, подобно быку на бойне, а если война окажется неудачной, враг вторгнется в их земли, опустошит города и села, все население будет уничтожено или порабощено и ни у кого не останется собственности, а женщины неизбежно будут изнасилованы воинами армии-победительницы.

Шпионы Юстиниана справились со своей задачей настолько успешно, что вскоре простые люди в Италии, Африке и в других странах и местностях стали задаваться вопросом — есть ли необходимость в этой войне, а некоторые из них стали громко высказываться против нее.

Когда же голос народа стал достаточно громким, сочли целесообразным прислушаться к нему короли и правители. В результате во многих странах предложенный Персией план образования антиромейского союза встретил мощное противодействие. Эта блестяще организованная и осуществленная акция явилась, по сути, тем, что позднее стало называться целенаправленной пропагандой. Благодаря этому

выдающемуся политическому приему Юстиниан вошел в историю.

Именно в этот период крайней занятости Юстиниана Феодора, которой не к кому было обратиться за советом или дружеской помощью, испытывала наибольший страх и отчаяние.

ГЛАВА 20

Старая императрица Евфимия узнала о состоянии Феодоры раньше Юстиниана: фактически каждый при императорском дворе знал это прежде, чем новость стала известна Юстиниану.

Весть передалась следующим образом. Первыми об этом догадались женщины — служанки, костюмерши, многочисленная челядь. В таких вопросах женщины особенно проницательны.

От них волнующее известие просочилось к евнухам дворца Гормизды. Те были только рады возможности распространить слух и прекрасно знали, какую форму ему придать, чтобы как можно более навредить своей госпоже, которую они ненавидели.

Обитатели Гормизд тут же сообщили новость своим приятелям и знакомым во дворце Сигма. От тех она попала к служанкам императрицы. В результате очень скоро, почти молниеносно Евфимии стало известно, что девушка, которую Юстиниан поселил у себя, ожидает ребенка.

Первой мыслью Евфимии было чисто женское злорадство: «Я была уверена, что эта потаскушка влипнет! Это послужит ей хорошим уроком!»

Но вслед за этим явились иные соображения. На свет появится отпрыск наследника, несомненно незаконный, но внебрачный ребенок царской крови это не обычный бастард...

Подобная ситуация затрагивала устои управления государством, вопросы наследования престола. Из-за легкомысленных связей наследников, регентов и королей велись войны, гибли и возникали династии, перекраивалась карта мира.

Для императрицы эта мысль оказалась отрезвляющей, и она стала обдумывать все мыслимые последствия и их ве-

роятность, рассчитывая, каким образом она смогла бы принять деятельное участие в развитии событий.

Между тем, хотя обо всем уже знали и Евфимия, и служанки, и евнухи, и придворные дамы, а новость распространилась в виде самых искаженных слухов по всему дворцу, одним из самых последних, кто узнал об этом, оказался сам Юстиниан.

Такое случается и в обычной жизни с будущими отцами. С императрицей Юстиниан не встречался. И хотя он ежедневно бывал у императора, старый Юстин был так забывчив, что, если ему и сообщили об этом деле, услышанное так глубоко кануло в темный омут его ослабленного возрастом сознания, что он ничего не мог вспомнить. Никому и в голову не пришло сообщить что-либо Юстиниану, ибо все считали, что он давно обо всем знает.

Когда он приглашал к себе вечерами кого-либо из тех, кто ведал зарубежными делами, или одного-двух друзей, что стало обычным для него в этот период напряженных отношений с соседними монархами, Феодора великолепно скрывала свое состояние. Она рассеянно слушала обсуждение подробностей дунайской политики, или хода обучения воинов Велизария, или доклад посла, посетившего двор короля остготов Теодориха*, или даже такие несущественные вопросы, как шансы Зеленых или Синих на предстоящих ристаниях на Ипподроме. В этих беседах всегда находилось место и мудрости, и остроумию, они были насыщены дипломатическими двусмысленностями, цитатами классиков и молниеносными острыми репликами спорящих сторон.

Феодора при этом и смеялась, и старалась отвечать умно, когда к ней обращались, но ни разум ее, ни сердце во всем этом не участвовали. Она бесконечно задавалась вопросом, как можно заниматься столь несущественными делами, в то время как нечто действительно реальное и грозное заставляет ее чувствовать себя безнадежно несчастной.

Юстиниан был наследником трона величайшей империи мира. Да и Феодора была женщиной не такой уж простой, несмотря на свой юный возраст.

Однако способ, каким она сообщила важную для него новость, оказался до смешного обычным, он включал в себя полагающиеся при этом слезы, недоумение, заверения и

другие, очевидно, неизбежные составляющие подобных ситуаций, ведь еще Ева, как известно, была настолько переполнена чувствами, что рыдала на груди Адама, собираясь подарить ему сына, впоследствии названного Каином.

Произошло это так. Однажды днем Феодора, будучи уже на втором месяце беременности, внимательно рассмотрев себя во весь рост перед зеркалом, с замиранием сердца ощутила уверенность, что предательские признаки ее положения стали в десять раз очевиднее, чем они на самом деле были — и как раз в этот момент Юстиниан вернулся во дворец. Он был один, и вид у него был ликующий.

— Замечательные новости! — сразу же воскликнул он, обращаясь к ней.

— Да? — отозвалась она довольно вяло.

— Наша политика внесения раскола в стан врагов приносит необыкновенные результаты!

— А, — она будто и не слушала.

— Неужели это тебя не интересует, милая? Только что прибыли гонцы с известием, что италийский король Теодорих охладил к плану персов и вместо этого приступил к укреплению связей с вестготами Гиспани!

Она попыталась показать, что весьма рада, но из этого у нее ничего не вышло.

— Да что это с тобой? — спросил он в недоумении. — Разве ты не понимаешь, что это означает? Теодорих — самый сильный и опасный сосед империи на западе. И если уж он уклоняется от союза, то весь план Кавада терпит крах!

Он вопросительно посмотрел на нее, но она, опустив глаза, молчала.

— Это имеет такое же значение, как и победа в большой войне, — продолжал он, даже и не пытаясь сдержать свое волнение и восторг. — Следует награждать за дипломатические победы точно так же, как и за военные! А в таком случае, дорогая моя, ты бы удостоилась высших почестей, поскольку ты первая высказала эту мысль...

Он умолк, так как Феодора внезапно расплакалась.

— Ну что ты, милая! — принялся успокаивать он ее. — Что-нибудь случилось?

Она, не прекращая рыдать, вырвалась из его рук.

— Н-не трогай меня! Ты будешь меня ненавидеть...

— Ненавидеть тебя? Из-за чего?

Захлебываясь слезами, она наконец произнесла:

— И-и-из-за того, что у-у меня бу-бу-будет ребенок...

Даже опыт в такой момент не в силах совладать с чувствами женщины, и к отчаянию Феодоры добавился страх. К тому же инстинкт подсказал ей, что слезы — наилучший и самый верный способ преодолеть обычную сдержанность мужчины и использовать его сочувствие к своей выгоде.

Юстиниан повел себя точно так же, как ведет себя в аналогичной ситуации бесчисленное множество других мужчин, что подтверждает мудрость природных инстинктов. Некоторое время вид у него был довольно глупый, что тоже часто бывает.

— Ну, хорошо, — произнес он и замолчал. — Ладно... — внезапно он судорожно сглотнул. — И поэтому ты плачешь? Ты подумала, что я... что я не захотел бы ребенка?

Она кивнула, приложив к глазам край покрывала и украдкой взглянув на него.

— Значит... ты не против? — спросила она.

Он засмеялся и протянул к ней руки.

— А почему бы и нет? Почему бы мне не хотеть его? Почему бы и тебе не радоваться этому?..

Некоторое время она стояла перед ним — жалкая, похожая на светло-золотистый призрак; потом, шагнув к нему, она позволила заключить себя в объятия.

Что последовало потом, вряд ли необходимо подробно описывать: обычные проявления нежных чувств, признания в верности и любви, считающиеся почти ритуальными. Затем она, свернувшись клубочком, села на ложе, а он, обнимая ее, сказал:

— Наш ребенок должен быть порфиородным.

Он имел в виду Порфиновый дворец, это необычное сооружение из камня пурпурного цвета, в котором многие поколения императриц и женщин высокого положения совершали священный ритуал дарения жизни царственным отпрыскам, поскольку, по многовековой традиции, появившийся на свет в пурпуре относится к правящему классу.

— Только не мой ребенок, — заметила безрадостно Феодора. — Лишь законные дети императорской семьи рождаются в пурпуре.

Он посмотрел вниз, на ее макушку.

— Твой ребенок — это и мой ребенок тоже. — Он сказал это так, будто пытался себя убедить в этом. Затем добавил:

— Любовь моя, если бы обстоятельства были несколько иными — думаю, мы могли бы с тобой пожениться.

Она сидела молча, с побледневшим лицом.

Супружество... вот даже о чем он думает!

Это была такая головокружительная вершина, к которой она и на миг не позволяла себе взлететь в своих честолюбивых помыслах...

Она вздрогнула, как от озноба. Как ужасно мечтать об этом! Ведь это невозможно, нереально и совершенно безнадежно!

Даже страшно о таком подумать!

— Нет-нет... — пролепетала она ломающимся голосом.

— Разве ты не хотела бы этого? — воскликнул он.

— Не в этом дело. Конечно, я бы хотела. Но ведь это неслыханно, противоестественно и невозможно...

— Почему? Почему невозможно? Нет ничего невозможного!

В висках у Феодоры так шумело от внезапного прилива крови, что она смутно видела Юстиниана и едва различала его голос. Это был жутковатый и в то же время решающий момент в ее жизни. Момент, когда необходимо принимать страшные решения.

И она оказалась не готовой к нему.

Но ведь надо же что-то сказать. Не могла же она молча сидеть, позволяя потухнуть разгоревшемуся в нем пламени.

— Я — твоя любовница, — начала она. — Стать ею — и быть любимой тобою — это все, чего я хотела...

Самые обычные слова, но произнесенные истинной женщиной. Ее колебания, ее нерешительность, ее робкий, трепетный вид совершенно покорили Юстиниана.

Внезапно ее замешательство прошло, мысль заработала. Как страшно она недооценивала Юстиниана! Своей поразительной преданностью он доказал ей, насколько глупым был ее страх. Она обязана любить его и быть преданной ему так, как ни одна другая женщина.

Но он мужчина... и поэтому необходимо управлять им, тщательно формируя его мысли и побуждения. И она приняла решение. Теперь пути назад не было. Затаив дыхание, она ждала его ответа.

И ответ явился.

— Возможно, для тебя и достаточно быть моей любовницей, но как же ребенок?

Вот это вопрос! Наконец-то она почувствовала уверенность в себе, и ее последующие действия стали ясны для нее.

Умение управлять мужчинами было у Феодоры врожденным, к тому же оно было развито ее опытом до уровня, недостижимого для большинства женщин. Одним из способов заставить мужчину сделать что-то является умение внушить ему, что это чрезвычайно трудно, почти невозможно. Мужчины любят преодолевать трудности. Это неотъемлемый признак их пола, их мужественности. Они всегда отвечают на брошенный вызов.

— Я... я боюсь, — залепетала она. Это была скрыто выраженная просьба о защите, которая неизменно льстит мужскому самолюбию. — Это было бы... возникла бы страшная опасность...

— Какая опасность? — спросил он.

— Это могло бы вызвать возмущение. В Константинополе убийства стали обычным явлением...

— Меня это не пугает!

— А что будет со мной? Если народ окажется достаточно сильно взбудоражен, то слишком высоко нацелившуюся уличную девку вполне могут отдать на растерзание толпе...

— Им пришлось бы сразиться с моими лучшими воинами! Сначала им пришлось бы убить меня! — Он решительно и зловеще сжал губы. — Между прочим, — добавил он, — что могло бы заставить народ пойти на это?

— Я ненавистна императрице и церкви. Да и многим во дворце... — Она готова была упомянуть Иоанна Каппадокийца, но не успела.

— Чепуха! — как и подобает мужчине, он стал теперь наседать на нее. — Ты разве не хочешь стать моей женой, Феодора?

В ответ она улыбнулась сквозь слезы.

— Хочу ли я? О, любимый, для меня это единственное, чего я хотела бы больше всего на свете — Бог тому свидетель. Но я не могу стать ею. И знаешь почему, дорогой? Существует закон империи. Он запрещает мужчине твоего положения и происхождения вступать в брак с такой... такой, как я. И ты не можешь нарушить закон, даже если б я согласилась стать твоей женой. Моя смерть не имеет особого значения, но твоя оказала бы огромное влияние на весь мир.

— Я отменю этот закон! — У Юстиниана был свирепый вид.

После такого пылкого заявления ей захотелось снова очутиться в его объятиях, осыпать его, плача от счастья, поцелуями. Но она сдержала себя. Оставалось еще одно: заключительное действие, чистый опыт, проверка любви и преданности.

Она выскользнула из его рук, немного отодвинулась от него на ложе и опустила глаза.

— Ты ведь наследник престола, сиятельный. — За многие месяцы она впервые употребила это официальное обращение. — Ты не можешь жениться на... на проститутке...

Он в бешенстве вскочил на ноги.

— Проститутке? Я запрещаю тебе впредь называть себя так! Запрещаю! Ты понимаешь? Ты — женщина, которую я люблю! И ты будешь матерью моего сына!

Он сделал три широких шага, а она, съежившись, сидела на диване, не отрывая от него взгляда... взгляда, наполненного страстным желанием, висящей на волоске надеждой.

Наконец Юстиниан остановился, хмурое выражение на его лице исчезло. Когда он заговорил, у него был голос человека, спокойного оттого, что важное решение принято.

— Я был себялюбцем, — сказал он. — Когда ты стала моей, для меня это было только удовольствием. С тобой я мог убежать от забот и тревог моей жизни. Но за эти несколько месяцев я полюбил тебя совсем иначе. А такая любовь кое-что значит. Поверь, несмотря на все трудности и опасности, ребенок получит законное имя! Мы с тобой станем настоящими мужем и женой перед Богом — я торжественно клянусь тебе в этом святым Михаилом и всеми архангелами!

И только теперь Феодора шагнула к Юстиниану, подняла на него глаза, и в них можно было прочесть мольбу, благословение и заверение в вечной верности...

Известие о том, что любовница Юстиниана беременна, долетело до Иоанна Каппадокийца почти так же быстро, как и до императрицы Евфимии. Получив его, префект претория так обрадовался, будто неожиданно нашел клад.

Его последующие поступки явились ярчайшим проявлением его характера и изворотливости ума.

Он начал с того, что провел в высшей степени тайное

совещание с неким монахом — отцом Поликратом, носившим длинную бороду и бывшим сторонником крайне ортодоксального течения в богословии. Помимо этого, Поликрат был исповедником и доверенным лицом императрицы. Оказалось совсем нетрудно убедить это духовное лицо в том, насколько важно и необходимо поддерживать Евфимию в ее неприязни как к шлюхе из Гормизд, так и к самой мысли о возможности рождения этой распутницей ребенка от Юстиниана.

После тайного наставления монаху Иоанн покинул дворец и на роскошной барке переправился через бухту Золотой Рог на свою виллу, расположенную в предместье Сики. Там, в тишине и спокойствии, он намеревался тщательно обдумать все случившееся, ибо ему казалось, что сам Бог предоставляет ему счастливую возможность должным образом повлиять на события.

Вилла в Сиках была поистине изумительной: большой дом, к которому примыкала мраморная крытая галерея, имел целых два атрия и был окружен садами, рощами и виноградниками, а такую обстановку в доме мог себе позволить только столь влиятельный человек, каким являлся префект претория. Имея свободный доступ к казне, он мог тратить сколько угодно. В этот дворец никто не попадал иначе, как по приглашению, и сюда не приглашался никто, кроме тех, с кем Каппадокиец занимался особыми и тайными делами.

Иоанн был православным и в свое время должным образом был крещен. Какое имя он носил до того, как принял крещение в купели, неизвестно; кажется, это было какое-то языческое имя, и Иоанн изменил его при крещении. Однако, несмотря на показное благочестие, Каппадокиец, о чем было известно лишь немногим посвященным, так и не признал христианских догматов и продолжал исповедовать прежнюю веру — некий темный и таинственный культ.

Он был настолько ловок и хитер, что, несмотря на все это, поддерживал самые доверительные отношения с высшими сановниками церкви. Иногда для ее высших иерархов на его вилле с показным радушием устраивались приемы, которые на самом деле были не чем иным, как тайными совещаниями, в которых церковных прелатов заставляла участвовать жестокая необходимость оказывать влияние на мирскую политику. Здесь подчас приходилось принимать и

такие решения, которые довольно слабо согласовывались с христианской доктриной и по этой причине должны были сохраняться в совершеннейшей тайне.

Высказанные на таких встречах советы Иоанна, будучи в высшей степени практическими и в то же время ловко сформулированными в таких выражениях, что выглядели почти невинными, высоко ценились иерархами церкви и зачастую воплощались в жизнь с истинно религиозным рвением.

На второй день кратковременной добровольной ссылки префекта претория отправилась из города, пересекла залив и вступила в роскошный дворец Каппадокийца группа представителей высшего духовенства — соборный митрополит и несколько избранных епископов вместе с наиболее преданными священниками и монахами. В этот же день поздно вечером все они покинули виллу — но уже с глубоким осознанием первоочередных задач и опасностей, угрожающих церкви в связи с беременностью девицы из дворца Гормизды. Кроме того, подтвердилось, что она является монофизиткой, что для духовенства было более тяжким грехом, нежели тот факт, что она была проституткой. Принадлежность либо даже симпатия к этой секте могли послужить достаточным основанием для обвинения в ереси!

Другая делегация с еще большей скрытностью посетила виллу в Сиках на третий день. Лишь немногим было известно, что Иоанн временами проводит тайные встречи с лидерами партии Зеленых с Ипподрома. Поскольку те были яркими сторонниками еретического толка монофизитов, истинно православный не мог иметь с ними ничего общего. Но это, очевидно, нисколько не смущало Каппадокийца.

Когда Зеленые возвратились той же ночью из Сик в Константинополь, то принялись обдумывать возможность выступления партии, ибо для этого сейчас, как стало ясно, появилась отличная возможность. Потерявшие доверие народа и попавшие в зависимость от ненавистных Синих в годы правления Юстина, Зеленые могли восстановить свои силы и влияние, воспользовавшись неожиданно обнаружившейся слабостью Юстиниана, наследника престола, который, оказывается, безумно влюблен в девицу с улицы Женщин. Положение усугублялось еще и тем, что девица забеременела от наследника. На основе этого, вызвав в народе ненависть ко всему правящему дому, представлялось

возможным добиться наконец падения династии и, после того как окровавленные головы правителей скатятся в пыль, получить неограниченный доступ к власти.

Группа лиц, облаченных в кроваво-красные одеяния, нанесла визит на сикийскую виллу на четвертый день. Это был цвет одежды профессиональных ораторов, зарабатывавших на жизнь своим красноречием, предоставляя услуги каждому желающему, задавшемуся целью воздействовать на мнение толпы.

Всякое удачное слово, любая цитата, классическая ли, из священного ли писания, выразительный жест или хитроумная игра на чувствах или предрассудках аудитории — все это имелось в арсенале опытных краснобаев. Те, кто пересек Золотой Рог в этот день, находились на содержании у Иоанна Каппадокийца. По его сигналу они должны будут расположиться в самых людных местах Константинополя, таких, как Августеон, Бычья площадь, площадь Братской Любви, площадь Константина, у всех городских ворот и даже на площади Афродиты, собрать вокруг себя толпу слушателей и обрушить на них поток своих обвинений и разоблачений.

Их задачей было возбудить в народе ненависть к женщине, которая поработила наследника, и к нему самому, забывшему о своем положении и достоинстве и совершенно потерявшему здравый смысл. В народе еще сохранилось известное почтение к царской крови, и его чувства могли быть оскорблены известием о том, что Юстиниан ожидает ребенка от проститутки, что может испортить благородную кровь в степени, доселе неслыханной в истории.

Когда последнее из тайных совещаний закончилось и алые накидки отправились назад в Константинополь, Иоанн Каппадокиец, оставшись один и проанализировав ситуацию, пришел к выводу, что она складывается довольно благоприятно — для него самого.

Старому Юстину, совершенно очевидно, оставалось жить совсем немного — несколько недель, в крайнем случае — месяцев. Стало известно, что свищ, образовавшийся у императора и не поддававшийся лечению, разрастается с каждым днем, а самочувствие все ухудшается.

Когда Юстин в конце концов отдаст Богу душу, необходимо будет решать вопрос о наследовании престола. Будь у Юстиниана более прочное положение, воспрепятствовать

его восхождению на императорский трон было бы чрезвычайно трудно. Но если он будет обесчещен... или даже проклят? В таком случае все может измениться. Наследника, избличенного в распутстве, слабоволии, ставшего позором для христианской церкви и империи, народ разорвет на куски, едва лишь тот сделает первый шаг к императорскому трону.

И кто же тогда окажется наиболее подходящим для управления великой империей?

Иоанн знал ответ на этот вопрос. Разумеется, он не относился к императорскому дому, однако и Юстин до его восхождения на трон тоже не мог бы этим похвастать. Иоанн не был достаточно образован, но и Юстин не умел ни читать, ни писать. Иоанн был выходцем из отдаленной провинции Каппадокии, но и Юстин тоже был провинциалом из Македонии.

Так что за прецедентом далеко ходить не придется.

К тому же Иоанн Каппадокиец как префект претория и логофет* фактически держал в своих волосатых руках все бразды правления, а равно и казну империи. Кто мог бы соперничать с ним в случае кризиса власти?

Возможно, самым главным его преимуществом было то, что инициатива также принадлежала ему. Человек, против которого он плел заговор, даже не подозревал о существовании у Каппадокийца каких-либо амбиций. Совсем немного времени требовалось для того, чтобы все обдумать, и еще меньше, чтобы предоставить Юстиниану возможность себя окончательно погубить. Затем — считанные дни на безупречную заключительную подготовку «стихийного» волеизъявления толпы, умоляющей занять пошатнувшийся трон умного, доброго и могущественного Иоанна.

Перед тем, как покинуть на пятый день свою виллу и возвратиться в столицу, Иоанн занялся еще одним, последним по счету делом.

В самой глубине огромного дома находилась потайная комната, запертая днем и ночью, о которой рабы и слуги даже шепотом не упоминали, страшась быть забитыми насмерть. Ключ от комнаты имелся только у Иоанна.

В этой комнате, ужасающе безмолвной и мрачной, размещался алтарь. Над алтарем высилась статуя — непристойное изваяние женщины с жестоким лицом, изображающее финикийскую богиню Астарту.

Капище — поскольку это было именно оно — было заполнено украшениями, дорогими тканями и геммами; однако все они были отвратительны для добродетельного взора, поскольку в бесконечном разнообразии на них были изображены любовные сцены в окружении фаллических и йонических символов*. Стены комнаты были покрыты фресками, представляющими все виды греховного эротизма: вся грязь и непристойность мифологической развращенности была представлена здесь. Астарта, будучи в какой-то мере восточным двойником Афродиты, никогда не пользовалась таким поклонением и уважением, как богиня любви и плодородия. Наоборот, она слыла богиней сладострастия и грубого наслаждения, вызывающей у ее поклонников отвратительную тягу к кровавым жертвоприношениям; провинция Каппадокия, откуда вышел префект претория, была одним из последних оплотов почитателей культа развратной богини.

Порой тайные приверженцы грязного божества, которые хорошо знали Иоанна и друг друга, встречались перед алтарем Астарты. Происходившие тогда оргии были неопишимо бурными и сопровождалась всяческим скотством. К услугам гостей всегда имелись юные рабыни, обязательно девственницы, которых тщательно отбирали и проверяли, чтобы не было никаких сомнений. Нередко эти несчастные умирали после того, что проделывали с ними во время похотливых оргий.

Когда это случалось, почитатели Астарты видели в этом залог скорой удачи, поскольку одной из составляющих культа богини, являвшейся женским воплощением кровавого бога Ваала*, была смерть.

Таким образом, Иоанн призвал своего домоправителя и распорядился, чтобы к нему направили девушку по имени Ариадна.

Эта недавно купленная рабыня явилась, вся дрожа от страха и совершенно не представляя себе, какая участь ее ожидает в этом доме.

Иоанн Каппадокиец сидел, откинувшись в огромном кресле, и его густые брови мрачно сошлись на переносице, пока он разглядывал девушку.

Схватив ее за тонкое запястье, он мог бы сейчас затащить ее в запертую комнату. Вышел бы он оттуда один, а об Ариадне больше никто ничего бы не услышал. Там, в свя-

тилище, есть в полу откидывающаяся плита, под которой черный провал, ведущий глубоко под землю...

Хрупкая и нежная, с характерными для очень юных девушек угловатыми движениями, Ариадна в страхе стояла перед ним, опустив глаза и даже не подозревая о той поистине страшной опасности, нависшей над ней в этот момент.

— Подойди сюда, девочка, — прорычал префект.

Она нерешительно и боязливо сделала несколько шагов и встала возле него.

Он протянул свою волосатую лапу и взял ее за руку. Кожа у девушки была гладкая, как шелк, а тело нежное и упругое. Ладонью другой руки он ошупал ее груди и ягодицы, и сделал это почти так, как если бы шупал курицу на базаре, покупая ее для того, чтобы сварить из нее похлебку. Девушка была стройной и грациозной, но теперь он убедился, что она не костлява. Лицо у нее тоже было очень хорошеньким.

Он ущипнул ее за ляжку, и девушка вскрикнула от боли.

— Больно? — усмехнулся он.

— Да, повелитель... — робко ответила она.

— И теперь там будет синяк?

— Да, повелитель... — Ее голос дрожал от страха.

Он потер свои щеки с синеватыми прожилками, потом переместил ладонь на гладкий, совершенно лысый череп. Казалось, он ведет спор с самим собой.

— Я мог бы сделать тебе еще больнее, — наконец проворчал он. — Теперь — уходи.

Девушка тут же исчезла.

Насколько близко она была к страшной черте, Ариадна, эта юная рабыня, так никогда и не узнала. Ее спасло только одно: этот мужчина был слишком большим сладострастным, слишком эгоистичным сластолюбцем, чтобы принести ее в жертву.

Иоанн вынужден был признать, что девушка очень хороша. Его ложе, а не алтарь Астарты ее участь.

Он утвердился в этом решении, вспомнив о том, что порой проводились расследования в связи с беспричинным и бесследным исчезновением рабынь. Впрочем, он отлично знал, что никакое расследование не могло быть проведено в доме префекта претория.

Часом позже, почувствовав желание, вызванное воспоминанием о кратковременной близости с девушкой, ее повелитель приказал привести ее к нему в спальню, где и ли-

шил ее девственности. И хотя позднее она, может быть, и плакала из-за этого, ей все же следовало радоваться, ибо теперь ее уже не могли избрать в качестве жертвы.

У алтаря, несколько позднее, пролилась кровь двух молоденьких ягниц, так как в жертву великой Астарте всегда должны приноситься только женские особи, сохранившие невинность.

Забегая вперед, необходимо заметить, что Иоанн Каппадокиец до конца своих дней клял себя за то, что поддался слабости и наслаждался близостью со своей красивой рабыней вместо того, чтобы принести ее в жертву...

Возвращаясь в город на своей позолоченной прогулочной барке, Иоанн услышал какой-то отдаленный гул.

Он как раз беседовал с Мурзой, капитаном барки, и был вынужден замолчать, поскольку все нарастающий звук заглушил его слова. Величественный и мощный, он, казалось, несется над водой со всех сторон. Наконец он стих, но спустя минуту раздался снова.

Опять наступила тишина — и снова могучий удар.

— Заупокойный звон! — воскликнул Иоанн. — Это главный колокол Святой Софии!

Теперь все они — префект, капитан и шестнадцать невольников-гребцов — слушали, затаив дыхание, как главный колокол продолжает раз за разом возвещать о чьей-то кончине.

Лицо Иоанна сначала побелело, затем покрылось красными пятнами.

— Император! Ему, должно быть, стало хуже за те дни, пока я отсутствовал.

Он в ярости повернулся к Мурзе.

— Пусть эти ленивые собаки гребут по-настоящему! Нельзя терять ни минуты! Вперед! Вперед! Я должен быть во дворце немедленно!

Рабы склонились над своими веслами, и вода под их лопастями закипела. Но Иоанн продолжал неистовствовать.

— Гони! Пусти в ход бич! — кричал он. — Я должен успеть!

На взмокших спинах гребцов вспухли бурые рубцы — Мурза забегал между ними, размахивая плетью. Но рабы и без того делали все возможное, и даже их господин понял это.

Иоанн с трудом дождался, пока барка причалила к бе-

регу, спрыгнул на пристань и почти бегом направился к воротам Евгения, которые были настезь распахнуты.

Вооруженный всадник, узнав префекта претория, приветствовал его.

— Прочь с коня! Он необходим мне немедленно! — приказал Иоанн.

Через мгновение он уже был в седле, и копыта застучали по мостовой, когда он погнал коня галопом по дороге длиной в три четверти мили, ведущей к воротам Халк.

Кризис наступил быстрее, намного быстрее, чем он предполагал. Однако Иоанн почти ликовал.

Горожане на улицах поворачивали головы, когда он с грохотом пронесился мимо, и, открыв рты, внимали похоронному звону, который уже подхватили все городские колокола.

— Император... император, упокой Господь его душу, — раздавались приглушенные голоса. Все знали, что у старого Юстина неважное здоровье, и теперь, когда ударили колокола, чернь вдруг вспомнила, что их престарелый правитель был храбр и добр, в меру благочестив, а его правление было мирным.

Что же касается Иоанна Каппадокийца, приближавшегося галопом к воротам Халк, то его мысли были слишком заняты другими вещами, чтобы размышлять о достоинствах умершего императора. Его ораторы — следует немедленно дать им возможность выступить с обращением. Необходимо также ни минуты не медля нанести визит во дворец, чтобы выразить соболезнование. Срочно должны быть направлены послания верховным иерархам церкви и руководителям партии Зеленых с извещением о том, что наступило время для заранее обусловленных действий.

Он подумал, что было бы лучше, если б он находился здесь в самый момент кончины императора... но, в конце концов, он не ожидал столь быстрого развития событий. Времени еще достаточно, так что пока все в порядке.

Конь, у которого вся морда покрылась пеной, зафыркал, оказавшись у ворот Халк. Иоанн остановил его, бросил поводья стражнику и спрыгнул на землю.

Когда он проходил через ворота, эскувиты салютовали ему.

— Давно это случилось? — рявкнул он, не останавливаясь.

— Примерно полчаса назад, ваше высочество, — ответил один из них.

Иоанн кинулся дальше. На прогулочных площадках и дворах перед зданиями дворца виднелись возбужденные группы переговаривающихся между собой людей, а похоронный звон продолжал сотрясать воздух.

Старый военачальник Милон спускался вниз по дорожке между кустами букса. Иоанн остановил его.

— Печально, — проговорил он. — Это подлинная трагедия для всей империи.

— Это так, — согласился Милон. — Действительно так.

Придав лицам соответствующее моменту скорбное выражение, поскольку на них смотрели окружающие, они некоторое время постояли, сокрушенно качая головами.

— А были ли какие-либо признаки скоропостижного конца? — спросил Иоанн после небольшой паузы.

— Никаких, — ответил военачальник, и его пухлое румяное лицо стало торжественным. — Кажется, это был сердечный удар, которого никто не ожидал, даже придворные лекари.

— Странно, — заметил Иоанн. — Странно, что смерть произошла из-за этого. А как это случилось?

Милону была свойственна склонность вести речь издалека и приближаться к сути дела крайне неторопливо. Теперь он во всем блеске продемонстрировал это.

— Когда это случилось, императрица находилась в своих покоях вместе с дамами, и разговор шел о чем-то несущественном, связанном, я думаю, с каким-нибудь вопросом приличий — скажем, о допустимости женщинам носить в церкви тонкую, почти невидимую вуаль, что ныне становится модным. Возникают, знаете ли, сомнения, не является ли это отклонением от предписания, оставленного благословенным апостолом Павлом, в котором он утверждает, что всякая женщина, совершающая молитву с непокрытой головой, позорит...

— Довольно об императрице и ее мнениях, — прервал в нетерпении Иоанн. — Расскажи мне об императоре!

Милон бросил на него оскорбленный взгляд.

— Его императорское величество, — проговорил он сердито, — держится, я думаю, неплохо...

— Держится неплохо? Как это понимать? Он же умер — разве не так?

— Кто? Юстин? Ничего подобного...

— Тогда почему колокола?

— Потому что... Значит, вы еще не знаете? Императрица Евфимия скончалась!

В этот момент старый Милон испытал острое чувство торжества, связанное с возможностью первым сообщить кому-нибудь новость. Что касается Иоанна Каппадокийца, то у него был вид человека, которого ударили из-за угла и которому необходимо какое-то время, чтобы полностью прийти в себя.

ГЛАВА 21

Собор величественно вздымался над окружающими его зданиями. И возраст у него был достаточно солидный — почти двести лет. На его крыше гнездились голуби и грачи, а ласточки щебетали внутри, под сводами, смутно виднеющимися сквозь дым, поднимающийся от бесчисленных свечей и курильниц.

Тут и там в трещинах стен росла небольшими кустиками трава. На одном из карнизов закрепился побег кедра. Все это говорило о древности собора. Именно его святость и древность превратили его в наиболее почитаемый храм империи, в котором предстоятелем был сам патриарх, превосходивший по чину даже римского преосвященства, которого уже начали величать папой.

Между собором и воротами Халк размещался Августеон — площадь, окруженная двойным рядом колонн, со зданием Сената к востоку от нее.

Обычно в тени колоннады собирались любители обсудить результаты последних ристаний, потолковать о новых ересьях или поделиться свежими сплетнями; там же размещались книжные развалы, где желающие могли приобрести рукописи, недавние или древние, а для одолеваемых желаниями иного сорта существовала продажная любовь.

Но в этот день портики были запружены до отказа, и масса людей, выйдя за их пределы, растекалась по всей площади. Толпа была так плотна, что сквозь нее невозможно было протиснуться, люди в ней толкались, сновали и становились на цыпочки, чтобы лучше видеть происходящее; шеренги вооруженных воинов решительно загоняли вы-

тесненных из толпы людей обратно, охраняя проезд шириной около пятидесяти футов, который вел от ворот дворца к собору — по нему должен был следовать траурный кортеж. Сколько десятков тысяч собралось на площади, никто не мог счесть, но даже на Ипподроме такого количества людей никто никогда не видел.

Смерть императрицы — событие экстраординарное, и ее похороны должны были продемонстрировать величие и мощь государства, даже если сама императрица была фигурой довольно нелепой и малозначительной.

Несчастливая Евфимия не смогла даже собственный уход из жизни обставить драматически. Не было ни предчувствия, ни дежурств у постели, ни последних слов, которые бы запомнились и передавались потомкам. Она умерла неожиданно и просто.

Императрица попыталась было подняться с кресла и тут же опустилась в него снова. Голова ее упала на грудь, рот открылся, но широкие подлокотники кресла удержали ее в сидячем положении.

Несколько секунд присутствующие в покое дамы не могли понять, что произошло. Когда же они попытались ее поддержать, Евфимия была уже мертва.

Случилось так, что отец Поликрат, духовник императрицы, в это время находился во дворце. В таких делах церковь знала, что необходимо в первую очередь, вот почему так скоро после того, как Евфимия переселилась в лучший, без сомнения, мир, раздался заупокойный колокольный звон.

Как и префект, жители Константинополя, услышав колокол, в большинстве своем решили, что сам император Юстин пришел к давно ожидаемому концу. Вот почему для многих смерть его супруги оказалась совсем неожиданной.

Когда прояснились все подробности случившегося, смерть императрицы стала главной темой разговоров. Рассказывали, что придворные лекари ошиблись, сочтя за благой знак цветущий вид императрицы и ее чрезмерную живость. Наоборот, это должно было вызвать у них беспокойность. С этим соглашались даже те, кто накануне говорил, что императрица, кажется, стала чувствовать себя гораздо лучше и полна энергии — достаточной, по крайней мере, еще лет на двадцать.

Ну что ж, говорили в городе, пожимая плечами, жизнь

коротка, а смерть не шадит ни знатных, ни могущественных. Были надеты подобающие случаю скромные траурные одеяния, однако скорбь повсеместно не была слишком глубокой. Это было связано с тем, что Евфимия, из-за своего стремления избегать публичных церемоний, была недостаточно широко известна, а сама она ничего не предпринимала для того, чтобы завоевать популярность. Единственное, что дала ее смерть простому люду, так это возможность увидеть пышное зрелище заупокойной службы в соборе Святой Софии. В ожидании ее и собралось столь огромное количество народа.

Вскоре на башне собора снова ударили в главный колокол, и его размеренный, мощный звон разнесся во все концы. В воротах дворца показалась похоронная процессия.

Первым шел строем отряд эскувитов, сверкая серебром, золотом и ослепительной белизной одеяний; у всех у них был вид не менее воинственный, чем у неукротимого Ахилла, только копья они держали перевернутыми наверху на земле.

Затем показалось духовенство, всегда возглавляющее подобные шествия. Священники и монахи, великое множество, в церковных одеяниях или в простых покаянных власяницах, шли по двое, склонив головы, губы их шевелились в молитве, руки были соединены перед грудью, а за ними двигался хор, негромким речитативом певший панихидную литанию. После священников, монахов и хора чинно шествовали высшие церковные сановники, старшие священники, апостолические викарии*, епископы и митрополиты и, наконец, сам патриарх Гиппия, с благородной белоснежной бородой, ступающий в тени богато украшенного балдахина, который несли четверо диаконов: на всех были пышные регалии, свидетельствующие об их сане и духовной власти. Процессия священнослужителей оказалась столь длинной, что когда первые из них вступили в собор, последние только появились в воротах дворца.

Второй отряд эскувитов возглавлял военачальник Велитарий, широко шагавший впереди своих воинов. Лицо у него было серьезным и сдержанным, в своем пышном облачении он выглядел настолько мужественным, что среди женщин в толпе зрителей пробежал шепот.

Следом двигалась внушительная группа чужеземных дипломатов. Здесь были послы Персии, Италии, Африки,

Испании, Галлии, Эфиопии, множество представителей варварских и полуварварских народов и племен; тюрбаны, рогатые шлемы, иные странные головные уборы смешались друг с другом; одеяния, расшитые золотом, соседствовали с одеждами из меха диковинных северных зверей.

И снова эскувиты.

Затем настал черед большой группы женщин: это были придворные дамы покойной императрицы. Со смутно виднеющимися за черной вуалью лицами, они шли парами, являя собой воплощение скорби и печали.

Еще один отряд блистательных дворцовых гвардейцев.

После них проследовал императорский двор и знатные патриции. В их числе был Трибониан, шедший рядом со своим непосредственным начальником — старым Проклом, квестором, который был настолько немощен, что вынужден был даже во время этого непродолжительного путешествия опираться на руку своего помощника. Тут же было множество важных лиц из всех правительственных служб, включая Василия, дворецкого, и главных евнухов императорского двора.

Замыкали процессию члены императорского дома в окружении отряда эскувитов.

Иоанну Каппадокийцу, в силу его высокой должности префекта претория, принадлежала привилегия находиться в этой группе.

Он шел впереди, один, на нем, как и на всех участниках шествия, было траурное одеяние. Голова его, как бы в скорби, была склонена, однако весь он был в напряженном внимании, а уши его жадно ловили каждое слово или замечание, доносившееся из толпы.

Сразу же за ним, чуть впереди внушительного эскорта эскувитов, шагающих по сторонам громадного, задрапированного черной тканью паланкина, в котором несли старого императора Юстина, шли рука об руку Юстиниан и его любовница.

Иоанну страстно хотелось знать, какие чувства вызвало у людей первое публичное появление этой пары. При этом он находился в состоянии горького разочарования и крайней досады: внезапная смерть императрицы разрушила все его планы, и какое-то время он пребывал в замешательстве, ощущая полное бессилие.

В его планах Евфимия была главной фигурой, своего

рода фундаментом, на котором зиждилось остальное. Все были убеждены, что императрица переживет Юстина, а она отнюдь не питала любви к Юстиниану. Евфимия так и не смогла простить выказанного им пренебрежения к ней, когда он, несмотря на ее явное неудовольствие, ввел во дворец любовницу. Роль овдовевшей императрицы в решении вопроса о престолонаследовании хорошо известна из истории. Иоанн напряг память. Зенон, например, взошел на престол благодаря поддержке Верины, вдовы Льва. А вдова Зенона сделала правителем империи Анастасия. Подобных примеров — великое множество. Если бы добродетельная императрица, символизирующая традиции и дух народа, заявила о том, что кандидат на престол — даже если это и племянник ее покойного мужа — недостоин венца, то это, по сути, положило бы конец всяким притязаниям Юстиниана. А расположение Евфимии к префекту претория было хорошо известно и неоднократно подтверждалось в последнее время.

У Иоанна было такое чувство, будто императрица, столь внезапно уйдя из жизни, предала его, к тому же выбрав момент, когда его не было во дворце. Думая об этом, он в бешенстве скрежетал зубами и осыпал про себя грязными языческими ругательствами эту старую дуру, которая ничего не умела сделать толком, даже умереть. Но это никак не могло изменить того непреложного факта, что Евфимии больше нет и теперь он не мог рисковать и продолжать действовать в соответствии со своим планом.

До поры до времени крикунов в красных одеяниях следует попридержать в стороне. Верховное духовенство, он в этом не сомневался, и пальцем не пошевелит, пока наверняка не будет знать, что его ожидает в будущем. А лидерам Зеленых он уже направил указание ничего не предпринимать до тех пор, пока они не получат от него иных распоряжений.

Таким образом, скорбный вид, с которым шел тучный префект, был столь же искренним, как и у сотен других участников траурной процессии, но скорбел он вовсе не по умершей императрице, а по рухнувшему от такого ошеломляющего удара великолепным планам.

Юстиниан был полностью поглощен мыслями о женщине, медленно идущей рядом с ним со сложенными перед грудью изящными руками. Ему, как и префекту претория,

хотелось знать, какое впечатление она произвела на простой народ: чрезвычайно важно, что всколыхнулось в душах людей, когда они увидели ту, что выросла среди них, а теперь удостоилась столь высокой чести — находиться в числе членов императорского дома.

Феодоре, казалось, было безразлично, что о ней могли подумать: глаза у нее были опущены вниз, голова склонена, лицо скорбно и спокойно. Но когда она проходила мимо, бесчисленные глаза толпы жадно ощупывали ее, ибо и в траурном одеянии она была прекрасна, каждая линия ее тела вызвала восхищение дивной гармонией и совершенством.

Но спокойствие Феодоры было лишь маской. Внутри у нее все дрожало от нервного напряжения. Ее будущее, ее судьба решались именно сейчас, во время этого дерзкого появления вместе с Юстинианом по случаю столь важного и торжественного события. Как любая женщина в ее положении, она опасалась также, чтобы не была замечена ее беременность. Но с этой стороны ей нечего было опасаться. Тело у нее действительно округлилось, но лишь едва заметно, а ниспадающая одежда, которая была на ней, достаточно надежно скрывала все признаки от любопытных глаз, поскольку шел всего третий месяц.

Люди в толпе вытягивали шеи и перешептывались. Кортеж медленно вползал в недра собора, где был установлен саркофаг императрицы, у которого на протяжении трех дней и трех ночей, сменяя друг друга, непрерывно читались молитвы. Церковные иерархи, послы, сановники и иные служители императорского двора, патриции, придворные дамы, члены императорской семьи до отказа заполнили огромный неф собора.

Снаружи у входа в собор была установлена охрана, в то же время воины продолжали, выстроившись плотными шеренгами, охранять проход от собора до дворцовых ворот.

Часть толпы, собравшейся на Августеоне, стала расходиться. Потребовалось долгих три часа для того, чтобы священнослужители закончили обряд и отпели покойную; отлетающая душа Евфимии получила все, что ей причиталось, — фимиам, пламя тысяч свечей, песнопения и молитвы, в которых было предусмотрено все, с чем могла бы встретиться она в предстоящей жизни.

Однако тысячи людей остались на площади, чтобы уви-

деть кортеж на обратном пути во дворец. Зрелище было впечатляющим, но все же наиболее притягательным в нем была молодая женщина, которую они видели раньше скромно идущей к собору рядом с наследником.

Более, чем когда-либо в жизни внимательная к любой случайности, скрытой или явной, Феодора поняла, что наступил решающий момент.

Она не переставала удивляться, каким образом ей удалось завоевать любовь престолонаследника могучей империи. Не раз ей доводилось убеждаться в том, насколько могущественным было ее женское начало; но теперь она с удивлением узнала, что еще ни разу женщина, будучи куртизанкой, не смогла добиться преданности мужчины, который имел возможность выбора среди женщин целой империи.

Однако теперь необходимо сделать следующий шаг. Юстиниан дал клятвенное обещание сделать ее своей супругой ради зародившейся в ней жизни. На первый взгляд не слишком сложное дело — достаточно лишь заставить старого Юстина немного изменить закон, но в действительности все далеко не так просто. Браки правителей затрагивают интересы других стран. А этот брак, которого так желает Юстиниан, беспрецедентен и противоречит всем мыслимым нормам.

До ушей Феодоры дошло высказывание Софронии, злослышной жены Сильвия Тестора: «В империи были императрицы, которые становились проститутками, но не было еще проститутки, которая стала бы императрицей».

Несомненно, недругов у Феодоры было предостаточно, и в любом случае необходимо было с этим считаться. В то же время существовало нечто более важное и значительное, чем дворцовые пересуды: глас народа.

Для того чтобы не дать повода черни, которой боялись все правители империи на протяжении ее многовековой истории, для бунта, чрезвычайно важно в первую очередь знать настроения и чувства людей.

Феодора была уверена в том, что ее главный враг, Иоанн Каппадокиец, располагает наиболее полной и точной информацией об отношении народа к ней. Одной из задач, поставленных перед префектом претория и оплачиваемых из государственной казны, была организация целой армии соглядатаев и осведомителей: десятки тысяч их рыскали по

всей империи, сотни — по Константинополю, а их доносы стекались к Иоанну.

Как могла женщина, не располагающая никакой специальной службой, добыть сведения, которые у Иоанна были всегда под рукой?

Но Феодора считала, что знает такой способ.

На следующий день после похорон императрицы Айос находился на своем обычном месте у подножия мраморной Афродиты. Глядя на прохожих, он не замечал, чтобы люди были слишком опечалены, или стали более щедрыми, или менее великодушными в подаении, чем прежде.

Вскоре после полудня к нему приблизился паланкин. Эти роскошные носилки, видимо, принадлежали богатому человеку, но охраны при нем не было; его окошки были плотно зашторены черными, без каких-либо украшений, занавесками, несли его восемь чернокожих рабов в черных набедренных повязках — все вместе подчеркнуто символизировало траур, и в то же время не было ничего такого, что позволило бы узнать владельца паланкина. Поскольку черный цвет в городе был в эти дни наиболее распространенным, Айос не обращал внимания на паланкин, пока тот не остановился возле него.

Тотчас же нищий назойливо и гнусаво закланчил, изменив слова обычной просьбы так, чтобы они как можно точнее соответствовали траурной обстановке:

— Подай милостыню, о многославный! Подай нищему! Подумай о жизни, о том, как она коротка и как быстро обрывается, что и случилось с нашей обожаемой императрицей. Не копи земных благ, а подумай о душе своей — помоги впадшему в нужду бедному и несчастному!

Это была недурно сформулированная просьба, однако в ответ на нее из паланкина донесся тихий мелодичный смех.

— Вот, возьми. Это тебе, мой добрый Айос.

В щели между занавесками появилась тонкая рука, и Айос почувствовал убедительную тяжесть набитого монетами кошелька, оброненного в его протянутую клешню.

— В нем ты не обнаружишь ни медных, ни серебряных монет, — заметил голос.

Кошелек с золотыми монетами! От изумления у него рот распахнулся.

— Благословенные святые!.. Такое неслыханное благодеяние!..

Опять послышался смех.

— Нельзя ли нам договориться, что между друзьями такой способ выражения благодарности не обязателен? — спросил голос.

Нищий повертел уродливой головой и остановил взгляд на рабах, похожих на черные статуи, которые неподвижно стояли, удерживая носилки на плечах, и без всякого выражения смотрели прямо перед собой.

— Они немые, — пояснил голос, — и не способны рассказать о том, что могут услышать.

— Что от меня требуется? — спросил он осторожно, догадываясь, что визит к нему, учитывая такие необычные предосторожности, должен иметь достаточно важную и не подлежащую огласке причину.

— Сведения, — услышал он в ответ.

— От меня? Мы, нищие, бедны и беспомощны...

— И вам все тем не менее известно, в чем я уже не однажды убеждалась. Многие из вас, должно быть, находились в толпе во время вчерашних похорон. И сегодня у вас есть уши в любом месте города.

— Возможно, — согласился он.

— Я бы хотела знать, что думает большинство горожан о моем появлении в похоронной процессии вместе с наследником Юстинианом.

Айос по-обезьяньи сморщил лоб, а затем сказал:

— Сейчас тебе нечего бояться народа.

— Что значит — сейчас?

— Потому что не было заметно никого, кто настраивал бы людей против тебя. Но я не могу поручиться, что это не случится завтра.

— Ну а сейчас — что сейчас говорят люди?

— Есть некоторые — старые матроны в основном, — считающие оскорбительным то, что наследник отдал свою благосклонность обычной...

— Потаскухе, — помогли ему бесстрастно. — Продолжай.

— Но в большинстве случаев, я сам слышал, и мои люди мне говорили, это доставило народу большее удовольствие, чем все остальное. Многие мужчины имеют слабость к красивым женщинам, поэтому их отношение к тебе самое доброжелательное. Кроме того, смелость, с которой ты

вступила в эту игру, стала темой для разговоров, а твой успех вызывает у людей нечто похожее на злорадство.

— Злорадство по отношению ко мне?

— Нет. К тем, выше которых ты поднялась и которые, как всюду считают, из-за этого особенно несчастны.

— Значит, мнение народа обо мне благоприятно?

— Сейчас благоприятно, я повторяю. Но будь начеку.

— Почему?

— Ты простого происхождения. Народ радуется твоему успеху, поскольку считает его и своим тоже. Но и тебя он все еще считает своей.

После некоторой паузы из-за черной занавески послышалось:

— Айос, а что, если Юстиниан решит меня сделать законной супругой?

Нищий бросил быстрый, пронизательный взгляд на паланкин, словно пытаясь увидеть сквозь ткань лицо сидящей внутри женщины.

Затем он проговорил:

— Тебя интересует мое мнение? Так вот, если бы случилось такое чудо, я думаю, народ приветствовал бы это. По крайней мере, вначале. Но даже это не смогло бы заставить людей забыть, что тебя воспитала улица и ты не лучше любого из них. В этом заключается самая большая опасность для тебя.

— Почему?

— Потому что стоит лишь раз повернуть народ против тебя, и его ненависть окажется в десятки раз ожесточенней и мстительней, чем могла бы оказаться по отношению к тому, у кого более высокое положение в обществе.

Внутри паланкина наступила тишина. Затем голос сказал:

— Я вижу, Айос, ты хорошо знаешь людей. И теперь я понимаю, какая опасность мне угрожает. Для некоторых я как была шлюхой, так навсегда и останусь ею. По мнению других, я просто самоуверенная авантюристка. И для третьих я попросту объект зависти. Оказывается, врагов у меня достаточно, и они могут, если представится возможность, сделать многое. Даже уничтожить меня.

Нищий молча кивнул. Какое-то время они оба молчали.

Наконец послышался мягкий голос из паланкина:

— Мне очень нужна твоя помощь. Не забывай, Айос, что мы с тобой оба стояли с протянутой рукой. Я надеюсь

узнавать от тебя, как настроены люди. Награда не заставит себя ждать...

— Деньги — это замечательно, — перебил Айос. — Я не отказываюсь от них. Однако есть кое-что посильнее денег — это дружба. Я помню о том, как мы с тобой оба стояли с протянутой рукой, маленькая Феодора.

Проходящие мимо люди вряд ли обратили внимание на короткий разговор на площади Афродиты. Затянутый черной тканью паланкин — в дни траура таких носилок было довольно много — на несколько мгновений остановился у статуи Афродиты, нищий получил милостыню, а паланкин двинулся дальше и исчез в направлении Виа Альта.

Хотя Евфимия, ухаживавшая за старым императором, умерла, Василий, дворецкий и главный внук императорского семейства, продолжал, как ищейка, следить за Юстином. Его удивлению и возмущению не было предела, когда он, придя по вызову охраны ко входу во дворец Сигма, застал там любовницу Юстиниана. Она была без сопровождения.

— Чего изволите? — спросил внук. К этой женщине он, как и все остальные внуки, испытывал неприязнь.

— Я прошу аудиенции у императора, — ответила Феодора.

— Это невозможно!

— В самом деле? — поинтересовалась она. — И кто же мне отказывает в этом — император или его главный внук?

Какая наглость! Невероятно дерзкая и нахальная девица, подумал Василий, испытывая чисто женское желание влечь ей пощечину.

Однако он сдержался. Ему вдруг пришло в голову, что теперь-то он лишился мощной поддержки Евфимии, и если позволит себе лишнее, то это дерзкое маленькое создание найдет способ пожаловаться на него старому Юстину.

Да и ее любовник, Юстиниан, ежедневно бывал на совещаниях у своего дяди...

Василий решил, что самым благоразумным будет доложить обо всем императору. Поэтому, сдержав чувства, он оставил девушку в атрии и удалился.

Старый Юстин дремал, сидя в любимом кресле с широкими подлокотниками, его больная нога покоилась на резной скамье с кожаной подушечкой.

Василий откашлялся.

— Ваше императорское величество, достославный и благородный...

Император, вздрогнув, очнулся. Обведя бессмысленным взглядом комнату, он увидел своего старого секретаря Виниция, затем охрану и, наконец, Василия, который с важным и значительным видом стоял у двери.

— Ты меня о чем-то спросил, Василий? — поинтересовался император. — В чем дело?

— Во дворец явились с просьбой об аудиенции, ваше величество, — ответил дворецкий.

— Аудиенции? — Голос императора звучал раздраженно. — Ты же знаешь, Василий, я не даю никаких аудиенций!

Евнух застыл в поклоне.

— Ваш слуга умоляет простить его, ваша милость, за причиненное беспокойство. Я должен был знать...

Он уже хотел выйти, но Юстин, хотя и казался туповатым, иногда отличался исключительной наблюдательностью. Он заметил в глазах евнуха мгновенный насмешливый блеск. Этого было достаточно для того, чтобы задать еще несколько вопросов.

— Постой! — приказал император. — Кто просит?

— Женщина, ваше императорское величество.

— Вот как! Женщина? Как ее зовут?

— Кажется, Феодора, — с неохотой ответил дворецкий.

— Феодора? — Юстин порылся в памяти. — Ты имеешь в виду девушку Юстиниана?

— Думаю, это она и есть, о посланный Богом.

Старый Юстин нахмурился.

— Что ей может быть здесь нужно? — спросил он, задавая этот вопрос скорее самому себе.

— Не имею представления, ваше величество. Пойду скажу ей, чтобы убиралась...

— Постой, Василий! К чему такая дьявольская спешка? Дай же мне немного подумать!

Евнух застыл в ожидании, а император задумался.

Юстин вспомнил девушку. Она была необыкновенно красива, кроме того, теперь ему стало немного любопытно.

— Пусть она войдет, — сказал он.

— Наверное, ваше императорское величество...

— Я сказал, пусть она войдет, — рыкнул Юстин.

Василий, не показывая своего огорчения, вышел из покоев. Спустя некоторое время Феодора приблизилась к им-

ператору и с удивительной плавной грацией опустилась на колени.

Юстин взглянул на нее. Она была очаровательна — такая свежая, юная и обаятельная.

— Так это ты просила об аудиенции? — спросил он.

— Да, о великолепный! — Голос ее был едва слышен, словно от испытываемого ею благоговейного страха.

— Ты можешь идти, Василий! — довольно резко сказал император замешкавшемуся в дверях евнуху. Дворецкий исчез.

Виниций занял обычный пост, встав за креслом своего повелителя. Охрана, стоявшая у входа, смотрела прямо перед собой, а слуги, по обыкновению, расположились поодаль и замерли в неподвижности.

— О каком благодеянии хочешь ты просить нас? — спросил Юстин дружелюбно.

— Если то, что я скажу, покажется слишком самонадеянным, я прошу ваше высочайшее величество простить меня за это и быть уверенным, что смиреннейшую из подданных побудили к этому исключительно любовь и забота о своем императоре.

Он молча кивнул своей седой головой, затем разрешил:

— Продолжай.

— Я не прошу никакого благодеяния, ваше высочество, за исключением одного — позволения служить вашему величеству.

— Нам служат многие. Как ты намереваешься служить?

— Посланник Бога знает, что Юстиниан, его верный и преданный племянник, много и напряженно работает, чтобы облегчить ношу императора. А я могла бы попытаться — и довольно простым способом — сделать более легкими часы императора, по возможности скрасить их.

Еще никто в империи не делал такого предложения Юстину, и его заинтересовала эта новинка.

Мужчине почтенного возраста нетрудно быть милостивым по отношению к молодой женщине. Ее молодость сама по себе подобна утреннему свету, смягчающему его равнодушную усталость. Кроме того, подумал Юстин, эта девушка — любовница Юстиниана. Это делало ее почти членом семьи. И он почувствовал готовность пойти ей навстречу.

— Поднимись, дитя, — сказал он, — и подойди к нам.

Когда она повиновалась и, ступив несколько шагов, ос-

тановилась у его кресла, он протянул руку и почувствовал, как ее горячая нежная маленькая рука легла сверху на его ладонь. Держа девушку за руку, он обнаружил, что испытывает почти забытое ощущение неизъяснимого удовольствия.

— Те часы, о которых ты говорила, — спросил он, — каким образом ты могла бы их скрасить?

— Приходя развлекать ваше величество, когда это будет позволено.

Она взглянула на него из-под ресниц и с уверенностью могла сказать, что весьма преуспела в своем желании произвести на него благоприятное впечатление. Возраст и одиночество вместе взятые возвращают в мужчине слабость, которой молодая и хорошенькая женщина может великолепно воспользоваться.

— Я могу беседовать, читать вслух, рассказывать всякие истории, — продолжала она храбро. — Я могу, с милостивого позволения вашего высочества, каждый день сообщать обо всех слухах и сплетнях, шутках и островах, появляющихся как во дворце, так и в городе.

— Вот как? — Он еще раз кивнул крупной головой с вьющимися седыми волосами.

— Если вам захочется иногда посмеяться, я могла бы вас развеселить, поскольку у меня неплохая мимика и актерские способности. Я могла бы также развлекать вас играми...

— Я устаю от игр, — прервал он ее несколько раздраженно.

Она взглянула на него.

— Знакома ли вашей светлости новая персидская игра, которая называется чатранг?

— Нет. Что это за игра?

— Это игра в войну, в нее играют на доске в черную и белую клетку специальными фигурами, сделанными из слоновой кости и черного дерева и представляющими собой королей и королев, полководцев верхом на конях, лучников, боевых слонов и обычных воинов. Ваше величество, сами будучи храбрым полководцем, могли бы великолепно развлекаться этой игрой.

Она замолчала, но он кивком головы велел ей продолжать.

— Говорят, ваше величество, что эта игра была вначале передана царскому двору Персии императором Индии через

его посла с предложением царю Персии или самому раскрыть, если это ему удастся, секрет игры, или уплатить выкуп в случае неудачи. Король попросил дать ему семь дней срока, в течение которых его мудрецы безуспешно пытались решить задачу. Затем один из его министров взял игру домой и за полтора дня разобрался в ее секретах. С тех пор она превратилась в любимую игру персидских правителей, и я бы могла объяснить правила, по которым в нее играют...

Феодора не сказала, что ее комплект для чатранга был подарком посла Персии, врученным ей во время ее представления ко двору Юстинианом.

Так император впервые узнал об игре, которая в последующие века стала широко известна западному миру как шахматы.

Юстин кивнул в третий раз. Эта девушка внесла бы приятное разнообразие в его серое окружение, к которому он привык. Немного смеха, немного легких сплетен и шуток, живое лицо девушки — все это ему не повредит. Она явно была полной противоположностью и внуху Василию, и придворным лекарям с их вечно постными лицами, и старому беззубому Веницию.

Он пожал Феодоре на прощание руку и отпустил ее. В конце концов он обнаружил, что его теплое чувство к ней очень похоже на чувство деда к внучке. И в этом была немалая заслуга самой Феодоры. Она блестяще сыграла в этом маленьком спектакле роль забавной крошки, так что если раньше и появлялась у императора некая распутная мыслишка, то теперь она совершенно улетучилась.

С этого дня было замечено, что Феодора входит и выходит из покоев императора совершенно свободно. Ее болтовню и различные истории император слушал с наслаждением. Он от души хохотал, — а это было для него полезно, — когда она живо и весело изображала в лицах некоторых знакомых ему особ: например, префекта претория, или патриарха, или старого полководца Милона — и еще многих других, вплоть до его собственного главного внука Василия.

Эта последняя сценка была импровизацией на тему одной из ее давних сценических находок. Юмор ее был, вероятно, и несколько непристойен, и Евфимия никогда бы не разрешила представлять подобное во дворце. Но старый Юстин буквально стонал от восторга.

Основное внимание императора, однако, было сосре-

доточено на игре, с которой его познакомила Феодора. Правила он усвоил быстро и так же быстро начал выигрывать у нее, так как у него оказалось истинно шахматное мышление. Он заставил научиться игре старого Виниция, и теперь каждый день часами играл с ним, даже если и не было рядом Феодоры. Он стал буквально одержим шахматами. Задач, ловушек и вариантов в них оказалось неисчислимое множество. Он способен был погружаться в игру, забывая о скуке и даже о боли в гноящейся ноге.

За все то, что Феодора сделала для него, он почти любил ее. И довольно часто — и это тоже было замечено во дворце — Юстиниан со своей любовницей присоединялись по вечерам к императору, чтобы вместе поужинать в его покоях. Для тех, кто испытывал благоговейный страх перед Юстином, такие вещи казались просто неправдоподобными.

По истечении тридцатидневного официального траура в империи был принят новый закон. Он был обнародован императором Юстином и отменял устаревший законодательный акт, запрещавший мужчинам знатного происхождения вступать в брак с актрисами, куртизанками и дочерьми владельцев постоянных дворов.

Так у этих несчастных грешных созданий — согласно новому указу — появилась прекрасная возможность начать новую жизнь.

Юстиниан не сдержал своего обещания вступить в брачный союз с Феодорой «всенародно и с благословения церкви», но лишь по той причине, что она сама настояла на менее пышной и многолюдной церемонии.

В воскресенье, накануне свадьбы, она приняла крещение в купели небольшой церквушки Святого Стефана, находившейся на территории императорского дворца.

Два дня спустя сам старый Юстин прибыл в эту же церковь, чтобы стать свидетелем брачных клятв, произнесенных перед алтарем.

Многие знатнейшие мужи империи также присутствовали здесь. Один из них, с гладким лысым черепом, но тем не менее с излишней растительностью на теле, наблюдал за церемонией с выражением трогательной благожелательности и теплоты, в то время как внутри у него клокотали злорадие и отвращение.

Иоанн Каппадокиец счел происходящее еще одним по-

ражением. Теперь он ничего не мог поделать с этим браком. Признавая свершившееся фактом, впредь он должен быть более осторожным, стараясь с таким же почитанием относиться к невесте, как и к ее супругу, наследнику Юстиниану.

Иоанн отлично знал, как можно изобразить такое почитание. Это не должно помешать ему продолжать действовать по ранее намеченному плану. Он уже оправился от неожиданной смерти Евфимии, и хотя церемония освящения связи между Юстинианом и Феодорой, казалось, сделала его тайные намерения еще более трудно осуществимыми, Иоанн, еще до того, как эти двое опустились на колени у подножия алтаря, чтобы услышать благословение, начал анализировать ход событий — при этом мысль его была настолько же тонкой и изощренной, насколько грубой была его внешность.

Феодора, поднявшись с сафьяновой подушечки перед алтарем уже законной супругой, обнаружила, что почти не в силах осознать этот факт. Совершенно ничего не ощущая, она направилась вместе с Юстинианом засвидетельствовать почтение императору. Слух ее почти не воспринимал лстивых похвал и поздравлений от придворных и чиновных особ.

Позднее, оставшись наедине с Юстинианом в своих покоях во дворце Гормизды, она и его поцелуй восприняла так, как будто все еще пребывала в полусне.

Он был ее мужем и любил ее с такой безрассудной страстью и отвагой, будто она была единственным смыслом его жизни, а все остальные дела, события и радости — всего лишь пустой оболочкой или несущественным дополнением к ней. На такую всепоглощающую преданность было просто невозможно не ответить любовью. И она действительно любила его: для нее это было совершенно новым чувством.

Но в отличие от Юстиниана ее мысли не были заполнены и тем более поглощены одним только чувством любви. Жестокий, грубый опыт, который она приобрела на улицах, не давал покоя ее мыслям.

Как супруга наследника, Феодора вознеслась на такую высоту, о которой несколько месяцев назад не могла и мечтать. Но это новое положение сопровождалось постоянно возникающими и все более усиливающимися опасностями.

ми, которые трудно обнаружить, хотя инстинктивно Феодора их и чувствовала.

Против нее строились козни и возбуждалось чувство неприязни. Князья церкви и придворные никогда не относились к ней доброжелательно: наоборот, все их слова и поступки свидетельствовали о противоположном. В случае внезапной смерти старого императора положение самого Юстиниана оказалось бы довольно зыбким. Ее не покидала мысль о главном ее враге, хотя она и не была в состоянии не только повлиять на Юстиниана, слепо доверявшего Иоанну Каппадокийцу, но даже заставить его хотя бы прислушаться к ее предостережениям о том, насколько вероломен и коварен префект.

Все это приводило ее в отчаяние и вынуждало испытывать холодное содрогание, подобное тому, которое испытывает человек, проходящий по тому месту, где когда-нибудь будет его могила.

ГЛАВА 22

Порфиновый дворец был совершенно не похож на прочие строения дворцового комплекса.

Он стоял в стороне от остальных зданий, возвышаясь над морем, словно уже само его предназначение отчуждало его от прочих. В других дворцах жизнь кипела вовсю. В Порфиновом дворце редко кто бывал, если не считать малочисленной прислуги, наслаждавшейся этой синекурой.

Это был странный, уродливый куб с нелепой пирамидальной крышей, словно презревший все каноны архитектуры. Но самым необычным в дворце был цвет — царский пурпур — и его назначение.

Стены были именно того благородного пурпурного оттенка, благодаря которому он и получил свое имя. Крыша была покрыта темно-красной черепицей. Внутри все также было сумрачно-багровым. Имперский пурпур, символ царственности, в таком количестве, как здесь, не давал ощущения ни блеска, ни яркости, ни теплоты.

В этот сентябрьский день холодный дождь придавал зданию еще более угрюмый вид, и тем не менее все в Порфиновом дворце говорило о грядущем празднестве.

Тут собралась вся знать, заполнив большой централь-

ный зал и прилежавшие к нему покои. Здесь столпились патриции, чиновники, послы: они грели руки у многочисленных жаровен, беседовали и смеялись, с удовольствием сплетничали, оживленно обменивались мнениями и даже заключали пари. Среди них с подносами, уставленными кубками с изысканными винами, бесшумно скользили рабы, а вдоль стен тянулись столы, ломившиеся от яств: мяса и птицы, рыбы и хлебов, а также огромного количества разнообразных сластей, так что гости ели, пили и пребывали в приподнятом настроении.

И в то же время их глаза были неотрывно прикованы к середине зала, где на огромном ложе с пурпурными простынями, расшитыми золотой нитью, корчилась от все учащающихся схваток женщина, испускающая глухие стоны сквозь сцепленные зубы.

Едва появились первые схватки, Феодора была помещена в Порфиновый дворец. Она понимала, что ее ребенок обязан быть «порфиородным», но это скопище людей вокруг, многие из которых были ей незнакомы, вызывало у нее только чувство глубокого отвращения. Поистине странный обычай — делать достоянием общества все оттенки мучений роженицы!

Когда приходит пора разрешиться от бремени, женщине пуще всего хочется уединиться. Те, кто должен помогать при родах, желанны ей, и она им признательна. Но прочие, зеваки, которые пожирают ее глазами в час, когда даже самая изысканная и совершенная женщина превращается в вопящую и содрогающуюся самку, здесь ни к чему. Пожалуй, они заслуживают ненависти.

И все это в то самое время, когда она, не помня себя, кричит, рыдает, стонет, когда то ужасающее, что происходит в ее теле, почти полностью лишает ее здравого смысла, оставляя лишь боль и слепой страх...

Однако обычаи и традиции безжалостны. Рождение ребенка в императорской семье имеет такое громадное значение, что необходимы многочисленные свидетели, которые смогли бы подтвердить сам факт родов и тем самым отбросить сомнения относительно преемственности царской крови. Вот поэтому и заполнили родильный зал гости, которые смеялись, сплетничали и пиروвали и в то же время с любопытством следили за срамным спектаклем на огромном пурпурном ложе.

Не все среди них были праздными зрителями. У ложа находились степенные бородатые лекари, помогавшие роженице, и лучшие повивальные бабки, каких только можно было найти.

На высоком помосте, установленном у подножия ложа, — с него можно было видеть каждое движение роженицы, — восседал Юстиниан. Бледный и молчаливый, он время от времени с такой силой сжимал ручки кресла, что белели костяшки пальцев; согласно ритуалу, он обязан был оставаться в своем кресле, пока все не закончится.

Позади, у стены, стоял отец Поликрат, киликийский монах, бывший исповедником покойной императрицы Евфимии: это был смуглый, грубо сколоченный человек аскетичного, пугающе сурового вида, его горящие глаза цепко схватывали все вокруг, а гладкая иссиня-черная борода свисала до волосяной веревки, которой была опоясана его коричневая власяница. Отец Поликрат, теперь служивший при дворцовом храме Святого Стефана, одновременно был недреманным оком церковных властей. Сейчас он находился здесь в качестве официального наблюдателя, поскольку церковь должна была с особым вниманием следить за рождением ребенка женщиной, которая была заклеймлена ею как еретичка-монофизитка. По завершении акта он должен был отправить донесение высочайшему синклиту, дабы верховные владыки решили, какие необходимо предпринять шаги в связи с новым осложнением.

Возле монаха находился еще один человек, которому было сейчас не до улыбок — Иоанн Каппадокиец. И хотя внешне он разительно отличался от отца Поликрата, у них обоих на лицах было одинаковое выражение напряженного внимания. Префект претория воспринимал наблюдаемый им акт появления на свет ребенка как очередную угрозу своим планам. Они ни словом не перемолвились с монахом, но коварные замыслы и общность интересов этих двух людей представляли страшную опасность для мучающейся на ложе женщины.

Вскоре после того, как Феодору поместили на пурпурное ложе, она перестала обращать внимание на толпу придворных, собравшихся вокруг нее. Это были не первые ее роды, и теперь все должно было пройти несколько легче. Но уж слишком она была миниатюрна, и свидетели немало часов провели в ожидании, наблюдая за тем, как она мучи-

лась и боролась, вся багровая от смертельных потуг, на мрачном пурпуре ложа; подчас она почти теряла сознание, иногда ее тело охватывала лихорадочная дрожь; она то выла от боли, то рыдала, а то и просто задыхалась, пока наконец не показалась на свет головка, уже покрытая черными волосами, и повивальные бабки не извлекли ребенка.

Тут же по Порфиоровому дворцу пронеслось:

— Слава тебе, императорское дитя!

Это были первые почести крошечному новорожденному существу.

Юстиниан сидел, словно окаменев. На столе у ложа повитухи и лекари занялись ребенком, казалось, совершенно забыв о матери, которая теперь, когда была перерезана пуповина, лежала с закрытыми глазами, словно неживая, а лицо ее заливала мраморная бледность.

Два мрачных свидетеля у стены ничего не произнесли вслух, но в головах у них пронеслась одна и та же мысль: лучше бы она умерла, и ребенок вместе с нею...

И тут же послышался пронзительный, недовольный плач: это были первые звуки новорожденного, свидетельствовавшие о неохотном появлении младенца на этот свет.

С торжественным видом главный лекарь взял голенький комочек плоти у старшей повитухи и показал его Юстиниану.

— Ваше величество, представляю вам императорское дитя! — произнес он обязательную в таких случаях фразу.

При этом он поднял повыше крохотное создание, у которого было красное, сморщенное, похожее на обезьянье, личико с зажмуренными глазенками, спутанные черные, еще мокрые, волосенки и розовое, в пупырышках, тельце, обвязанное лентой из белой ткани вокруг того места, где находилась пуповина. Лекарь поворачивал новорожденного так, чтобы все в переполненном зале могли его рассмотреть.

Иоанн Каппадокиец и отец Поликрат обменялись многозначительными взглядами; и тут же по комнатам пронесся испуганный шепот:

— Девочка... это девочка!..

Ослабевшая, уплывающая в забытье, Феодора слышала этот шепот и понимала, что эти люди в чем-то обвиняют ее. В императорской семье пол ребенка имел исключительно важное значение. Мальчик становился наследником трона,

девочка же представляла собой, в лучшем случае, только возможность сделки для установления посредством брака межгосударственных соглашений и союзов.

В конце концов она поняла... Ее обвиняют в том, в чем нет никакой ее вины. От несправедливости этого и полной беспомощности несколько слезинок просочились из-под ее опущенных век и скатились по щекам.

Но никто не заметил, что она плачет. Все почувствовали огромное разочарование, узнав, что ребенок оказался девочкой. Однако почти сразу же придворные заговорили о том, что ведь это только первый ребенок от этого брака. Надо полагать, у этой пары будут еще дети и, несомненно, следующее дитя наверняка окажется мальчиком.

От этого настроение свидетелей улучшилось, и они оживились. Послышались здравицы в честь Юстиниана, старого императора, принимавшего роды лекаря и будущего наследника. Некоторые даже пытались поднять кубки в честь молодой матери и вызвавшей всеобщее разочарование новорожденной.

Иоанн Каппадокиец с фальшивой, словно приклеенной улыбкой поднял свою чашу с вином в честь Юстиниана. Темная фигура с очень длинной черной бородой отделилась от толпы и торопливо покинула Порфиновый дворец, устремившись сквозь дождь к воротам Халк — у отца Поликрата был наказ как можно скорее передать новости своему церковному начальству.

Феодора лежала совершенно неподвижно, глаза у нее были по-прежнему закрыты. Слезы высохли, и она больше не ощущала никакого огорчения или обиды. Было просто замечательно вот так отдыхать, когда тело освободилось от мук и исчезли боль и страдания. Лекари и повивальные бабки закончили свои хлопоты, и на Феодору было наброшено покрывало, скрывшее наконец ее от любопытных глаз. Какое-то время ее сознание, как и тело, пребывало в покое. Она ни о чем не думала, испытывая только тихую радость — наконец-то все позади.

По мере выздоровления Феодора стала все полнее осознавать, что у нее теперь есть ребенок. Ее собственный ребенок.

На этот раз вокруг не было никаких безжалостных фанатиков. Никто и не пытался отобрать у нее дитя. Наоборот, теперь у нее есть свой кров, забота и уход, уверенность

в будущем — своем и ребенка. В сравнении с этим все остальное казалось малозначительным.

Проводя все больше времени со своей дочерью, Феодора постепенно прониклась, как и любая мать, сознанием, что такого чудесного ребенка, как у нее, нет ни у кого. Какое же это замечательное существо — ее дочурка! Она не переставала восторгаться и любоваться ее крошечными ручонками, такими невероятно совершенными вплоть до розовых перламутровых ноготков на ее пальчиках; ее глазками, ее требовательным ненасытным ротиком, похожим на маленький бутон розы.

Это были самые естественные, наиболее важные и приятные чувства, приносящие глубочайшее удовлетворение. Мудрая Македония когда-то заметила по этому поводу: женщина — это любовь, а любовь — это женщина. Более того — венцом любви является материнство. Все женщины созданы именно для этого, и это придает им силы.

Но хотя одно естественно вытекает из другого, случилось так, по крайней мере для Феодоры, что любовь и материнство не только совпадали, а даже в некотором смысле гармонично дополняли одно другое. А разве мало женщин становятся матерями вопреки желанию, рожая от нелюбимых и постылых, которых они ненавидят и презирают? Однако такова уж природа женщин, побуждающая их даже при таких неблагоприятных обстоятельствах окружить ребенка, стоит ему появиться, любовью и заботой.

Размышляя над всем этим, Феодора, вчерашнее дитя улицы, еще слабая телом, разумом вполне отчетливо ощутила силу законов, таинств и условностей общества, над которыми раньше только смеялась. Бракосочетание, взаимные клятвенные обещания, данные прилюдно ею и Юстинианом, сама жизнь в соответствии с нынешним высоким положением, такая непривычная, стали теперь для нее и броней, и утешением. Начиная с этого момента все низменное в ней выветрилось и забылось.

И ничего ей не хотелось больше, чем полностью отдать себя заботам о маленьком создании, которому она подарила жизнь. Это была частичка ее самой: теперь она была привязана к ней таинственной силой обожания и интуитивного поклонения сильнее, чем когда их соединяла физическая связь — пуповина. А в остальном пусть все идет своим

чередом. Впервые в жизни она была в мире сама с собой и с миром внешним.

Ей и в голову не приходило, что ее материнство, ее ребенок могут быть причиной обстоятельных дискуссий, замешенных на опасениях и ненависти влиятельных людей. Или что законы и обычаи могут оказаться недостаточно могущественными, чтобы защитить ее от сил, о которых она и не догадывалась, считая все, что она делала, естественным и верным.

Ребенок царской крови — это не простой ребенок. Он олицетворяет преемственность династии и влияет на ход истории. Во всяком случае, с этой точки зрения дочь Феодора стала объектом пристального внимания.

На следующий день после того, как Феодора и ее дитя были переведены из мрачного и холодного Порфириового дворца в жизнерадостный уют Гормизд, ребенок был окрещен, причем, по требованию Юстиниана, обряд совершил сам патриарх, белобородый старец Гиппия.

Феодора увидела в своем покое скопище облаченных в сияющие ризы людей, увидела, как старшая нянька отдает ребенка в руки Юстиниана и как тот улыбается, глядя на девочку. Ее глаза наполнились слезами.

Гиппия исполнил положенное, окропив маленькую головку несколькими каплями влаги, и нарек девочку в честь отца Юстинианой.

Старый император в церемонии не участвовал. К тому времени здоровье Юстина ухудшилось настолько, что он не в состоянии был даже поднять голову с подушки. Крепкая крестьянская порода еще как-то позволяла дряхлому властителю цепляться за жизнь, но это не могло продолжаться бесконечно. Поскольку Юстиниан в эти дни ничего не говорил, чтобы не волновать ее, Феодора не знала, насколько серьезно он обеспокоен состоянием своего дяди.

Когда патриарх с клиром возвращались после крещения в собор Святой Софии, Гиппия обратился к своему недреманному оку:

— Как ты считаешь, отец Поликрат, не послужит ли это крещение, которое я лично свершил, лучшему взаимопониманию между святой церковью и Гормиздами?

Киликийский монах покачал головой.

— Нисколько, ваше святейшество.

— Но ведь наследник Юстиниан с исключительной по-

корностью просил нас об этом обряде. Да и женщина тоже окрещена в купели.

Патриарх был добрым и мягким человеком, но эти качества подавлялись его куда более решительными подчиненными.

— В вопросах веры крещение не имеет особого значения, — заявил отец Поликрат. — Следует иметь в виду, что этот обряд всего лишь очищает душу от первородного греха, греха праотца Адама, с которым рождаются все люди. Но и только. От тех грехов, которые человек безответственно совершает после рождения и которые растлевают его душу, он должен очиститься на исповеди, с истинным раскаянием, искуплением и отпущением грехов. Известно ли что-нибудь вашему святейшеству об исповеди или раскаянии женщины по имени Феодора в гнусной ереси, коя есть тягчайший из грехов?

Гиппия печально покачал головой.

Бородатое лицо монаха исказилось от гнева.

— Несомненно, ваше святейство, что она просто выжидает подходящего момента, яко змея василиск, каковой она, по сути, и является, чтобы ужалить.

Слово «василиск», которое употребил отец Поликрат, имело двойкий смысл, поскольку оно означало как ползучего гада, так и проститутку — или одновременно и то, и другое.

— И такое время может наступить скоро — даже очень скоро, — продолжал монах. — Мне донесли, что императрицу, истинному оплоту православия, осталось жить недолго. Что будет потом? Можем ли мы забыть проклятые времена Анастасия, когда монофизиты, порожденные дьяволом и являющиеся его воплощением на земле, захватили власть при дворе и во всей империи?

На это Гиппия лишь ускорил шаг, и его сердце ожесточилось. Какая опасность! Женщина из Гормизд и ее младенец, которого он только что окрестил, могли потрясти основу исповедуемых православными догматов — веру в двойственную сущность Господа — и, возможно, привести к падению нынешней церкви. Это было слишком серьезно, чтобы позволить себе жалеть отдельных людей. Святая церковь должна немедленно решить, как поступить с этой женщиной.

Между тем добрый патриарх мог особенно не беспокоиться.

Поистине непредсказуемы повороты судьбы, и странным образом вера в жизнь и ожидание смерти оказываются подчас невероятно переплетенными. Дряхлый обитатель дворца Сигма, император Юстин, в котором так слабо билось сердце, что никто не думал, что он протянет больше недели-другой, пережил новорожденного младенца, в котором едва начала разгораться искра жизни.

Спустя несколько дней после родов, ночью, произошло нечто ужасное. У ребенка в легких неожиданно появилась слизь, и он стал задыхаться.

Вызванная к дочери Феодора была охвачена ужасом и безумной тревогой. Сейчас же примчался дворцовый лекарь.

Что-то необходимо сделать... кто-нибудь должен сделать хоть что-нибудь!..

Но все были бессильны.

Личико крохотного создания стало багровым, и оно умерло от удушья в течение получаса.

Феодора все это видела. Но она не могла в это поверить!

Это не могло случиться с ее ребенком!

Она взяла девочку на руки и неистово прижала к своей груди, словно пытаясь вернуть ее к жизни своим теплом. Но постепенно непреложный факт проник в ее сознание. Ребенок умер и, тихий, неподвижный и молчаливый, уже остывал в ее руках.

Юстиниану пришлось в конце концов почти насильно забрать у нее тельце.

Феодора впала в отчаяние. Обхватив голову руками, она рычала, неистово вопила и бессвязно причитала по своей дочери так, что Юстиниан испугался, не повредила ли она рассудком.

Внезапно из страдающей женщины она превратилась в жестокую, ослепленную яростью фурию, озабоченную лишь тем, чтобы причинить страдания тому, кто заставил вынести такие ужасные муки ее ребенка и ее саму.

Кто-то должен за это поплатиться!

Засвистели бичи, и исполняющие обязанности нянек служанки взвыли от боли, когда их спины покрылись багровыми рубцами.

Лекарь, оказавшийся беспомощным, был также под-

вергнут столь жестокому бичеванию, что потерял сознание и больше уже врачеванием не занимался, так как остаток своей жалкой жизни провел прикованным к веслу на императорской галере.

За всей этой ужасающей вспышкой ярости, почти безумным всплеском злобы Юстиниан наблюдал, не вмешиваясь. Он прекрасно понимал, что испытывает Феодора: это был вопль ее души, до такой степени исстрадавшейся, что она не могла ни оценивать своих поступков, ни отвечать за их последствия. В течение всей ночи он испытывал мрачное отчаяние.

Затем Феодора стала тихой и спокойной, но это спокойствие было ужасно, как движения сомнамбулы. Так продолжалось весь следующий день.

Когда ее ребенка хоронили в церкви Святого Стефана, она оставалась молчаливой и безучастной. В сознании ее, словно начертанная огненными буквами, вспыхивала снова и снова одна и та же фраза: «Бог дал, Бог и взял».

Все ее естество бунтовало от этих слов. Разве это так? Ведь это она, она сама дала жизнь, пройдя через страдания, страх и любовь. Откуда у Бога право отнять ее дитя?

Когда Юстиниан привел ее обратно в Гормизды, Феодора снова впала в отчаяние, беспрестанно рыдая и отказываясь от еды. Внезапно страдание исторгло у нее признание, на которое она прежде не могла решиться.

— Мне нужен мой ребенок! — простонала она.

— Девочка умерла, любовь моя, — сказал Юстиниан устало, но мягко. — Ее нельзя вернуть — тебе нужно с этим смириться...

— Мой другой ребенок, вот кто мне нужен!..

— Твой другой ребенок?

Он ничего не понимал, так как до этого момента она никогда не упоминала о ребенке, родившемся у нее в Александрии. Но сейчас для Феодоры имела значение только одна вещь: ужасающая пустота в ее сердце, которую необходимо каким-то образом заполнить. Захлебываясь от бурных рыданий, она рассказала ему о том, о чем раньше не отваживалась и упомянуть. Да она и сама почти не вспоминала об этом. Естественно, что историю с рабом она опустила, так что Юстиниан предположил, что ее ребенок был отпрыском Экебола.

То, что он узнал из ее бессвязных речей, вначале оше-

ломило его. Затем — и это явилось окончательным и полнейшим доказательством его исключительной привязанности к Феодоре — он принялся все хладнокровно обдумывать. Ведь это произошло, убеждал он самого себя, еще до того, как он познакомился с Феодорой. Когда она стала его любовницей, он знал о ее прошлом и всегда делал на него скидку. Он был уверен, что прошлое осталось в прошлом.

Да, эта уверенность у него была. Юстиниан расправил плечи и выбросил из головы сомнения. Феодора любила его и принадлежала только ему. Он не мог и мысли допустить, что могло бы быть иначе.

И все же этот ребенок, о котором она говорила... он был продолжением того, что случилось в ее прежней жизни, и этого он не мог предусмотреть.

Подумав, он отбросил эту мысль. Все что угодно было лучше, чем безысходная печаль, терзающая его возлюбленную, делающая ее чужой, безжизненной вещью в его руках. Больше всего ему хотелось, чтобы она стала такой, как прежде — живым, веселым созданием, источником радости и наслаждения. Он внимательно взглянул на нее, и ему показалось, что ее красоте не вредит и эта бледность, и слабость, вызванная перенесенным ею тяжелым испытанием. Даже с мокрыми от слез ресницами Феодора была все так же мила ему. Глядя на нее, он просто с ума сходил от тоски и желания. Это помогло ему больше, чем что-либо другое, спокойно воспринять услышанное и найти решение столь неожиданной проблемы.

— Ты сказала, что ребенка у тебя отняли монахини из приюта? — спросил он.

Феодора кивнула.

— И тебе неизвестно, где находится этот приют?

— Нет.

Теперь, впервые за все время, ее охватил ужас от низменности того, в чем она только что призналась. Она в страхе вытерла глаза и взглянула на Юстиниана, чтобы узнать, как он к этому отнесется.

Но он не рассердился. Напротив, заговорил весьма спокойно и взвешенно:

— На первый взгляд, кажется, что, располагая названием приюта, легко, используя власть императора, найти ребенка. На самом деле все обстоит иначе. Дело в том, что

Египет — гнездо монофизитов. Там не осталось никакой любви и преданности к царствующему дому. Едва им станет известно, что мы разыскиваем это дитя, сработает столь хитроумная система укрывательства, что найти его будет труднее, чем иголку в стогу сена.

В напряжении его брови сошлись к переносице.

— Гораздо лучше послать исключительно преданного и толкового человека...

Губы Феодоры дрогнули от удивления.

— Ты сделаешь это? О, любимый!

Теперь он был вознагражден. Она оказалась у него в объятиях и, воспрянув духом от блеснувшей надежды, осыпала его лицо поцелуями.

Осчастливленный, Юстиниан продолжал развивать свой план:

— Я знаю одного человека, чья преданность мне безгранична, — заговорил он. — Я могу поручить это дело ему — хотя шансы на успех, должен тебя предупредить, невелики.

— Но хотя бы попытайся, — сказала она, а затем спросила: — А кто он такой?

— Нарсес, картулярий.

Так называлась должность хранителя архива империи, это был высокий пост, и Феодора сразу поняла, кого он имел в виду.

— Но ведь Нарсес евнух, — заметила она.

— Да, это так, — отвечал Юстиниан. — Но мне кажется, ты быстро убедишься, что этот евнух не таков, как другие.

В тот же вечер Нарсеса препроводили к Феодоре.

Согретая вновь вспыхнувшей надеждой, она стала совершенно не похожа на ту женщину, какой была всего несколько часов назад, однако ее первое впечатление от этого евнуха было неблагоприятным. Он оказался ничтожного роста тощим человечком, лишь немногим выше ее, с глубоко посаженными глазами, лицо у него было вытянутым и скорбным, а лоб высоким, куполообразным и уже начинающим лысеть.

Она инстинктивно ощутила исходящую от него жестокость и внезапно поняла, что он испытывает отвращение к своему немощному телу скопца и, возможно, не выносит людей, более совершенных физически, нежели он сам.

Но когда Феодора заговорила с ним, ее мнение совер-

шенно изменилось. Поразительно было видеть, как его унылое лицо оживляется блеском ума и смысленности, как его тонкие губы способны одним движением выразить злость, иронию или отчетливую мысль. Как и предупреждал Юстиниан, в этом хилом, почти карликовом теле таилась могучая мыслительная энергия, которая у обычных евнухов совершенно отсутствовала. Феодоре даже пришло на ум, что если они придут к полному взаимопониманию, Нарсес мог бы стать наиболее преданным ей человеком.

— Расскажи мне о себе, — попросила она его.

— Я родом из Персии, но в моих жилах течет армянская кровь, — начал он. — В детстве я был отдан работоторговцу, жестоко оскорблен и продан в Сирию. Там я провел юношеские годы — ткачом в одной из мастерских в Тарсе. Позднее я стал слугой супруги Дифилоса, патриция из Памфилии; затем — секретарем самого Дифилоса, который привез меня в Константинополь, где мои скромные способности настолько поразили Амантия, в то время дворецкого императора, что я попал в конце концов на службу во дворец.

— Тебя выкупили из рабства?

— Нет, ваша милость. Я сам купил себе свободу, поскольку имел возможность собрать для этого нужную сумму денег. С тех пор я последовательно занимал различные должности при дворе.

— Всякий раз выше прежней?

— Да, и без лишней скромности могу заметить, что каждое новое назначение все больше соответствовало моим способностям.

— Сколько тебе сейчас лет?

— Скоро исполнится пятьдесят.

Феодора подумала, что он должен был находиться в самой гуще дворцовых событий, знать все тайны двора и на этой основе вырабатывать собственную линию поведения на протяжении, по крайней мере, трех десятилетий.

— И все-таки у меня по отношению к тебе остается какая-то предубежденность, — сказала она откровенно.

— С вашего милостивого разрешения мне кажется, я знаю ее причину, — ответил Нарсес. — Я — евнух. А евнухов вы не любите.

— Я не заметила, чтобы и они были доброжелательны ко мне.

— Я себя к таким евнухам не отношу, о прекрасная и великодушная.

— Что ты имеешь в виду?

— Если я и принадлежу к так называемым бесполом, вы можете считать, что я их предал, ибо мысли и желания у меня совершенно не такие, как у евнуха.

— Но, возможно, ты точно так же предашь и меня?

— Невозможно предать звезду, о славнейшая, которая горит надо мной — и к которой стремится моя колесница.

Феодоре показалось, что она отлично поняла этого хуленького человека; даже более полно, чем позволяли его слова. В Нарсесе было что-то от ее собственного склада ума: амбициозность, отвага, стремление быть верным тому, кто прокладывает путь навверх.

— Я полагаюсь на тебя, Нарсес, — сказала она.

— Я не заслуживаю этого, о лучезарная, но сделаю все, что смогу.

Получив последние указания, выяснив все обстоятельства порученного дела и с достаточной суммой денег, врученной ему Феодорой, он откланялся и удалился.

На следующий день он покинул Константинополь.

Отец Поликрат стоял в охраняемом приделе собора, где проводилось тайное совещание иерархов церкви, разглядывая духовных сановников, сидевших полукругом перед ним, каждый со своим помощником. У каждого из помощников было перо за ухом, а на коленях — папирусный свиток. В центре на высокой седилии располагался Гиппия, преподобный патриарх.

— Я могу сообщить следующие факты, святые отцы, — начал монах. — Они получены из надежного источника. — Сам источник он не назвал: им был Иоанн Каппадокиец, которому известно практически все, что происходит во дворце. — Нарсес, картулярий, был вызван из архива личным распоряжением наследника Юстиниана. Ему было велено явиться к Феодоре. Затем картулярий не менее часа находился с этой женщиной наедине. Прошлой ночью Нарсес отплыл на корабле «Мантос», который направляется в Александрию.

Он выдержал паузу.

— Учитывая, что поручение исходит от этой женщины, а целью поездки является Александрия, это гнездо ерети-

ков-монофизитов, я посчитал целесообразным вынести вопрос на рассмотрение синклита.

В приделе возник беспокойный шум.

— А что тебе ведомо о сути поручения? — спросил Гиппия.

— Ответ знают только три человека, ваше святейшество. Это Юстиниан, Феодора и сам Нарсес. По моему скромному мнению, он является, скорее всего, послом от этой женщины к проклятым монофизитам.

Вновь в зале прошелестел шепот.

— Это зловещий знак, и с этим необходимо считаться, — продолжал отец Поликрат. — А поскольку именно Юстиниан приказал Нарсесу явиться к этой женщине, поручение, каким бы оно ни было, не только хорошо известно ему, но, боюсь, и поддерживается им.

Едва ли не все прелаты, собравшиеся в приделе, застыли в изумлении.

— Так ты считаешь, что эта женщина может отвратить Юстиниана от православия? — с ужасом спросил один из них.

— Я бы этого не сказал. Но такая возможность существует.

Епископы и их помощники переглянулись.

— Кажется, дело зашло гораздо дальше, чем я предполагал, — заметил Гиппия.

Отец Поликрат молча смотрел на них, плотно сжав губы, с выражением величайшей суровости на лице.

Все подобные заседания синклита проходили в глубочайшей тайне. О предстоящем совещании знали только представители церковной знати и их приближенные.

Именно с этого дня церковь начала сеять недоверие к Юстиниану. Впрочем, никаких осуждающих наследника проповедей не читалось. Публично против него не было произнесено ни слова. Но зато по городу принялась шнырять горсточка священников и монахов, известных своим коварством и скрытностью. Где бы они ни появлялись, в головах православных верующих оставались намеки, смутные мысли и заставляющие призадуматься предположения. Поначалу вызванное ими брожение умов было почти незаметным. Но спустя некоторое время оно должно было вырасти как на дрожжах и стать значительным и грозным. Церковь, встревоженная новыми обстоятельствами, защищала себя.

Смерти императора Юстина ждали давно, но он все никак не расставался с жизнью. Он был очень дряхл и до того,

как старческая немощ окончательно приковала его к постели, большую часть времени дремал, забывшись в кресле и опустив ноги на скамеечку, верх которой представлял собою нечто вроде мешка, подбитого мехом выдры, в который с тех пор, как ток крови в жилах императора замедлился, он помещал зябнувшие ступни. Даже жарким летним полднем он теперь кутался в теплую шерстяную накидку, наброшенную поверх царских одежд.

И вот настал момент, когда Юстин оказался не в силах подняться с одра. Весь он как-то внезапно высох, его глаза и щеки ввалились, лицо избороздила густая сеть морщин. Разве только нос, лоб да подбородок еще напоминали былые черты властителя. Когда же император выходил из состояния забытья, веки его складывались, словно кусочки пергамента, а глаза, водянисто-голубые, выцветшие от старости, неотрывно и невидяще сверлили потолок.

На ноге императора образовался отвратительный свищ, и эта гноящаяся рана постоянно требовала заботы лекарей, опасавшихся антонова огня*. Но еще больше хлопот доставляло кормление: Юстин, прежде обладавший могучим аппетитом, теперь уподобился капризному дитяти, наотрез отказывающемуся от пищи.

Феодора была одной из немногих, кому удавалось уговорить старика проглотить прописанную лекарями снесь — жидкую кашу из кунжутной муки, сдобренную сывороткой ослиного молока и подслащенную каплей меда. Выглядело это месиво не слишком аппетитно, и Феодора не виныла императора, что тому оно не лезет в горло. Но доктора велели есть, коли хочет жить. Вот она и проводила возле Юстина немало времени, улыбаясь ему, придумывая мелкие хитрости, потакая капризам, словно тот и вправду был маленьким ребенком, чтобы в конце концов уговорить его отправить в рот пять-шесть ложек этой тепловатой кашицы.

Но вот настал момент, когда чаши весов заколебались. Император стоял на грани смерти. Он лежал неподвижно, почти не дыша, сложив поверх одеяла руки — от старости пальцы вытянулись, и сквозь дряблую кожу, там, где она натягивалась, просвечивали суставы. Лекари, печально сгрудившись у его изголовья, искали совета в Святом Писании, которое в те времена служило общепризнанным источником медицинских рецептов, особенно в случаях, когда медицинские трактаты никаких решений уже не предлагали.

Нарсеса не было несколько месяцев, и известий от него тоже никаких не поступало.

Потом однажды он внезапно появился во дворце Гормизды с отчетом.

Опасливо и осторожно он сообщил Феодоре, что выполнить ее поручение в Египте не удалось.

Но, к его удивлению, Феодора нисколько не разгневалась, а принялась подробно расспрашивать его.

— Мне кажется, о милосердная, что проникнуть в тайны монофизитов невозможно, — сказал он ей. — Если ребенок жив, а никто так глубоко в это не верит, как ваш преданный слуга, то он затерялся в нескончаемых еретических убежищах долины Нила. Там несчетное количество всяких богаделен, монастырей, храмов, обителей, келий анахоретов, не говоря уже о частных домах, в которых девочку могут содержать. Несмотря на все мыслимые усилия твоего раба, он так и не смог установить ни куда ее передали, ни даже каким именем нарекли.

Вслед за этим он представил ей настолько подробный и полный отчет, что Феодора окончательно убедилась в том, что этому евнуху-недомерку не занимать ни мужества, ни усердия, ни преданности.

Выслушав, она поблагодарила его, прибавив:

— Нарсес, никому ни слова о цели твоей поездки.

— Клянусь, ваша милость!

— Ты выглядишь изможденным, — отметила она.

— В Египте меня свалила лихорадка. Но я недостойн, чтобы ты снисходила до того, чтобы замечать такие мелочи. По правде говоря, я еще слаб после недуга, но не настолько, чтобы не быть готовым исполнить любое другое поручение, которое ты пожелаешь доверить твоему ничтожнейшему рабу.

И вновь он раскрывался перед нею, обнаруживая честолюбие, горечь своего положения и веру в нее. Феодора сказала:

— Ступай, отдохни. За труды тебя ожидает достойная награда. И вот что я тебе скажу: служи мне, а когда власть будет моею — тебе воздастся, я обязательно помогу тебе осуществить помыслы, о которых ты говорил и которые евнухам вовсе не свойственны.

— Могу ли я молиться о большем благодеянии! — прошептал он и низко поклонился.

— Тогда пусть будет так. И учти — то, что я предлагаю сейчас, ни в коем случае не соответствует тому, чего заслуживают твои способности. Но если ты серьезен в своих намерениях, оставь должность картулярия и поступай ко мне на службу. Дворецкий Дромон меня раздражает. Я поставлю тебя на его место, как только упрошу наследника перевести его на какую-нибудь другую должность...

Когда Нарсес оставил должность картулярия, чтобы стать дворецким в Гормиздах, при дворе это осталось совершенно незамеченным. Это было несомненным понижением по службе, и почета в этой должности было меньше, ибо место главы архива куда важнее, чем место управляющего второстепенным дворцом.

Но Нарсес и виду не подал, что чувствует, что его понизили. Кое-что ему было обещано, правда, женщиной, но такой, подобных которой он прежде не знал.

Что касается Феодоры, то она, в сущности, от миссии Нарсеса ничего не ждала. Она отправила его в Египет скорее для того, чтобы утешиться в отчаянии, не веря в результат поисков.

На самом деле где-то в глубине души она надеялась на иное — зачать от Юстиниана еще одного ребенка. И как-то раз, в поисках путей исполнения этого невысказанного сердечного желания, она смиренно открылась перед неграмотным и бесхитростным настоятелем православного монастыря из Иерусалима, явившегося к ней за покровительством. Она просила его помолиться за нее, чтобы Господь даровал ей сына.

Суровый монах по имени Саба отказался. Покорно и печально она выслушала отказ, дала ему денег, которых он просил для монастыря, и велела принять его с гостеприимством. Впоследствии тот насмешливо заметил другому монаху, своему приятелю: «Нам не надобен плод из этого лона, чтобы вскормили его на еретических учениях Северия!»

Некоторых поразило, что Феодора не разгневалась на зарвавшегося монаха. Более того, в поисках утешения она с величайшим рвением обратилась к религии.

Утрата заставила ее слепо и покорно вверить себя провидению. В надежде постичь его предназначения Феодора при всякой возможности затевала беседы с людьми, которых полагала праведниками.

И вскоре распространилась молва, что отшельники,

черноризцы, бродячие клирики, как бы они ни были грязны и оборваны, всегда желанные гости во дворце Гормизды, куда они могут свободно входить и откуда так же свободно могут уйти. Здесь они получали кров и пищу, много лучшую той, к которой привыкли, и посему слетались сюда как мухи.

От дворца было отгорожено целое крыло для нищенствующих праведников. Монофизитствующие и православные анахореты-затворники помещались вместе, без всяких различий, из-за чего между ними не раз вспыхивали ожесточенные свары. Обычно это были вздорные и злобные перебранки, дразги. Однако случалось, что святые люди лупили друг друга палками или же в своих рваных и замызганных одеждах катались по полу, пытаясь вцепиться оппоненту в глотку.

Феодоре, когда ее звали в таких случаях, всегда удавалось остановить схватку, пригрозив преподобным отцам, что продолжение приведет лишь к тому, что их вышвырнут вон. И те, несмотря на фанатичную страсть к спорам, скрепя сердце удерживались от открытых баталий и лишь метали свирепые взоры друг на друга.

Любопытно, что при этом часть их негодования обрушивалась на благодетельницу, которой только что удалось остановить ожесточенное побоище. Более того, даже вкушая пищу Феодоры, чавкая и набивая рты, они поносили и хаяли ее.

А однажды некий палестинский отшельник по имени Арсений, осмелев более прочих, имел дерзость прилюдно честить гостеприимную хозяйку дворца, обвиняя ее в ереси. Она молча выслушала его, причем совершенно не изменившись в лице. Больше того, этот его благочестивый поступок настолько покорила ее, что она одарила сего пламенного витию деньгами.

После этого честить Феодору в среде святых бессребреников стало чем-то сродни поветрию. Зная о безнаказанности, они упивались собственной неустрашимостью и дерзостью, которые существенно перевешивали чувство признательности за то, что они от нее получали.

Православные чернецы обличали ее в ереси; отшельники-монофизиты корили за прошлое. Это стало чем-то вроде ритуальной забавы — выяснить, кто сумеет наиболее дерзко уязвить женщину, дающую им хлеб, кров и возможность

вести праздный образ жизни. Обнаружив же, что их языки никто не укорачивает, святые нищетолюбцы превзошли самих себя, изощряясь в злоязычии.

Феодора кротко выслушивала обвинения всей этой оравы оборванцев с дико горящими глазами, грязной, вонючей и заросшей.

Как она нуждалась в их благословении! Но несмотря на брань и хулу, она смиренно продолжала поить-кормить их в крыле дворца, специально предназначенном для этого, да так, что на немых, но праведных боках многочисленных приживалов нарастал жирок от безгрешной жизни.

То, чего не смел сказать о ней никто другой, эти набожные трутни высказывали без какой-либо боязни. Таким образом Феодора, молча снося оскорбления и брань, исполняла епитимью, наложенную на себя, в надежде на искупление грехов, ибо верила, что именно из-за них лишилась детей, рожденных в муках тела и души.

ГЛАВА 23

Для мужчины не имеют слишком большого значения ни его внешность, ни его сложение; для женщины, однако, ее облик — это все.

Феодора рассматривала себя и находила, что стала непомерно худой, больше того — кожа да кости, и только. Вследствие душевных мук и физических страданий лицо ее осунулось, глаза ввалились, она совсем обессилела. Сомнений не было: необходимо заняться собою, или прощай красота, которую она ценила превыше всего.

У Юстиниана теперь появилась привычка вставать с петухами и после скромного завтрака приниматься за государственные дела. Феодора же валялась в постели до самого полудня. Потом поднималась, немного перекусывала — хотя всякий раз для нее неизменно накрывали ломившийся от яств стол — и приступала к омовениям. Ежедневно до пяти раз она принимала ванны, горячие и холодные попеременно; она верила, что, расслабляясь таким образом, холя и лелея собственную плоть, сможет восстановить ее гибкость и упругость.

Когда о том, что она проделывает это пять раз на дню, стало известно в городе — женщины из ее окружения ока-

зались столь же болтливы, как и евнухи, — то большинству жителей столицы это показалось совершенно неправдоподобным. Вполне естественно, что в последующих рассказах и пересудах упомянутый факт был раздут досужими умами и приукрашен самыми невероятными подробностями — дескать, вода в купальне супруги Юстиниана искрится чистым золотом, другие же утверждали, что купается Феодора только в молоке белых ослиц.

На самом деле в этих купаниях ничего иного, кроме проявления здравого смысла, не было: ей следовало как можно глубже расслабляться, потому что ничто так не вредит красоте, как напряжение, а коль так, то всем известно — лучше всего его снимает именно вода. Что же касается еды, то ее нужно ровно столько, чтобы восстановить былые очертания фигуры, но не больше, иначе подвергнутся опасности изящество и грациозность; кроме того, не следует забывать о массажах, косметике и укладке волос — и все это с единственной целью вернуть привлекательность.

Феодора все еще была молода, а молодость способна творить чудеса. И очень скоро жизненные силы заиграли в ней, как и прежде, а вместе с выздоровлением возвратилась и радость жизни, и теперь, придиричиво глядя на себя, обнаженную, в одно из серебряных зеркал купальни, она не могла не отметить, что минувшие тяжелые и горькие времена оставили не так уж много разрушительных следов.

Ей хотелось произвести на свет еще одного ребенка, и это ее страстное желание, инстинктивное желание материнства, было сильнее всех прочих.

Но отцом такого ребенка мог быть только Юстиниан. И всю силу своего женского волшебства она направила на него: столь изысканно тонка была ее любовная игра, настолько она была обольстительна, всегда суля ему неопишное блаженство, всегда разное, что страсть его не затухала, а вспыхивала с новой силой. Феодора же очень рассчитывала на то, что вновь сумеет забеременеть.

Но несмотря на все ее усилия, она так и не понесла; и постепенно в мозгу у нее укрепилась мысль, что, вероятно, ей уже не суждено зачать. То, что прежде, будучи куртизанкой, она считала величайшим достоинством, превратилось теперь в источник острого разочарования и обманутых надежд.

Тем не менее в часы долгих любовных игр с Юстиниа-

ном она достигла другого: настолько прочно овладела всеми его чувствами, что принц готов был служить ей как раб.

Случалось, Феодора подвергала Юстиниана маленьким испытаниям, посылая, например, великого принца, правителя могучей империи, с каким-либо ничтожным поручением, для которых имеются бесчисленные слуги. Эти прихоти он неизменно исполнял, хотя это и унижало его достоинство.

Иногда эта его готовность услужить раздражала ее, а случалось, что ей едва ли не становилось стыдно за него. В конце концов осознание того, что каждый ее каприз становится для Юстиниана законом, вызвало у нее нечто вроде легкой паники.

Если Юстиниан так легко подпадает под ее влияние, то не произойдет ли этого и в государственных делах? Не влияют ли на него так же и другие, возможно, во вред наследнику?

Она вспомнила об Иоанне Каппадокийце. В отношении этого человека она никак не могла повлиять на Юстиниана; даже зная о ее нелюбви к префекту претория, он упрямо отказывался удалить его от дел. Бывало, это злило ее. Но сейчас, в отсутствие других доказательств силы, Феодора едва ли не дорожила этим его отказом, усматривая в нем проявление твердости и воли. Но во всем, что касалось Юстиниана, преобладала одна мысль: никогда, никогда не сможет она отблагодарить его за проявленные к ней любовь и доброту. Какие бы неудачи его ни ждали, она всей душой будет преданна ему и его интересам.

Постепенно это породило новое чувство: полуосознанную любовь-привязанность, очень похожую на любовь матери к ребенку, не слишком одаренному и удачливому, а возможно, даже и ущербному. Большую часть своей нерасстраченной любви к потерянным детям Феодора перенесла на возлюбленного.

Из друзей Юстиниана самыми близкими оставались Трибониан и Велитарий. Оба были холостяками, и Феодора видела их часто. При дворе, подобно поветрию, распространилась мода на чатранг, которому она научила старого императора. Впрочем, сам несчастный Юстин был теперь слишком слаб, чтобы по-прежнему играть в эту игру.

Когда приходили Трибониан и Велитарий, то обычно кто-нибудь из них садился играть с Юстинианом. Так они

просиживали часами над клетчатой доской и фигурками, вырезанными из дерева и слоновой кости. В этом случае Феодора развлекала того, кто оказывался не у дел. Когда за доской сидели Юстиниан и Велизарий, а Трибониан не играл, беседа с ним была истинным наслаждением. Законник был светским человеком до мозга костей, а смелость Феодоры, ее женственность и язвительное остроумие возбуждали его изысканный ум и могучий интеллект.

Трибониан был, пожалуй, единственным мужчиной, который сдержанно относился к красоте Феодоры. То ли он был пресыщен, то ли настолько умело управлял своими чувствами, во всяком случае, каждый раз побеждало благообразие. Всегда циничный, он тем не менее оставался безупречно галантным. Зная о Феодоре едва ли не больше всех, он вел себя так, словно никогда прежде не встречался с нею. В обществе Трибониана, хотя он и был развращен до крайности, она чувствовала себя спокойно и комфортно.

Но когда за доску с Юстинианом усаживался Трибониан и ей приходилось развлекать Велизария, все обстояло иначе.

В отличие от Трибониана, Велизарий распутником не был. Наоборот, он столько времени уделял делам службы, что на женское общество его уже не оставалось, и он никогда в жизни не хаживал на улицу Женщин, где молодежь традиционно утоляла свои нетерпеливые желания. Поговаривали — и Феодора могла в это поверить, — что Велизарий и вовсе был девственником.

Военачальник был настолько прям и бесхитростен, настолько неумело маскировал свои чувства, что зачастую приводил ее в замешательство своим откровенным восхищением. В его голубых глазах, обычно холодных, загоралось такое жгучее пламя, а голос настолько теплел, что она смущалась, и не только потому, что женщине в ней нравилась эта дань восхищения, но и потому, что ей это больше чем нравилось.

Феодора не могла не оценить силу этого человека, при этом испытывая привычное и совершенно неуместное искушение приручить эту гору каменных мышц. И хотя она знала, каким образом Велизарий поведет себя, если она даст ему хотя бы малейший повод, она также знала и то, что его восхищение еще не стало осознанным чувством. О, этой опасности она обязана избежать, ибо в ней таится гибель.

Испытав мгновенное искушение, Феодора поступила так, как поступает большинство женщин: выбросила эту мысль из головы. Потому что для нее времена безудержного кокетства остались в прошлом. Никогда не станет она осознанно поощрять соперника Юстиниана.

Так что, пока двое в дальнем конце покоя сидели, склонившись за шахматной доской, она, беседуя с Велизарием, всячески старалась направить разговор в безобидное русло, при этом не оскорбляя его чрезмерной холодностью. Когда Велизарий уходил, она порой сама поражалась, как ей удалось выпутаться из неловких и двусмысленных ситуаций, в которые он ее ставил. Ей не хотелось терять его дружбу, но не хотелось и чтобы полководец утратил расположение Юстиниана. Главная опасность, считала она, это его неопытность. Трибониан, привычный к женским уловкам и оболъщениям, мог с улыбкой не обращать на них внимания. Но Велизарий, чувствующий себя свободно в толпе мужчин, в присутствии женщин становился неловким, застенчивым и стесненным. Нет нужды и говорить, что такой человек под воздействием могучего чувства, прежде незнакомого ему, вполне мог, не подумав, сболтнуть лишнее, а не то и учинить что-нибудь такое, что могло оказаться роковым. Феодоре было совершенно ясно, что Велизарию необходима женщина. Каждому нормальному мужчине она нужна, и если бы ей удалось помочь ему в этом, подыскав такую, которая взяла бы на себя удовлетворение его безответного, но настойчивого желания, военачальник был бы сохранен для нее и как друг, и как собеседник.

Найти именно такую женщину было делом нелегким. Между тем проблема — как удержать на расстоянии нежелательного почитателя и в то же время сохранить его дружбу — становилась все более острой.

Решение, однако, пришло быстрее, чем она надеялась.

Однажды вечером Юстиниан сообщил ей:

— Велизарий собирается устроить смотр своим комитатам.

Речь шла о войсках, специально обучаемых в течение нескольких месяцев в соответствии со своеобразными взглядами Велизария на военное искусство и тактику.

— Он просил меня присутствовать, — продолжал Юстиниан, — поэтому я велел устроить завтра на Ипподроме учения. Ты хотела бы взглянуть?

Она была удивлена:

— А разве на Ипподром пускают женщин?

— На бега — нет, — ответил он. — Но завтра зрителей не будет. Только военачальники и должностные лица. Я не думаю, что присутствие в кафисме одной маленькой женщины явится нарушением обычаев и традиций.

Она приняла его насмешливое предложение с улыбкой.

На следующий день с высоты кафисмы они смотрели вниз, на широкую арену, которую подковой окружали каменные скамьи, сейчас пустующие, если не считать нескольких кучек официальных наблюдателей под самой кафисмой. А на противоположной стороне арены комитаты уже сидели в седлах, развернувшись в идеально ровную линию.

— Я, твое высочество, привел сюда только одну когорту, — заметил Велизарий, сидевший вместе с Трибонианом по левую руку от Юстиниана. — Здесь недостаточно места для маневра. Но я уверен, что то, что вы увидите сегодня, придется вам по вкусу.

Взгляд Феодоры привлекло облачение солдат; да и само по себе вооружение комитатов, несомненно, было необычным. Вместо цельных панцирей на груди и спине на них были рубахи из металлических колец, кольчуги — без рукавов, но закрывающие бедра. Тяжелые кожаные сапоги защищали икры и голени. На головах были облегающие стальные шлемы с султаном из перьев на гребне. Эти всадники в сравнении с пышно разодетыми эскувитами казались весьма невзрачными.

— А что нового в вооружении воинов? — спросил Юстиниан.

— У каждого, если угодно заметить твоему величеству, — отвечал Велизарий, — на спине колчан и лук. В сапоге справа — копьё. Тяжелый широкий меч, слегка напоминающий классический римский, хотя и достаточно длинный, чтобы им мог воспользоваться всадник, — в ножнах на левом боку. Щит относительно небольшой, но из стали, а в нем с полдюжины запасных стрел, удерживаемых пружинным зажимом. Эти стрелы можно извлечь почти мгновенно.

Со стороны мест под кафисмой, где расположились высшие военачальники, слышались критические замечания.

— Весьма изобретательно, эти самые пружинки для стрел... но как же стрелять из лука верхом?

— Следует понаблюдать, как они при этом сумеют управляться с лошадьми: вот тут, по-моему, и кроется слабость...

Но когда всадники приступили к демонстрации, Феодора, несмотря на всю неопытность в делах такого рода, поняла, что перед ними — совершенно новая тактика.

Лук требует свободных рук, поэтому воины были обучены править лошадьми коленями и корпусом, а не при помощи поводьев. Комитаты двигались строем, то пуская лошадей рысью, то переводя их в галоп, меняли направление движения, давали задний ход, делали крутые повороты, при этом поводья свободно висели. Все совершалось по сигналам трубача, которому отдавал распоряжения командир когорты.

Потом пришел черед упражнений с луком. На полном скаку комитаты выхватывали из чехлов грозное оружие и, уперев его в петлю, предназначенную для этой цели на стремени, коленом и левой рукой сгибали древко лука дугой, а правой накидывали тетиву на верхнюю защелку. И тотчас левая рука хватала держак лука, а правая извлекала стрелу из зажима на щите или из колчана за плечом, и верховой лучник, почти не замедляя бега лошади, был готов к стрельбе.

— Превосходно! — в восторге зааплодировал Юстиниан.

Седые военачальники внизу поклонились, однако едва ли с одобрением.

Теперь группами по шесть всадники промчались мимо ряда деревянных щитов, тетивы их луков зазвенели; и хотя лошади неслись галопом, большое количество стрел вонзилось достаточно близко к центру, и, окажись вместо щитов враг, он был бы утыкан стрелами, как дикобраз.

— Правда, замечательно? — воскликнул Юстиниан. — А вы что думаете, доблестные мужи?

Однако военачальники, похоже, не разделяли его энтузиазма.

— Недурно, — проскрипел один из них, — но, с позволения вашего высочества, для серьезного дела я все же предпочел бы пехотный легион.

— Для наших отцов и короткий меч был вполне хорош, — заявил другой, — и я утверждаю, что он достаточно хорош и для нас.

А третий добавил:

— Стрелы — это детские игрушки. Настоящий солдат должен сойтись с врагом для рукопашного боя, а не полагаться на лук.

Феодора видела, как вспыхнуло лицо Велизария. Она впервые столкнулась с той особой враждебностью к новшествам, которая свойственна военным определенного типа.

— Вы только представьте себе, — не выдержал наконец Велизарий, — что может сделать с вашими пехотинцами полк тяжелой кавалерии вроде моего. Прежде всего — туча стрел...

— Римские легионы много раз бывали осыпаны стрелами, — с презрением оборвал его престарелый полководец Милон.

— Но не такими! — возразил Велизарий. — Мои имеют стальные наконечники, словно небольшие копья. И лук также особой конструкции, из самого лучшего испанского тиса, упрочненный рогом. На небольшом расстоянии пущенная из него стрела пробивает панцирь навывлет, в особенности если ее наконечник навоштить...

— А когда стрелы закончатся, что тогда? — возразил Милон. — Военный опыт учит, что кавалерия не в состоянии прорваться сквозь строй пехоты, сомкнувшей щиты.

— У моей кавалерии имеются копья. На полном скаку железное острие, выдвинутое далеко вперед, способно разомкнуть любой пехотный строй. А уж оказавшись рядом, они обрушат свои широкие мечи на головы пехотинцев. Это подлинный переворот в военном деле!

Но полководцы только снисходительно и холодно улыбались, насмешливо вскидывали брови и отмалчивались.

В отчаянии Велизарий повернулся к Юстиниану.

В этот момент Феодора увидела, что Иоанн Каппадокиец наклонился вперед. На его лице застыло серьезное задумчивое выражение, словно он собирался предложить нечто важное.

— С разрешения твоего величества... — начал он.

Юстиниан, несколько озадаченный противодействием старших военачальников, кивком позволил префекту претория продолжать.

— Мне кажется, — сказал Иоанн, — что было бы неправильно отвергнуть новую идею без должной проверки.

— А какая проверка может быть лучше этой? — спросил принц.

— Только одна, твое высочество. Настоящая война.

— Война? — нахмурился Юстиниан.

— Да, на границе с Фракией недавно зашевелились племена авар, и карательная экспедиция помогла бы уяснить достоинства и недостатки тяжелой кавалерии.

— Благодарю тебя за это великолепное предложение, почтенный префект! — воскликнул, просяив, Велизарий.

— Возможно, — продолжал Иоанн, — Велизарий и сам не прочь возглавить кампанию против варваров и опробовать в деле своих комитатов.

— Только об этом одном и прошу, ваше высочество! — взмолился Велизарий.

Феодора мгновенно сообразила, что это именно то, что ей надо — Велизарий с его опасной откровенностью по крайней мере на некоторое время будет удален. И хотя ее мнения не спрашивали, она поклонилась и осмелилась высказаться в пользу этого предложения:

— Было бы лишь справедливым, — сказала она, — предоставить Велизарии такую возможность.

Юстиниан странно взглянул на нее. Но, по-видимому, именно ее мнение повлияло на него. Он кивнул.

— Значит, решено, — сказал он, — немедленно велите готовить суда для переброски войск на побережье Понта Эвксинского. Высадитесь в Варне, а оттуда, Велизарий, переход до границы не слишком сложен.

— Рад послужить трону! — возликовал полководец. — Обещаю твоему высочеству преподать наглым аварам такой урок, который они не скоро запомнят!

Старшие военачальники оставили предложение Иоанна без замечаний, хотя по их хмурым лицам было видно, что они его не одобряют.

А Феодоре показалось, что в этот миг на лице Каппадокийца появилось необычное, пусть и мимолетное выражение: не то облегчение, не то воодушевление — точно сказать она не могла. Мгновение — и оно исчезло, но в глубине ее души зародилась тревога.

К середине Великого поста не только во дворце, но и в городе, и во всех провинциях стало известно, что император умирает.

И как никто достоверно знал об этом влиятельный пре-

фект претория, ведь час этот ни для кого не значил так много, как для него. Никогда Иоанн не забывал, насколько он уже был близок к тому, чтобы сбылись его самые честолюбивые замыслы, но по Божьей воле все вдруг пошло прахом.

Со времени кончины Евфимии ему приходилось осторожничать да угождать, а от этого на душе кошки скребли. Внутри он весь буквально кипел, беспомощно наблюдая, как эта блудница с улицы Женщин все сильнее и сильнее завлекает Юстиниана в свои силки, как ее власть над принцем делается совершенно безоговорочной.

В эти томительные месяцы он, наедине с собой заламывая руки от отчаяния, на людях курил Юстиниану фимиам, придумывая все новые и новые формы лести. И в то же время он никогда не прекращал строить козни и плести интриги ради той минуты, когда снова подвернется благоприятная возможность. Он сохранил костяк тайной организации, созданной в течение пяти дней у него на вилле, и много внимания уделял тому, чтобы ее члены были готовы в любой момент выступить для решительных действий.

Иоанн часто встречался с проникательнейшими православными иерархами, которые были теперь и сами не прочь избавить империю от монофизитствующей супруги Юстиниана, и обсуждал с ними не только политические вопросы, но и пути достижения этой цели. Втайне от церковных иерархов он поддерживал также тесные контакты с главарями партии Зеленых. Иоанн оказался опытным политиканом и умело пользовался обоюдоострым мечом религиозных противоречий, заставляя его наносить удары то в ту, то в иную сторону. Другими слоями общества он также не пренебрегал. Не считая собственных шпионов и соглядатаев, к его услугам была тайная сеть евнухов, нашептывающих в уши патрициев и патрицианок, которым они прислуживали, грязные сплетни о принце и его супруге. Более того, он постоянно внушал Ипатию и Помпею, пожилым племянникам покойного императора Анастасия, что с ними обошлись несправедливо, не объявив наследниками трона после Юстиниана.

Теперь же, с приближением смерти императора, Иоанн Каппадокиец вновь уверовал, что близится его час.

Оставалось только решить, а стоит ли сажать на трон императора-марионетку? Конечно, династические связи

Ипатия и Помпея придавали видимую законность восшествию одного из них на престол, чтобы послушно исполнять все, что бы ни продиктовал влиятельный человек, находящийся в тени. Но почему бы этому человеку самому не занять трон цезарей?

Впрочем, в любом случае подлинным правителем останется он, Иоанн из Каппадокии.

До сих пор захвату власти, к которому он так тщательно готовился, препятствовало только одно обстоятельство, вернее — только один человек, но теперь эта помеха устранена. Иоанн готов был поздравить сам себя — похоже, ему необыкновенно повезло!

Глупцу Велизарию, видимо, не терпится поиграть в солдатики, помахать мечом. Что ж, милости просим! А как невозмутимо Юстиниан проглотил идею Иоанна! Причем при поддержке Феодоры! Смех, да и только...

С этим Велизарием, начальником эскувитов, дело иметь опасно. Во-первых, его не купишь, а во-вторых — он свое дело знает. Но раз Велизарий со своими комитатами отправляется на север, то теперь Иоанн остается полноправным хозяином положения. Сергей — новый командир эскувитов — преданный ему человек.

Оставалось только ждать смерти Юстина. А едва разнесется над городом погребальный звон, Иоанн приведет в движение свою организацию: эскувиты овладеют дворцом, Зеленые возглавят народные массы, требующие нового императора, церковь даст официальное благословение и погасит недовольство среди православных, поскольку получит гарантии от нового блюстителя престола.

Какова же окажется участь Юстиниана и Феодоры? Тут и колебаться не приходится. Смерть, только смерть! Иоанн даже позволил себе поразмышлять над тем, какой казни следует предать этих двоих, когда они окажутся у него в руках.

Он живо вообразил хрупкую фигуру Феодоры, стоящей у плахи на коленях. Шея ее обнажена — приготовлена для орудия палача. Довольно-таки милая шейка, нельзя не согласиться. Меч мягко, словно бы со сладострастием, блеснет и опустится. Мастерский удар!

Иоанн удовлетворенно облизнулся.

Да, выбор сделан. Меч и плаха. Лучше не придумаешь.

Феодора часто посещала теперь то крыло дворца Гормизды, которое полностью отдала людям святой жизни.

Однако во время одного из таких посещений она вдруг внимательно осмотрелась вокруг.

В этом крыле был сад, окруженный стеной, который Феодора превратила в живописнейший и уютный уголок. Теперь, однако, красота этого места изрядно поблекла в присутствии оравы немых монахов и отшельников, опекаемых ею.

Зрелище было удручающим: прекрасные покои и залы превратились во множество обитателей, заполненных нищенствующими праведниками самых различных орденов и сект. Гнездились их здесь сотен пять, не меньше, всех степеней святости и священной одержимости.

Со всех сторон несло пение псалмов и посвист бичей — это наиболее благочестивые истязали собственную плоть, оглашая воплями опочивальню, где Юстиниан некогда ласкал свою возлюбленную. На месте затоптанных цветников те из подвижников, кто испытывал потребность в уединении, вырыли землянки.

Следует, однако, заметить, что все эти истязания и изнурения плоти, как и молитвенный пыл, заметно шли на убыль, когда звучал призыв к трапезе. Ни один пустынный не поставил свою хижину вне пределов слышимости обеденного колокола.

Необыкновеннее всего остального выглядели две колонны, воздвигнутые в саду по повелению Феодоры для двух фанатиков, жаждавших посостязаться в благочестии со святым Симеоном Столпником, сирийским аскетом, тридцать пять лет проведшим на верхушке колонны, ни разу не моясь, но проповедуя перед великими толпами почитателей и творя чудеса.

Оба Феодорины столпника подражали своему предшественнику в этом подвиге святости весьма успешно, если не считать одного — там, где кишмя кишат пророки и проповедники, желающему наставлять на путь истинный нет никакой возможности собрать аудиторию, а это, согласитесь, выведет из себя кого угодно. Поэтому, стоило появиться их хозяйке, как они принимались до хрипоты выкрикивать набожные увещевания, которым та всякий раз почтительно внимала. Но когда подавали пищу, оба столпника также не отставали: на веревках с колонн опускались целые бадьи, куда слуги наваливали аппетитное жаркое. А поскольку жизненное пространство у подвижников было край-

не ограничено и двигались они мало, то на этих своих столпах они изрядно отучнели.

И в этот вечер праведники уминали за обе щеки от ее щедрот. Как и большинству монахов и отшельников, им было сейчас не до благочестивых и дерзостных речений по ее адресу, они были слишком заняты, набивая брюхо. За едой они чавкали и причмокивали, как самые что ни на есть обыкновенные люди с волчьим аппетитом, а вовсе не избранные существа, сытые одним духом. Кроме того, сия женщина, несомненно, являлась орудием сатаны, пусть и была супругой наследника престола, потому что ежели святой отшельник позволял глазам своим задержаться чересчур долго на ее лице и теле, то подлый враг рода человеческого потом неоднократно истязал его во сне ужасными видениями плотских утех. Средством против этого были только воздержание от пищи и самоистязание, так что куда дешевле себе было отвернуться, полностью погрузиться в еду и нескончаемо спорить с соседом о неясных сторонах теологии.

Феодора уже собиралась уходить, когда какой-то отшельник поднял на нее глаза и отставил свою плошку в сторону.

Выбравшись из-за стола, он, припадая на одну ногу и опираясь на костыль, заковылял к ней, осыпая ее при этом обвинениями и обличениями. Она же терпеливо ждала, пока несчастный выговорится.

Другие попрошайки, безразлично взглянув на нее, вновь уткнулись в миски.

— Трижды проклятая Иезавель*! — кликушествовал колченогий отшельник. — Гнусная змея, злосмрадная искусительница, порождение блудилища!

Феодора привыкла к такого рода речам из уст своих лицемерных гостей. Но что-то в этом человеке заставило ее присмотреться к нему более пристально. Кажется, она где-то видела его прежде... хотя отшельническое одеяние как-то не вязалось с этими неясными воспоминаниями.

— Покайся! — рычал схимник. — На коленях моли у Господа Бога отпущения грехов! — Он оперся о костыль, и голос его стал менее резок. — И знай, женщина, что Господь может простить даже такую грешницу, как ты. Мой настоятель по своей великой доброте прислал со мною молитвы, написанные им для тебя. Вот они — на этом пергаменте.

И заклинаю тебя, не пренебреги ими, а отправляйся в покой и, прочтя, вознеси эти молитвы, потому что они могут помочь даже такой великой грешнице в Судный День.

Он протянул шелушащуюся от грязи руку, и она взяла пергаментный свиток.

— Мой добрый отче, — сказала она, глядя ему в глаза, — передай своему настоятелю, что я непременно вознесу эти молитвы сейчас же.

Бормоча слова анафемы, отшельник поковылял обратно к своему месту за столом, а Феодора торопливо возвратилась в свои покои.

Теперь она вспомнила, где видела этого человека прежде. Это был тот колченогий нищий по прозвищу Исавр, которого она не раз заставляла за беседой с Айосом. Эти «молитвы» — самый безупречный способ снестись с нею, и нищий не ошибся, выбрав его. Всех этих проповедников, монахов и отшельников, чаще всего незнакомых друг с другом и явившихся из самых разных земель отведать от ее стола, никто никогда не досматривал. В это крыло дворца вел особый вход из города, а само оно было отгорожено от жилой части и двора. Это была прекрасная возможность для переодетого в одежду праведника встретиться с нею, ведь святых людей она навещала часто.

Оставшись в одиночестве, Феодора развернула свиток и принялась читать, и сейчас же у нее бешено заколотилось сердце. Записка гласила:

«Остерегайся того дня, когда скончается император! Его смерть станет сигналом к захвату престола. И тогда вы с наследником обречены на смерть. Пишущий не знает главарей заговора, но все же советует не доверять никому».

Внизу свитка был нарисован ослик.

Записка была загадочной. Конкретных указаний не было, и тем не менее это была вся информация, которой владел Айос. Имен заговорщиков он не знал, как не знал и того, каким образом они намерены захватить престол, но до его ушей дошло, что существует какой-то широкий тайный заговор. Феодора слишком хорошо знала Айоса, чтобы отнестись к его предупреждению легкомысленно.

Она еще раз перечитала записку. Слова «день, когда умрет император» были подчеркнуты.

А ведь это может произойти и завтра — или даже в ближайшие часы.

Ее охватила тревога. Она готова была броситься во дворец Дафны, где сейчас принимал чиновных посетителей Юстиниан, но вовремя остановилась — столь необычный поступок несомненно привлечет внимание. Заговорщики наверняка следят не только за наследником, но и за каждым ее шагом. Могут возникнуть подозрения, что заговор раскрыт, и тогда будут предприняты некие шаги, не дожидаясь кончины старого императора.

Тогда она принялась ждать Юстиниана, меряя шагами покой, бледная и едва ли не теряющая рассудок. В таком состоянии, к своему удивлению и беспокойству, ее и нашел Юстиниан, явившийся довольно поздно.

— И ты этому веришь? — было первое, о чем он спросил.

— Это передал тот, кто не станет обманывать, — ответила она.

— Кто он?

— Никто. Его имя, если я его назову, ничего не скажет. Это старик из самых низов, знавший меня в детстве.

— Но как такой человек сумел обнаружить заговор?

— Не знаю. Но вот что я знаю точно: если бы он не был уверен, то не прислал бы этого предупреждения.

Больше Юстиниан вопросов не задавал, а принялся обдумывать ситуацию — нет ли еще каких-либо очевидных фактов, подтверждающих существование заговора.

— В городе тихо, — промолвил он. — В провинциях тоже спокойно. Во дворце ничто не внушает тревоги. Допустим, предатели решатся нанести удар. Как они собираются это сделать? Я приведу в готовность эскувитов.

— Эскувитов?! А разве на них можно положиться с тех пор, как отбыл Велизарий?

Внезапно она вспомнила странное выражение облегчения и едва сдерживаемой радости на лице Иоанна Каппадокийца, когда Юстиниан велел Велизарию выступить в поход против авар. Должно быть, избавиться от Велизария входило в планы заговорщиков — сомнений тут быть не могло.

Но может ли она выдвинуть обвинение против префекта претория? Нет. У нее нет ни малейших доказательств. Ничего, кроме интуиции и старой неприязни. И даже если он участвует в заговоре, он слишком умен, чтобы оставить хоть какой-то след.

И впрямь сейчас не время обличений. Если у нее не

будет неопровержимых доказательств, непоколебимое доверие Юстиниана к Каппадокийцу ничем не преодолеть, и в бесплодных спорах будет впустую потеряно время. Сейчас гораздо важнее другое.

— Возможно, ты и права, — вдруг сказал Юстиниан, осознав, насколько плохо он знает того, кто сейчас стоит во главе эскувитов. Этого человека по имени Сергей, выходца откуда-то из Сирии, если ему не изменяет память, рекомендовал сам префект претория. Должно быть, этот Сергей человек неплохой, если Иоанн о нем столь высокого мнения, и все же в такое время едва ли разумно полагаться до такой степени на малоизвестного воина.

Он и прежде смутно догадывался о возможной опасности, теперь же не мог удержаться от замечания:

— Мой царственный дядюшка сам создал прецедент, которым, если заговор действительно существует, заговорщики вполне могут воспользоваться. Когда умер Анастасий и не нашлось прямого наследника, Юстин захватил престол, будучи попросту провозглашен императором дворцовой гвардией при бурном одобрении толпы...

И словно следуя мыслью вслед за его рассуждениями, Феодора воскликнула:

— Ты мог бы их опередить!

— Но как?

— А что, если ты взойдешь на трон прежде, чем умрет император?

— Разве это возможно? — нахмурился Юстиниан. — Я не посмею совершить предательство по отношению к человеку, который меня воспитал и наделил властью.

— Почему предательство? Нет, это может произойти только вследствие прямого волеизъявления императора!

Лицо ее вдохновенно засветилось, дерзновенные мысли, сменяя одна другую, проносились у нее в голове, пока она продолжала излагать свои доводы.

Какую-то минуту Юстиниан был не в силах уследить за их логикой.

Никому не доверяй — так писал Айос. Но им необходимо кому-то довериться!

— Пошли за Трибонианом! — вдруг воскликнула она.

— Почему за ним?

— Но ведь ему-то ты полностью доверяешь, верно? Я — тоже. Пошли за ним, и умоляю тебя — не медли! Нельзя те-

рять ни минуты, ведь император может умереть в любой момент. А Трибониану ведомы юридические формулы и обороты, которые могут нам понадобиться, и он не откажется помочь.

Свидетелей борьбы, длившейся на протяжении всей ночи в опочивальне старого Юстина, не было.

Повелением наследника даже Виниций и Василий не присутствовали здесь. У изголовья императора остались лишь Феодора, Юстиниан и Трибониан.

Однако они столкнулись с непредвиденными трудностями. Старик поначалу сомневался, а потом и окончательно заупрямился.

Он был слишком стар, чтобы править самому, и все же его одряхлевший ум восставал против их замысла — он ворчливо отвергал саму мысль о полномочном соправителе, пусть даже это и его собственный племянник.

Мучительным, непереносимо мучительным было это острейшее противостояние умов и стремлений в царственной спальне. А также по-своему жестоким.

Подобно старому волку в западне, вступившему в свою последнюю схватку, Юстин, ощерясь, вжимался в подушки, глаза его гневно пылали, а губы твердили вновь и вновь: «Нет! Нет и нет!»

Они стояли по обе стороны ложа, поражая его своими доводами, одолевая настоятельными просьбами, умащая и заклиная. Момент был отчаянный. От его решения зависела судьба каждого из них, судьба всей гигантской империи.

Старый Юстин разъяренно вперял свой взор в их лица: Юстинианово — напряженное и умоляющее, Трибониана — точеное, холодное, едва ли не насмешливое. И эта женщина! Ее лицо в наибольшей степени приковывало к себе внимание старца. Оно было мертвенно-бледным, полудетским, но, казалось, горело изнутри каким-то неистовым и жарким пламенем: лоб пересекли напряженные складки, рот страстно сжат, а глаза смотрели на Юстина безжалостно требовательно.

Даже наследник, глядя на нее, терялся. Та ли это женщина, которую он знает и любит? В этот миг она казалась опасной, как кобра перед броском.

Он заставил себя отвести взгляд. В самом деле, не ради него ли она все это делает?..

В конце концов вся схватка свелась к столкновению двух волей: императора и женщины.

И только далеко за полночь старик, совершенно изнеможенный, сдался с жестом отчаяния. Его седая голова упала на грудь.

— Принесите пергамент и... остальное, — произнес он дрожащим голосом.

Именно в этот момент заговорил Юстиниан, и то, что он произнес, было совершенно неожиданным:

— Я полагаю, что Феодора, моя супруга, также должна стать соправительницей...

В воздухе повисло изумленное молчание. Это было неслыханно! Соправительница на императорском престоле — женщина? Такого в истории ромеев еще не бывало.

Феодора открыла было рот, чтобы возразить, но жест принца, остановивший ее, был настолько властен и категоричен, что заговорить она так и не решилась.

— Она заслужила это! — добавил Юстиниан. — Кто первым заподозрил подвох в предательском предложении царя Кавада? Кто предложил мудрый ход, благодаря которому мы разрушили могучий союз, подготавливаемый Персией? И Феодора же первой дозналась об этом заговоре, и ей принадлежит план, благодаря которому мы этот заговор задушим в зародыше. Прямой резон, чтобы она правила вместе со мной!

Старый император слишком устал и ослаб, чтобы возражать на это новое предложение.

Через минуту Трибониан с непроницаемым лицом добавил на пергаменте короткую фразу, которая навсегда вознесла дитя улиц на небывалую высоту.

После этого старик Юстин, не попросив даже перечитать ему документ, приложил к нему печать и трафарет со своей официальной подписью.

Затем он провел рукой по глазам, и Трибониан увидел, что она дрожит.

ГЛАВА 24

Никогда двор и город не были так потрясены каким-либо известием.

Указ императора о провозглашении соправителей был

несомненно подлинным: на нем красовалась подпись пурпуром, сделанная по всем известному золотому трафарету «LEGI».

Под барабанный бой, в сопровождении гвардии, горластые глашатаи зачитывали указ на всех площадях и перекрестках города; указ также был вывешен во всех людных местах, где обычно предавали гласности обращения к народу и новые законы, так что никто не мог сослаться на незнание.

Юстин, император ромеев, «по праву врученной ему Богом власти и из огромной любви к народу империи, а также ради безопасности и процветания всех ее городов и провинций, а также с учетом собственного возраста и нездоровья» провозглашал, что жалует титул и полномочия императора своему возлюбленному племяннику Юстиниану, которого считает собственным сыном, а также титул и полномочия императрицы Феодоре, законной супруге Юстиниана, каковые впредь будут ему соправителями, получив всю власть, полномочия и почести, соответствующие короне и трону. Означенные Юстиниан и Феодора будут пожизненно править после него, а по их смерти престол перейдет к их наследникам в согласии с законом и обычаем.

Указ явился полной неожиданностью, и в его смысл вникали, разинув рот от удивления.

Но больше других был поражен Иоанн Каппадокиец, застигнутый врасплох.

Усердно и скрупулезно он перечитывал пергамент, с трудом шевеля при этом толстыми губами. Надо же! Юстиниан — соправитель, и жена его тоже соправительница! Феодора, девчонка из непотребного дома — на троне! К тому же она его заклятый враг!

Как же такое могло случиться?! Невозможно поверить глазам.

Внезапно он осознал, что совершенно беспомощен перед свершившимся фактом. Действия Юстиниана и Феодоры были столь дерзки и беспрецедентны, что предвидеть их он никак не мог. Но теперь ничего не поделаешь: механизм заговора, который он создал, слишком сложен и громоздок, его почти невозможно перенацелить, да и условия сейчас не те. Необходимо, чтобы император умер и трон временно был свободен. Судьба вновь изменила ему.

Но почему Феодора?! Почему?

С Юстинианом он мог бы справиться даже после восшествия на престол, умственные способности племянника императора он ни во что не ставил. Но по отношению к Феодоре, даже при том, что он ее ненавидел, ничего, кроме уважения, он не испытывал. Ум у нее был острый и безжалостный, как кинжал.

Великий пост близился к концу, а по обычаю всякие торжества можно было устраивать лишь после Пасхи.

Но время для Юстиниана и Феодоры значило слишком много. За неделю до Светлого Воскресенья, когда все церкви были заполнены богомольцами, врачи передали принцу, что старому императору стало гораздо хуже. Возможно, это ухудшение было вызвано ночным состязанием в силе воли, которое окончилось тем, что Юстин уступил и подписал свой указ, но как бы там ни было, дышал он сейчас с трудом, не принимал пищи, а временами надолго впадал в беспамятство.

Имперский совет и Сенат в этот день были уведомлены, что откладывать коронацию новых правителей более невозможно. Разумеется, чтобы организовать обряд и богослужение с подобающей случаю пышностью, требовалось время, но Юстиниан повелел ускорить приготовления, наметив датой коронации Чистый четверг.

Это был день, в который исполнялся старинный обычай ритуального омовения ног бедноты и раздачи милостыни в память о Тайной Вечере; запрещалось ходить в гости и встречаться с друзьями. Услышав весть, что интронизация соправителей состоится в этот день, многие благочестивые, в особенности священники, ужаснулись.

Но Юстиниан стоял твердо, и таково было его повеление.

В эти дни он словно увидел Феодору новыми глазами. Для него явились полной неожиданностью проявленные ею твердость и ясность ума. Она нашла блистательное решение, а затем без колебаний его осуществила, и это было тем более неожиданно, что до сих пор он ценил в ней прежде всего шаловливую нежность и мягкость. Но именно эти новые качества подтолкнули его к внезапной мысли предложить объявить ее соправительницей. Да, он любил ее, но не любовь толкнула его на этот шаг.

Однако, несмотря на то, что в ночь схватки со старым Юстином Феодора предстала воплощением могучей и без-

жалостной силы, теперь, готовясь к коронации, она вовсе не чувствовала себя уверенно. Ее преследовало ощущение, что над ней нависла огромная опасность. Мудро ли восходить на трон, если это окажется фатальным? Не преступил ли Юстиниан некую черту, вознеся женщину, чье прошлое было слишком хорошо известно черни?

Феодору терзали страхи и сомнения, и последующие несколько дней она пребывала в каком-то оцепенении...

Они покидали дворец Гормизды незадолго перед полуднем. Ее с Юстинианом несли в блистающем паланкине шестнадцать великолепно разодетых носильщиков, двигаясь вдоль длинного строя надменно-величественных эскувитов. Перед носилками выступали сорок трубачей, которые время от времени торжественно трубили в серебряные трубы. За ними во всем великолепии парадных одеяний шествовали четверо высших сановников империи.

У храма Святого Стефана императорская чета покинула паланкин, а когда они вступили в придел, хор священников и диаконов величественно запел псалом. Церковь была битком набита, а в алтаре теснились архиепископы и высшие иереи.

Гиппия Родосский, преподобный патриарх, в сопровождении священнослужителей и псаломщиков встретил Юстиниана и Феодору у входа, благословил, окропил святой водой, окурил ладаном и провел к алтарю под неумолкаемое пение хора.

Затем последовало бесконечное стояние на коленях, пока звучала молитва, шли требы, распевались псалмы и совершалось причащение.

Наконец они встали и повернулись лицом к толпе. На плечи обоим набросили императорские мантии из самых дорогих тканей, шитые золотом и украшенные драгоценными камнями. На голову Юстиниана патриарх возложил венец императора, а затем увенчал таким же Феодору.

Величальное пение хора достигло кульминации. Присутствующие опустили на колени.

Увенчанные коронами и царственными регалиями, получившие благословение церкви, Юстиниан и Феодора прошли сквозь толпу на паперть, где их ожидал блистательный эскорт сановников, чтобы сопровождать дальше.

Плотная толпа, сдерживаемая эскувитами, напирала в надежде увидеть новых правителей во время их краткого

перехода во дворец Халк. Все, кому под любимым предлогом удалось пробраться на дворцовую территорию, уже были там, не говоря о сенаторах, послах и патрицианской знати, которые ожидали в консistorии — тронном зале, где Юстиниан и Феодора должны были принять титул и трон, а сенаторы — присягнуть им.

Не менее пяти тысяч зрителей толпились, вытягивая шею, вдоль пути следования императорской четы, когда те торжественно прошествовали ко дворцу Халк, сопровождаемые все теми же трубачами и окруженные сановниками.

Эти тысячи глаз отметили, что венец императрицы, украшенный бриллиантами и самоцветами, а также увитый жемчужными нитями, ниспадающими вдоль щек, в котором так дурно выглядела старая императрица Евфимия, словно специально был создан для новой императрицы, Феодоры, чтобы обрамлять ее блистающую красоту. Феодора носила венец, как и тяжелое пышное одеяние, с невиданными доселе грацией и очарованием, и казалось, что драгоценности и ткани от этого становятся еще краше, еще богаче.

Прекрасная пара! Зеваки не могли удержаться от одобрительных возгласов:

— Многая лета!

— Многая лета!

Старинное греческое хвалебное восклицание, которым подданные одобрительно приветствовали вновь коронованных правителей, снова и снова вырывалось из тысяч глоток. Оно слышалось во всех уголках дворца, на улицах и площадях за дворцовыми стенами, в Августеоне, где уже собрались простолюдины — тысяч сто, чтобы поглазеть на новых императора и императрицу.

И вот наконец Феодора и Юстиниан появились перед дворцом Халк.

Раздалось зычное приветствие выстроенных в три ряда по обе стороны от входа эскувитов, взметнулись в едином порыве копыта, словно заработала огромная и сложная машина.

И вновь загремели трубы. Император со свитой миновали широкий портал и проследовали дальше длинным залом, богато украшенным бронзой и мрамором, вдоль стен которого стояли новые шеренги эскувитов, образующие сверкающий серебром коридор.

У тройных инкрустированных слоновой костью дверей, ведущих в тронный зал, вновь грянули трубы, оглушая в этом замкнутом пространстве, — и правитель дворца Василий возвестил:

— Все ниц! Их великолепные величества император и императрица ромеев!

Словно хлеба перед серпом, все присутствующие в зале аристократы, мужчины и женщины, опустили на колени, а затем пали ниц. Феодора, опираясь на руку Юстиниана, как во сне, прошла к возвышению с пурпурно-золотым балдахином под золотистым сводом и двумя одинаковыми, украшенными драгоценными камнями престолами на нем.

Они медленно поднялись на семь ступеней и повернулись лицом к собравшимся, все еще расprostертым на мраморном полу, а затем торжественно опустили на тронные места.

После чего Юстиниан сказал:

— Поднимитесь, о люди!

И все как один присутствующие, поднимаясь на ноги, воскликнули:

— Многая лета вашим императорским величествам!

Трубы вновь подали голос, призывая к тишине. После чего вперед выступил седовласый квестор Прокл и торжественно огласил указ, уже хорошо всем знакомый. Патриарх пробубнил молитву. Скрытый за драпировками хор запел хвалебную песнь в честь новых монархов, которую придворные музыканты спешно сочинили к торжеству.

После этого верховные должностные лица империи, возглавляемые префектом претория, чья плешивая голова блестела от пота, друг за другом выходили вперед и, опускаясь на колени перед престолом, произносили формулу присяги на верность, которую впоследствии обязаны будут принять не только все наместники провинций и высшие сановники, но также и все чиновники империи, вплоть до мельчайших:

«Клянусь Отцом, Сыном и Святым Духом, Девой Марией и Евангелием, которое держу в руках, а также святыми архангелами Михаилом и Гавриилом по чести и совести быть верным, ревностно служить и выполнять все пожелания и повеления, усердно исполняя все поручения и обязанности, возложенные на меня Юстинианом и Феодорой, его супругой».

Присяга была новой по форме, поскольку в верности клялись сразу двоим. Формулировки не были достаточно четко выверены, и впоследствии кое-кто обратил внимание на два последних слова, ибо выходило, что если Юстиниан умрет прежде Феодоры, то тогда присяга, по-видимому, не обязывает хранить верность Феодоре, поскольку в этом случае она будет уже не супругой, а вдовой. И хотя впоследствии эта неточность обсуждалась с новой императрицей, она, однако, никогда не пыталась что-либо изменить.

Пять часов потребовалось на коронацию новых государей, их восшествие на престол и затянувшийся ритуал принесения присяги главными сановниками империи. Но наконец все церемонии завершились, и Юстиниан с Феодорой одновременно встали и покинули консисторий, миновав три бронзовые двери. Отныне этот удивительным образом вознесшийся македонский крестьянин и девушка с улицы, его жена, не должны больше входить в тронный зал и выходить из него через те же двери, что и простые смертные.

Они вышли на открытую галерею с прекрасными статуями. Там их уже ждала, склонившись в глубоком поклоне, свита. Вновь загремели трубы, и Феодора поняла, что они с Юстинианом направляются к парапету, выходящему на Августеон, чтобы явить себя народу.

Она взглянула вниз. Громадная площадь была черным-черна от многих тысяч голов, под ее ногами кипело людское море, и приглушенный гул голосов возносился над толпою, словно мурлыканье дремлющего тигра.

Раздался трубный голос глашатая:

— Их благородные и великодушные величества... Прославленные и восхитительные императорские высочества... из великой любви и расположения к своим верным подданным... и в связи с удивительным событием... особые пожертвования в пользу бедных... прощение мелким преступникам... раздача хлеба и вина... Воздадим должное властителям, о народ!

Могучий рев толпы потряс воздух:

— Многая лета!

Феодора увидела, как Юстиниан поднял руку, приветствуя толпу, и попыталась сделать то же.

И почувствовала, что у нее дрожат колени.

Она глядела поверх голов, чувствуя в толпе скрытую уг-

розу, которой никто из стоящих на галерее не сознавал. Она знала эту толпу так, как никто из них.

Сомнения и страх охватили ее. Что сделало ее великой? Чем она отличается от того ребенка, который сидел у Ипподрома с маленькой медной чашкой и просил милостыню? И чем она, нынешняя, лучше куртизанки, продававшей молодость и красоту жирным распутникам?

А ведь ни в чем существенном она не изменилась. В ее жилах по-прежнему течет та же кровь, у нее та же гладкая кожа, которая знавала когда-то рубище, а теперь облачена в шелка и золототканую парчу.

Юстиниан сказал, что она заслужила венец. Возможно, что и так, но это надо доказать другим.

Великое множество, огромная, кипящая, снующая масса народа в эти минуты пугала ее так, как никогда в жизни она еще не пугалась; даже когда ей рукоплескали, она чувствовала на себе мириады глаз, следящих за нею, оценивающих ее и не всегда благосклонных.

С площади все еще доносился гром приветственных кличей. Придворные сочли это добрым знаком, хотя и было известно, что народ недоволен одним обстоятельством: поскольку сейчас Великий пост, игры и бега колесниц на Ипподроме, как и пышные уличные процессии и зрелища, которые обычно знаменуют восшествие государей на престол, должны быть отложены, если и вовсе не отменены.

Но и придворные испытывали разочарование. По традиции вечером после коронации устраивается пир в триклинии, огромной трапезной с высокими потолками, украшенными золотом, с девятнадцатью пурпурными столами, на которые ставится только золотая посуда. Некоторые блюда из драгоценного металла были настолько велики и тяжелы, что их вкатывали на тележках, а на стол с трудом водружали четверо слуг. Да и все остальное было не менее великолепно, так что подобные пиры запоминались на всю жизнь.

Но из-за того, что ныне был канун дня Казни Христовой, подобное роскошество могло быть сочтено святотатством. Поэтому роптали не только толпы за стенами дворца — им вторило приглушенное недовольство царедворцев в его стенах.

Сразу после коронации произошел курьезный случай.

Когда Юстиниан и Феодора наконец удалились во дво-

рец Сигма, Трибониан в колоннаде за дворцом Халк случайно встретил Иоанна Каппадокийца.

Законник остановился и со свойственной ему насмешливой улыбкой негромко воскликнул: «Ника!»

Иоанн метнул в его сторону испытующий взгляд из-под косматых бровей. С какой стати, спрашивал себя префект, Трибониан решил приветствовать его этим словом в такой час?

Но улыбка Трибониана была совершенно безмятежной.

Что-то пробормотав в ответ, Иоанн поспешил дальше.

Однако случай этот его озадачил. Ночью ему не спалось. Плохо спал он и в следующую ночь.

«Ника!» — вопль торжества черни. В конце концов в его душу закралось страшное подозрение, вызванное ничтожным восклицанием всегда ироничного законника.

А не намекает ли Трибониан на заговор, который уже дважды не удался, или, вернее, дважды провалился?

Если Трибониану о заговоре известно, то не знают ли о нем также и император с императрицей?

Иоанн чувствовал себя словно загнанный вепрь в горах его родной Каппадокии. Как бы он ни злился, как бы ни рыл землю клыками, как бы ни вращал глазками, ему не дано знать, откуда последует смертельный удар...

Его перехитрили, и он был напуган. Самым отчаянным образом он раскаивался в том, что сплел этот заговор, и давал себе зарок, что впредь докажет верной службой преданность новым верховным правителям. И если понадобится — поползет на брюхе и станет лизать сандалии Феодоры. Он был готов на любое унижение, лишь бы снискать расположение венценосцев.

Не было человека, способного более круто изменить свое поведение и самый стиль мышления, чем Иоанн Каппадокиец. Теперь для него началась жизнь, полная страха и отчаяния: никогда отныне он не приближался ни к императору, ни к императрице, не изучив предварительно их лица — нет ли на них выражения недоверия или гнева.

И хотя никаких признаков не было — Юстиниан ни о чем не догадывался, а Феодора, не имея никаких доказательств, скрывала до поры свою давнюю неприязнь, — все же Иоанн по ночам крепко запирает на двойные засовы двери спальни, его постоянно окружали телохранители, вооруженные до зубов. По ночам он часто вскакивал с посте-

ли, весь в холодном поту от того, что наемный убийца, вновь приснившийся ему, незаметно крадетя к нему...

Сохранились свидетельства, что все время, пока он сохранял свою высокую должность, он тем не менее продолжал класть в карман едва ли не десятую долю всех доходов империи, протекавших через его руки.

Жадность, по-видимому, главная движущая сила истории, и она не идет на убыль, даже если живешь в постоянном страхе.

Весьма скоро после коронации Юстиниана и Феодоры старый император умер. Сердце Юстина, дряхлое и слабое, остановилось: он ушел из жизни во сне, без видимых признаков страдания и мук.

Своей пышностью похороны его превзошли даже похороны Евфимии. Но смерть Юстина не вызвала никаких особых потрясений в империи, поскольку власть уже была передана преемникам.

Отныне существовали два двора: двор Юстиниана и двор Феодоры. Но все действительно важные дела решал сам император и его ближайшее окружение.

Намного легче, думала Феодора, оставаться только супругой, предоставив дела государства Юстиниану. Мужчине надлежит заниматься мужскими делами, а женщине — оставаться женщиной.

Однако уже очень скоро она обнаружила, что в ее положении быть только женщиной невозможно. Она была императрицей, и уже тем самым была ущемлена в правах. Канули в прошлое те дни, когда она могла позволить себе безудержную радость, улыбку, обращенную к кому угодно, вздорную болтовню. Теперь то и дело ей приходилось обуздывать себя, сдерживать чувства и оставаться ровной со всеми, как и подобает императрице.

Осторожность и сдержанность были крайне необходимы. Мужчина может заставить других забыть его прошлые прегрешения. Но для женщины такое почти невозможно: ей ничего не прощают — по крайней мере, другие женщины.

В свите Феодоры сложилось весьма странное положение. Придворные дамы смотрели на императрицу свысока, словно не она их госпожа, а они занимают более высокое положение.

Она улыбалась первой даме — и в ответ получала ледяной взгляд. Она пыталась завязать разговор, но всякий раз

ей отвечали однозначно, безразлично, а то и презрительно-надменно. Она оглядывалась вокруг, но не видела дружеских лиц. Это был какой-то сговор.

Поначалу она не представляла себе, как с этим быть, но понимала, что нельзя оставить все как есть. Более того, поскольку это чисто женское дело, то справляться с ним ей придется самой.

В эти первые дни молодая императрица чувствовала себя очень одинокой, временами у нее совсем опускались руки. Придворные дамы, ехидно улыбаясь, воспринимали это как свидетельство того, что им удалось-таки показать маленькой выскочке, что она вовсе не ровня тем, кто родился благородным.

Но они еще не вполне осознали разницу между Евфимией, которую им удалось подчинить себе, и Феодорой, готовой сражаться любым оружием.

Прежде она пыталась быть мягкой — и ничего хорошего из этого не вышло. Что ж, она испробует кое-что другое. Необходимо предпринять два шага: преподать придворным урок, чтобы они не смели впредь злословить, и подчинить придворных дам своей власти.

То, что она предприняла, запомнилось надолго.

Среди царедворцев был молодой германец по имени Ареобинд, высокий красивый молодой человек, немного шеголь, перевязывавший золотистые длинные волосы лентой, прекрасно сложенный. При дворе он появился вместе с посольством варваров, и так как жизнь ромеев ему приглянулась, решил остаться, тем более, что пользовался большим вниманием у женщин, к которым и сам был безразличен. Сама Феодора была к нему благосклонна, но тевтон неверно истолковал ее дружелюбие, что нередко бывает с тщеславными юношами.

Только очень недалекий человек мог повести себя таким образом, однако Ареобинд, видимо, был именно таким человеком. Однажды императрица улыбнулась ему. Он прихвастнул перед товарищем своими успехами и стал рисоваться перед нею, словно деревенский подросток, желающий привлечь внимание соседской девушки.

Некоторое время Феодора оставляла это без внимания. Но потом до нее дошло, что молодой придворный хвастал, что императрица не может отвести от него глаз. Это уже

грозило скандалом, в котором ее имя связывали с германцем. Пора было что-то предпринять.

Проходя как-то с приближенными через атрий дворца Сигма, Феодора заметила Ареобинда, разговаривавшего с каким-то эскувитом.

Императрица взглянула в их сторону. Многозначительно подмигнув собеседнику, Ареобинд вытянулся в струнку. Она пристально продолжала смотреть в его сторону. Юноша оказался не из робких и не отводил глаз. На губах его играла ухмылка.

Этого оказалось достаточно. Она приказала эскувитам: — Схватить его!

Ареобинд был поражен. И тем не менее в руках стражи держался стойко, даже пытался сохранить улыбку. Наверняка, полагал он, ничего серьезного с ним произойти не может.

И тут же почувствовал, что с него срывают тунику.

Через мгновение кнут со свистом впился в его спину.

Во все время бичевания Феодора стояла рядом, наблюдая, ибо наказание должно было исполняться в ее присутствии. Если бы она отвернулась, ее поступок истолковали бы неверно. На лице у нее не дрогнул ни один мускул, она смотрела, как полозуют кнутом окровавленное тело, до тех пор, пока Ареобинд не потерял сознания.

На следующий день глупого германца посадили на корабль и отправили на родину, где следы его затерялись. Зато другим молодым людям, осмеливавшимся смотреть в ее сторону, а также тем, кто болтал о ней неуважительно, она показала, что может быть и жестокой.

И тем не менее ей предстояло еще разобраться с теми женщинами, кто распускал слухи о том, что Феодора — новая Мессалина на престоле, что представляет великую опасность для государства.

Когда Феодоре донесли об этих слухах, она ничего на это не сказала.

Но уже на следующий день произошло событие, ошеломившее всех. Был арестован и обвинен в казнокрадстве Сильвий Тестор, который разбогател, будучи сборщиком налогов в Галатее. Имущество его было конфисковано, а самого его приговорили к высылке вместе со всем семейством, запретив впредь возвращаться в столицу под страхом смерти.

Имя Софронии, супруги Тестора, которая и была источником сплетен, не называлось. Но, конечно же, все, включая самого Сильвия, их дочь Тиспасу и зятя Герона, который вынужден был с ними разделить изгнание, знали, что виноват во всем ее длинный язык. А то, что Сильвий Тестор чистосердечно признал свою вину, вовсе не помешало ему ненавидеть жену всю последующую жизнь.

Целое семейство было вырвано с корнем из самой гуши придворной жизни — это было недобрым знаком. Двор затаился в тревожном ожидании: что последует за этим?

Но никого больше не тронули.

Следующий шаг Феодоры был чисто женским.

Однажды утром в списке придворных дам появилось два новых имени: Антонина и Хризомалло.

Кто они такие? Никто не знал.

Через неделю новенькие появились при дворе императрицы и были представлены. Несомненно, они были хороши собой: одна — рыжая, другая — золотоволосая, обе стройные и гибкие, хотя кое-кто отметил, что они, пожалуй, чересчур смело разглядывают мужчин.

Их никто не знал, и вокруг них строилось множество догадок. Откуда они? Из Сирии, Египта, а может, из самой Киренаики? Все гадали, но никто не мог сказать определенно.

Первые подозрения зародились в голове у Флоры. Она поделилась ими с другими дамами, а вскоре появились и бесспорные доказательства.

Эти девушки — куртизанки!

Оказалось, что эти девицы, воспользовавшись разрешением, дарованным этой категории особ, вышли замуж и стали, так сказать, уважаемыми матронами, по крайней мере, формально. Ходили слухи, что мужей им подыскала сама императрица. Хризомалло стала женой торговца шерстью. Антонина оказалась вдовой — муж ее, пожилой купец, умер вскоре после того, как взял ее в жены. Но до этого обе были, несомненно, шлюхами.

При дворе зрело возмущение. Надменные патрицианки кипятились. Открыто говорили о том, чтобы в полном составе покинуть двор — пусть императрица остается с этими уличными девками.

На следующий день Феодора собрала своих дам, улыбнулась им и сказала:

— Мне приятно сообщить вам, что госпожа Антонина назначается первой дамой императорских покоев, а госпожа Хризомалло — первой дамой императорских купален.

Последовавшее изумление трудно описать. Эти должности были высшими женскими должностями при дворе, по праву принадлежавшими самым знатным и высокородным.

Какое оскорбление!

Феодора дала возможность накопиться их гневу до того предела, когда они были уже готовы взорваться, и заговорила вновь:

— Полагаю, что все вы будете выказывать к этим господам полное почтение, как того требуют их высокие должности, ну а если кто окажется не в силах, это будет расцениваться как оскорбление трона.

Таким образом она им это и преподнесла. Улыбка все еще играла на ее лице, но взгляд был холоден.

Перед ними была далеко не Евфимия: за этой улыбкой скрывалась смертельная угроза, она бросала им вызов.

Возмущение внезапно угасло. Почувствовав, как от ужаса леденеет кровь, дамы смирились. Всем разом вспомнилось, что стало с семьей Софронии. Те же, кто намеревался демонстративно удалиться, передумали.

Это была полная победа.

Сделав приближенными подруг молодости и вынудив придворных дам признать их верховенство над собою, императрица бросила вызов надменной неприязни двора, причем в самом больном вопросе. Добиваясь послушания, она сделала так, что ее перестали осуждать за прошлое.

И никогда больше ее авторитет не подвергался сомнению. Единодушная неприязнь к ней миновала, как нетяжелая болезнь, и о ней забыли.

Кроме того, взяв ко двору Антонину и Хризомалло, Феодора выгадала кое в чем. Иногда в компании этих двоих она могла побыть самой собою, чего не могла позволить себе с другими.

И она всегда высоко ценила бескорыстную привязанность Хризомалло. Антонина была менее беззаветна, но ее она приблизила с другой, особой целью.

Спустя три месяца после того, как новые император и императрица взошли на трон, Велизарий вернулся в столицу и был удостоен всенародного триумфа.

Он преподавал опрометчивым аварам такой урок, что это варварское племя просило пощады и поклялось никогда более не совершать набегов на рубежи империи. Ко двору были отправлены высокородные заложники. Часть аварских пленников была продана на невольничьем рынке, немало аварских воинов было зачислено в комитаты.

В большом тронном зале Феодора восседала рядом с императором. Велизарий в серебряном нагруднике, ало-золотистой тунике и мантии с пурпурной каймой преклонил перед тронном колени. Юстиниан возложил на его шею цепь с массивными звеньями из чистого золота и подвеском в виде креста с самоцветами, наложенного на золотой шит, и провозгласил его главнокомандующим всеми силами империи.

Феодора отметила, что Велизарий изрядно загорел. После похода у него изменилась манера держаться, величественной стала осанка, а его голова с густой темно-рыжей бородой теперь совсем походила на львиную. Когда он взглянул на нее, бывшее восхищение появилось в его взгляде. Вот он, настоящий мужчина, мечта любой женщины!

От этой мысли она нахмурилась и с новой силой вспомнила об ограничениях, которые налагало ее высокое положение. Одним из наслаждений женского естества является бурная фантазия, но даже помечтать она теперь не имела права. Ей порой казалось, что трон, на котором она сидит, делает ее бесполой.

Ей также пришло в голову, вызвав некоторое раздражение, что корона ни в коем случае не освобождает от женских проблем. Это его восхищение по-прежнему небезопасно. С этим надо что-то сделать, а это нелегко, потому что с Велизарием нельзя обращаться так, как со всеми прочими.

После торжественной церемонии Феодора сказала полководцу:

— Пожалуй завтра на аудиенцию ко мне. Расскажешь о походе.

Но в запасе у Феодоры имелось кое-что более важное, чем любезная беседа, ведь именно для этой цели она и предназначала Антонину.

Когда на следующий день явился Велизарий, его представили этой зеленоглазой сирене, опытной и безжалостной в обращении с мужчинами. Как только ей показали на-

меченную жертву, глаза Антонины лукаво засмеялись, и она превратилась в кошку на охоте.

Для нее все было проще простого: мужчина, не привыкший к женщинам, но со здоровыми инстинктами, с которой она, большая мастерица, вольна использовать какие угодно женские уловки и хитрости.

В этой охоте ей нравилось многое. Воин, которого надлежало пленить, был знаменит, и это льстило ее тщеславию. Он был богат, империя щедро награждала его, и это разжигало ее алчность. Он был достаточно привлекателен, и это тоже было немаловажно.

Но вдобавок ко всему этому Антонина почувствовала, что Феодора пасует в разговоре с Велизарием, а для какой женщины не в радость отбить мужчину у другой, которую он боготворит, — триумф вдвойне приятный, так как этой другой была императрица.

То, что она не любила Велизария, не имело никакого значения для ее расчетливого ума. Наверное, она вообще никогда никого не любила, кроме себя самой, прелестной и благоухающей. Возможно, у нее и не было сердца, но обольщать она умела мастерски.

Когда ее представляли Велизарию, она устремила на него долгий пристальный взгляд, который, казалось, проникал в самую душу. Затем она опустила ресницы, чтобы он мог полюбоваться, как лежат они на ее нежных, слегка нарумяненных щеках безукоризненным темным полумесяцем. И когда, обронив несколько слов и улыбнувшись, она отошла прочь, то почувствовала, что воин провожает взглядом ее грациозную фигуру.

Следующей задачей было встретиться с ним наедине. И поскольку Велизарий был не искушен во всякого рода хитростях, он воспринял как чистую случайность то, что она прогуливалась во внутреннем дворике у фонтана как раз тогда, когда он шел мимо.

Полководец учтиво поприветствовал ее:

— Прекрасный вечер, госпожа Антонина!

— Да, — произнесла она задумчиво. — Я любовалась брызгами фонтана — смотри, как заходящее солнце превращает их в маленькие бриллианты...

Она взглянула на него из-под ресниц и застенчиво улыбнулась.

Велизарий намеревался продолжать свой путь, однако

этот нежный взгляд и улыбка польстили бы любому мужчине.

— У меня на службе бывали дни, когда я готов был менять настоящие бриллианты, будь они у меня, на несколько капель такой воды, — ответил он.

— Это, должно быть, ужасно, — прошептала она. — Все эти лишения и риск, которому подвергается тот, кто защищает империю...

Это была одна из тем, которые с небольшими вариациями бесчисленное число раз испытывались на войнах попроще и пользовались неизменным успехом. Для такого человека, как Трибониан, подобные маневры показались бы до смешного очевидными, но Антонина правильно оценила Велизария.

— Ну, не так уж все плохо, — простодушно возразил он. — В войне есть свои положительные стороны.

— Да, наверное, сражение — это настоящее приключение, — сказала она, опустив глаза. — Для такого бесстрашного человека это, должно быть, вызов судьбы. Но воин так часто лишен... лишен житейских радостей...

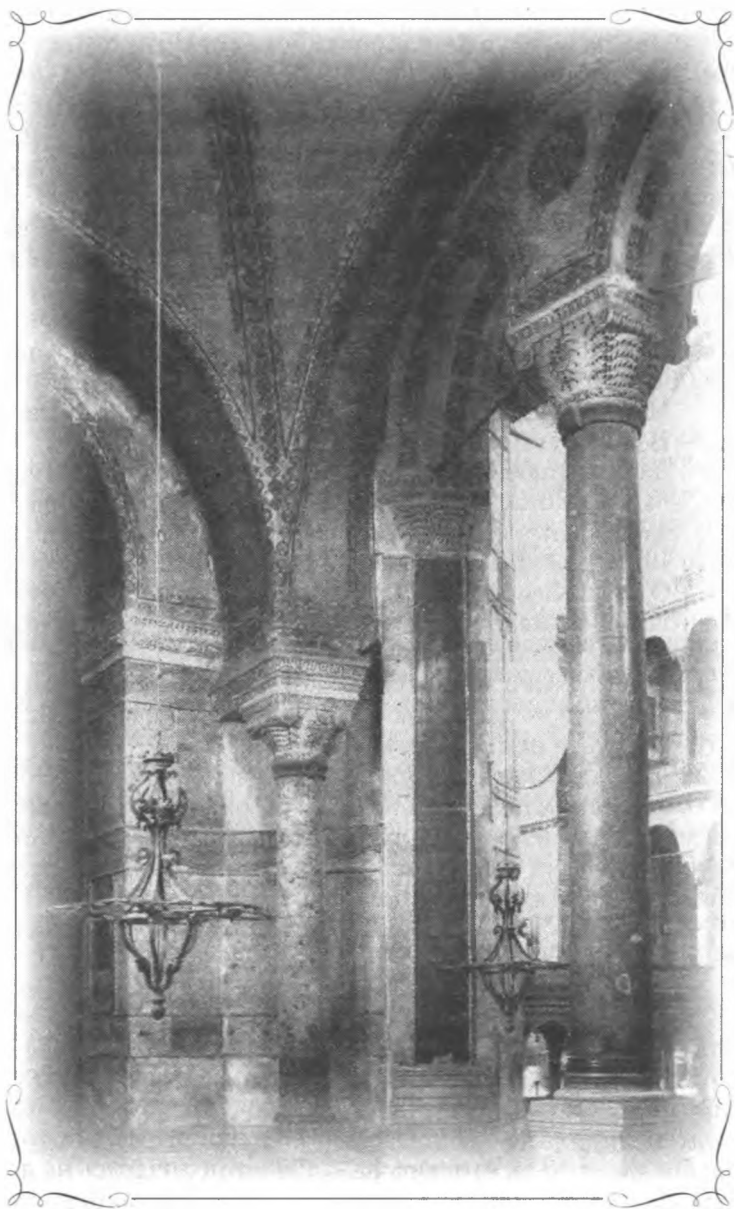
— О, если вы об этом, то многие так не считают. У мужчин в лагере есть свои удовольствия. Некоторые женщины, знаете ли, неравнодушны к военным.

И он негромко гоготнул по-солдатски. Она ответила мелодичным приглушенным смехом, потупив взгляд, как будто его слова немного смутили ее.

У Велизария запылали уши. Он вдруг сообразил, что он, воин, осмелился допустить мысль, что она может проявить к нему интерес из-за того, что он военный. А вдруг она подумала, что он ее сравнивает с теми женщинами из обоза, которых он упомянул! Он онемел от смущения.

— Я... я надеюсь... я не хотел вас обидеть, — пробормотал он.

Она подняла глаза и одной понимающей улыбкой простила ему его неотесанность. Эта улыбка помогла ей добиться своего. Затем уже не составляло труда уговорить его прогуляться в саду. Она усадила Велизария подле себя на одной из каменных скамей в тени виноградных лоз, где блики солнца выгодно освещали ее своенравное и решительное лицо, делая его еще более очаровательным. За несколько минут она использовала весь набор приемов оболъщения, являясь попеременно то вызывающей, то таинст-

венной, то печальной, то веселой, то льстивой, то рассудительной, — эти ошеломительные перепады настроений могли вскружить голову и более умудренному мужчине, чем Велизарий.

Когда они вернулись во дворец, Феодоре достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что Антонина празднует победу. Возможно, некая мысль и уколола ее женское тщеславие, однако, поразмыслив, она пришла к выводу, что поскольку она не дала Велизария никакой надежды, он, как и любой мужчина, мог легко попасть в сети к другой женщине, особенно если она хороша собой и соблазнительна.

Она простила Велизария, но Антонину до конца простить не могла. В последующие дни та открыто упивалась своей победой и развлекала окружающих, которые с интересом следили, как неуклюже Велизарий отвечал на ее легкую любовную игру.

ГЛАВА 25

Этим летом Константинополь задыхался от жары и зловония, отупевшие и раздражительные горожане засыпали на крышах домов, а то и прямо на улицах, едва лишь ночь приносила хоть какую-то прохладу.

Во дворце тоже царило затишье. Многие патрицианские семьи укрылись от изнуряющей жары на побережье Мраморного моря в своих виллах. Императрица же, в поисках прохлады и для восстановления сил, вместе с двором поселилась на противоположном берегу Босфора, в Гиеронском дворце — прекрасной летней вилле, подаренной ей Юстинианом. Сам император остался в столице. После свадьбы они расстались впервые. Из-за отсутствия Феодоры и разного рода других дел, внушавших опасения, он часто ночами не смыкал глаз.

Вот уже много месяцев лучшая армия империи сражалась на границе Персии. Вести оттуда доходили туманные и противоречивые. Известно было, что Велизарий укрепляет Дары, которым грозит осада, что в битве под Мигдоним императорские войска понесли чувствительные потери. Он знал также, что царь Кавад, видимо, надеясь на легкую победу, отклонил все предложения о перемирии.

Судьба империи зависела от Велизария. Юстиниан бо-

ялся даже думать о возможном поражении. Разве сможет он собрать и вооружить еще одну армию? Но делать было нечего, оставалось только ждать и надеяться.

Юстиниана угнетало бремя ответственности. Ведь именно он отдал приказ о захвате спорных земель близ реки Аранас, где уже находились персы. На нем лежит и вина за то, что у Велизария оказалось так мало людей. Дворцовые нужды беспрестанно растут, вот и пришлось урезать жалование солдатам. В результате число желающих служить империи катастрофически уменьшилось, и армия противника превзошла императорскую численностью в два или три раза. И Юстиниан это отлично знал.

Война с Персией была серьезной угрозой, однако ему грозила еще одна, отнюдь не меньшая опасность, эта опасность была совсем рядом.

Подобно раковой опухоли в человеческом организме, изъяз в обществе носит поначалу локальный характер, зарождаясь, по-видимому, в голове одного-единственного человека. Но, как и злокачественная опухоль, эта зараза имеет необычайную способность разрастаться, вытягивая отвратительные щупальца, поражая здоровые органы, разрушая их, пусть даже источник порока и удален.

Преступная мысль подтолкнуть народ к мятежу зародилась в голове Иоанна Каппадокийца. Однако после столь удивительного восхождения Юстиниана и Феодоры на трон, которое произошло так, словно кто-то прочитал его тайные помыслы и вознамерился развеять их в прах, Иоанн настолько перепугался, что и думать забыл про интриги. С похвальным рвением он весь отдался своим прямым обязанностям.

Но хотя таким образом болезнетворный очаг был удален, свое черное дело он уже сделал. Если уж мысль об измене проникла в некоторые горячие головы, то сопротивляться этой мысли выше их сил. Недалекие умы этих кровожадных полулюдишек притягивает все, что сопутствует любому мятежу, — перспектива погреть руки во время грабежей и погромов, извращенное наслаждение ломать, крушить, безнаказанно лить кровь и, конечно же, желание растоптать и унижить сильных мира сего. О, таких голов в столице хватало с избытком.

К тому же взаимная ненависть между партиями Зеленых и Синих достигла апогея. К этому примешались еще и

личные обиды, как, например, в семьях сенатора Полемона и Сильвия Тестора, оказавшихся в опале. Другие попросту стонали под тяжким бременем налогов. Не следует забывать и еще об одной категории населения, самой многочисленной, которой движет одно — зависть.

По совершенно разным причинам эти люди сосредоточили всю свою ненависть на Феодоре. Ее прошлое, ее благосклонность к еретикам, ее огромная, по слухам, власть над императором и даже ее молодость и красота, которые казались недопустимыми на троне после Евфимии, — все вменялось ей в вину. Но главный источник злопыхательства был один: она дитя улицы, поднявшееся из грязи. Мелкие душонки желали снова втоптать ее в эту грязь.

Самым опасным был ловкий, но ограниченный паразитический слой населения, который встречается во всех городах. В столице он был особенно силен. Привлеченные в город время от времени раздаваемыми императором деньгами, тысячи негодяев и бездельников гнездились здесь, презирая честный труд, злобствуя, сплетничая, не брезгуя воровством и разбоем, готовые на все.

А это вместе с жарким летом создавало в Константинополе благоприятную почву для распространения заразы. Но у болезни были симптомы, и эти симптомы не могли не проявиться.

Феодора вернулась из Гиерона в начале сентября, когда первые дожди принесли долгожданную прохладу. В этот день Юстиниан заседал в императорском совете и смог вырваться только для того, чтобы встретить ее. Он был рад ее возвращению, вкратце расспросил о здоровье и отправился обратно в совет.

За обедом императрица беседовала с Нарсесом, новым дворецким императора. Он покинул совет, чтобы встретиться с нею, и от маленького евнуха-уродца Феодора узнала тревожные новости.

— Меня беспокоит поведение Синих, ваше величество, — сказал он. — Они проявляют опасную заносчивость.

— Неужели даже больше, чем прежде? — спросила Феодора.

— Намного больше. Они буквально взбесились. Этим летом, например, они стали одеваться не так, как другие. В особенности это относится к безрассудным молодчикам, этим ювентам Алкиноя.

Императрица повела плечами. Она всегда питала отвращение к распушенной золотой молодежи.

— Подражая гуннам, они выстригают челку на лбу, а сзади позволяют волосам свисать до плеч без всякой прически, — продолжал Нарсес. — Чтобы выглядеть более грозно, они не бреют ни усов, ни бороды, но позволяют им пышно расти. Верхняя одежда и обувь у них тоже на гуннский манер. Широленные рукава стягиваются на запястье и развеваются при ходьбе, как крылья.

— А что же опасного в изменении моды?

— Это симптом, о великая. И еще: невзирая на то, что закон запрещает носить оружие без разрешения, большинство из них вооружены и днем, и ночью.

— Тогда их надо разоружить!

— Но это не так просто, великолепная. И вот что я скажу: если раньше они ограничивали свои бесчинства улицей Женщин, то этим жутким летом они свирепствуют по всему городу. На их счету полдюжины убийств — и все остались безнаказанными. Женщины больше не чувствуют себя в безопасности. У меня есть уже с десятков сообщений об изнасиловании женщин из благородных семейств. Грабежи настолько часты, что золотые пряжки и броши уже никто не носит, заменяя их медными.

— Да, это действительно выглядит серьезно, — заметила Феодора. — До отъезда в Гиерон я ни о чем подобном не слышала. А что император?

— Простите, ваше высочество, но...

— Что — но?

— Но ведь император — сторонник Синих.

Какое-то мгновение императрица изумленно смотрела на Нарсеса, а затем вымолвила:

— Я тоже отношусь к ним лояльно. Однажды они спасли мне жизнь.

Нарсес молча стоял, опустив глаза. Его изможденное лицо помрачнело, словно он спохватился, что зашел слишком далеко.

— Я подумаю, что можно сделать, — произнесла наконец Феодора.

В эту ночь, после того как служанки постелили постель, Феодора вошла в свою опочивальню. Это была святая святых, и никому не позволялось беспокоить императора и императрицу, когда они уединялись.

Опочивальня была само великолепие. Многочисленные светильники озаряли ее, как белым днем. Пол был устлан бесценными коврами из Персии и Египта, окна задрапированы богато расшитыми шелковыми занавесями. Кресла из драгоценных пород дерева в изобилии стояли вдоль стен, увешанных огромными зеркалами из полированного серебра в золотых рамах.

Но самым замечательным здесь было само императорское ложе. Огромное, размером с небольшую комнату, со спинками из золота и черного дерева, инкрустированное драгоценными металлами и слоновой костью. Орнамент имел ритуальное значение и символизировал одно — соитие, сплетение. Вьющиеся растения вперемежку с языческими символами плодородия — сосновыми шишками, гранатовыми яблоками и даже кроликами.

Ложе располагалось за занавесями в алькове. Когда их задергивали, свет сквозь них совершенно не проникал. Это было чудесное, поистине царственное ложе, способное вместить человек двадцать, но призванное служить двоим — тем, для кого и было предназначено.

Днем супруги виделись нечасто. В течение дня их постоянно окружали люди, вовлекая в беседы, они были постоянно на глазах, и о них постоянно шептались. Так что уединиться они могли только здесь: прижавшись друг к другу в этой огромной кровати, тут они были одни, как первые люди на земле.

Когда-то ложе было для Феодоры всем: местом любви и источником средств к существованию.

Но это ложе было еще важнее. Здесь, в этой постели, она продолжала благодарить Юстиниана, здесь же она обновляла и крепила свою власть над ним.

Впрочем, у этого огромного и роскошного ложа имелось еще одно назначение.

Когда Юстиниан созывал совет, обсуждавший важные дела, императрица туда не допускалась. И члены совета, разумеется, не знали, что самые важные решения, влияющие на судьбы империи, принимаются именно здесь.

Тут было царство Феодоры, и здесь она одержала несколько важных побед. Юстиниан бывал упрям. И она никогда не настаивала на своем, но, лаская мужа, делала его податливым и уступчивым. Такого рода власть куда более естественна и приятна.

Фанатичные отшельники монофизитского толка, давшие обет безбрачия и считавшие интимную жизнь самым страшным из грехов, были бы потрясены и повергнуты в ужас, узнав о том, что политику империи делают теплые руки женщины. Во всяком случае, поклонения императору явно поубавилось бы.

Именно здесь, на этом ложе, Юстиниан согласился прогнать чопорного Василия и на его место назначить дворецким Нарсеса, который, таким образом, получил самое высокое место из тех, что доступны евнухам.

Здесь же Феодора добилась понижения в должности Сергия, которого Иоанн Каппадокиец поставил во главе эскувитов. Теперь Сергий был рядовым офицером городской стражи — и имел зуб на императорскую чету. Новым начальником эскувитов стал некий Феодот по прозвищу Тыква — у него было рыжее от веснушек лицо. Ничем не выдающийся полководец, но в пределах своих способностей человек надежный.

Феодора умела сразу же выделить в проблеме главное, император же пользовался этим, зарабатывая репутацию «великого».

Прежний квестор Прокл умер, и его место занял Трибониан. Он сразу же собрал под своим началом девять лучших законников империи и принялся за решение сложнейшей задачи, поставленной Юстинианом. Законы империи ромеев безнадежно устарели, многие противоречили друг другу. Смешно сказать — некоторые из них существовали уже с десятков веков. Они представляли собой тысячи переписанных от руки томов, полных ошибок и писарского вранья, которые не был способен охватить ни один смертный, будь он хоть семи пядей во лбу.

С помощью девяти ученых собратьев Трибониан начал титаническую работу, намереваясь из этого хаоса создать простой и прозрачный кодекс законов.

В империи развернулось бурное строительство, многое обновлялось — и в первую очередь крепости вблизи границ.

На границе с Персией Велизарий стоял лицом к лицу с армиями Кавада.

Законотворчество. Зодчество. Война. Три основные заботы Феодоры. И, пожалуй, не в первый и не в последний раз в истории настоящее правительство покоилось на императорском ложе. Что еще тут скажешь?

Феодора на секунду задержалась у одного из зеркал. Яркий свет сделал прозрачной накидку из тончайшего нежно-розового шелка, и она провела ладонями по мягким изгибам талии и бедер. Они все еще были безупречны. Грудь ее томилась.

Она задумчиво смотрела на свое отражение. Когда женщина достигает полного расцвета, ее красота как бы ненадолго застывает. У некоторых этот период устойчивости длится и длится, у других же он быстро проходит, и начинается увядание. Все женщины это знают, и каждая с ужасом ждет первых грозных признаков.

Она стремительно обернулась, нетерпеливо взмахнув развевающейся тканью. Вот она, императрица! Но чем она отличается от любой другой молодой и здоровой женщины, муж которой не спешит к ней в постель?

Но ее ли в том вина? Может быть, с ней что-то не так? Или Юстиниан окончательно потерял к ней интерес? Она ощутила досаду.

Конечно, Юстиниан принадлежал ей, но что-то все равно не в порядке. Его правлению недостает того блеска, о котором она мечтала. И потом, в последнее время он слишком увлекся религией. Иногда он даже облачается в грубую монашескую рясу вместо императорской мантии. Случается, что за теологическими размышлениями он пренебрегает другими делами, предоставляя их министрам.

Он часто утомлял ее рассуждениями по разным сложным метафизическим вопросам, потому что с некоторых пор считал себя главой церкви, последней инстанцией во всех религиозных спорах.

Неужели он и сейчас занят одной из этих чудосочных теологических абстракций?

Феодора в негодовании топнула маленькой ножкой. Но что она могла поделать?

С горечью она взглянула на ложе, но тут же вскинула голову, задержала дыхание, глаза ее засияли, губы приоткрылись. За дверью послышались шаги и лязг железа. Стража салютовала императору оружием.

От раздражения и обиды не осталось и следа. Розовым вихрем метнулась она от окна и встала у ложа, когда распахнулась дверь и вошел Юстиниан.

Только сейчас она заметила, что волосы его совсем поседели, а поступь стала внушительнее. Улыбаясь, он за-

крыл за собой дверь и направился к жене. В глазах его она прочла и любовь, и восторг.

Любовь — это к ней. А причину восторга еще предстоит узнать.

— Ты ждала меня, дорогая! — воскликнул он.

— Да. — Она не стала скрывать дрожи в голосе, которая соответствовала не только ее минутному настроению, но и дальнейшим планам.

Юстиниан нежно поцеловал жену.

— Я так стремился прийти пораньше! Но заседание никак не заканчивалось, ибо поступили важные сообщения.

Он замолчал, и она немедленно простила его. Не безразличие к ней, не охлаждение, а дела задержали мужа.

— Ты так прекрасна сегодня, — голос Юстиниана охрип, улыбка стала другой. Он обнял ее хрупкие плечи, его поцелуи стали нетерпеливыми.

Феодора знала, к чему он клонит, но медлила, как это часто делают женщины, чтобы оттянуть развязку.

— Что за сообщения? — спросила она.

— Очень важные, — ответил он. Было видно, что сейчас ему нет до них никакого дела.

— Скажи мне...

— Иногда я совсем забываю, как ты красива!

— Я всегда здесь... чтобы память не слабела...

— Но целых два месяца! Ты больше не должна оставлять меня одного. Обещай мне.

— Обещаю.

— Ты любишь меня?

— Да.

— Очень?

— Больше всех на свете.

Он не улыбался больше. Накидка соскользнула с ее плеч, оголив спину и грудь. Феодора не сопротивлялась.

— Я думала, ты расскажешь мне... какие-нибудь новости, — прошептала она, задыхаясь.

— К черту новости! Подождут.

— Любимый...

Розовый шелк легким облаком слетел на пол.

Немного позднее она размягченно прошептала:

— Дорогой мой, ты принял любовный эликсир?

— Нет, — он удивился. — Я никогда...

— Знаю, — пролепетала она сонно. — Но ты был такой... такой...

Он прервал ее поцелуем.

— Это из-за того, что тебя давно не было.

Феодора помолчала. Ну что ж, эта часть вечера была чудесной. И теперь ничто не мешает перейти ко второй.

— Эти сообщения, о которых ты говорил... — начала было она.

Юстиниан приподнялся.

— Ах, да... Важная победа в Дарах. Именно это задержало меня.

— Но это же прекрасно!

— Велизарий превосходно встретил персов. У него было меньше двадцати тысяч воинов, но он разгромил армию Фируза, лучшего полководца царя Кавада, которая была вдвое больше. Десять тысяч убитых, остальным пришлось убраться обратно в Персию. Кроме того, мы захватили их священное знамя и золотую повязку Фируза, которую тот потерял в пылу битвы.

— Велизарий великолепен!

— Он гений битвы, я в этом убежден. За последние сто лет у нас не бывало такой победы над персами.

— И теперь воцарится мир?

— Да. С Персией.

Феодора коротко взглянула на него.

— Нам угрожает кто-то еще?

Он усмехнулся.

— Похоже, на этот раз угроза исходит от нас самих.

— Юстиниан! Ты в своем уме?

— Хорошо. Я объясню. Хильдерика, короля вандалов, сверг с трона и бросил в темницу узурпатор Гедимер, истовый арианец*, лютый враг православия. А все потому, что Хильдерик был добр и терпим к православным. В интересах высшей справедливости нам придется вмешаться...

Феодора была не готова к такому известию.

— Ты собираешься выступить походом на королевство вандалов?

Император кивнул:

— Я отзываю Велизария в столицу. Он станет во главе и армии, и флота.

— А как на это смотрит совет?

— Поначалу разногласия были, но патриарх Гиппия сказал, что ему было видение. Мы не должны отказываться от благого дела утверждения православия в Африке. С нами

будет Бог, и он поможет одолеть арианских еретиков, которые также и враги Сына Божьего. Эта речь патриарха прекратила споры.

Феодора сознавала, насколько могучую силу имеют такие слова в устах столь влиятельного человека.

— Кроме того, — продолжал Юстиниан, — по нашим сведениям, королевство вандалов ослабло, его раздирают распри. Оно по праву принадлежит империи, и у нас есть все, чтобы наконец отвоевать его. Не ты ли сама говорила мне, насколько важны войны, чтобы вписать имя властителя в историю навечно.

Феодора глубоко вздохнула. Безусловно, он прав. Но эта война куда более опасна, чем она прежде представляла. Это означает морской поход за полторы тысячи лиг. А африканское побережье так негостеприимно! Не говоря уже о том, что война проделает огромную брешь в казне.

— А у тебя хватит на это денег? — спросила она.

— Что говорить, этот поход ляжет тяжким бременем на казну, но я найду средства... Или префект претория их найдет...

— Новые налоги?

— Скорее всего.

— Ими и так постоянно недовольны.

— Дорогая, без этого не обойтись. Неужели они не понимают? Мы воюем с Персией, платим диким северным племенам, чтобы те сохраняли нейтралитет. А строительство укреплений, а затраты на суды и управление — на все это нужны деньги. И у префекта есть кое-какие мысли на сей счет.

— Иоанн Каппадокиец слишком безжалостен. Когда-нибудь он назовет на тебя беду.

— Об этом мы уже говорили! — нетерпеливо оборвал ее Юстиниан.

Префект не давал иссякать потоку золота, текущему в казну, и поэтому Юстиниан закрывал глаза на жестокость и продажность Каппадокийца.

Феодора не стала настаивать. Ей надо было выяснить еще кое-что, о чем она совсем забыла, сраженная внезапной новостью.

— Но перед тем, как вовлечь империю в новую войну, следует кое с чем разобраться, — начала она.

— С чем же это?

— С Синими.

Юстиниан недовольно пожал плечами. Вопрос был не из простых.

— Зеленые все еще жалуются на них? — спросил он.

— На них жалуются все. Им так давно все сходит с рук, что они окончательно распоясались.

— Это пройдет. Утихомятятся рано или поздно.

Феодора подняла тонкие руки и стала приводить в порядок рассыпавшиеся волосы.

— Утром я имела беседу с Нарсесом. Он рассказал кое-что о том, что происходило летом. Мне это совсем не нравится, да и Нарсес тоже обеспокоен.

— Да, знаю. Мне докладывали. Но думаю, что Нарсес напрасно впадает в панику. Хулиганству всегда и везде находится место, особенно летом, когда жара гонит людей на улицы.

— Но ведь это уже почти анархия!

Юстиниан перевернулся на спину, устремив взгляд в потолок, и с досадой проговорил:

— Убежден, ты преувеличиваешь. Даже если это и так, я все равно не знаю, что здесь можно сделать.

— Их можно наказать, если поймать с поличным. Мне говорили, что власти закрывают глаза на их бесчинства, а магистрат сразу же прекращает дела о них. Ну покажи наконец им, что власть — это ты! Пара уроков остудит их пыл, а остальным продемонстрирует, что ты хочешь и можешь пользоваться властью.

Какое-то время Юстиниан молчал. Потом ответил:

— То, что ты предлагаешь — невозможно. Неужели ты действительно хочешь, чтобы я вмешался в эту междуусобицу партий?

Он встал и задернул занавеси алькова. Стало темно.

— Давай спать, — сказал он. — Я чрезвычайно устал.

Это был его обычный способ уйти от спора.

Феодора немного посидела в темноте. Она все понимала. Юстиниан с большим удовольствием занимался войнами, чем внутренними делами империи. Он хотел быть для своего народа мягким правителем. Жесткие шаги внутри империи могут поколебать его популярность. И слишком часто он, улыбаясь, говорит «да», когда должен бы сурово сдвинуть брови и строго отказать.

Наконец она расслабилась, лежа рядом с ним и прислу-

шиваясь к дыханию мужа. Оно было глубоким и спокойным. Он всегда легко засыпал.

Феодора еще долго не могла уснуть. Сегодня она потерпела поражение на том поприще, где так часто побеждала.

То, чего она боялась, становилось очевидным. Юстианиану не хватало решимости и энергии, чтобы стать великим императором. Грандиозные деяния ему не по плечу.

Феодора стиснула ладонями виски. Это было как внезапное озарение. Народ она знала, сама из него вышла. Для нее стало очевидно, что ленивые, жадные, эгоистичные жители Константинополя поняли эту слабость императора.

Единовластие может существовать только при твердом властелине.

Узнав о победе, Антонина поспешила присоединиться к Велизария и возвратилась вместе с ним. По праву супруги полководца она теперь наблюдала триумфальный марш с царской галереи дворца Халк вместе с Феодорой и Юстианианом.

Это был великолепный триумф. На время толпа позабыла свое недовольство властью и приветствовала воинов, доказавших свою отвагу в битве.

Первыми на площадь вступили неизбежные эскувиты. Блистая серебром и золотом доспехов, они так заносчиво держали себя и так надменно смотрели по сторонам, словно это они одержали победу при Дарах. Но никто из них и не нюхал настоящей войны.

Вслед за эскувитами показались в колонне по четыре молчаливые всадники. Гремела военная музыка, развевались знамена. Исхудавшие и сожженные солнцем, оборванные, но во всеоружии — с луками и колчанами за спиной, с копьями у стремени, с длинными мечами — шествовали комитаты, возвращавшиеся в столицу.

Широко шагая и покачивая плечами, прошли свирепого вида пехотинцы. Кожаные и меховые одежды делали их похожими на косматых диких зверей. У них были маленькие шлемы, украшенные изображением морды того животного, чья шкура и отрубленная лапа болтались за спиной, свисая до земли, круглые железные щиты и кривые, острые, как бритва, сабли. Это были герулы, которыми командовал опытный военачальник Мунд, о ком поговаривали, что он наполовину язычник, так как его мать была наложницей воина-гота.

Затем пришел черед добычи: огромного количества захваченного у персов оружия и доспехов. Его несли пленные воины, которых вскоре продадут как рабов; пятнадцать колесниц с косами, прикрепленными по бокам, также владели пленными; далее следовали знамена и шиты персидской знати, украшенные драгоценными камнями, золотая повязка военачальника Фируза, попавшего в немилость к царю Каваду после сокрушительного разгрома, мулы, нагруженные тюками с золотыми монетами и драгоценностями, которые поступят в казну, черноглазые белолицые пленницы, прежде развлекавшие цвет персидской армии. В прозрачных шароварах и разлетающихся халатах, с цветами в волосах, они были очаровательны, но испуганы, прекрасно зная, что их ожидает.

Добыча была изрядной. Зрелище ее впечатляло, в особенности если учесть, что все это было захвачено только в битве. Византийцы дивились, как велико должно быть богатство персов, если так снаряжена их армия, и как заманчиво было бы овладеть этой страной.

Шествие сопровождала сотня пестро разодетых танцовщиц. Они кружились, разбрасывая цветы. От этого зрелище казалось еще более пышным.

Наконец показалась вереница колесниц с военачальниками. Первой, влекомой четырьмя прекрасными белоснежными конями, правил сам Велизарий.

Его ожидали и встретили с восторгом. Непокрытая голова, всклокоченная борода, глаза, сверкающие из-под выгоревших на солнце бровей. Доспехи сидели на нем как влитые. Пурпурный плащ, переброшенный через плечо, добавлял этой статной фигуре величия.

Когда Велизарий поднял меч, приветствуя императора, Феодора пристально взглянула на него. Настоящий мужчина. Первый солдат империи. Истинный лев!

Она быстро перевела взгляд на Юстиниана, невольно сравнивая. Один бледен и сутуловат — другой мускулист и силен, как атлет. К тому же, выражение лица воина и каждое его движение говорили о сознании своей силы, в то время как внешность Юстиниана не говорила ничего.

Но... Юстиниан — император. С этим не поспоришь.

Эта мысль вернула ее на землю. Феодора бросила взгляд на Антонину. Жена Велизария облокотилась на парапет,

наслаждаясь мгновениями славы. Ее муж, заметив Антонину, благодарно улыбнулся ей.

Она бросила ему розу, и та упала на камни прямо перед колесницей.

Велизарий опять улыбнулся — зубы сверкнули в густой бороде, и протянул руку, чтобы поднять цветок. Но стебель был коротким, и воин не дотянулся. Лицо Антонины стало каменным. Она досадовала, что муж не смог подхватить брошенный ею цветок.

Но это был всего лишь ничтожный эпизод. Народ продолжал бурно приветствовать победителей.

Одного этого мгновения Феодоре было достаточно, чтобы все понять. Антонина, уверенная в своей власти над Велизарием, была к нему холодна. Еще один Геракл, унижающийся перед Омфалой...

Сейчас, когда шествие завершилось, Антонина напропалую кокетничала со всеми мужчинами, попадавшимися ей на глаза.

Феодоре захотелось подойти к ней и напомнить, как подобает вести себя жене героя. Но вместе с этой мыслью пришла другая.

Хотя победители уже удалились, восторженная толпа еще не унялась. Среди публики многие были в одеждах на гуннский манер — с широкими рукавами-крыльями. Их было гораздо больше, чем Феодора могла себе представить. Велизарий был народным любимцем.

Пока она ничего не могла возразить. Он заслужил этот миг славы. Но события и люди имеют свойство меняться. И может прийти день, когда власть над этим солдатом — тайная власть — будет иметь решающее значение.

Феодора размышляла и об Антонине. О, эта женщина совершенно не изменилась с тех пор, как ушла с улицы Женщин. Мыслями и душой она оставалась маленькой шлюхой.

И из этого, и из слепого обожания Велизария можно будет когда-нибудь извлечь большую пользу.

До Двенадцатой ночи, то есть до шестого января, Рождество протекало мирно. Но этот праздник был невероятно хмельным и шумным — настолько, что стражники ходили в толпе не поодиночке, а группами, выискивая пьяных буйнов.

Шестого января церковь отмечала три события — наре-

чение Христа, брачный пир в Кане Галилейской, где было явлено первое чудо, и Поклонение Волхвов Божественному младенцу.

В этот едва ли не важнейший религиозный праздник повсюду собирались толпы.

Но были обычаи более древние, чем христианские, и простой народ их соблюдал не менее строго. Например, эта ночь, называемая Двенадцатой, — именно столько дней отделяло ее от Рождества. В эту ночь в домах жгли свечу, впервые зажженную год назад в этот же праздник. В течение года ее изредка также зажигали — в величайшие церковные праздники. В эту ночь свече давали сгореть до конца, пока хозяева пьют вино и закусывают. После того, как свеча догорала, зажигали новую, предназначенную на ближайшие двенадцать месяцев. Этот обычай возник из языческого праздника огня в Древнем Риме.

Но Двенадцатая ночь считалась и ночью чудес, когда изгонялись злые духи, привидения и демоны. Как правило, по улицам бродили толпы народу, звоня в колокольчики, гремя посудой и, главное, со свистом рассекая воздух бичами. Именно этот звук и призван был отпугивать злые силы. Люди при этом визжали и вопили, создавая поистине адский шум, что должно было разогнать всех пособников сатаны, нашедших приют в городе за минувший год.

Хотя это празднество и проходило достаточно шумно, оно всегда несло с собой приподнятое настроение. Но эту ночь начисто испортила золотая молодежь из партии Синих, переростки-ювенты. Они крушили все, что попадалось под руку, и рыскали по улицам в поисках все новых несчастных.

Их жертвой мог стать любой, кто подозревался в принадлежности к Зеленым и кому неоткуда было ждать помощи. Его могли хлестать плетью, пока он не истечет кровью. Какой-нибудь молодчик, гордясь своим умением, мог продемонстрировать на жертве, как следует вырывать клочья мяса особым ударом или метким шелчком бича выбить глаз. Если жертве удавалось убежать после истязаний, можно было считать, что она отделалась легким испугом. Потому что, если бы ей взбрело в голову оказать сопротивление, в ход пошли бы ножи и мечи, и, возможно, несчастная вдова на следующий день обнаружила бы труп мужа в каком-нибудь из закоулков.

Не так давно к ним присоединились и распутные девицы. Они слонялись вместе с молодыми ублюдками по улицам, смеясь пьяными голосами и призывая к полной свободе действий, безумному разврату, возбуждая и без того невменяемых юношей. Присутствие девиц побуждало их к еще более жестокому насилию.

Порядочные женщины еще засветло покидали улицы и запирались в домах. Пожилые люди вместе с детьми также сидели взаперти, и только взрослые крепкие мужчины выходили на улицы, да и то лишь по неотложным делам. Разумеется, если они не носили повязки Синих. В ту ночь Зеленые бессильно скрежетали зубами и молили Бога о том времени, когда смогут наконец рассчитаться с врагами.

Наконец рассвело, и город понемногу успокоился. Запоздалые прохожие спешили домой по сумеречным улицам, захламленным всякой дрянью и мусором. Стражники и специальные уборщики-рабы были заняты другим: они собирали и отвозили к магистрату трупы, не опознанные и не востребованные родственниками и друзьями.

В обычный час открылись лавки и базары, и городская стража вздохнула с облегчением — все более или менее обошлось.

Наступил седьмой день января. Сотни рабов трудились на Ипподроме, пересеивая песок арены, моя скамьи и готовя императорскую ложу, выколачивая подушки и занавеси из пурпурного шелка.

В полдень откроется сезон ристаний на колесницах и игр, которые будут проводиться на средства императора, а не каких-либо партий или богатейших патрициев.

Сезон продлится две недели. Из Антиохии и Коринфа доставили лошадей и колесницы вдобавок к тем, которые уже находились в столице, а из Азии, Африки и лесов Северной Европы были присланы дикие звери для травли.

Зрелище обещало быть выдающимся.

Первый император-христианин Константин отменил бои гладиаторов и распятие преступников, потому что смерть Христа и множество мучеников сделали этот вид наказания священным. Но извращенный вкус византийцев требовал боев медведей с огромными псами, тигров со львами, волков с быками, громадных козлов с медведями. А дикие кабаны сражались друг с другом, нанося клыками ужасные раны.

Однако гонки колесниц, в которых иногда погибали люди, оставались излюбленным зрелищем толпы, и прежде всего потому, что запах человеческой крови по-настоящему возбуждает низменные натуры.

Придворные высказывали одобрение решению Юстиниана провести игры сразу после Двенадцатой ночи. Все сознавали, что щедрость императора предупредила возможные серьезные события в период праздничного разгула. Император посулил гонки и звериные бои, и это было сродни тому, как подкупают капризного и избалованного ребенка обещанием лакомств.

ГЛАВА 26

Предзнаменований было более чем предостаточно, но, как ни странно, никто не ожидал, что разразится катастрофа, и когда это случилось, все были застигнуты врасплох.

Семена были посеяны Иоанном Каппадокийцем, но когда они начали приносить плоды, происходило это уже без его вмешательства или участия.

Все началось так внезапно, что даже смутные опасения Феодоры не успели окрепнуть и перерасти в мрачные предчувствия. Что касается остальных — Юстиниана, Велизария, Трибониана и других, — для них это было словно гром среди ясного неба.

Император лично присутствовал в кафисме в первый день состязаний на Ипподроме. В этот день, в отличие от последующих, все обошлось без неприятных происшествий.

Феодора не стала подниматься на колокольню церкви Святого Стефана, чтобы понаблюдать через решетчатые окна за происходящим на Ипподроме. После бурных событий Двенадцатой ночи она нервничала и не находила себе места и поэтому осталась на женской половине дворца в окружении придворных дам. Но даже туда доносился громоподобный клич «Ника!» — ликующий, торжествующий, кровожадный. И всякий раз, услышав его, она знала, что на белом песке арены произошло нечто ужасное: либо в щепки разбилась о край арены колесница, либо кто-то растоптан мощными копытами или раздавлен несущимися

колесами, выпав из своей повозки на пути у других колесниц.

Вид крови возбуждал толпу. Человеческие внутренности, разбросанные на окровавленном песке, — вот зрелище, ради которого публика до отказа заполняла Ипподром. И еще, конечно, растекшиеся мозги или дергающаяся оторванная кисть руки... Толпа раздражалась воплями восторга, когда рабы проносили мимо бездыханные тела возниц, лишь несколько минут назад бывших всеобщими любимцами. Зловещий портал, построенный в свое время для того, чтобы уносить гладиаторов, и названный Врата Смерти, теперь продолжал служить погибшим или изувеченным возницам. Обезумевшие от вида крови, страданий и смерти зрители заключали на Ипподроме дикие, невероятные пари.

С младенческих лет Феодора привыкла к оглушительному крику Ипподрома. Однако сейчас ей чудилась в нем новая нота — визгливая, истеричная и безумная, несущая скрытую угрозу и наполняющая душу леденящим страхом.

На седьмой день игр, вечером, во время званого обеда в триклинии, данного в честь посла из Равенны, она попыталась заговорить с Юстинианом о своих тревогах. Но тот лишь пожал плечами, не разделяя ее опасений.

— В последнее время у тебя расстроились нервы, — сказал он. — В Двенадцатую ночь чернь всегда устраивает потасовки. Правда, в этот раз они расходились больше, чем следует. Но разве ты не заметила, как быстро город утих к утру? Будто и не было никаких волнений.

— Да, это верно, — согласилась она.

— Успокойся и забудь о своих страхах, дорогая моя. Все в полном порядке.

И он вернулся к разговору с послом, поскольку был крайне заинтересован в том, чтобы во время его предстоящего вторжения во владения вандалов остготы соблюдали нейтралитет.

Феодора перевела взгляд на Антонину, как всегда окруженную мужчинами. Открыто флиртуя и не скрывая своего пренебрежения к Велизарию, Антонина обращалась с ним очень дурно, но воин, казалось, не желал или не мог в этой ситуации ничего предпринять.

Чей-то голос рядом с Феодорой произнес:

Охота — взгляды она рассылает, как стрелы,
Чуткое ухо ее не пропустит ни вдоха...

Обернувшись, Феодора увидела Трибониана и улыбнулась ему.

— Это Плавт*, верно? А я бы предложила другую цитату, из Апулея*. У него есть строки, где он сравнивает кокетливую женщину с игроком, который ловит и отбивает мячи обеими руками:

Она владеет одним, другому же знак подает;
Этому руку протянет, другому к ноге прикоснется украдкой;
Стиснув губами кольцо, им дразнит она одного
В надежде, что кто-то другой обернется;
Одному она песню поет,
А всех остальных к себе пальчиком манит.

Трибониан с улыбкой кивнул.

— Метко сказано, однако мне ничуть не меньше нравится Овидий*, когда он описывает тот тайный язык обольщения, которым в совершенстве владеет наша маленькая подруга. Вот, послушай, великолепная:

Смотри на меня,
Пристальным взглядом лови
Каждый наклон головы и выражение лица;
Следи и за мной повторяй
Эти тайные знаки.
Смогу я тебе передать одним лишь движеньем бровей
Все, что не выразить самым красноречивым словам;
Прочтешь ты язык моих пальцев
Яснее, чем эти слова, которыми полон пергамент.
Когда память в тебе воскресит нашей любви улады,
Нежно пальцем своим прикоснись к румяной щеке.
Если сердце твое вострепнется при виде меня,
Руку ты подними и края нежного уха коснись.
О, души моей свет,
Коль слова и поступки мои придутся по нраву тебе,
То возьми в руку кольцо.
Если же ты прикоснешься ладонью к столу,
Словно в чем-то поклясться хочешь,
Я пойму, что, ревнуя меня и кляня,
Мне желаешь всех бед на свете.

Феодора, у которой, благодаря ее актерскому прошлому, в запасе всегда имелось множество цитат, нередко обменивалась ими с квестором, и сейчас она беззвучно поаплодировала ему.

— Отлично, благородный Трибониан, — улыбнулась

она. Затем улыбка исчезла с ее лица, и она добавила: — Но поведение Антонины все равно раздражает меня.

— Стоит ли, о прекраснейшая, раздражаться при виде ручья, бегущего с гор? То же можно сказать и о кокетстве Антонины.

Его веселая непринужденность улучшила настроение Феодоры. Они немного поговорили о его работе над сводом законов, и, когда Трибониан удалился, ее душевное равновесие было почти восстановлено.

В тот вечер она вернулась к себе поздно. Никаких признаков беспорядков в городе не было.

На следующий день начался кризис.

После полудня страсти вокруг ристаний накалились более обычного: три возницы были раздавлены насмерть и еще двое — безнадежно искалечены. И случилось так, что все трое погибших были от Зеленых, а Юстиниан, заключивший пари в кафисме, крупно выиграл, как, впрочем, и большинство Синих на Ипподроме. Этот унижительный факт в сочетании с иными перенесенными обидами, вероятно, и подтолкнул партию Зеленых к действиям, ставшим причиной трагической развязки.

Между пятым и шестым забегами, когда рабы уносили с арены обломки колесницы и свежим песком засыпали пятна крови на скаковом кругу, в секторе Зеленых поднялся человек. Все его знали: Кварт Остий, более двух десятилетий бывший оратором своей партии. Шум на Ипподроме затих, так как всем хотелось услышать, что он скажет.

— Привет тебе, Юстиниан... о воплощенное милосердие! — прогремел зычный, как рев быка, голос, закаленный в постоянных выступлениях перед огромными толпами.

Зрители замерли. Назревало что-то из ряда вон выходящее — оратор обращался непосредственно к самому императору. Девяносто тысяч пар глаз устремились к высокой кафисме, где в тени пурпурного навеса, откинувшись на спинку мраморной скамьи, восседал Юстиниан. Император слегка нахмурился и вопросительно смотрел на оратора.

— Твое императорское величество! — голос загромыхал вновь. Оратор говорил размеренно, делая паузы, чтобы все вокруг успевали услышать и понять смысл сказанного.

— Твой народ... жаждет справедливости... и требует... прекратить притеснения!

Голос у императора был обыкновенный, и он не мог сам ответить перед таким огромным собранием, — для этого имелись специально подготовленные люди. Юстиниан сделал знак одному из своих глашатаев, наклонившись вперед, что-то сказал ему, и тот повернулся к трибунам. Не уступая по силе голоса оратору Зеленых, глашатай прокричал вопрос императора на противоположную сторону арены:

— Каким образом... вас... притесняют?

Дальше последовал громогласный диалог, участники которого перебрасывались репликами, не шадя легких. Спор перерос в перебранку. И хотя один должен был говорить от лица императора, а другой — от партии Зеленых, оба вскоре начали прибегать к собственным аргументам, не ожидая подсказок и ни с кем не советуясь.

— Правда известна тебе... великий посланник неба... как и тому, кто угнетает нас... несправедливостью и поборами! — гремел трубный голос оратора Зеленых.

Лицо Иоанна Каппадокийца, также сидевшего в кафедре, стало серым. Он-то прекрасно понимал, кого имеет в виду оратор.

— О каком угнетателе ты говоришь? — ревел в ответ императорский глашатай.

— Он умрет... как Иуда!

— Ты смеешь... оскорблять... представителей императорской власти?!

Юстиниан кусал губы, бросая время от времени беспомощный взгляд на своего глашатая, словно желая прекратить эту бессмысленную перепалку и не зная толком, как это сделать. Капли пота выступили на лысине префекта претория, когда оратор Зеленых снова произнес: «Как Иуда!»

Однако он был прерван императорским глашатаем, который решительно перехватил инициативу:

— Замолчите, иудеи... манихеи... самаритяне*!..

Манихеи повсеместно преследовались как презренные еретики за попытки совместить основные принципы христианства и зороастризма — персидской религии поклонения огню. Нужно заметить, однако, что, как ни был разъярен глашатай и как ни поносил он Зеленых, ни разу он не назвал их монофизитами, хотя они, конечно, того заслуживали, а не назвал потому, что помнил о религиозных симпатиях императрицы Феодоры. После тирады глашатая на минуту воцарилась напряженная тишина, которая смени-

лась ревом негодования и ярости в стане противников, слившимся с издевательскими криками, гиканьем и свистом со стороны Синих. Однако шум тотчас утих, когда дерзкий оратор от Зеленых прокричал в ответ:

— Нас... назвать евреями... самаритянами?!

Он нарочно повторил те именованья, которые нетерпимым в религиозном отношении византийцам должны были показаться наиболее оскорбительными. И продолжал:

— Да пребудут с нами Господь Бог... и Христос... благословенный и единый в начале своем!

Еще одна пауза, вслед за которой в этот раз взорвались бешеным криком трибуны Синих. Последней фразой в лицо императору и всем православным был брошен основной постулат монофизитов.

На изгибе подковообразного амфитеатра, где партии располагались ближе всего друг к другу, началась драка. Стража бросилась туда, чтобы разнять дерущихся.

— Молчи, ты... презренный богохульник! — надрывался глашатай Юстиниана.

— Это что же... высочайшее повеление? — В вопросе Зеленого зазвучала насмешка. — Выходит, граждане империи... не могут больше... высказывать вслух свое мнение?

— А я говорю, ты — богохульник!..

После минутной паузы оратор Зеленых впервые оторвал взгляд от императорской кафисмы и повернулся к своим сторонникам. И среди притихшего Ипподрома отчетливо разнесся его мощный, полный ярости голос:

— Вы слышите, люди!.. Нам угрожают!.. А разве не были убиты наши товарищи... и разве были наказаны убийцы? Что же, теперь наш черед?.. Прочь отсюда!.. Все прочь из этого проклятого места!..

Юстиниан, позволивший ситуации выйти из-под контроля, беспомощно наблюдал за оглушительной и злобной перебранкой ораторов. Теперь, наклонившись вперед, он увидел, как Зеленые срываются со своих мест и, натываясь друг на друга, толпой бегут к выходу. Взбешенные Синие тут же последовали их примеру. Император в досаде и ярости откинулся на спинку скамьи под пурпурным балдахинном. Такого еще не бывало! Толпа настолько разбушевалась, что последние три заезда были сорваны. Ситуация становилась крайне серьезной.

Юстиниан не был трусом. И прежде ему случалось по-

падать в опасные переделки, из которых он выходил мужественно и с достоинством. Однако вид стотысячной разъяренной толпы пробудил в нем чувство страха. Ярость витала в воздухе, сливаясь в общий водоворот ненависти, клубившийся над Ипподромом и городом, — ужасная угроза, которую трудно было предвидеть и еще труднее предотвратить, поскольку вышедшая из повиновения толпа так же непредсказуема, как и опасна.

Неспроста все римские императоры, начиная с Цезаря, больше других напастей боялись бунта плебеев. Клавдий, Нерон, Гальба, Домициан, Коммод, Элагабал, Максимиан и Валентиниан — вот далеко не полный перечень тех, кто был сметен народными мятежами.

Ни слова не говоря, Юстиниан поспешно спустился по винтовой лестнице и в сопровождении свиты зашагал по подземному проходу, соединявшему кафисму с дворцом. Лицо его было бледным и неподвижным, что одни расценили как признак гнева, другие — как признак испуга.

Вернувшись к себе, Юстиниан первым делом приказал взять под стражу не в меру ретивого оратора, который втянул его в глупый и бессмысленный конфликт с толпой. Как с ним поступить, можно решить позднее. А сейчас необходимо предпринять другие, более решительные действия. Запыхавшийся воин из городской стражи принес во дворец известие о том, что между обеими партиями начались столкновения. Покидая Ипподром, Синие не могли удержаться от издевательских выпадов в адрес противников, и взаимная ненависть вылилась в безобразную потасовку. Теперь на Бычьей площади разгорался настоящий мятеж. На этот раз Юстиниан решил действовать без промедления. Вызвав городского префекта Феодота Тыкву, он отдал приказ:

— Немедленно пресечь беспорядки!

— Слушаюсь, твое императорское величество!

— Возьми когорту эскувитов, если нужно, но бунт должен быть подавлен, — с нажимом повторил император. — Их необходимо остановить, пока потасовка не переросла в нечто более серьезное. Ты понял меня? Сейчас самое главное — решительность. Если обнаружишь зачинщиков — накажи их!

Феодот отсалютовал. Не отличаясь особым умом, Тыква все же смекнул, что необходимо заручиться еще одним указанием:

— Зачинщиков... независимо от цвета?

Юстиниан нахмурился.

— Да, невзирая на цвет повязок.

— Повинуюсь тебе, о рожденный небом!

— Тогда поспеши. Я был слишком великодушен и, похоже, напрасно, теперь я понимаю это. Мой царственный дядя был приверженцем Синих, однако это не мешало ему с одинаковой суровостью обходиться с нарушителями порядка из обеих партий. Отныне я тоже намерен так поступать. Довольно я проявлял терпимость. Теперь пусть пеняют на себя.

Проявив неоправданную мягкость, которая привела город к серьезным беспорядкам, а его самого к полной потере контроля над ситуацией, Юстиниан, как и многие нерешительные люди, полагал, что может исправить положение, проявив чрезмерную жестокость.

Феодот снова отсалютовал и отправился выполнять распоряжение.

Когда Феодора, которой доложили о драматических событиях на Ипподроме, часом позже пришла на половину Юстиниана, чтобы узнать от него подробности происшедшего, городской префект уже вернулся и был тотчас же пропущен к императору для доклада.

Только император, императрица, префект претория, страж, приставленный охранять кабинет императора, и сам Феодот присутствовали при этом разговоре.

— Ну? — спросил Юстиниан, не замечая приветствия Тыквы.

— Я направился прямо на Бычью площадь, о всемогущий, — лицо Феодота выдавало неуверенность и беспокойство. — Драка все еще продолжалась, но, когда показались серебряные щиты эскувитов, толпа сразу рассеялась. Мне удалось схватить только семерых. На земле лежали трое или четверо убитых, а раненых уносили без счету.

— Что ты сделал с этими семью?

— Памятуя твой императорский приказ наказать зачинщиков, я отвел их к виселице у Влахернских ворот и велел казнить.

— Казнить? На каком основании?

— Разве не этого ты хотел, о величайший из могучих? Ты приказал — наказать.

— Я велел наказать зачинщиков! Эти семеро были зачинщиками?

— Я... но как в толпе можно разобрать, кто... ну, словом...

— Продолжай!

— Четверо из задержанных имели при себе кинжалы и ножи, за что, по закону, их полагалось обезглавить. Остальных трех я приговорил к повешению по обвинению в организации убийства. Я обязан доложить тебе, о великодушный, что из четырех, задержанных с оружием, трое оказались Синими, а из трех прочих — один...

— Четверо из семи были Синими! — ужаснулся Юстиниан.

Он всегда надеялся, что в критических ситуациях может рассчитывать на поддержку Синих. Что же будет теперь, после того, как четверо из их людей схвачены и преданы казни без суда, тогда как до сих пор эта партия пользовалась полной неприкосновенностью?

— Продолжай, — сказал он.

— Собралось много народу, рожденный небом, ну, как всегда на публичных казнях. Поэтому я приказал эскувитам выстроиться цепью вокруг виселицы и пленников.

— А толпа? Как реагировала толпа?

— Одна женщина кричала и пыталась прорваться через ограждение. Ее муж был среди приговоренных к отсечению головы. Такое часто бывает. Стражники оттолкнули ее. Все остальные наблюдали за казнью молча.

Юстиниан коротко кивнул.

— Сначала обезглавили четырех, задержанных с оружием, — продолжал Феодот. — Потом троих, обвиненных в организации убийства, подняли на помост виселицы, что возле ворот, чтобы столкнуть их разом и чтобы они вместе поплясали на веревках. Но тут вдруг явились монахи из монастыря Святого Лаврентия. Он ведь там же, на площади...

— Монахи? Что ж ты, глупец, молчал об этом! Зачем они явились?

— Я как раз собирался рассказать, о милосерднейший, — занял Тыква. — Они попросили пропустить их к виселице, чтобы исповедать осужденных и вручить их души Богу.

— И ты пропустил их?

— Я не знал, как отказать. Да это и не заняло много времени. И если бы не досадная случайность...

— Случайность?! Черт бы побрал этого болвана, который и доложить ничего толком не может! Какая еще случайность?

— Твой покорный раб здесь ни при чем, о первый из великих! Умоляю тебя учесть, милосерднейший, что веревки повисели уже не один месяц под открытым небом...

— Так что же случилось, наконец?

— Секунду терпения, о великий, — взмолился Тыква, голос которого дрожал все сильнее по мере того, как лицо императора наливалось кровью. — Как я уже сказал, веревки повисели несколько месяцев, но откуда мне было знать, что они прогнили...

— Значит, веревки оказались гнилыми? Господь милосердный, дай мне сил дослушать бормотание этого дурака!

Феодот едва дышал от ужаса, но продолжал, так как не видел другого выхода.

— Когда этих троих столкнули с помоста, добрейший из милосердных, то один повис хорошо... то есть, я хотел сказать — надежно...

— Только один!

— Веревки же двух других — Синего и Зеленого — оборвались, и они рухнули на землю...

— Ты хочешь сказать, что они остались живы?

— Я... я решил, что они умерли, что у них сломаны шеи. Монахи без разрешения унесли их в свой приют. Позднее мне доложили, что они живы и пришли в себя...

— Идиот, животное! Что было дальше?

— Без особых указаний, о лучезарный светоч милосердия, я не отважился войти в приют, чтобы не нарушить неприкосновенность святилища. Я выставил вокруг охрану и вернулся, чтобы доложить...

Император побагровел, на лбу у него вздулись вены. Ярость и ужас охватили его, когда он представил себе неизбежные последствия недалёковидных действий городского префекта.

— Клянусь Святым Провидением, ни разу за все время моего правления никто не выполнял моих указаний так скверно! — взорвался император.

Тыква упал на колени, его лицо побелело так, что веснушки стали виднее.

— Сжался, твое высочайшее величество! Я ведь только старался исполнить твои приказания...

— Взять его! — приказал Юстиниан.

Феодот издал вопль отчаяния, когда двое солдат схватили его за плечи. Внезапно рванувшись, он вывернулся из рук стражников и простерся ниц перед императором, обхватив его ноги.

— Пощади меня, о грозный владыка мира! Во имя страданий Христа я молю тебя о прощении, ибо если я в чем и виноват, то не в недостатке усердия. Может, я что-то не рассчитал, но я старался! У меня жена, милосерднейший, и девять детей... на днях ждем еще прибавления...

Юстиниан пнул его ногой, и префект остался лежать, сотрясаясь от рыданий.

Внезапно Феодора, до сих пор молча сидевшая в своем кресле, сказала:

— Прошу тебя, повелитель, пощади его.

Мрачнее тучи, Юстиниан посмотрел на нее.

— Он заслужил смерть!

— Послушай, если ты начнешь убивать всех глупцов, много ли подданных останется в живых? К тому же, — на ее губах вдруг мелькнула легкая улыбка, — прими во внимание жену и девятерых детей, а также и прибавление. Ты ведь не хочешь осиротить половину Константинополя!

Императора, в глазах которого еще мгновение назад можно было прочесть безжалостный смертный приговор, слова Феодоры немного успокоили. Помолчав, он сказал:

— Пошел прочь, Тыква! Я дарую тебе жизнь, но ты вернешься в казарму простым солдатом!

Феодот поспешно вскочил и, спотыкаясь, кинулся прочь, разжалованный, но благодарный судьбе и Феодоре, по чьей прихоти он был спасен от губельного гнева императора.

Ночь миновала без особых происшествий. Когда же наступило утро, Юстиниану удалось окончательно убедить себя в том, во что ему очень хотелось верить, несмотря на все унижения предыдущего дня: самое плохое уже позади. Он даже велел продолжать ристания, словно ничего не случилось. Этим он хотел создать видимость, что власти не считают происшедшие накануне беспорядки событием, достойным особого внимания. Он надеялся, что чернь тоже будет рада замять конфликт.

Но после первого же заезда колесниц оратор от Зеленых поднялся и проревел:

— Верни нам... о император... тех двух, убитых тобою, но спасенных Богом... по милосердию его!

Бурей аплодисментов трибуны поддержали требование оратора.

Обращение было составлено безукоризненно. Несомненно, его обдумали и отрепетировали еще ночью. Тщательно подобрав слова, оратор Зеленых представил неожиданное спасение двух осужденных как проявление Божией милости к тем, кого император пытался несправедливо предать казни. Но главная хитрость заключалась в том, что оратор говорил о двоих, тогда как все знали, что один из них принадлежит к Синим, а другой — к Зеленым. Таким образом обе партии теперь как бы объединила одна общая беда.

Все видели, как Юстиниан наклонился к префекту претория и квестору, и они шепотом обменялись несколькими фразами. Но на этот раз Юстиниан не стал отвечать через глашатая. Он явно не забыл о его поражении накануне и надеялся, что молчание скорее успокоит толпу.

Начался второй заезд.

После его окончания оратор Зеленых поднялся снова и еще раз слово в слово прокричал свое требование. На этот раз его поддержали сотни зрителей. Юстиниан ощутил беспокойство.

— Мне кажется, что некоторые голоса доносятся с трибуны Синих, — сказал он Иоанну.

Префект претория, обеспокоенный не в меньшей степени, ибо знал, что львиная доля ненависти плебеев адресована лично ему, нахмурился и стал тревожно вглядываться в синий сектор трибун.

— Может быть... вам показалось, — пробормотал он.

Но после третьего заезда не осталось никаких сомнений: Синие горланили не меньше Зеленых.

Это был новый и весьма зловещий поворот событий. Кем бы ни был тот, в чьей гениальной голове родилась идея вступить за обоих осужденных, ему, несомненно, удалось, на время по крайней мере, сплотить обе партии вокруг требования, которое, как лозунг, в один голос начали скандировать трибуны после каждого заезда.

Феодора, отдыхая в солярии и прислушиваясь к шуму Ипподрома, услышала это одной из первых. Больше не было крика «Ника!». Зато на каждом ярусе появился добро-

вольный дирижер, взмахами рук организующий плавный и ритмичный речитатив, который в исполнении многотысячной толпы Синих и Зеленых сотрясал Ипподром:

— Верни нам, о Император, тех двух, убитых тобою, но спасенных Богом по милосердию его!

Многие зрители поначалу присоединялись к хору из чистого азарта. Слышен был хохот, насмешливые замечания и хлопки после каждого слаженного выкрика, словно крикуны аплодировали сами себе и получали удовольствие от такого необычного способа досадить человеку, одетому в пурпур и сидящему так надменно в тени своего балдахина.

Однако время шло, заезд следовал за заездом, а из императорской ложи не доносилось никакого ответа. Тогда в реве толпы начала слышаться угроза, выросшая в бурю негодования. Сквозь слитное скандирование прорывались отдельные возгласы:

— Проклятие грабителям!

— К суду злодеев из дворца!

— Накажи, о император, угнетателей народа!

Иоанн Каппадокиец сморщился, как от зубной боли. Его имя не было названо, но обольщаться не приходилось. Многие возгласы были адресованы лично ему, и он чувствовал, что негодование толпы выходит далеко за пределы обычного недовольства властями. И в то время как сидящие в кафисме перебрасывались негромкими быстрыми фразами, он не вступал в разговор, скованный страхом.

Программа дня завершилась без каких-либо происшествий, однако бега проходили вяло из-за отсутствия обычного интереса к ним. Зрители почти не заключали пари, что всегда было плохим признаком. Несмотря на это, Юстиниан еще надеялся на что-то, когда вернулся с Ипподрома во дворец. Однако вскоре патрулирующая городские улицы гвардия сообщила о еще более грозном предзнаменовании.

На стенах, колоннах, на постаментах статуй — на всех доступных местах — появились в этот вечер надписи, сделанные мелом или углем. Это были обвинения и угрозы в адрес Иоанна Каппадокийца, Феодота и даже Трибониана, а некоторые метили в самого императора. «Тиран», «предатель», «убийца», «вор», «сутенер», «богохульник», «исчадие ада» и масса других не менее ужасных бранных слов были под покровом сумерек нацарапаны неизвестной рукой рядом с именем Юстиниана. Не реже встречалось и имя

императрицы. Но Феодора награждалась одним лишь прозвищем — «шлюха».

То, что так много развелось смельчаков и ни разу никто не помешал им делать эти возмутительные надписи, свидетельствовало о крайней степени возмущения жителей Константинополя.

В этот вечер за стенами дворца царило все нарастающее напряжение. Поспешно входили и выходили гонцы, командиры эскувитов сдавленными голосами отдавали команды, из предосторожности расставляя двойные ночные караулы дворцовой стражи вдоль наружных оборонительных стен.

Через два часа после наступления темноты со стороны дворца Сигма до Феодоры донесся вопль изумления и ужаса, вслед за которым раздался топот бегущих ног. Она кликнула Нарсеса.

— Похоже на то, о прекраснейшая, что в городе во многих местах начались пожары, — доложил маленький евнух. — Зарево видно даже из-за дворцовых стен.

— Где император?

— Этого я не знаю, о великая.

— Идем со мной, Нарсес, я хочу взглянуть.

В сопровождении смотрителя покоев и воинов личной охраны она вышла из императорской резиденции и быстрым шагом направилась к церкви Святого Стефана. Солнце село уже давно, но ей показалось на миг, что колоннаду, ведущую к церкви, освещает поздняя вечерняя заря. Потом она поняла, что красноватый отсвет, четко обрисовывавший зубчатые дворцовые стены и громаду Ипподрома, и был тем самым заревом городских пожаров, о котором говорил Нарсес. Самого пламени не было видно, но, отражаясь от низко нависших туч, оно освещало все вокруг тусклым зловещим светом. Однако, заметив над собой яркую луну и звезды, Феодора поняла, что «тучи» были не чем иным, как дымом от пылающих зданий.

Несколько слуг императора, постоянно находившихся при Юстиниане в его резиденции, стояли у входа в церковь, но Феодора, не взглянув на них, вошла и в сопровождении Нарсеса начала поспешно подниматься по винтовой лестнице, ведущей на верхнюю площадку колокольни, откуда открывался вид на Ипподром и город.

Уже подходя к площадке, она услышала голоса, а затем

и увидела тех, кто пришел сюда раньше ее: Юстиниана, Трибониана и Гестата — воина, заменившего незадачливого Феодота в должности командира эскувитов. Император обернулся к ней с лицом, казавшимся чугунным в мерцающих отблесках красного зарева.

— Феодора! — воскликнул он. — Ты тоже здесь? — И прибавил с нотой отчаяния в голосе: — Похоже, дела плохи, очень плохи!

— Пожары? Сколько их? — спросила она.

— Я не знаю. Такое впечатление, что они подожгли весь город. Их так много, что я уверен — это все преднамеренные поджоги. Взгляни!

Феодора посмотрела в западном направлении, следуя за взмахом его руки. В нескольких местах в отдалении она увидела рвущиеся из горящих домов языки пламени. Многие здания были затянuty пеленой дыма, странно подсвеченной лунным светом. С первого взгляда ей показалось, что пылает сплошь вся Виа Альта, но потом она смогла различить в призрачном свете величественные колонны и статуи терм Зевксиппа*, вокруг которых вились клубы пара.

— Пронесся слух, что Константинополь будет стерт с лица земли и что виновники этого истребления — шпионы персидского царя, — произнес Юстиниан полным отчаяния голосом.

Еще один громадный пожар бушевал на юго-востоке, в районе площади Афродиты. Феодора напряженно всматривалась в очертания ночного города, однако восклицание за спиной заставило ее обернуться.

— Неужели они посмели! Какое кощунство! — сдавленным от отчаяния голосом произнес император.

Вместе с обоими приближенными Юстиниан приник к одному из северных окон башни.

— Что еще случилось? — быстро спросила Феодора.

— Иди и посмотри сама, — испуганно промолвил Юстиниан.

Феодору пропустили вперед, и, приподнявшись на цыпочки, она взглянула через парапет. Прямо перед ней в небо взвился вулканический столб пламени, который вместе с гигантским грибовидным облаком черного дыма заполнил, казалось, все небо. Позади него полыхнул еще один пожар, и все озарилось мрачным багровым светом. До их слуха донеслись крики множества людей.

— Святая София! — воскликнула Феодора, не в силах поверить своим глазам. — Они подожгли собор!.. А этот новый пожар — это здание Сената! И церковь Святой Ирины!

— Если они взялись за церкви, на что еще остается надеяться! — со стоном вымолвил Юстиниан.

Феодора повернулась к нему и проговорила голосом, полным гнева, без малейшей тени страха или отчаяния:

— Это вовсе не похоже на тотальное уничтожение города. И руки персов или кого-либо из внешних врагов здесь нет и в помине. Эти поджоги — дело рук презренного отребья. Разве вы видите хоть один дымок над северными трущобами или над районами бедноты? Уничтожить их было бы проще всего, если бы это было главной целью поджигателей. Нет, эти поджоги начались стихийно, и делают это те же мерзавцы, которые сорвали золотые украшения и драгоценные камни со священных гробниц. Тяжкой должна быть кара за такое святотатство!

Император ничего не ответил, и Феодора удивленно взглянула на него, поскольку вид его показался ей странным. Рот его был вяло приоткрыт, а в глазах сквозили тоска и неуверенность. Он был похож на человека, потерпевшего полное поражение. Ее захлестнуло чувство сострадания к нему. В момент этого страшного испытания Юстиниан отнюдь не казался олицетворением решимости и воли. Он был обычным человеком — робким, испуганным и растерявшимся. И к тому же далеко не молодым.

Император и ближайшие его сподвижники беспомощно наблюдали, как вспыхивают все новые пожары в городе.

— Я оставлю вас, высокочтимые мужи, — заявила она и, не дожидаясь ответа, начала спускаться по лестнице в сопровождении Нарсеса.

Каждый час казался вечностью, прожитой среди смятения и страха. К воротам дворца непрерывно стекались беженцы, умоляющие об убежище. Это были большей частью священнослужители православной церкви во главе с самой Гиппией, с опозданием осознавшие, что единственным могущественным покровителем для них является император. О, теперь они сокрушались о том, что нечистый, лишив разума, подтолкнул их к разжиганию этих беспорядков. Юстиниан велел впустить их, и церковники были размещены во дворце.

Стражники, несущие караул на дворцовых стенах, постоянно сообщали о возникновении новых пожаров, изда- лека без конца доносились звериные вопли и завывания толпы мародеров, опьяненных жадой разрушения. До сих пор, однако, никаких выступлений в непосредственной близости от дворца не было, но Юстиниан, цеплявшийся за малейшую надежду, пытался убедить себя, что негодова- ние черни не направлено против его особы. Каждому, с кем он говорил, Юстиниан упорно внушал, что этот бунт — всего лишь временное затмение разума, вполне объясни- мое в такие смутные времена, а столкновения являются ре- зультатом межпартийных распрей и прекратятся, как толь- ко одна из сторон одержит верх.

Около полуночи, когда уже было точно известно, что нечестивцы подожгли по меньшей мере семь храмов, не считая множества других зданий, пришло сообщение об ужасной трагедии. Разрастающийся пожар перекинулся на Виа Амастрия и охватил приют, где находились пятьдесят беспомощных больных, которые и погибли страшной смер- тью, так как были не в силах подняться.

— Гнусные убийцы! — воскликнул Юстиниан, услы- шав об этом. — Почему бездействует городская стража? Где пожарные отряды, кто-то же должен бороться с этим ужас- ным огнем!

— Боюсь, о великий, что городская стража и пожарные сейчас сами промышляют разбоем, и им ни до чего нет дела, — заметил Трибониан.

Юстиниан заломил руки.

— Что же делать? — простонал он. — Это же полная анархия, хаос!

— Прикажи эскувитам атаковать этот сброд, — предло- жила Феодора.

Но император панически метался взад и вперед, не в силах ни на что решиться.

— Нет... нет! — выговорил он наконец. — Я не могу по- слать воинов уничтожать моих подданных! Они опомнятся. Надо только подождать... К утру все должно измениться!

От этой мысли он приободрился.

— Да, да, я уверен в этом! К рассвету толпа устанет от бесчинств, и люди мирно разойдутся по домам.

— Многим из них некуда будет возвратиться, судя по тому, как распространяется пожар, — заметил Трибониан.

— Это будет прекрасной возможностью для нас проявить к ним любовь и милосердие! — воскликнул Юстиниан, который, казалось, убедил-таки себя в реальности желаемого. Он повернулся к Иоанну Каппадокийцу, молча стоявшему в стороне.

— Бездомные будут обеспечены жильем, я обещаю это! Кроме того, надо организовать дополнительную раздачу еды и одежды. Пусть это решение огласят, как только будет восстановлен порядок!

Однако буйные вопли толпы не ослабевали, сопровождаемые треском пожара, который рос и ширился и все ближе подползал к дворцовым стенам, взмывая иногда над ними жаркими языками пламени. В такие мгновения за каждым выступом сгущались черные тени, которые затем расползались, и дворец опять погружался в зловещие багровые сумерки.

ГЛАВА 27

Если император и убедил себя в том, что ему удастся утихомирить народ и вернуть его преданность раздачами и милосердием, то один из членов императорского совета в это не верил абсолютно.

На протяжении всего совета Иоанн Каппадокиец не проронил ни слова. Затем он удалился в свои покои и долго стоял неподвижно, ссутулившись, сцепив за спиной руки и мрачно уставившись в пол. Остатки его волос потемнели от пота, но не жара была тому причиной, поскольку стояла зима и январская ночь была прохладной. Причина заключалась в его крайнем нервном напряжении, вызванном навалившейся на него бедой и ощущением безысходности.

Как никто другой, префект претория понимал все глубинные причины восстания, которое Юстиниан теперь тщетно пытался усмирить. Взрыв недовольства не был случайным. Впервые Зеленые и Синие объединились, и именно он, Иоанн, приложил к этому руку. Эти крикуны в красных накидках, разжигающие страсти и доводящие толпу до неистовства, — разве не его словами, не его доводами пользовались они столь успешно? Свобода, с которой мятежники перемещались по городу, совершая все новые поджоги и грабежи, наводила на мысль, что городская стража либо

держится в стороне, либо, что вероятнее всего, переметнулась на сторону бунтовщиков, польстившись на легкую наживу, как и предположил Трибониан. Иоанн знал, кто посеял в столице семена раздора и неповиновения.

Плебеи восстали и вооружены. Теперь им нужен только предводитель, который смог бы объединить их, подчинить своей воле и повести восстание по давно разработанному плану, цель которого — свержение императора и, что еще важнее, императрицы.

Но мысли эти вовсе не воодушевляли Иоанна. Он обхватил голову руками и, вцепившись в короткие, обрамляющие блестящую лысину волосы, так рванул их, что едва не лишился совсем.

— О, Сатана! — воскликнул он. — Почему все так обернулось?

На него нахлынуло чувство обиды на судьбу, словно свершилась величайшая несправедливость.

Все его усилия, долготерпение и хитроумнейшие ходы, которые он так кропотливо предпринимал и готовил, — все это принесло обильные плоды, но он-то и не мог ими воспользоваться.

Он знал — толпе нужен вождь, и чувствовал, что мог бы им стать. Он бы организовал и вооружил эту огромную шайку разбойников, и под его началом они бы без труда справились с дворцовой стражей, которая, вероятнее всего, не оказала бы никакого сопротивления, об этом он тоже успел позаботиться.

Но в голове его уже в который раз с поразительной ясностью прозвучали громогласные призывы оратора Зеленых, потрясшие его на Ипподроме: «Твой народ жаждет справедливости!.. Долой притеснения!», а затем — угрожающе однозначно: «Всем известно... кто угнетает нас!» И, наконец: «Он умрет... как Иуда!»

Иоанн провел пальцами по взмокшему лбу, и словно ледяная рука сжала его сердце. Он был единственным из всех императорских чиновников, к кому толпа была единодушна в своей ненависти. И в этом повинен он сам. В последние месяцы, утратив надежду на то, что его тайные замыслы удастся осуществить, он оборвал связь со многими, кого вознес и кому покровительствовал. Зеленые, несомненно, сочли его отступником, что было достаточно веским основанием, чтобы от него отвернуться. Что же каса-

ется толпы, она и не подозревала о его личном вкладе в подготовку беспорядков, однако имела предостаточно оснований ненавидеть его. Стараясь завоевать благосклонность Юстиниана, он слишком усердствовал в исполнении обязанностей префекта претория. Императору нужны были деньги — и Иоанн добывал ему эти деньги, используя всю изощренность своего ума, изобретая все новые налоги, продавая исключительные права на торговлю богатым купцам и даже государственные должности, которые, как на торгах, доставались тому, кто предлагал наивысшую цену. Наконец, он просто конфисковывал имущество горожан под любым предлогом и безо всякой жалости.

Иоанн осознавал, что, наполняя казну, он перегнул палку, и знал, что развелось множество недовольных, но никак не ожидал, что сумеет вызвать негодование такой разрушительной силы.

В какой-то момент он даже ощутил желание выйти из дворца и, представ перед народом, предложить себя в качестве вождя. Но тут же отбросил эту мысль. Ему даже рта не дадут открыть. Опьяненные злобой, они мгновенно разорвут его в клочья. Слишком сильно его ненавидели за безжалостные поборы.

Наконец он принял решение и тотчас выпрямился. Что ж, он способен взглянуть на события философски и приспособиться к любой ситуации. Если он не может возглавить мятежников, то уж по крайней мере не даст поймать себя в ловушку, как паршивую крысу. Избитое сравнение с крысой не казалось ему оскорбительным. Оно ему даже понравилось, потому что это всеми презираемое создание обладало ценным, с точки зрения префекта, качеством — способностью чутко чувствовать момент гибели корабля и предпринимать шаги для спасения собственной шкуры.

При этой мысли Каппадокиец внимательно осмотрелся, словно что-то разыскивая. Затем он начал снимать с себя пурпурную мантию, золотые наплечники, шафрановую с золотом тунику, нарукавники и котурны, — все те великолепные знаки отличия, которые так любил; но в первую очередь он стремился избавиться от дорогих украшений, которые могли привлечь внимание...

Полчаса спустя у входа в кафисму, на ступенях, ведущих из дворцового перехода на Ипподром, появилась одинокая фигура, которая бесшумно двигалась в полной тем-

ноте. Невероятно было уже то, что кто-то смог воспользоваться этим ходом, так как ключи от него имелись только у дворцового управляющего, командира эскувитов и префекта претория. Но самое поразительное — это был прокаженный. Это сразу заметил бы всякий, не будь Ипподром совершенно пуст в этот поздний час. На нем была грязно-белая хламида, которую закон предписывал носить всем прокаженным, чтобы их можно было отличить издали; в одной руке у него был колокольчик, также предназначенный для предостережения встречающих, а в другой — посох; вокруг головы было обмотано грязное серое покрывало, закрывающее лицо, очевидно, обезображенное болезнью. На мгновение человек замер, осматривая огромные пустые трибуны, которые неясно проступали в темноте сквозь плену дыма и лишь изредка озарялись вспышками отдаленных пожаров. Затем человек в хламиде начал долгий спуск по ступеням к арене, по песку которой он уверенно направился к Вратам Смерти, открытым днем и ночью. Здесь его движения и весь облик вдруг изменились. Статная фигура согнулась, словно страшная болезнь, изуродовавшая его лицо, сгорбила также и его спину. Посох теперь неуверенно нащупывал дорогу, очевидно оттого, что его слепые глаза не могли указать ногам, куда идти. Каждый шаг сопровождался унылым позвякиванием колокольчика.

Таким образом Иоанн Каппадокиец по-своему выразил уверенность в безнадежности ситуации — он дезертировал из дворца, выбрав для этого почти идеальную маскировку: прокаженному всегда уступят дорогу и никто не посмеет тронуть его, поскольку его прикосновение равносильно смерти.

Посох громко стучал по плитам мостовой, а колокольчик издавал печальный надтреснутый звон... Сгорбленный путник прошел мимо внешней стены Ипподрома на Виа Альта, взглянул на запад, где вершина одного из семи холмов, на которых раскинулся город, была полностью охвачена пламенем, затем свернул на восток и двинулся по главной улице мимо императорского дворца и здания суда. Улица огибала западный фасад Августеона, где мятежники взломали двери в книгохранилище и теперь топтали ногами пергаментные и папирусные свитки с творениями поэтов, историков и философов Греции, Рима, Египта и Пер-

сии; они расшвыривали их, рвали и жгли, охваченные магией разрушения.

Безвозвратная потеря человеческого разума, однако, не произвела на Каппадокийца особого впечатления. Он не видел никакого проку в учении, к тому же в данный момент его гораздо больше волновал вопрос, достаточно ли надежным окажется его маскарад в тех передрыгах, которые еще впереди. Тысячи константинопольцев знали его в лицо, и он содрогнулся при мысли, что может быть случайно узнан.

Галереи Августеона не пострадали, но на противоположной стороне площади он увидел дымящиеся руины здания Сената. Затем Иоанн свернул на север и поплелся по улице, ведущей к вратам Евгения, с которой открывался вид на причалы Золотого Рога. Картина разрушений здесь была просто ужасающей. От великого собора Святой Софии остались только обугленные стены: кровля рухнула, место, где прежде возвышался величественный купол, теперь зияло непривычной пустотой, подобно выбитому зубу, тогда как остатки стен среди развалин, казалось, светятся изнутри зловещим светом тлеющих углей. Не отличающийся особой набожностью, а скорее суеверный, Иоанн, однако, похолодел при виде такого страшного святотатства.

На протяжении всего пути он никого не встретил. Казалось, жители города покинули окрестности дворца и сожженного собора, словно это было зачумленное или проклятое место. Однако, миновав Святую Софию, он натолкнулся на первые трупы: это был старик, очевидно иудей, с залитой кровью седой бородой, и маленькая девочка, возможно, его внучка, с разбитым затылком. Бездомная собака слизывала кровь с мостовой. Когда прокаженный проходил мимо, она оскалилась и зарычала. Улица впереди была вся в дыму, и Иоанн остановился в нерешительности. Затем он разглядел, что дым идет от догорающих руин церкви Святой Ирины, и поспешил вперед. Еще один труп. На этот раз — священник, выглядевший так, словно его рвала стая хищников. В отсветах огня было видно, как какие-то люди дрались из-за священных сосудов, украденных из алтаря.

Путник в белой хламиде шел дальше. Вокруг него во мраке сновали тени, кто-то истошно кричал, был слышен треск взламываемых дверей и вопли женщин. Что там происходит, он не мог разглядеть из-за дыма, от которого сле-

зились глаза, душил кашель и не спасала даже закрывающая лицо тряпка. Однако он знал, что находится в одном из самых богатых городских кварталов. Именно здесь бунтовщики вымещали все свои обиды и утоляли жажду мести.

Наконец дым стал не таким едким и стали различимы фигуры пробегающих мимо людей. Здесь Иоанну неожиданно представился случай убедиться в том, насколько удачно выбрал он свое новое обличье.

Он оказался перед богатым домом, на ступенях которого лежал человек в тоге, с расколотым черепом. Иоанн узнал и дом, и человека, вернее, то, что от него осталось. Это был сенатор Фигул, весьма почтенный, хотя и несколько самодовольный патриций, принявший смерть на пороге своего жилища.

Дверь была распахнута, из нее лился яркий свет. Слышны были женские крики. Внезапно из дома выбежала молодая женщина. Было видно, что она красива, хотя лицо ее было искажено рыданиями. Волосы, из которых были вырваны гребни и заколки, рассыпались по спине. Двое пьяных парней в грязных туниках рабов выскочили следом и бросились догонять ее. Они мчались прямо на Иоанна, и тот отпрянул в сторону. Девушка, бегущая из последних сил, внезапно увидела в дыму и во тьме мрачную фигуру, закутанную в белое, и остановилась в ужасе. Преследователи тут же настигли ее, и тогда, словно предпочтя насильников прокаженному, она перестала сопротивляться. Иоанн видел, как ее поволокли обратно в дом.

Этот эпизод добавил к картине еще один зловещий мазок. Очевидно, рабы начали примыкать к восставшим и нападать на своих хозяев. Однако тот факт, что рабы сенатора убили его, захватили дом и теперь насилуют женщин, не особенно потряс Иоанна. Зато он почувствовал настоящее облегчение, убедившись в том, насколько надежно защищает его наряд прокаженного.

Постукивая посохом и звеня колокольчиком, он торопливо продвигался к императорскому Арсеналу, встречая на своем пути все больше следов насилия. На улицах повсюду валялись камни, мусор и обломки. То здесь то там грабители вламывались в лавки и брали все, что могли унести. А чего не могли — рвали, разбрасывали, уничтожали. В темном проеме двери что-то колыхалось. Это был повешенный, судя по одежде — богатый купец. Ноги его были босы

и покрыты ожогами, — очевидно, грабители, прежде чем повесить беднягу, пытали его раскаленным железом, дознаваясь, где тот прячет золото.

В одном месте Иоанн натолкнулся на перепуганного ребенка не старше двух лет, который сидел на темной пустой улице совершенно один и заходился отчаянным плачем.

Мимо него прошла толпа мародеров, которые орали пьяными голосами и громогласно смеялись. Многие из них были одеты на гуннский манер — в хитоны с непомерно широкими рукавами, — их силуэты напоминали крылья летучих мышей. У многих были бороды и усы — дань последней моде ювентов. Правда, у некоторых юнцов, только вышедших из подросткового возраста, растительность на лице была жидковатой, зато весьма впечатлял их вид — свирепый и воинственный. Несколько человек несли горящие факелы, а один отрубленную человеческую голову на шесте... Узнать ее было невозможно. Вероятно, это был один из воинов городской стражи, оставшийся верным своему долгу. Вся эта свора двинулась к Августеону, намереваясь сровнять его с землей.

Внезапно Каппадокийцу стало жутко. В толпе мелькнуло очень знакомое лицо. Неужели это Герон, сын сенатора Полемона, который был сослан императрицей? Значит, весть о мятеже достигла провинций и враги императорского дома слетались, чтобы принять участие в его свержении! В какой-то момент Иоанну показалось, что взгляд человека, который знал его более чем хорошо, проникает сквозь тряпье прокаженного. Однако раскрасневшийся от выпитого Герон обошел его стороной и ринулся дальше вместе со всеми, размахивая сыплющим искры факелом.

Наконец впереди показалась мрачная громада Арсенала. Здание еще было целым; перед ним собралась большая толпа. При свете многочисленных факелов Иоанн увидел, как идет раздача оружия и щитов. Тот, кто руководил этим распределением, был также хорошо знаком Иоанну — Сергей, бывший начальник эскувитов, которому он когда-то лично покровительствовал. На минуту прокаженный остановился, испытывая желание подойти и открыться своему бывшему протезе, а заодно и некоторым из его подручных, которых он также узнал, — среди них были представители как Синих, так и Зеленых. Но в этот момент Иоанн услы-

шал, как кто-то хрипло выкрикнул его имя, и обернулся на крик.

На ступенях стоял оратор в алой накидке и со всей страстью обрушивал на головы собравшихся потоки брани, адресованной высшей власти:

— Юстиниан — гнусный тиран, смерть ему!.. Феодора... И этой шлюхе — смерть! Смерть им всем и всей их своре, купающейся в нашем поту и крови, и в первую очередь — надутому убийце и грязному негодяю Иоанну Каппадокийцу!..

Воплями одобрения и ненависти толпа заглушила оратора. Сергей и его люди также поддержали обладателя накидки аплодисментами.

Фигура прокаженного беззвучно удалилась. Теперь он окончательно понял, в какую бездну швырнула его судьба, — ведь оратор, только что призывавший предать его смерти, был одним из тех лизоблюдов, которых Иоанн много лет натаскивал, опекал и поддерживал деньгами.

Оставив позади Арсенал и мятежников, он поспешил по темной улице на запад. Защищенный от бунтовщиков, он был лишен всякой надежды на помощь со стороны мирных жителей, в страхе захлопывающих перед ним окна и запирающих двери на засовы. Дым становился все гуще, и он понял, что приближается к еще одному очагу пожара, зарево над которым становилось тем ярче, чем дальше он продвигался. Тем не менее он продолжал идти вперед, так как это был самый короткий путь к воротам Евгения.

Ему навстречу тек все густеющий поток беженцев: матери с младенцами на руках и детьми, цепляющимися за их юбки, мужчины, согнувшиеся под тяжестью узлов с нехитрым скарбом, старуха, прижимающая к себе собачку, и множество других несчастных, лишившихся крова. Проклиная их, он должен был остановиться на обочине и ждать, пока они пройдут. Затем он двинулся дальше. Наконец, завернув за угол, он увидел, откуда все эти люди. За площадью полыхал пожар, одна сторона улицы была сплошь в огне. Он неистово рвался из проемов окон и взывал над крышами, распространяя вокруг волны невыносимого жара. Иоанн услышал треск рушащихся крыш и стен, отдаленные разрозненные крики.

Поначалу он решил было, что отрезан от цели своего путешествия, однако, заметив, что горит только одна сто-

рона улицы, понял, что, если поторопиться, он мог бы благополучно миновать опасное место. Заслоняясь локтем от жары, он приблизился к пылающим домам. У одного из них стоял, заломив руки, невысокий человек, не обращая внимания на порывы раскаленного ветра и неотрывно глядя в огонь.

— Моя жена, мой ребенок! Они там, внутри!..

Иоанн равнодушно прошел мимо. Прижимаясь как можно плотнее к стене, он стал огибать опасное место. Человек бросился за ним, обливаясь слезами и, очевидно, не замечая хламиды прокаженного. Желая от него отвязаться, Каппадокиец ускорил шаг, но вдруг с ужасом увидел, что стена одного из горящих домов клонится наружу. Забыв о своей роли калеки, он бросился бежать. На мгновение стена повисла над ним, а затем начала падать. Рванувшись из последних сил, он едва успел проскочить то место, на которое мгновение спустя рухнули горящие обломки стены. За его спиной раздались треск и грохот, как при землетрясении, в небо взметнулся столб искр и горящих головней, но он остался цел и невредим.

Иоанн обернулся. Стена, рухнув, перекрыла всю улицу, достав до домов напротив, которые теперь начали занимать от пышущих адским жаром руин. Маленький человек, бежавший сзади, был заживо погребен под пылающими обломками. Каппадокиец почувствовал, что весь дрожит от ужаса перед чудовищной смертью, которой ему едва удалось избежать. Однако постепенно ему удалось взять себя в руки. До городских ворот было уже рукой подать, по пути пожаров больше не было. Он пошел дальше.

Ночью ворота обычно были закрыты и охранялись, но сегодня они были распахнуты настежь, и поблизости не было видно ни одного стражника. Множество людей стремились вырваться из города, давя и толкая друг друга. Но даже эта перепуганная, бегущая от пожара толпа расступалась, давая дорогу прокаженному и стараясь не прикоснуться к нему даже случайно.

Спустившись к набережной, Иоанн вдруг почувствовал испуг и растерянность. Причалы были так запружены народом, что негде и яблоку было упасть, однако люди все прибывали и прибывали. Были слышны панические вопли тех, кто под напором толпы падал с причалов в воду. И по-

скольку в обстановке всеобщей неразберихи никто даже и не пытался их спасать, несчастные шли ко дну.

Судовладельцы, опасаясь, что толпы, хлынув на палубы, перевернут и утопят их корабли, отвели их подальше от берега. На некоторых судах, которых течение прибило друг к другу, перепутались снасти. Там сновали моряки, с криками разрубая перекладыны и веревки, тогда как другие отбивались веслами и шестами от плывущих к ним людей, головы которых черными горошинами виднелись на озаренной красным отсветом пожаров воде.

Но даже в этой толчее платье прокаженного давало Иоанну преимущество. Люди, увидев его, крестились и, бормоча молитвы святым, шарахались прочь, освобождая при этом некоторое пространство. Ему удалось добраться до места, где всегда стояла на якоре его барка. Однако там ее не оказалось. В ярости начал он искать ее, вглядываясь в силуэты кораблей, — но тщетно. Увидев на расстоянии четверти мили от берега бухты большое сирийское судно, освещенное дразняще спокойным светом корабельных огней, он сорвал с головы покрывало и бросился в воду.

Несколько минут спустя сирийский моряк увидел с низкой палубы фелуки приближающегося пловца и угрожающе поднял шест.

— Прочь, а не то я разможу тебе голову! — закричал он. В ответ пловец бросил что-то, приятно звякнувшее при падении на палубу. Это заставило моряка невольно вытянуть шею и присмотреться. На досках лежал золотой солид.

— Ты получишь еще, если возьмешь меня на борт, — крикнул человек в воде.

— Что случилось? — спросил привлеченный шумом хозяин корабля.

— Этот человек предлагает золото, — ответил моряк.

— Вытащи его.

Но когда Иоанн начал перелезать через планшир, мореходы в страхе отпрянули.

— Мать Божия! Прокаженный! — воскликнул хозяин. — Прочь с корабля, а не то заколю!

— Не прокаженный, а тот, кто может заплатить за услуги, — возразил Иоанн.

Он невозмутимо совлек с себя хламиду прокаженного, с которой ручьем стекала вода, и выбросил ее за борт, оставшись в одной тунике.

— А ты в этом уверен? — недоверчиво отозвался хозяин, не убирая кинжала.

— Взгляни на мои пальцы, они так же невредимы, как и твои, — отозвался Иоанн, — а платье это я использовал, чтобы выбраться из города.

Хозяин корабля внимательно осмотрел Иоанна и, поскольку знал, что отвратительные признаки проказы скрыть невозможно, осмотром остался удовлетворен.

— Ну, допустим, — сказал он. — И ты утверждаешь, что можешь заплатить?

Иоанн отстегнул от пояса кошель, туго набитый золотыми монетами.

— Сколько ты хочешь за то, чтобы отвезти меня в Сирию? — спросил он.

Ни хозяин, ни его команда никогда не видели Каппадокийца и поэтому не представляли, какая важная персона намерена стать их пассажиром, однако жадность сделала свое дело.

— Я возьму кошель со всем, что там есть, — заявил хозяин.

Иоанн скривился, однако кошель протянул. В конце концов, не так уж это и дорого. Он заплатил бы любую цену, лишь бы спастись из этого ада, который он сам сотворил в Константинополе.

Всю ночь Юстиниан не спал, а Феодора дремала урывками. Рассвет застал императрицу на ногах в окружении ее свиты. Женщины от страха тоже почти не спали, и лица у них были изнуренные и напуганные.

Феодора заказала завтрак раньше обычного, а за завтраком старалась держаться так, словно не происходит ничего особенного. Однако ее старания не увенчались успехом, так как еще до того, как подали еду, ей сообщили, что поздно ночью галереи Августеона вместе с торговыми рядами и библиотекой, хранившей множество книг и манускриптов, сожжены дотла. Это было совсем рядом с дворцом. Августеон теперь представлял собой груды дымящихся развалин, а когда пожар был в разгаре, искры и горящие головни долетали до самого дворца, от них даже занялись две крыши, которые, к счастью, удалось быстро потушить. Проникающий повсюду удушливый запах гари висел в воздухе и заполнял легкие, вызывая резь при каждом вздохе.

— Что же нам теперь делать? Что с нами будет? — читали женщины.

— Держите себя в руках! — оборвала их Феодора.

Женщины жались друг к другу, некоторые плакали. Все лица были обращены к маленькой фигурке императрицы, молча и бесстрастно сидящей на большом троне, служащем для официальных приемов. Она явно не впадала в отчаяние и не поддавалась панике перед страшной угрозой. И это немного успокаивало остальных и придавало им уверенности. В эту минуту крайней опасности Антонина и Хризомалло инстинктивно расположились как можно ближе к Феодоре, чувствуя, что, как бы ни повернулись события, судьба у них одна.

— Кто же виноват в том, что все так ужасно обернулось? — воскликнула Антонина. — Ведь кто-то должен быть виноват!

Охваченная страхом, она не смогла с обычной тщательностью совершить утренний туалет, и краска с ресниц оставила на щеке темный след, похожий на мазок копоти.

— Никто не виноват, — коротко ответила Феодора. — Чернь отбилась от рук, вот и все.

В этот момент императрица увидела приближающегося Нарсеса и вздохнула с облегчением. Уж евнух не будет, по крайней мере, задавать бессмысленных вопросов.

— Твое императорское величество! — сказал он. — Полководцы Велизарий и Мунд ожидают в атрии.

Велизарий и Мунд! Это испытанные воины. Услышав их имена, она сразу почувствовала, что на сердце стало легче.

— Проси их немедленно, — велела Феодора.

Велизарий с его львиной гривой казался воплощением стойкости и уверенности. Мунд был ниже ростом и немного колченог, но отличался мощным телосложением. Его широкоскулое лицо и слегка раскосые глаза говорили о том, что в нем течет кровь гуннов, это подтверждала и жидкая растительность на верхней губе и подбородке. Когда оба наклонились, чтобы поцеловать подъем ее стопы, она жестом велела им подняться с колен.

— Сейчас не время для церемоний, военачальники, — сказала она. — Что привело вас на женскую половину?

— Мы были на императорском совете и хотели засвидетельствовать почтение нашей императрице, — отвечал Велизарий.

Мунд украдкой осмотрелся. В этой части дворца он оказался впервые, и все здесь у него вызывало интерес, особенно придворные дамы в роскошных нарядах. Случайно он встретился взглядом с Антониной, с которой был немного знаком, и Феодора не без досады заметила, как бывшая куртизанка игриво сощурила глазки в ответ, тут же забыв о своих страхах. Только Велизарий, казалось, не замечает ничего.

— Что ты думаешь обо всех этих событиях? — спросила его Феодора.

— Думаю — дела плохи, — ответил он.

— Можно ли что-либо сделать?

— Это необходимо, нельзя сидеть сложа руки.

Велизарий говорил твердо и хладнокровно. Мунд, оторвав удивленный взгляд от Антонины, стоял молча, всем своим видом показывая готовность исполнить свой долг. Как женщина, Феодора инстинктивно искала защиты у отважных и сильных воинов.

— Я рада, что вы пришли, — сказала она. — Но что же сказал император?

— Его императорское величество еще не пришел ни к какому решению, — ответил Велизарий. — Императорский совет продолжался целый час, но хотя разговоров было много, никто не смог предложить выход, который устроил бы его величество.

— А у тебя есть какие-нибудь предложения?

— Есть, о великолепная, но оно не заслужило одобрения.

— И в чем же оно заключается?

— В том, чтобы мы явили бунтовщикам свою силу.

— Можно ли положиться на эскувитов? — спросила немного озадаченная Феодора.

Велизарий презрительно фыркнул:

— На этих оловянных солдатиков? Нет!

— В таком случае как бы ты осуществил свой план?

— На исходе прошлой ночи, когда дела начали принимать серьезный оборот, я из предосторожности велел ввести на территорию дворца отряд комитатов, а также подразделения герулов под началом Мунда. Мы разместили их на нижнем ярусе парка, за Порфириным дворцом.

— И какова их численность?

— Комитатов — девятьсот человек, а герулов — около семисот. Но это настоящие воины, о великолепная.

— Я бы хотела взглянуть на них.

Военачальник поклонился.

Феодора принимала приветствия комитатов и герулов, сидя в своем императорском паланкине у нижней стены дворца, примыкающей к морю. Ей сразу бросились в глаза чистота и порядок в лагере, а воины, замерев, стояли ровными рядами в полной боевой готовности.

— По внешнему виду их трудно сравнить с эскувитами, о великая, но драться они умеют, — заявил Велизарий.

Однако Феодора не согласилась с тем, что внешний вид его воинов не заслуживает внимания. Кольчуги и стальные шлемы комитатов не выглядели слишком эффектно, но зато было видно, что ими пользовались и тщательно за ними следили. Их длинные мечи в ножнах почти касались земли и, вероятно, создавали бы трудности на марше, если бы эти воины не передвигались верхом. Перед собой они держали копья, а за спиной у каждого висел мощный лук и колчан, полный стрел. Взгляд у них был уверенный и невозмутимый, как у людей, не раз побывавших в сражениях.

Императрица проследовала в своем паланкине туда, где выстроилось войско герулов. Эти выглядели свирепо, как волки. Они были вооружены топорами и кривыми саблями и защищены грубыми шлемами и круглыми железными щитами. У них не было обычая прикрывать тело доспехами. Вместо этого их сильные тела были обернуты звериными шкурами. Герулы считались безудержными и невероятно жестокими в схватке.

Закончив смотр войска, Феодора одобрительно кивнула. Слуги, несущие ее паланкин, остановились по ее приказу, и она спустилась на землю.

— Мне кажется, мы можем положиться на этих людей, — сказала она.

— Да, о великолепная.

Рядом с ней полководцы казались великанами, но тысячи пар глаз видели, как эти суровые воины, привыкшие отдавать приказы, склонили головы в шлемах, лоя малейшее ее слово. В этот драматический момент Велизарий и Мунд почувствовали, что в этой женщине — стальной стержень. Достаточно было увидеть, как гордо несет она голову и сколько спокойствия и самообладания в ее глазах, чтобы понять: ей достанет твердости и решительности даже

тогда, когда всеми вокруг владеют лишь растерянность, бессилие и страх.

— Что бы вы предприняли, если бы получили свободу действий? — спросила она.

— Только повели, о великолепная, — горячо заговорил Велизарий, — и мы выведем наших воинов кратчайшим путем на Виа Альта.

— Мятежников не шестнадцать сотен, а возможно, в сотню раз больше, — напомнила Феодора.

— Но ведь это толпа! А толпа всегда отличается трусостью. Они с удовольствием разорвут на части беспомощного и слабого. Но мы не беспомощны. Мы проучим этот сброд, да так, что они запомнят на всю жизнь.

— Повеление должно исходить от императора.

Он кивнул в знак согласия.

Минуту она молчала, глядя на грозные шеренги воинов, тогда как Велизарий и Мунд не сводили с нее глаз, словно гончие, готовые ринуться на травлю, лишь только кравчий отпустит повод.

— Я сделаю все, чтобы вы получили это повеление, — сказала она наконец.

Полководцы с благоговением преклонили перед ней колени.

Вернувшись во дворец Дафны, Феодора, как и ожидала, нашла Юстиниана в его рабочих покоях в обществе Трибониана, патриарха Гиппии, начальника эскувитов Гестата и некоторых других. Она заметила, что среди них не было префекта претория.

Увидев ее, император вскочил с места.

— Феодора! — воскликнул он. — Как я рад, что ты пришла! Мы только что приняли решение.

— Какое же? — спросила она.

— Мы вышлем процессию навстречу народу...

— Не для того ли, чтобы вести переговоры?

— Не совсем так. Я понимаю, конечно, и все это понимают, что они поступают ужасно. Но они просто потеряли рассудок! Разве ты не согласна с этим? Как только они придут в себя, они снова станут верными и покорными подданными. Мы должны дать им эту возможность...

— Но как?

— Я собираюсь послать к ним патриарха, епископов и священников со святыми реликвиями, спасенными из

Святой Софии. Они обратятся к народу с торжественным призывом вспомнить свой долг перед церковью и императорской властью.

Сначала Феодора даже не нашлась, что возразить на этот беспомощный и заведомо обреченный план. Она недоумевала, кто мог предложить такую нереальную вещь. Юстиниан же ухватился за это из боязни применить более жестокие и решительные меры. В том, что все провалится, она не сомневалась ни минуты.

— Этот сброд уже показал, как относится к святыням, уничтожив собор и еще шесть церквей. Так неужели ты считаешь, что они вдруг проявят уважение к священным реликвиям и служителям церкви? — спросила она.

Юстиниан не обратил внимания на презрительные интонации в ее голосе.

— Я не знаю, — забормотал он в полной растерянности, — никто не может знать заранее, но надо попробывать... По крайней мере это еще одна возможность, — так мне кажется. Я не знаю, что еще можно сделать...

Он замолчал, чувствуя ее несогласие, и вдруг ощутил, что состояние лихорадочной убежденности, в котором он пребывал последнее время, начало его покидать. В отчаянии он посмотрел на Феодору. Она сказала:

— Велизарий просит разрешения бросить войска на Виа Альта.

— Войска! Это только испортит все дело! Толпа придет в бешенство. Их нужно утихомирить, а не злить. Подумай, ведь они могут отрезать Велизария и его людей от дворца и уничтожить.

— Я так не думаю. Я видела его воинов, и похоже на то, что свое дело они знают. А сам он горит желанием показать свое умение — так почему бы не позволить ему это?

Император сжал голову руками.

— Не знаю, что и сказать... Нет, это слишком опасно! Священная процессия — это гораздо лучший план. По крайней мере, плебс не сможет обвинить нас в избиении собственного народа, если мы вышлем к ним делегацию священников.

Феодора задумалась.

— Хорошо, — промолвила она наконец, — если епископы и священнослужители хотят идти на риск, то пусть

идут. Но в то же время я умоляю твое величество — дай разрешение выступить и Велизария тоже!

— Возможно, ты права, — сказал Юстиниан. — Пусть Велизарий выступит. Но при одном условии: он должен сопровождать священную процессию, но не более! И еще, пусть его воины оставят здесь луки. У них не должно быть искушения ввязаться в драку. Он выступит с приказом избегать столкновений, если это не будет связано с самообороной, ясно?

Ожиданию, казалось, не будет конца.

Выслушав повеление с немим изумлением, сменившимся еле сдерживаемой яростью, Велизарий дал епископам и священникам полтора часа на подготовку, после чего шествие должно было выйти из ворот Халк в сопровождении его отряда. Во главе колонны выступали герулы, а за нею — комитаты, вооруженные лишь щитами и мечами. Своего мнения по поводу предстоящего похода полководец не высказал, но было очевидно, что он считает эту затею глупой и бесполезной, если не сказать опасной.

Священники, принимавшие участие в процессии, несли перед собой хоругви епископов и патриархов, золотые жезлы и специальные кресты, предназначенные для шествий; они держали в руках кадила, источающие ладан, и везли на тележке отлитую из золота фигуру Девы Марии высотой более трех локтей. У многих были священные раки, в которых хранились самые почитаемые церковью реликвии: святые мощи, кусочки ткани, считавшиеся обрывками одежды Христа, слезы Девы Марии, чудом сохранные в пузырьке, салфетка, несущая на себе таинственный образ Христа, портрет Божией Матери, написанный святым Лукой, свивальники Божественного Младенца, посох Моисея и прочий церковный скраб.

Старец Гиппия с длинной, до самой груди, седой бородой выступал весьма решительно. Перед ним несли хоругвь и жезл, а над его головой держали богато украшенный балдахин. Но несмотря на торжественную пышность и величественный вид процессии, многие из святых отцов вовсе не испытывали энтузиазма от предстоящей высокой миссии. Они чувствовали, что в такой день крепкие каменные стены дворца были бы для них более надежной защитой, нежели покровительство Господа.

В сопровождении Антонины, Хризомалло и других

женщин Феодора вышла на открытую террасу на крыше дворца Халк, чтобы видеть все происходящее.

Жуткое это занятие — смотреть на город, окутанный саваном черного дыма. Его зловещие столбы взлетали в высоту, извиваясь и принимая отвратительные очертания, напоминая конвульсии издыхающей змеи. Высоко вверху дым расплывался и серой пеленой затягивал все небо. Солнца почти не было видно. Иногда оно появлялось в просветах бледным пятном и снова исчезало, когда пелена сгущалась. От смрада горящих руин дышать становилось все трудней.

Феодоре показалось, что с тех пор, как она смотрела на город в последний раз, пожары катастрофически разрослись. Появилось множество новых, и невозможно было понять, были ли это поджоги или просто пламя перекинулось со сгоревших кварталов на соседние. Казалось, три четверти города охвачено огнем или уже обратилось в пепел.

— Что это? — воскликнула Хризомалло, увидев взметнувшийся вверх грандиозный столб пламени, от которого вид гибнущего в огне города стал еще более зловещим. Женщины оцепенели.

— Это склады в торговых рядах, — отозвалась Феодора, — видно, огонь добрался до масел, дерева, смолы или других легко воспламеняющихся товаров... Вон, смотрите, еще одна вспышка!

Вновь и вновь извергался огонь в небо, увлекая за собой раскаленные глыбы, разлетающиеся метеоритным дождем и взрывающиеся высоко в воздухе мириадами искр, которые, будто чудовищные семена, падали на город, рождая все новые пожары. Иссиня-черный и еще более едкий дым валил от складов, где хранились одежда, зерно, кожи. Вершины окрестных холмов пылали, как жерла огромных печей.

Прошло уже немало времени с того момента, как последний из комитатов, замыкавших процессию, скрылся в дыму. Феодору мучила неизвестность. Ей не давала покоя мысль, что отряд, посланный по ее настоянию, оказался беспомощен и связан по рукам и ногам запретами Юстиниана. А вдруг Велизарий и Мунд вместе с их храбрыми воинами уже пали на улицах города? А сколько жителей Константинополя погибло в этом огне, подобно тем несчастным больным из приюта? Наверняка тысячи, не говоря уж о жертвах разбойников и грабителей.

Около трех часов пополудни разнеслась весть, что процессия возвращается во дворец.

В дыму, столь густом и тяжелом, что он стелился над самой землей, замаячили фигуры людей, в которых спустя несколько минут уже можно было различить патриархов, епископов и прочих священнослужителей. У Феодоры сложилось впечатление, что преподобные особы возвращаются более поспешно, чем покидали стены дворца. Некоторые из них не вернулись вовсе, ибо толпа забросала их камнями, и не один святой отец был сбит с ног ударом булыжника или иного снаряда. Позади всех дьяконы волокли старца Гиппию. Беспорядочное отступление служителей церкви уже ничем не напоминало священную процессию: волоча как попало хоругви, кресты, посохи и раки, простые священники и надменные прелаты стремились поскорее достичь безопасного места. Борода патриарха стояла дыбом от негодования, но было видно, что среди представителей духовенства он меньше других поддался панике. Глаза святых отцов были красными от дыма, волосы растрепаны, но все они были счастливы снова оказаться за надежными дворцовыми стенами. Когда они миновали ворота, выяснилось, что большая часть священных реликвий уцелела, и только золотая фигура Девы Марии и тележка, на которой ее везли, захвачены мятежниками.

За убегающими священниками на небольшом расстоянии следовали герулы во главе с Мундом. Они шли строем, часто и злобно оглядываясь. Это было отступление, но отнюдь не беспорядочное бегство. Многие из воинов были в крови, их лица были черны от сажи, брови и бороды опалены; шкуры, наброшенные на щиты и прикрывавшие их тела, были обожжены огнем пожаров. Не все вернулись назад. Семьсот человек покинули дворец, и немногим более шестисот возвращались обратно.

Мунд ввел свое войско на территорию дворца, построил в шеренги, и они стали поджидать появления отряда Велизария.

Наконец сквозь клубы дыма Феодора разглядела отступающий отряд комитатов. Первые ряды двигались, соблюдая строй, хотя солдаты также все время оглядывались назад. Когда колонна подошла ближе, стало видно, что в ее хвосте происходят столкновения. Вот в поле зрения появились задние ряды, и императрица увидела, как командиры

изо всех сил пытаются сохранить строй и не дать солдатам сбиться в толпу. В последних шеренгах воины держали позади себя щиты, сомкнув их и прикрываясь от града летящих следом камней, которые с грохотом отскакивали от доспехов, а временами с глухим шлепком попадали в незащищенные части тела. Мечи воинов были обнажены, и многие из них — окровавлены, доспехи помяты. Некоторые прихрамывали или передвигались с помощью товарищей. Колонну преследовала орущая и торжествующая толпа, мечущая камни, выкрикивающая оскорбления и насмешки, но держащаяся при этом подальше от острых мечей.

В последней шеренге шел и сам Велизарий.

При виде дворцовых стен толпа мятежников приостановилась, а затем с еще более грозным ревом начала заполнять улицу, примыкающую к главным воротам.

Велизарий был последним, кто вошел в огромные бронзовые ворота дворца, и они захлопнулись за его спиной.

Пока Мунд отводил оба отряда в лагерь, Велизарий докладывал Юстиниану и Феодоре, ожидавшим его в кабинете императора.

— Мы спасли священнослужителей и большую часть священных реликвий, — сказал воин. — Не успели мы развернуться, как толпа бросилась на них, словно волки на овец. Герулы понесли серьезные потери — думаю, более ста человек, — пытаясь отбить священников у окружившего их сброда. Варвары пришли от этих потерь в бешенство. Я не знаю еще точно, сколько погибло моих солдат, когда мы прикрывали отступление, однако те, кто падал, — все мертвы, поскольку толпа не щадила никого. Полагаю, погибло более полусотни, так что всего мы потеряли около полутора сотен.

Он мог бы прибавить, что эти жизни принесены в жертву из-за нелепого приказа. С самого начала он не верил в пустые надежды Юстиниана усмирить толпу при помощи священных реликвий и святых отцов и не мог согласиться с полученным повелением ограничиться только обороной, которое лишило его воинов преимущества и сделало их уязвимыми для гораздо более многочисленного противника.

— Вызволив священников, я приказал отступить, — продолжал Велизарий. — Было ясно, что оставаться на улицах равносильно смерти. Они все охвачены пожарами.

горящие стены постоянно рушатся. Несколько моих людей были убиты рухнувшей кладкой. А те дома, что не горят, толпа использует для атак, занимая крыши, нависающие над улицей. Не имея луков и при такой малой численности вовсе не просто выбить их оттуда.

— Так я и думал! — Юстиниан в отчаянии всплеснул руками. — Хорошо еще, что вам вообще удалось вернуться!

Казалось, он так и не смог понять, что именно его указания привели к столь трагическим последствиям.

Феодора взглянула на Велизария.

— И чем, по-твоему, это может нам грозить?

— Чернь поверила в нашу уязвимость. Они ликуют, ощущение победы окрыляет их и делает куда более опасными.

— Какую часть города вы сможете удержать? — спросила она, переходя, как обычно, к самому главному.

Велизарий мрачно взглянул на нее.

— В настоящий момент — территорию дворца, может быть, еще развалины Августеона, здание Сената и собор. Вот, пожалуй, и все.

— Однако шесть тысяч человек могли бы сделать и больше! — воскликнул Юстиниан.

— С твоего позволения, о величайший, теперь их менее пятнадцати сотен, — возразил ему Велизарий.

— А что же эскувиты?

— Об этих и говорить не стоит. Многие из них сочувствуют толпе, а если даже и нет, то все равно толку от них в драке никакого — один только гонор и доспехи. А ведь нам не парад предстоит, твое императорское величество, и не представление. Я бывал во многих городах, отданных на разграбление, но никогда мои глаза не видели более страшного зрелища. Половина населения обезумела от ужаса и горя, потеряв дома и все, что в них было. Другая же половина утратила рассудок от ненависти к твоему величеству и прочим представителям власти. Полгорода превратилось в пепелище, и один Бог знает, сколько погибло народу. Среди них много рабов, которых держали под замком и оставили обреченными на смерть в огне, так как выйти они не могли. Некоторым рабам удалось спастись, и теперь они рыщут по улицам в поисках добычи и отмщения, поскольку понимают, что для них эта катастрофа — возможность получить свободу...

— Ко всему еще и восстание рабов?! — простонал Юстиниан.

В городе, где рабы исчислялись сотнями тысяч, всегда существовала угроза их бунта. Все еще помнили ужасный мятеж Спартака и рабов Рима, когда временами казалось, что те вот-вот возьмут верх и истребят своих хозяев.

Но Велизарий возразил:

— Я не думаю, чтобы рабы действовали организованно. Они бродят небольшими группами, убивая кого попало и прибирая к рукам все мало-мальски ценное. Но вот кто действительно представляет опасность, так это чернь из старой части города, особенно из районов трущоб, порта и улицы Женщин. Похоже, что к ним примкнул кровожадный сброд со всего мира. Обе цирковые партии подстрекают их...

— Обе?

— Среди тех, кто с нами дрался, было полно и Синих, и Зеленых. Должен сказать прямо, твое величество, город сплотился против нас.

Юстиниан в ужасе уставился на него.

— Что же нам делать, что?!

В эту минуту снаружи вновь слышались тревожные возгласы, шум и топот. Слышно было, как командиры выкрикивают приказы. Юстиниан поднял голову.

— Что там еще?

И словно в ответ дверь в атрий открылась и вошел Нарсес, только что переговоривший со стражей.

— Ваши императорские величества! — произнес он сурово. — Толпа пошла на приступ дворца. Уже кое-где занялись пожары.

ГЛАВА 28

Юстиниан молча поднялся. Феодора осталась сидеть, но сердце ее бешено заколотилось.

Все взгляды устремились на стоящего в дверях Нарсеса. По его лицу было видно, как потрясен правитель дворца.

Император был в смятении. Лицо его выражало тревогу. У Велизария перекатывались на скулах каменные желваки.

Он заговорил первым:

— Твое величество, я должен поспешить к своим людям, — сказал он.

Юстиниан молча кивнул. Военачальник отсалютовал и решительным шагом удалился.

Вслед за ним двинулись и остальные. Впереди всех спешил император. Ему не терпелось своими глазами увидеть, что происходит.

Выходя из дворца, Феодора видела общее смятение и даже панику. Женщины из ее окружения, в их числе Антонина и Хризомалло, забились в угол и со страхом взирали на ворота.

Она взглянула туда же. Над дворцом Халк клубился черный дым. Двор заполнили мечущиеся взад-вперед люди. Вытаптывая цветники, они передавали из рук в руки сосуды с водой, пытаясь потушить огонь. Царила полная неразбериха. Рыдающие от отчаяния женщины беспомощно заламывали руки.

Из-за стен со свистом полетели камни. Гремя серебряными доспехами, свалился замертво начальник охраны. Шлем съехал с его головы, обнажив ужасную рану на виске.

— Они начали метать камни, — сказал кто-то прямо на ухо Феодоре. Она узнала голос Трибониана. — Я бы не советовал выходить твоему величеству. Этот уголок послужит хоть какой-то защитой.

Она позволила ему проводить себя в более спокойное место, позвав с собой остальных женщин.

— Горит с фасада дворец Халк, — продолжал Трибониан. — Деревянные помещения внешней стражи, выходящие на Августеон. Это за пределами дворца. На стенах пока тихо. Но мне кажется, что положение крайне серьезное. Мятежники проникли в Арсенал, захватили мечи, копья и другое оружие. Эти камни пущены из пращей, взятых там же. На наше счастье, делают они это не слишком умело. В противном случае жертв было бы куда больше.

Он выразительно посмотрел на несчастного начальника стражи.

— Есть надежда остановить огонь? — спросила Феодора.

— Попробуем. Внутренняя стена Халка мраморная, очень прочная. Конечно, опасность есть, ведь могут воспламениться другие здания.

Голос его был совершенно спокоен. Императрица удивилась:

— Неужели тебе не страшно?

— Нет, великая. Для мужчин смерть — привычная штука. Я всегда сознавал это. Мне жаль одного. Может случиться так, что мы не успеем закончить кодекс законов Юстиниана.

— Но ведь это будет настоящая трагедия! — воскликнула Феодора.

— Не думаю. И это не так уж страшно. Закончит кто-нибудь другой. Конечно, если не произойдет то, чего я действительно опасуюсь.

— Чего же ты боишься, Трибониан?

— Если этот мятеж не погасить, он погубит империю. Эта толпа ни перед чем не остановится. Остается одна надежда...

— Юстиниан?

— Нет, великая.

Он взглянул на стройную красивую женщину и вспомнил ту ночь, когда впервые увидел ее. Это было у Хионы, на пиру, где они сидели рядом на одном ложе. Он и тогда восхищался Феодорой. Она была доступной, но умной и дерзкой. И там же он упустил возможность ею обладать.

Много раз Трибониан упрекал себя за нерешительность. Но гораздо чаще благодарил всех святых за то, что удержали его от этого соблазна. Хрупкая фигурка, которую он поддерживал сейчас, — не просто женщина. В этом нежном образце воплотилась целая эпоха.

— Кто же тогда? — настаивала императрица.

— Ты, о великолепная!

Это было совершенно неожиданно.

Вдруг пламя перед дворцом Халк взметнулось вверх, выбрасывая огромные клубы дыма и снопы искр. Это рухнула кровля внешнего портика.

Из-за стен донеслись восторженные вопли.

— Ника! — вопил сброд. — Ника!

Именно этот крик избрали мятежники своим кличем. Этим воплем жаждущие крови трибуны Ипподрома подстегивали животных, несущихся по арене. Он всегда приводил Феодору в ужас. Еще страшнее он звучал сейчас, когда имел прямое отношение к ним: императору, императрице, власти и организации империи.

Сквозь сплошной рев прорывались отдельные насмешливые реплики:

- Юстиниан, жалкий узурпатор!
- Покажись нам, Юстиниан!
- Выдай нам голову Каппадокийца!
- Трибониан, где ты, трус?!

Феодора взглянула на Трибониана. Смуглое лицо его посерьезнело:

— Меня обвиняют в несправедливости. Должно быть, они правы, — промолвил он. — Я был так занят пересмотром законов, что забросил другие дела.

— Они требуют префекта претория, — заметила Феодора. — Кстати, где он?

— Иоанн? Не знаю. Я только сейчас сообразил, что сегодня еще его не видел.

Из-за стен донесся новый взрыв криков:

— Шлюха! Где она?! Выдайте нам шлюху!

Феодора ощутила, как задрожала стоящая рядом Хризомалло.

— Успокойся, детка, — повернулась к ней молодая императрица, — они имеют в виду меня.

Хризомалло недоверчиво подняла на нее глаза и, запинаясь, спросила:

— Они смеют оскорблять твое величество?

Для нее Феодора всегда была существом высшим, неподсудным, едва ли не божеством. То, что в ее адрес сыплются подобные оскорбления, казалось ей невероятным.

— Неужели ты не слышишь? — Феодора обняла дрожащую подругу.

Из-за угла показался вооруженный до зубов отряд. Комитаты приближались быстрым маршем со стороны террасы. Во главе шел Велизарий. Борода его воинственно топорщилась. Впервые в жизни Антонина умоляюще смотрела на мужа, отбросив свое неизменное кокетство.

Еще немного, и Велизарию будет позволено раздавить эту толпу. Он покажет им, как бунтовать!

Крики усиливались. От искр загорелась крыша церкви Святого Стефана, и теперь вся она была охвачена огнем.

Тем временем Велизарий остановил своих людей, и Феодора увидела, как он направился к Юстиниану. Тот стоял в укрытии за колоннами вместе с Гестатом.

Шум голосов и гул огня мешали Феодоре слышать, о

чем они говорят. Но император отрицательно покачал головой на слова Велизария, а когда тот попытался убедить его в чем-то, просто пришел в бешенство.

Сцепив зубы, Велизарий вернулся к своим людям.

Получив команду, часть солдат тут же бросилась на помощь тем, кто пытался бороться с огнем.

Итак, Юстиниан не позволил Велизария пустить в ход луки. Но почему? Феодоре это было непонятно. Почему император до сих пор колеблется? Чего этим можно добиться? Толпа подняла мятеж. Надо действовать, или будет поздно. Единственно правильное решение — принять бой.

Камнемет-онагр был слишком громоздок. Он тяжело продвигался вперед, хотя его и ташили, подкладывая под полозья катки, множество людей. Еще более четверти мили оставалось до стен дворца.

Герон, сын сенатора Полемона, стоявший во главе этих людей, остро ощущал собственную значимость. У него была теперь реальная власть, которой его наделили.

Онагр получил свое название от дикого осла, известного своей брыкливостью и скверным нравом, и являлся самым крупным стенобитным орудием в империи. Машина казалась приземистой и неуклюжей. Длинный рычаг с деревянной пращей сейчас был поднят для удержания равновесия. Но стоит наметить цель — рычаг отведут вниз с помощью ворота, а затем уложат в ковш неподъемную каменную глыбину. Теперь достаточно отпустить спусковой механизм, и рычаг мгновенно выпрямится, а камень полетит вперед на огромное расстояние, круша самые мощные стены.

Более мелкие метательные орудия — баллисты и катапульты — тоже подвели к стенам дворца, но Герону не терпелось увидеть в действии именно эту машину. Ах, как она была неповоротлива и как медленно двигалась!

— Ну же! — кричал Герон своему отряду. — Давай, давай, шевелись!

Не меньше сотни людей возились с гигантским орудием. Мимо них, направляясь к дворцу, бежали вооруженные люди.

Герон почти не спал в эту ночь, но чувствовал себя превосходно. Грабежи в городе были самым волнующим событием, свидетелем которого он стал. Это не сравнить с про-

делками былых времен, когда он был среди ювентов Алкиноя.

После месяцев смертельной скуки в Пафлагонии хорошо было опять почувствовать полную свободу, восторг разрушения, увидеть гибнущие в огне здания, наслаждаться властью и ощутить наконец свою принадлежность к могучей, несокрушимой силе.

Мысли его вернулись к теще Софронии и тестю Сильвию Тестору, которые вместе с его женой остались в провинции. Эта Софрония несносна. Именно из-за нее его изгнали. Ее злой, как змеиное жало, язык, ее речи, обращенные против императрицы, испортили ему жизнь.

В Тиспасе же не было ничего привлекательного — ни ума, ни красоты. Быстро растолстев, в постели она больше всего походила на кусок холодной говядины.

Герон часто корил судьбу за свой несчастный брак. Надежды на наследство — и те не сбылись. Все имущество Сильвия Тестора в столице было конфисковано, а того, что принадлежало ему в провинции, едва хватало на жизнь.

Весть о мятеже привела Герона в неистовый восторг. Ускользнув от жены и ее родителей, он доплыл до Никеи по Понту Эвксинскому и прибыл как раз вовремя. Таких, как он, здесь было много.

У Герона накопилось достаточно обид, но главная была связана с императрицей. Он мог бы много чего порассказать о Феодоре, но прежде это было небезопасно. Теперь же он молчать не станет. Ведь это она виновата в том, что его изгнали. Из-за этого он потерял надежду сделать карьеру.

Но была еще одна, более глубокая, причина его озлобления. Он всегда чувствовал себя обманутым ею. Это началось давно. Тогда она была еще хоть и дорогой, но все же куртизанкой и нуждалась в его помощи. Он желал ее, и в награду она обещала себя. Сделав свое дело, награды он так и не дождался. Явившись к Феодоре и обнаружив пустой дом, он узнал у какой-то женщины, что Феодора объявлена вне закона и бежала. Но долг остался долгом. И Герон чувствовал, что готов задушить ее собственными руками.

А восставшие все бежали и бежали мимо. Его люди на миг остановились, с трудом разгибая натруженные спины и вытирая взмокшие лбы.

— Давай с нами! — окликали их. — Бросьте эту штуковину! Сейчас начинаем!

Люди Герона неуверенно озирались.

— А ну-ка, взялись! Вперед! — заорал Герон. — Не отвлекаться! Сергей сказал, что этой машиной мы можем сломать стены!

Отряд снова попытался продвинуться вперед. Но тут накатила новая волна бегущих ко дворцу, и часть отряда все-таки побросала веревки.

— Мы тащимся как черепахи!

— Они захватят дворец без нас!

— Мы все прозеваем, нам ничего не достанется! — кричали они.

Герон и приказывал, и упрашивал, но, увы, его уже никто не слушал. Хоть его и назначили главным, командиром он не был.

В конце концов отряд начал разбегаться. Вот и последнее, не глядя на Герона, оставили веревки и рычаги и поспешили вслед за остальными. Их спины красноречиво говорили, что они-то знают, как действовать.

Герон остался в одиночестве и беспомощно уставился на могучую машину.

В эту минуту показались всадники. Их было трое, и он узнал Друба — главного у Синих, и Помпилия — старшего Зеленых. Последним ехал Сергей, назначенный военачальником восставших.

Они остановились возле неподвижно застывшего онагра.

— Что происходит? Почему машина стоит? — спросил он.

Взгляд его упал на Герона.

— Где твои люди? Они что, не подчиняются приказам?

— Люди ушли! — мрачно ответил Герон. — Ушли, чтобы участвовать в грабеже!

— Но нам необходима эта машина! — гневно вскричал Сергей. — Еще ни одно метательное орудие не достигло дворца. Баллисты, катапульты — все брошено где попало. Они разбегаются. Как я могу командовать, если никто не ведает, что такое дисциплина?! Надеюсь, что ты, Герон, разыщешь своих людей и машина наконец прибудет по назначению!

Вне себя от гнева, Сергей пришпорил коня и догнал уже отъехавших Друба и Помпилия.

Герон проводил его взглядом, но не тронулся с места.

Так или иначе, ничего не получится. Как можно сколотить отряд из проходящих мимо оборванцев? Разве они станут слушать его? Да они просто поднимут его на смех! А онагр можно подвезти и потом. Тем более что он может вообще не понадобиться... Народ достаточно силен и без этого. Около ста тысяч людей, многие из которых так же хорошо вооружены, как и солдаты. Почему бы им не одолеть эти стены, даже если дворцовая гвардия будет сопротивляться? К тому же Сергей уверял его, что этого не случится.

Герон с отвращением взглянул на проклятую уродину, с которой его оставили наедине. Как она мешала ему наслаждаться битвой! Недолго думая, он решительно повернулся и бросился туда, где сейчас разворачивались события.

Теперь и Феодору охватил ужас. Случилось то, чего она так боялась. Из недр памяти всплыла картина: мертвый город Кирена. Там тоже вспыхнул мятеж, и город был стерт с лица земли. Ужасы восстания, о которых она читала, слепая звериная жестокость с обеих сторон, бесчисленные жертвы, смерть мужчин, женщин, детей...

Жуткий рев за стенами дворца принадлежал тысячеголовому зверю, жаждущему крови, пылающему лютой ненавистью к Юстиниану и верхушке империи, — но более всего и прежде всего к ней, Феодоре.

Девушка с улицы Женщин...

Именно так к ней относились византийцы. Ей вспомнилось, как бурно ее приветствовали, когда она впервые вышла к жителям столицы уже как императрица. Однако в их голосах уже тогда были и восхищение, и угроза.

И немалое время народ поддерживал ее на троне. Ситуация была диковинной и порождала бесчисленные анекдоты.

Но никогда, ни одного дня не воспринимали Феодору только как императрицу. Чернь всегда помнила, что она одна из них, не лучше и не хуже.

Ей вспомнились слова Айоса, нищего: «Если люди повернутся против тебя, — сказал он когда-то, — гнев их будет во сто крат сильнее. Мстить тебе будут куда более жестоко, чем любому высокородному».

Айос мудр. И здесь он прав так же, как и в том, что никогда не порвать ей невидимую нить, которая связывает ее с этой толпой. А толпа эта теперь тысячеруко тянется к ней, чтобы сбросить, растоптать, уничтожить ее, тем самым удов-

летворив извечную жажду отмщения той, что поднялась из грязи. Только так могут они оправдать собственную ничтожную бездарность и посредственность.

Ей стало не по себе.

Воины по-прежнему пытались потушить храм Святого Стефана. Однако его уже было не спасти. Благо еще, если огонь не перекинется на другие строения.

Камни продолжали со свистом лететь через стены. На фоне дыма выделялись сверкающие доспехи гвардейцев. Похоже, мятежники на время отхлынули.

Что же будет дальше?

До штурма дело еще не дошло. Пока только подожгли казармы, а от них вспыхнула церковь. Но ведь это только начало! Милостивый Господь! Остается надеяться только на чудо. Как долго сможет продержаться гарнизон дворца под натиском такого скопища народу? Многие из них вооружены, да и преступники, освобожденные из тюрем, также примкнули к мятежникам. Это придало восстанию еще большую жестокость. Разбредясь по городу, многие воины тоже участвуют в разбое. А они опытные и в состоянии организоваться. Даже если штурм отразят, продержаться можно будет в лучшем случае лишь несколько дней. В любой момент и гвардейцы тоже могут повернуть оружие против тех, кого должны были бы охранять. Так бывало не раз.

Потом начнется резня. Двор, слуги, друзья — ее и Юстиниана, — все погибнут. Это будет полное, окончательное истребление.

Феодора была совершенно измучена, но вдруг у нее мелькнула странная мысль: что, если этой толпе нужна она? Только она? Может быть, если их ненависть получит удовлетворение, они разойдутся и вернуться к нормальной жизни?

Что, если отдать им себя?

Феодора задумалась. Как сделать, чтобы об этом узнали многие, чтобы весть разлетелась по всему городу? Тогда мятежники остановятся.

Ипподром!

Ну конечно! Хоть город и охвачен мятежом, а власти не имеют силы его подавить, Ипподром остается местом сбора мятежников. Они собирались там и накануне. Именно поэтому был отложен штурм дворца — вместо этого они толпились на Ипподроме, слушая своих ораторов, которые

славили победу, проклинали власти, предлагали планы еще более страшных разрушений.

В этом их ошибка. Они слишком уж прославляют себя. Но такое самолюбование таит большую опасность.

Представить себе, что во время одного из таких сборищ она, Феодора, императрица, выйдет на арену и окажется у них в руках!

Красота... женственность... власть...

Три эти вещи будут принесены в жертву звериной жестокости черни.

Без сомнения, они разорвут ее на части. Феодора мысленно услышала их безумный вой, когда они бросятся терзать ее прекрасное нежное тело. Но заставит ли это их вернуться к миру и послушанию? Не возбудит ли эта жертва в них жажду еще большей крови?

Она содрогнулась.

Нет, эта мысль по меньшей мере неразумна.

Феодора повела плечами и встряхнулась. Слишком сильно было в ней желание выжить.

Оглянувшись, она привела в порядок мысли. К ней тотчас вернулся здравый смысл. Что бы ни случилось, она не намерена сдаваться по собственной воле. Толпа может разорвать ее на куски, но ей придется побороться за это!

Минуту она размышляла, крепко сжав губы, затем позвала Нарсеса.

— Где император? — спросила она.

— Его величество удалился в библиотеку, великолепная.

— Как вы справляетесь без него?

— Церковь уничтожена, но огонь не распространился дальше. Толпа, кажется, отхлынула от ворот Халк.

— Я знаю, мятежники на Ипподроме. Но они вернуться. Пошли за Велизарием и Мундом, мне необходимо их видеть!

Нарсес повернулся, но Феодора остановила его.

— Ты мне тоже нужен, Нарсес. Но сначала зови их.

Через несколько минут посланник вернулся. За ним следовали военачальники.

— Твое величество, я принял решение заменить стражу ворот герулами, — сказал Велизарий. — Я привык доверять только тем, кто доказал свою преданность.

— А что предлагает его величество? — спросил Мунд.

— Он не сообщил мне, — последовал ответ.

— Но что-то следует делать уже сейчас! — воскликнул Велизарий. — Меня учили определять решающий момент в битве. Похоже, он наступил. Только немедленный удар может изменить положение, потом это станет невозможным.

Феодора решительно встала:

— Пойдемте, поищем императора!

Юстиниан сидел в одиночестве. На его коленях лежал тяжелый свиток пергамента.

Он снял императорское одеяние. Сейчас на нем было то, что он часто надевал в эти дни — простая и грубая монашеская ряса. Она была подпоясана веревкой, капюшон горбом торчал на спине. На ногах были сандалии.

Лицо императора было измученным.

Военачальники остались за дверью, а Феодора вошла в библиотеку и приблизилась к супругу.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Я читал, — уныло отвечал император. — Апокалипсис святого Иоанна. Я ищу истолкование этих ужасных событий. И, кажется, нашел то, что искал.

Юстиниан взглянул на нее снизу вверх, а затем голосом, полным возвышенного трепета, произнес:

— «И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный: и ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их. А диавол, прельщавший их, ввержен был в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк...»

Он опять поднял глаза.

— Это ли не пророчество? Стан святых — где это, по твоему, если не здесь? Во дворце сотни священников, епископов, патриархов, людей чистой и богоугодной жизни. Город возлюбленный — сам Константинополь. Огонь с неба — пламя, охватившее все вокруг. Но диавол — кто он? О ком говорит апостол?

Феодора не позволяла себе смеяться над его верой. Поиски пророчеств в «Откровениях» были постоянным занятием Юстиниана. Но прежде это было скорее развлечением, нежели серьезным занятием. Теперь же император иступленно черпал надежду в Священном Писании. Она снова почувствовала к нему жалость, смешанную с любовью. Так относится мать к больному и хилому ребенку. И тем не менее она пришла по делу.

— Со мной здесь оба военачальника — Велизарий и Мунд. Они ждут, если, конечно, ты собираешься что-либо

предпринять, — обратилась Феодора к мужу. — Мы должны отомстить за поджог дворца.

— Не сейчас, нет, еще не сейчас... — отрешенно проговорил Юстиниан.

— Когда же?

— О, это только взбесит народ. Я должен попытаться еще раз.

— О чем ты?

— Я обращаюсь к ним сам!

Феодора изумилась:

— Ты? Ты рискнешь предстать перед этой кровожадной стаей?

— Я все обдумал и теперь уверен в успехе. Завтра я войду на Ипподром, когда они соберутся там. В руках у меня будет Священное Писание. На нем я поклянусь, что прощу их и соглашусь с их требованиями при условии, что они немедленно прекратят разбой...

— А если они откажутся?

— Но они не должны отказаться! Они не могут этого сделать! — вскричал он в отчаянии.

Мгновение в комнате стояла тишина, затем послышался голос Велизария:

— Ради твоей безопасности, о великолепный! Мне кажется, что это сомнительное предприятие не сулит ничего хорошего...

— Замолчи! — прервал его император. — Все считают себя вправе указывать мне, что я должен делать! У вас была возможность! Что это дало? Теперь попробую я! Все ли понятно?

Велизарий кивнул. На его шлеме была совсем свежая вмятина от камня.

— Это твое право, ослепительный, — вымолвила Феодора. Не оборачиваясь, она покинула библиотеку, оставив императора с пергаментом на коленях.

Военачальники последовали за ней.

— Сейчас уже ничего не поделаешь, — сказала им Феодора. — И тем не менее — подготовьте войска.

Велизарий и Мунд почтительно отсалютовали императрице и вышли, гремя доспехами.

Нарсес подждал ее на женской половине. Его тощая фигурка в длинной желто-голубой накидке, с золотой цепью на груди, казалась надломленной. Но Феодора видела

только нежные, хоть и неправильные черты его лица и почти болезненный отблеск острого ума на нем.

Он был очень некрасив — и в то же время восхитителен. Из всех окружавших ее людей она доверяла только ему. Он один понимал ее. Они даже мыслили порой совершенно одинаково. Так не бывало у нее ни с кем другим, даже с Юстинианом, потому что между ними не существовало различия полов. У Нарсеса были и мужская сила мысли, и мужская точка зрения на вещи и явления, но физически он был по-женски мягок и утончен. С этим человеком Феодора чувствовала себя так, будто ее мысли, чувства и желания заключены в хрустальную шкатулку и выставлены на всеобщее обозрение. Это доставляло ей известные неудобства, но придавало и уверенности. Она знала, что ее поймут.

— Ничего нового? — спросила она, подходя к Нарсесу.

— Твое прекрасное величество намекает на то, что я уже кое-что разузнал у других евнухов? — ответил тот вопросом на вопрос.

Феодора кивнула.

— Пока нет. Но, возможно... — Он поколебался и искоса глянул на императрицу. — Если мне будет позволено, у меня есть предложение...

— Говори, — сказала она.

— Речь идет об императорской казне. Если предложить кому следует и проявить щедрость, то деньги могут сделать немало.

К золоту маленький евнух относился с почтением.

Феодора задумалась. Потом медленно проговорила:

— Сорить деньгами глупо. Но мысль ты подал превосходную. Да, есть такие, что за деньги могли бы помочь.

— Кого твое величество имеет в виду?

Она назвала.

Нарсес удивился:

— Как? Вожди Синих?

Феодора кивнула:

— Посеять раздор в стане врагов — превосходная стратегия. Мятежников необходимо разделить. Союз Синих и Зеленых противоестествен, и у них было время, чтобы это понять. Теперь они вспомнят все — и незаконные привилегии, и несправедливо поделенную добычу.

— Очень даже возможно, — задумчиво бормотал Нарсес.

— Наверное, ты смог бы встретиться с этими людьми?

— Да, действуя через евнухов.

— Как? Ты доверяешь евнухам? Ведь они меня ненавидят!

— Возможно. Но они спасут свою императрицу. Не ради нее самой. Сделают они это для меня.

— Ты в этом уверен?

— Как бы мы ни были слабы, сила, которой обладаю я, удерживает нас вместе. Как дворецкий императора, я, Нарсес, сейчас главный среди них. Поэтому они относятся ко мне с тем же уважением, с каким относились бы к любому другому на моем месте. И разве не лучше награждают того, кто усердно исполняет повеления? Евнухам цвет золота особенно дорог. Если твое величество почитает меня своим доверием, клянусь святым апостолом Филиппом, который проповедовал евнухам в Эфиопии, я сделаю все, чего ты ни пожелаешь.

— Я добуду тебе разрешение на доступ к сокровищам казны, Нарсес, — сказала Феодора. — Вручая деньги этим людям, необходимо постоянно повторять, что, помогая Зеленым, они вредят себе. Зеленые им не друзья. Пусть они вспомнят, как тяжело приходилось Синим во времена Анастасия, когда Зеленые были в милости.

— Будет исполнено, твое величество, — ответил Нарсес, низко кланяясь.

С тех пор как она взошла на трон, это было ее первое государственное решение.

На следующий день Юстиниана ожидало нестерпимое унижение. Оставаясь невидимкой, Феодора наблюдала за происходящим с верхних ступеней лестницы, ведущей к кафисме.

Как обычно, толпа собралась на Ипподроме, и, как и было заведено, к ней взывали ораторы в красных накидках.

Внезапно пурпурный занавес кафисмы раздвинулся и внимание всех присутствующих обратилось к ней, ибо это означало, что сейчас появится император. В одно мгновение огромная толпа замерла, повернув лица в сторону ложи. И действительно — наверху, возвышаясь над всеми, появился знакомый силуэт. Однако вместо пурпурной мантии на нем была бурая монашеская власяница. Непокрытая голова и свиток пергамента в руках. Император!

С ним было несколько стражников, глашатай и священник, а также кое-кто из приближенных.

Юстиниан попытался что-то сказать, но голос не повиновался ему.

— Громче! — завопила толпа. — Говори громче!

Император сделал знак сопровождавшему его глашатаю. Тот выступил вперед к парпету, и его оглушительный бас долетел до самого дальнего уголка Ипподрома.

— Я... Юстиниан... ваш император... призываю вас сложить ... оружие!..

— Да-да, мы слушаем тебя, августейший! — послышался насмешливый голос. Кое-где засмеялись. Глашатай продолжал:

— Идите по домам... с миром... Ваши требования... будут исполнены... Иоанн Каппадокиец... префект претория... и Трибониан... квестор... будут удалены...

При этих словах лицо Трибониана, стоявшего тут же, в императорской ложе, окаменело.

Голос глашатая гремел:

— Знайте, люди... вы не должны ничего бояться... Я, ваш император, одобряю все, что было сделано... никто не будет наказан... только... милосердие... и... новые назначения...

Его слушали молча. Но стоило ему закончить, как снизу донеслось:

— Новая ложь!

— Да разве можно тебе верить?!

— Мало ли что ты наобещаешь!

Юстиниан опять сделал знак глашатаю, и тот снова возвысил свой мощный голос:

— На этом... Священном Писании... я, Юстиниан, клянусь.

Император встал и положил обе руки на пергамент, как бы подтверждая этим жестом свои слова.

Воцарилась полная тишина. Затаив дыхание, император с надеждой смотрел вниз на мятежников.

Он ждал одобрения, поддержки. Это означало бы победу.

И в это напряженное мгновение снизу донеслось:

— Ты лжешь, осел!

Это был конец.

Тут же вся толпа подхватила оскорбление.

Шум разрастался. Непристойности щедро сыпались

на императора, сопровождаемые криками и площадной бранью.

Юстиниан вспыхнул, потом внезапно побледнел и отшатнулся, словно его ударили.

Это действительно был удар. Оскорбления летели в него, как камни из пращей. Рев взбесившегося тысячеголового зверя подсказывал ему, что с ним покончено. Дни его сочтены. Пришел конец его власти, а возможно, и жизни.

По-монашески надвинув капюшон на глаза, Юстиниан покинул ложу в сопровождении своей свиты. В спешке они едва ли заметили хрупкую фигуру, прятавшуюся за воротами.

Пропустив их, Феодора последней спустилась вниз по винтовой лестнице. Ворота были закрыты на два засова, к ним была приставлена охрана.

— Ника! Ника!

Феодора вздрогнула. Этот жуткий клич! После выступления императора жажда крови пробудилась в толпе с новой силой. Рев висел в воздухе, как дым над пылающим городом.

Вечером появились новые, еще бóльшие очаги пожаров. Казармы за дворцовыми стенами были полностью охвачены огнем, и охрана всю ночь сдерживала натиск пламени, не давая ему переброситься на дворец.

И только отсутствие дисциплины и толкового руководства у мятежников оттягивали штурм дворца.

В эту ночь Феодора не сомкнула глаз.

ГЛАВА 29

Покинув Ипподром после того, как толпа с гиканьем заставила императора удалиться, Герон почувствовал, что валится с ног от усталости. Вот уже двое суток кряду он не смыкал глаз и буквально не присаживался: подворачивалась возможность — грабил, если добычу легко было унести, жег, убивал и видел смерть не одной сотни человек, случайно оказавшихся на пути мятежников.

Теперь в суме у него глухо позвякивали золотая чаша, несколько перстней и прочих драгоценных безделушек, а также некоторая сумма денег, с которой он прибыл из Пафлагонии. От сцен насилия и убийств, от нескончаемого ли-

хорадочного возбуждения его мутило. Он чувствовал, что готов уснуть даже стоя.

Но найти угол, чтобы переночевать, было невозможно. Константинополь во многих местах все еще пылал. Район вокруг церкви Святых Апостолов выгорел дотла — пламя, пока толпа грабителей громила и крушила храм, перекинулось на соседние здания. Большая часть восточного конца города, где находились особняки патрициев, теперь представляла собою лишь груды закопченных развалин. В пепелища обратились собор Святой Софии, церковь Святой Ирины, Августеон. Вся Виа Альта, от Большого базара до Бычьей площади и дальше, вплоть до статуи Ветров, была разграблена и сожжена. Квартал Зевгма все еще полыхал. Оттуда огненная стихия грозила переметнуться через стену Константина в Новый город, окруженный стеной Феодосия. Пожары поменьше виднелись и в других местах.

И хотя в беспорядках принимало участие не более десятой части миллионного населения столицы, сильнее всего пострадало невинное и терпеливое большинство. Десятки тысяч беженцев ночевали на улицах. Слышался детский плач, скорбно приглушенные голоса тех, кто лишился жилищ и всего нажитого, матерей, успокаивающих младенцев, мужей, утешающих жен, устраивающихся на ночлег на холодных камнях мостовой. Каждый поневоле спрашивал себя, какие еще несчастья обрушит на них новый день.

Спать на улице для Герона было неприемлемо, однако все трактиры, уцелевшие во время пожара, были настолько переполнены, что искать пристанища в одном из них было делом почти безнадежным.

И вдруг его осенило. Улица Женщин!

Уже стемнело, когда он обнаружил уцелевшую винную лавку и сумел туда протиснуться. В страшной тесноте он жадно проглотил ломоть черствого хлеба и осушил кувшин кислого вина.

Затем он добрался до площади Афродиты и наискось пересек ее. Проходя мимо статуи, он мельком взглянул на нее. Языческая богиня осталась на своем пьедестале нетронутой, хотя христианские святыни повсюду подверглись осквернению, грабежу и разрушению.

Вино слегка ударило Герону в голову. Оказавшись на улице Женщин, он увидел, что мятежники обошли ее стороной. Наверно, многие куртизанки и сами принимали

участие в грабежах, смешавшись с мятежной толпой. Что же касается насилия, то толпа, видимо, посчитала: зачем возиться со шлюхами, когда вокруг столько добропорядочных женщин — выбирай любую.

Теперь Герон шел хорошо знакомыми местами. Вот дом, где прежде жила Хиона, а вот здесь обитала Феодора. Он полуошупью двинулся вниз по улице в поисках огонька в окне. У первого же дома с освещенным окном он остановился и постучал. Через минуту-другую дверь слегка приотворилась.

— Кто здесь? — спросил голос.

— Тот, кто будет желанным гостем, — ответил он.

— Хозяйки нет дома.

— А когда она вернется?

— Не знаю.

Дверь приоткрылась немного больше, и в дверном проеме он разглядел девушку-негритянку, вернее, мулатку с кожей словно спелый абрикос.

— Давно ли она ушла? — спросил он.

— Еще вчера.

Было ясно, что обитавшая здесь куртизанка отправилась куда-то вместе с буйствующей толпой. Герон осмотрел девушку более внимательно. Довольно стройная, темные глаза. В мочках остреньких ушек широкие золотые кольца.

— Впусти меня, — попросил Герон.

— Не могу. Никого нет дома.

— А ты?

— Я всего лишь рабыня.

— Как же тебя зовут?

— Киндо.

— В постели, Киндо, нет ни рабов, ни свободных.

— Хозяйка велела мне никого не пускать.

— Хочешь денарий? — предложил он.

Она молча взглянула на него.

— У меня есть золотая чаша...

Она молчала.

Вино придало ему сил, и внезапно Герон рванул дверь на себя.

Девушка отскочила в прихожую, но, когда он прикрыл за собой тяжелую створку, бежать не пыталась. Герон, довольный своей решительностью, опустил руку рабыне на плечо — девушка оказалась гибкой, податливой. От нее

слегка попахивало мускусом, и запах приятно щекотал его ноздри.

— Я проведу ночь с тобой! — объявил он.

После того как он ворвался силой, Киндо полностью подчинилась ему. Ее длинные пальцы казались холодными, однако, когда она взяла его за руку, ладони ее горели.

— Тогда идем со мной, хозяин, — позвала она.

До сих пор Герон мулаток не знал. И хотя он смертельно устал, новизна впечатлений оттянула его сон еще на час. Однако по прошествии этого времени он спал как убитый.

Уже далеко за полночь он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Какое-то время он лежал, пытаясь понять, где он и что с ним. Комнату тускло освещал крохотный ночной светильник, а Киндо, девушка-рабыня, сидела рядом с ним на ложе, склонив голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то.

— Что там? — спросил он.

И тут услышал сам: сначала нечто похожее на отдаленные, все усиливающиеся крики, постепенно слившиеся в низкий протяжный гул, похожий на шум морского прибора.

— Много народу, — сказала Киндо. — Наверно, бои опять начались.

Он приподнялся на локте, чтобы лучше слышать.

— Это шум не со стороны дворца. Похоже, откуда-то с востока.

Он встал и начал одеваться.

— Ты уходишь? — удивилась девушка.

— Да. Что бы там ни было, а взглянуть не мешает.

— погоди! Моя хозяйка, Индра, может вернуться. А она знаменитая деликата...

— Не могу.

Она сидела, скрестив ноги на ложе, совершенно нагая, и не сводила с него агатовых глаз.

— Тогда отдай мне чашу.

— Чашу? О чем ты? Ты что же, решила, что за одну ночь я собираюсь отдать тебе золотую чашу?

— Небольшую чашу! Ты же обещал...

— Ну, это было до того, как я вошел. Ты даже меня не впускала. Мы ни о чем не условились. Но так и быть, я дам тебе денарий.

— Чашу...

— Я сказал — денарий!

— Нет, ты обещал чашу, небольшую золотую чашу...

Теперь она соскочила с постели, гибкая, как пантера.

— Бери денарий или не получишь ничего! — объявил

Герон.

Пантера отпрыгнула от ложа, а вторым прыжком вернулась обратно — в руке у нее сверкал длинный клинок, который она извлекла из-под покрывала. Так, значит, он всю ночь был на волосок от смерти! От этой мысли по коже пробежал леденящий холод.

— Никто не может похвастать, что надул меня! — вскричала она. Глаза-агаты горели будто угля. Настроена Киндо была решительно.

Герон пристально глядел на нее: до чего же женственно... Но этот нож... Шутки плохи... Ему пришло в голову, что этой девушке с горячей тропической кровью убить — пара пустяков.

— Давай чашу! — потребовала она. Ее толстые губы раздвинулись в оскале, обнажив крепко стиснутые ослепительно белые зубы.

Герон был ни жив, ни мертв.

— Что ж, хорошо! Но ты еще об этом пожалеешь!

Девушка так свирепо замахнулась ножом, что на какое-то мгновение он поверил, что она и в самом деле всадит этот длинный клинок ему под ребро, и слова застряли у него в глотке. Он суетливо принялся рыться в суме, нащупал чашу и бросил — она со звоном покатилась по полу.

Киндо, не выпуская ножа, прыгнула за нею. Благоприятная возможность! Одним движением он выскочил из опочивальни и бросился на улицу.

Оказавшись на мостовой, Герон остановился. Минуту-другую он глубоко дышал, пока сердце не перестало бешено стучать. И только теперь почувствовал унижение. Эта девушка воспользовалась его малодушием! Когда же наконец он научится достойно себя вести?.. Он струсил, когда следовало выбить у нее нож. А ведь женщина — существо слабое, твердил он себе, единственное, что требовалось — схватить ее за руку.

Необходимо немедленно вернуться и показать ей, что такое мужчина!

Но почти тотчас же благоразумие взяло верх. А что, если

ему не удастся перехватить ее руку? Нож этот острый и так зловеще блестит...

Он сглотнул. В конечном счете, пожалуй, он поступил разумно. Что толку рисковать жизнью ради крошечной металлической чашечки? Тем более что она досталась ему даром.

На сердце у него полегчало.

А когда он услышал новую и куда более яростную вспышку шума на востоке, то сразу же выбросил из головы и мулатку, и нож, и злополучную чашу и побежал.

В темноте бежали и другие, минуя площадь Афродиты — вниз, по боковой улочке, проходящей мимо невольничьего рынка. Герон был молод, быстроног и вскоре оказался в голове толпы.

Поперечная улочка круто спускалась с холма. Герон остановился и стал осматриваться. У его подножия, по улице, которая вела от Стратегиума — площади для воинских упражнений — к площади Константина, текла река огней. Высоко над головами пылали факелы, выхватывая из мрака людской поток: все устремлялись в одну сторону.

Он сейчас же припустил по крутой улочке — наверняка там происходит что-то важное. Толпа была громадная, не одна тысяча человек, многие полуодеты, глаза у всех дико горят, глотки орут. В ноздри шибанул запах пота, гари, винных паров, блевотины.

— Что происходит? Куда это все двинулись? — расспрашивал Герон.

Но ни от кого ничего нельзя было добиться.

Вскоре в этой суতোлке он заметил затесавшегося в толпу калеку верхом на ослике. Этого нищего он помнил... конечно, это тот самый несчастный, который кланчит милостыню у пьедестала мраморной Афродиты. Попрошайка лежал в седле-корзине, подгоняя животное, но упрямая животины, привыкшая лишь к размеренному шагу, ни в какую не хотела бежать рысью, и их постоянно обгоняли бегущие. Поравнявшись с нищим, Герон и к нему обратился с тем же вопросом.

Айос узнал его и повернул к нему свою увечную голову:

— А ты разве не знаешь?

— Нет, я только что вышел из дому, — Герон замедлил шаг и затрусил рядом с осликом.

— Нового императора провозглашать собираются!

У Герона сперло дыхание:

— Что?! Юстиниан отрекся?!

— Еще нет, — мрачно бросил Айос.

— А кто же будет новым?

— Похоже, что Ипатий, старший племянник Анастасия.

Нищий двигался уж чересчур медленно. Герон опять побежал. Айос и ослик все больше и больше отставали, пока совсем не затерялись в толпе.

Герон на бегу пытался переварить эту удивительную новость. Ипатия и его брата Помпея, престарелых племянников императора Анастасия, он знал. Ипатий, коротышка с заметным брюшком и плешивой головой, вечно некстати ухмыляющийся, часто бывал при дворе. Талантов он никаких не проявил ни в воинской службе, ни в многочисленных попытках создать некий философский труд. Был он, однако, настолько безобиден, что Герону, да, видимо, и Юстиниану, никогда и в голову не приходило, что он может претендовать на венец. Ипатия вообще не принимали в расчет.

Герон задумался, какие выгоды он мог бы извлечь из всего этого, и попытался вспомнить какой-нибудь эпизод из прошлого, который говорил бы в его пользу в случае, если Ипатий действительно взойдет на трон.

А вспомнить было о чем. Много лет назад, когда Герон еще был мальчишкой, Ипатий и Помпей захаживали, и не так уж редко, в дом сенатора Полемона. Все это происходило тогда, когда их дядя Анастасий еще был императором. Когда же к власти пришел Юстин, сенатор, державший нос по ветру, звать обоих перестал, но не исключено, что они еще помнят гостеприимство отца, да и сам он всегда был с ними учтив, несмотря на то, что их беседы отличались крайней бесцветностью.

Людской поток, размахивая факелами и оружием, повернул к западу от императорского дворца, в район знати, который не пострадал от ярости грабителей именно благодаря тому, что здесь стояли особняки племянников Анастасия.

Вокруг дома Ипатия собралась густая толпа, вытоптавшая цветники и кусты в сражении за место, откуда было бы хорошо видно и слышно. Сергей, бывший начальник эскувитов, а также два демарха цирковых партий — Помпилий и Друб — заколотили в дверь.

В доме зажглись огни. Кто-то выглянул в щель. После чего последовал приглушенный обмен фразами и дверь слегка приоткрылась.

Толпа зашумела.

На пороге стоял Ипатий.

Лысый, пухлый, в поспешно наброшенной тоге, приоткрывший в недоумении рот. За его спиной испуганно теснились домочадцы. Герон разглядел супругу Ипатия — маленькую, круглолицую, с растрепанными седыми космами и глазами навывкате. Если на лице ее мужа были написаны задумчивость и растерянность, то на ее лице застыл смертельный испуг.

— Что, что происходит? Чего вам надо? — спросил, сильно заикаясь, Ипатий.

Мир еще не видел менее величественной фигуры. Ни о чем другом, кроме того, какую беду сулило явление толпы ему и его семье, он и помыслить не мог.

Друб, бывший глашатаем Синих до того, как стал их демархом, вдруг проревел громовым голосом:

— Да здравствует великий император Ипатий Август!

И если прежде гул толпы напоминал шум прибоя, то теперь это была буря в самом ее разгаре. Десяток тысяч голосов слился в едином вопле:

— Да здравствует император Ипатий!

Сергий в доспехах и оба демарха почтительно опустились на колени.

И тут из дома выбежала супруга Ипатия и в страхе вцепилась в мужа.

— Оставьте нас в покое! — кричала она. — Мы люди пожилые, нам нужен только покой!

— Тебя призвал народ! — обратился Помпилий к Ипатию, словно не замечая женщины.

— Нет, — Ипатий замотал головой. — Я не желаю трона. У меня нет к этому способностей, мне ничего не нужно, кроме сада, дома, книг...

— Но противиться судьбе нельзя! — перебил его Сергий.

— Он никуда не пойдет! Все это ведет к гибели! — рыдала супруга Ипатия. Ее пухлые щеки тряслись.

— Погибель?! Наоборот — венец цезарей!

Неожиданно Друб отчетливо выкрикнул:

— Такова воля Господня!

Толпа, которая в предыдущие несколько дней едва ли думала о божественном промысле, подхватила этот клич:

— Такова воля Всевышнего!

Больше ничего из-за поднявшегося шума нельзя было разобрать. Герон только видел, как сильные руки подхватили Ипатия, сопротивлявшегося, словно перепуганный старый гусак. Жена его с визгом и слезами цеплялась за него, но ее оторвали от мужа и оттолкнули в сторону.

Затем Ипатия, отчаянно барахтавшегося, толпа подняла и понесла над головами. Рот его не закрывался, вознося молитвы, но его никто не слушал. В отчаянии он простер руки к домочадцам, оттесненным к двери, но его сторонники уже удалялись от его дома.

Герон влился в эту беснующуюся толпу. Рядом с ним бежали, вопя, какие-то люди с искаженными лицами, размахивая горящими факелами. От грохота бесчисленных ног по мостовой, от хрипа луженых глоток закладывало уши. И над всем этим, вцепившись в головы державших его, выштался новый император черни с перекошенным от ужаса лицом, выразившим отчаяние влекомого на казнь.

Рано утром, проходя мимо дворца Сигма, Феодора уловила в поведении эскувитов какую-то перемену. Ей показалось, что гвардейцы у входа приветствуют ее не столь браво, как прежде, и стоят они как-то чересчур вольно, а не вытянувшись струной. Вот он, признак того, что полагаться на них больше нельзя.

Несмотря на утреннюю свежесть, она вдруг почувствовала себя невероятно подавленной и опустошенной. Однако, заметив в отдалении массивную кривоногую фигуру, она попыталась скрыть свою слабость.

— Мунд! — окликнула она.

Военачальник, неуклюже прихрамывая, приблизился.

— Что-то мне не нравится, как ведут себя эскувиты, — поделилась она впечатлениями.

Мунд окинул гвардейцев взглядом и презрительно усмехнулся в жидкую черную бородку, оскалив желтые зубы.

— А на твоих людей я могу положиться? — продолжала она.

— Готовы в огонь и в воду...

— Тогда без промедления у всех ворот вместо эскувитов поставь своих герулов.

Он поспешил выполнить распоряжение. Герулы уже

стояли в воротах Халк, теперь предстояло взять под охрану и остальные четыре входа на дворцовую территорию.

Три бессонные ночи не могли не сказаться на Феодоре. От бесчисленных волнений она осунулась, тело ее от усталости обмякло, временами ей казалось, что она вот-вот упадет.

Когда она выходила из дворца, Юстиниан еще спал, и Феодора порадовалась, что он может передохнуть. На воздухе было сыро, и когда она вернулась, ее знобило. Она велела принести жаровню и подать подогретого вина.

Евнух явился тотчас. Она обхватила чашу обеими руками, чтобы согреть их, и, потягивая вино, наклонилась к розовеющим углям. Озноб понемногу проходил. Солнце взошло еще час назад, но тучи затянули небо, и без того серое от дымовой завесы над городом. Казалось, эта мгла окутала и ее душу.

Из унылой задумчивости ее вывел голос Нарсеса:

— Твое величество!

— Слушаю.

— Мунд просит срочно принять его.

— Пусть войдет.

Предводитель герулов преклонил перед нею колени:

— Твое величество, в наш лагерь переметнулся перебежчик. Я производил смену стражи у ворот Гормизды, когда за стеной мы услышали крики и улюлюканье. Этот человек убегал от каких-то негодяев, которые швыряли в него камнями и колотили палками. Я послал ему навстречу небольшой отряд, и они отбили его у толпы и доставили сюда. Человек серьезно ранен, но хочет видеть твое величество.

— Чего ему угодно?

— Не знаю. С нами говорить он не стал. Конечно, он не из тех, с кем пристало беседовать царственным особам, но сейчас такое время, что я осмелился...

Внезапно глаза ее вспыхнули:

— Это нищий?

— Да, твое величество.

— Калека?

— Да.

— На ослике?

— Да.

— Где он?

— Под охраной во дворце Гормизды. Очень плох.

— Серьезно ранен?

— Да. Наверяд ли долго протянет.

— Тогда я иду немедленно.

— Но, твое величество, достаточно повелеть, и его доставят сюда.

— Не надо его трогать. Проследите только, чтобы у него было все необходимое. Этот человек для нас дороже целой армии.

Нищенствующие святоши давно покинули дворец Гормизды. Одни, монофизиты, ушли, чтобы присоединиться к мятежной толпе и разжигать ее ярость пламенными призывами; другие, сторонники православия, поспешили укрыться на другой половине дворца.

В пустынном зале на соломенном тюфяке, прежде принадлежавшем какому-то монаху, лежал нищий в лохмотьях, отвернув к стене безволосую голову. Лицо его было пепельно-землистым, глаза закрыты. Рядом с ним расхаживал свирепого вида бородатый герул.

— Айос! — позвала Феодора.

Раненый открыл глаза.

В то утро Мунд и его герулы стали свидетелями невиданного: императрица обращалась с нищим калекой нежно и ласково, а нищий называл ее запросто, по имени, без всяких титулов, словно они — ровня.

Однако сейчас голос нищего, обычно такой зычный, звучал едва слышно. Дышать ему было тяжело, вскоре он снова закрыл глаза.

— Что же случилось? — спросила она.

— Спина, — отвечал он глухо, — должно быть, сломан позвоночник. Я ничего не чувствую... ниже плеч.

— Мунд! Врача! Немедленно! — велела Феодора.

Айос повернул к ней лицо и улыбнулся одновременно и мягко, и страшно.

— Нет времени, дитя. Я был уже... рядом со стражей... когда в меня попал... самый большой... камень... Чувствую... дышать не могу... совсем не могу.

Он умолк, и Феодора негромко всхлипнула.

— Не жалея меня... мне совсем не больно... впервые... с тех пор... как я себя помню...

— Что привело тебя сюда?

— Не было выхода... Исавр мой пропал... видно, убили...

Знаешь поговорку: лучший бросок при игре в кости... вообще бросить играть. Но я решил попробовать.

— Ты так и не сказал, что привело тебя...

— Толпа... сейчас венчает... нового императора...

У нее перехватило дыхание:

— Но император жив!

— Обречен на смерть... как и ты сама...

— Надо немедленно сообщить Юстиниану!

— Сперва выслушай меня... мне долго не протянуть...

— Слушаю, милый Айос!

— Этой ночью, — едва слышно прошептал он, — толпа пришла... к дому Ипатия... племянника Анастасия...

Айос снова прикрыл глаза. Она испуганно склонилась над ним. Но он все же разлепил веки и заговорил вновь. Слова давались ему все труднее:

— Я был там... когда его провозгласили... императором... — кривая усмешка промелькнула у него на губах. — Но какой из него... император!.. Мартышку как ни ряди... в шелка... мартышкой... и останется.

— Дальше, Айос!

— Сперва Ипатий... не хотел... и жена его тоже... но толпа... своего добилась...

— Продолжай!

— На площади Константина... на него надели... венец...

— Ты видел?

— Да... — Он замолчал.

На какое-то время в помещении воцарилась благоговейная тишина. Даже герулы и те боялись пошелохнуться.

— Холод подступает... к самому горлу, — прошептал нищий, открывая глаза.

— Так ты явился меня предупредить?

— Не знал, как... вот и попытался сам... — еле слышно прошелестел он.

— И тебя поймали...

— Уже у ворот... — он внезапно улыбнулся краем губ, — ворот Ипподрома... где когда-то сидела девочка с моей чашей... для милостыни...

Это были его последние слова. Несчастный уснул вечным сном.

Феодора потерянно опустилась у тела усопшего, а Мунд поторопился к Юстиниану, чтобы сообщить тревожное известие из города.

Лишь спустя некоторое время Феодора поднялась.

— Закройте его лицо, — сдержанно распорядилась она. Потом, помолчав, добавила: — Во всей империи не было человека храбрее и красивее.

Слез у нее не было. Сейчас это было бы роскошью, которую она себе позволить не могла. Феодора чувствовала, что произошло что-то важное и бесконечно печальное. Аиос был самым старым ее другом из той, былой жизни... А теперь, с его смертью, словно прервалась какая-то невидимая связующая нить, которая до сих пор соединяла ее, хотела она того или нет, с ее прошлым, с теми трущобами, теми грязными и кривыми переулками, откуда она родом.

Юстиниан заседал в императорском совете, одетый в монашескую власяницу, которая теперь стала его излюбленным и единственным облачением. Кроме него, присутствовали Трибониан, Нарсес, Гестат, Гермоген, Гиппия, два-три преданных сенатора и военачальники Велизарий и Мунд.

Недосчитывались только Иоанна Каппадокийца, но у императора не было времени выяснять, почему того нет. Юстиниан держал речь:

— Утешительно, что по крайней мере море свободно от мятежников, — произнес он.

— Да, твое величество, флот остается предан тебе, — подтвердил старый Гермоген.

— Это отрадно, — заметил Велизарий, — но, боюсь, эскувиты готовы в любую минуту переметнуться на сторону противника.

Гестат побагровел от гнева:

— Должно быть, только ваши люди образец преданности, — проговорил он не без издевки.

— Комитатов и герулов не надо учить отдавать жизнь за его величество, — сумрачно отрезал Велизарий.

— Ну, отдадут они жизни, а что дальше? — вмешался в спор Юстиниан. — Когда падет последний воин, то и нам придет конец, разве не так? В этой толпе вооружены, по крайней мере, тысяч тридцать, не говоря уже о тех несчетных тысячах, что пойдут на приступ, вооружась дрекольем.

В зале воцарилась тишина.

— Видимо, — наконец прервал всеобщее молчание Юстиниан, — нам следует... э-э-э... покинуть город. Разумеет-

ся, на непродолжительный срок, — поторопился добавить он.

— Да-да, конечно, совсем ненадолго... — эхом отозвался старый патриарх Гиппия.

Члены совета понурили головы, избегая смотреть друг другу в глаза. Ибо это означало только одно: позорную сдачу и бегство.

— Многие провинции нашей империи будут рады принять нас, — продолжал Юстиниан, оглядываясь едва ли не украдкой, словно надеясь найти на лицах советников хоть тень поддержки. Не найдя ее, он тяжело вздохнул. Было похоже, что он и сам не верит в свои слова.

— Не мы первые так поступим. И прежде императорам случалось покидать столицы — чтобы затем вернуться и твердой рукой восстановить порядок. Взять, например, Зенона или же Феодосия... Что ж, будем править из новой столицы, соберем армию, вернемся и раздавим бунт, а предводителей сурово накажем.

Он замолчал. Снова повисла тягостная тишина. Все слишком хорошо понимали, что едва ли приходится рассчитывать, что все пойдет именно так.

Гнетущую тишину нарушило движение в зале: вошла Феодора и встала перед ними; великолепие ее наряда поражало рядом с монашеской рясой императора и в то же время, казалось, оттеняло хрупкость и изящество императрицы.

В эти страшные дни Феодора была чрезвычайно деятельна и энергична, но сейчас, по-видимому, наступил упадок сил и ее хрупкий организм оказался на грани истощения.

Кожа у нее как бы истончилась и стала прозрачной, на руках и на груди проступили тонкие голубые прожилки. Для Юстиниана же она, как всегда, была прекрасна, а сейчас, в беде, особенно, ибо он остро чувствовал, как непродолжителен расцвет этой красоты. У него защемило сердце.

И все же она обладала великим искусством обращать себе на пользу даже такое состояние. Представ перед этими погруженными в уныние мужчинами, она даже свою бледность заставила работать на себя.

— Прошу простить меня, — начала она, — но, войдя сюда, я не могла не слышать последних слов. — При этом голос ее был безжизнен, словно вся радость жизни покину-

ла ее. — Но разве нам настолько наскучила жизнь, что мы желаем сами покончить с нею?

Взгляд ее причинял Юстиниану искреннее страдание, он чувствовал в нем гнев и осуждение. Ему следовало бы разделить с нею этот тяжкий труд, это бремя страха, надежды и отчаяния...

— Именно сейчас мы обсуждаем возможность отступления, — сказал он, словно принуждаемый объяснить перед нею. — Отступления тактического, — добавил он, подыскивая определение, которое бы звучало не столь позорно.

— То есть вы намерены бежать, я не ошиблась? — холодно бросила она. — Уносить ноги — вот куда более точное слово! — От гнева вся ее сдержанность улетучилась. — Неужели мои уши не изменяют мне? — вскричала она. — Неужели император ромеев всерьез обсуждает возможность бегства от собственных подданных?

— Только для того, чтобы собрать силы и вернуться... — Юстиниан беспомощно умолк и поник. Жалкие уловки. Она видела его насквозь.

Гнева у Феодоры поубавилось, румянец поблек.

— Я — женщина, — сказала она, — а говорят, что женщине не место там, где держат совет мужчины.

Она замолчала, словно для того, чтобы любой из них мог возразить против ее присутствия. Но никто не пророчил ни звука.

И тогда она вновь заговорила, и слова эти были из тех, что являются на свет в роковые минуты истории, когда на чашах весов колеблются судьбы мира. Такие слова становятся достоянием грядущих поколений и бесчисленно повторяются в веках.

— Значит, ты говоришь о бегстве? А я вот что скажу на это: даже если бы нам ничего другого не оставалось, как только бежать, то и тогда бы я решила, что такой выход — ниже достоинства властителя.

Она сделала шаг вперед, из-под края ее одеяния выглянула крохотная ножка, обутая в золотистую сандалию. Эта ножка так прочно упиралась в пол, словно заняла позицию, в которой невозможно сделать ни шагу назад. Глаза Феодоры внезапно загорелись, а слова, слетавшие с губ, казалось, продолжают, сияя, носиться в воздухе:

— Мы рождаемся смертными. Но тот, кто поднялся на

вершину власти, не имеет права жить, если утратил достоинство и честь!

Юстиниан поднял голову. Велизарий и остальные члены совета подались вперед, словно для того, чтобы лучше слышать. Но говорила она, обращаясь только к императору, к нему одному.

— Я молю небеса о том, чтобы мне больше ни дня не видеть белого света, если меня перестанут величать императрицей. И если ты решишься, о Юстиниан, бежать, то в твоих руках казна, а значит, деньги будут. Перед тобою море, и корабли эти — твои. Но подумай о том, чтобы жажда жизни сегодня не подставила тебя под смертельный удар потом, ибо та смерть, что наступит позже, будет куда более жалкой и бесславной. То будет смерть в изгнании!

Она сделала паузу, и все мужчины в зале затаили дыхание. То, что она произнесла далее, вобрало в себя всю ее страсть, решимость и твердость:

— Что же касается меня, то я верю в старую максиму: трон — лучшая и наиславнейшая из гробниц!

Закончив, Феодора какое-то мгновение стояла молча, глядя на мужчин, потом повернулась, чтобы уйти.

— Постой... — раздался голос.

Она остановилась, а Юстиниан встал, подошел к ней и взял за руку.

— Феодора... моя повелительница... — проговорил он, тяжело дыша.

Он был глубоко тронут. Всех, кто находился в этом зале, взволновало до глубины души ее прекрасное и отчаянное воззвание к их мужеству. Они расправили плечи, словно по-новому увидев ситуацию и обретя новую доблесть.

Император склонил голову и запечатлел царственный поцелуй на лилейном запястье супруги.

— О царица мира! — воскликнул он. — Повелевай нами!

А так как он не испугался этих своих слов, то и другие не сочли власть женщины оскорблением для себя.

Дальнейшее стало достоянием истории.

В эту минуту, едва отзвучали слова Юстиниана, Феодора, молодая женщина, некогда занимавшаяся столь презренным ремеслом, слабая телом, но наделенная божественной красотой, взяла в свои руки судьбу империи и всей западной цивилизации, ибо никто другой на это сейчас не был способен.

ГЛАВА 30

Итак, решено было дать бой. И поразительно — в эти минуты самые высокие умы и самые доблестные воины ловили каждое ее слово и повиновались.

Кратко и четко Феодора повелела Велизарию и Мунду:

— Постройте комитатов и герулов! Приготовьтесь к бою. И ждите моей команды. Действовать сразу же, быстро и решительно.

Рослые бородатые военачальники отдали честь и вышли. Они еще не знали, что она задумала и когда придется выступить. Им было достаточно того, что сказала императрица.

— Гестат! — позвала она.

Командир эскувитов, верный человек, но чрезмерно полагавшийся на преданность своих дворцовых гвардейцев, вытянулся перед нею.

— Собери своих людей, и ждите дальнейших распоряжений. А чтобы не скучали, займись отработкой оборонительных приемов. Во главе подразделения поставь верных тебе людей. С минуты на минуту может все начаться, так что проследи за тем, чтобы не случилось измены.

Гестат, отдав честь, поспешил выполнять распоряжение.

— Нарсес! — продолжала она.

Дворецкий послушно ждал, склонив голову.

— Есть какие-нибудь известия? — спросила она.

О каких известиях она спрашивала, никто, кроме них двоих, не догадывался — их с евнухом затея оставалась тайной.

— Да, великолепная, — отвечал тот. — Твои распоряжения выполнены.

— Полностью?

— Демарху Синих и его подручным я ясно дал понять, что если во время правления Юстиниана их партии покровительствовали, то теперь, возможно, возвысятся Зеленые, а Синие по собственной глупости будут оттеснены на задворки.

— А деньги?

— Раздал, как ты велела. У меня есть список, кто получил и сколько.

Она кивнула.

— Хорошо, Нарсес. Я думаю, что посеянные нами семена дадут такие всходы, что мы будем приятно удивлены.

До сознания присутствующих стало доходить, что разговор этот связан с неким шагом, предпринятым императрицей без обсуждения с кем-либо из них. По-видимому, речь шла о каких-то переговорах с партией Синих. И, судя по ответам правителя дворца, достигнут некий благоприятный результат. У сановных членов имперского совета затеплилась хоть и слабая, но все же надежда. По крайней мере что-то сделано, и, что бы это ни было, сделано впервые с самого начала мятежа.

Теперь государственные мужи с глубоким вниманием и почтением выслушивали слова императрицы, обращенные к ним: одним она давала поручения, других — просто одаряла улыбкой или полусмешливой фразой, выражая расположение и вселяя уверенность.

Члены совета выходили из зала преображенные, с поднятой головой. Их сердца были преисполнены решимости, и решимость эта передалась им от Феодоры. Ни у кого не возникало сомнений, кому здесь надлежит повелевать. Юстиниан смотрел на Феодору точно так же, как и остальные, невольно испытывая при этом и благодарность, и облегчение.

Однако оставшись наедине с императором, Феодора сникла. Только она знала, что конкретных планов нет, а шансы на успех мизерны. Она взяла бразды правления в свои руки против своего желания, только для того, чтобы вернуть мужество растерянным мужчинам. Но теперь назад пути не было. На нее смотрели с надеждой, от нее ждали невозможного.

В этот час Феодора испытывала глубочайшее одиночество, которое приходит с абсолютной властью и безоговорочным авторитетом.

Юстиниан безотрывно смотрел в ее глаза, благоговей перед нею и страхась за нее. А она ничего не видела, кроме его убогой монашеской рясы, которая сама по себе была воплощением покорности и слабости. Ибо, надев ее, император как бы отрешился от бремени обязанностей и тягот, налагаемых венцом властелина.

Нет, негоже сейчас делиться с Юстинианом своими сомнениями, признаваться в неуверенности. И она осталась в гордом одиночестве, взвалив на свои хрупкие плечи судьбу великой империи.

— Устала до изнеможения, — пожаловалась Феодора.

Император обнял ее и с тревогой заглянул в глаза. Такая маленькая, хрупкая... Эти события могут оказаться выше ее слабых сил. В этот миг ее жизнь показалась Юстиниану важнее власти, славы и поклонения — всего того, что дает смертному венец.

— Ты себя не щадишь... так больше нельзя, — начал было он и осекся.

А что, если она и в самом деле устранилась? Что, если сейчас, в самый решающий момент, она сломается? И к боязни за Феодору внезапно примешалось беспокойство за свою судьбу и судьбу империи.

Как много зависит от нее! Он смотрел на эту женщину едва ли не с ужасом. Но императрица в ответ только подняла голову и расправила плечи:

— Спать... всего час сна, и больше мне ничего не нужно, — проговорила она.

Юстиниан отвел ее в опочивальню; служанки торопливо омыли ее и уложили в постель.

Спустя час с небольшим она уже была на ногах и одета. Юстиниан как раз находился в зале аудиенций и, когда Феодора появилась в дверном проеме, шагнул ей навстречу.

— Как ты сейчас? — обеспокоенно спросил он.

— Немного лучше, — ответила Феодора, но вид у нее при этом был такой, словно внутри у нее вновь забил некий источник энергии.

— Я велел принести тебе поесть...

— Не сейчас, — она оглянулась. — Меня разбудил гул толпы.

— Да, они снова собрались на Ипподроме.

— Чтобы провозгласить Ипатия императором?

— Думаю, что да. Насколько мне известно, его голову обернули золотой цепью, похищенной из церкви, венца-то у них нет, и подняли его на щиты у монумента императора Константина.

Она заметила:

— Ипатий — тупое ничтожество. И тем не менее это самый опасный час.

— Ты думаешь, он сумеет...

— Он — нет. Он всего лишь прикрытие для истинных главарей мятежа, дабы от его имени издавать повеления. Все уже налажено. Толпа организована. И то, что было

прежде, просто ничто по сравнению с тем, что надвигается сейчас.

— Но ты говоришь так... словно у тебя есть какой-то план...

— Давай выйдем на воздух. Хочу послушать шум на Ипподроме.

Они встали за колоннами дворца Дафны. Воздух содрогался от надсадного рева.

— Ипподром переполнен. Должно быть, там сейчас тысяч сто. Слышишь?

Рев толпы перешел в продолжительное скандирование: «Ника! Ника! Ника!»

Потом раздался другой, еще более мощный клич: «Да здравствует Ипатий! Многая лета!»

Здравица в честь императора!

— Еще недавно они так же вопили, приветствуя нас, — заметил Юстиниан.

— Времени почти не осталось, — обратилась к нему Феодора. — Кликни посыльного.

Когда тот явился, Феодора приказала:

— Немедленно к Велизарии. Передай, пусть спешно ведет всех своих воинов сюда.

Мучительно потянулось время. Феодоре стало казаться, что они с Юстинианом стоят тут уже целую вечность, прислушиваясь к реву толпы на Ипподроме, глядя на его могучие арки, возвышающиеся прямо за дворцовой стеной. На плацу со стороны дворца Гормизды блестели доспехами эскувиты, вяло топтавшиеся в строю; доносились громкие команды — их начальники старались занять воинов муштрой. Гестат лез из кожи вон, исполняя повеление ее величества.

В волнении Феодора ходила следом за Юстинианом вдоль фасада дворца Дафны. Достигнув угла, она бросала нетерпеливые взгляды в направлении Порфириового дворца и приморской террасы, откуда должны были появиться комитаты и герулы.

Наконец они показались.

Колонна воинов в потускневших латах, сохраняя строй, бегом продвигалась по склону. Эскувиты застыли, пожирая их глазами. Феодора отметила, что Гестат и восхищен, и завидует, но вскоре дворцовая гвардия, привыкшая повино-

ваться, вновь взялась за свои перестроения, повороты и контрмарши.

Комитаты и герулы остановились на ровной площадке между дворцом Дафны и помещением для евнухов. Прозвучала команда сомкнуть шеренги, а Мунд и Велизарий тем временем направились к императору с императрицей.

Велизарий остановил свой твердый взгляд на Феодоре.

— Ожидаем дальнейших распоряжений, о великолепная.

— Луки у ваших людей с собой? — спросила она.

— Да. И колчаны полны стрел.

С Ипподрома накатилась новая волна рева, только на этот раз он был куда громче.

— Луки им понадобятся, — сказала она. — И как мне кажется, сейчас самое время.

И Велизарий, и Мунд всем своим видом показывали, что ждут распоряжений Феодоры. Она взглянула на Юстиниана.

Император предельно серьезно проговорил:

— Мы готовы исполнить все, что ты, о моя прекрасная, сочтешь необходимым.

Повернувшись к полководцам, Феодора заметила:

— На Ипподроме собралось не менее ста тысяч человек. А сколько у нас?

— Комитатов восемь с половиною сотен, — ответил Велизарий.

— А герулов?

— Не больше шести, о великолепная, — доложил Мунд.

— Значит, не наберется даже и полутора тысяч. Горстка, — подвела итог Феодора и вздохнула. Но едва ли не сразу к ней вновь вернулась решимость. — Что ж, мы должны делать то, что велит нам долг. — Она пристально смотрела на полководцев. — Нас мало. Но эти, на Ипподроме, пьяны от вина и успеха. Их витии внушают им, какие они великие, могучие и мудрые, коль провозгласили императора-марионетку. Наше спасение только в дерзкой вылазке.

Велизарий и Мунд обменялись взглядами, глаза их загорелись.

— О великолепная, ничего иного мы и не просим, — начал Мунд. — Герулы кипят от гнева и горят желанием отомстить за смерть своих товарищей, убитых в уличных стычках. Комитаты тоже. Когда выступать?

— Сейчас.

— Через ворота Халк?

Юстиниан безмолвно слушал. Посылать пятнадцать сотен против ста тысяч — чистое безумие. К тому же, тогда дворец останется без всякой защиты. Однако собственные промахи и неудачи, унижение и страх парализовали его волю.

Феодора повернулась к Велизарию. Вид у нее был озабоченный.

— Существует возможность, — сказала она, — хоть и ничтожная, но все же существует, что вам придут на помощь.

И хотя Юстиниан был свидетелем ее непродолжительного разговора с Нарсесом, сейчас он подумал, что речь идет только о некоей таинственной силе, сродни небесной, которая могла бы помочь защитникам империи. Душа его затрепетала и преисполнилась сомнения. Разве Феодора может рассчитывать на вмешательство свыше?

— А что ты думаешь об этом? — обратилась она к Велизарию.

Он подумал, полушепотом посоветовался с Мундом и лишь затем сказал:

— О великолепная, если во время боя ударить с тылу, пусть небольшими силами, то это способно обратить врага в панику.

— А как это осуществить на Ипподроме?

— Если я с комитатами выступлю через ворота Гормизд, то мы быстро сможем добраться до дальнего края Ипподрома и ворваться через Ворота Смерти — они всегда открыты. Там мы сможем некоторое время продержаться. Но поскольку толпа вооружена из наших арсеналов, мы, по видимому, будем перебиты все до единого. Конечно, если только не будет нанесен отвлекающий удар.

— Ну же!

— Поэтому необходимо, чтобы герулы Мунда выждали у ворот Халк, пока до них не донесется шум сражения, и тогда придет их час. От ворот Халк до Бойцовских ворот, что напротив Ворот Смерти, рукой подать. И если они подойдут вовремя, то их появление в тылу мятежников произведет весьма сильное впечатление. И это, о прекрасная, мне кажется, самый лучший и единственный план. Он сулит нам успех.

— Ну что ж, тогда так и действуй, — сказала Феодора, взглянув в сторону дворца Гормизды, где сверкали доспехами эскувиты.

— Я бы, пожалуй, увела их отсюда, — кивнула она в сторону гвардии, и тотчас же отправила гонца к Гестату с приказом переместить эскувитов к дальней стене со стороны моря, где прежде располагался Велизарий, с тем, чтобы они находились там до дальнейших распоряжений. И лишь увидев, как удаляется, гремя и сверкая, их колонна, она промолвила:

— А теперь, друзья, вперед! И да хранит вас Господь!

— Слава императрице! — салютовали Велизарий и Мунд и бросились к своим солдатам.

Зазвучали громкие протяжные команды. Воины перестроились в колонны по четыре и мерным шагом тронулись: комитаты — к воротам дворца Гормизды, герулы — к воротам Халк. Проходя мимо императрицы, они дружно ударили мечами о щиты, раздалось тысячеголосое: «Слава императрице!»

Хмельные трибуны Ипподрома ревели, задыхаясь и срывая голоса. А у подножия трибун, на арене, где обычно проводились ристания и травля хищников, в этот день разворачивались другие игры.

Даже с самых последних рядов — а Герон сидел высоко — хорошо было видно фигуру Ипатия, кроткого молодого человека, постоянно поглощенного своей библиотекой и садом, сейчас же возвышающегося на дощатом помосте в окружении предводителей партий вкуче со многими сенаторами и патрициями, посчитавшими за благо прикнуться к черни.

Ипатий представлял собой трогательное и жалкое зрелище. Истерические причитания жены предыдущей ночью, когда его вырвали из лона семьи, подействовали на него удручающе — он был перепуган и встревожен. Всю ночь напролет его носили на щитах по городу, славили в тысячу глоток, расточали в его адрес непомерные похвалы, оказывали царственные почести, а он за все это время так и не понял, что является беспомощным пленником толпы, жалкой игрушкой в ее руках.

— Умоляю вас, люди добрые, потише! — не раз взывал он, когда простолюдины подхватывали его и куда-то волокли, то с торжествующим криком, то рыча друг на друга

и переругиваясь, словно страстно желая отделить от его тела конечности.

Он был весь в синяках и валялся с ног от усталости и, помимо страха в глубине души, был еще и сердит на дурное обращение со стороны тех, кто захватил его. Тем не менее он понимал, что поделаться ничего не в силах. В суматохе он шепнул человеку, которого считал преданным Юстиниану, просьбу — передать императору, что он тут ни при чем, однако теперь он не сомневался, что его слова так никогда и не достигли ушей властителя.

Стоя на помосте посреди Ипподрома, он видел роение толпы: сто тысяч человек окружали его со всех сторон и пожирали глазами, словно голодные волки жертву. Зычные голоса выкрикивали титулы, присвоенные ему городом: «Imperator Romanorum!.. Pontifex Maximus!.. Tribunitia Potestate!..»*

И при каждом таком славословии толпа взрывалась ревом.

Великий день, соглашались бунтовщики между собою, до чего же азартно это новое занятие — делать императора. Уж этот-то наверняка должен запомнить, какая сторона вознесла его. Теперь раздачи будут происходить каждый день, а не раз в месяц. Да и золота всем должно перепасть, и рабов... Африканские, малоазийские провинции, север Пелопоннеса должны быть обложены суровыми налогами, и все эти богатства должны хлынуть в руки жителей Константинополя. Никому больше не придется работать. Император позаботится обо всем.

Мысль эта пьянила. И в то же время, испытывая страх перед этим тщедушным маленьким человечком в пурпурных одеждах, топорщившихся на сутулых плечах, с золотой цепью, нелепо сидящей на его плешивой голове, толпа торжественно надрывалась во всю мощь легких всякий раз, когда умолкали ораторы:

— Ника! Ника! Ника!..

Когда в Воротах Смерти появились первые воины, их поначалу не заметили. Облаченные в кольчуги комитаты строем вышли на арену и с механической деловитостью рассыпались веером налево и направо, но еще некоторое время чернь на Ипподроме смотрела на них как зачарованная, ничего не понимая.

— Что это значит? — спрашивали мятежники друг у друга.

Сто тысяч пар глаз вместо фигуры на помосте, в мятом пурпуре и со смешной золотой цепью на голове, уставились на небольшой отряд, строящийся в боевом порядке перед воротами, через которые выволакивали тела мертвых гладиаторов и возничих.

— К нам присоединились эскувиты! — радостно вскричал кто-то.

— Нет, глупец, это не гвардия, — послышалось в ответ. — Постой, да ведь это комитаты!

Что тут началось — сущий ураган! Отовсюду понеслись выкрики: «Что они тут делают?», «Они что, снова осмелились гневить народ?», «Мы уже раз всыпали этим собакам — теперь не дадим уйти ни одному! Бей их!»

Огромная человеческая масса заволновалась. Засверкало оружие. Оглушительный угрожающий вопль, родившийся во множестве глоток, перерос в сплошной рев. Сто тысяч против девяти сотен! Сотня на одного! «Ни-ка! Ника! Ни-ка!»

Свирепая человеческая лавина, ошестинившись стальными клинками, потекла с трибун на арену, захлестывая горстку комитатов, бросивших вызов толпе.

Велизарий всматривался в бурлящую на трибунах человеческую массу. Здесь были белые, бронзовые, черные как уголь, чумазые, изможденные и холеные, испуганные, наглые и беспутные лица, но всех их объединял звериный оскал ненависти.

Как истинный воин, он ничего, кроме отвращения, к этому сброду, жестокому, подлому, ленивому, избалованному, жившему за счет доблести таких, как он и его комитаты, не испытывал, и его суровое сердце, когда он приказал своим воинам натянуть тетивы, жаждало только схватки.

Теперь не оставалось времени всматриваться. Мятежники словно могучий черный поток обрушились на него и его людей. Но их рев стал еще пронзительнее, когда лучники в кольчугах единым движением вскинули луки, оттянули тетивы до подбородка и отпустили их. Словно душераздирающий аккорд некоей гигантской арфы раздался над ареной, и на толпу, скатывающуюся через скамьи вниз, со свистом разрывая воздух, обрушился смертоносный дождь стрел со стальными наконечниками. Расстояние было на-

столько малым, что опытные лучники Велизария, вкладывая всю ненависть в выстрел, зачастую не только пронзали цель насквозь, но поражали еще и бегущего сзади. Потери в толпе были огромны.

В одно мгновение изумление перед происходящим сменилось бешеной и всесокрушающей яростью. Лица исказила судорога ужаса. В какую-то долю секунды огромная масса, стремящаяся вниз, размахивающая мечами, копьями и кинжалами, застыла на скамьях, уже заваленных грудями окровавленных трупов, поскольку комитаты ни на миг не прекращали сыпать дождем стрел, охваченные неистовством бойцов, которым предстоит отдать жизнь за самую высокую цену. Уцелевшие пытались спрятаться за мраморными скамьями, задние давили на передних, которые, в свою очередь, старались оттеснить задних. И все это время передние ряды, словно под косою, падали и падали, устилая ступени кровавой и вопящей плотью.

Первый губительный ливень стрел поразил насмерть несколько тысяч мятежников. Но неполные девять сотен лучников были не в состоянии беспрестанно стрелять. Рано или поздно стрелы кончатся. И действительно, спустя несколько минут колчаны оказались пусты.

Когда же смертельный поток иссяк, толпа оправилась. К ней вернулась уверенность в собственной силе, а вместе с ней и вдвое большая ярость. Топча тела мертвых товарищей, византийская чернь, скользя и карабкаясь по измазанному кровью скамьям, двинулась вперед, подбадривая друг друга криками, тыча пальцами в тех немногих воинов, которые перекрыли Ворота Смерти.

Велизарий скомандовал комитатам отойти, сомкнув широкую цепь в тесные три шеренги, упиравшиеся спинами в ворота. Сверкнули длинные мечи, извлеченные из ножен, и суровые ветераны войн с аварами и персами замерли, выжидая, когда на них накатится гневное людское море.

Вот уже первые ряды мятежников сцепились с воинами. Мгновение — схватки завязались вдоль всего строя. Вздымались и опускались топоры, мечи, дубины, мелькали копья, летели камни. И солдаты, и мятежники скользили, ловя равновесие, на пропитанном кровью песке. Грохот железа и вопли раненых смешались с воинственным кличем комитатов, защищающих свою жизнь, и неумолчным ревом разъяренной толпы.

Пядь за пядью воины отступали перед огромным численным превосходством черни, а толпа напирала все сильнее и сильнее, полагаясь на то, что, подобно снежной лавине, рано или поздно сомнет защитников ворот. Больше всего доставалось тем, кто шел в передних рядах черни, ибо сзади на них напирали, тем самым толкая прямо на клинки длинных мечей.

Сражающаяся горстка комитатов все еще удерживала ворота. Меч Велизария был в крови по самую рукоять, и рука устала разить. Вокруг него бились и падали его люди, и с каждой минутой их становилось все меньше. И хотя потери черни были несравнимо большими, ибо умение воинов владеть мечом отчасти восполняло их малочисленность, гигантский перевес противника в конце концов стал сказываться. Велизарию на миг показалось, что сражение проиграно.

Страшная вещь — первая вспышка безумия толпы. Но весьма часто, если дело оказывается непростым, менее решительные опускают руки и отходят в сторону. Именно это сейчас и происходило, хотя, конечно, и не в такой степени, чтобы облегчить натиск на комитатов. Кое-кто в толпе, из числа не слишком жаждущих сражаться и пролить свою и чужую кровь, стал подумывать, как бы уклониться, и вскоре они устремились через всю арену к противоположным Бойцовским воротам, которыми прежде проходили на Ипподром гладиаторы, приветствуя народ и императора. Однако большинство плебеев по-прежнему ожесточенно наседали на горстку воинов, и к этому времени еще уцелевшие люди Велизария были уже окончательно оттеснены, несмотря на их отчаянное сопротивление, в проем Ворота Смерти.

Но тут раздался новый взрыв воплей, в которых звучал ужас.

Когда первые дезертиры из толпы оказались у Бойцовских ворот, они увидели, как навстречу им сплошной массой движутся шлемы и щиты, покрытые шкурами диких животных.

Это подоспели герулы под началом Мунда. Варвары свирепо набросились на мятежников: с еще большей ненавистью, чем комитаты, ибо ненавидели все византийское.

Велизарий и его горстка воинов увидели с противопо-

ложной стороны арены, что подоспела помощь, воспрянули духом и с новыми силами набросились на толпу.

Когда в Бойцовских воротах объявились герулы, робкая часть толпы заколебалась и подалась назад. Но некоторые оказались мужественнее, и почти тотчас бой завязался и с этой стороны, ибо теперь мятежники осознали, что все пути к бегству отрезаны, а варвары-наемники безжалостно врубаются в толпу, разя насмерть при каждом взмахе острых кривых сабель. Этих варваров у Бойцовских ворот необходимо было либо уничтожить, либо рассеять, как, впрочем, и комитатов у Ворот Смерти.

Подобно Велизарию, Мунд почти сразу оказался в самом отчаянном положении. Тяжелее ему еще никогда не приходилось. В этот день клинки герулов пролили больше крови, чем за всю персидскую войну, а их гортанный боевой клич, означавший на их языке «Убей!», не стихал ни на миг. Но, похоже, и у них дела были плохи: похоже, этому бою суждено было стать для них последним. И Мунд, который никогда не был благочестивым христианином, вдруг обнаружил, что взывает к Богоматери и святому Георгию, про которого ему говорили как про покровителя воинов, обещая им все что угодно, если выйдет из этой лютой сечи живым и с честью.

Однако в самую решающую минуту в ходе боя внезапно произошел странный, почти невероятный поворот.

Многие из партии Синих сражались с людьми императора вместе с Зелеными, и все же большая часть их осталась сидеть на трибунах, наблюдая за ходом боя у обоих ворот. Главари Синих, в частности Друб и его подручные, казалось, не так уж и горят желанием ввязываться в схватку. На это было несколько причин, возникших за последние несколько часов, среди которых были и полученные денежные подношения. К тому же Синим все меньше и меньше нравилось, что императором провозглашен Ипатий, известный своими симпатиями к Зеленым. Сидя на Ипподроме во время импровизированной церемонии, главную роль в которой все же играли Зеленые, они постепенно осознавали, что сделанные им намеки содержат горькую правду: их партия играет на руку давним заклятым врагам, а сами они после победы мятежа ничего не выгадают. Противник возвысится, а затем, того и гляди, еще и устроит Синим кровопускание в отместку за былое.

Сейчас предводители Синих сбились в тесный кружок и принялись о чем-то совещаться, указывая при этом на трибуны соперников. Вслед за этим глашатаи Синих начали что-то отчаянно выкрикивать. За этим последовало немыслимое — с внезапной и бессмысленной яростью тысячеглавого зверя, которым несомненно и является толпа, Синие, прекратив сражаться с комитатами и герулами у ворот, набросились на Зеленых.

И как раз тогда, когда Велизарию у Ворот Смерти и Мунду у Бойцовских ворот казалось, что гибель неотвратима, они совершенно неожиданно почувствовали, что натиск толпы ослабел. Чернь отхлынула от ворот, оставляя на песке размозженные тела умирающих и мертвых, лежавших друг на друге в два-три слоя там, где их настигали с одной стороны длинные мечи комитатов, а с другой — кривые сабли герулов.

Герон принадлежал к тем, у кого от одной мысли о схватке с комитатами сосало под ложечкой. Когда толпа устремилась с трибун на воинов, он остался сидеть на своем месте, едва ли не в самом последнем ряду, хотя кое-кто из соседей, спешивших в сечу, и смотрел на него искоса.

Он стал свидетелем первой ужасной бойни, когда комитаты внезапно обрушили ливень стрел на толпу, и, хотя от этого зрелища ему стало совсем не по себе, он все же мысленно поздравил себя с тем, что остался на месте и тем самым избежал страшной участи.

Когда же в колчанах у комитатов иссякли стрелы и завязалась схватка между толпою и воинами, он с трепетом наблюдал за этой свирепой рубкой со своего места, вцепившись липкими руками в край скамьи и дрожа от страха, как бы самому не оказаться в гуще сражения. На Герона, который был бы не прочь при случае поджечь храм, стащить драгоценности, поизмываться над беспомощной женщиной или сбить с ног безоружного горожанина, картина жестокого боя, когда сверкает оружие, хлещет кровь и не стихают крики, полные ненависти и отчаяния, наводила ужас.

Он принялся в сердцах ругать себя за то, что поторопился бежать из Пафлагонии: пусть он там и был в ссылке, зато жизни его ничто не угрожало. И то, чему он сейчас был свидетелем, вовсе не входило в его расчеты, когда он спешил в Константинополь в ответ на призывы нескольких друзей из числа бывших ювентов.

Чтобы успокоиться, он спросил себя — а чего, собственно, ему бояться? Разве эти комитаты долго продержатся? Ведь какая неисчислимая толпа обрушилась на них!

Но как бы там ни было, Ипподром сейчас представлялся Герону местом крайне опасным, и он оказался в числе первых, кто решил покинуть его, предоставив сражаться другим. Он поспешил вниз по проходу, перепрыгнул через барьер, отделявший песчаную арену от нижних рядов трибун, и побежал к Бойцовским воротам, в сторону которых уже устремилось немало таких, как он.

В числе первых Герон обнаружил, что в ворота вступают эти неуклюжие на вид северные варвары. Поначалу он растерялся и не знал, что предпринять дальше, но потом подался назад и пятился до тех пор, пока не уперся в дельфийский треножник, стоявший в центре поля, вокруг которого располагались скаковые дорожки. Но теперь выходы с арены были закрыты, и Герон оказался как раз на полпути между ними, настороженно озираясь и раздумывая, как быть дальше.

Тем временем толпа обрушилась на наемников-герулов. При виде того, как герулы принялись крошить саблями первые ряды, Герон содрогнулся и весь сжался. Он с тоской взглянул туда, где высоко на трибуне сидел раньше, и пожалел, что не остался на месте.

Именно в это время он увидел, как Синие внезапно набросились на Зеленых. С трибун, размахивая оружием, они прыгали прямо на арену. Зеленые были застигнуты врасплох, но тем не менее попытались достойно встретить своих заклятых врагов. И вскоре по всему песчаному овалу Ипподрома шла дикая и кровавая схватка.

Герон окаменел от ужаса. Особенно ему не повезло в том, что на нем была эта злосчастная туника с рукавами как крылья летучей мыши — мода, введенная ювентами Алкиноя. Для Синих же ювенты, самонадеянные юнцы, прославившиеся распутством и грабежами мирных обывателей, являлись предметом особой ненависти. За первые несколько минут резни десятки молодых людей с широкими развевающимися рукавами захлебнулись собственной кровью, поверженные на песок и затоптанные.

У Герона подкосились ноги. И все же, когда он заметил огромного бородача с топором, устремившегося к нему, он не сразу сообразил, что тот направляется именно к нему.

И лишь когда ему на глаза попалась зеленая полоса на собственном хитоне, он понял, что смотрит в глаза смерти.

В отчаянии он отпрыгнул в сторону, но теснота была такая, что бежать он не мог. Тогда он пустился петлять, увертываясь, вокруг дельфийского треножника, вереща, словно заяц, а предательские рукава при этом нелепо развевались. Однако мужлан с топором преследовал его неотвратно. Герон оглянулся — и в ту же секунду споткнулся о мертвое тело, распростертое на арене, и распластался на песке. Какое-то мгновение он лежал, всхлипывая, пока страшная боль не пронизала его мозг, затем ослепительно вспыхнул свет, и все поглотила тьма. Бородач же, чей топор только что проломил напомаженную кудрявую голову бывшего ювента, спустя минуту был сам убит наповал Зеленым, настигшим его сзади.

Снести друг с другом через арену, являвшую собою кипящее поле битвы, Велизарий и Мунд не могли, но, как бывалые воины, сумели удержать своих людей от того, чтобы броситься преследовать мятежников, ограничившись только тем, что собрали своих и построили их тесными рядами на прежнем месте, готовые вновь принять бой, если понадобится.

Велизарий, опершись на меч, огляделся вокруг. Только сейчас он понял, какой страшной ценой оплачен этот бой. Половина комитатов полегла, а из тех, кто уцелел, большинство были изранены, изнурены и ослаблены от потери крови.

— Клянусь святым Михаилом, еще одна такая атака, и не останется никого! — воскликнул он, обращаясь к одному из своих центурионов.

Тот мрачно кивнул и спросил, указывая в направлении сражающихся на арене и скамьях трибун:

— А как быть с этими?

— Не знаю. Это похоже на чудо, — проговорил Велизарий, растягивая слова. — Хотя подозреваю, что благодарить за это чудо нам следует отнюдь не ангелов.

— А кого же?

— Женщину, — вымолвил полководец, но уточнять не стал, сам до конца не понимая, что же все-таки произошло.

По другую сторону арены у Мунда и его герулов дела также обстояли не лучшим образом. Но ни Мунду, ни Ве-

лизарию теперь не надо было заботиться об отражении мятежников. Во все глаза они созерцали потрясающее зрелище.

Зверь о ста тысячах голов принялся уничтожать сам себя. Подобно ядовитой гадине, окруженной кольцом огня, которая впивается зубами, источающими отраву, в собственное тело, толпа умерщвляла свою плоть по всему Ипподрому. Синие рубили Зеленых, Зеленые кололи Синих.

Неестественный союз между партиями, который и без того просуществовал дольше, чем в это можно было поверить, распался, и тут же таимая и долго сдерживаемая ярость дала себя знать. Масштабы кровопролития с каждой минутой разрастались. Толпа начисто забыла о воинах у ворот, забыла все свои счеты с правителями империи, забыла о наслаждении грабежами и поджогами — обо всем, кроме лютой ненависти к людям другой цирковой партии, кем бы они ни были. Ничтожность причины этого столкновения только подчеркивала ужас этой безумной бойни, разворачивавшейся среди обрызганных дымящейся кровью мраморных скамей.

Даже ветеранам Мунда и Велизария, закаленным воинам, привыкшим к любым жестокостям, становилось не по себе. Спустя полчаса, убедившись, что находиться здесь им больше незачем, оба отряда отошли ко дворцу: комитаты через ворота Гормизд, герулы — через ворота Халк, унося с собой раненых — тех, которых еще можно было выходить. Но толпе, безумствующей в самоистреблении, до них не было никакого дела.

И долго еще после ухода воинов не стихало эхо воплей на Ипподроме, и леденящий кровь гул этот разносился далеко по городу и хорошо был слышен во дворце.

Не умолкал он до поздней ночи. А когда на следующее утро Велизарий выслал лазутчиков и те проникли на огромную арену, там их встретила кошмарная картина. Трибуны до самых верхних рядов чернели телами мертвых и умирающих. Нижние ряды, ближе к Воротам Смерти, оказались полностью завалены трупами, утыканными оперенными стрелами, — именно по этим рядам лучники Велизария нанесли первый смертоносный удар. А перед самыми воротами, где комитаты и герулы немалое время отражали бурный натиск обезумевшей толпы, также высились груды тел. По всей арене песок был окровавлен и усеян телами. Трупы валялись даже в кафисме императора — не оставалось ни

одного угла, где бы не схлестнулись между собою Синие и Зеленые. Иные, даже с ножом в теле, из последних сил вгрызались зубами в глотки врагов, увлекая тех за собою в мир теней.

Когда впоследствии Ипподром очищали от останков, то нередко среди них опознавали многих видных граждан Константинополя. Сергей, изменник-эскувит, был сражен стрелой, угодившей ему в горло. Среди погибших оказались Друб и Помпилий, вожди-демархи Синих и Зеленых, а рядом с ними лежали многие из их ближайших приспешников. Были обнаружены также тела некоторых сенаторов, патрициев и даже евнухов и священнослужителей, прикнувших к мятежникам.

Значительным оказалось также и число обнаруженных здесь туник с широкими рукавами. С того дня ювенты Алкиноя прекратили существование, а немногие уцелевшие никогда впоследствии не надевали этих одежд, помышляя лишь о том, чтобы их прошлое было забыто навсегда.

Говорили, что на Ипподроме полегло в тот день свыше тридцати тысяч человек.

А в истории никогда более не случалось, чтобы мятеж черни сам себя подавил в беспощадной оргии самоистребления.

Феодора, стоя возле развалин церкви Святого Стефана после того, как Велизарий и Мунд отправились на свою безнадежную вылазку, вновь мучительно ощутила беспомощность своего пола. О, почему она не может оказаться в самой гуще событий, почему всегда остается только ждать, как повернется дело?

В последовавший затем напряженный и страшный час она не находила себе места, пристально вглядываясь в грозно темнеющую громаду Ипподрома и пытаясь по шуму и выкрикам догадаться, что же там происходит.

Она слышала, как толпа, мерно скандировавшая «Ника!», вдруг разразилась криками: «Слава Ипатию! Многая лета!», а затем изумленно загудела и наконец взорвалась воплем ненависти — комитаты разрядили свои луки. Феодора отчетливо различала все изменения в шуме Ипподрома, хотя и не всегда знала, что они означают. Вскоре прокатился страшный и продолжительный рев — толпа набросилась на отряды Велизария и Мунда, а далее он стал еще более могучим, в нем выделялись неистовые крики, брань, смерт-

ные вопли, стоны, которые становились все громче и многочисленнее...

Феодора взглянула на Юстиниана. Император стоял, закрыв глаза и опустив голову, в суровой рясе монаха, опоясанный веревкой и босой, хотя монахи обычно носили сандалии из сыромятной кожи. В руках его были четки, он перебирал кипарисовые шарики, торопливо творя молитву.

Он и секунды не сомневался в том, что отчаянный удар, который Феодора приказала нанести, не удался. Да она и сама уже готова была поверить, что все пропало. Разве небольшая горстка воинов, которую она послала, сможет устоять против тьмы черни на Ипподроме?

Однако в тот миг, когда шум достиг высшей точки, через двое ворот на территорию дворца вступили комитаты и герулы. Быстрым маршем они приближались с противоположных сторон к сожженной церкви, подле которой стояли Феодора и Юстиниан.

Императрица не могла поверить своим глазам. Вид у воинов был измученный, доспехи измяты, кольчуги изодраны. В крови, хромая и пошатываясь, они шли, неся раненых товарищей.

И тем не менее на побежденных они не походили.

Велизарий, с ног до головы в крови и грязи, с еще не отмякшей после битвы свирепой grimасой на бородатом лице, скомандовал комитатам остановиться, а сам широким и твердым шагом приблизился к Феодоре, сжимая меч в огромной ручище, пал перед нею на колени и положил к ее стопам окровавленный клинок.

— Враги твои, о великолепная, больше не посмеют бунтовать! — произнес он.

— Что же произошло? — спросила она.

— Сброд сцепился со сбродом. Они убивают друг друга. Феодора тяжело вздохнула и содрогнулась.

Значит, вторая часть ее плана — тайные переговоры через Нарсеса — удалась.

На мгновение она сомкнула веки. От одной мысли о продолжающейся кровавой бойне ее замутило, — пусть даже эта сеча, как метла мусорщика, выметет прочь из Константинополя весь этот подлый и жестокий столичный сброд.

Затем она открыла глаза. Все они — Велизарий, Мунд, Юстиниан — пристально смотрели на нее.

И тут словно горячая волна захлестнула ее. Она внезапно поняла, чего от нее ждут. Они ждут, когда она огласит свое решение. Теперь для нее все изменилось. И изменилось навсегда. Хочет она того или нет, отныне она — истинная императрица ромеев.

В эту минуту грандиозность предстоящих дел нависла над нею, как грозовая туча, со всеми громами и молниями, шквалами и страхом перед невообразимо огромной властью. Перед ее внутренним взором раскрылись пространства без конца и края, прошли страшные картины столкновения народов, языки пламени, лижущие древние башни городов, и змеиное жало предательства, и величие решений, имеющих колоссальные последствия, и орлы империи, парящие в небесах. И еще Феодора увидела себя — миниатюрную, изящную фигурку, возвышающуюся над всем обжитым людьми миром.

Душа ее затрепетала. Ни о чем подобном она и помыслить не смела. Всю свою жизнь она хотела быть тем, кем была — женщиной, пользующейся одной только властью — женской. Но помимо своей воли она привела в движение силы, несравненно большие, чем ее собственные, силы, которые теперь овладели ею и лепили ее по своему усмотрению. На ее хрупкие плечи легло тяжелое бремя ответственности, обрушилась такая огромная власть, масштабы которой она едва ли представляла сама. И осознание этого заставило Феодору внутренне сжаться.

Давным-давно, в те дни, когда она еще не была супругой Юстиниана, не была даже его возлюбленной, а всего лишь девицей, доставленной во дворец, чтобы поразвлечь наследника, она думала о нем с благоговением и страхом, считая его чем-то большим, нежели человек.

Теперь она сама была чем-то большим. И это внушало ужас.

Однако в душе ее был не только трепет, но и торжество.

Когда-то Юстиниан сказал, что она достойна быть императрицей. Что ж, теперь это право она завоевала в тяжелой борьбе.

Феодора вскинула голову. Она бросила вызов судьбе, и отныне страх не будет ей ведом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ФЕОДОРА

После восстания, вошедшего в историю под названием «Ника!», императрица прожила всего шестнадцать лет. Неимоверное нервное напряжение и сумасшедшие перегрузки подорвали ее здоровье, и полностью она уже никогда не поправилась.

Смерть ее наступила в возрасте сорока пяти лет, на двадцать втором году правления и двадцать четвертом году супружества, причиной этого стал рак груди, болезнь, против которой медицина была бессильна, не будучи в состоянии не только исцелить, но даже и приостановить ее ход. Впрочем, одно из желаний Феодоры все же сбылось: она блистала красотой до самой кончины, наступившей 29 июня 548 года от Рождества Христова.

Со времени мятежа и до самой своей кончины именно она правила империей. Что касается Юстиниана, то он все чаще и чаще с головой погружался в богословские штудии, в хитросплетениях которых черпал удовольствие, полагаясь в решении важнейших практических вопросов на пронизательный ум уличной девчонки, которую он вознес, сделав супругой и императрицей. Бывали случаи, и не единожды, когда решения императора и императрицы по одному и тому же делу противоречили друг другу, и существуют документальные свидетельства того, что всякий раз в таком случае неукоснительно исполнялись именно ее повеления.

Пожалуй, неплохо, когда над женщиной довлеет ее естественное предназначение. Ум у Феодоры был чисто женский, как чисто женскими были ее желания и потребности, и на все вокруг она смотрела глазами женщины. Юмор, комическое в его мужском понимании было недоступно Феодоре. Это всегда казалось ей всего лишь мужской глупостью, которую она обычно принимала, но не разделяла. Острое и меткое словцо — вот что было по ней и служило ей верным оружием: точное, емкое, порой уничтожающее, а главное — действенное.

При необходимости она шла на компромиссы, хотя сам по себе компромисс противоречил ее природе, с противниками же ее природной женской сущности она вела жестокою и упорную войну. Разумеется, тут все строилось на чувствах. Но разве женщина не есть одно сплошное чувство? И до самой кончины во всем и ко всему у нее преобладало личностное отношение. К людям, событиям, поступкам и их мотивам она относилась так, словно все это касается ее лично, задевая ее либо непосредственно, либо косвенно через тех, в ком она глубоко заинтересована.

Женский инстинкт твердил ей, что ее ценность — прежде всего в индивидуальности. Сливаясь в массу, мужчины становятся сильнее, власть их возрастает — взять хотя бы для примера войско. Но если женская индивидуальность растворяется в массе, то ценность женщины как таковой убывает.

Сказанное подтверждает приписываемое римскому сатирику Петронию замечание, якобы обращенное к Нерону в дни празднования сатурналий*, когда повсюду виднеется обнаженная женская плоть: «По-моему, о повелитель, десятков тысяч голых девиц впечатляют куда меньше, чем одна».

И все же упор на индивидуальность, который в личных отношениях является величайшей силой женщины, становится ее слабостью в чем-то надличностном, чем, например, является государственное управление. Так же, как женщина безжалостно примется уничтожать все, что ненавидит, она, не колеблясь, пожертвует всем ради того, что любит. Абстракции ей ненавистны. Лет, отпущенных ей на любовь и деторождение, немного, и у нее нет ни времени, ни терпения на то, что представляется ей мало-значительным. И тем не менее ни одна женщина во всей истории никогда не смогла устоять перед соблазном абсолютной власти.

Существует предание о жестокости Феодоры и о ее неразборчивости в средствах, особенно в последние годы правления. Часть этих преданий — чистый вымысел, как, например, сообщение Прокопия Кесарийского* в его «Тайной истории» о побочном «сыне» императрицы — ребенке, якобы прижитом от некоего любовника еще в дни бурной юности. Но не вымысел то, что, ознакомившись с писаниями историка, Феодора повелела немедленно удалить его, и больше о нем никогда ничего не было слышно.

Но главная ее ошибка заключалась вот в чем: Феодора никогда не делала секрета из своего прошлого. Она приблизила ко двору подруг юности, куртизанок, устроила одной из своих сес-

тер выгодный брак, и, кажется, ей в конце концов удалось обнаружить следы своей дочери, родившейся в Александрии, и привезти в Константинополь незадолго до своей кончины отпрыска этой самой дочери по имени Анастасий, которого она собиралась женить на Иоаннине, дочери Велизария и Антонины. В подробностях этого дела Прокопий, неуклонно стремясь выставить Феодору в дурном свете, путается и даже именует этого ребенка племянником, хотя большинство источников говорят о нем как о внуке. По-видимому, он был еще совсем мал, и хотя государственные браки нередко устраивались между малыми детьми, Феодора умерла еще до женитьбы Анастасия, и больше история нам о нем ничего не сообщает.

Возвратимся к случаю с мнимым «сыном». Совершенно очевидно, что если бы перед нею предстал настоящий ее отпрыск, кровь от крови, то императрица, характер которой нам известен, ни в коем случае не отказалась бы его признать. Вероятно, была попросту предпринята попытка оказать на нее давление, и всю эту историю, как и многие другие, не следует принимать всерьез.

Что же до Прокопия Кесарийского, прославившего официальным историком правления Юстиниана, то большинство из того, что повторяют вслед за ним с целью дискредитировать Феодору, основывается на его лживой и бранной «Тайной истории». Причины его непримиримой враждебности и неприязни к Феодоре нам неизвестны, но в своих официозных исторических опусах Прокопий безмерно раболепствует и льстит, сочиняя в то же время злобный памфлет, направленный против императора и его супруги, вернее — пасквиль, ибо каких только наветов и клевет не возведено на обоих, какой только грязью, злословием, сплетнями и пересудами не нашпигован он, вплоть до совершенно серьезного утверждения, что Юстиниан и Феодора были не людьми, а злыми духами в человеческом обличье.

И все же именно в этом источнике, весьма приватном по своему характеру и, по-видимому, поначалу вовсе не предназначенном для посторонних глаз, многие наши современники черпают сведения об облике Феодоры. Именно это наследие досужего пера и стало самым жестоким и тяжким ударом, который когда-либо обрушивался на прекрасную императрицу. Впрочем, ей не суждено было знать об этом.

Однако существуют и другие источники, куда более заслуживающие доверия, нежели желчный Прокопий, которые тоже приводят факты ее жестокости и произвола. Но здесь, по крайней мере, можно сослаться на то, что эта жестокость для тех вре-

мен вещь обычная, будничная, и в этом отношении Феодора была ничуть не хуже, если не лучше своих царственных соплеменников.

При всех ее недостатках никто, даже ее самый жестокий враг Прокопий, ни разу не обвинил ее в неверности или в недостатке преданности Юстиниану. Сам факт умолчания на этот счет является высочайшим подтверждением того, что, дав брачный обет, она навсегда отбросила образ и помыслы куртизанки и оборвала былой образ жизни. Она неустанно пеклась о славе своего супруга, и многое из того, за что ее осуждают, совершила ради него.

Необходимо признать, что в последние годы жизни она сделалась по-настоящему религиозна, хотя писатели того времени, принадлежавшие главным образом к православию, ставят это под сомнение из-за ее склонности к монофизитской ереси, а также из-за ее усилий поставить во главе всей христианской церкви епископа-монофизита.

Ум у нее был выдающийся, и многое из того, что прославило правление Юстиниана, родилось в этой прекрасной головке.

Женщина до мозга костей, она привнесла в правление государством одно из самых непостижимых женских умений — умение управлять мужчинами, сутью которого является крайнее непостоянство.

С помощью особых приемов императрица могла сбить с толку и запутать любого оппонента, причем делала это так, что комар носа не подточит. Так что в обращении с послами и соседними правителями она, как правило, оказывалась на ход, а то и на два впереди и всегда — на голову выше. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что именно она стала первой практиковать тот прием дипломатической стратегии, который ныне получил название «метод глубокого прощупывания». В немалой степени именно благодаря ее разнообразным талантам была восстановлена Римская империя в ее былом величии, вступившая на непродолжительный срок в период расцвета и могущества. И перед тем, как Феодора испустила последний вздох, она ощутила себя подлинной властительницей всего Западного мира. Но с ее смертью эта яркая, но короткая эпоха расцвета угасла, а за нею последовали Темные Века — мрачное раннее средневековье.

ЮСТИНИАН

Император Юстиниан I прожил 82 года, пережив свою жену на семнадцать лет.

Историки нарекли его Великим, хотя едва ли кто в истории

сделал меньше для того, чтобы заслужить это прозвание. Его имя прославлено тремя великими деяниями, и все три были совершены другими людьми.

Римскую империю в ее былых границах восстановил Велизарий, отвоевав у варваров вскоре после мятежа Северную Африку, Италию, Далмацию и часть Гиспаний, так что Средиземное море вновь стало «внутренним озером» ромеев.

Что же до так называемого «Кодекса Юстиниана» — знаменитого свода гражданского права, то его создал Трибониан. Этот гениальный труд оказал огромное влияние на историю права и сыграл необычайно важную роль в смягчении древней жестокости нравов. До сих пор его воздействие испытывают многие правовые системы мира.

А то величественное здание, которое стоит и поныне, знаменующая собою вершину византийского искусства — то самое, по поводу которого Юстиниан однажды, изумленно разглядывая только что законченный шедевр, воскликнул: «Слава тебе, Господи, что счел меня достойным на великое деяние сие! О Соломон, я превзошел тебя!» — принадлежит гению архитектора Анфимия Траллийского.

Несмотря на свое прозвание, великим человеком Юстиниан не был. Правда, нрава он был серьезного, пожалуй, даже мрачного, но, хотя замыслы у него и были грандиозные, без живого воображения и широкой одаренности Феодоры он едва ли осуществил многие из них.

Юстиниан был склонен подозревать преданных сподвижников, таких, как Велизарий, и порой полностью доверялся негодям, таким, как Иоанн из Каппадокии.

У него и Феодоры не было больше детей, но племянник Юстиниана был женат на племяннице Феодоры, и после смерти Юстиниана они взошли на престол и правили как Юстин II* и императрица София.

С годами Юстиниан все больше и больше предавался богословским трудам и предпринимал значительные усилия, чтобы примирить противоборствующие течения в церкви.

Говорят, что, приближаясь к кончине, он вновь склонился к монофизитству, к которому тяготела и Феодора. Возможно, в его одинокой старости это было данью ее памяти, потому что преданность их друг другу является совершенно уникальным явлением, которое ни до того, ни позже не встречается в летописях о жизни могущественных монархов.

Умер он дряхлым и немощным в 565 году от Рождества Христова.

ВЕЛИЗАРИЙ И АНТОНИНА

Ни с кем из столь одаренных и преданных полководцев не обходились так несправедливо, как с Велизарием.

На заре своей воинской карьеры он разбил персов, обезопасив на продолжительное время восточные рубежи империи. Затем поочередно он разгромил государства вандалов в Северной Африке и остготов в Италии и Далмации, отвоевал для Византии юг Испании, а также острова Сардинию, Корсику и Сицилию. Позднее он вел новую войну с Персией, а уже в старости был отозван из отставки, чтобы отразить страшное нашествие булгар, которые вплотную подступили к Константинополю. И все же ни в одной из этих войн, изобилующих блестящими победами, не было более славного сражения, чем когда с пятнадцатью сотнями воинов на Ипподроме в Константинополе он противостоял сотне тысяч бунтовщиков, не дав тем самым повернуть ход истории.

Его взгляды на военное искусство, включавшие массивное применение тяжелой конницы и широкое использование искусных лучников, революционизировали всю стратегию и тактику и доминировали в войсках вплоть до изобретения пороха.

И все же с ним постоянно обращались совсем не так, как он того заслуживал. Его постоянно предавали. Антонина, в отличие от Феодоры, так и осталась в помыслах и стремлениях до конца жизни маленькой куртизанкой. Тасуя череду любовников, она изменяла своему мужу, великому полководцу, но он, подобно многим очень сильным мужчинам, легко поддавался обману, мольбам и льстивым речам и никогда до конца не верил тому, что о ней слышал. К тому же он часто отсутствовал по долгу службы.

Одно время Феодора даже была готова удалить Антонину от двора, но в конце концов нашла чисто женский выход. Держа некоего Феодосия, к которому распутная Антонина воспылала страстью, под неусыпным надзором, императрица связала руки бывшей подруге. В конечном счете именно Антонина помогла Феодоре отомстить Иоанну Каппадокийцу.

Жену свою Велизарий пережил. Наиболее выдающийся полководец своего времени — лучший из всех, кто водил легионы в период от Юлия Цезаря до Карла Великого, — он познал и славу, и горечь. Его победы, очевидно, возбуждали у Юстиниана зависть, ибо дважды после блестящих завоевательных походов полуопального полководца отзывали в столицу, лишая триумфов. Но до тех пор, пока жива была Феодора, все это заканчивалось

благополучно и Велизария вновь восстанавливали во главе войск, воздавая ему почести, которых он более чем заслуживал.

То, что он находился под покровительством императрицы, совершенно не вызывает сомнений, хотя она и использовала в собственных целях привязанность Велизария к его неверной жене. Однако, когда Феодора умерла, для полководца, хоть и служил он Юстиниану верно и преданно, настали черные дни.

В 562 году его обвинили в заговоре, конфисковали все имущество, а самого Велизария ввергли в темницу. В следующем году Юстиниан, однако, смягчился и возвратил ему свое расположение.

Умер Велизарий в 565 году, тогда же, когда и его царственный повелитель. Так что легенда, что он якобы был ослеплен и кончил свои дни уличным попрошайкой, клянчившим: «Подайте черный обол слепому военачальнику Велизарию!», не имеет под собой никаких оснований. По-видимому, последние годы он прожил в относительном комфорте, пусть и без должных почестей и наград, которые должен был получить как человек, восстановивший Римскую империю и спасший отечество.

ИОАНН КАППАДОКИЕЦ

Один из самых неприглядных деятелей в истории, корыстный и вероломный префект претория, хотя и бежал во время мятежа, тем не менее сумел сохранить свое положение, несмотря на все шаги, предпринятые Феодорой против него. Ни он, ни Трибониан так никогда и не были официально лишены своих должностей, несмотря на обещание Юстиниана, данное толпе, ибо император, после того как чернь продолжила бунтовать, счел себя не связанным этой клятвой.

Влияние Иоанна из Каппадокии на Юстиниана является одной из необъяснимых тайн истории. Это было единственное, в чем император никогда не уступил супруге, и Каппадокиец, возвратившись после побега, продолжал удерживать власть, а впоследствии даже зло насмехался над бессильной ненавистью императрицы, пока наконец не зашел слишком далеко и не угодил в расставленную ею ловушку.

Зная вероломный характер этого человека, Феодора замыслила интригу, использовав в ней Антонину, которую полностью прибрала к рукам, контролируя ее любовника Феодосия. Антонина шепнула Каппадокийцу о некоем заговоре, посредством которого Феодора должна быть низложена, а вместе с нею и,

возможно, Юстиниан. Префект тотчас клюнул на эту приманку, явился ночью в дом Антонины, где и выразил свою поддержку «заговора», во главе которого якобы стоял Велизарий. Его преступные слова слышали свидетели, спрятанные специально с этой целью, но Иоанну удалось ускользнуть от стражников, пытавшихся его схватить, и укрыться в новом храме Святой Софии.

Однако неприкосновенность беглеца в храме ничего не значила для Феодоры. Иоанна приволокли к императору и императрице прямо от алтаря, за которым он прятался. Вероятно, именно Юстиниан спас Каппадокийца от смертельного приговора, и тем не менее тот был лишен своих обширных поместий и всех богатств, накопленных за годы систематического казнокрадства, и насильно пострижен в монахи — самая легкая кара по тем временам. Местом его пребывания был определен монастырь в пригороде Кизика.

Впрочем, Феодора не была удовлетворена этим и, по-видимому, боялась, что ловкий Каппадокиец вновь сумеет добиться снисходительности Юстиниана. Так что, когда был убит епископ Кизика (ни для кого не было тайной, что Юстиниан принадлежал к его врагам), бывший префект претория был арестован, бит кнутами до полусмерти и отправлен в ссылку.

Вот он-то и окончил жизнь уличным нищим. Впрочем, жалеть его не стоит.

Трибониан

Эстет, философ, циник и глубокий ученый, квестор Трибониан был одной из самых привлекательных фигур своего времени. Деятельность этого необычного человека по пересмотру законов империи, устранению несоответствий и противоречий в них и сокращению их огромного количества до разумного объема недаром называют самым значительным достижением, прославившим правление Юстиниана.

Правоведы и сегодня изучают его кодекс, и еще в 1905 году Трибониановы дефиниции употреблялись в законах Баварии и ряда других европейских государств.

Личность этого человека для нас является во многом закрытой, но его выдающиеся интеллектуальные способности очевидны и в доказательствах не нуждаются. До самой своей смерти, последовавшей незадолго до кончины Феодоры, он занимал высокую должность квестора. И похоже, что до самого смертного одра он смаковал прекрасные вина и радовался остроумным апофегматам*, которыми так славился, сохраняя полное бесстра-

шие перед смертью, к которой относился с презрением, свойственным языческой философии, что сидела в нем на деле намного сильнее христианских догматов, которые он лишь номинально почитал.

НАРСЕС

Маленький евнух, мужество которого и умелый подход к главарям партии Синих немало способствовали подавлению восстания, был в значительно большей степени мужчиной, чем многие его физически полноценные современники.

До самой своей кончины Феодора покровительствовала ему, и он отличился, став одним из немногих бесполох, прославившихся как полководцы. Служа в итальянскую кампанию заместителем Велизария, Нарсес, после того как его командир был отозван Юстинианом в Константинополь, довершил разгром остготов. В награду он был назначен экзархом (правителем) Италии.

Но страсть евнуха к деньгам, бывшая его главной слабостью, не оставила его. Кажется, ни у кого из историков не вызывает сомнений то, что он был нечист на руку, и после смерти Юстиниана императрица София повелела Нарсесу вернуться в Константинополь, направив ему оскорбительнейшее послание с советом оставить военное ремесло в удел мужчинам, а самому занять подобающее место на женской половине дворца, ибо дело евнуха — командовать женщинами.

Говорят, Нарсес на это послание заметил: «Я заварю ей тут такую кашу, что ее долго придется расхлебывать». И вместо того, чтобы подчиниться повелению, вступил в сговор с ломбардами, диким племенем, с целью низвергнуть власть императора в Италии. И хотя впоследствии он раскаивался в этом, тем не менее этим шагом он открыл дорогу новому завоеванию Апеннинского полуострова варварами.

Существует легенда, что Нарсеса сожгли на костре в Константинополе, но вряд ли это соответствует действительности. По-видимому, он умер естественной смертью в 573 году в возрасте 95 лет.

ХРИЗОМАЛЛО

О дальнейшей жизни этой куртизанки, наиболее кроткой и благородной из подруг Феодоры, известно мало. Говорят, что однажды императрица, дабы найти подходящего мужа для доче-

ри подруги среди высших придворных, употребила свою власть по отношению к ее избраннику, которым оказался Сатурнин, сын старого Гермогена, церемониймейстера. Об этом случае до нас дошла буквально анекдотическая история, записанная язвительным Прокопием, — дескать, когда Сатурнин стал противиться браку, то Феодора повелела стражникам вздуть его, словно школьника, надерзившего учителю, а после порки посоветовала несговорчивому жениху не быть больше таким дураком. Между прочим, упрямец этому увещеванию внял.

Хризомалло прожила во дворце в качестве подруги и компаньонки императрицы, вероятно, до самой смерти.

ЭКЕБОЛ

История об этом умалчивает, но наместник Киренаики, скорее всего, бежал из своей провинции, как только узнал — вероятно, из послания Каппадокийца — о том, что Феодора оказалась у власти, потому что ей так и не удалось привлечь его к суду за все его злодеяния.

Бежал он, по-видимому, к вандалам, и может статься, что, когда Велизарий разгромил их королевство, его постигла именно та судьба, которой он заслуживал. Если же этого не произошло, то он, пожалуй, трепеща за свою шкуру, скрылся еще где-нибудь подальше, но где — неизвестно. Возможно, он обрел последнее пристанище в пустыне, у диких берберских племен.

МАКЕДОНИЯ

Об авторе провидческого письма Юстиниану в документах эпохи нет больше никаких свидетельств, хотя существование самого письма и его необычные последствия документально подтверждаются. Неизвестно, уцелела ли Македония во время страшного землетрясения, разрушившего Антиохию в 526 году, после того, как Юстиниан и Феодора поженились, но еще прежде, чем они взошли на трон. Сообщают, что в этой одной из величайших в истории цивилизации катастроф погибло до 250 тысяч человек.

ИПАТИЙ

Племянник императора Анастасия, как и брат его Помпей, после подавления мятежа был казнен. После ареста братья утверждали, что их вины в беспорядках никакой нет, и клятвенно

заверяли императора в личной преданности. Но мятеж показал, что они даже помимо собственной воли представляют угрозу для трона уже самим фактом своего существования. А у правителей того времени бытовал обычай: устранять угрозу вместе с ее носителем.

ПРИГОВОР ИСТОРИИ

Взлет Юстиниана по социальной лестнице был колоссален: из крестьянской деревушки в Македонии — до трона императора. Но взлет Феодоры был куда фантастичнее.

Несомненно одно: во всей истории ни одна женщина и ни один мужчина не достигали такого могущества одним-единственным шагом наверх. Дитя блуда, последняя из проституток в худшей из клоак порока тогдашнего мира, принимавшая ради куска хлеба даже объятия рабов, — могло ли человеческое существо пасть ниже? И оттуда, с самого что ни на есть дна, — в правительницы западного мира! Можно ли в это поверить, не случись такое на самом деле?

И все же такие, казалось бы, неразрывно связанные судьбы, как судьбы Феодоры и Юстиниана, служат замечательной иллюстрацией того, как несправедлива и предубеждена бывает история. Мужчина, пусть он и ничего собой не представляет, может быть прозван Великим благодаря случайности, молве, положению и власти. О женщине же судят всегда как о женщине, и что бы она там ни совершила, кем бы ни была, помимо этого всегда имеющего первостепенное значение факта остальное не имеет значения.

Таким образом, единственное прозвание, которого удостоилась в веках великая императрица — «пресловутая Феодора».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 17. Босфор, Пропонтис и Золотой Рог окружали его своими водами... — Константинополь омывают воды Босфорского пролива, бухты, имеющей название Золотой Рог, и Мраморного моря, в античности именовавшегося Пропонтисом, или Пропонтидой.

Стр. 18. Августеон — главная площадь Константинополя времен империи; она примыкала одной стороной к дворцовому комплексу, и на ней находилось здание Сената.

Константин I Великий (ок. 285—337, правил с 306) — римский император; последовательно проводил централизацию государства; поддерживал христианскую Церковь, сохраняя, однако, языческие культы. Принял крещение незадолго до смерти. К лику святых причислен за объявление христианства разрешенной религией и опубликование в 313 году Миланского эдикта о веротерпимости (а вовсе не за сооружение собора Святой Софии, как считает автор).

Стр. 20. Ювенты Алкиноя — т.е. «юноши» (лат.) Алкиноя, одного из царей, известного по греческой мифологии.

Стр. 21. Астарта — в западносемитской мифологии богиня любви и плодородия, богиня-воительница.

Стр. 22. Обол — мелкая медная или бронзовая монета, составлявшая 1/288 византийского золотого солида.

Стр. 23. Отряд воинов-эскувитов, иначе — дворцовых гвардейцев-стражников... — эскувиты, или экскубиты, составляли отряд личной гвардии императора; отряд был образован около 457 года.

Стр. 24. Мрачный фанатик был монофизитом... — то есть последователем христианской ереси, монофизитства, отрицавшей человеческую природу Христа.

Юстин I (годы правления 518—527, ум. в 527) — император Восточной Римской империи, основатель династии; его главной

заслугой явилось временное примирение Западной и Восточной Церквей.

Стр. 25. Пеплум, или пеплос — греческая женская одежда, в основном из шерсти, заколотая на плечах, справа открытая, обычно с поясом.

Пракситель — древнегреческий скульптор второй трети IV века до н.э. Родом из Афин. Мастер изображения богов и людей, представитель поздней классики.

Стр. 31. Так назывались две партии, постоянно враждовавшие на Большом Ипподроме. — Имеются в виду партии венетов и прасинов, о социальной ориентации которых подробно сказано в предисловии к роману.

Стр. 34. Анастасий I (ок. 430—518, правил с 491) — император Восточной Римской империи, узурпатор. Поддерживал интересы землевладельческой аристократии. По религиозным взглядам — монофизит. Подавил ряд народных восстаний, вел войну с персами.

Дидакаллион — учебное заведение, в котором преподавали дидакакалы, учителя духовных и мирских дисциплин.

Стр. 48. Этот принял сок болиголова... — прием концентрированного отвара или настоя травы болиголова в больших дозах может привести к смерти.

Стр. 50. Фидий — великий древнегреческий скульптор периода высокой классики, V века до н.э. Участвовал в реконструкции Акрополя в Афинах.

Стр. 51. Лукиан (ок. 120—ок. 190) — греческий писатель-сатирик, уроженец Малой Азии.

Люстральный налог — изначально *люстрациями* называли в Древнем Риме магические обряды, связанные с очищением от болезней и искуплением грехов. В позднюю эпоху различного рода люстральные налоги формально несли ту же функцию.

Стр. 52. Аспазия (род. ок. 470 до н.э.) — вторая жена Перикла, уроженка Милета, одна из выдающихся женщин Древней Греции; ее незаурядный ум ценили, в частности, последователи Сократа. В ее доме собирались художники, поэты, философы (Фидий, Сократ, Платон, Ксенофонт и др.).

Перикл (ок. 490 — 429 до н.э.) — выдающийся афинский политик, стратег (главнокомандующий), вождь демократической группировки.

Сафо, или Сапфо (род. ок. 650 до н.э.) — древнегреческая поэтесса, уроженка Lesbos.

Стр. 53. Экклезиаст, или Екклезиаст — каноническая книга

Ветхого Завета неизвестного автора, хотя многие богословы приписывают ее царю Соломону.

Префект — одно из высших должностных лиц в империи, заместитель императора в делах гражданского управления; префекты претория со времен Константина Великого осуществляли высшую гражданскую власть в 4 префектурах государства.

Стр. 55. Мирра — ароматическая смола, получаемая подсочкой коры некоторых тропических деревьев; применялась для ароматических курений в религиозных обрядах и в медицине.

Стр. 58. Зенон, или Зинон (годы правления 474—491) — император Восточной Римской империи, изначально вождь племени исавров, ставший начальником малоазиатской армии, а затем — императором.

Стр. 73. Цирцея, или Кирка — в греческой мифологии волшебница с острова Эа, обратившая в свиней спутников Одиссея; в переносном смысле — коварная обольстительница.

...Клитемнестрой, следящей за Агамемноном, Клеопатрой, отправляющей ложное послание Антонию, ставшее причиной его самоубийства, Далилой, обрезающей кудри Самсону... — Клитемнестра была супругой Агамемнона, предводителя ахейцев в войне против Трои. По возвращении домой царь стал жертвой заговора жены и ее любовника Эгисфа. Римский военачальник Марк Антоний после поражения, нанесенного ему Августом, получил сообщение о том, что Клеопатра будто бы покончила жизнь самоубийством, запершись в храме, что оказалось ложью. Ветхозаветный герой-силач Самсон полюбил Далилу, происшедшую из племени филистимлян, враждебных к еврейскому народу. Когда он заснул, Далила отрезала его волосы, в которых таилась его сказочная сила, и позвала филистимлянских воинов, а те ослепили его и заковали в цепи.

Стр. 80. Фибула — застежка или пряжка для скрепления одежды, состоявшая из иглы и скобы.

Квестор — одно из высших должностных лиц, ведавшее законодательной частью власти и назначением чиновников.

Киренаика — область на севере Африки, один из важных культурных и торговых центров Древнего Мира.

Дворец Халк, или Халкэ — одна из двух главных частей дворцового комплекса Константинополя, называвшаяся также «нижним дворцом»; широкой системой галерей дворец Халкэ был соединен с «верхним дворцом», двухэтажным *Дафнеем*, или *Дафнэ*.

Стр. 84. ...не говоря уже о святом Иосифе. — Имеется в виду Иосиф Обручник, супруг Девы Марии.

Стр. 85. Остготы (остроготы, грейтунги) — восточная ветвь германского племени готов. В начале III века жили в причерноморских степях, в бассейне Нижнего Днепра и частично в Крыму. В результате Великого переселения народов и соглашения с императором Зеноном вторглись в Италию, где основали королевство, впоследствии завоеванное Византией (554). Остготы были почти полностью истреблены.

Стр. 86. Стабула — здесь: публичный дом или притон (лат.).

Стр. 88. Дакия — страна фракийского племени даков, располагавшаяся между Дунаем, Тисой, Карпатами и Днестром (приблизительно соответствует территории современной Румынии).

Стр. 105. Ах ты, маленькая софистка! — Софистами в Древней Греции называли учителей философии и красноречия, а также профессиональных ораторов; в ироническом смысле «софистами» называли болтунов, умеющих заморочить собеседнику голову.

Стр. 109. Нереиды — в греческой мифологии женские морские божества, благожелательные к людям и помогающие им в бедствиях.

Стр. 124. Протомендикус — буквально «верховный нищий» (лат.).

Стр. 125. Стола — одежда женщин Древнего Рима, надеваемая поверх туники. Если туника была без рукавов, то стола имела длинные рукава, и наоборот.

Стр. 153. Траян (53—117, правил с 98) — римский император из династии Антонинов. В результате его завоевательных войн империя достигла своих максимальных пределов, и в нее вошли Дакия, Аравия, Великая Армения, Месопотамия.

Стр. 154. Кассий Дион, Коккеян (ок. 160—235) — греческий историк и римский сенатор из Никеи в Вифинии.

Стр. 167. Исавры — горное племя, жившее в южной части Малой Азии. Исаврами по происхождению были византийские императоры Зенон и Лев III (717—741), основатель Исаврийской династии.

Проконсул — должностное лицо, назначавшееся сенатом для осуществления высшей административной, юридической и военной власти в провинциях.

Стр. 182. Берберы — название этой группы североафриканских народов появилось позже, в VII веке. Являлись потомками

древнего населения Северной Африки — ливийцев. Преобладали смуглые, черноволосые расовые типы, однако встречались среди берберов блондины со светлыми глазами.

Стр. 193. Птолеми, Лагиды — царская династия, правившая в Египте в 305—30 годах до н.э. Греческого происхождения. Последним представителем династии была Клеопатра.

Стр. 201. Диоклетиан (243—между 313 и 316) — римский император в 284—305. Провел реформы, стабилизовавшие положение империи. Предпринимал гонения на христиан. Добровольно отказался от власти.

Стр. 202. Филиппика — филиппиками назывались обличительные речи афинского оратора Демосфена (ок.384—322 до н.э.) против македонского царя Филиппа II. В переносном смысле — гневное, обличительное выступление.

Стр. 233. Атрий — закрытый внутренний двор в середине древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения.

Стр. 244. Никейский собор — первый Вселенский Церковный собор, утвердивший основные положения Православия, в том числе и Символ Веры, имел место в Никее в 325 г.

Стр. 245. Ксенофонт (ок. 430—355/354 до н.э.) — греческий писатель, историк и талантливый полководец.

Стр. 250. Кавад I (ум. в 531) — царь персидского государства Сасанидов в 488—496 и 499—531. Вел непримиримую борьбу со знатью и жречеством, в результате чего пережил временное низложение.

Хосров I Ануширван (ум. в 579) — царь Ирана с 531. Его правление — период наивысшего могущества персидского государства Сасанидов.

Стр. 251. Аркадий, Флавий (377—408, правил с 395) — первый император Восточной Римской империи, получивший престол после смерти отца, Феодосия I.

Стр. 254. Тевтоны — древние племена германского происхождения, жившие в нижнем течении Эльбы.

Стр. 270. Диоген Синопский (ок.400 — ок.325 до н.э.) — древнегреческий философ-киник, практиковавший крайний аскетизм, доходивший до эксцентричного юродства.

Стр. 304. Герулы — германское племя, обитавшее первоначально в Северной Европе. Около 500 года, после распада гуннского союза племен, основали на Дунае свое «царство», разгромленное в начале VI века лангобардами.

Гепиды — группа германских племен, родственников готам. В конце IV века вошли в племенной союз гуннов. Во второй по-

ловине VI века покорены соединенными силами лангобардов и аваров.

Авары — кочевой тюркский народ, вторгшийся в середине VI века в Центральную Европу. Принятые Юстинианом, они воевали против дунайских славян и основали в Паннонии свое царство.

Стр. 315. Теодорих (ок. 454—526) — король остготов с 493. При нем остготы основали в Италии свое королевство. Проводил политику сближения остготской и итало-римской знати.

Стр. 324. Логофет — название ряда высших должностей центрального аппарата в Византии. В описываемую эпоху занимались в основном фискальными расчетами.

Стр. 325. Йонические символы — здесь: символы, изображающие женские гениталии.

Ваал, или Балу — в западносемитской мифологии одно из наиболее употребительных прозвищ языческих богов и богов местностей, в позднейшее время стал для монотеистов общим символом мрачного языческого культа.

Стр. 332. Апостолические викарии — заместители римского папы в церковном управлении в провинциях и диоцезах.

Стр. 362. Антонов огонь — гангрена.

Стр. 378. Иезавель — в ветхозаветной традиции коварная царица, преследовавшая пророков.

Стр. 409. Арианец — последователь арианства, еретического движения в христианстве, которое основал Арий (ум. в 336), не признававший божественной природы в Христе.

Стр. 419. Плавт, Тит Макций (ум. в 184 до н.э.) — римский комедиограф.

Апулей (род. ок. 124 н.э.) — римский писатель, софист, автор знаменитого «Золотого осла», своего рода «эротической сказки».

Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н.э.—ок. 18 н.э.) — римский поэт, мастер любовной лирики.

Стр. 421. Самаритяне — в Палестине этническая группа и религиозная секта, отошедшая от иудаизма в VI веке до н.э. Потомки вавилонских колонистов, смешавшихся с местным населением. Для правоверных иудеев и христиан слово «самаритянин» стало синонимом еретика и богохульника.

Стр. 431. Термы Зевскиппа — знаменитые бани Константинополя, располагавшиеся рядом с дворцовым комплексом.

Стр. 493. Император Рима!.. Верховный Понтифик!.. Плебейский Трибун!.. (лат.) — все эти «тителы и чины» взяты в наследство из Древнего Рима. Верховным Понтификом изначально

именовался глава римской коллегии жрецов, а Плебейским Трибуном — лицо, контролировавшее от имени народа Рима деятельность Сената и других должностных лиц.

Стр. 507. Сатурналии — в Древнем Риме ежегодные празднества в честь бога Сатурна, сопровождавшиеся безудержным весельем и попранием общепринятых социальных и общественных норм.

Прокопий Кесарийский (ок. 500—после 562) — византийский историк, открыто прославлявший Юстиниана, однако написавший против него и Феодоры памфлет «Тайная история».

Стр. 510. Юстин II (565—578) — император Восточной Римской империи. Крайне слабый политик и администратор, страдавший душевным расстройством. С его правления начался упадок империи, которая уже никогда более не достигла величия эпохи Юстиниана.

Стр. 513. Апофегматы — краткие остроумные изречения.

Об авторе

Пол Уэллмен (1898—1966) известный американский историк и романист. Детские годы провел в тропической Африке, где его отец работал врачом в миссионерской организации. Получив образование в США, долгое время жил в одной из индейских резерваций. Был репортером в ряде газет, позднее стал сценаристом в Голливуде. Его перу принадлежит около 30 романов, многие из которых отмечены литературными премиями.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Смирнов. Престол для актрисы	7
ФЕОДОРА. Роман	16
Примечания	517
Об авторе	524

Литературно-художественное издание

Пол Уэллмен

ФЕОДОРА

Редактор С. Смирнов

Художественный редактор А. Стариков

Технические редакторы Н. Носова, Е. Кумшаева

Корректор Э. Казанцева

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.02.99.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,7. Уч.-изд. л. 27,7.

Тираж 10 000 экз. Заказ 1471.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Феодора

*Подобно ярчайшей из звезд
взошла на исторический небосклон
легендарная царица Феодора.
Родившись на самом дне Второго
Рима, великого Константинополя,
и получив воспитание среди актеров
и куртизанок, она завоевала сердце
Юстиниана, наследника престола,
и вместе с ним обрела власть
над Византией. В их правление
Империя достигла вершины
могущества, несмотря на
кровавые смуты, укрощенные
лишь благодаря мужеству
и находчивости прекрасной Феодоры.*

8077

20-00

ISBN 5-04-002458-4

9 785040 024582 >